
С. В. Кириков

**ПРОМЫСЛОВЫЕ
ЖИВОТНЫЕ,
ПРИРОДНАЯ СРЕДА
И ЧЕЛОВЕК**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1966

УДК 591.611-330.15-599.9

Ответственный редактор
доктор биологических наук, профессор
А. И. ФОРМОЗОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современное и прошлое состояние богатств животного мира связаны непрерывной цепью событий, вытекавших одно из другого. Огромная роль в этих событиях принадлежит людям.

В наше время хозяйственная деятельность человека становится, по словам В. И. Вернадского (1944), «крупнейшей геологической силой» и люди все решительней стремятся перестраивать область жизни сознательно и планомерно. Правильное использование природных богатств, в том числе и животного мира, становится общенародным делом.

Чтобы понять особенности современного размещения промысловых животных и предугадать возможности их использования в ближайшие годы, недостаточно знать, где обитают эти животные и сколько их. Надо еще знать, где и сколько их было в недавнем прошлом, и почему изменились распространение и численность отдельных видов, и какую роль в этом изменении сыграл человек.

Исторические изменения в животном мире обуславливались рядом причин. Главными из них были две: промысел животных и изменения природных угодий под воздействием человека. Эти факторы определялись перемнами, происходившими в хозяйстве и быте народов, а отчасти и в их политической жизни.

Известный историк С. Б. Веселовский (1963) считал нелишним напомнить еще раз о старой истине, что «никакое глубокомыслие и никакое остроумие не могут возместить незнание фактов». Это замечание справедливо и по отношению к вопросу об исторических изменениях животного мира. Во многих сторонах этого вопроса ясно ощущалась недостаточность фактических материалов.

Я уже неоднократно старался показать, что письменные исторические документы (акты), хранящиеся в архивах, служат главнейшими источниками для познания особенностей размещения промысловых животных в историческое время (Кириков, 1952, 1953, 1955, 1956, 1958, 1959, 1960, 1963). Можно с удовлетворением отметить, что эта мысль постепенно завоевывает все более широкое признание. В «Резолюции Первого всесоюзного совещания по млекопитающим» (1963, стр. 7), состоявшегося в 1962 г., записано, например: «признать необходимым дальнейшее развитие и расширение изучения динамики фауны млекопитающих в доисторический и исторический периоды путем использования результатов археологических раскопок и разного рода документальных архивных материалов». Чаше стали публиковаться и исследования об исторических изменениях животного мира, основанные не только на опубликованных, но и на архивных источниках, и в результате их изучения в научный оборот вошло много новых фактов и обобщений и исправлены многие из высказывавшихся неправоподобных утверждений. Из-за недостаточного знания фактов о прошлом распространении животных, даже такой талантливым натуралист, как М. Н. Богданов, высказал, например, несколько ошибочных утверждений о прошлом распространении промысловых животных. Так, он решительно отрицал, что лось в историческом прошлом встречался на Кавказе, не придавал значения сообщениям о том, что соболь водился раньше в Литве, Белоруссии, в Архангельской и Вологодской областях; утверждал, что если глухарь иногда и попадается в чернолесье, то это не более как случайность; с недоверием относился к тому, что благородный олень водился на Урале и считал, что охота была для кочевников скорее забавой, чем промыслом (Богданов, 1871, 1873, 1874). Ошибочные утверждения такого же рода встречаются и в работах некоторых современных зоологов и зоогеографов. Например, до самого последнего времени некоторые из них утверждали, что норка появилась к востоку от Урала лишь в 70-х годах про-

шлого столетия (Млекопитающие фауны СССР, 1963), другие высказывали сомнения в том, что зубр водился в историческое время на Дону (Соколов, 1959), считали «нелепостью» текст о ловах, изложенный в «Великой ясе» Чингисхана (Верецагин, 1960), вновь повторяли, что соболя не было не только в Белоруссии, но и в северных областях Европейской части нашей страны (Павлюшин, 1963) и т. д.

Настоящая книга посвящена характеристике изменений численности охотничье-промысловых животных и их распространения, происходивших на территории Европейской части Советского Союза, в Сибири и Казахстане (за исключением Джунгарского и Заилийского Алатау), начиная с XIV в. Исследования о распространении рыб (причем только лососевых и осетровых) касаются лишь Европейской территории СССР.

Для освещения изменений, происходивших в период с XIV в. по первую половину XIX в., использованы главным образом архивные источники. Больше всего неизвестных ранее фактов было обнаружено в фондах Центрального государственного архива древних актов и Центрального государственного военно-исторического архива. О распространении и добыче охотничье-промысловых животных в XVII в. наиболее интересные сведения нашлись в фондах Разрядного и Сибирского приказов, а в XVIII и начале XIX в. — в фонде «Экономические примечания» к генеральному межеванию, в Военно-ученом архиве Генерального штаба и в фонде Правительствующего Сената¹. Довольно много новых сведений, касающихся исторических изменений животного мира, найдено и в некоторых других архивных фондах. Подробнее об этом сообщалось ранее (Кириков, 1959, 1963).

Сведения об изменениях, происходивших во второй половине XIX и XX в., почерпнуты преимущественно из опубликованных материалов. Из весьма обширной современной литературы, посвященной распространению промысловых животных в разных частях страны, я отбирал лишь некоторые наиболее показательные и яркие примеры, которые могли бы дать представление о том, насколько изменился облик промысловой фауны во второй половине XIX в. и в первом тридцатилетии XX в. по сравнению с тем, что было в XVII и XVIII вв. и что произошло во втором тридцатилетии XX в., когда условия жизни промысловых животных и воздействие человека на них изменились еще сильнее.

Более подробный анализ современного состояния промысловых животных не входил в задачу настоящего исследования. Распространения животных в предисторическое и раннее историческое время я также не касаюсь. Это предмет особого исследования, относящегося к другому времени и основанного не на письменных источниках, а на иных материалах — главным образом на исследованиях костных остатков, находимых при раскопках древних поселений и стоянок человека², и на изучении настенных изображений животных.

Изменения ареалов и численности охотничье-промысловых животных протекали в разных природных зонах и их крупных частях неодинаково. Они определялись не только различиями природных условий, но и характеристиками для той или иной территории особенностями хозяйства и быта населяющих ее народов. Поэтому перед описанием распространения животных в каком-либо крае дается краткая характеристика состояния природных угодий до коренного преобразования их человеком и изменений, происходивших под его воздействием.

¹ Названия различных архивных исторических документов, а также самих архивов приводятся в тексте в сокращенном виде. Список принятых сокращений помещен в конце книги.

² Археологические сведения о распространении промысловых животных, основанные на исследовании костных остатков в слоях, относящихся к XIV—XVII вв., мною не использованы. Как правило, они совпадали с данными письменных источников.

ИЗМЕНЕНИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОХОТНИЧЬЕ-ПРОМЫСЛОВЫХ ЖИВОТНЫХ В XIV — XX вв.

СЕВЕР ЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР

Под Европейским Севером в настоящей работе понимается тундровый, лесотундровый и таежный Север — территория, протянувшаяся от Кольского полуострова до северо-западной окраины Урала. Таким образом, Европейский Север охватывает почти целиком современные Мурманскую, Архангельскую и Вологодскую области, а также автономные республики Карелия и Коми.

ТУНДРОВЫЙ И ЛЕСОТУНДРОВЫЙ СЕВЕР

XIV — XVII вв.

Исторических сведений о занятиях населения тундры в XIV—XVII вв. немного. В одном из источников, а именно в писцовой книге Пустозерской волости, сказано, что в 1575 г. в этой волости было 144 двора, в которых жило «русаков и пермяков» 282 человека (по-видимому, показаны только взрослые люди, с которых брали оброк. В самом Пустозерске было 52 двора и в волости — 92). На следующий год прибавилось еще 47 дворов с 69 людьми. Но своих угодий и ловищ у них не было, и жили они тем, что занимались к старожилам. Оброк со старожилов был положен в совокупности 80 руб., а с еще не обжившихся, новопробылых — 5 руб. Кроме того, пустозерцы должны были отдавать в казну каждую десятую семгу.

Наряду с русскими и пермяками в Пустозерской волости жило 49 ненец. Жили они в чумах, охотились на зверей в тундрах и притундровых лесах и пасли оленей, принадлежавших пустозерцам. Дань с них была положена 90 белых песцов. Платили дань и приуральские ненцы. С них было положено брать 240 соболей. На морские острова, входившие в Пустозерское воеводство, приходили двиняне, устюжане и пинежане. Они промышляли моржей и должны были отдавать в казну каждый десятый клык от добытых зверей¹.

Население Кольского полуострова также добывало средства существования охотой, рыбной ловлей и зверобойным промыслом. В грамоте Ивана Грозного, пожалованной в 1556 г. Печенскому монастырю, упоминался, кроме того, и «морской вымет», если из моря... «в тех губах (Пазрекской, Печенгской, Мотоцкой, Урской, Лицкой, Навдемской.— С. К.) выкинет морем кита или моржа, или какого иного зверя» (Сборник грамот коллегии экономии, 1929, стр. 440).

¹ ЦГАДА. Фонд 196 (Собрание Мазурина), д. 345, л. 39.

XVIII в. — первая половина XIX в.

Из наземных промысловых животных, населявших тундру, наибольшее значение в XVIII в. имели песцы и северные олени. Среди песцов попадались и голубые, но их было мало и встречались они не везде. Например, на п-ове Канине голубых песцов не было².

Югорские ясачные ненцы, кочевавшие между Печорой и Уралом, сообщили (в 1767 г.) в наказе для Екатеринбургской законодательной комиссии старые сведения о своем быте. К Пустозерскому острогу было приписано 437 ненцев, владевших луком, к Усть-Цылемской слободке — 104 и к Ижемской — 142. В 1707 г. ясачный оклад с пустозерских ненцев был увеличен до трех белых песцов с лука (с человека, умевшего им владеть). Ненцы просили сбавить ясак до одного песца. Кроме песцов и оленей, они добывали лисиц, медведей, гусей, белых куропаток и ловили рыбу, а жившие у морского побережья охотились еще и на моржей.

Морской зверобойный промысел имел большое значение у русских поморов. Жители Кольского полуострова и опежды промышляли морского зверя отчасти на Новой Земле, но больше — на Груманте (о-в Шпицберген); иногда добирались до Гренландии. Мезенцы же ходили на п-ов Канин и на Новую Землю. На Груманте и на о-ве Медвежем поморы добывали моржей, белух, морских зайцев, нерп, лысунов и белых медведей³. По Мурманскому берегу моржей было мало, и здесь добывались главным образом серка, перна, морские зайцы и товьяки. В 40-х годах XIX в. лучшие промыслы морского зверя были около Югорского Шара, где часто попадались стада моржей в несколько сот, а иногда и в несколько тысяч голов (Латкин, 1853).

В море около Груманта и о-ва Медвежьего часто бывали киты. Заходили они во множестве и в Кольский залив. Жители г. Колы ловили их, обметывая веревочными неводами (Озерецковский, 1804). В рыбных промыслах особенно большое значение имела семга. В реках по Мурманскому берегу ее ловили главным образом с весны до Ильина дня (до середины июля), а в реках, впадающих в Белое море, — с августа по октябрь⁴. Гольцов (*Salvelinus* sp.) ловили паредка на Мурманском берегу и помпогу — на Новой Земле. В горах на Груманте промышлялись голубые песцы и олени.

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

Главными занятиями населения в это время были оленеводство, охотничий промысел и рыбная ловля. Оленеводство страдало от сибирской язвы, поразившей стада приблизительно через каждые 10 лет (Мамадышевский, 1910). Много оленей погибало и в зимы с необычно высоким снежным покровом (Латкин, 1853).

Жители тундры охотились за песцами, дикими оленями, горностаями, зайцами, лисицами и волками. Иногда убивали и медведей, заходивших в тундру. Население лесотундры, кроме того, добывало понемногу белок и куниц (Веннамиц, архимандрит, 1855). Добывали они и птицу — гусей, уток и особенно много белых куропаток. В 1925 г. в одном только Усть-Усвином районе было закуплено около 800 тыс. куропаток (Палтелеев, 1926). Численность некоторых видов, особенно зайца-беляка, иногда резко колебалась. В отдельные годы беляков было так много, что один охотник налавливал их до 600—800 штук в год (Латкин, 1853). Очень сильно изменялся и падеж белых куропаток, прикочевывавших в лесотундру на зимовку. В 20-х годах бывали зимы, когда один охотник добывал до 10 тыс.

² ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 558, л. 16.

³ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 561, л. 39.

⁴ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 558.

куропаток (Пантелеев, 1926). В среднем же жители, например, с. Петруль (на р. Усе) ловили в год около 2 тыс. куропаток на человека. Местные жители употребляли мясо куропаток вместо хлеба и на подкорм рогатого скота (Сорокин, 1956; Соловьев, 1927).

Основу рыбного промысла составляла ловля семги (поскольку все крупные реки протекают не только по тундровой, но и по таежной зоне, то о распространении пресноводных и проходных рыб будет сказано далее).

Второе тридцатилетие XX в.

Природные угодья тундры и лесотундры и теперь еще мало изменены людьми, за исключением окрестностей городов и поселков. Поэтому изменения в распространении и численности промысловых животных, происшедшие во втором тридцатилетии XX в., были связаны главным образом с резкими отклонениями от обычного хода сезонных периодических явлений, с инфекционными болезнями, с чрезмерным истреблением животных или, наоборот, с их защитой и охраной.

В рассматриваемое время наибольшее значение в промысле зверей занимал песец. Это побудило исследовать размещение песца с большей обстоятельностью, чем прежде. Оказалось, что в Большеземельской и Малоземельской тундрах находится около 30 тыс. песцовых нор, пригодных для вывода потомства; плотность их размещения уменьшается с севера на юг. На северной окраине тундры, от $69^{\circ}40'$ до 69° , на 1000 га было насчитано 4,7 нор; южнее, между 69 и 68° , — 2,9 нор, и в южных кустарничковых тундрах, между 68 и 67° , — 1,7 нор (Скробов, 1958). Такое размещение объясняется тем, что в северной тундре больше возвышенных, пригодных для норения песца мест и угодий, предпочитаемых леммингами, и меньше его врагов — волков и лисиц (там же). Однако наибольшее число выводков песца приходится на Европейском Севере на среднюю полосу тундры, а не на самую северную (Колосов, Лавров, Наумов, 1961). Некоторое противоречие этих данных объясняется, может быть, тем, что число выводков не вполне пропорционально числу нор.

Известно, что песцы предпринимают большие перекочевки. Особенно большие перекочевки, захватывавшие значительную часть населения песцов, наблюдались в годы, когда их численность была велика, а пищи не хватало. Такими годами в Большеземельской и Малоземельской тундрах были 1937, 1947 и 1956 гг. Десятилетний промежуток между большими перекочевками был отмечен (там же) и в первом тридцатилетии XX в. (1917—1927 гг.).

Численность населения песцов оставалась в рассматриваемый период приблизительно такой же, как и в начале настоящего столетия (Скробов, 1961); в 1956—1958 гг. добыча песцов в Европейской части СССР колебалась от 11 до 19 тыс в год. Ареал же песца за три последних десятилетия несколько уменьшился, и южная граница его норения отступила к северу.

Одновременно с этим происходило продвижение к северу лисицы, выводки ее были обнаружены на самом побережье Баренцева моря. Зимой же лисица стала заходить до берегов Карского моря (там же). Далеко в глубь лесотундры и тундры проник за эти годы и лось. Летом лоси, спасаясь от гнуса, переходят через Большеземельскую и Малоземельскую тундры и выходят к морскому побережью, где ветры отгоняют насекомых. Зимой же сохатые откочевывают в лесотундру и в северную тайгу (Макридин, 1955). Распространение и численность северного оленя продолжали сокращаться. В Канинской, Малоземельской и Большеземельской тундрах северных оленей уже нет, за исключением небольшого участка у Чёской губы (Гештнер, Банников, Насимович, 1961). В лесотундре они сохранились лишь кое-где, например в верхнем течении р. Печи (Колосов, Лавров, Наумов, 1961).

Самой многочисленной из промысловых птиц европейской тундры и лесотундры была белая куропатка. Плотность ее населения велика. В Тиманской тундре весной 1938 г. плотнее всего были заселены участки кочковатой тундры с зарослями ивняка — там встречалось около 30 гнезд на 1 км²; на кочковатой тундре с зарослями ерника насчитывалось около 25 гнезд на 1 км² (Кириков, Михеев, Спангенберг, 1952). Белые куропатки добываются главным образом в тех местах, где они скапливаются зимой при перекочевках. В тундре на п-ове Канине к таким местам относятся, например, долины рек Губистой, Двойника, Костылихи, Жемчужной, а в Тиманской тундре — долины рек Вельпы, Икчи, Великой и Волонги (Михеев, 1948). Особенно же много белых куропаток в зарослях ивняка по долинам р. Усы и р. Печоры.

Численность налетающих зимой белых куропаток колеблется теперь так же сильно, как и в прошлом столетии и в начале XX в. Зимой 1942/43 г., например, в долинах верхнего течения р. Усы и ее притока р. Кось-Ю каждый из жителей, занимавшийся ловлей этих птиц, добывал в среднем около 1000 штук за зиму. Массовое скопление белых куропаток было обнаружено в марте 1948 г. в пойме Печоры (Скробов, 1956). В 50-х же годах численность их резко сократилась. Так, в Архангельской области и в Коми АССР за зиму 1954/55 г. было заготовлено 39 372 белых куропатки (Колосов, Шибанов, 1957) — примерно в 20 раз меньше, чем в одном только Усть-Усинском районе в 1925 г., а в долинах р. Кось-Ю и верхнего течения р. Усы зимой 1959/60 г. их было добыто приблизительно в 10 раз меньше, чем зимой 1942/43 г. Причины такого резкого сокращения численности белых куропаток на Европейском Севере не выяснены. Однако она несомненно восстановится, и добыча белых куропаток сможет быть увеличена в несколько раз по сравнению с зимой 1954/55 г.

Численность других тетеревиных птиц, встречающихся в лесотундре (глухарь, рябчик, тетерев), также резко понизилась в 50-е годы, и теперь их здесь мало.

ТАЕЖНЫЙ СЕВЕР

В историческое время в лесах таежного севера господствовали, по-видимому, те же древесные породы, что и теперь — сосна, ель, береза, по липеницы, кедра, липы и клена было больше. Известно, например, что леса Пинежского уезда (Архангельская губерния), особенно Валдокурской волости, изобиловали лиственницей⁵. Даже в середине XIX в. в этом уезде только под корабельными лиственничными лесами было 108 318 десятин. В те же годы их усиленно вырубали и сплавливали лес в Архангельское адмиралтейство. В верховьях р. Вычегды и ее притоков росли кедровые леса. Об одном из них было известно, что он давал урожай почти ежегодно⁶. Из широколиственных пород шире всего была распространена липа.

В Онежском уезде она встречалась в окрестностях Колодозерского погоста и деревень Кудозеро, Сойма, Наволок, Заболотный След⁷. В Пудожском уезде липы было больше. В примечаниях к генеральному межеванию о ней упоминалось при описании двух лесных дач. Одна из них принадлежала погосту Ченужскому и деревням Керпин Омут, Худой Угол, Сорочье Поле, Вешний Двор, а вторая — погосту Колодозерскому, Отовозерской выстанке и деревням Дубовска, Трабовска, Вирозеро, Низозеро, Табозеро⁸. В некоторых из этих мест липа сохранилась и теперь (личное сообщение Ю. А. Неконов). Раньше она встречалась в лесах таежного Севера не только как примесь, но и как господствующая порода, занимавшая целые

⁵ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 558, стр. 402.

⁶ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 638, л. 4.

⁷ Там же, д. 18 558, стр. 665, 694.

⁸ ЦГАДА. Фонд экономические примечания, Пудожский уезд, д. 41.

участки. В одной из грамот великого князя Василия Ивановича (1517 г.) упоминалось, например, что он пожаловал «лес дикий — старое липовое рamię», находившийся в Вондокурской волости Устюжского уезда⁹. Уже в то время липа сильно вырубалась, и поэтому кое-где пытались ограничить ее истребление. В описании леса, находившегося на одном из островов по Северной Двине, было сказано (1563 г.), что в нем запрещалось драть лыко (Акты Холмогорской и Устюжской епархий, 1894). Местами встречался и клен, в конце XVIII в. он отмечался в лесах Онежского уезда, в окрестностях с. Успенского и деревень Счетин Остров, Минкин Конец, Кумбозерский Тыр-Наволоок, Нямята и ряда других¹⁰.

XIV — XVII вв.

Русская колонизация северных земель началась давно. Устюг Великий был заложен ростовским князем в 1212 г. (Вычегодско-Вымская летопись, 1958). Особенно большие успехи в колонизации были достигнуты Великим Новгородом. В грамоте к великому князю Ярославу Ярославичу Тверскому, посланной в 1263 г., новгородцы, перечисляя свои волости, называли среди них Коло, Вологду, Заволочье, Печору, Пермь, Югру (Древняя Российская Вивлиофика, 1795). Но уже в 1367 г. Дмитрий Донской после войны с Новгородом присоединил к своим владениям земли по Мезени и Печоре (Вычегодско-Вымская летопись, 1958). В 1380 г. зырянский жрец Пап указывал, что зырянскую пушнину Москва отправляет и в Царьград, и «в немцы», и в Литву (Житие святого Стефана..., 1897). Земли по Северной Двине оставались дольше во владении новгородцев, и еще в середине XV в. в новгородских купчих упоминались земли по рекам Солзае, Сюзме и Непоксе.

К концу XV в., когда пал Великий Новгород, русских поселений было больше всего на побережье Белого моря и на землях Кольского, Двинского и Важского уездов (Платонов и Андреев, 1922). К этому же времени русские овладели землями, расположенными в бассейне Печоры. Местное население, жившее в бассейнах Вычегды, Удоры (Вашки) и Сысолы жаловалось в 1485 г., что люди Пермского владыки отнимают их дедины и отчины (Документы по истории Коми, 1958).

О занятиях населения таежного Севера сведений сохранилось довольно много.

Русские люди, переселившись на Север, заводили там, где это было возможно, пашни, для чего приходилось предварительно вырубать леса. Но пахотных земель было в XIV—XVII вв. мало. В 1315 г., например, новгородский посадник Своеземцев купил обширные земли Шенкурского погоста за 20 тыс. белок. Переселившиеся сюда новгородцы стали заниматься земледелием в Важской десятине¹¹. Эта десятина, впоследствии переименованная в Важский уезд (в 1780 г. он был разделен на две округа, Шенкурскую и Вельскую) занимала бассейн Ваги и бассейны Шенги, Кадемы, Нянды, Вагги и ряда других рек. С 1315 по 1700 г. в этой местности было распахано около 13 тыс. десятин (Глинка, 1827). Мало использовались под пашни и земли, расположенные в бассейнах Вымы и Вычегды. В 1585—1586 гг. здесь было распахано около 2 тыс. десятин (ржи высевалось одна четверть, т. е. 9 пудов на десятину). На южной окраине таежного Севера условия для земледелия были более благоприятными. Известно, что пудожские крестьяне в XVIII в. занимались главным образом хлебопашеством и что крестьяне южных волостей Велико-Устюжского уезда доставляли зерно в Устюг Великий, бывший в то время важным хлебным рынком Севера (Шайжин, 1906; Тихонов, 1952).

⁹ Там же. Фонд Строгановых (фонд 1278), оп. 14, д. 1, л. 1.

¹⁰ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 558, стр. 665 и 694.

¹¹ Эта десятина входила в заонежскую половину Обонежской пятины.

Сенокосы располагались преимущественно в поймах рек или же на местах, расчищенных из-под леса («лешие пожни»). Лесных лугов было мало; поэтому в старинных актах иногда упоминаются «деревни худые, бессешные» (Шляпин, 1913).

В целом возможности для развития земледелия на таежном Севере были ограниченными. Добыча же зверя, рыбы и птицы имела большое значение в жизни местного населения, и об этом свидетельствуют многие исторические источники.

Мы уже отмечали, что самую краткую и выразительную характеристику крестьянского труда на юго-западной окраине таежного Севера (Белозерский уезд) дали сами крестьяне. «Мы, господине, — говорили крестьяне на суде, — по тем лесом и путики держали, и ловища ставили, и лесы рассекали, и пашни пахали» (Кириков, 1960, стр. 26). В новгородских купчих XV в. перечислялись не только пахотные земли, но и «полешии лесы» (охотничьи угодья), рыбные и звериные ловища, перевесища и путики. Важное значение охотничьего промысла видно также из того, что угодья покупались в XV в. главным образом за шкурки белок, заменявших деньги. «Земля и вода», пожни, рыбные и бобровые ловища и другие угодья на Корельском наволоке по р. Кудме были куплены, например, за 2 тыс. белок. В другом месте двор, пахотная земля, пожни и ловища были шроданы за 30 сороков белок, добавкой к которым была корова (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949, стр. 185, 189). В исторических актах XV в. указана и денежная стоимость белок — «по сту белки за рубль» (Акты юридические, 1838, стр. 117).

Торговля пушниной занимала важное место в хозяйстве Великого Новгорода и Москвы. Пушнину с таежного Севера они получали или в виде оброка с крестьян, или как дань с покоренных народов. В писцовой книге Оболенской пятины 1496 г. отмечено, например, что в Федоровской волости насчитывалось 91 деревня с 93 дворами, в которых жило 168 человек. Оброк (земельная мера) в этой волости было 103. Из них с 83 крестьяне должны были платить «шоловы ис хлеба до 320 бел[ок] да 3 барана», а с 16 оброк оброк брался целиком белками — 405 штук. С одной из волостей Вытегорского погоста (лист писцовой книги с названием волости утрачен), где было 59 деревень, 79 дворов и 146 человек, крестьяне сдавали 1309 беличьих шкурок, да за рыбную ловлю еще два сорока белок. В Марфинской волости Никольского погоста (бассейн Ошты, входящей в Оболенское озеро) входило 214 деревень, 247 дворов и 482 человека. Они должны были платить 3094 беличьих шкурки и деньгами 2 руб. 10 гривен, 14 денег, 11,5 коробей ржи и 21 коробей овса и т. д. (Писцовые книги Оболенской пятины, 1930).

Большая часть зверей и птиц добывалась, по-видимому, самоловами. В начале XVIII в. многие крестьяне Яренского уезда¹², занимавшиеся охотничьим промыслом, имели разнообразные самоловные снасти — слопцы, слопки, планки, перевесы. У десяти промысловых охотников этого уезда, живших в погосте Важгорте, было 260 слопцов и 150 горностайных планшек, а у шести охотников из д. Пучком — 100 слопцов, 60 горностайных планшек и шесть перевесов (Акты времени правления царя Василия Шуйского, 1914). В Сысольской земле в 1585—1586 гг. насчитывалось 1065 слопцов и 35 перевесов (Очерки по истории Коми АССР, 1955).

Из пушных зверей, добывавшихся в таежных лесах Севера в XV—XVII вв., наибольшее значение имели соболь, белка и бобр. В конце XV в. с жителей Вытегодской, Вымской, Удорской и Сысольской земель и с Ужгонских волостных угодий брали государеву дань пушниной «за соболи и за белку, и за бобровые гопы, и за рыбную ловлю и за кречатьи садбища».

¹² Этот уезд занимал огромную территорию — от бассейна р. Удоры (Вашки) на западе до бассейна р. Вычегды на востоке.

Дань исчислялась в соболях — по соболю с лука, причем оговаривалось: «а не будет соболь, ино за соболь четыре гривны» (Документы по истории Коми, 1958, стр. 244). Всего с этих земель по грамоте Ивана III (1485 г.) дань исчислялась в 438 соболей с Вычегодской земли, в 367 соболей — с Вымской земли и отдельно в 46 соболей — с Вишеры, входившей в Вымскую землю. С Удорской земли взимался оклад 228 соболей, с Сысольской — 536 соболей и с Ужговских угодий — 92 соболя. Оброк за промысел на соболя брался в начале XVII в. и с крестьян Яренского уезда, охотившихся в лесах, расположенных от р. Удоры и верховьев р. Мезени на западе до верховья р. Вычегды и р. Вишеры на востоке (Акты времени правления царя Василия Шуйского, 1914). К концу XVII в. в тайге между р. Удорой и р. Печорой соболей стало меньше и они добывались главным образом в лесах по р. Сыsole и в верховьях р. Вычегды и назывались запольскими или сысольскими соболями (Макаров, 1945).

Известно также, что в Усть-Цыльме и Усть-Ижме существовали таможи, где собирали десятинную пошлину с пушнины, провозившейся промышленными и торговыми людьми. Провоз в некоторые годы был довольно большим. За 1620 г., например, в Ижемской слободке десятая пошлина составила 115 соболей¹³. (Следовательно было провезено 1150 соболей.) Но значительная часть этой пушнины привозилась из северной части Сибири. Если у торговых людей сумы и мешки с пушниной были запечатаны сибирской «глухой печатью», то таможенники (даже пустозерский воевода) не смели распечатать их без государева указа. В противном случае таможенники брали десятину и пошлину (ДАИ, 1848).

Соболи добывались изредка и на западной окраине таежного Севера, в пределах Московской Лапландии. Ламартиньер, путешествовавший там в 1653 г., видел среди пушнины, показанной ему местными жителями, шкурки не только лисид и белок, но и соболей. Однако соболи показались ему не такими хорошими, как те, что добывались в Припечорье, на землях «самоедов» или в Сибири (Ламартиньер, 1912).

Другим очень ценным промысловым зверем был бобр, и поэтому бобровые гоны выделялись особо из звериных ловищ. В новгородских купчих, в грамотах Кольского, Двинского, Кеврольского, Мезенского и Важского уездов и в других исторических актах, относящихся к XV—XVI вв., бобровые ловища упоминались на реках Пазреке, Китовавке (Кутовой), Лице, Уре, Лавне, Туломе, Териберке, Вороньей, Сюзме, Неноксе, Солзе, Удоре (Валке), Ижме и их притоках. Били бобров и в Усть-Цылемской волости. В лицевой книге Яренского уезда, составленной в 1608 г., оброк за бобровые гоны отмечен во многих погостах и деревнях, угодья которых были расположены по рекам Вычегде, Вишере, Нишере, Колве, Выми, Сыsole, в верховьях Мезени, по Удоре и многим другим рекам (Акты времени правления царя Василия Шуйского, 1914). В XVII в. во многих местах таежного Севера бобровые ловли сильно оскудели, и поэтому сольвычегодские власти доносили в 1641 г. в Москву, что бобровых промыслов в этом уезде уже нет (Макаров, 1945). Но в более глухих местах бобры еще сохранились. В 1621 г., например, в таможе Усть-Цылемской слободки было взято в счет таможенной пошлины шесть бобров¹⁴; следовательно, провозилось 60 бобров.

XVIII в. — первая половина XIX в.

Для понимания особенностей размещения промысловых животных важно знать соотношение земельных угодий и плотность людского населения. Довольно точные сведения об этом появились впервые в конце XVIII в.,

¹³ ЦГАДА. Фонд Городовые книги, опись 274, кн. 14, 1621 г., л. 503.

¹⁴ ЦГАДА. Фонд Городовые книги, кн. 14, л. 502а.

когда производилось генеральное межевание в Олонецкой и Вологодской губерниях; в Архангельской губернии межевание было проведено только в Шенкурском уезде (табл. 1).

Таблица 1

Плотность населения (человек на 1 кв версту) и соотношения земельных угодий (% на Европейском Севере)*

Уезд	Год генерального межевания	№ дела	Плотность населения	Земельные угодья				
				общая площадь, десятины	лес	пашни и приусадебные земли	сенокосы	неудобные земли
Олонецкая губерния								
Кемский	1807	18	0,2	3 742 620	82,7	0,2	0,1	17,0
Повенецкий	1789	37	0,6	4 282 579	73,2	2,2	0,5	24,1
Петрозаводский . . .	1789	34	3,5	1 285 990	82,8	2,2	0,6	14,4
Олонецкий	1789	30	4,2	567 050	82,5	4,3	1,8	11,4
Пудожский	1791	42	1,3	1 716 221	91,0	1,3	0,3	7,4
Каргопольский . . .	1788	10	2,5	2 056 668	89,0	4,3	1,4	5,3
Вологодская губерния								
Вельский	1782—1796	16	2,8	2 114 962	92,1	3,5	1,4	3,0
Соль-Вычегодский	1782—1796	81	2,5	855 453	91,1	3,0	3,0	2,9
Усть-Сысольский	1782—1796	99	0,2	13 163 853	96,2	0,1	0,3	3,4
Велико-Устюжский	1782—1796	8	3,6	1 445 055	92,4	3,9	1,7	2,0
Грязовецкий	1782—1796	34	9,2	673 376	73,4	17,4	4,9	4,3
Кадниковский	1782—1796	43	10,4	980 330	78,1	10,4	4,5	7,0
Вологодский	1782—1796	26	19,7	347 668	58,3	28,0	9,7	4,0

* В этой и других аналогичных таблицах плотность населения и процентное соотношение земельных угодий вычислены по материалам «Экономических примечаний» к генеральному межеванию. В нескольких оговоренных случаях использованы другие фонды Центрального государственного архива древних актов и материалы Военно-ученого архива Генерального штаба. Данные приведены только по тем уездам, по которым были указаны площади земельных угодий.

Данные о количестве пахотных земель, приведенные в табл. 1, и сведения, помещенные в «Атласе Архангельской губернии», показывают, что и в XVIII в. земледелие на таежном Севере развивалось медленно и не повсеместно. По данным, относящимся к самому концу этого столетия, хлебопашество было «безуспешно и маловажно» на всей огромной территории Мезенского уезда¹⁵, простиравшегося от нижнего течения р. Кулон и р. Удоры на западе до рек Салевы, Нарги, верховьев р. Усы и нижнего течения р. Кожима на востоке. Русские крестьяне, жившие в Усть-Цылемской и Ижемской слободках, сеяли только ячмень и рожь. В наказе Екатеринбургской законодательной комиссии они сообщали, что часто бывает недород и в некоторые годы (например, в 1765 г.) ячмень побивает морозом. В Ижемском уезде земледелие было более успешным¹⁶. Здесь сеяли не только ячмень, но и рожь. Как уже упоминалось, ржи высевали четверть (9 пудов) на десятину, а урожай ее бывал обычно сам шесть. Ячменя высевалось в два раза больше, и урожай бывал сам семь. Почти повсюду, где в то время занимались земледелием, хлеб сеяли по возвышенным местам, где реже бывали заморозки. На пониженных участках хлеб вымокал и почти каждый год побивался заморозками, нередко уже в июле.

¹⁵ ЦГИА. Фонд ВУА, д. 18 558 (Атлас Архангельской губ.), л. 10.

¹⁶ ЦГИА. Фонд ВУА, д. 18 558 (Атлас Архангельской губ.), л. 10.

В XVIII в. северные леса, особенно в западной части Архангельской губернии, стали усиленно вырубаться. Несмотря на то что таежный Север изобилует лесом, уже в 1802 г. отмечалось, что «изобилие рождает расточение» и что в Архангельской округе самый хороший строевой лес был уже почти истреблен (Пошман, 1866). Но во многих других районах, расположенных восточнее и южнее Архангельского уезда, строевой лес был обильн, а местами, особенно в Пинежском уезде Архангельской области и в Никольском и Усть-Сысольском районах Вологодской области, нередко встречались строевые и матчовые леса.

Охота, рыболовство и зверобойный промысел составляли в XVIII в. основное занятие многих жителей Северного края. В таежных местностях наибольшее значение имела охота на пушных зверей. Сбыв пушнину, охотники покупали хлеб и другие товары и уплачивали налоги и подати. В Вишерской земле у каждого охотника были свои промысловые угодья, где он прокладывал путики и ставил самоловы. Там строились охотничьи избышки и лабазы для хранения добычи и припасов (Жеребцов и Лашук, 1958), как и в других местах таежного Севера.

Среди пушных зверей, добывавшихся охотниками, наибольшее значение приобрела белка. При описании Усть-Сысольского уезда сообщалось, например, что главное занятие жителей этого уезда — звериные промыслы, особенно охота на белок и что их в конце столетия добывалось около 300 тыс. штук. О жителях Шенкурского уезда Архангельской губернии сказано, что они также «особливо стреляют белку и птицу»¹⁷. Усть-Цылемские и ижемские ненцы, жившие в северной тайге и в лесотундре, платили ясак белками (по пятнадцати белок с человека), или горностаями (по четыре зверька с человека). Этот ясак был им не в тягость, и в наказе для Екатерининской законодательной комиссии они заявляли, что согласны платить его и впредь.

Лесные куницы, горностаи, ласки отмечены во всех уездах и во многих местах, но о колонке нигде не упомянуто. В то же время такой редкий зверек в восточной части этого края, как хорь, водился в трех земельных дачах Усть-Сысольского уезда. Одна из них принадлежала с. Визенскому и окрестным деревням и была расположена по р. Визенге близ впадения ее в р. Сысолу; вторая дача находилась при слиянии р. Нишеры и р. Вишеры и принадлежала с. Вишерскому (Богородскому), третья — располагалась по р. Печоре и принадлежала с. Печорскому¹⁸. В Олонецкой губернии хорьки отмечались в Олонецком и Петрозаводском уездах; в Олонецком — в угодьях Коткозерского погоста и деревень Ланишлахты, Тарлахты, Вагчупла, Конезеро, Мачезеро, Вехко, Селга и ряда других¹⁹, а в Петрозаводском — в дачах Святозерского и Чепряженского погостов и окрестных деревень²⁰. Соболей же в Северном крае к концу XVIII в. оставалось очень мало и лишь кое-где. Ф. Д. Плеске (1887) считал, например, что соболи изредка встречались в Лалландии.

Из крупных и средней величины хищников в таежных местностях водились медведи, лисицы, волки, реже встречались россомахи и рыси. В «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию Петрозаводского, Пудожского и Каргапольского уездов Олонецкой губернии о россомахе не упоминалось. Нет ее и в списке зверей, населявших в конце XVIII в. Вологодский, Холмогорский, Шенкурский и Онежский уезды. Из копытных наиболее редкой была косуля. Она была распространена только на юго-западной окраине Карелии, в лесных дачах Святозерского, Чепряженского и Самозерского погостов, выставок Кондопожской, Великогубской, Козмозер-

¹⁷ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18646, л. 103, 122.

¹⁸ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Усть-Сысольский уезд, д. 96, л. 20, 56, 59.

¹⁹ Там же. Олонецкий уезд, д. 29, л. 11.

²⁰ Там же. Петрозаводский уезд, д. 33, л. 32.

ской, Лижимской, Личностровской и деревень Чарноволок, Бородин наволоок, Лахта, Плоскозеро, Важинская пристань, Рых-Селга, Кудозеро-Селга, Оспозеро, Нивозеро, Рахин наволоок и др.²¹

Северных оленей было особенно много в тундре, а также во многих местах на таежном Севере. Так, в Кемском уезде Олонецкой губернии олени отмечены в огромной лесной даче (1366 тыс. десятин), в пределах которой были расположены деревни Подужемья, Летняя, Маслозеро, Пезозеро, Рогозеро, Бомпозеро, Пухозеро, Логгуба, Ламба Губа, а также — в угодьях д. Корелаклии и погостов Туярецкого, Шуярецкого, Панозерского и Паденского и многих деревень, группировавшихся вокруг этих погостов. В Повенецком уезде олени заселяли угодья Сум-Острова, Выгозерского погоста и деревень Зубова Гора, Габ-Наволоок, Карасозеро, Кулозеро, а также деревень Тихвинский Бор, Волозеро, Нелмозеро, Кабозеро²². Олени встречались также на городской выгонной земле и на землях Шижинской, Вирмоцкой, Пюхойской, Калежемской и Назвоицкой волостей. Северные олени были обычны и в Петрозаводском уезде — в угодьях Шуйского, Остречинского, Святозерского, Чепряженского и Сализерского погостов, Видалской, Деревенской, Ялгубинской, Шелтозерской и других выставок, а также на землях ряда деревень, группировавшихся в окрестностях этих погостов. В двух крупных лесных дачах северные олени отмечены вместе с косулями. В Каргонольском уезде северные олени заселяли казенные оброчные угодья по р. Свенте и вокруг оз. Туниковского, а также угодья с. Павловского и с. Златоустовского и окрестных деревень. Кроме того, они встречались еще в пяти крупных лесных дачах. В Пудожском уезде олени водились только в даче Колодецкого погоста и соседних выставок и деревень и в даче с. Успенского и с. Егорьевского²³. В Олонецком уезде их не было.

В Архангельской губернии северные олени отмечены во всех уездах. Они были обычны и в большей части уездов Вологодской губернии, особенно в Велико-Устюжском, Яренском и Усть-Сысольском. В Тотемском уезде олени встречались преимущественно по болотам или же появлялись «набегом». В Вологодском, Кадниковском и Грязовецком уездах олени не отмечены.

Лоси, судя по источникам, относящимся к последней четверти XVIII в., встречались гораздо реже, чем северные олени. Ни в одном из уездов Архангельской губернии, в которую входил в то время и Кольский уезд, они не отмечены. Не упомянуто о лосях и в описаниях большей части уездов Олонецкой губернии. Лишь в Петрозаводском уезде лоси встречались в тех же лесных дачах, где и северные олени. В Вологодской губернии они встречались в Вологодском и Никольском уездах.

Из промысловых зверей, жизнь которых связана с водой, больше всего сократилась численность и распространение бобра. В XVIII в. они еще сохранялись кое-где в Кольском (Попман, 1866), Архангельском и Мезенском уездах²⁴, но указаний на то, в каких именно местах они водились, нет. Более определенные сведения о распространении бобров в Велико-Устюжском уезде Вологодской губернии, в казенной лесной даче (площадь 695 850 десятин), где протекали реки Удима, Вангодница, Вологдница, Малая Ратчина, Устюг, Сулонга, Илеза, Кизма и Вонжа²⁵. В 1752 г. через Верхотурскую таможню из России в Сибирь было отправлено 1440 шкурок зырянских бобров. Кроме того, через эту же таможню была провезена сме-

²¹ ЦГАДА, Петрозаводский уезд, д. 33, л. 32, 34, 41.

²² ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Кемский уезд, л. 14, л. 16, 22, 24, 28, 45; Повенецкий уезд, д. 36, л. 2, 5, 15, 16, 17.

²³ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Петрозаводский уезд, д. 33, л. 22, 32, 34, 43; Каргонольский уезд, д. 8, л. 10, 38, 39, 69, 95, 120, 130; Пудожский уезд, д. 41, л. 12, 14.

²⁴ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 646, л. 121, 138.

²⁵ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Велико-Устюжский уезд, д. 5.

шанная партия из зырянских и украинских бобров (179 штук)²⁶. Эти сведения позволяют заключить, что в XVIII в. на земле коми (зыряя) добывалось еще довольно много этого зверя.

Из лесных птиц добывались главным образом рябчики и глухари. Герц Пинежского уезда — два рябчика на золотом поле — указывал, что в этом уезде «находится наилучшая и отменней величины сего рода дичина»²⁷.

В прошлом, как и теперь, численность промысловых рыб, зверей и птиц сильно колебалась, и наряду с обильными годами были годы, когда она резко падала. В наказах крестьян Кольского уезда, составившихся в 1767 г. для Екатерининской законодательной комиссии 1767 г., особо отмечалось, что семужьих промыслов нет уже 5 лет, а сельдяные, хотя и есть, но плохие. А белок уже несколько лет так мало, что их «и на земле не видали». Те же жалобы шли из Кандалякши и из Керетской волости, где уладок рыбных и звериных промыслов повлек за собой «всеконечную нищету и скудость» и «безмерный великий глад» (Материалы Екатерининской законодательной комиссии, 1907, стр. 30—36). Русские крестьяне, жившие в Усть-Цылемской и Ижемской слободах, также жаловались, что зверей и рыб стало мало. Жалобы на уменьшение численности белок, куниц, лисец, горностаев и зайцев встречаются в наказах крестьян Введенской волости Устюжского уезда (Вологодская губерния), а также Вишерской и Подгорной волостей Яренского уезда (Вологодская губерния). Вишерцы отметили и год (1763), с которого началось уменьшение численности этих зверей (там же).

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

В XIX в. среда жизни промысловых животных продолжала изменяться в том же направлении, которое ясно намечилось в XVIII в., но гораздо сильнее, чем раньше. Пашни стало значительно больше, особенно в южной части таежного Севера, а лесов — меньше. В Олонецкой губернии, например, лесистость в 90-х годах XVIII в. составляла 71%, а к 1894 г. уменьшилась до 63,4% (Ильин, 1900). Особенно усиленно вырубался крупный старый лес. Наибольший урон был нанесен корабельным лиственничным лесам Пинежского уезда.

В связи с постройкой лесопильных заводов на Северной Двине и Мезени и вывозом леса за границу вырубка лесов еще более усилилась. Старые леса сменялись молодняками. Места сплошных рубок и гарей нередко заболочивались. В 40-х годах XIX в. множество сосновых, лиственничных и еловых лесов по берегам Вычегды, Сысолы и Печоры было истреблено пожарами (Латкин, 1853). Населенность таежного Севера возрастала, особенно в южных уездах (табл. 2).

Изменение угодий, рост населения и все усиливавшийся промысел отразились на размещении и численности промысловых животных, и прежде всего на наиболее ценных — бобре и соболе. В 1834 г. два соболя были добыты в Кемском уезде Олонецкой губернии и четырнадцать соболей — в Холмогорском уезде Архангельской губернии (Делер, 1835). Спустя 10 лет, при описании Архангельской губернской выставки, было отмечено, что соболь в этой губернии очень редок и что он сохранился, да и то очень малочислен, только в Мезенском уезде. В середине XIX в. соболей изредка добывали в лесах по р. Удоре (Вашке) и р. Печоре (Михайлов, 1851). Дальше всего соболи оставались в лесах Усть-Сысольского уезда, где еще в 1869—1871 гг. их добывалось от 10 до 20 штук в год (Арсеньев, 1873). По-видимому, это были последние сообщения в XIX в. о добыче соболей на Архангельском Севере и на земле Коми.

²⁶ Там же. Фонд Сибирский приказ, опись 2, д. 41, л. 10.

²⁷ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 558, ч. 2, л. 351.

Во второй половине XIX в. были окончательно истреблены и бобры. Последние известия о добыче бобров на Архангельском Севере относятся к 30-м годам: в 1834 г. три бобра были добыты в Холмогорском уезде (Делер, 1835). В самом начале этого столетия бобров изредка ловили около с. Вотче, находившегося в 50 км от г. Усть-Сысольска (Михайлов, 1851). На земле Коми бобров добывали и позже, в 60-х годах, но где именно точных сведений не сообщалось (Сяльскийкий, 1862). В списки зверей, добытых в Усть-Сысольском уезде в 1869—1871 гг. и в промысловый сезон 1874/75 г., бобры уже не внесены.

Таблица 2

*Плотность населения (число человек на 1 кв. версту) в Вологодской губернии в начале 40-х годов XIX в.**

Уезд	Площадь, кв. верст	Число жителей	Плотность населения
Соль-Вычегодский	35620	69538	1,9
Яренский	53395	27503	0,5
Усть-Сысольский	137395	49870	0,4
Вельский	24664	82015	3,3
Тотемский	20198	71417	3,5
Велико-Устюжский	18601	80595	4,3
Гризовецкий	6474	70135	10,8
Кадниковский	9426	90459	9,6
Никольский	29347	84936	2,9
Вологодский	3343	107971	32,3

* По данным С. Корсакова (1841)

Под влиянием чрезмерного промысла сокращалось также распространение и численность копытных. Косуля была полностью истреблена, и в конце XIX в. сообщалось, что она совсем не заходит в Олонецкую губернию (Ильин, 1900)²⁸. Было замечено, что в 70-х годах в юго-восточной части Олонецкой губернии северных оленей стало значительно меньше, чем их было в 50-х годах, когда два-три охотника в один день убивали их десятками (Поляков, 1873). О том, что северных оленей стало меньше, сообщалось и из Прионежья (Иванов, 1876). Хотя оленей стало заметно меньше, но в Олонецкой губернии они все же еще были распространены до самых южных уездов. В 60-х годах, например, они встречались в болотистых местах по всему Пудожскому уезду. (Памятная книжка., 1866). В эти же годы олени попадались («в посредственном количестве») и в Каргопольском уезде (Из Каргопольского уезда, 1867, стр. 78). В более северных частях Карелии они собирались зимой в стада еще в конце XIX в., и оленчани охотились на них, преследуя на лыжах (Ильин, 1900). Уменьшилось поголовье северных оленей и на Архангельском и Вологодском Севере и на земле Коми. В Пинежском уезде в 60-х годах добывалось в год около 400 оленей. В лесах по р. Удоре и ее притокам в 70-х годах их добывали редко и с трудом, так как численность их сильно сократилась из-за огромных лесных пожаров (Иваненко, 1878). В самом конце XIX в. оленей на Архангельском Севере и на земле Коми было все же больше, чем в Олонецкой губернии (Силаптьев, 1898).

²⁸ В Олонецкую губернию в конце XIX в. входила не только современная Карелия, но и северная часть современной Ленинградской области (Лодейнопольский и Вытегорский уезды).

Состояние лосиного стада на Севере было иным. В 40-х годах XIX в. в северодвинской и печорской тайге сохатые стали обычны, в то время как в источниках второй половины XVIII в. о них не упоминалось. В описании Архангельской губернии, составленном в 1845 г., уже сказано, что лосей было много (Пушкарев, 1845). Но это утверждение, по-видимому, справедливо лишь по отношению к некоторым местам. При описании охотничьего промысла в Пинежском уезде сохатые не упоминались (Чернышев, 1862). В «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию Шенкурского уезда сохатые показаны как обычные звери в Важских волостях, принадлежавших Удельному ведомству²⁹, но в других волостях они не отмечены. В окрестностях с. Пыса Мезенского уезда лось попадался лишь изредка (Сельская летопись., 1854). В лесах по р. Удоре и ее притокам сохатых в 70-х годах водилось, как и оленей, очень мало (Иваненко, 1878). На земле Коми в 60-х годах охота на лосей была как бы побочной, главной же была охота на пушного зверя. Сохатых здесь ловили в «загороды», устраивавшиеся главным образом в борах, где было много ягеля. Загороды устраивали на протяжении примерно 20 верст, оставляя через каждые 20 сажень проход, в котором копали продолговатую яму глубиной около 3 м, а на дне ямы вбивали острые колья, затем яму маскировали (Сияльский, 1862).

Во второй половине XIX в. наибольшее значение в охотничьем промысле таежного Севера имели белка и рябчик (табл. 3).

Данные, приведенные в табл. 3, отражают лишь ту часть добычи, которая была показана в отчетах, т. е. число тех зверей и птиц, которые поступали в продажу. Колытные звери использовались главным образом самими охотниками и сведения о том, сколько их добывалось, или отсутствуют, или очень преуменьшены.

Численность промышлявшихся животных, особенно белки, сильно колебалась по годам. Например, в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии добывалось от 60 до 480 тыс. белок в год; в Мезенском уезде Архангельской губернии в 1900 г. было добыто 40 189 штук, а в 1901 г. — только 14 295 (Житков, 1904). В таежном Припечорье белка заселяла наиболее плотно кедровые леса. При хорошем урожае орешков она жила здесь круглый год, а при плохом переселялась в другие места (Арсеньев, 1873).

Право на охотничьи угодья на земле Коми устанавливалось со времени прихода на них охотника, прокладки путика и постройки охотничьих избушек, которые ставились приблизительно в 5 верстах одна от другой. Угодья с путиком и избушками наследовались из поколения в поколение (Иваненко, 1878; Соловьев, 1927в).

Кроме охотничьего промысла важное значение в жизни местного населения имел промысел рыбы, особенно семги. Было замечено, что в некоторых северных реках (Вычегде, Удоре и др.) семга почти перестала и промысел ее прекратился. На р. Удоре и ее притоках она исчезла после того, как куеиц Русанов стал рубить и сплачивать лес. Поэтому местные жители говорили, что «семга ушла с русановским лесом» (Иваненко, 1878). Уменьшение уловов на р. Восточная Лица местные рыбаки объясняли загрязнением реки головами и внутренностями семги (Книпович, 1897). На Печоре уловы семги, по-видимому, не уменьшились. В 1839 — 1842 гг. из Пустозерска было отправлено от 10 до 13 тыс. штук этой рыбы (примерно от 3 до 5 тыс. пудов). Пятьдесят лет спустя из Пустозерской волости вывозили в год от 2 до 5 тыс. пудов семги (Латкин, 1853; Книпович, 1897). В начале XIX в. в Вычегде и Северной Двине появилась и прижилась стерлядь, зашедшая сюда из бассейнов Камы или Шексны (Латкин, 1853; Базилевский, 1863). Заходили единично и другие виды осетровых. В 1880 г. в Северной Двине был пойман, например, шип.

²⁹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Шенкурский уезд, д. 1.

Число зверей и птиц, поступивших в продажу на мяжном Севере*

Уезд	Год	Волны	Куньки	Горностаи	Лисицы	Зюны	Посомахи	Медведи	Зайцы	Длинные олевы	Грибники	Кислые куро-патки	Дегерева	Источник
Архангельская губерния														
Онежский	1847—1851 (в среднем за год)	—	64	—	45	—	—	5	66	75	14 167	—	—	Паромов, 1856
Холмогорский	1850	7050	21	—	10	—	—	2	640	—	15 820	1256**	5470	Базилевский, 1863
Шенкурский	1818	12 140	49	—	42	17	2	32	4965	—	21 646	2235	3322	Статистическое описание Шенкурского уезда, 1863
Пилежский	1840	—	—	—	—	—	—	—	—	—	85 000	12500	6000	Заринский, 1865
	1848—1852 (в среднем за год)	74 039	16	—	18	—	1	12	253	70	—	—	—	То же
Мезенский	1900	62 000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Житков, 1904
	1900	40 189	60	—	91	—	21	10	—	—	—	—	—	То же
	1901	14 295	—	—	—	—	—	—	—	—	24 000	4000	9000	То же
Вологодская губерния														
Усть-Сысольский	1859	60 000	—	—	—	—	—	—	—	—	70 000	—	—	Сияльский, 1862
	1869	390 000	170	12	132	—	50	92	10 100	—	196 000***	24 000	—	Арсеньев, 1873
	1870	464 000	192	20	150	—	55	45	14 100	—	214 000***	22 000	—	То же
	1871	480 000	210	14	120	—	42	18	9800	—	244 000***	28 000	—	То же*
	1874/75 (осень и зима)	120 000	76	—	36	12	33	37	—	—	140 000	50 000	30 000	Арсеньев, 1875

* Прочерки указывают на отсутствие сведений.

** Вместе с утками.

*** Вместе с тетеревами.

Второе тридцатилетие XX в.

В этот период людность Европейского Севера возрастала неравномерно. Сильнее всего она увеличилась в Вологодской области и достигла плотности 9,1 человека на 1 км². В других северных областях плотность населения была в три раза меньше (Медведев, 1962). Население сосредоточивалось главным образом по рекам Ковже, Онеге, Северной Двине, Сухоне, нижнему и среднему течениям Вычегды и вдоль железных дорог. Наиболее малолюдными были Ненецкий национальный округ, бассейны Пинеги, Мезени и верхних течений Печоры и Вычегды (там же).

За второе тридцатилетие XX в. лес на Севере был вырублен на огромных площадях, а земледелие местами сильно продвинулось на север. Вырубка лесов, сопровождавшаяся появлением хвойно-лиственных молодников и болот, и увеличение площади пашни повлияли на размещение некоторых видов животных. В эти годы, например, продолжалось дальнейшее расселение зайца русака и серой куропатки. В Архангельской области северная граница распространения русака продвинулась, по-видимому, до района г. Онеги и до Няндомского, Виноградовского, Шенкурского, Вельского и Устьянского районов (Лебле, 1953). В конце 40-х годов зайцы распространились уже до южной окраины республики (Остроумов, 1949; Маслов, 1960). Серая куропатка появилась в Коми АССР несколькими годами раньше, чем русак. В 1938—1939 гг. ее было довольно много под Сыктывкарком; в долине р. Вымы к концу 40-х годов она расселилась от устья этой реки до пос. Княж-Погост (Остроумов, 1949).

Большие изменения в размещении и численности произошли также и у некоторых видов животных, жизнь которых тесно связана с лесом. Вырубки различной давности обладают различной степенью пригодности для жизни тех или иных видов животных. Для лося, например, вырубки 15—30-летней давности, возобновившиеся хвойно-лиственным лесом, более благоприятны, чем спелые хвойные леса. Охрана сохатых в эти годы стала более действенной, чем прежде. В молодых лесах стало больше чем прежде и корма. Эти факторы несомненно повлияли на увеличение численности лосей. С 30-х годов их стадо начало быстро расти. Лоси заселили многие места, где их уже давно не было, и регулярно появлялись даже в тундре, доходя до морского побережья. В последние годы численность лосей начала падать в связи с истреблением волками. Раньше, когда в северной тайге их было мало, в ней редко попадались и волки, но по мере того как лосиное стадо нарастало, а расселение сохатых расширялось, увеличивалось и число волков. В последнее время они стали так многочисленны, что в северной тайге возникла угроза опустошения стада лосей (Язан, 1961). Велика убыль лосей и от истребления их браконьерами. В Вологодской области к середине 50-х годов численность лосей сократилась в 10—12 раз по сравнению с периодом перед второй мировой войной, и в 1956 г. этот зверь был опять объявлен заповедным (Савинов и Лобанов, 1958).

В то время как распространение лося на тасжпом Севере значительно расширилось и численность его, несмотря на большое истребление браконьерами и волками, все же увеличилась по сравнению с концом прошлого и началом XX в., распространение северного оленя сократилось и его стада быстро редели. К середине 50-х годов олени сохранились только на Кольском полуострове, главным образом в его западной и центральной частях (Голосов, Лавров, Наумов, 1961). Пребывание оленей в Карелии было отмечено незадолго до второй Мировой войны в Кемском и Сегозерском районах, а также — по рекам Туме, Войвоцу, Кумбуксе и у озер Судотозеро, Кодозеро, Кунасозеро (Исаков, 1939). В конце 40-х годов олени в Карелии встречались преимущественно в Ругозерском и Кестеньгском районах, но кое-где и в южной части Карелии, у оз. Суоярви и в Пудожском районе (Строганов, 1949). К востоку от Карелии места обитания северных оленей были известны в середине 50-х годов в районе г. Онеги

и в Каргопольском районе Архангельской области, в верховьях рек Пима, Вепки, в бассейне р. Лахомы, по верхнему течению р. Вашки (Удоры), в верховьях рек Выми, Кедвы, Той-Ю и в некоторых других местах (Гептнер, Башников, Насимович, 1961).

Сильно увеличилась численность лесной куницы. С 1939 по 1960 г. добыча ее на Европейском Севере возросла почти в 20 раз (Граков, 1962).

На белке вырубка спелых хвойных лесов сказалась неблагоприятно. В Архангельской области, например, было замечено, что на молодых (десятилетних) вырубках численность белок в 10 раз ниже, чем в ельниках (Лебле, 1960). Сокращение ее добычи в последние годы произошло еще и потому, что число охотников за ней сильно уменьшилось.

Еще резче сократились заготовки боровой дичи — рябчика, тетерева, глухаря. Зимой 1954/55 г. на всем Европейском Севере было заготовлено лишь 2465 рябчиков, 310 тетеревов и 78 глухарей (Колосов, Шибанов, 1957), т. е. в 50—90 раз меньше, чем в одном только Усть-Сысольском уезде в 60—70-х годах прошлого столетия. Причины такого резкого сокращения заготовок боровой дичи коренятся в экономических и бытовых условиях таежного охотничьего населения. Но возможно это связано с вырубкой спелых лесов и главным образом с катастрофической гибелью боровой дичи, происшедшей в 50-х годах. О размерах ее гибели можно судить по следующему примеру. В конце 40-х годов на северной окраине тайги — на территории по правобережью верхнего течения р. Усы (между р. Кось-Ю и р. Черной) — рябчики, глухари и тетерева были, по словам местных жителей, обычны. На это указывало и множество заброшенных самоловов, обнаруженных нами здесь весной 1960 г., тогда как птиц на этом участке (площадью примерно 100 км²) было очень мало — за полтора месяца мы встретили всего десять рябчиков, двух глухарей и двух (самца и самку) тетеревов.

ЗАПАД И СЕВЕРО-ЗАПАД ЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР

Эта территория, называемая в дальнейшем Западным краем, охватывает современные Прибалтийские республики, Белоруссию, Ленинградскую, Псковскую и Новгородскую области.

Большая часть этого края находится в подзоне европейских хвойно-широколиственных лесов и лишь ее южная полесская окраина — в дубравно-борово́й подзоне. Вполне естественно, что в лесах северной части края дуба и других широколиственных пород меньше, чем ели, сосны, березы и осины, и что к югу широколиственных пород в лесах становится все больше, а ели меньше. Но еще около 200 лет назад в северной части края дуб и другие широколиственные породы были распространены шире, чем теперь. В конце XVIII в. дуб встречался даже в Лодейнопольском уезде Петербургской губернии в лесной даче Важинского погоста и окрестных деревень¹. В Новгородском наместничестве он рос главным образом в лесах Старо-Русского, Новгородского, Устюженского и Крестецкого уездов, причем в первом из них были дубы, годные для кораблестроения². В Великолуцком уезде Псковской губернии корабельные дубравы встречались еще в середине XIX в. (Семевский, 1857). В лесах Западного края раньше было больше и европейского бука, и европейской лиственницы. В конце XVIII в. бук отмечался в лесах, принадлежавших Ливневаденскому Кирхшпилю (Рижское наместничество). Он встречался и в других местах этого наместничества, но не в таком изобилии из-за низких зимних температур³. В настоящее время бук в Латвии сохранился лишь в шарках. О европейской лиственнице в середине XIX в. сообщалось что она росла кое-где в лесах Волковысского и Новогрудского уездов Гродненской губернии, а в с. Верейках (Волковысский уезд) помещичий дом был выстроен из лиственничных бревен (Сельская летопись., 1854).

В то время как в северной половине края с течением времени распространение широколиственных лесов все более сокращалось, в его южной половине сходное явление наблюдалось в отношении ели. Теперь на юго-восточной окраине Белорусского Полесья она встречается редко, небольшими островками. Но еще в конце XVIII в. в Белицком (Гомельском) уезде Могилевской губернии ели было значительно больше, чем в настоящее время. В примечаниях к генеральному межеванию этого уезда ель наряду с сосной и дубом была отмечена как строевой лес⁴ (от 35 до 105 см в отрубе) в следующих лесных дачах: между р. Утью и р. Хоропутью — притоками р. Ипути (площадь дачи около 67 тыс. десятин), затем между р. Сожем и нижними участками течения р. Ипути и р. Ути (около 8 тыс.

¹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Лодейнопольский уезд, д. 24.

² ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 875.

³ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 827, л. 20.

⁴ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Белицкий уезд, д. 5.

десяти) и между реками Днепром, Иволькой и Столпней (около 15 тыс десяти). Ель встречалась также и в некоторых других, менее обширных лесных дачах этого уезда.

В Западном крае много болот. В его северной части преобладали большие моховые болота — Чертов Мох (в Новгородском уезде), Невей Мих (в Крестецком уезде), Лебяжий Мох и т. д. В Белорусском Полесье около половины территории находилось под болотами и заболоченными, трудно доступными для человека лесами (багновыми борами, ольсами, смешанными ольхово-ясеневыми лесами и заболоченными березниками — белями).

XIV — XVII вв.

Земледелие и разведение домашнего скота издавна имели в Западном крае гораздо большее значение, чем на Европейском Севере. Но мест, пригодных для пахоты, также было немного, поэтому приходилось расчищать землю из-под леса. Работа эта была тяжелой и занимала много времени. Поэтому «людям похожим», т. е. имевшим право переходить от одного владельца к другому, предоставлялось несколько льготных лет, если они поселялись в лесу, где не было ни селений, ни пашни. В Витебском и Полоцком воеводствах, по уставу 1551 г. им давалось 10 лет льготы (Памятники, изданные временной комиссией..., 1845), а в Дубровенской волости в 1560 г. тот, кто поселялся в лесу, освобождался от всяких обложений и повинностей на 8 лет (Археографический сборник документов..., т. 3, 1867). Крестьяне, не имевшие права перехода и прикрепленные к определенным владельцам, назывались «людьми отчизными, непохожими» (Полоцкая ревизия..., 1905).

В XVI в. местами было уже значительно развито и промышленное использование леса, особенно для производства поташа. В Полоцкой ревизии 1552 г. при перечислении владений часто упоминаются «попелные буды» (предприятия по производству поташа) и «лес будный, в котором посылы рубяты». Уже в то время поташ отправлялся за границу — в Рязань (там же).

Немалое значение в крестьянском хозяйстве имели также охота и рыболовство. Крестьяне «лесовали» белку и куницу, ловили бобров, ставили ловища на зверей, пересевы и силки на птиц. Однако в письменных источниках, относящихся к XIV в., встречается лишь отрывочные сведения о значении охоты в жизни населения и о распространении промысловых животных. Известно, например, что в 60 верстах вокруг Новгорода право бить кабанов имел только новгородский князь, а дальше охотиться мог каждый, кто хотел. Об этом упоминалось в грамотах 1264, 1304—1305 и 1307—1308 гг. Но в более поздних грамотах о кабанах уже ничего не сказано. Сохранились также сведения о ловлях гоголей по р. Волхову. Известно и предание о том, что в начальный период существования Великого княжества Литовского, в лесах по р. Дубисе (приток Немана) было много лосей, оленей, косуль, зубров и туров (Хроники великого княжества Литовского..., 1907).

При раскопах древнего Гродно в слоях, относимых археологами к XI—XIV вв.⁵, было обнаружено довольно много костей не только домашних, но и диких животных. Число особей отдельных видов, костные остатки которых были определены, распределяется следующим образом: благородный олень — 292 особи, кабан — 184, косуля — 175, зубр — 107, лось — 79, бобр — 85, куница — 40, выдра — 11, барсук — 29, заяц — 9, медведь — 4, лисица — 2, волк — 2 особи (Цалкин, 1954).

В письменных источниках XV—XVII вв. сведений об охотничье-промысловых животных больше, и по ним можно составить довольно ясное представление об основных особенностях их распространения и о значении

⁵ В статье, опубликованной в 1951 г., эти слои датированы XII—XVI вв. (Цалкин, 1951).

охоты. В эти века крестьяне платили дань или оброк владельцу земли, на которой они поселились. В XV в. в Великом княжестве Литовском дань нередко взималась натурой, причем во многих местах значительная доля ее состояла из пушнины. В 40-х годах этого столетия крестьяне имения Брушаны давали, например, их владелице великой княгине Витовтовой «с дыма по кунице» (всего 50 штук), по три гроша и на княгинину кухню по курице, десятку яиц и по полгроша с «дыма» (АЮЗР, 1863). На Новгородской земле в конце XV в. оброк с крестьян Вотской пятины также исчислялся не только в деньгах и сельскохозяйственных продуктах, но и в пушнине. Так, три великокняжеские оброчные деревни-однодворки, находившиеся в Спас-Городецком погосте Ореховского уезда, должны были платить одну гривну и четыре деньги, три бочки пива, три горсти льна, три «острамки» сена и четверть хлеба. Пушнина эти деревни не платили. Но с четырех других великокняжеских деревень, состоявших из 30 дворов и находившихся недалеко от г. Корелы (ныне г. Приозерск), взимался оброк в размере 11 куниц, 54 белок и одного сокола (Перелисная окладная книга... 1852). В начале XVI в. великой княжне Елене давали дань с Могилевской волости как деньгами — 153 руб. и 30 коп. широких грошей, так и пушвиной — 180 бобров и 150 куниц (Археографический сборник документов... т. 3, 1867).

Крестьяне как закрепленные, так и сохранявшие право перехода, должны были принимать участие в охоте на зверя и в ловле рыбы в пользу владельца земли. В «Уставе о людях похожих», принятом в 1556 г. для Полоцкого и Витебского воеводства, сказано, например, что вольный человек, поселившийся на панской или шляхетской земле, должен не только отдавать владельцу четвертую часть урожая и работать определенное время на его поле, но ходить зимой на охоту и ловить рыбу в озерах (Памятники, изданные временной комиссией., 1845). В уставе об управлении королевских волостей (1557 г.) также упоминалось, что крестьяне должны для участия в зверовых охотах «пешо ходити и з возми ездити» (Памятники, изданные временной комиссией., 1846). При описании королевских пуц в Великом княжестве Литовском, значительная часть которых находилась на территории Белоруссии, и мер по приведению их в порядок, большое внимание обращалось на организацию охоты на крупных зверей. Описание самих пуц тесно связано с описанием переходов зверей; пуцки разделялись на «оступы» — участки леса, наиболее пригодные для устройства облав. Старшие «осочники» (в известной мере их можно приравнивать к лесным объездчикам) были обязаны объезжать свой участок и следить, чтобы не было вреда ни лесу, ни зверю. Осочники вели учет, сколько зверей пало, уничтожено хищниками и убито на охотах (Волович, 1867; Ординация королевских пуц..., 1871). Большое значение охоты отражено и в других исторических источниках. Во всех трех изданиях Литовского статута (1529, 1566 и 1584 гг.) — правового кодекса Великого княжества Литовского — целый раздел отведен ловам, причем бобровые гоны выделены особо. В многочисленных документах, касающихся пожалования или купли и продажи земель, также почти всегда упоминается, что земли переходили к новому владельцу с людьми, пахотными и бортными землями, лесами и лугами, озерами и реками, с ловами, звериными и «пташными», и с бобровыми гонами. В жалованной грамоте (привилее) великого князя литовского Александра (конец XV в.) отмечено, например, что громадная пуца на немецкой границе была пожалована не только с людьми, жившими в пуце, с пахотными землями и лесами, но и с ловами зверей и птиц и с бобровыми гонами. В другой жалованной грамоте говорится, что земли в Поневежском повете пожалована не только с селищами, но и с перевозами и езями (Акты Литовской метрики, 1897).

О важном значении охоты можно судить и по жалобам на случаи перехода охотниками границы и добычи ими зверей и птиц в чужом государ-

стве. Великолуцкий воевода в грамоте к польскому подстаросте Ржевскому (1628 г.) жаловался, что «порубежные мужики», жившие по границе с Великолуцким воеводством, «на звери и на птицы всякие запасы ставят, звери и птицы побивают и всякие угоды опустошают» (Акты Московского государства., 1890, стр. 234).

Немало браконьерства было и на своих землях. Несмотря на четкие обозначения границ бобровых гонов, в актах XV—XVIII вв. встречается много жалоб, что бобровые гоны захватывались силой, и на бобров охотились в чужих владениях. Это бывало, по-видимому, довольно часто, и поэтому в Литовском статуте был установлен штраф, который следует палатать на браконьеров-бобровников. «А паки бы квалтом бобры побил, або злодейским обычаем выкрал, таковой мает квалт платити, а колко будет бобров, тогды мает платити за карего копа грошей, а за чорного — две копе грошей» (Старый Литовский Статут., 1854, стр. 81). О местах распространения бобра в связи с его высокой стоимостью сохранилось много сведений, которые приводятся в разделе «Промысловые звери».

Большинство других пушных зверей было широко распространено по всему краю. Среди них большое промысловое значение долго имела лесная куница, и стародавний обычай давать великому литовскому князю дань куницами сохранялся еще в XVI в. В 1527 г., жалую Жомотское староство, великий князь оговорил в своей грамоте, что волости (Юрбарк, Виздукни, Куркляны и др.), которые он дал старосте, должны по-прежнему («своде стародавнего обычая») давать куниц великому князю. «А выбирать тех куниц маем мы посылати того, кого будет воля наша господарская» (АОЗР, 1863, стр. 72). Даже такие малоценные пушные звери, как ласка, не оставались без внимания и добывались охотниками.

Самыми редкими пушными зверями были соболь, лесная кошка и россомаха. О распространении соболя в XV—XVII вв. известно очень мало. По сообщению Ржогиньского (Rzaszynski, 1745), этот зверек был добыт при короле Яне III в Зеленой пуще Поневежского уезда. По росписи ордынщины⁶, датированной 1501 г., соболь меха должны были вносить следующие города Литвы и Белоруссии: Вильно — три сорока соболей, Витебск, Полоцк и Ковно — по два сорока, Минск, Гродно — по одному сороку (Кириков, 1960). Остальные города Литвы и Белоруссии соболями мехов не вносили. Поэтому можно предположить, что обязательство вносить соболей в счет ордынщины накладывалось на те поветы Литвы и Белоруссии, где соболя в то время водились. Менее вероятно, что ордынщину платили покупными соболями.

Есть еще одно весьма важное доказательство, что в лесах Великого княжества Литовского соболя в XVI в. водились. В разделе 10 Литовского статута 1588 г. сказано, что лицо, добывшее соболя в чужих пущах, должно платить штраф 2 руб. Польский правовед Т. Чацкий (Szaski, 1861) справедливо заметил, что это место статута несомненно указывает на то, что соболя встречались и добывались в XVI в. на землях Великого княжества Литовского. Точные же места нахождения соболя в Белоруссии указаны в примечаниях к генеральному межеванию, относящихся к XVIII в.

В XVI в. россомаха, изредка встречающаяся в лесах Литвы и Белоруссии, считалась прожорливой и вредным хищником (Меховский, 1936). Поэтому ее разрешалось убивать и простым людям (Памятники, изданные временной комиссией., 1846). Очень мало известно и о том, где в эти века была распространена лесная кошка. Кое-что о местах ее добычи сообщалось в записках Брестской таможни.

Другую важную группу охотничьих зверей составляли копытные. Для правителей и знати охота на этих зверей была спортом и охотиться на них простому люду в королевских пущах запрещалось под угрозой смертной

⁶ Подать, взимаемая на выкуп пленных и на подарки крымскому хану.

казни (там же). Из копытных самыми редкими были дикие кони, встречавшиеся лишь на южной окраине западных лесов. Известно, что в 1409 г. в Беловежской пуще на них охотились короли Витовт и Ягелло (Antonius, 1938). О диких лошадях упоминается в правовых кодексах Великого княжества Литовского (1529 и 1585 гг.). В разделе о стоимости диких лошадей, убитых в чужих пущах, сказано: «за коня або за кобылу дикую три рубли грошей». Но в Великое княжество Литовское тогда входили не только Литва и Белоруссия, но и украинская лесостепь, и упоминание о диких конях в литовских статутах, а также сведения о них, приводимые М. Меховским (1936), относятся главным образом к лесостепной Вольныи, Киевщине и Черниговщине, а не к литовским и белорусским пущам.

В XVII в. в Западном крае стали редки и зубры. Но еще в середине XVI в. они были в некоторых местах довольно обычны. В Перестунской пуще, расположенной по р. Бобру, все оступы были в то время зубровыми (Кириков, 1960; Гептнер, Банников, Насимович, 1961). Еще раньше, зимой 1409/10 г., Витовт и Ягелло, готовясь к войне с Тевтонским орденом, устроили огромные охоты в Беловежской, Ратненской и других пущах. Мясо убитых лосей, зубров и других копытных они солили и сплавляли в Полоцк, где были продовольственные склады (Шайноха, 1882). В 30—50-х годах XVI в. охоты на зубров устраивались в Перестунской, Гродненской, Беловежской и некоторых других пущах, но зубров уже стало мало и поэтому в Беловежской пуще охота на них при Стефане Батории допускалась только с разрешения короля (Лалло, 1901). Сведений о распространении зубра в Прибалтике очень мало. Известно, что в XII в. они нередко встречались в лесах между Тильзитом и Ливавой (Брем и Восмесслер, 1867) ⁷.

Сведения, сохранившиеся в письменных источниках, о распространении в XV—XVII вв. благородного оленя, также очень скудны. Во всех трех статутах Великого княжества Литовского (1529, 1566 и 1588 гг.) указан штраф, который следовало брать с лиц, убивших оленя или ланя ⁸ в чужих пущах. В Старом литовском статуте 1529 г. (1854) штраф составлял 3 руб., но в более поздних статутах он увеличен вдвое; по-видимому, оленей к этому времени стало значительно меньше. (При раскопках городищ Латвии в слоях IX—XIII вв. обнаружены костные остатки 31 благородного оленя.)

О распространении лося сведений при описании звериных ловов значительно больше. Сохатых в западных лесах было очень много, и поэтому в Белоруссии лосиные гоны иногда выделялись особо. В Полодской ревизии 1552 г. упоминались, например, гоны лосиные по р. Миютнице. Как и на Европейском Севере, лосей нередко ловили в ямы. О лосиных ямах упоминается в одной из жалованных грамот великого князя литовского Александра на пущу, расположенную на Олсынте, Сербинте, Нерети, Сюсю и другим рекам. О том, что лоси были обычны в Гродненском воеводстве в середине XVII в., видно из донесения гродненского воеводы о том, что местная шляхта дерзко ведет себя и без царя указа рубит лес и бьет лосей и других зверей (Акты Московского государства., 1894).

Ради мяса, сала и кожи добывались не только копытные, но и медведи. На них охотились еще и потому, что они разоряли борти, нападали на скот и мли овсы. Зайцев ловили как ради мяса, так и ради шкурки.

О том, сколько добывалось зверей в Западном крае в XV—XVII вв., известно очень мало. Сохранились отрывочные сведения, сколько бобров и куниц должны были платить жители той или иной местности, и сколько пушнины и кож предъявлялось в таможенных. Записи в таможенных могли бы дать более полное представление о числе добывавшихся зверей, но они

⁷ При раскопках городищ Латвии в слоях, датированных приблизительно IX—XIII вв., были обнаружены костные остатки более чем сорока зубров (Цалкин, 1962).

⁸ Ланью в статутах названа самка оленя, а не *Dama dama* L.

почти не сохранились. Нам известны лишь сведения по Витебской таможе за 1605 г. и по Брестской — за февраль 1583 г.

В 1605 г. из Витебска в Могилев, Оршу, Минск и Вильно было отправлено 818 лисьих, 13 волчьих, 10 рысьих, 7 медвежьих шкур и 6 пудов медвежьего сала, а также шкурки 68 соболей, 489 куниц, 35 хорьков, 407 горностаев, 180 ласок, 127 выдр, 437 норок, 22 бобров, 18 150 белок и 11 лосин. (В Витебской таможе предьявлялась также пушнина и кожи копытных, которые отправлялись в Вильно и Полоцк из Белого, Велижа, Микулина, но они были добыты за пределами Белоруссии.) На Брестской таможе предьявлялись главным образом пушнина и кожи, которые отправлялись из самого Бреста или же проходили через него из Слуцка, Чечерска и некоторых других мест в Люблин и отчасти в Гданск. Из Бреста в феврале 1583 г. было отправлено две лисьих шкуры, одна рысь, 20 шкур диких лесных кошек и шкурки пяти бобров, 28 барсуков, 171 хорька, 120 горностаев, 160 ласок, 25 выдр, 96 зайцев и 15 кож косули. Из Слуцка в том же месяце через Брестскую таможену прошли две волчьих шкуры, 72 шкурки барсука, затем шкурки 400 горностаев, 280 ласок, 93 выдр, 11 норок, 23 бобров, 12 лосин и 46 кож косули; из г. Чечерска поступили шкурки 33 куниц, 16 выдр, 11 норок, 49 лосин, 29 кож косули и шесть шкурок горностая; из г. Могилева — 150 волчьих шкур, 25 кож косули, из г. Пинска — шкурки 60 хорьков, 28 горностаев, девяти выдр и из г. Пружан — 400 шкурок горностая и 28 выдры. По всей вероятности, большая часть пушнины, отправлявшейся из того или иного города, была добыта в том же самом уезде.

Кроме зверей добывали также птиц — особенно тетеревиных, уток и гусей. «Пташны ловы» упоминаются во многих грамотах на имения, пожалованные в Белоруссии и Литве в XV—XVI вв. Уток и гусей ловили перевесами, и эта ловля имела довольно большое значение, судя по большому штрафу — «шесть рублей грошей», — который полагалось платить по Литовскому статуту 1566 г. тому, «кто бы перевес кому другому подрубал, а сеть перевесную украл». Ловля птиц перевесами была наиболее распространена в долинах крупных рек. Известно, например, что перевесы применялись на Днепре в Могилевском и Речицком уездах. Лебеди гнездились лишь местами и были редки. «Хто бы лебединое гнездо побрал, або гнездо розметал, тогда за лебединое гнездо, хто бы его сказил, маєть заплатити три рубли грошей», написано в том же Литовском статуте 1566 г. Известно также, что лебеди гнездились на Чудском озере и их ловили под Роскоцельским островом.

Мало сведений сохранилось и о том, где и какие рыбы ловились в XV—XVII вв. Известно, например, что балтийских осетров (*Acipenser sturio* L.) добывали в Волхове, Свири, Папье и Ояти (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949). Интересны сведения о ловле русских осетров (*A. güldenstädt Brandt.*) на Припяти. В середине XVI в. с каждого еза, устроенного на Припяти в Мозырской волости, должны были давать осетра в Мозырский замок (Архив ЮЗР, 1886). В 60-х годах того же столетия в новинности дворян Лаазуровича, находившегося в Пинском старостве, входила «третина с осетриных езов». О крестьянах с. Дуба того же староства сказано, что они «сидят на замковых осетриных елах» (Писцовая книга Пинского староства..., 1884). В начале же XVI в. князь Ярославич в своем завещании оставил наказ, чтобы со всех езов, находившихся в Пинской волости, давали десятого осетра в храм Пречистой (Володыч, 1867). В 80-х годах того же столетия осетриный ез действовал на Припяти недалеко от г. Луцница (Акты, изданные Великой археографической комиссией, 1886).

XVIII в. богат сведениями как о распространении промысловых животных, так и о состоянии и соотношении земельных угодий. Особенно ценны в этом отношении материалы генерального межевания, дающие возможность вычислить плотность населения и соотношение угодий. Они показывают, что в конце XVIII в. наиболее лесистые и малонаселенные земли находились в северо-восточном углу Западного края — в Лодейнопольском уезде Олонецкой губернии и в Ново-Ладожском уезде Петербургской губернии. В северных уездах Витебской губернии (Динабургском, Режицком и Люцинском) лес занимал от 43 до 57% территории. В Псковской земле лесов оставалось мало в Печорском, Порховском и Островском уездах, но в Холмском и Торопецком уездах лесов было достаточно⁹. В Белоруссии лес сильнее всего был сведен на ее восточной окраине. В Мстиславском уезде, например, оставалась лишь одна крупная лесная дача (около 2 тыс. десятин) и мелкие перелески. Мало леса было также в Копытском, Оршанском и Чаусском уездах (табл. 4).

В конце XVIII в., после того как белорусские земли перешли из Польского государства в Российскую империю, леса в бассейне Днепра стали вырубаться еще сильнее. Мачтовый, корабельный и строевой лес гнали плотами до Киева, Кременчуга и Херсона. Мачтовые деревья ценились так дорого, что их сплавливали не только вниз, но гнали плестями и вверх по Днепру до самой Орши. Оттуда сухим путем перевозили до Бабинович, а на следующую весну гнали по р. Лучесе до Западной Двины, а по ней — в Ригу¹⁰. Участки, где были деревья, годные для мачт и кораблестроения, брались на особый учет. В Игуменском уезде Минской губернии, например, в самом конце XVIII в. было известно пять участков корабельного леса. Самый крупный из них, где насчитывалось 9 тыс. деревьев, годных для кораблестроения, находился во владениях литовского маршала Тышкевича (местечки Березино и Погост и окрестные деревни). Заповедный корабельный лес был отмечен в нескольких лесных дачах Борисовского уезда Минской губернии (в окрестностях местечек Мстиж и Холопичи с окрестными деревнями), а в Могилевской губернии по р. Сожу в Чериковском уезде и в нескольких лесных дачах Белицкого и Рогачевского уездов¹¹.

Изменения в соотношении и состоянии угодий и рост народонаселения не замедлили отразиться на размещении промысловых животных. Малолесные уезды Белоруссии особенно оскудели крупной дичью. В Мстиславском уезде Могилевской губернии во время генерального межевания была одна только лесная дача (по р. Каменке), где еще водились медведи и куницы. В Оршанском уезде медведи и куницы обитали в четырех дачах. Лосей, кабанов, косуль, рысей в этих уездах не было. В Чаусском уезде медведи встречались в трех лесных дачах, рыси — в двух и лоси — только в одной самой крупной лесной даче.

В менее населенных и более лесистых местах Белоруссии охотничье-промысловых зверей и птиц было гораздо больше. В той части Белоруссии, которая находилась в подзоне хвойно-широколиственных лесов, особенно богаты зверем и птицей были Чериковский, Климовичский и Рогачевский уезды Могилевской губернии и большая часть уездов Минской губернии.

В Чериковском уезде лоси и кабаны водились в семи наиболее крупных лесных массивах, площадь которых колебалась от 5 до 42 тыс. десятин. (Общая площадь этих лесов составляла около половины всех лесов

⁹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 960 (Географическое и камеральное описание Псковского наместничества).

¹⁰ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Белицкий уезд, д. 5; Геометрическая карта Рогачевского уезда (№ 43).

¹¹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 839. ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Белицкий уезд, д. 5; Рогачевский уезд, д. 27.

Плотность населения (человек на 1 кв. версту) и соотношение земельных угодий (%) в Западном крае

Уезд	Год генеральной межевания	Плотность населения	Земельные угодья				
			общая площадь, десятины	лес	пашни и пруга-лесные земли	сенокосы	неудобные земли
Одонецкая губерния							
Лодыженский	1791	2,6	1115844	88,5	2,4	0,5	8,6
Петербургская губерния							
Ново-Ладожский	1789	6,2	792396	76,0	5,4	2,5	16,1
Псковская губерния							
Опочецкий	1781—1796	16,4	419068	49,0	38,7	4,5	7,8
Великолукский	1781—1796	19,4	345539	48,5	43,3	3,7	4,5
Ново-Ржевский	1781—1796	20,6	334487	43,0	43,5	6,7	6,8
Витебская губерния							
Дыабургский	1784—1797	14,2	400919	42,1	50,7	1,5	5,7
Лявдинский	1784—1797	11,8	474707	56,9	32,2	3,1	7,8
Резицкий	1784—1797	16,3	377164	42,8	42,2	2,0	13,0
Себежский	1784—1797	18,5	325911	39,3	48,0	5,3	7,4
Дриссенский	1784—1797	18,5	272756	31,3	62,6	1,7	4,4
Невельский	1784—1797	17,7	369589	37,3	50,0	3,4	9,3
Полотский	1784—1797	16,7	372050	54,2	37,6	2,4	5,8
Городокский	1784—1797	18,5	240650	45,9	46,0	2,0	6,1
Суражский	1784—1797	17,7	269077	50,6	37,7	2,5	9,2
Могилевская губерния							
Чаусский	1783—1784	25,4	221323	27,7	65,6	4,1	2,6
Оршанский	1783—1784	26,4	209845	21,8	71,5	4,5	2,2
Сеинский	1805—1807	19,3	230815	48,1	44,3	2,3	5,3
Копыльский	1783—1784	24,0	214504	27,1	67,2	4,0	1,7
Чериковский	1783—1784	13,4	394943	61,8	33,2	3,5	1,5
Могилевский	1783—1784	25,5	244474	37,6	56,4	4,0	2,0
Климовичский	1783—1784	14,2	375407	54,1	38,4	4,5	3,0
Рогачевский	1783—1784	11,2	512593	57,5	32,0	7,1	3,4
Белицкий	1783—1784	13,7	486736	68,5	21,5	3,0	7,0

уезда). Косули встречались лишь в четырех лесных дачах. Медведь был очень обычным зверем и отмечен в 17 дачах. Рысь водилась лишь в восьми дачах. Во многих реках и речках жили выдры, но бобры попадались уже довольно редко, только в трех крупных дачах, расположенных в бассейнах р. Сожа и р. Проши. Глухари, очень чутко относящиеся не только к вырубанию лесов, но и к беспокойству, вносимому людьми, отмечены во многих местах. В одной из самых крупных лесных дач встречались беркуты.

В Климовичском уезде, располагавшемся к востоку от Чериковского уезда, распространение охотничье-промысловых животных было примерно таким же. Лоси и кабаны водились в четырех наиболее крупных лесных дачах, а косуля — в девяти. Медведь встречался в 21 даче, рысь — в шести, бобры — лишь в бассейне р. Беседи. Глухари населяли почти все лесные дачи, площадью больше 1000—2000 десятин. В лесах Климовичского уезда в то время еще встречались соболи.

Рогачевский уезд был обилеи зверем и птицей, но П. А. Румянцев, владевший огромными имениями в этом уезде, запрещал крестьянам охо-

тяться в своих лесах. Он приказывал посылать, начиная с первозимья и до глубоких снегов, крестьян на ловлю и записывать в приход пойманных и убитых зверей (Семевский, 1903). Во время генерального межевания (80-е годы XVIII в.) лоси были отмечены частично в 20 лесных дачах и набегом — в двух, косули — в шести, кабаны — в 13, медведи — 25 и рыси — в 21. Особенно интересны сведения о том, что в числе зверей, населявших некоторые лесные дачи этого уезда, еще встречались соболи, а в одной даче, где были значительные площади сухих безлесных полей, водился стрепет.

В дубравноборовом Полесье наиболее богатыми промысловыми зверями и птицами были Белицкий (Гомельский) и Мозырский уезды Могилевской губернии, где небольшая плотность населения, обилие хорошо сохранившихся дубрав и боров, перемежавшихся с трудно доступными заболоченными лесными участками, были благоприятны для их существования. В Белицком уезде медведи были отмечены в 23 лесных дачах, кабан — в 20, лось — в 16, рысь — в одной, косуля — в девяти, олень — в 7 дачах. В одной даче встречался соболь и в 12 дачах — стрепет.

Источники XVIII в. дают возможность установить размещение промысловых животных в Западном крае с достаточной полнотой.

Из пушных зверей самым редким был соболь. Точные места, где он жил в этом столетии, известны лишь в Белоруссии. Здесь в конце XVIII в. он встречался в двух уездах — Климовичском и Рогачевском (Кыприков, 1958, 1960). В «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию Климовичского уезда соболи показаны в трех дачах. В первой из них (с. Забельшино, с. Еганово, деревни Буда, Липовка, Текмовка, Хотемча, Жуковка, Пислятина, Малая и Большая Сурова) было 3570 десятиин леса. Лесные породы перечислены в следующем порядке: сосна, ель, береза, осина, ольха, рябина, вяз, ива, ильм, черемуха, ясень, орешник. О зверях и птицах сообщалось следующее: «В нем (лесу.— С. К.) звери: белки, зайцы, лисицы, соболи, волки, медведи, кабаны и дикие козы. Птицы: простые и глухие тетерева, рябцы, куропатки, дикае голуби, кукушки, скворцы, дрозды, соловьи, дятлы, щеглы, синицы и чижли. В полях (безлесных местах.— С. К.): сороки, вороны, жаворонки, перепелки. При селениях — ластовки и воробьи»¹². Во второй даче (с. Мужичок, д. Кортинец) было 976 десятиин леса. О ней сказано, что сосны и ели было мало, другие породы перечислены в следующем порядке: береза, осина, ольха, рябина, вяз, лоза (ива.— С. К.), черемуха, ясень, орешник. Звери и птицы указаны те же, что и в первой даче. В третьей даче (с. Техаль и с. Орловка) лес занимал 742 десятиины. Древесные породы, звери и птицы были те же, что и в первых двух лесных дачах.

«Экономические примечания» к Рогачевскому уезду приводятся в двух книгах. В книге 28, составленной раньше, чем книга 27, соболи показаны в шести лесных дачах. В первой из них (с. Хизы и д. Нестеровка) было 5066 десятиин строевого леса и 36 десятиин дровяного. В книге приводится следующее описание: «лес растет строевой дубовой, еловой, сосновой, асиновой, толщиною в отрубе от 4 до 5 вершков, вышиною от 6 до 7 сажен; дровяной того же звания и еще березовой, алховой, ильмовой, есеновой, рябиновой, вязовой, ареховой, которой и для поташа способен. В нем паходятся звери медведи, волки, дикие свиньи, лоси, соболи, рыси, лисицы, зайцы, горностаи и белки»¹³. Во второй даче (с. Речки, д. Рудня) было 2843 десятиин леса, в третьей (с. Столбун, деревни Колобовка, Глыбовка, Хлусы, Рудня Столбунская) — 3050 десятиин строевого леса и 974 десятиины дровяного, в четвертой (с. Горемыки, сельца Патиосы и Красно-

¹² ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Климовичский уезд, д. 13, л. 92.

¹³ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Рогачевский уезд, д. 28, л. 100.

горье) — 3727 десятин строевого леса и 513 десятин дровяного, в пятой (с. Болтроевка и д. Воробьевка) — 2973 десятин дровяного леса и в шестой (с. Запрудье и деревни Демьяны, Пруговка) — 11 917 десятин дровяного леса. Относительно этих лесных дач и зверей, водившихся в лесах, сказано: «звание лесу, а в нем род зверей, как в даче № 105», — т. е. в даче с. Хизы и д. Нестеровки.

Книга 27 была составлена после генерального межевания и, по-видимому, не меньше чем через 20 лет, так как ко времени ее составления в Рогачевском уезде возникло много новых поселений. В той даче, в которой во время межевания было только три поселения — Патисы, Красногорье и Горемыки (впоследствии переименовано в с. Громьки), появилось еще с. Мышево и пять деревень — Витча, Устод Громыцкий, Гайдашевка, Осиновка и Слободка. Число лесных дач, в которых в этой книге отмечены соболи, уменьшилось до четырех; в сообщениях о второй и третьей дачах соболи уже не указаны. В книге говорится еще об одной даче Белицкого уезда, в пределах которой были расположены села Запрудье, Очеса, Демьянка и деревни Березка и Пруговка и в которой также водились соболи¹⁴, но она находилась в то время в Рогачевском уезде и уже упоминалась выше (шестая дача).

Таким образом, в последние десятилетия XVIII в. в Белоруссии было два участка, где еще сохранялись соболи. Один из них располагался в Климовичском уезде на левобережье р. Беседи, в ее верховье и по р. Мужичку (приток р. Беседи). Второй участок находился в нижнем течении р. Беседи, по обоим ее берегам, и по р. Очесе — притоку р. Ипути.

Из крупных хищников самой редкой была рососомаха, самым обычным — волк. Даже в северо-восточном углу Западного края рососомаха в конце XVIII в. водилась в немногих местах — в лесах на р. Солзе, в окрестностях оз. Ухто и в лесной даче, принадлежавшей д. Замнагановой и д. Шубиной¹⁵. Кое-где рососомаха встречалась в псковских лесах (Ленехин, 1780). На правобережье Западной Двины (в Лифляндии), она была более редкой, чем на ее левобережье (в Курляндии) и в Литве (Fischer, 1778). В примечаниях к генеральному межеванию Витебской и Могилевской губерний, так же как и в «Камеральном экономическом примечании Ипской губерний» о ней не упоминается. Но Э. Эйхвальд отметил ее пребывание в Ипском уезде (Eichwald, 1830). «Почти все выведены», — сообщил об этом звере И. Лепехин (1780), описывая Могилевское наместничество.

Медведи водились во многих районах Западного края, особенно на его северной окраине и в Белоруссии. В конце XVIII в. они были отмечены почти во всех лесных дачах Людейнопольского уезда и в семи дачах Ново-Ладожского. В Петербургской губернии они встречались во всех уездах, кроме Петербургского. Эти звери водились в Ревельском наместничестве и в наиболее глухих лесах Лифляндии. На севере Витебской губернии медведи отмечались в Люцинском и Режицком уездах, соответственно в одиннадцати и восьми лесных дачах, но в Динабургском уезде встречались только в двух дачах. В трех белорусских губерниях — Витебской, Минской и Могилевской — было известно больше 300 лесных дач, в которых водились медведи.

Из копытных животных самым редким был зубр. Во второй половине XVIII в. он оставался, по-видимому, лишь в Беловежской пушце и смежных с ней лесах. Беловежская пушца в то время считалась особым охотничьим хозяйством, где мог охотиться только король и приглашенная им знать. Известно, что 27 сентября 1752 г. король Август, его гости и свита убили в Беловежской пушце 42 зубра. Среди них было 18 зубриц, 18 взрос-

¹⁴ ЦГАДА. Фонд экономические примечания, Белицкий уезд, д. 5.

¹⁵ Там же, Витегорский уезд, д. 2, л. 52, 117, 118.

ных самцов (одиннадцать крупных и семь более мелких) и шесть молодых. Самый крупный зубр весил «17 сетпагов и 50 фунтов» (Jagosci, 1830).

Очень неравномерно был размещен лось. В 30-х годах XVIII в. в Петербургской и Новгородской губерниях и в Прибалтике численность лосей настолько уменьшилась, что был подготовлен императорский указ о запрещении охоты на них в «российских и лифляндских» провинциях в течение 10 лет (Кириков, 1960; Гелтнер, Банников, Насимович, 1961). В обосновании указа упоминалось, что охотники ежегодно убивали слишком много лосей, и высказывалось опасение, как бы последние не перевелись совсем. В 1752 г. в Ливонии погибло много лосей, заразившихся от рогатого скота чумой, их трупы находили в лесах и болотах (Fischer, 1778; Pallas, 1831). В конце XVIII в. поголовье лосей в Латвии было настолько мало, что в описании Рижского наместничества о сохатых сказано, что их почти не осталось¹⁶. Редко встречались лоси и в псковских лесах (Лепехин, 1780). В Петербургской губернии они попадались лишь в Шлиссельбургском и Ораниенбаумском уездах, но в последнем бывали временно, набегом¹⁷. В северной части Витебской губернии лосей было больше. В Люцинском уезде они постоянно жили в четырех крупных лесных дачах (площадью 80 464, 38 826, 4520 и 2011 десятин). Кроме того, лоси бывали набегом еще в четырех дачах. В Режицком уезде они встречались в двух лесных дачах (площадью 110 421 и 2100 десятин)¹⁸. В северной Белоруссии (Витебская губерния) лоси отмечены лишь в одной лесной даче Невельского уезда, но в Могилевской и особенно в Минской губерниях их было довольно много: в первой они водились в 56 лесных дачах, а во второй — примерно в 100 дачах.

В Белоруссии и южной части Прибалтики были отмечены олени. Хотя в письменных источниках и не сказано, о каких именно оленях идет речь, но, по всей вероятности, в этих местах водился лишь благородный олень. В 80-х годах XVIII в. в Могилевской губернии олени встречались только в самом южном Белицком уезде, главным образом на левобережье нижнего течения р. Сожа, в бассейнах рек Трюхи, Ути и Хоропути. Кроме того, олени жили в лесах по р. Цате (приток р. Снова) и на правобережье нижнего течения р. Сожа¹⁹. Олени были отмечены и в Минской губернии, но без указания, где именно²⁰. В конце XVIII в. они водились в Ревельском наместничестве²¹ и в одной из лесных дач Люцинского уезда.

Косуля в последней четверти XVIII в. была широко распространена по Белоруссии и встречалась почти во всех уездах, но в меньшем числе лесных дач, чем лоси. Причины этого неясны. В эти же годы косуля была нередка в северных уездах Витебской губернии и отмечена в пяти крупных лесных дачах Люцинского уезда и в пяти дачах Режицкого²². В большей же части Латвии косули попадались редко, а в Новгородском наместничестве она была отмечена лишь в Старо-Русском уезде, да и там она бывала только набегом²³. В Петербургской губернии косули водились в одном Лужском уезде²⁴.

¹⁶ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 827.

¹⁷ Там же, д. 18 899.

¹⁸ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Люцинский уезд, д. 14; Режицкий уезд, д. 20.

¹⁹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Белицкий уезд, д. 5.

²⁰ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 840.

²¹ Там же, д. 19 135.

²² ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Люцинский уезд, д. 14; Режицкий уезд, д. 20.

²³ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 135, 18 875.

²⁴ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 999.

Северные олени были распространены только на северной окраине Западного края, где они встречались в Олонецкой губернии, в нескольких дачах Вытегорского уезда — в лесах по р. Солзе, в окрестностях оз. Ухто, в угодьях Вытегорского и Салинского погостов и в некоторых других лесных дачах²⁵.

Площадь распространения кабана в Западном крае в конце XVIII в. была, по-видимому, уже чем косули.

В Рижском наместничестве кабаны появлялись в эти годы редко, забегая из Польши. В описании Ревельского, Новгородского и Псковского наместничеств о кабанах не упоминается²⁶. На севере Витебской губернии во время генерального межевания они были отмечены только в двух лесных дачах Людинского уезда. Одна из них (площадью 80 464 десятины) находилась на левобережье р. Кухвы, примыкая к селам Мариенгаузен, Балтино, Боловское и к ряду деревень (Козьи Горы, Заболотье, Сируги, Коркуны, Чаги и т. д.). Вторая дача (2011 десятины), в которой водились и олени, примыкала к деревням Блонта, Вильдыша, Ожорги, Шматы и ряду других²⁷.

В Белоруссии кабаны были распространены неравномерно²⁸. В Могилевской губернии они встречались чаще всего в южных уездах. В Белицком уезде кабаны были отмечены в 20 лесных дачах, в Рогачевском — в 17. Но в Сенненском, Копытском, Оршанском, Могилевском, Чаусском уездах их не было. В Минской губернии кабаны встречались во всех уездах, причем наибольшее количество лесных дач, где они водились, располагалось в Мясском, Игуменском, Слуцком и Бобруйском уездах²⁹. В Витебской губернии кабаны были отмечены в семи лесных дачах Себежского уезда, но в большинстве других уездов их не было. В суровую многоснежную зиму 1839/40 г. в Гродненской губернии погибло множество кабанов. В Беловежской пуще находили по 20—30 кабанов, погибших от голода и стужи (Бобровский, 1863).

К концу XVIII в. сильно сократилась площадь распространения бобр. В Лифляндии, где бобры встречались реже, чем прежде (Fischer, 1778), они обитали по р. Гауйе (Aa) и в некоторых других местах (см. Приложение в конце книги). Бобры оставались кое-где и в Псковском наместничестве (Лепехин, 1780). Обеднела бобрами и Белоруссия. В описании Полоцкого наместничества, составленном в 1791 г., глухо сказано, что в нем водятся бобры³⁰, но в «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию Витебской губернии, которое было закончено в 1798 г., бобры не отмечены ни в одном из ее уездов.

В «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию Могилевской губернии бобры указаны лишь в трех уездах — Быховском, Черниковском и Климовичском³¹. В Быховском уезде они встречались в огромной лесной даче, простиравшейся от г. Новый Быхов на юге до д. Вольные Белевичи и д. Коркоты на севере. По территории этой дачи протекали Днепр и реки Лахва, Друть, Грезла, Езва, Полна, Ухляс и Бобровая. В Черниковском уезде бобры были отмечены в трех лесных дачах, по которым протекали Сож, Проня и их притоки Удога, Усошка, Гиженка, Тросливец, Телешовка, Турия, Елья. В Климовичском уезде они были распространены лишь в Хотимском воеводстве, по территории которого протекали р. Беседь и ее притоки Еленка, Тростянец и Гуйска.

²⁵ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Вытегорский уезд, д. 2.

²⁶ ЦГВИА, д. 18 827, 19 135, 18 875 и 18 960.

²⁷ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Людинский уезд, д. 14.

²⁸ Там же, Могилевская и Витебская губернии (все уезды).

²⁹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 839.

³⁰ Там же, д. 18 354.

³¹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Быховский уезд, д. 10; Черниковский уезд, д. 35; Климовичский уезд, д. 13.

В Мясной губернии, по данным «Камерального экономического описания», бобры встречались лишь в трех уездах — Борисовском, Игуменском и Бобруйском³². В Борисовском уезде бобры водились в семи земельных дачах, одна из которых принадлежала Михаилу Радзивиллу и занимала около половины уезда (в его владениях было 1573 крестьянских двора и жило 42 797 человек, плативших подать, и 1029 человек, не плативших ее). По этим дачам протекали реки Березина, Мрай, Цна, Гайна, Бродня, Плиса, Гурбянка, Жортайка, Нача, Бобр и некоторые другие, более мелкие. В Игуменском уезде бобры были отмечены в двух соседних дачах, занимавших значительную часть уезда. По этим дачам протекали реки Березина, Уса, Свислочь, Неета, Оlsa и некоторые другие. В Бобруйском уезде было тоже две земельных дачи, где жили бобры. Одна из них (местечко Свислочь и окрестные деревни) примыкала к западу к бобровой даче Игуменского уезда; по ней протекали р. Березина и р. Оlsa. Вторая дача (местечки Уречье, Любань, Старые дороги и ряд деревень), принадлежавшая Доминику Радзивиллу, располагалась на западе Бобруйского уезда. По ней протекали реки Оресса, Талица, Береза, Птичь, Оражня, Жолязанка, Донолька и некоторые другие, более мелкие.

Из промысловых лесных птиц в большей части Белоруссии, за исключением Мстиславского уезда (Могилевская губерния) и некоторых других малолесных уездов, были обычны глухари и рябчики. В огромных владениях князя Радзивилла в Борисовском уезде была отмечена «пард-ва» — белая куропатка. Составитель «Экономического примечания» к генеральному межеванию Минской губернии, не вполне знакомый с сезонной линькой этой птицы, написал о самках, что они на зиму «перья не отменяют» и что это свойственно только самцам, которые перья «на зиму отменяют и бывают белые»³³.

Кое-где были распространены и степные птицы. На юго-восточной окраине Белоруссии — в Белицком и Рогачевском уездах — гнездилися стрепет (Кириков, 1960). Он проникал туда по сухоходным лугам и необлесенным песчаным буграм. Другая степная птица — дрофа, — более приспособленная к жизни на полях, в 70-х годах гнездилась даже в Лифляндии (Fischer, 1778).

Распространение некоторых видов рыб в XVIII в. сильно отличалось от современного. Это особенно хорошо заметно на осетровых и лососевых рыбах.

Балтийского осетра в XVIII в. ловили в Шлиссельбургском уезде в Ладожском озере, Неве и некоторых других реках; однажды он был пойман в р. Пяру³⁴. О распространении русского осетра сведений больше. В Днепре его ловили в Речицком, Быховском, Могилевском и Бабиновичском уездах³⁵. Далеко вверх поднимались осетры и по р. Сожу, где их ловили у г. Черыкова. В р. Припяти осетры водились в Речицком (около деревень Белосороки, Довляды, Вепры, Наровля и Бабарово) и Мозырском уездах (около г. Мозыря и деревень Михновичи, Балажевичи, Макаричи, Вышелов, Дорошевичи)³⁶. В тех же местах на Припяти встречалась белуга и стерлядь. Кроме того, стерлядь в Западном крае жила в Мсте, Шексне и Мологе (в пределах Новгородского наместничества).

В источниках XVIII в. лосось (*Salmo salar* L.) и кумжа (*Salmo trutta*) обычно назывались «лох», «лоховиша» или «лосось». Поэтому во многих случаях нельзя выделить сведения, которые относились бы отдельно

³² ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 839.

³³ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 839, л. 519.

³⁴ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 999, 18 827.

³⁵ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания; Быховский уезд, д. 10; Могилевский уезд, д. 11; Бабиновичский уезд, д. 2; Черниковский уезд, д. 35.

³⁶ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 839.

к лососю или кумже, и их приходится объединять. Из рек, впадающих в Ладожское озеро, лососи ловились в Волхове, Сязи, Паше и Свири³⁷. В Западной Двине лососей было особенно много в ее нижнем течении, но они поднимались также далеко вверх по Двине и ее притокам. В верхнем участке Западной Двины (в пределах Западного края) лососей ловили в Полоцком и Суражском уездах Витебской губернии и в Торопецком уезде Псковского наместничества³⁸. Лосось заходил также в Неву и некоторые другие реки Шлиссельбургского уезда, в устья Воронки и Систы, в Лугу, Нарву, Пярну, Гауйю и некоторые другие реки, протекавшие по территории Ревельского и Рижского наместничеств.

Сведения о распространении форели в бассейне Балтийского моря немногочисленны. В топографических описаниях Ревельского и Рижского наместничеств³⁹ сказано лишь, что форель в реках водится, но в каких именно не отмечено. В топографическом же описании Петербургской губернии⁴⁰ есть сведения о том, что форель ловилась в Стрелинке, Воронке и Систе. Кроме того, форель была отмечена в реках Печорского уезда Псковского наместничества, а также в р. Мсте⁴¹.

В устьевые участки рек Прибалтики изредка заходил тюлень. В 1787 г. его обнаружили, например, в р. Пярну⁴².

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

В этот отрезок времени распространение и численность многих видов промысловых животных и среда их жизни продолжали изменяться в тех же направлениях, которые наметились в конце XVIII в. Лесистость все более уменьшалась, хвойные леса после вырубki обычно сменялись лесами с преобладанием осины и березы; увеличивалась площадь папши; физические и химические свойства речных вод ухудшались, добыча ценных животных становилась все более истребительной.

На расселении некоторых видов промысловых животных заметно сказалась первая мировая война. В Белоруссии, например, резкое уменьшение численности медведей произошло именно в эти годы (Федюшин, 1929). В Гомельском уезде на 1 сентября 1927 г. медведей не было совсем, а в 80-х годах XVIII в. в этом уезде, площадь которого тогда мало отличалась от его площади в границах 1927 г., медведи водились в 22 лесных дачах. По всей восточной Белоруссии (Могилевская, Витебская и значительная часть Минской губернии) численность медведей в 1927 г. определялась всего в 90—100 голов (там же). В Эстонии в 1923 г. оставалось только 23 медведя (Линг, 1955). На волчьем стаде война и послевоенные годы сказались по-иному. За 1915—1925 гг. распространение волков в Белоруссии не сократилось, а расширилось. То же самое было отмечено в Эстонии (там же). А. В. Федюшин (1929) видел главную причину увеличения числа волков в отсутствии действительной борьбы с ними. Это справедливо, но возможно, что число их после войны увеличилось еще и потому, что в военные годы они имели зимой, в голодное для них время, больше корма, чем обычно. Рысь к 20-м годам XX в. стала довольно редкой в восточной Белоруссии, и ее добывалось только до 20—70 штук в год (там же). В Эстонии число рысей за годы первой мировой войны не-

³⁷ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 875; ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Лодынопольский уезд, д. 24.

³⁸ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Полоцкий уезд, д. 19; Суражский уезд, д. 27; ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 960.

³⁹ Там же, д. 18 999, 19 135 и 18 827; Лепехин, 1780.

⁴⁰ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 135 и 18 827.

⁴¹ Там же, д. 18 999, 18 960, 18 875.

⁴² Там же, д. 18 827.

сколько увеличилось, но к концу 20-х годов их стало меньше (Линг, 1955).

Уменьшилась численность копытных, во многих местах Белоруссии и Прибалтики они исчезли совсем. К 1927 г. в восточной Белоруссии насчитывалось всего около 450 лосей (Федюшин, 1929). В Литве их число резко сократилось после подавления восстания 1863 г., так как во время боев с повстанцами в больших лесных массивах прорубались широкие просеки, и в самых глухих местах шли бои. По всей вероятности, много лосей покинуло в тот год литовские леса и перекочевало в соседние местности. Это предположение подтверждается сведениями, что в 60-х годах в Эстонии произошло резкое увеличение числа сохатых в результате их вселения извне (Линг, 1955). В самом начале XX в. на территории современных Латвии и Эстонии лосей было около 3000 голов, но в 1905—1906 гг. их стало меньше наполовину, а к окончанию первой мировой войны осталось всего около 20 голов (там же). Косули в Белоруссии к 20-м годам осталось очень мало даже в самых глухих и удобных для ее обитания местах (Федюшин, 1929). В Эстонии с середины XIX в. число косуль начало увеличиваться, но в суровые зимы в конце XIX — начале XX в. и во время первой мировой войны значительная часть их погибла и рост стада задержался. Больше всего гибли молодые косули и самки (там же).

С 20-х годов стало замечаться увеличение численности бобров в Белоруссии. К 1927 г. они были сосредоточены главным образом в Березинском заповеднике по р. Березине и ее притокам. Кроме того, поселения бобров были обнаружены на р. Соже и его притоках — Проне, Лобжанке, Ипути и некоторых других. В бассейне р. Припяти бобры в те годы были редки и встречались только по р. Славечне и р. Ореси, на оз. Старый Перевоз и оз. Зимник (Федюшин, 1928).

Среди боровой дичи увеличения численности не наблюдалось нигде, а распространение глухаря даже сильно сократилось. Особенно обеднела глухарем наиболее обезлесенная часть Белоруссии, расположенная к востоку от Днепра (Федюшин, 1929).

В начале XX в. осетровые рыбы перестали заходить в Припять, Сож и их притоки. В Припяти последние случаи отлова осетров были отмечены в 1908 и 1913 гг. (Пенязь, 1956). Один осетр был пойман в окрестностях г. Мозыря и два — в окрестностях местечка Петрикова. Белуги в реках Западного края очевидно не было. Гораздо реже, чем в конце XVIII в., стал заходить в Западную Двину балтийский лосось.

Второе тридцатилетие XX в.

Для некоторых видов охотничье-промысловых животных эти годы оказались благоприятными, для других — губительными. С начала 30-х годов началось заметное увеличение числа лосей. Они появились во многих местах там, где их не было в течение нескольких десятилетий. В Эстонии лосиное стадо сильно увеличилось в 1949—1953 гг., и в 1955 г. в нем насчитывалось 800 голов (Линг, 1955). Приблизительно в это же время (1946—1952 гг.) возрастала численность лося и происходило его расселение и в Белоруссии. После многих лет отсутствия он появился в той части республики, которая расположена к востоку от Днепра. В 1952 г. число белорусских лосей определяли приблизительно в 600—800 голов (Сержакин, 1961).

Продолжался также рост кабаньего стада. В Эстонии к середине 50-х годов кабанов стало значительно больше, чем в первой половине XIX в. За 30-е годы XX в. они широко расселились по Белоруссии, наибольшая плотность его была отмечена на юго-западе республики (там же).

Численность косуль в эти годы испытывала значительные колебания. В Эстонии за период 1931—1939 гг. их стадо увеличивалось, и в 1940 г. средняя плотность населения косуль достигла 300 голов на 1000 га леса, но в суровую и многоснежную зиму 1939/40 г. 30—40% их погибло. Много погибло косуль и в следующие две зимы (1940/41 и 1941/42 гг.). В середине 50-х годов их было приблизительно в 4 раза меньше, чем в 1940 г. (Линг, 1955).

В Белоруссии в 1931—1940 гг. также было отмечено увеличение числа косуль. В 1936 г. в республике (без ее западных областей) их насчитывали около 2 тыс. особей. В 1950 г. их стало еще больше, а затем в 1955—1959 гг. стадо косуль уменьшилось (Серджанин, 1961).

Особенно сильный рост численности в этом тридцатилетии отмечался у бобров. Они поселились по многим рекам, и Белоруссия стала главным источником, откуда бобров расселяли в другие части страны. С 1946 по 1960 г. было переселено больше 1,5 тыс. белорусских бобров в другие районы и около 600 бобров — в самой Белоруссии. В 1947 г. в одном только Березинском заповеднике было 147 жилых бобровых хаток, не считая нор; всего же в бассейне р. Березины (кроме самой реки) в 1948 г. насчитывалось 241 хатка. В бассейне Сожа было 82 хатки, в бассейне Немана — 98 хаток и в бассейне Припяти — 24 хатки (там же). Быстрый рост населения бобров происходил и в Прибалтике. В юго-восточной части Литвы по учету 1961 г. оказалось 127 бобровых семей (Палеонине, 1963).

Наряду с ростом населения одних видов охотничье-промысловых животных, численность других неуклонно уменьшалась. Это особенно заметно в отношении медведя, глухаря, осетровых и лососевых рыб.

Как уже указывалось, осенью 1927 г. в Белоруссии (в границах того времени) насчитывали около 90—100 медведей. В 1960 г., по данным С. С. Мельникова (1961), во всей Белоруссии, включая и ее западные области, их было всего 49. В Гомельской, Брестской и Гродненской областях медведей уже совсем не было, а в Могилевской оставалось всего три медведя.

Спуск в реки отравленных вод резко ухудшил условия жизни рыб, а хищнические способы лова (глушение взрывчаткой, вылов во время нереста и т. д.) препятствовали воспроизводству ее запасов. Особенно резко сократились запасы и распространение наиболее ценных рыб — русского и балтийского осетра, лосося, форели и вырезуба. Накануне первой мировой войны в Петербургской губернии было 28 форелевых хозяйств, и в 1912 г. по Балтийской железной дороге в Петербург было доставлено 1800 пудов живой форели. Теперь положение сильно ухудшилось. Недавно сообщалось, что гатчинская форель находится под угрозой гибели⁴³.

⁴³ Газета «Сельская жизнь» от 25 августа 1962 г.

ЦЕНТР ЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР

Центр Европейской части СССР, или Центральный край, включает современные Калининскую, Ярославскую, Ивановскую, Смоленскую, Московскую, Владимирскую, Брянскую и Калужскую области, а также лесные (северные) части Тульской и Рязанской областей.

В Центральном крае хорошо выделяются отрезки трех природных подзон — южной тайги, хвойно-широколиственных лесов и дубравно-боровой. В южной тайге и в северной части подзоны хвойно-широколиственных лесов наиболее обычными были ель, сосна, береза, осина и ольха, причем еловые леса господствовали над сосновыми. Например, в Тверской губернии их соотношение в конце XVIII в. определялось как два к одному¹. Дуб, клен, ясеня, ильм и вяз были сравнительно редки и прежде, но все же в XVIII в. их было больше, чем в настоящее время. Это видно хотя бы из того, что при характеристике лесов Тверской губернии, составленной в 50-х годах XIX в., отмечалось, что в р. Тверце часто находили черный дуб (Штукенберг, 1858). Больше было широколиственных лесов и в Бельском уезде Смоленской губернии.

В северной части Центрального края значительную часть территории занимали обширные заболоченные низины, природа которых имела более северный облик, чем соседних с ними суходолов. Морошка, например, в 60-х годах XIX в. встречалась по всей Ярославской губернии, особенно в Угличском, Пошехонском, Любимском и Давиловском уездах, в Ярославском и Ростовском уездах она встречалась гораздо реже. Поляники (*Rubus arcticus* L.) было много около Ярославля, а в Ростовском уезде она понадалась редко (Петровский, 1868). Бельский уезд изобиловал большими и малыми моховыми болотами и поэтому его называли Смоленской Сибирью.

В более южных районах Центрального края, дуб, клен и другие широколиственные породы встречались чаще. Известно, например, что г. Серпухов и стены вокруг него были выстроены сплошь из дуба. В 1373 г. «князь Володимир Андреевич заложил в своей отчине град Серпухов дубов[ый]». В XVIII в. из Можайского уезда по р. Москве и по р. Можайке гнали плотами дубовые бревна и доски (Бакмейстер, 1771). Н. А. Иванова (1927), описывая растительность Сергиевского уезда Московской губернии, отметила, что на вершинах и склонах холмов нередко встречались чистые лиственные леса с господством дуба и значительной примесью клена, ясеня, вяза и яблони. По мнению Н. А. Ивановой, такие леса в Подмосковье в сравнительно недавнем прошлом были распространены значительно шире.

В дубравно-боровой подзоне преобладали широколиственные, смешанные широколиственно-сосновые леса и южные боры. Еще в конце XVIII в.

¹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 088.

в бассейнах р. Ипути, Беседи и их притоков Унечи и Выхолки росли корабельные леса. За два последних столетия площадь как широколиственных, так и сосновых лесов в этой подзоне сильно уменьшилась. В южных борах Центрального края была довольно значительной примесь осины и липы, и вырубки быстро покрывались густой порослью этих пород, а сосна возобновлялась очень плохо. Сухие же боры после вырубки нередко превращались в необлесенные пустыри. Отмечая уменьшение площади боров в Тульской губернии, М. А. Мензбир (1879) писал, что здесь «всякий вырубленный бор должно считать уничтоженным навсегда».

В конце XVIII в. ель в дубравно-борово́й подзоне встречалась лишь местами, но не крупными массивами, а как примесь в лесах. Она была отмечена в Серпейском, Козельском, Перемышльском и Лихвинском уездах Калужской губернии и в Одоевском уезде Тульской губернии², а в лесах Трубчевского, Брянского и Карачевского уездов Орловской губернии она была даже одной из главных пород³.

На границе между дубравно-борово́й подзоной и лесостепью протягивалась полоса засечных лесов, имевшая оборонное значение. Она проходила от г. Жиздры до окрестностей г. Рязани. Засечные леса были заповедными и тщательно охранялись. После осмотра Козельской и Дубенской засек (1638 г.) воеводы донесли о необходимости объявить заповедный засечный лес запретной зоной, с тем, чтобы никто не смел заходить в него, ни владеть в нем бобровыми и выдровыми гонами или заводить бортное пчеловодство (Акты Московского государства., 1894). В засечных лесах в основном росла осина, дуб, липа, к ним примешивалась береза, вяз, клен и ясень. В дубравно-борово́й подзоне было довольно много заболоченных земель, особенно заболоченных лесов и травяных болот, моховые болота встречались редко. В отличие от тайги здесь было немало судоходных лугов, а местами на пасаках попадались необлесенные сухие бугры.

XIV — XVII вв.

Центральный край был издавна заселен славянскими земледельческими племенами. До их появления в центральной и восточной частях края жили финские племена, но под натиском славян они отодвинулись к северо-востоку или смешались с ними. В течение XIII—XVII вв. Центральный край часто опустошался и некоторые районы становились малолюдными. В Московском княжестве многие земли обезлюдели после погромов, учиненных Тохтамышем (1382 г.) и Эдигеем (1409 г.). От татаро-монгольского нашествия особенно пострадали Владимирское и Суздальское княжества, где находилось так называемое Ополье с уже тогда хорошо развитым земледелием, успех которого обуславливался плодородием местных почв. Южная окраина Центрального края особенно часто подвергалась набегам татар и поэтому вплоть до XVI в. была заселена слабей, чем территории, более удаленные от Орды, Крыма и погайцев. Например, о г. Кашире в писцовых книгах конца XVI в. написано, что дворы были сожжены татарами, часть жителей угнана в полон, часть умерла «в лихое поветрие», а остальные разошлись кто куда. «Земля и луги лежит пуста, не владеет ею никто» (Писцовые книги XVI века.. 1877, стр. 1304). В 1592 г. татары разорили Рязанский, Каширский и Тульский уезды, множество народу было угнано в плен. Смоленская земля также часто бывала ареной борьбы Московского государства с Великим княжеством Литовским, а потом с Польшей и разорялась ратными людьми.

² Отчеты по Калужской провинции на заданные экономические вопросы, 1769. ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Козельский уезд, д. 13; ЦГВИА. Фонд ВУА. д. 18 752 и 19 125.

³ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 903.

Кроме того, земли Центрального края сильно обезлюдели в период царствования Ивана Грозного, когда значительная часть населения погибла от руки опричников, а многие ушли на юг (в казаки) и на восток — в Прикамье и Поволжье. Производ опричников и производимый ими грабеж поставили страну на край гибели, что под конец понял и сам Иван Грозный. Он признался, что Русская земля «в пустошь занурилась и в запустение пришла» (Платонов, 1924, стр. 78). А еще в начале его царствования земли между Москвой и Ярославлем принадлежали к числу наиболее заселенных районов с хорошо развитым для того времени сельским хозяйством. Из северных областей в Москву приезжали за 1000 верст покупать хлеб и привозили меха, соленую рыбу, кожи (Соловьев, 1960).

Многие районы Центрального края не раз пустели и становились малолюдными и от других причин, особенно от мора и голода, от которых Московская, Смоленская и другие земли страдали неоднократно. В период с XIV по XVII в. особенно сильный мор и голод отмечались в следующие годы. В 1309 г.— «глад великий» по всей Русской земле; в 1364 г.— в Переяславском уезде и в Коломенском уезде. На следующий год «мор велик и страшен» перекинулся в Москву и многие другие города и сельские поселения. «Дворы мнози пусты быша, а в иных един остался или два» (Московский летописный свод., 1949, стр. 182). В 1417 г. был страшный мор в Тверском и Дмитровском княжествах, а в 1420 г.— Ярославле, Ростове, Костроме, Галиче, Плесе. Вымерло столько народу, что местами некому было жать жито. Вдобавок очень рано, когда хлеб еще не был убран, лег снег, и начался голод. В 1422 г. голод прошел по всей Русской земле. Спасаясь от него, народ уходил в Литву и умирал по дороге «с глада и студени, бе бо зима студена» (там же, стр. 245). В 1423 г. на Руси также был голод, люди ели мертвотину, «нечистых» зверей и птиц, гадов (Устюжский летописный свод, 1950). 1425 и 1427 гг. отличались великим мором в Московской и других русских землях. В 1448 г. «мор быть силен на люди и на кони в Москве» (там же, стр. 81). В 1551—1552 гг. был великий мор, в 1557 г.— голод по всей Московской земле; в 1571 г.— опять большой мор. В 1601 г. вследствие непрерывных дождей и позднего сильного заморозка в августе на Успенье погиб весь урожай. Начался голод, продолжавшийся более двух лет. На четырех кладбищах Москвы за эти годы похоронили 127 тыс. человек (Валишевский, 1911).

Из-за всех этих бедствий прирост населения в XIV—XVII вв. был в несколько раз меньше, чем в XVIII—XIX вв., а сельские поселения часто исчезали, уступая место пустошам, на которых затем нередко опять появлялись деревни и починок. Деревни, возникавшие в лесах, были небольшими. В XVI в. в Тверском уезде большая часть деревень состояла из одного — трех дворов (Лаппо, 1894). В актах того же века, касающихся Переславль-Залесского уезда, часто упоминаются селения в один — пять дворов (Кириков, 1960).

В Центральном крае так же, как и в других частях лесной зоны, чтобы завести пашню, приходилось расчищать лес. Поэтому во многих юридических документах XIV—XV вв., касавшихся купли-продажи, обмена или пожертвования земельных угодий в Московском, Суздальском и других княжествах, обычной формой обозначения границ пашен и сенокосов были слова: «куды соха и топор и коса ходили». «Земля божья, а роспашни пашни», — говорили крестьяне. Освоение земель под пашню описано в некоторых исторических документах. В одной из купчих середины XVII в., касавшейся земель в Кашинском уезде, сказано: «А будет он Оцдрейн впредь, проча себе, в той вотчине вновь пашни распахет, и лесу расчистит, и санных лугов раскосит, и дворов построит, и в те дворы вновь крестьян назовет и посадит, или из иные своей вотчины и из поместья в ту вотчину крестьян переведет и посадит...» (АЮБ, 1864,

стр. 374). Крестьянам, поселявшимся среди леса, давались, как и в Западном крае, льготные годы, в течение которых они не платили государственных поборов. «А которые сядут на десе,— говорилось в княжеской грамоте, пожалованной Кирилло-Белозерскому монастырю,— тем людем не падобе моя дань на пятнадцать лет» (АСЭИ, 1958, стр. 143).

Когда расчищенная из-под леса пашня истощалась и урожаи становились плохими, ее нередко забрасывали и заводили на новом месте. Зброшенные пашни превращались в перелог, зараставшие лесной порослью — «пороснягом» и «парусняком». Затем вырастал лес, годившийся на жерди и колья, и, наконец, строевой, хоромный лес. Во многих местах Центрального края поле и лес не раз сменяли друг друга; поэтому различали «леса дикие» и «леса пашенные» (Кириков, 1960). На одном из судов, рассматривавшем дело о спорной земле, ответчик говорил судье: «а яз, господин, ту полянку посек лес дичь.... Еще видите сами,— показывал он на лес, стоявший дальше за его пашней,— лес дичь... и топор с топором не шолся», т. е. за его пашней опять был дикий лес, отделявший ее от соседнего поля, также расчищенного (АСЭИ, 1958).

Кроме хлебопашества и разведения домашнего скота важное значение в хозяйственной деятельности населения Центрального края имели охота и рыбная ловля.

Так же как и в Западном крае, земли жаловались, дарились или покупались не только с селами, деревнями, людьми, но и с ловами зверей и птиц. Бобровые гоны выделялись особо. Сущность актов такого рода была в разных княжествах одинаковой. Так, Троице-Сергиев монастырь выменял в 1455—1466 гг. три села в Бежецком Верхе «со всем с тем, что к ним потягло истариши, и с пустошами, и с пожнями, и с лесом, и куда плуг ходил, и куда соха ходила, и куда топор ходил, и куда коса ходила, и с перевесы и с ловищи, и с купчею грамотою» (АСЭИ, 1952, стр. 195). Села Ильинское и Михеево с окрестными деревнями Дмитровского уезда были проданы (в 1651 г.) с крестьянами и бобылями, «с лесы и з болоты и с сениыми покосы и с отхожими пашнями и с рыбными ловлями и з бобровыми гоны и со всякими угоды» (Шумаков, 1912, стр. 43). Иван Грозный, меняя с удельным князем Владимиром Старицким вотчинные княжеские владения, оговаривал в договорных грамотах, что города и уезды (Дмитровский, Старицкий, Звенигородский, Верейский и др.) обмениваются не только с посадами, станами, волостями, дворцовыми селами, пахотными землями, пашенными и непашенными лесами, но и с бобровыми гонами и перевесами (Духовные и договорные грамоты..., 1950). «З лесы, з боры, и з ловы, и з ловищи... и з бобровыми гоны» жаловали литовский великий князь Александр разные имения, находившиеся в Смоленской и Брянской земле (Акты Литовской метрики, 1897). Киевская княгиня Анастасия пожаловала в 50-х годах XV в. Троице-Сергиеву монастырю земли в Почапской и Передольской волостях Малоярославецкого уезда с «приселками, и со всеми пошлинами, и с людами, што издава к тым волостям прислушали и к тым приселком, и с землями, и з водами, с озеры, и с реками, и с речками, и с потоки, и з бобровыми гоны, и с полями, и с сножадами, и с лесы, и з дубровами, и чащы» (АСЭИ, 1952, стр. 200).

После окончания Смуты московские власти послали писцов в разные концы земли произвести учет населения и различных угодий, с которых брался оброк. В наказе подробно перечислялось, что подлежало учету. «Да писцом же... писать села и деревни, и починки и пустоши, и селища, и займища, и оброчные реки, и озера, и истоки, и пруды, и мельницы, и весуды и перевесы, и рыбные ловли, и бобровые гоны, и лосные стойла, и борные ухожья всяких оброков» (Седашев, 1912, стр. 153).

Одной из повинностей крестьян было участие в княжеских ловах. Крестьяне Троице-Сергиева монастыря, жившие в Бежецком Верху, должны посылать (в начале XVI в.) на княжеские ловы «на медведи, и на лоси.

и на оленей» по пять человек с сохи (Акты исторические, 1841, стр. 173). Иногда эта повинность для некоторых монастырей отменялась; в таких случаях это оговаривалось в грамотах. Так, дмитровский князь, освобождая от этой повинности монастырских крестьян, приказывал: «так же и мои ловчие и охотники и псаря к ним не съезжают и поборов с них не берут, и на медвежьих, и на лисьих, и на волчьих полях монастырских крестьян не наряжают» (В. И. Холмогоров и Г. И. Холмогоров, 1882, стр. 28).

Большое значение охоты в хозяйственной деятельности населения является по историческим документам достаточно ясно. Сведения же о распространении промысловых животных отрывочны, за исключением сведений о расселении бобра. Бобровые гоны, как уже упоминалось, выделялись особо и были взяты в некоторых местах на учет уже в XII в. «А у Дорогобужа три гоны короткие», — сказано, например, в грамоте смоленского князя Ростислава в 1150 г. (По-видимому, это самое древнее письменное сообщение о точном местонахождении бобровых гоним в нашей стране.) Вместе с тем из исторических документов следует, что бобры уже в XVI—XVII вв. были в Центральном крае сильно истреблены и оставались только в немногих местах. Относительно распространения другого очень ценного пушного зверя — соболя — есть прямые указания лишь у С. В. Бахрушина и Я. Я. Стрейса. «В XV в. около Углича еще попадались соболя», — писал С. В. Бахрушин (1909, стр. 579), не указывая, к сожалению, источника этих сведений. Я. Я. Стрейс путешествовавший по Московскому государству в 1668 г., писал, что в огромном лесу около г. Брянска, где еще не ступала нога человека, много горностаев и соболей (Стрейс, 1935). Следует отметить, что Я. Я. Стрейс наряду с достоверными сведениями приводит и ошибочные, и поэтому его сообщение может возбудить некоторое сомнение. Кроме того, известно, что в начале XVI в. Смоленск должен был вносить в счет ордынщины два сорока соболей (Акты, относящиеся к истории Западной России, 1846; Dyamentowski, 1901). Какие это были соболя — местные или покупные, — решить трудно.

Среди пушных зверей важное место занимала белка. Натуральный оброк белками существовал в Центральном крае еще во второй половине XVI в. (Хорошкевич, 1963). Большие партии пушнины, в которых обычно преобладали белки, вывозились из Центрального края в Литву. В 1490 г. у одного из тверичей на земле Великого княжества Литовского было похищено 13 тыс. шкурочек устюжских и шувайских белок, а у двух других по 4 тыс. (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, 1882). Белки клязьминского сорта вывозились за границу и через Новгород (там же). В реках, речках и пойменных озерах в бассейне Волги была многочисленна выхухоль, стоявшая тогда 2—3 коп. (Кильбургер, 1820). Выдра встречалась во многих местах. Ценилась она дорого, и поэтому кое-где существовали особые «выдряные гоны».

Из копытных зверей больше всего было лосей. В XVII в. обозы с битыми лосями шли в Москву из бельских лесов Смоленской земли. В 60-х годах того же столетия лосей убивали на Смоленщине в ельнинских, каснянских и поречских лесах (История Москвы, 1923; ДАИ, 1853). Известно также, что на лосей охотились люди бежецкого князя. Кабаны добывались главным образом в смоленских и брянских лесах. Очень мало, по-видимому, было оленей. Я. Я. Стрейс (1935), утверждавший, что Московия богата зверями, сделал оговорку, что это не относится к оленям. Другие редкие сообщения, где говорится об оленях, касаются северной части края (Бежецкий Верх), причем, по всей вероятности, имеются в виду северные, а не благородные олени.

Довольно большое значение для населения Центрального края имела, судя по законодательным и другим историческим актам, ловля тетеревинных и водоплавающих птиц. В дополнительных статьях к Судебнику Ивана Грозного сказано, что за кражу птичьего шатра назначался штраф

3 руб. — стоимость по ценам того времени трех-четырёх коров. За кражу перевесной сети и порубку деревьев, на которых она устанавливалась, штраф увеличивался вдвое. Такой же штраф (6 руб.) полагался за уничтожение птичьей привады (Дополнительные статьи к Судебнику..., 1855). Столетием позже, в Уложении царя Алексея Михайловича входили специальные статьи, касающиеся наказания за кражу или порчу птичьих привад и орудий лова. За кражу тетеревиного шатра полагался штраф 3 руб., за кражу курошачной сети — 1 руб.; за порчу привады — «если кто измажет ее дегтем или натрет чесноком» — 3 руб. Кроме того, виновника нещадно били батогами (Уложение царя Алексея Михайловича, 1874).

Ловля водоплавающих птиц перевесами производилась во многих местах Центрального края, начиная от верхнего течения р. Днепра на западе до Шексно-Мологской низины на севере и до долины р. Оки на юге и востоке (Древние грамоты и акты Рязанского края., 1854; Белевская Вивлиофика., 1858; Приходо-расходные книги., 1923; Духовные и договорные грамоты., 1950, и др.). Перевесы ставились там, где был значительный лет уток и гусей. Лишь в этом случае лов птиц мог оправдать большой труд, затрачиваемый на плетение и установку сети и на дежурство у перевеса. Кроме того, иногда приходилось прорубать просеку в лесу, чтобы установить перевес на удобном месте. Поэтому перевесы устраивались чаще всего в речных поймах, богатых утиными угодьями. У жителей с. Шумоши и д. Поляны, расположенных в Рязанском подгородном стане в долине р. Оки, было, например, 20 перевесов. Несколько перевесов принадлежало жителям д. Чеботовой и д. Славковой, располагавшихся в Смоленщине и Дорогобужском уезде близ устья р. Осьмы (приток Днепра).

Из тетеревиных птиц, по-видимому, особенно много добывалось тетеревов. Известно, что в XIV в. на Смоленской земле были особые промысловые охотники «тетеревики», которые занимались добычей этих птиц (Голубовский, 1895). Тетерева упоминались также в таможенных грамотах, посланных Николо-Песношскому (1621 г.) и Калезинскому (1652 г.) монастырям. При вычислении пошлины, которая бралась с привезенных продуктов, 30 тетеревов приравнивались к стягу мяса (ААЭ, т. 2 и 4, 1836).

При Московском дворе еще в конце XVII в. существовали особые птичьи стрельки. Известно, например, что стрелок Тараканов должен был доставлять ежегодно 400 тетеревов, 50 рябчиков, 50 утят, десять гусей, четыре лебедя, четыре цапли и два журавля (Сборник князя Хилкова, 1879). Лебеди в Центральном крае гнездились редко, и поэтому в XVI в. на того, кто взял яйца из лебединого гнезда в чужих владениях и погубил гнездо, налагался штраф 3 руб. (Дополнительные статьи к Судебнику..., 1855). Охота с ловчими птицами была в почете у знати, и поэтому за кражу из гнезда молодых соколят (сапсанов) или за уничтожение дерева, на котором располагалось соколиное гнездо, был установлен штраф 6 руб.

Рыбная ловля имела в то время несомненно важное значение как в крестьянском, так и в монастырском и княжеском хозяйствах. На обиход одного только Троице-Сергиева монастыря велено было привозить ежегодно (в первой четверти XVII в.) 6 тыс. осетров и севрюг, 300 «колуг» (вероятно, белуг. — С. К.), 10 тыс. белорыбицы, 600 пудов черной икры, 15 бочек осетрины, 500 спинков и 200 меш белужьих (Собрание узаконений Русского государства, 1874). Но сведений о том, где и какая ловилась рыба, сохранилось мало, и они относятся преимущественно к наиболее ценным видам. Известно, например, что в 80-х годах XVII в. на Шексно в Цылинском езе ловили осетров, белугу, стрелядь и белорыбицу (АЮБ, 1864). Ока и ее притоки были богаты осетровыми рыбами (особенно стерлядью) и белорыбцей. Так, в московский Кормовой дворец с 1 сентября 1687 г. по 31 августа 1688 г. с Оки из муромских озювых деревень было доставлено 470 стерлядей, из г. Касимова — 5765 стрелядей, 4 осетра, одна севрюга, один шил («костливец»), одна белорыбица, из

с. Белый Омут — 122 стерляди, 3 осетра, 100 белорыбиц, из с. Дединово — 320 стерлядей, 3 осетра, 209 белорыбиц, из с. Ловец — 266 стерлядей, 77 белорыбиц, из с. Любучь — 73 стерляди, 12 белорыбиц, из г. Каширы — 5 белорыбиц, из г. Алексина — 27 стерлядей и 24 белорыбицы⁴.

Из 428 белорыбиц, доставленных с Оки, 378 рыб было длиной примерно по 71 см, 29 — по 67 см, 21 — по 75 см, одна — 80 см и одна — 89 см. Осетры были следующей длины: один — 133 см, два — по 124 см, два — по 111 см, один — 93 см, три — по 89 см и один — 80 см. Длина пойманных стерлядей — местной живой рыбы — колебалась в гораздо больших пределах. Из 7043 стерлядей, доставленных с Оки, рыбы длиной по 18 см составляли 13,2%, по 23 см — 30%, по 27 см — 27,1%, по 32 см — 13,2%, по 37 см — 9,2%, по 41 см — 3,2%, по 45 см — 2%, по 50 см — 1%, по 54 см — 0,5% и самые крупные стерляди (от 54 до 80 см) — 0,6%.

В Оку и некоторые ее притоки еще в XVII в. заходил каспийский лосось. В московский Кормовой дворец из муромских езовых деревень с 1 ноября 1687 г. по февраль 1688 г. было прислано 17 лососей (восемь по 71 см, один — 67 см, четыре — по 62 см, два — по 59 см и два — по 54 см)⁵. В притоки Оки каспийский лосось поднимался на перест; одно из нерестилищ было на р. Ушне (Державин, 1939).

XVIII в. — первая половина XIX в.

В этот период людность в Центральном крае сильно возросла, в связи с чем площадь пашни все более увеличивалась, а площадь лесов уменьшалась⁶. Но наряду с густо населенными (для того времени) местами, превращенными в лесополье, встречались малонаселенные очень лесистые места. Южная часть Центрального края была в целом более населенной и менее лесистой, чем северная. В XVIII в. она полностью избавилась от угрозы татарских набегов и начала быстро заселяться. Одновременно происходила вырубка лесов, а местами полное сведение их, причем чаще сводились широколиственные леса, почвы под которыми были плодороднее, чем под другими лесами. Многие поселения в лесных уездах Черниговщины (Суражском, Мглинском, Новозыбковском, Стародубском), вошедших теперь в состав Брянской области, возникли, например, «на сыром корени» — на месте только что сведенных широколиственных лесов (Лазаревский, 1888).

Чем больше возрастала численность населения, тем больше расходовалось леса на строительство и топливо. Кроме того, много леса шло на железодельные заводы (Брянский, Песоченский, Людиновский и др.), на стекольные гуты и на винокурни. Корабельный и строевой лес сплавливали по р. Ипути, Беседи и их притокам вниз до приднепровских степных мест вплоть до Херсона (Лазаревский, 1888). Поэтому уже к концу XVIII в. многие районы на юге Центрального края стали малолесными и на месте массивов крупного строевого леса появилось мелколесье. В Калужской губернии уже не хватало своего леса в Мещовском и Калужском уездах; не оставалось больших лесов в Мосальском уезде, «только парусник и прощи березовые и осиновые»⁷, мелколесье преобладало в Малоярославском и Боровском уездах. В сходном положении находилась и Тульская губерния, и один из современников писал поэтому, что сохранение и использование лесов находится в «худом состоянии» (Болотов, 1766). Но

⁴ ЦГАДА. Фонд Приказ Большого Дворца. Приходная книга Кормового дворца 17195 г.: л. 190, 191, 193, 202, 210, 211, 225, 237, 239.

⁵ Там же.

⁶ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 088.

⁷ ОРБЛ. Фонд Муз., 132, Географическое и статистическое описание Москвы, ее уездов Калуги, Каширы и т. д.

Таблица 5

Плотность населения (число человек на 1 кв версту) и соотношение земных угодий (%) в Центральном крае

Уезд	Год генерального межевания	№ дела	Плотность населения	Земельные угодья				
				общая площадь, десятины	лес	пашни и пруса-дебные земли	сенокосы	неудобные земли
Тверская губерния								
Весьегонский	1776—1781	11	14,3	612 548	62,5	27,8	5,7	4,0
Вышневолоцкий	1776—1781	17	9,0	844 735	69,8	19,5	3,1	7,6
Бжецкий	1776—1781	7	16,7	736 513	58,6	26,3	6,9	8,2
Кашинский	1776—1781	29	35,3	255 368	39,2	48,6	7,3	4,9
Осташковский	1776—1781	47	8,5	796 930	69,8	16,0	2,2	12,0
Тверской	1776—1781	47	21,2	323 845	51,7	32,2	5,2	10,9
Калужинский	1776—1781	23	24,4	269 914	61,4	30,4	5,1	3,1
Зубцовский	1776—1781	20	25,8	260 966	49,0	44,3	2,9	3,8
Корчевский	1776—1781	32	17,8	404 375	65,3	20,4	3,8	10,5
Ярославская губерния								
Пошехонский	1773—1785	38	14,8	514 333	69,9	23,9	3,4	2,8
Мологский	1773—1785	25	17,5	438 786	70,6	20,8	4,0	4,6
Рыбинский	1773—1785	49	28,5	235 906	55,5	34,0	4,6	5,9
Даниловский	1773—1785	14	36,0	185 664	43,9	44,8	9,0	2,3
Любимский	1773—1785	19	34,5	263 103	59,6	32,5	5,7	2,2
Мышкинский	1773—1785	39	34,5	216 741	40,7	51,2	4,9	3,2
Ростовский	1773—1785	45	29,9	335 701	42,3	39,4	11,8	6,5
Смоленская губерния								
Гольский	1776—1779	6	6,2	913 781	73,3	17,1	3,9	5,7
Гжатский	1776—1779	34	18,0	344 914	53,9	31,6	10,8	3,7
Дорогобужский	1776—1779	44	21,2	345 264	48,6	41,7	5,5	4,2
Юхновский	1776—1779	116	24,4	363 525	36,5	56,1	4,7	2,7
Ельнинский	1776—1779	63	18,5	427 123	52,7	40,4	3,2	3,7
Рославльский	1776—1779	87	14,7	534 520	54,5	38,5	4,0	3,0
Московская губерния								
Волоколамский	1766—1774	15	22,5	212 477	42,2	46,5	7,8	3,5
Клинский	1766—1774	27	22,7	313 995	62,0	25,7	7,7	4,6
Дмитровский	1766—1774	20	22,3	462 423	58,6	29,1	6,7	5,6
Можайский	1766—1774	34	26,7	162 782	33,6	36,0	26,1	4,3
Рузский	1766—1774	43	26,0	177 843	41,4	38,9	13,7	6,0
Московский	1766—1774	38	65,3	125 838	40,9	37,7	14,1	7,3
Верейский	1766—1774	12	27,2	155 666	46,8	41,7	7,4	4,1
Бронницкий	1766—1774	10	25,9	209 172	41,7	38,3	10,3	9,7
Коломенский	1766—1774	30	36,6	153 875	22,6	66,9	7,8	2,7
Владимирская губерния								
Вязниковский	1773—1776	11	20,6	417 294	45,2	46,1	6,0	2,7
Владимирский	1773—1776	6	20,4	467 144	53,2	29,1	6,4	11,3
Рязанская губерния (уезды, находящиеся в лесной зоне)								
Егорьевский	1775—1781	1	23,2	391 570	58,0	21,9	4,8	15,3
Касимовский	1775—1781	1	14,0	474 243	62,1	25,5	5,2	7,2
Зарайский	1775—1781	1	29,0	190 884	20,7	66,7	8,9	3,7
Рязанский	1775—1781	26	17,6	389 789	54,9	29,3	7,8	8,0

Таблица 5 (окончание)

Уезд	Год генерального межевания	№ дела	Плотность населения	Земельные угодья					
				общая площадь, десятины	лес	пашни и сенокосы	врусовые и другие земли	сенокосы	неудобные земли
Орловская губерния (уезды, находившиеся в лесной зоне)									
Брянский	1778—1782	15	9,5	603 364	72,0	23,0	2,3	2,7	
Карачевский	1778—1782	43	21,5	343 935	48,1	40,5	5,4	6,0	
Трубчевский	1778—1782	77	14,0	447 102	63,6	28,7	3,7	4,0	
Севский	1778—1782	73а	21,7	334 079	41,8	52,2	3,0	3,0	
Калужская губерния									
Калужский	1776—1780	12	35,5	188 390	36,0	54,8	5,8	3,4	
Лихвинский	1776—1780	17	22,4	181 522	47,1	43,8	5,7	3,4	
Жиздринский	1776—1780	9	9,3	622 661	74,4	19,4	2,7	3,5	
Козельский	1776—1780	13	32,0	226 991	35,0	55,1	7,3	2,6	
Тульская губерния (уезды, находившиеся в лесной зоне)									
Каширский	1769—1770	79	35,5	176 069	11,3	76,6	8,7	3,4	
Алексинский	1769—1770	12	35,3	174 607	22,5	67,1	7,3	3,1	
Тульский	1769—1770	109	24,7	211 545	41,5	46,1	9,9	2,5	
Веневский	1769—1770	42	39,3	217 310	18,0	71,6	8,2	2,2	
Белевский	1769—1770	19	29,5	156 118	29,6	60,7	7,1	2,6	
Одоевский	1769—1770	98	31,6	202 804	33,8	57,5	5,8	2,9	

рядом с этим встречались и местности, богатые лесом и сравнительно мало населенные. Особенно выделялись в этом отношении Брянский, Трубчевский уезды Орловской губернии и Жиздринский уезд Калужской губернии, расположенные в бассейне р. Десны и ее притоков. Здесь же были и наиболее крупные массивы заболоченных земель (табл. 5).

Степень лесистости и населенности сильно сказывалась на обилии некоторых лесных животных. Особенно показательно в этом отношении распространение медведей. В наиболее малолесных уездах Смоленской губернии медведи были редки: в Сычевском, Смоленском и Краснинском уездах они отмечались лишь в трех лесных дачах (по одной в каждом уезде), в Духовщинском и Вяземском — в трех дачах в каждом, в Поречском и Дорогобужском — в 13 дачах, в Юхновском — в 14, в Рославльском — в 29, в Ельнинском — в 49 и в Бельском — в 60 дачах⁸. В Тверской губернии, граничившей на севере со Смоленской, медведи в конце XVIII в. водились во всех уездах, особенно много их было в Весегощском, а в Кашинском и Тверском эти звери бывали только заходом (число лесных дач, где водились медведи, не указано)⁹.

В Московской губернии, граничившей со Смоленской на западе, медведи встречались (в 70—80-х годах XVIII в.) во всех уездах, но наиболее часто — в лесистом Клинском, а реже всего — в Московском, Звенигородском, Волоколамском, Верейском и Подольском, где они бывали местами или временно, набегом из других районов (Бакмейстер, 1774; Историческое и топографическое описание городов., 1787). Медведи населяли также все уезды Владимирской губернии, причем реже всего они встречались в Го-

⁸ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 040.

⁹ Там же, д. 19 088

роховецком уезде, а наиболее часто — в Муромском, Покровском, Судогодском. На юго-западной окраине Центрального края медведи были обычны на Черниговщине в Мглинском уезде и в Орловской губернии в Трубчевском, Брялском и Карачевском уездах. Далее к востоку, в Калужской губернии, медведь встречался в Боровском, Калужском, Серпейском, Мещовском, Козельском, Перемышльском и Лихвинском уездах¹⁰. В Тульской же губернии медведи в конце XVIII в. были отмечены лишь в Щегловской и Малиновой засеках, а во время генерального межевания (1776—1780 гг.) — в Каширском и Алексинском уездах. В 20—40-х годах XIX в. в лесах Мглинского, Суражского, Стародубского и Новозыбковского уездов Черниговской губернии (теперь эти территории входят в Брянскую область) охота на медведей была обычной. В брянских и трубчевских лесах медведи в 40-х годах не только мяли овсы, но и разоряли борти. В Тульской губернии медведей в это время уже не было. Рассказывали лишь, что они будто бы встречались в казенной засеке на границе с Калужской губернией (Хозяйственно-статистическое обозрение Тульской губернии, 1849).

Лоси в XVIII в. были более редкими, чем медведи, и встречались преимущественно в западной части Центрального края. В 30-х годах XVIII в. в стародубских лесах водилось множество сохатых (Junker, 1764). Сколько их оставалось там к концу XVIII в., неизвестно, но в соседнем Мглинском уезде они попадались нередко. В 60-х годах в Брянском и Трубчевском уездах лоси бывали лишь временно, набегом¹¹. Но в 80-х годах они жили в Трубчевском, Карачевском и Луганском уездах постоянно, и лишь в Брянском и Болховском уездах — временно¹². В Смоленской губернии лоси в конце XVIII в. были наиболее обычны в Бельском (12 лесных дачах) и Ельнинском уездах (в 10 лесных дачах). Кроме того, они отмечались в шести дачах Юхловского уезда, в двух Дорогобужского и в двух Рославльского. В остальных уездах лоси не встречались¹³.

В Тверской губернии лоси заходили только в Весьегонский, Краснохолмский и Вышневолоцкий уезды¹⁴. В Московской губернии их в конце XVIII в., по-видимому, не было совсем или же они были крайне редки. (Ни в одном из источников, относящихся к тому времени, о лосях не упоминается.) Во Владимирской губернии они населяли леса Муромского и Владимирского уездов¹⁵, а в Калужской — Серпейского, Козельского и Перемышльского¹⁶. В Тульской губернии лось водился только в Малиновой засеке¹⁷. В первой половине XIX в. наблюдалось то же, что и в конце XVIII в., т. е. малочисленность и редкость лосей в большей части Центрального края. В середине XIX в. лишь на западной окраине — в западных уездах Тверской губернии, в наиболее лесистых уездах Смоленской губернии (Бельском, Поречском), а также в Черниговщине в Мглинском и Брянском и Трубчевском уездах Орловской губернии они были обычны и местами многочисленны (Москвич, 1878; Пенский, 1898). Напомню, что в некоторых из перечисленных районов лоси водились и в конце XVIII в.

Другие виды копытных встречались в Центральном крае совсем редко. Кабаны отмечались только в Черниговщине в Мглинском уезде, в Орловской губернии в Брянском и Трубчевском уездах и в Смоленской губернии

¹⁰ ОРБЛ. Фонд Муз., 132. Географическое и статистическое описание Москвы, ее уездов, Калуги, Каширы и т. д. В этом источнике нет сведений о распространении медведя и других промысловых животных в наиболее лесистом Жиздринском уезде.

¹¹ ЦГАДА. Фонд 261, кн. 5560, л. 433, 434.

¹² ЦГВИЛ. Фонд ВУА, д. 18 903, л. 18, 24, 34, 35, 43.

¹³ Там же, д. 19 040.

¹⁴ Там же, д. 19 088.

¹⁵ Там же, д. 19 040.

¹⁶ ОРБЛ. Фонд Муз., 132. Географическое и статистическое описание Москвы и уездов, Калуги, Каширы и т. д.

¹⁷ ЦГВИЛ. Фонд ВУА, д. 19 125.

в Рославльском уезде (в последнем в шести лесных дачах). Несколько шире была распространена косуля. Кроме тех уездов, где водились кабаны, косуля отмечалась в Смоленской губернии еще в двух лесных дачах Бельского уезда, а также в Орловской губернии в Карачевском, Севском и Болховском уездах¹⁸. Временно косули появлялись и в Московской губернии — в лесах Клинского уезда (Бакмейстер, 1771). Меньше всего сведений о распространении оленей. В источниках XVIII в. не указывалось, о каких именно оленях шла речь, но, судя по их распространению, подразумевались северные олени. В конце XVIII в. они изредка заходили в Весьегонский уезд Тверской губернии из лесов, расположенных к северу от этой территории. В этом же уезде на северных оленей охотились и в 30-х годах XIX в. (Вильдермет, 1842). Кроме того, в 70-х годах XVIII в. они водились в Смоленской губернии в лесной даче Бельского уезда, расположенной по р. Деревеньке и р. Чернейке¹⁹, и в Московской губернии в лесах Клинского уезда (Бакмейстер, 1771).

К концу XVIII в. в Центральном крае был сильно истреблен бобр, во многих местах, где он водился в XVI—XVII вв. его уже не осталось. Ни в одном из источников, относящихся к Московской и Тверской губернии, о бобрах не упоминается. Изредка они встречались во Владимирской губернии в Муромском и Владимирском уездах. В Калужской губернии бобры оставались кое-где в Козельском уезде²⁰. В Тульской же губернии они не отмечены нигде. Во время генерального межевания Смоленской губернии (1776—1779 гг.) бобры изредка встречались только на р. Десне (лесная дача д. Липни Ельнинского уезда²¹), но в более позднем (1804 г.) описании этого уезда о бобрах уже не упоминалось; вероятно, к этому времени их выбили и здесь. В Орловской губернии бобры в 80-х годах XVIII в. еще оставались в Брянском и Карачевском уездах²². В эти же годы на Стародубскую ярмарку из Мглинской и Новометской сотен привозили шкурки бобров (Лазаревский, 1902).

На южной окраине Центрального края гнездились дрофа и стрепет — птицы, характерные для степей. Дрофа проникла сюда по сухоходным лугам и по песчаным, необлесенным буграм. В ответах на запросы Сената (1766 г.) в списках птиц, которые бывали летом в Трубчевском и Брянском уездах постоянно (а не временно, налетом), была помещена и дрофа²³. В более позднем источнике (1787 г.) дрофы в лесной полосе Орловской губернии отмечены не только в Трубчевском и Брянском уездах, но и в Карачевском, Севском и Болховском²⁴. В лесной полосе Тульской губернии дрофы не отмечены, но в одной земельной даче Одоевского уезда в список птиц включен стрепет²⁵.

В XVIII в. реки Центрального края еще не были так загрязнены и отравлены, как теперь, поэтому лососевых и осетровых и некоторых других ценных рыб (вырезуба, угря) водилось значительно больше и распространены они были более широко.

Северо-западная часть края расположена в бассейне Западной Двины. По этой реке и некоторым ее притокам в пределы края заходили лососи и угри. Лососей ловили в Западной Двине, Меже, Лучесе, Обше, Наче, Еловице, Ресечи и Труфановке, протекавших по Бельскому уезду (Смоленская губерния) и в озерах Глубоком и Долгом²⁶. Угрей ловили в тех же озерах

¹⁸ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 903 и 19 040; ОРБЛ. Фонд 256, д. 271.

¹⁹ Там же, д. 19 088 и 19 040.

²⁰ ОРБЛ. Фонд Муз. 132 (Географическое и статистическое описание Москвы, ее уездов, Калуги, Калуги, Каширы и т. д.).

²¹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Ельнинский уезд, д. 62.

²² ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 903.

²³ ЦГАДА. Фонд 261. кн. 5560, л. 433, 432.

²⁴ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 903.

²⁵ Там же, д. 19 125.

²⁶ Там же, д. 19 088 и 19 040, ч. 1.

и в оз. Охват (Осташковский уезд Тверской губернии), а также в Западной Двине, Меже и Лучесе²⁷. Интересно отметить, что угри заходили не только в реки бассейна Западной Двины, но и в Днепр, и его притоки — Осьму, Ужу и Устром²⁸.

Очень широко была распространена белорыбца. По Волге она подымалась до верховья; в конце XVIII в. ее ловили в реках Тверской губернии в Тверском и Ржевском уездах, а также в Мологе (Весьегонский уезд)²⁹. По Оке белорыбца подымалась далеко вверх, и ее ловили в Тульской губернии, в Каширском, Алексинском уездах и в Калужской губернии в Лихвинском уезде. Из крупных притоков Оки белорыбца в конце того же столетия заходила в реки Москву, Клязьму, Жиздру. В р. Москве и Жиздре ее было мало³⁰, но Клязьма еще в конце XVIII в. изобиловала белорыбцой, особенно в пределах Суздальского и Гороховецкого уездов (Владимирская губерния)³¹. Стерлядь в XVIII в. ловили в верховьях Волги; осташковские купцы, например, предлагали дворовой конторе купить у них 350 живых стерлядей размером от 32 до 63 см (80% этих стерлядей имели длину от 32 до 41 см)³².

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

Во второй половине XIX в. население Центрального края росло быстрее, чем в прошлые столетия. Еще быстрее развивалась техника. В связи с этим коренное изменение природных угодий, наметившееся в XVIII в. и в первой половине XIX в., продолжалось в рассматриваемый период с еще большей интенсивностью. Лесов становилось все меньше, а площадь полей все более увеличивалась. В некоторых районах лесистость сокращалась особенно быстро. Например, в Гжатском уезде Смоленской губернии за 60 лет (с 1804 по 1863 г.) она уменьшилась с 55,7 до 9,8%, а в Малоярославском уезде Калужской губернии за 33 года (с 1861 по 1894 г.) — с 25,9 до 9,6%. В некоторых других уездах Калужской губернии (Медынском, Мещовском, Калужском, Лихвинском) лесистость к концу XIX в. достигла только 9—11% (Юргелс, 1894). Смоленский и Краснинский уезды Смоленской губернии стали почти безлесными.

Леса вырубались хищнически, без всякой заботы о восстановлении. «Деревья рубятся где попало, молодые поросли подавлены тяжестью срубленных деревьев, липы ободраны для лык, верхушки и хвосты гниют внутри лесов... Сосновый красный лес давно сделался редкостью, а вапчесов (дубовых брусьев.— С. К.) и годных дубов в наших лесах уже вовсе не находят». В таких словах описывалось состояние леса в сравнительно малолюдном Бельском уезде Смоленской губернии (Ельчанинов, 1860, стр. 67). В бассейне р. Шексны строевые леса были разрезаны рубками и пожарами. Гари тянулись на десятки верст. Молодые липы истреблялись на лыко.

Хищнические рубки привели к сильному изменению состава древесных пород в лесах, особенно в хвойно-широколиственных и в дубравах. В Лихвинском и Козельском уездах Калужской губернии дубравы после рубки сменились осиново-березовыми лесами или зарослями орешника (Шопропкий, 1864). То же наблюдалось в Тульской губернии, где уже к середине XIX в. старый крупный лес оставался лишь в казенных лесных дачах, а в помещичьих и крестьянских владениях преобладало мелколесье и средне-

²⁷ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 040, ч. 1, л. 90, 110, 219, 251.

²⁸ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Дорогобужский уезд, д. 48, л. 195.

²⁹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 088.

³⁰ ОРБЛ. Фонд Муз., д. 132 (Географическое и статистическое описание Москвы, ее уездов, Калуги, Каширы и т. д.).

³¹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 628.

³² ЦГАДА. Фонд Дворцовый отдел, д. 35 147.

возрастной лес. Коренные широколиственные леса после рубки превращались в осинники, березники и орешники с единичными дубами или их куртинами. Брянские, трубчевские и живдринские сосново-еловые леса, перемежавшиеся с заболоченными низинами, сохранились лучше, чем широколиственные и хвойно-широколиственные леса Калужской и Тульской губерний.

Но были в Центральном крае кое-где и такие районы, где пашня уступала место лесу. Это наблюдалось там, где значительная часть мужского населения уходила на заработки в города или занималась кустарными промыслами, в связи с чем земледелие стало иметь меньшее значение, чем раньше. Например, в Ярославской губернии уже в 60-х годах XIX в. было замечено, что много пахотных земель заброшено и поросло мелколесьем (Сабанцев, 1868). Уменьшилась площадь распахиваемых земель в Подмоскowie. В Звенигородском уезде примерно за 140 лет (с 1787 по 1923 г.) площадь пашни сократилась с 43,4 до 17,2%, а лесная площадь увеличилась на 15% (Звенигородский уезд, 1924).

Изменения природных угодий были неблагоприятными для многих видов животных и влекли за собой дальнейшие изменения в их размещении и численности. На распространение животных влияло и увеличение числа охотников. Все это привело к тому, что численность некоторых охотничье-промысловых видов неуклонно сокращалась.

Из хищников к числу таких видов принадлежали россомаха и медведь. Во второй половине XIX в. россомаха в пределах Центрального края была отмечена только в северных уездах Тверской и Ярославской губерний (Рагозин, 1880; Сабанцев, 1868). Медведи стали в конце 70-х годов XIX в. редки в Стародубском уезде; в Мглинском же уезде они встречались чаще и местами выседали и мяли овсы (Сен-Лоран, 1879). В трубчевских, брянских, карачевских и севских лесах медведей оставалось больше, чем в северных уездах Черниговской губернии. Местами, особенно в брянских лесах, они встречались и в первом тридцатилетии XX в. К началу XX в. медведи стали редки и в Калужской губернии, где единичных зверей убивали в Козельском, Мосальском и Лихвинском уездах (Николаев, 1925). Сильно убавилось число медведей и в Московской губернии; в конце XIX в. они встречались только в Богородском, Дмитровском и изредка в Клинском уездах (Сатунин, 1895). Не стало медведей и во многих из тех районов Смоленской губернии, где они водились в XVIII в.

Уменьшения числа волков, наоборот, нигде не отмечалось, за исключением Московского уезда, куда в конце XIX в. волки заходили лишь изредка (там же). В остальных уездах Московской губернии волки были еще обычны, и их добывали около 100 штук в год. В других губерниях Центрального края волков было еще больше, и они наносили значительный вред. В одной только Калужской губернии в 1902 г. от волков погибло 153 лошади, 517 жеребят, 68 коров, 130 телят, 1260 овец, 302 свиньи и 911 гусей (Кашкаров, 1908).

Вырубка старых лесов и появление мелколесья, преимущественно листового, должны были сказаться благоприятно на численности и распространении лосей. И действительно, с начала 50-х годов XIX в. число лосей начало увеличиваться и они появились во многих местах Центрального края. Это явление не раз описывалось в литературе, и поэтому можно ограничиться краткой справкой о времени и месте появления лосей. В Корчевском и некоторых других уездах Тверской губернии они появились в 1855—1856 гг. (Разевиг, 1877; Рагозин, 1880), в бассейне р. Шкелны — около 1850—1851 гг. (Арсеньев, 1866), во многих местах Ярославской губернии — около 1856 г. (Сабанцев, 1868), во многих районах Московской губернии — около 1856 г.³³ (Москвич, 1878; Сатунин, 1895), во

³³ В Лосином Острове лоси держались и до 1856 г. (Москвич, 1878).

Владимирской губернии заметное увеличение числа лосей было отмечено в 1848—1853 гг. (Доброхотов, 1856), в Рязанской Мещере лоси стали замечаться с 1860 г. (Кашкаров, 1875). Однако в конце XIX в. и в первой четверти XX в. они были истреблены почти повсеместно.

Северных оленей в 50—60-х годах XIX в. в Центральном крае было, по-видимому, мало, как и в конце XVIII в. В Тверской губернии они появлялись как случайные гости, но пришекснинские болота и некоторые другие местности на севере Ярославской губернии были известны как становища северных оленей. Пришекснинские охотники охотились за ними преимущественно по насту и убивали за зиму по 50—60 штук (Арсеньев, 1867). Высказывалось предположение, что северный олень спустился сюда до заболоченным лесам и моховым болотам, протянувшимся с севера до Белоозера и р. Шексны (Арсеньев, 1873). В 20-х годах XX в. северные олени лишь изредка встречались на северной окраине Центрального края, в лесах по р. Лице и р. Чагодоце, а также в Устюженском и Кирилловском районах Вологодской области (Исаков, 1949).

Сведения о распространении благородного оленя очень скудны и вызывают сомнение. Л. П. Сабанеев (1868), ссылаясь на сообщение Ф. А. Арсеньева (1866), утверждал, что благородный олень жил постоянно в Мологском уезде (Ярославская губерния) в лесах по р. Пушме. Но сам Ф. А. Арсеньев, перечисляя животных, водившихся в этих лесах, хотя и упомянул об олени, но не назвал его благородным. «За р. Пушмою, на Шексне,— писал он,— слова начинается хвойный лес. Лет 50 тому назад, говорят, этот лес был дремучим: в нем жили и плодились олени, россомахи, медведи, куницы и водились в огромном количестве глухари и рябчики» (Арсеньев, 1866, стр. 39). Эти слова дают основание считать, что в лесах по р. Пушме обитали северные, а не благородные олени, тем более, что далее Ф. А. Арсеньев говорит именно о северных оленях. Л. П. Сабанеев (1866) добавил, что благородные олени будто бы были замечены и в Романовском уезде Ярославской губернии, около с. Шольши, но ничем не подтвердил это сообщение. (По-видимому, Л. П. Сабанеев был слишком доверчив к рассказам местных охотников, что выявилось и в более поздних его работах о животном мире Урала, в который он включил, например, камешного глухаря.)

Косуля и кабан в XIX в., как и в конце XVIII в., встречались главным образом на западной окраине Центрального края. В Стародубском уезде косуль было довольно много еще в 70-х годах, тогда же она встречалась и в Мглинском уезде, в окрестностях с. Вельжич и местечка Почеп (Сен-Лоран, 1879). В 60-х годах косуля водилась в брянских и карачевских лесах и реже встречалась в севских и болховских (Тарачков, 1861). Но в середине 70-х годов она здесь уже исчезла (Горбачев, 1915). В Калужской и Московской губерниях косули в XIX в. появлялись изредка и быстро истреблялись браконьерами или волками. Бобров в XIX в., по-видимому, не оставалось нигде.

Из охотничьих птиц сильнее всего сократилось распространение и численность глухаря. Его не осталось совсем в лесах Тульской губернии, где он дольше всего (до 70-х годов) сохранялся в засеках. К началу XX в. исчезли глухари из лесов Стародубского, Мглинского и Новозыбковского уездов; мало оставалось их в брянских, карачевских и трубчевских лесах, в лесах Московской, Калужской губерний и в большей части уездов Смоленской губернии. Меньше стало и водоплавающей дичи. В 60-х годах XIX в. в бассейне р. Шексны уже не ловили уток перевесами. Осталась лишь память о том, что в старые годы охотник, владевший перевесом, ловил в него по 300 уток за одну зорю (Арсеньев, 1866).

В 30-х годах значительная часть сельского населения Центрального края переселилась в города. Площадь старых лесов, особенно хвойных, еще более уменьшилась, а площадь мелколесья, преимущественно лиственного (осишников и березников), возросла. Некоторые крупные реки были запружены, возникли крупные водохранилища. Поймы многих рек были затоплены или распаханы. Охрана некоторых видов животных (особенно бобра и лося) стала более действенной (хотя браконьерство и мало уменьшилось), и было произведено расселение некоторых видов охотничье-промысловых животных, ранее в Центральном крае отсутствовавших или ставших редкими.

Изменение природной обстановки, отразившееся на условиях жизни животных, особенно сильно повлияло на распространение и численность медведя и глухаря.

Кроме Тульской области, где медведей не стало уже в 40-х годах XIX в., их почти не осталось и в Московской области, где они появляются крайне редко, заходя из Калининской области. Во Владимирской области их также нет (Сысоев, 1955). Очень редкими стали медведи и в Смоленской области, их число резко сократилось во время второй мировой войны (Плющенко, 1951). В Брянской области они встречаются единично в крупных лесных массивах. Средняя плотность медведя определена здесь приблизительно в восемь особей на 100 тыс. га леса (Федосов и Никитин, 1951). Лишь в Калужской области число медведей к настоящему времени несколько увеличилось по сравнению с началом XX в. (Дмитриев, Зеленова, Кунаков, 1962). Все меньше становится и глухарей. В Московской области их теперь меньше, чем лосей. Продолжает уменьшаться численность глухарей и в Смоленской области (Граве, 1951). Мало осталось их и во Владимирской области, где теперь только в четырех районах известны тока, на которые слетается до десяти глухарей (Сысоев, 1955). Мало глухарей в Брянской и Калужской областях.

В отношении тетеревов такого неуклонного уменьшения численности и сокращения ареала на протяжении всего рассматриваемого периода не отмечалось. В 1946—1950 гг. в некоторых районах Центрального края было замечено расселение его по новым местам и увеличение численности, но затем она начала быстро снижаться, и этот процесс еще не прекратился.

Приблизительно в эти же годы в некоторых районах крайне редким стал беляк. В Калужской области его осталось так мало, что не в меру ретивые чиновники, ведающие охотничьим хозяйством, распорядились привезти туда беляков из Иркутской и Хабаровской областей (!).

Наряду с этим наблюдается поразительное увеличение поголовья и расселение по новым местам такого лесного животного, как лось. В конце 20-х годов во всей Западной области, куда в то время входили современные Смоленская, Брянская и Калужская области, лосей было так мало, что некоторые из зоологов определяли их поголовье в 20—26 штук (Меландер, 1935). По-видимому, число это преуменьшено, но несомненно лосей было очень немного. Однако уже в 1950 г. в одной только Смоленской области насчитывали около 1500 лосей. В Калужской области в 1956 г. было 1700, в 1957 г.— 5000, а в марте 1959 г.— 6390 лосей (Дмитриев, Зеленова, Кунаков, 1962). Во Владимирской области в 1955 г. число лосей определялось приблизительно в 2000 голов (Сысоев, 1955). Небольшое увеличение поголовья замечалось и у других видов копытных — косули и кабана. Косули стали довольно обычными в северо-западных районах Смоленской области — на территории, тяготеющей к г. Веллижу, в Слободском, Демидовском и в некоторых других районах (Плющенко, 1951).

После второй мировой войны они появились в Сухиничском, Калужском и других районах Калужской области (Дмитриев, Зеленова, Кунаков,

1962), а также в некоторых центральных и восточных районах Смоленской области. Однако косули прижились не везде; в ряде мест их быстро уничтожили волки и браконьеры.

За годы войны увеличилась численность кабанов в Смоленской области. В конце 40-х годов они встречались небольшими группами в три — шесть голов главным образом в тех же северо-западных районах, где и косуля (Плющенко, 1951). Увеличение числа кабанов отмечалось также в Брянской и Калужской областях (Федосов и Никитин, 1951). В Московскую область кабаны были завезены в Завидовское охотничье хозяйство, отсюда они заходили в соседние местности. Выпускали кабанов также в Рязанской и во Владимирской областях. В Рязанской области в 1947—1948 гг. было выпущено (в Рязанском районе) 47 кабанов. Но кабанье стадо не растет; звери нередко погибают (Бородин, 1960).

Некоторые виды животных, жизнь которых была искони тесно связана со степными и сухоходными лугами, продолжали расселяться. По Владимирскому Ополю, району г. Суздаля, Небыловскому и Юрьев-Польскому районам расселился хомяк (Сысоев, 1955). В Калужской области, кроме Козельского и Лихвинского уездов, где он был обнаружен в 1916—1918 гг., хомяк найден теперь и в Сухиничском районе (Николаев, 1925; Дмитриев, Зеленова, Кунаков, 1962). В южных районах этой же области (в Мещовском, Сухиничском, Перемышльском и Козельском) встречается светлый хорь. По данным П. Сысоева (1955), он широко расселился и по Владимирской области, но это сообщение пуждается в подтверждении.

Дрофа в эти годы стала гнездиться в Центральном крае очень редко. Известно лишь, что в 1948 г. одно гнездо этой птицы было найдено у ст. Злынка (Л. Б. Беме и Р. Л. Беме, 1952).

Большие изменения произошли среди зверей, жизнь и распространение которых тесно связаны с водоемами. За последние 30 лет в значительной мере восстановилось бывшее распространение бобра. В Смоленской области он был впервые замечен в 1924 г. на ее западной окраине в р. Соженке. В 1950 г. в области насчитывалось уже около 130 семей. Бобры расселились главным образом в бассейнах Сожа и Остра (Плющенко, 1951). В другие области Центрального края бобр был завезен человеком, прижился здесь и к настоящему времени довольно широко расселился.

Местами (например, в Смоленской области) стало увеличиваться поголовье выдры. Численность же и распространение выхухолы продолжали сокращаться, несмотря на то, что добыча ее запрещена. Выхухолы становятся все меньше, потому что реки загрязняются и отравляются сточными водами, а озера в распахиваемых поймах мелеют, заиляются песком и илом. Немало выхухолы гибнет, попадая в ветери и ставные сети. Теперь в Центральном крае выхухолей осталось больше всего во Владимирской области, главным образом в ее восточных районах (Сысоев, 1955). В недавние годы выхухоль выпустили в Смоленской области в некоторые реки бассейна Днепра (Плющенко, 1951).

Создание огромных прудов — водохранилищ (Рыбинского, Московского и др.) — расширило область обитания многих рыб, но в реках Центрального края условия их жизни ухудшились, и некоторые виды проходных рыб перестали в них заходить еще до того, как были построены гидростанции. Осетр, поднимавшийся XIX в. по Днепру до г. Дорогобужа, перестал заходить в пределы Смоленской области еще до постройки Днепротеса, и после 1910 г. было отмечено только два случая, когда осетра поймали в Днепре. Крайне редка стала там и стерлядь, которую уже в конце 40-х годов вылавливали в количестве не более пяти штук в год (Емельянов, Шмидт, 1951). В Оке стерляди сохранилось значительно больше, и она там нередка. Белорыбца же в бассейне этой реки совсем исчезла.

ВОЛЖСКО-КАМСКИЙ КРАЙ

Этот край, охватывающий современные Костромскую, Кировскую, Горьковскую области и автономные республики Мордовскую, Марийскую, Чувашскую, Удмуртскую и лесную часть Татарии, почти весь расположен в лесной зоне. Как и в Центральном крае, здесь выделяются отрезки трех подзон — южной тайги, хвойно-широколиственных лесов и дубравно-боровой.

В южнотасжской полосе в сравнительно недавнем прошлом широколиственных лесов было значительно больше, чем в настоящее время. В Унженском уезде Галичской провинции еще в 60-х годах XVIII в. дубравы занимали значительные участки, и крестьяне кормили свиней желудями (Труды Вольно-Экономического общества, 1768). Восточней же, в Вятской губернии, в лесах было больше, чем теперь, дуба, липы и клена. В начале XIX в. в огромном казенном лесу, занимавшем площадь более 1 млн. десятин и расположенном в верховье р. Камы и по рекам Вятке, Кобре, Черной, Холунице, Федоровке, Криуше, Волчихе, Белой, Соленой и некоторым другим, более мелким, наряду с сосной, елью, пихтой, березой и осиной часто встречались липа, ильм и вяз. В Глазовском уезде также было много ильма, клена и особенно липы¹. Дуб встречался значительно реже. Он упоминается, например, при перечислении древесных пород в лесах по р. Керзе, а в лесах между р. Итой и р. Воткой дуб отмечен в числе главных пород строевого леса². Как в южной тайге, так и в подзоне хвойно-широколиственных лесов из хвойных пород, кроме ели и сосны, значительное место занимали пихта и лиственница, которых в Центральном крае не было (в историческое время).

В дубравно-боровой подзоне дубравы тянулись широкой полосой по правобережью Волги (от Василь-Сурского уезда Нижегородской губернии по Козьмодемьяновскому, Чебоксарскому, Ядринскому, Цывильскому и Свияжскому уездам Казанской губернии). В Чебоксарском уезде еще во время генерального межевания (1793—1803 гг.) было много дубрав, годных для кораблестроения.

В Волжско-Камском отрезке дубравно-боровой подзоны суходольных лугов было значительно больше, чем в ее западном и центральном отрезках. Кое-где островками встречались и степи северного типа, остатки которых местами уцелели до настоящего времени. Эта особенность объясняется вероятно большей, чем в пределах Западного и Центрального краев, континентальностью климата. Известно, что войско Ивана Грозного, направлявшееся к Казани, шло от Мурома и Свияжску через «поле дикое». Один из отрядов шел несколько южнее (в пяти конных переходах) от мордовских лесов к устью р. Барыш. На его пути также встретилось «вели-

¹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Слободской уезд, д. 27; Глазовский уезд, д. 5; Сарапульский уезд, д. 23.

² Там же.

кое дикое поле» (Сказания князя Курбского, 1868). Из духовной грамоты Ивана Грозного (1572 г.) известно, что он «сажал детей боярских на диких полях» Алатырского и Курмышского уездов Симбирской губернии (Духовные и договорные грамоты..., 1950). Большая часть этих «диких полей» была, по-видимому, суходольными лугами, и лишь местами встречались степи. В исторических документах, относящихся к Волжско-Камскому краю, они назывались «дикими полями ковыла». Одно из них тянулось от г. Ийсара к с. Шишкеево (Хохряков, 1899).

XIV — XVII вв.

Земледельческое освоение Волжско-Камского края шло неравномерно. В Булгарском государстве земледелие было довольно хорошо развито уже в X в. В литературе не раз упоминалось сообщение летописца о том, что в 1024 г. был голод в Суздальской земле, и отсюда «идоша по Волге вси людие в Болгары и привезоша жито, и тако ожиша» (Летопись по Лаврентьевскому списку, 1872, стр. 144).

В середине XVI в., в северо-восточной Татарии, было так много хлеба, скота и меда, что князь Курбский, участвовавший во взятии г. Арска, написал в своих воспоминаниях: «не вем, где бы под солнцем больше было» (Сказания князя Курбского, 1868, стр. 23). Северо-западная окраина Волжско-Камского края, где находился Галицкий удел, была густо населена и сильно распахана уже в XV в., а ко второй половине XVII в. Галицкий и Костромской уезды отнесли к числу наиболее людных уездов Московского государства. В Галицком уезде в то время насчитывалось 31 204 двора, а в Костромском — 40 122 (Платонов, 1924). Но наряду с этим, в крае было много мест, где земледелием или еще совсем не занимались, или оно только начинало внедряться. О ветлужских и кокшайских марийцах еще в середине XVI в. сообщалось, что они живут «в пустынях лесных, ни сеют, ни орют, и ловом звериным и рыбным и войною питаются и живут аки дикия» (История о Казанском царстве..., 1903, стр. 60).

Движение русского населения на восток в течение долгого времени затруднялось тем, что между р. Унжей и р. Ветлугой жили марийцы (черемисы), оказывавшие упорное сопротивление русским, особенно усилившееся после того, как они подчинились казанским татарам. Но в 1468 г. по марийской земле прошла большая рать Ивана III и опустошила ее. Затем, после покорения Казани, Москва построила здесь несколько крепостей — Козьмодемьянск, Кокшайск, Санчурск и Уржум, и путь с Унжи на Вятку был открыт (Платонов, 1924).

С этого времени земледельческое освоение Вятской земли пошло довольно быстро, и в XVII в. из Вятки и пригородов через Верхотурье в Сибирь посылались «хлебные запасы» — мука, крупа и толокно (Древние акты, относящиеся к истории Вятского края, 1881). В южной части Волжско-Камского края суходольные луговые поляны, которых здесь было довольно много, прежде всего превращались в пашины. Среди марийцев сохранилось предание, что их предки селились родами по большим лесным полянам (Иштемур, 1927). Но по мере роста земледельческого населения под пашины приходилось расчищать леса. В северной части края, где полян в лесах было мало, пашины заводились почти повсюду на месте сведенного леса. В одной из челобитных 1648 г. Пахом Кашеев с товарищами просил вятского воеводу отвести им для пашины и селитьбы лес в Чепецкой волости. Челобитчики писали, что лес тот «рамень дикое, большой, изстари ненащенное место, не владеет тем местом никто., лежит впусе» (Труды Вятской ученой архивной комиссии, вып. 3—4, 1906, стр. 39). В другой грамоте, выданной Федором Иоанновичем, говорилось, что еще неосвоенные, «дикие» места на р. Вятке и р. Белой были отданы «на расчистку для пашины про монастырский обиход» (там же, вып. 1—2, стр. 64). Иногда

встречаются упоминания, что на расчищенных из-под леса местах сеяли не только хлеб, но и репу — «разчищено репище из черного леса» (Шумаков, 1917, стр. 152).

Много леса было вырублено в XVII в. для изготовления поташа. Поташные буды устраивались в южной части края, так как для производства поташа наиболее пригодными считались широколиственные леса, которые, как и в других районах европейской части страны, подвергались наибольшему истреблению. Особенно большое производство поташа было налажено во владениях боярина Морозова, располагавшихся в Сергачском, Лукояновском уездах Нижегородской губернии и в Темниковском уезде Тамбовской губернии. При описи морозовских владений, произведенных в 1654 г., лишь на сергачских майданах и в слободы Кудашихе оказалось 23 389 пудов поташа (Акты хозяйства боярина Морозова, 1940).

Промысел зверя, рыбы и птицы долгое время имел большое значение в жизни народов этого края. В исторических документах XVI—XVII вв. приводится много сведений о звериных, рыбных и птичьих ловлях, причем бобровые гоны, так же как в Западном и Центральном краях, отмечались особо.

Известно, например, что в начале XVI в. русские отправлялись ловить рыбу на Волге за 1000 верст вниз от Казани, доходя вплоть до г. Увека (История о Казанском царстве., 1903). В 1587 г. по царскому указу Печорскому монастырю были отданы на оброк участки р. Пьяны и пойменные озера с рыбными ловлями, с бобровыми гонами, с перевесами и лебединными ловлями (Шумаков, 1902).

Важное значение охотничьего промысла видно и из того, что коренное и переселившееся русское население платило оброк чаще всего натурой, причем в натуральном obroке большую долю занимала пушнина. В 1613 г., например, с мордовского и марийского населения и с бортников было взято больше 500 шкур куниц («куниц будет с 500 и больше») и 930 пудов меда (Документы и материалы по истории Мордовской АССР, 1940). Шесть крестьян мордовской д. Пичевель (впоследствии переименованной в с. Троицкое Алатырского уезда) платили в 1624 г. со своих вотчин и бортников угодий следующий оброк: восемь пудов меда с пятью гривенками, 3/4 алтына, три деньги ясачных денег и две куницы (Материалы для истории и статистики Симбирской губернии, 1866). По переписной книге 1628 г. 42 человека, живших в д. Пичасовой на р. Пьяне, должны были платить 19 пудов и 12 фунтов меда, девять куниц и 3 руб. 33 алтына и одну денюгу (Герасимов, 1930). В грамоте, пожалованной в 1551 г. пяти татарам на речки и озера в верхнем участке р. Чепцы, устанавливался оброк в 10 карих бобров или (если не будет бобров) в 1000 белок (ААЭ, т. 1, 1836). Составляя завещание (1574 г.) — «Кому ми что дати и у кого ми что взяти», — вятский житель Иван Шелома перечислил в нем не только земельные угодья, но также и четыре перевеса и 20 тенет (Древние акты, относящиеся к истории Вятского края, 1881).

В северной части Волжско-Камского края много лесов использовалось преимущественно или исключительно для охотничьего промысла. Охотники приезжали туда издавна, и поэтому там устраивались избушки и чумы. Вятский воевода, отводя охотникам угодья (1648 г.), велел узнать «в том диком раменье... сколько для лешего (охотничьего.— С. К.) промыслу изб поставлено» (Труды Вятской ученой архивной комиссии, 1906, стр. 44).

Большое значение добычи диких животных выявляется по историческим документам достаточно четко. Сведения же о распространении охотничье-промысловых животных, относящиеся к периоду с XIV по XVII в., довольно отрывочны, за исключением сведений о распространении бобра. В письменных источниках XV—XVII вв. бобровые гоны отмечались на следующих реках и озерах: на левобережье Волги — на реках Узоле, Ватоме, Черной, в озерах Путном, Глубоком, Семитониом, Избнове, Расхоло-

це, Святом; на Ветлуге и в ее бассейне — на реках Юронге, Переварке, Перенге, Усте, Лапшанге, Большой Шижме, Курдоме, Нелидовке, Шуде, Пижухе, Черемиске, Какше и в оз. Лисином; на р. Вятке (от устья р. Кишкиля до г. Котельнича и на отрезке течения от г. Вятки до устья р. Белой) и в ее бассейне — на р. Шуме, в озерах Беадне, Бизе, Лубяном, Кердели, на ключе Астрейре, на реках Буй, Чепочкиной, Сик, Шудшор, Варзанке, Суводи, Шижме, Кишкиль, Чепце, Белой, Омутнице, Лекме; на правобережье р. Волги — на р. Серее и ее притоке р. Коваксе, на р. Кудье и ее притоках Шелакше, Киржач, на р. Мокше с реками Вадам, Большая Пушта и Еремша; на р. Суре и в ее бассейне — на р. Пьяне и озерах Затворном, Мелком, Плоском, Большом и Малом Чепасе, Дубском, Коноплянном, Колдливо, Кославе, Мокром и на реках Ваткой, Елховской, Келарше; на р. Алатырь с притоками Пелей и Рудней, р. Явлей и р. Ватраске.

Кроме бобра большое значение в пушном промысле в эти века имели лесная куница и белка, распространенные в лесах края почти повсеместно. Кос-где, по-видимому, встречался и соболь, так как князь Курбский писал, что к востоку от г. Арска «мало затем далее» водились соболи (Сказания князя Курбского, 1868). В грамотах, относящихся к г. Костроме, встречаются упоминания о «медвежьем оброке» и «медвежьих полях» (охотах).

Сведений, где водились копытные звери, встречается мало. Лосей местами было множество. Хорошо известно то место в «Царственной книге» (1769), где говорится, что в муромских лесах в то время, когда рать Ивана Грозного шла на Казань, лоси «яко самозванни на заколение приходяху».

Большое значение имела ловля птиц. Водоплавающую дичь добывали в основном пересами, которые упоминаются во многих исторических документах. Ловля пересами производилась главным образом в долинах крупных рек — Вятки, Мокши, Пьяны, Вада. На р. Пьяне были лебединые ловли; упоминания о них встречаются в исторических документах как XVI в., так и начала XVII в.

Сведений о распространении рыб в XV—XVII вв. также немного, и они касаются главным образом осетровых рыб и каспийского лосося. Известно, что в 80-х годах XVIII в. каспийского лосося ловили в лаишевском, елабужском, пижмо- и верхнесарапульском езах. Попадался он и на р. Вятке в мамадышском езе (Державин, 1939). На р. Вятке в XVII в. ловили также осетров и белуг. В ловецкой оброчной грамоте 1637 г. было сказано, например, что крестьянин, ловивший рыбу в нижнем течении р. Вятки, должен отвозить в Казань «на государев обиход» белужьи языки и осетровые теши и молочки (Грамоты и акты Вятского Трифонова монастыря. 1906).

XVIII в. — первая половина XIX в.

Значительно больше сведений о распространении охотничье-промысловых животных находится в источниках XVIII в. и первой половины XIX в. Для этого же отрезка времени приводятся данные о плотности населения и соотношения земельных угодий, которые помогают понять особенности размещения промысловых животных (табл. 6).

Сведения о людности и соотношении земельных угодий, приведенные в табл. 6, показывают, что в Волжско-Камском крае местности с наименьшей плотностью населения были вместе с тем наиболее лесистыми и наименее распаханными. Особенно выделялись в этом отношении огромные по площади Варшавинский уезд Костромской губернии и Царево-Кокшайский уезд Казанской губернии, где лесистость в конце XVIII в. была почти такой же, как на таежном Севере. Около половины территории Волжско-Камского края занимали уезды с лесистостью 50—70%. Плотность населения в них колебалась в пределах 10—20 человек на 1 кв. версту; например, в Козьмодемьянском уезде, где леса занимали 72,4% территории, она

Плотность населения (число человек на 1 кв. версту) и соотношение земельных угодий (%) в Волжско-Камском крае

Уезд	Год генерального менования	№ дела	Плотность населения	Земельные угодья				
				общая площадь, десятины	лес	пашня и проруса-пашня	луга и сенокосы	неудобные земли
Костромская губерния								
Соля-Галичский	1773—1783	52	10,0	380 690	70,1	22,5	5,0	2,4
Чухломский	1773—1783	53	12,0	329 253	59,4	32,8	4,8	3,0
Ветлужский	1773—1783	11	10,1	325 287	53,6	28,0	14,4	4,0
Буйский	1773—1783	6	18,6	299 802	55,3	34,3	6,4	4,0
Галичский	1773—1783	14	17,0	334 895	54,4	35,9	5,7	4,0
Варнавинский	1773—1783	7	4,1	911 467	87,5	9,5	2,0	1,0
Вятская губерния								
Слободской	1884	27	4,4	2 239 493	88,2	8,5	1,6	1,7
Нолинский	1804—1835	17	23,4	551 795	23,7	66,3	8,0	2,0
Глазовский	1804—1835	5	12,3	760 555	43,6	49,0	4,0	3,4
Елабужский	1804—1835	10	11,9	571 123	70,9	20,7	5,5	2,9
Сарапульский	1804—1835	25	8,5	1 247 694	65,7	29,8	2,9	1,6
Нижегородская губерния								
Горбатовский	1784—1797	30	25,0	248 008	38,7	48,3	6,6	6,4
Ардатовский	1784—1797	8	12,0	539 831	68,6	24,4	4,3	2,7
Арзамасский	1784—1797	15	33,2	374 443	28,8	61,5	8,6	3,1
Лукояновский	1784—1797	42	21,9	517 890	55,4	37,8	5,2	1,6
Казанская губерния								
Козьмодемьянский	1793—1803	12	12,3	465 721	72,4	21,2	2,9	3,5
Царево-Кокшайский	1793—1803	39	6,0	714 674	81,9	14,2	1,7	2,2
Чебоксарский	1793—1803	50	16,2	385 463	56,7	31,6	4,2	7,5
Казанский	1793—1803	8	25,4	514 499	48,1	40,4	7,2	4,3
Свияжский	1793—1803	26	24,9	281 663	33,6	52,6	7,4	6,4
Лаишевский	1793—1803	16	15,1	518 100	50,0	30,0	11,5	8,5
Мамадышский	1793—1803	20	13,3	498 973	61,5	26,4	9,0	3,1
Тетюшский	1793—1803	35	23,5	339 851	36,8	49,6	8,4	5,2

составляла 12,3 человека на 1 кв. версту. В этот период усиленно заселялась Вятская губерния. В «Экономических примечаниях» по Слободскому уезду часто встречаются упоминания о «вновь расчищенных деревнях», т. е. о деревнях, недавно появившихся на расчищенных из-под леса местах. Часто упоминаются и деревни, возникшие на месте пустошей и заброшенных починок: «что была пустошь Поздеевская», «что была пустошь Лихачевская», «что был починок Алеминский»³. В этом лесистом уезде деревни были преимущественно небольшими, в один — четыре двора, значительно реже — в 10—20 дворов.

Как и в других местах, в европейской части страны наибольшему истреблению подверглись широколиственные леса. Все же дубравы и смешанные дубово-березовые леса еще в конце XVIII в. занимали большую часть Чебоксарского уезда и правобережную сторону Козьмодемьяновского уезда Казанской губернии.

К 80-м годам XIX в. эти местности превратились в лесополье с резким преобладанием пашни над лесом; лишь по р. Суре уцелел большой дубравный массив (Рагозин, 1880). В северо-западной части Казанской губернии

³ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Слободской уезд, д. 27, л. 25 и др.

дубравы встречались еще в первой четверти XIX в., а через 100 лет (к 1927 г.) от них остались лишь пни (Янтемир, 1927). О лесах Василь-Сурского уезда было замечено, что прежние дубовые и липовые леса стали берзовыми и осиновыми (Вейнберг, 1884).

Участь дубрав разделили и липняки. В 40-х годах XIX в. в Глазовском уезде (Вятская губерния) ежегодно выдавалось разрешение нескольким лесопромышленникам на добывание мочала в количестве до 100 тыс. пудов на каждого. (Мочало шло главным образом на изготовление кулей.) Липняки быстро сводились, и уже в конце 50-х годов ни один из лесопромышленников не изготавливал больше 10 тыс. пудов мочала (Савинов, 1860). Истребление липы в Вятской губернии продолжалось и в последующие годы, и к 80-м годам XIX в. площадь липовых лесов в ней повсюду сильно уменьшилась (Гельм, 1887). В этой же губернии для расчистки под новину лучшими считались места, занятые орешником и чернолесьем (дубом, вязом, липой). Иногда под пашню сводились боры и сырые ельники, за исключением заболоченных.

В исторических документах XVIII в. сохранилось довольно много сведений о том, что охота имела большое значение в жизни местного населения. Эти документы сходны по содержанию с относящимися к XV—XVI вв. актами Литовской метрики и другими письменными источниками Велико-го княжества Литовского и отличаются от них лишь языком.

В 1704 г. крестьяне нескольких деревень Темниковского уезда Тамбовской губернии продали свою вотчину «со всяким угодем... и со всяким зверем, и лосем, и с медведем, и с волком, и с лисицею, и с куницею, и с зайцем, и с белкою, и с горностаем, и с выдрю, и с рыбною ловлею, и с бобровыми гонами, и с лосиными и с козлиными стойлы, и с боры, и с луги, и с дубовы, и с польски ухожьи, и со всякою птицею, с орловым и с ястребиным гнездом». (Документы и материалы по истории Мордовской АССР, 1949, стр. 150).

По мере того как изменялись угоды и росло население и число охотников, изменялись распространение и численность некоторых видов охотничье-промысловых животных. В письменных источниках конца XVIII и первой половины XIX в. нет упоминаний о соболе; по-видимому, к этому времени его уже в Волжско-Камском крае не осталось или он был крайне малочислен. Почти повсеместно были истреблены бобры; они сохранились только в огромном, очень лесистом и малолюдном Царево-Кокшайском уезде⁴, где встречались еще во многих местах. В «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию бобры были отмечены в лесных дачах, расположенных по р. Большая Кокшага и ее притокам (Большому и Малому Крутне-лажу, Кундышу, Пуже), по Малой Кокшаге и речкам в бассейне ее верхнего течения (Ноле, Ношле, Ошлы, Арбану, Цыбикнуру, Таю), по крупному притоку Малой Кокшаги — Кундышу и речкам, принадлежащим к его бассейну (Туле, Ронге, Ошламашенеру, Нюкшинеру, Кугунеру и др.), по р. Илети и ее притокам (Юшуду, Помаштуру, Шиде)⁵. Изредка бобры попадались па лесных речках в Елатомском и Темниковском уездах⁶. Выдра была истреблена в меньшей степени, чем бобр, и в конце XVIII в. встречалась во многих местах. Еще шире были распространены другие пушные звери — куницы, норки, хорьки, горностаи и белки, по сколько их добывалось — неизвестно.

В «Экономических примечаниях» содержатся подробные сведения о распространении бурундука — зверька, о котором в письменных источниках XVIII в. и первой половины XIX в., относящихся к Центральному краю, не упоминалось. Бурундуки встречались не только во многих районах Слободского, Лальского, Уржумского, Глазовского и Сарапульского уездов

⁴ Этот уезд составлял большую часть территории современной Марийской АССР.

⁵ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Царево-Кокшайский уезд, д. 39.

⁶ ЦГВИА. Фонд ВГА, д. 19 078.

Вятской губернии, но и в нескольких лесных дачах Мамадышского уезда Казанской губернии.

Из крупных хищников наиболее редкой была россомаха, встречававшаяся главным образом в северной части края. Отвечая на запрос Сената, Унженская воеводская канцелярия сообщала в 1762 г. что «курюзных» зверей и птиц в воеводстве нет, только «одинарные» (обычные). Среди них наряду с медведями, рысями, куницами названа и россомаха⁷. В Костромском наместничестве россомаха водилась и в конце XVIII в. (Дюбюк, 1920), а в 50-х годах XIX в. — изредка попадалась в окрестностях г. Буя (Сельская летопись., 1854). В «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию Слободского уезда, составленных в 1844 г., россомаха отмечена в казенном лесу (площадью 1 319 368 десятин), расположенном в бассейнах рек Кобры, Черной и Белой Холуниц, Вятки и в верховье Камы, а также в пустоши по р. Северный Лог и р. Волве⁸. Кроме того, она водилась в четырех лесных дачах Лальского уезда, в одной даче Глазовского уезда и в одной даче Сарапульского уезда⁹. В XVIII в. и первой половине XIX в. россомаха заходила, вероятно, и в другие районы Волжско-Камского края, по сведениям об этом мне не встретилось. Медведи же были обычными не только в северной половине края, но во многих местах на юге его. При генеральном межевании Тетюшского уезда (Казанская губерния), проводившемся в 1793—1803 гг., медведи были отмечены более чем в десяти лесных дачах, а в Алатырском уезде Симбирской губернии (1798—1826 гг.) — в четырех дачах¹⁰. В 20-х годах XIX в. они встречались в десяти лесных дачах Елатомского уезда и в девяти дачах Темниковского уезда¹¹ Тамбовской губернии.

Очень своеобразно размещались лоси. На большей части территории края их стало очень мало. В 80-х годах XVIII в. было известно, что в Елатомском и Темниковском уездах их численность стала сравнительно с прежней небольшой¹². В «Экономических примечаниях», составленных по этим же уездам в 20-х годах XIX в., о лосях не упоминается¹³. Нет упоминаний о сохатых и в «Экономических примечаниях», относящихся к Ардатовскому, Алатырскому и Буинскому уездам, где генеральное межевание проводилось в 1798—1821 гг., не отмечены они и в Казанской губернии (даже в таких лесистых уездах, как Царево-Кокшайский и Козьмодемьянский), где межевание проводилось в 1793—1803 гг. Только в северных уездах Нижегородской губернии — в Семеновском и Макарьевском, в лесах и болотах по р. Керженцу, р. Веглуге и их притокам лоси были нередки в 40—50-х годах XIX в. Местами их водилось так много, что в каждом дворе глухой лесной деревни Орехи (Макарьевский уезд) заготавливалось впрок один-два пересека лосятины (Толстой, 1857; Саламыков, 1875). Сохатые были обычны также в соседних Варнавинском и Макарьевском уездах Костромской губернии. Особенно много жило лосей в лесах, расположенных в бассейнах рек Томши, Торгата, Луха и Лапшанги (Крживоблоцкий, 1861).

В «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию Вятской губернии (1844 г.) лоси отмечены лишь в Слободском уезде в двух лесных дачах. Одна располагалась в том же огромном казенном лесу, где встречались россомахи. По сведениям, относящимся к 1860 г., лосей в Вятской губернии добывали также в Орловском уезде (до 30 штук в год), а на ярмарку в г. Котельниче было привезено 25 лосиных шкур (Савинов, 1860).

⁷ ЦГАДА. Фонд 261, кп. 5560.

⁸ Там же. Фонд Экономические примечания, Слободской уезд, д. 27.

⁹ Там же, Лальский уезд, Глазовский уезд, Сарапульский уезд.

¹⁰ Там же, Тетюшский уезд, д. 36; Алатырский уезд, д. 3.

¹¹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 079, ч. 2 и 10.

¹² ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 078.

¹³ Там же, д. 19 079, ч. 2 и 10.

Значительно шире, чем лось, был распространен северный олень. Отвечая на запрос Сената (1762 г.), Ужженская воеводская канцелярия перечислила обычных зверей, водившихся в воеводстве, и называла среди них и оленя. Сто лет спустя олени были обычными в Варнавинском и Макарьевском уездах Костромской губернии, особенно по рекам Тошне, Торгаку, Луху и Лапшапге, где в то время водились и лоси. Олени держались главным образом по болотам; там они собирались в стада (Крживоблоцкий, 1861). В Нижегородской губернии на оленей охотились в Семеновском уезде в лесах по р. Керженцу (Саламыков, 1875). В Вятской губернии олени встречались в 30—40 годах XIX в. во многих местах. В Слободском уезде они были отмечены в том же казенном лесу, где обитали лоси и россомахи, а также в нескольких волостях этого уезда (Слободской, Подгородной, Ильинской, Борняковской, Савинской, Лекомской, Вагинской, Сырянской, Всесвятской, Волокитинской и в Шестаковской пятисотке). Олени были довольно обычными также в лесах и болотах Глазовского уезда — в бассейне р. Чепуш и ее притоков Убыти, Сепыча, Костымки, Лозы, Иты и на междуречье р. Лобана и р. Лампука (притоки Вятки) в их верхнем течении.

Места пребывания оленей в низовьях р. Лозы и р. Иты примыкали к более южным местам их обитания в лесах и болотах между верхними течениями р. Лозы и р. Шарком, протекавших по Сарапульскому уезду. В этом же уезде олени держались на обширной лесоболотной территории между р. Нылгой, верхним течением р. Валы и верхним и средним течением р. Ижем¹⁴. Через два-три десятилетия после генерального межевания был составлен статистический очерк Вятской губернии, в котором приведены сведения о числе добывавшихся в то время оленей. В Слободском уезде их добывалось около 60 в год, в Орловском — до 30 (Савинов, 1860).

В марийских лесах олени встречались не реже, чем в удмуртских. В годы генерального межевания они были отмечены в лесах, расположенных по рекам Большая и Малая Кокшага и р. Илети и по многим рекам, принадлежащим к бассейнам этих рек (Кундыш, Большой и Малый Крутнелаж, Пужа, Ноля, Пошла, Ошлы, Арбан, Цыбикнур, Тула, Ронга, Кугунер, Юшуд и др.)¹⁵. В 80-х годах XVIII в. олени встречались и на территории современной Татарии, в Казанском, Арском и Мамадышском уездах¹⁶. Позже, во время генерального межевания (1793—1803 гг.) в Мамадышском уезде они были отмечены лишь в Гурьевской пустыне, где стоял поташный завод (Кириков, 1960).

Основными местами обитания оленей служили болота и смешанные леса, где преобладали ель, сосна, пихта, береза, осина, дуб, липа и клен. Олени продолжали жить в марийских лесах и в 30—60-х годах XIX в. (Фуке, 1840; Ewersmann, 1840; Богданов, 1871). Как в «Экономических примечаниях», так и в «Топографическом описании Казанской губернии»¹⁷, в которых приводились сведения об оленях, не указывался их вид, но это несомненно были северные олени. Э. Эверсманн (Eversmann, 1840), осматривавший оленей, убитых в марийских лесах, отметил, что они отличались от сибирских северных оленей более крупными размерами.

О распространении косули в Волжско-Камском крае в этот отрезок времени сведений нет. Известно только беглое замечание Л. П. Сабанеева (1868), что в Костромской губернии косуль было больше, чем в Ярославской.

На южную окраину Волжско-Камского края (так же как на южные окраины Западного и Центрального краев) кое-где проникали виды, существование которых тесно связано со степью или с сухими лугами. В 80-х

¹⁴ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Сарапульский уезд, д. 23.

¹⁵ Там же, Царно-Кокшайский уезд, д. 39.

¹⁶ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 473.

¹⁷ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 743.

годах XVIII в. в Казанском уезде встречались суслики (Зиновьев, 1788). Сообщения о распространении сурков относятся к середине XIX в. В них указывалось, что сурки водились в то время в окрестностях с. Новинки Горбатовского уезда, в холмистых степных местах на правом берегу р. Пьяны в окрестностях г. Сергача и около с. Говорова Саранского уезда (Сельская летопись..., 1854). Сохранились сведения, что в 20-х годах XIX в. в Елатомском уезде встречались стрепеты и дрофы. Стрепеты были отмечены в трех земельных дачах, находившихся во владениях с. Агарева, с. Пеньки (левобережье нижнего течения р. Мокши) и с. Пянка, дрофы — в двух дачах (с. Агарево и с. Пенка) ¹⁸.

О распространении тетеревиных птиц и водоплавающей дичи сведений гораздо больше. Глухари, тетерева и рябчики были в то время обычными почти по всему краю. Кое-где, преимущественно в Темниковском уезде, в середине XIX в. встречались и белые куропатки (Феокистов, 1860). В «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию Слободского уезда во многих земельных дачах отмечены лебеди. Также часто упоминались в этих описаниях цапли, гуси же — значительно реже. Но в примечаниях не сказано, были ли это гнездящиеся или пролетные птицы. Вероятнее, что значительная часть сведений относилась к гнездящимся, а не к пролетным птицам. Дикие лебеди и гуси отмечены также в ряде земельных дач Глазовского, Яранского, Сарапульского и Елабужского уездов Вятской губернии. Кроме того, дикие гуси водились во многих местах Царево-Кокшайского, Лайшевского, Мамадышского, Тетюшского, Алатырского, Буинского, Елатомского и Темниковского уездов, но о лебедях в описаниях этих уездов не упоминалось. По-видимому, к этому времени лебеди уже перестали гнездиться на р. Пяне, где в XVII в. были лебединые ловли.

Такая редкая птица, как кречет, бывала «налетом» в угодьях с. Сундырь и в нескольких других земельных дачах Чебоксарского уезда Казанской губернии, расположенных близ Волги и около устья р. Большая Кокшага ¹⁹. Следовательно, кречеты придерживались того пути, по которому они пролетали во время сезонных откочетов в 20—30-х годах XVIII в.

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

В этот отрезок времени население края сильно увеличилось. Лесов сводилось все больше, и на их месте возникали пашни. В Вятской губернии для расчистки под новину лучшими считались места, занятые орешником и черном лесом (дубом, вязом, липой). Однако под пашню сводились и песчаные боры, и сильно увлажненные ельники. Заболоченных лесов население, естественно, избегало. Поэтому неравномерность заселения края, наблюдавшаяся и ранее, еще больше усилилась. Уже в 80-х годах XIX в. южная часть Малмыжского уезда, например, была почти безлесной; в нескольких волостях леса не было совсем, а других оставалось всего от 60 до 300 десятин (Филимонов, 1886). С проведением железных дорог многие глухие места, редко посещавшиеся людьми, стали доступными. Добыча промысловых животных становилась все более истребительной, что сказалось на их распространении и численности.

Истребительная охота сильнее всего отразилась на бобрах. Несмотря на то, что мест, пригодных для их жительства, в крае оставалось еще очень много, бобры к концу XIX в. в них уже не водились. Заметно меньше, чем прежде, стало и выхухоли. В 80-х годах XIX в. она была уже редкой по рекам Теше, Серее, Пяне и их притокам (С...в, 1882). Но дальше к вос-

¹⁸ Там же, д. 19079, ч. 2.

¹⁹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Чебоксарский уезд, л. 47.

току, в пойме р. Алатыря, выхухоль в начале 30-х годов XX в. встречалась очень часто (Гольцмайер, 1934). В 80-х годах XIX в. довольно много выхухоли добывалось охотниками и на левобережье Волги, по рекам Линде, Керженцу, Ветлуге и их притокам, а также на левобережье Оки, по р. Пыре и р. Железнице (С. . в, 1882). В Вятской губернии выхухоль изредка добывалась в начале XX в. по рекам Кильмезе, Вале, Уржумке и Бую (Круликовский, 1902). В результате усиленного истребления стала редкой во многих местах края и выдра. В начале 60-х годов о ней сообщалось, что в Казанской губернии выдра встречалась лишь по рекам и озерам Царево-Кокшайского уезда (Лаптев, 1861). Но и здесь к 20-м годам XX в. ее осталось так мало, что в 1926/27 г. среди пушнины, закупленной в Марийской республике, оказалось всего две шкурки выдры (Гусев, 1928).

Реже, чем в XVIII в., встречалась и россомаха, а на большей части края она уже не появлялась совсем. Последние случаи добычи россомахи в Нижегородской губернии (около р. Керженца и около г. Варнавина) относятся к 70-м и 90-м годам (Саламыков, 1875; Гиришфельд, 1927). Сведений, где была распространена россомаха в Вятской губернии, мало. Известно, например, что в 80-х годах изредка она встречалась в глухих лесах Орловского уезда. Очень интересно сообщение, что еще в начале XX в. в верховье Камы (бывшая Гордидская волость) были добыты два соболя и что там же добывались кидусы (Лукаш, 1929).

Численность северных оленей все время снижалась. Уже в 70-х годах XIX в. их стало меньше, чем прежде, в лесах по р. Керженцу и р. Ветлуге (С. . в, 1882). Но здесь они все же продержались до начала XX в. В 80-х годах XIX в. в лесах Макарьевского уезда (Нижегородская губерния) наблюдались сезонные перекочевки оленей: весной они шли от Керженца к востоку, а осенью тянулись ближе к Керженцу. Олени держались главным образом по огромным болотам — Кузьмиярскому, Шумскому и некоторым другим (Колосовский, 1884). Старожилы, опрошенные А. Н. Формозовым в 1920—1921 гг., рассказывали, что на их памяти стада оленей, отыскивая ягель в борах, так перекапывали снег, что трудно было ходить на лыжах (Формозов, 1935). В конце зимы олени паслись то в борах, на ягельниках, то переходили на болота и обедали на деревьях висячие лишайники (Колосовский, 1884). Олени добывались в Макарьевском лесничестве еще зимой 1917/18 г., но вскоре их в Нижегородской губернии не стало. Охотники полагали, что часть оленей была выбита, а часть ушла после постройки железной дороги из г. Нижнего в г. Котельнич, так как места, где они держались, стали беспокойными и часто посещались людьми (Гиришфельд, 1927).

В Костромской губернии олени оставались дольше, и еще в 1912 г. они забегали из Вологодской губернии в Солигаличский уезд и в окрестности г. Буй (Дюбюк, 1920). Не стало оленей и на Марийской земле. Последние сообщения о местных оленях относятся к 80-м годам, когда на них еще охотились в Казанской губернии в Ардинской и Соткурской волостях Царево-Кокшайского уезда и в Ардинской волости Козьмодемьянского уезда (Орлов, 1888). В зоологическом музее Казанского университета хранится мучило северного оленя, убитого в 1890 г. в Царево-Кокшайском уезде (личное сообщение В. А. Попова).

В Вятской губернии в 70-х годах XIX в. оленей добывали по официальным данным (вероятно, преуменьшенным) около 60 штук в год в Сарапульском уезде, около 15 штук в Малмыжском уезде и около пяти штук в Глазовском уезде (Ответ Вятского губернского статистического комитета, 1874). В северных частях Сарапульского и Елабужского уездов олени встречались до начала XX в. (Поллавский, 1900). По большим лесам они отмечались и в других районах Вятской губернии (Круликовский, 1902).

Сурков в Волжеко-Камском крае всегда было мало, а к началу XX в. исчезли и их поселения около г. Сергача, в Саранском уезде Пензенской

губернии в Горбатовском уезде Нижегородской губернии. К 20-м годам XX в. сурки остались лишь в Чувашии на холмистых степных участках по р. Буле и ее притокам (Львова, 1952).

Однако сокращение ареала и снижение численности наблюдались не у всех промысловых животных. У некоторых видов они мало изменились, а у других даже увеличились. Последнее было особенно заметно у лося в южной части Волжско-Вятского края в 60—80-х годах XIX в. В начале 60-х годов лоси появились во всех уездах Нижегородской губернии, где в начале XIX в. их не было (на Марийской земле, в Чувашии и т. д.). Но вскоре началось хищническое истребление сохатых. В Балахнинском уезде, например, в 1874 г. один охотник убил 63 лося, а другой — 52, загнав их по насту (А. Б., 1875). К 20-м годам XX в. лосей опять осталось мало.

В эти же годы довольно высокой была численность белки — главного пушного зверька в некоторых местах Волжско-Камского края, о чем свидетельствует, например, число ее шкурок (50 492), закупленных в Марийской республике (Гусев, 1928). Не уменьшилась и численность лесной куницы, норки, лисицы, волка и рыси. Зайцев-беляков с годами было так много, что в 80-х годах XIX в. в Орловском уезде Вятской губернии охотники соединялись в артели и ловили их тететами (Белов, 1887). Русаков в северной части Волжско-Камского края водилось значительно меньше, чем беляков. В 20-х годах в верховье р. Камы русаки составляли в добыче охотников 10%, а беляки — 90% (Лукаш, 1929).

Второе тридцатилетие XX в.

К наиболее важным изменениям, происходившим в эти годы в природной среде Волжско-Камского края, следует прежде всего отнести усиленное вырубание лесов. Участков со спелым крупным лесом осталось немного, а вырубки покрылись молодым смешанным лесом, в котором наряду с хвойными породами большое место занимают береза и осина. Многие вырубленные участки превратились в пашни или стали редколесными пустолями. Другой важной особенностью совершавшихся изменений было появление огромных прудов — водохранилищ, повлиявших не только на водных животных, но и на животных, населяющих прибрежные угодья. Территория, занятая суходольной луговой и степной растительностью, продолжала сокращаться.

Изменения в природной среде и возросшая людность отразились на численности и распространении промысловых животных. Численность видов, мало приспособленных к жизни в молодых лесах и к беспокойству, вносимому людьми в места их обитания, продолжала уменьшаться, и распространение их сократилось.

Из промысловых лесных зверей, принадлежащих к этой группе, прежде всего следует назвать медведя. Так же как на западе и в центре Европейской территории СССР, медведь стал теперь в Волжско-Камском крае редким, а во многих местах исчез совсем. В Удмуртии уменьшение численности медведей стало особенно заметным после лесных пожаров 1938 г., и в конце 50-х годов там добывалось в год всего около 15—20 этих зверей (Кирисов, 1958). В распространении и численности рыси таких изменений не произошло. Может быть, ее численность в эти годы даже несколько увеличилась, о чем свидетельствуют цифры заготовленных шкур. В 1956—1958 гг. в Кировской области добывалось от 70 до 100 рысей в год, в Костромской — от 52 до 60, в Горьковской — от 40 до 70, в Удмуртии — от 45 до 100, в Чувашии — от 5 до 30. В Марийской, Мордовской и Татарской автономных республиках они встречались гораздо реже, и число добывавшихся там рысей не превышало 10—20 штук в год. Не было заметно и убывания волков. В последние годы, когда лосей стало гораздо больше, чем

в конце XIX или в начале XX в., волки стали усиленно преследовать сохатых. Сообщалось, например, что в Удмуртии они уничтожали до 200—300 лосей в год (там же).

Из более мелких хищных зверей следует отметить лесную куницу, численность которой за последние 15—20 лет заметно возросла. В Удмуртии, например, в 1933—1935 гг. заготавливалось около 150 куных шкурок в год, а в 1956—1958 гг. — от 770 до 1363. В эти же годы в Кировской области добывалось от 1820 до 3212 шкурок кунид, в Костромской — от 1310 до 2176, в Горьковской — от 1080 до 1580, в Марийской АССР — от 380 до 740, в Чувашии — от 540 до 700, в Мордовии — от 130 до 179. Нескольким расширилось распространение светлого хоря, расселившегося по южным районам Чувашии (Львова, 1952).

Численность белок, напротив, в последние 15—20 лет уменьшилась, и это отразилось на заготовках их шкурок. Следует заметить, что уменьшилось и число охотников, промышлявших белку. Это, конечно, также повлияло на сокращение ее добычи. Особенно сильно упала добыча белки в Удмуртской, Марийской и Мордовской автономных республиках. В Удмуртии, например, в 1937 г. было заготовлено 391 948 беличьих шкурок, в 1956—1958 гг. — всего от 650 до 21 376 штук в год.

Большая работа была проведена по расселению бобров. За второе тридцатилетие в Волжско-Камском крае их выпустили несколько сотен (Асписов и Григорьев, 1961). Теперь число этих зверей значительно увеличилось, и в промысловый сезон 1963/64 г. производился опытный отлов бобров. В Кировской области был добыт 41 бобр, в Марийской АССР — 30 и в Горьковской области — 17 (Дежкин, 1964).

Степных грызунов, особенно байбаков, на рассматриваемой территории ископилось мало. В начале 30-х годов несколько небольших байбачьих поселений еще оставалось в Чувашии. Около 20 лет спустя часть этих поселений была истреблена. Другой степняк — большой тушканчик, почти не преследуемый человеком, расселился по обезлесенным участкам чувашских нагорных дубрав (Львова, 1952).

Изменения, происшедшие в природных угодьях, и более действенная, чем раньше, охрана полезных промысловых животных благоприятно сказались на численности и распространении лосей. Увеличение численности сохатых и их расселение, наблюдавшиеся на большей части Европейской территории СССР, отмечались и в Волжско-Камском крае. В Татарии (на всей ее территории, как лесной, так и лесостепной) в 1929 г. было учтено всего 83 лося, а в 1954 г. — около 2400 (Асписов, 1930, 1956). В Удмуртии в 1952 г. насчитывалось около 900 лосей, а в 1955 г. — около 3000 (Кирисов, 1958). Северного же олепа в Волжско-Камском крае не осталось, по-видимому, нигде.

Из промысловых зверей, образ жизни которых тесно связан с водоемами, наибольшее беспокойство внушает выхухоль. Несмотря на то что в течение ряда лет промысел ее был запрещен и выхухоль расселяли по различным водоемам, численность этого зверька продолжает падать. Выхухоль по-прежнему гибнет в веатерях и ставных сетях, которые ставятся для ловли рыбы. Крупные водохранилища оказались непригодными для ее жизни, вселение ондатры привело к тому, что она стала вытеснять выхухоль из ее коренных местообитаний. Это было отмечено еще Д. И. Асписовым (1962), а затем подтверждено наблюдениями в Тамбовской области.

Изменившиеся условия среды отразились также и на охотничье-промысловых птицах. Сведение многих крупных лесов, непрекращающиеся браконьерство, разорение кладок сборщиками живицы привели, например, к тому, что численность и распространенность глухаря сильно сократились даже в таких когда-то очень лесистых местах, как Марийская и Удмуртская автономные республики.

УКРАИНА И МОЛДАВИЯ

Природные условия Молдавии и соседних частей Украины имеют много общего, поэтому мы рассматриваем изменения, произошедшие за последние столетия в размещении и численности промысловой фауны на той и другой территориях, совместно. Большая часть Украины и Молдавии расположена в лесостепной и степной зоне. Северная Украина находится в дубравно-боровом Полесье, а прикарпатская Украина — частью в лесной зоне, частью — в лесо-луговом поясе Карпат. Горный Крым выделяется особо.

УКРАИНСКОЕ ПОЛЕСЬЕ

На современных картах природного районирования Украины Киев расположен непосредственно около северной границы лесостепи (Чижов, 1961; Атлас Украинской ССР и Молдавской ССР, 1962). Византийский император Константин Багрянородный, написавший около середины X в. сочинение о географии Киевской Руси, упомянул, что «пачинакское (печенежское.— С. К.) поле» начинается к югу от Киева, приблизительно на расстоянии одного дня пути (Беер, 1767). Он писал об этом, используя сведения других лиц, но относительно южной границы лесной Украины известно и высказывание очевидца, относящееся к 1008—1009 гг. Архиепископ Бруно в письме к императору Генриху II извещал, что русский князь Владимир со своим войском провожал его до пределов государства, за которыми начинались печенежские владения (Памятники истории Киевского государства., 1836). Последние располагались, вероятно, там, где были степи и суходольные луга, на которых кочевники печенеги могли пасти скот. Сообщения Константина Багрянородного и архиепископа Бруно дают основание считать, что 1000 лет назад граница между дубравно-борового подзоной и лесо-лугостепью проходила около Киева, т. е. там же, где и теперь. Южная граница лесной Украины к востоку от Киева была определена А. Шафонским в 1786 г. Он относил к лесной Украине Киевский и Остерский уезды, северо-западные части Козелецкого, Нежинского и Борзенского уездов и северные части Кролевецкого и Глуховского уездов Черниговской губернии. Эта граница довольно точно совпадает с границей, показанной в «Атласе Украинской ССР и Молдавской ССР».

Главными древесными породами в лесах Волынского Полесья были дуб, сосна, граб, ясень и клен, нередко встречались груша и яблоня. Кое-где островками была распространена ель. При описании лесных дач Ковельского повета (1798 г.) ель отмечалась в нескольких местах (около селений Габриловки, Камень-Каширского, Черемошна, Повурска и др.). В Киевском и Черниговском Полесье ель встречалась реже.

Украинское Полесье было местами довольно густо населено уже в IX—XII вв. Население Киевской и Северской земель в эти века в основ-

ном занималось земледелием (Беляев, 1855; Грушевский, 1913; Греков, 1949). О степени развития земледелия в Северной земле можно судить, например, по записи летописца о том, что черниговские князья, напад в 1146 г. на владения новгородсеверского князя Игоря, сожгли на гумнах в его селах 900 скирд хлеба (Голубовский, 1881).

Кроме земледелия, как основного и самого важного занятия, большое значение во всех хозяйствах — от крестьянского до княжеского, — имел охотничий промысел. В «Поучении» Владимира Мономаха, составленном в начале XII в., об охоте говорится как о важном труде: «А се вы поведаю, дети моя, труд свой, еже ся есмь тружал, пути дея и ловы 13 лет» (Летопись по Лаврентьевскому списку, 1872, стр. 238; разрядка наша. — С. К.). Слово «пути» означало здесь, по-видимому, то, что позже стало называться путиками или вспудами. Охотились в то время как на крупного, так и на мелкого зверя. «Иже со отдемь моим ловил всяк зверь», — писал Мономах. В его «Поучении» перечислены и некоторые наиболее крупные звери — туры, дикие кони, лоси, олени, кабаны и медведи. Мономах охотился как в Полесье, так и в лесостепи. По всей вероятности, все перечисленные звери водились на обеих территориях. Судя по описанию пира, устраивавшихся Владимиром Мономахом, зверей добывалось по многу и мясо их было в изобилии. «И бываше на обеде томь множество мяс, от скота и от зверины, бяше по изобилюю от вьсего» (Повесть временных лет, 1916, стр. 160).

Из пушных зверей, добывавшихся в Украинском Полесье, наибольшее значение имели бобр, лесная куница, белка, лисица. Особенно ценился бобр. За добычу его в чужих владениях «Русская Правда» устанавливала такой же штраф (12 гривен), как за убийство чужого холопа. Победив в X в. древлян, Олег наложил на них дань «по черне куне» (Густинская летопись, 1843).

Нашествие монгол опустошило Украинское Полесье, особенно его левобережную часть. Участники переписи, производившейся в Черниговщине в 1628 г., были поражены многочисленностью городищ, заросших лесом (Александрович, 1881).

XIV — XVII вв.

В этот период население Украинского Полесья увеличивалось довольно медленно, а обилие лесоболотных угодий, мало доступных для человека в течение большей части года, давало возможность существовать здесь большому числу промысловых животных, в том числе и копытных.

В исторических актах XV—XVII вв. сохранилось много сведений, свидетельствующих о большом значении звериной, птичьей и рыбной ловли. Бобровые тоны и здесь выделялись особо. Литовский князь Свидригайло пожаловал, например, с. Склин в Луцком повете «со всем тым, што к тому селу слушало издавна и ныне слушает», и в том числе «...з земли (бобровые хатки или норы с выводками. — С. К.), и з бобровыми тоны, и з ставами и ставици, з ловы и з ловици» (АЮЗР, 1863). В 1565 г. черныбыльский староста Кмита продал «имение отчизное и дедичное», указав, что оно продается «...з ставы, ставици и бобровыми тоны, з ловы звериными и птициными» (Przedziecki, 1841, стр. 115). Документов такого рода довольно много; по ним и некоторым другим источникам существование бобровых тонов в XV—XVII вв. было установлено на многих реках Полесья. В Украинском Полесье (так же, как и в других местах) браконьеры нередко били бобров в чужих владениях. Сохранялись, например, жалобы на браконьеров, ловивших бобров сетями в р. Уше во владениях Кеверовской иезуитской коллегии, а также жалобы на браконьеров по р. Ясенцу (Архив ЮЗР, 1807). Жители Черниговского городка (Луцкий повет) жаловались в 1545 г., что иские Сыроплятовичи отняли у них бобровые хаты с выводками и что около с. Колки было 20 хаток,

а теперь они все разорены (Памятники, издаваемые временной комиссией., 1859). Ценным зверем считалась в XV—XVII вв. и лесная куница. В эти века крестьяне вносили оброк как деньгами, так и натурой, в том числе шкурками куницы. Например, жители местечка Лутава (Остерский уезд) должны были вносить кроме денег и меда две куных шкурки. В эти же века в Украинском Полесье было много копытных, в том числе зубра. В 1431 г. в г. Луцке состоялся съезд, созванный князем литовским Витовтом, на котором присутствовали польский король, московский, тверской, рязанский и одоевский князья, прусский и липляндский мастера, представители Великого Новгорода, Пскова и ордынского хана, волынский воевода и послы некоторых других княжеств. На прокорм этой знати и их свиты кроме домашнего скота пошло 100 зубров, 100 лосей и 500 кабанов (Западнорусские летописи, 1907). Сведения о зубрах, населявших Волинь, имеются и в других источниках. Зимой 1409/10 г. польский король Ягелло, готовившийся к войне с Тевтонским орденом, охотился на зубров и лосей не только в Беловежской пуще, но и на Волини в Ратненской пуще (Шайноха, 1882). В том же веке зубры водились и около местечка Любомля (Stolzman, 1924).

В грамоте Ивана Грозного, пожалованной Новгород-Северскому монастырю, упоминалось, что кроме всех прочих угодий, звериных и рыбных ловель, монастырю жалуются и «плавли воловие» на р. Десне по ее правому берегу до Малого Молчанского устья, а по левому берегу до Здобинского Ровца¹. Упомянув об этой грамоте, я раньше указывал (Кириков, 1960), что под волами здесь следует понимать зубров. Однако теперь полной уверенности в этом у меня нет, и я считаю, что трудно установить, шла ли речь о зубрах или о турах. В тот период через р. Десну во время сезонных перекочевок могли переплывать как зубры, так и туры. Более определенно сообщается Литвина. Перечисляя зверей, водившихся в Киевском воеводстве, он упомянул о bisontes, т. е. зубрах (Litvani, 1854). В самом конце XVII в. Мазепа послал на царский двор в числе других зверей одного зубра, но где он был убит — в Украинском Полесье или в лесостепи, — неизвестно (Письмо гетмана Мазепы..., 1848).

Об обилии лосей на Волини можно судить не только по сообщениям о съезде в г. Луцке и охоте в Ратненской пуще, но и по другим источникам. В Чернчей волости около местечка Кольки лоси в середине XVI в. ходили стадами по 30—50 голов (Памятники, издаваемые временной комиссией..., 1859).

Еще более многочисленны были косули. В середине XVI в. в Киевском воеводстве (в его состав входили как земли Украинского Полесья, так и лесостепные районы) косуль было так много, что во время сезонных перекочевок их убивали тысячами (Litvani, 1854). Об обилии копытных можно судить по тому, что не только служилые люди, но и остальные жители замков, находившихся в Украинском Полесье (Чернобыльского, Остерского), должны были выезжать со старостой или его подчиненными на охоту по первой пороше и по насту (серену). Жителям Чернобыльского замка вменялось в обязанность ездить на охоту три раза по первой пороше и три раза по насту (Архив ЮЗР, 1886). О гонах по насту упоминалось и в грамоте Ивана Грозного, пожалованной Новгород-Северскому монастырю.

В крупные реки Полесья заходили белуги и осетры, но белуги были редки. В описаниях Остерского замка, относящихся к 1545 и 1652 гг., сказано, например, что с езов на Десне в Остерский замок должны были давать каждого десятого осетра и всех пойманных белуг (Архив ЮЗР, 1886).

¹ ЦГАДА. Фонд 124 (Малороссийские дела), д. без номера (копия).

В этот отрезок времени леса Украинского Полесья усиленно вырубались. Много леса сплавалось по Десне, Днепру и Западному Бугу. В 30-х годах XVIII в. по одной только Десне сплавалось до 200 тыс. бревен². Еще больше леса было истреблено поташными будами, мелкими железодельными (руднями) и стекольными заводами. В одном только Овручском уезде Волынской губернии в конце XVIII в. насчитывалось больше 20 рудней и несколько поташных заводов. На двух поташных будах (Гладковской и Решовой) производилось в год около 100 шифунтов поташа (шифунт равнялся 416 русским фунтам). Отсюда, а также с поташного завода, находившегося в окрестностях г. Новгород-Волынска, поташ отвозили на подводах к р. Бугу и отправляли в г. Гданск. Поташ продавали по 5—6 червонцев за шифунт. При описании владений Зубова, расположенных в окрестностях г. Новгород-Волынска, было отмечено, что «главный продукт сей дачи состоит в выделывании поташа»³. В донесении к Зубову губернатор Тутолмин писал, что лес в Волынской и Изяславской губерниях безжалостно истреблялся для поташных и стекольных заводов и на руднях, а корабельный лес сплавался в г. Гданск и г. Кенигсберг. Но несмотря на это лесу все еще оставалось довольно много⁴, хотя и не везде.

Изменения в природных угодьях и усилившееся (в связи с ростом населения) преследование животных прежде всего сказались на редких и ценных видах.

В источниках XVIII в. уже нет сообщений о местах встреч в Украинском Полесье зубров. Очень мало осталось оленей. В «Описании Малороссии», составленном Юнкером в 1737 г., сказано, что «оленей почти вовсе нет»⁵ (Описание Юнкера относилось не ко всей Украине, а лишь к той ее части, которая находилась в то время в границах России). Глухо сказано об оленях и в топографическом описании Черниговского наместничества, сочиненном А. Шафонским в 1786 г.; в нем указано только, что в лесных местах водятся медведи, лоси, олени и кабаны (Шафонский, 1851). В дневнике малороссийского генерального подскарбия Я. Марковича (1859), жившего в Глуховском уезде, записано, что в апреле 1763 г. ему прислали одного убитого оленя. В Волынском Полесье олени встречались кое-где и в самом конце XVIII в. В северной части Ровенского повета они бывали набегом в лесах, расположенных в окрестностях с. Сарны и приселка Дорогичи, и во владениях князя Четвертинского, находившихся к юго-западу от с. Сарны (села Немовичи, Осницк, Сехи, Красная Гора)⁶.

Лосей в Украинском Полесье было больше, чем оленей, и они были распространены на довольно большой территории. В самом конце XVIII в. (1798 г.) лоси держались в Луцком повете (Волынская губерния) по левобережью р. Стыри от местечка Козки на юге до д. Мульчицы и д. Боровое на севере. Западная же граница этих владений проходила приблизительно по водоразделу Стыри и Стохода, где располагались с. Ленишлевка, с. Городок и д. Карасин. (Напомним, что в этих же местах, у местечек Козки и Чарторийск лоси были многочисленны в середине XVI в. и собирались в стада по 30—50 голов.) В этом же повете лоси встречались и к югу от оз. Белого, в угодьях с. Вулька Галузейска, а также на левобережье р. Горыни, в угодьях с. Большой Цендевичи и деревень Дубовки и Кидры⁷.

² ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 653, ч. 9.

³ Там же, д. 8, л. 3.

⁴ ЦГАДА. Фонд 16, д. 758, ч. 1.

⁵ ОРБЛ. Фонд Об-ва истории и древностей Российских, д. 264 (3).

⁶ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 653, ч. 11 (Ровенский повет).

⁷ Там же, д. 18 653, ч. 7 (Луцкий повет).

Дальше к востоку, в северной части Ровенского повета, лоси в эти же годы водились на левобережье р. Случи, в окрестностях сел Сарны, Немовичи, Тынно и слободы Забар⁸. На правобережье р. Случи сохатые были отмечены в окрестностях с. Осницк и с. Чабель⁹. Кроме того, на правобережье этой реки лоси встречались в лесах к северу от г. Новгород-Вольнска — в окрестностях с. Осова, с. Великой Цвиля и д. Рудни Карпиловской¹⁰. В Овручском повете сохатые держались в двух крупных лесных дачах. Одна из них была расположена по верхнему течению р. Уборти; почти в центре ее находилось местечко Олевск, на юге — села Кишин, Столпин, Белокоровичи, на севере — Хочец, Юрово, Пержанская Рудня. Эта дача примыкала к владениям князя Потоцкого, располагавшимся по верхнему течению р. Славечны и верховьям рек Перги, Болотницы, Червонки и Зинухи, где также водились лоси¹¹.

В лесных уездах Черниговщины ареал лосей в этот период быстро сокращался. В 30-х годах XVIII в. их было много в лесах Черниговского полка¹², но в самом конце этого столетия сохатые встречались там лишь изредка и были более обычны в Новгород-Северском уезде¹³. О пребывании лосей в Городнянском уезде известно по сведениям, относящимся к 80-м годам XVIII в. (Шафонский, 1851). В описании Черниговской губернии, составленном в 1821 г., лоси отмечены лишь в Сосницком и Остерском уездах¹⁴.

Самыми обычными из копытных зверей и наиболее широко распространенными были косули. В конце XVIII в. они держались по всем поветам Вольнского Полесья во многих местах¹⁵. В эти же годы они обитали в Радомысльском повете, но в Киевском встречались довольно редко¹⁶. По сведениям, относящимся к 80-м и 90-м годам XVIII в., косули водились в Черниговском, Сосницком, Городнянском и Глуховском уездах. Кабаны в Украинском Полесье встречались не намного реже, чем косули, но в списке зверей, населявших Киевский повет, они в конце XVIII в. не отмечались.

Из крупных хищников самой редкой была росомаха. В конце XVIII в. она встречалась кое-где в лесах Черниговского наместничества (Шафонский, 1851). В середине следующего столетия она была отмечена в Овручском повете Вольнского Полесья (Перлштейн, 1857). Медведей же водилось еще довольно много. В лесной Черниговщине на них охотились (в последних двух десятилетиях XVIII в. и первых двух десятилетиях XIX в.) в Остерском, Черниговском, Городнянском, Сосницком, Новгород-Северском и Глуховском уездах¹⁷. В конце XVIII в. медведи изредка заходили в Киевский повет и были обычны в Радомысльском¹⁸. В описаниях поветов Вольнского Полесья, составленных в 1798 г., они почему-то не упомянуты. В середине же XIX в. медведи стали здесь очень редки (Уваров, 1850).

В XVIII в. и в первой половине XIX в. сильнее всего изменилось распространение бобра. Его истребили во многих местах. В описании Черниговской губернии, составленном в 1821 г., о бобрах упоминается лишь при перечислении зверей, водившихся в Городнянском уезде, относительно-

⁸ Там же, д. 18 653, ч. 11 (Ровенский повет).

⁹ Там же, д. 18 653, ч. 7 (Луцкий повет).

¹⁰ Там же, д. 18 653, ч. 8 (Новгород-Вольнский повет).

¹¹ Там же, ч. 9 (Овручский повет).

¹² ОРБЛ. Фонд Об-ва истории и древностей Российских, д. 264 (3).

¹³ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 351.

¹⁴ Там же, д. 19 170.

¹⁵ Там же, д. 18 653 (Луцкий, Ровенский, Новгород-Вольнский и Овручский поветы).

¹⁶ Там же, д. 18 771.

¹⁷ Там же, д. 19 170; Шафонский, 1851.

¹⁸ Там же, д. 18 771.

но которого сказано, что по Днепру и Сожу «находят худого сорта бобров»¹⁹. В середине XIX в. они встречались по р. Случи и некоторым другим рекам Ровенского и Овручского уездов (Уваров, 1850; Перлштейн, 1857).

Из тетеревиных птиц самыми обычными были тетерева, реже встречались рябчики и еще реже глухари. В больших широколиственных лесах и борах глухари, по-видимому, еще водились во всех районах, но таких лесов к началу XIX в. осталось уже немного.

В Украинское Полесье, как и в другие части нашей страны, находящиеся в дубравно-боровом подзоне, кое-где проникали виды, характерные для степей и сухих лугов. В Волинском Полесье в середине XIX в. в Новгород-Волинском и Овручском поветах встречались дрофы (Перлштейн, 1857). Из источников, относящихся главным образом к концу XVIII в.²⁰, известно, что они были нередки в Киевском повете, а также в Черниговском, Козелецком, Сосницком, Новгород-Северском и Глуховском уездах, а стрелеты — в Козелецком. Сообщалось также, что в Черниговской губернии бывает и перевязка²¹.

Очень обычны, а в некоторые годы даже многочисленны были серые куропатки и зайцы-русаки, тогда как беляк, жизнь которого тесно связана с лесом и кустарником, встречался в Украинском Полесье крайне редко. На Волини его в середине XIX в. не было нигде (Уваров, 1850), а в Черниговской губернии «белые зайцы» хотя и помещены в списки зверей²², но без указания, где именно они встречались.

Из осетровых рыб по Днепру, Десне, Сейму в Украинское Полесье продолжал заходить осетр, по Днепру поднималась и белуга.

Вторая половина XIX в. — первое тридцатипелетие XX в.

В эти годы плотность народонаселения Украинского Полесья сильно возросла. Уже в конце 50-х годов XIX в. в Новгород-Северском уезде Черниговской губернии насчитывалось 27 человек на 1 кв. версту, в Черниговском — 31,6, в Городнянском — 25,9, в Остерском — 20,5, в Глуховском — 35,3 (Русов, 1898). Одновременно с ростом людности происходило дальнейшее уменьшение площади лесов и увеличение площади пахотных земель. Было замечено, например, что в Глуховском уезде к началу 80-х годов XIX в. леса были вырублены на огромной площади и что это произошло за 30—40 предшествовавших лет. В связи с этим овраги стали быстро расти и «великую шкочу робить» (Шликевич, 1884, стр. 11).

Эти изменения в природной среде и в плотности народонаселения влекли за собой неуклонное уменьшение числа диких копытных, медведя, рыси, росомахи, белки, глухаря и рябчика. В лесах и болотах Черниговщины лоси еще в начале XX в. держались кое-где довольно крупными стадами. В Ямпольском районе Глуховского округа, где перед первой мировой войной были большие леса (площадью около 50 тыс. десятин), число лосей определяли приблизительно в 50 голов, но в 20-х годах XX в. там оставались лишь одиночные сохатые (Кирпичников, 1928; Шарлемань, 1928). В эти же годы одиночные лоси встречались около г. Овруча, а в лесах, окружающих г. Коростень, держалось их небольшое стадо (Шарлемань, 1928). Кабанов и косуль к 20-м годам XX в. также оставалось мало, а олешей в Украинском Полесье не было совсем.

Из хищников раньше других исчезла росомаха. В 60-х годах XIX в. ее встречали в лесах на междуречье Уши и Припяти около местечек Ко-

¹⁹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 170.

²⁰ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 351; Шафоновский, 1851.

²¹ ОРБЛ. Фонд 256 (Румянцевский музей), л. 271.

²² Там же.

ростышев, Шафоростовка, Иванки и Пещеловият. (Velke, 1866). Последнее сообщение о заходе росомахи в Украинское Полесье относится к 1890 г., когда она была замечена на границе Радомысльского и Киевского уездов (Росомаха в Киевском и Радомысльском уездах, 1890). Медведи в лесах Черниговщины были редки уже в 70-х годах XIX в., а в 20-х годах XX в. встречались лишь одиночные медведи или их следы в лесах около местечка Городница на Волыни, в Славечанском лесу Коростенского района и недалеко от г. Сновска (ныне г. Щорск). В тех же приблизительно местах встречалась и рысь. Кроме того, несколько рысей было убито в 20-х годах около г. Глухова (Шарлемань, 1928).

Все меньше оставалось и бобров. В 60-х годах XIX в. в пределах Радомысльского уезда места пребывания бобров были известны на р. Ствига и р. Семиходах (бассейн р. Припяти). В начале XX в. одиночных бобров убивали на р. Тетереве и на р. Днепре около пристани Печки (Щербина, 1916). Несколько лет спустя они были обнаружены на той же р. Тетерева около одноименной станции и на р. Крапивне и р. Визне (Портенко, 1926).

Заяц-беляк, редкий и прежде, к 30-м годам XX в. оставался в Черниговщине лишь в Свейском и Старо-Гутянском заказниках Глуховского района и в окрестностях г. Новгород-Северска (Шарлемань, 1936; Мигулиц, 1938). Кроме того, один беляк был добыт на северной окраине Сумской области (Огнев, 1940). Белок также осталось мало. В Черниговщине в 1933 г. заготовители закупили 2310 беличьих шкурок, а в 1934 г. — 5322 (Шарлемань, 1936).

Из лесных промысловых птиц быстрее всего исчезали глухари. В 80-х годах XIX в. их еще было довольно много в крупных ямпольских лесах Глуховского уезда (Вилинский, 1887), а в 20-х годах XX в. в лесной Черниговщине небольшое число их оставалось только в Городнянском и Сосницком районах (Артоболевский, 1928; Шарлемань, 1936). На Волыни глухари были более обычны, они обитали во всех богатых лесах уездов (Щербина, 1926). Рябчиков оставалось значительно больше, чем глухарей, и в 20-х годах XX в. они водились в Черниговщине в Городнянском, Рипкинском, Любецком и Остерском районах (Артоболевский, 1928) и во многих местах на Волыни (Щербина, 1926).

Расширение площади пахотных земель за счет лесов сказалось на распространении и численности тех промысловых животных, существование которых искони было связано со степями и суходольными лугами. Заметно больше стало хомяков — зверьков, для которых в условиях лесной зоны наиболее благоприятно сочетание сухих лугов или полей с широколиственными лесами и урёмой. В 1933 г. в Черниговщине было кулено 37 637 шкурок хомяка, а в 1934 г. — 118 421 (Шарлемань, 1936). Но дрофа стала даже более редкой, чем была в конце XVIII в. и начале XIX в. Усиленное преследование человеком не позволило ей расселиться более широко по Украинскому Полесью. В начале XX в. дрофы гнездились из года в год в Черниговской губернии на песчаных безлесных холмах в Кролевецком уезде; один выводок был замечен летом 1914 г. в Остерском уезде (Емельяненко, 1916). Но на Волыни ее наблюдали лишь на пролете и кочевках (Щербина, 1926).

Второе тридцатилетие XX в.

В этот отрезок времени продолжалось дальнейшее сокращение ареала и уменьшение численности глухаря и рябчика. Они сохранились только в крупных лесах Волынской, Ровенской, Житомирской и Сумской областей (Кістяківський, Корнеев, Пашенко, 1955). Тетерева же стало заметно больше, они распространились по всему Полесью. Чаще стала появляться дрофа; кое-где она начала, по-видимому, и гнездиться (Кістяківський,

1957). Значительно увеличилась численность диких копытных — стала обычной косуля, широко расселились, особенно по правобережному Полесью, кабаны. Из Белорусского Полесья начали заходить и лоси. Перед второй мировой войной в Украинском Полесье по рекам Днепру, Десне, Тетереву, Уше и некоторым их притокам насчитывалось около 100 бобров. Во время войны и в первые послевоенные годы значительная часть их была уничтожена браконьерами или погибла при глушении рыбы взрывчаткой. Чтобы ускорить восстановление населения бобров были созданы два бобровых заказника. Кроме того, в реки Украинского Полесья выпустили партию этих зверей, привезенных из Белоруссии (Сокур, 1961).

УКРАИНСКАЯ И МОЛДАВСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ

В лесах Украинской лесостепи главными древесными породами были дуб, сосна, граб, клен, ясень, осина и береза. Местами росло много диких яблонь и груш. В лесах Сумского уезда Слободско-Украинской губернии²³ груш было столько, что о них писалось: «инде токмо оне составляют собою лее или лутче дикой сад»²⁴. Еще больше груш и яблонь встречалось в лесах Валкского уезда, где в урожайный год засушивали их плодов до 100 тыс. пудов²⁵.

Вместе с тем вплоть до южной окраины лесостепи была распространена местами и ель. Если теперь ели в Украинской лесостепи почти нигде не осталось (Атлас Украинской ССР и Молдавской ССР, 1962 г.), то еще в конце XVIII в. она встречалась в различных местах. Во время генерального межевания Изюмского уезда Слободско-Украинской губернии ель была отмечена как одна из главных древесных пород в двух крупных и трех более мелких лесных дачах. Самый обширный из этих лесов (9063 десятины) располагался по левому берегу р. Северский Донец ниже устья р. Оскол и входил в земельные угодья Царево-Борисовой слободы. Главные древесные породы этого массива располагались в следующем порядке: дуб, осина, сосна, ель, клен, береза. Другой лес (2834 десятины) входил в земельные угодья с. Савинец (на карте с. Савицы) и был расположен по р. Северский Донец; в нем росли дуб, сосна, ель, осина, береза, ольха. Три остальные лесные дачи, в которых отмечалась ель, также располагались по р. Северский Донец и принадлежали с. Чепель, с. Борщовка и д. Букнина²⁶. В Чепельской даче ель была отмечена на первом месте, затем упоминались сосна, вяз, клен, осина и дуб. В Валкском уезде Слободско-Украинской губернии ель, хотя и встречалась, но ее (как и сосны) здесь было очень мало (Багалеи, 1890), и где именно она росла — неизвестно. В лесах Нежинского уезда Черниговской губернии ель была в 80-х годах XVIII в. одной из главных древесных пород, в окрестностях г. Нежина она встречалась еще в середине XIX в. (Сельская летопись..., 1854; Топографические описания городов..., 1902).

Стени и сухоходольные луга, находившиеся в Украинской лесостепи, очень долго, особенно в ее южной части, оставались целинными. Причиной этого была ожесточенная многовековая борьба славянского земледельческого населения с кочевниками — сначала с печенегами и половцами, а затем с Золотой Ордой и Крымским ханством.

²³ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19137, ч. 3, л. 5.

²⁴ Слободско-Украинская губерния была переименована в начале 40-х годов XIX в. в Харьковскую губернию.

²⁵ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Слободско-Украинская губерния, ч. 3.

²⁶ Там же, Изюмский уезд, д. 57.

От татаро-монгольского нашествия, опустошившего Украинскую лесостепь, особенно пострадали Северская и Киевская земли; Галицкая земля подверглась меньшему разорению.

В 1474 г. кочевники опустошили Подолию и лесостепное Прикарпатье и увели в плен около 100 тыс. человек (Зубрицкий, 1845). Целый ряд опустошительных погромов был произведен крымским ханом Менгли-Гиреем: в 1482 г. он «землю учинил пусту Киевскую» (Московский летописный свод., 1949), в 1495 г. татары разорили г. Владимир-Волынский и г. Брацлав, в 1498 г. — г. Чернигов и т. д. (Грушевский, 1890). После набегов Менгли-Гирея Украинская лесостепь стала почти такой же малолюдной и опустошенной, как при Батые (Владимирский-Буданов, 1890). При переписи, проводившейся в 1552 г., жители лесостепного Поднепровья (Житомирского, Каневского и Черкасского поветов) говорили переписчикам, что крестьяне только летом, да и то немногие, живут в селах, а большинство — в укрепленных замках. В переписи Житомирского замка (1545 г.) сказано, что крестьяне «на селищах не смеют перед татари жити» и живут вокруг замка (Архив ЮЗР, 1886, стр. 127). В левобережной части Каневского повета, расположенной по рекам Суле, Удаю, Снепороду, Пслу и Хоролу, города и села были заброшены.

Малолюдной была и Подолия. В 1530 г. в Каменец-Подольском повете насчитывалось всего 5170 душ, в Межибожском — 2050, в Летичевском — 750, в Зиньковском (переименованном затем в Барский) — 15 550, в Хмельницком — 2135. К югу от г. Брацлава лежали безлюдные, незаселенные земли (Владимирский-Буданов, 1890).

Во второй половине XVI в. набеги татар стали реже, и с этого же времени начала развиваться и крепнуть военная сила украинского казачества — Запорожская Сечь. Лесостепные земли по Днестру, Бугу и Днестру стали быстро заселяться.

Эти краткие замечания об изменениях, происходивших в жизни населения Украинской лесостепи в XIV—XVI вв., помогают понять особенности распространения и численности промысловых животных, свойственные этому времени.

Как уже отмечалось, Владимир Мономах, чьи владения находились как на юго-восточной окраине Украинского Полесья, так и в лесостепном Поднепровье, говорил об охотничьих ловах как о важном труде. Государственные крестьяне нескольких сел, расположенных по р. Роси, считали своими главными повинностями две — ходить на войну и на ловы (Кириков, 1959). О большом значении звериных, птичьих и рыбных ловов говорят многочисленные исторические документы того времени. Так, в дарственной грамоте, выданной в 1499 г. князю Глинскому на имения Ставок и Гостомль (под г. Киевом), было, как и во всех подобных документах, относящихся к этим векам, сказано, что имения жалуются «...з бобровыми гонь, и з сзы, з ставы и ставищы, з млыны, з боры и з лесы, и з их ловы и ловищы, з гаи, з ляды и з лядищы, со всеми ложитьки и доходы, и платы грошовыми и медовыми, куничными и лисичными» (Литовская метрика, 1910, стр. 765). В оброке, который платили крестьяне, значительную долю составляла пушнина. Например, с крестьян с. Романова Житомирского повета Волынской губернии взымалась дань 40 ведер меда и 12 лисиц (Акты Литовско-Русского государства..., 1899).

В середине XVI в. проходила перепись украинских замков и уходов, принадлежавших государству (частных владений она не касалась). В переписях и некоторых других исторических источниках содержится довольно много сведений о размещении промысловых животных и особенностях среды их жизни. В этом столетии многие лесные массивы были еще

почти нетронуты и служили защитой от татар и убежищем во время их набегов. В Барском старостве, например, сохранились крупные леса Згарский, Шелеховский, Кладно, Медвежий и Турый Рог (Грушевский, 1894). Степей и суходольных лугов было столько, что даже около замков нахали, где кто хотел. В переписи Черкасского замка (1552) сказано, например, что «пашут черкашине бояре и мещане на доли, где хто хочет» (Архив ЮЗР, 1886, стр. 86).

Обширные незаселенные и неиспользуемые под пашню земли служили главным образом местами добычи зверя. Поэтому они назывались тогда «уходами на бобры, на рыбу, на мясо». В эти уходы отправлялись не только местные жители, но и «чужегородцы» и «чужеволостцы». В уходы Киевского и Черкасского староств, расположенных по Днепру и его притокам, приплыли добывать рыбу и бобров из Чернобыля, Мозыря, Петрикопа, расположенных на р. Припять, а также из белорусского Поднепровья (из Речицы, Рогачева, Быхова, Могилева). Возвращаясь домой, «уходники» должны были отдавать часть добычи местным властям. Киевскому воеводе полагалась половина добытых бобров и десятая часть паловленной рыбы. Особенно ценились осетры и белуги, причем так же как и при ловле рыбы на р. Десне, белугу, которая попадалась редко, всю отдавали воеводе, а из осетров — каждого десятого. В распоряжении черкасского старосты были и обычные уходы и, кроме того, пять уходов (Дубослей, Еланский, Протолчь, Ненасытец, Волнечь), которые он предоставлял в пользование тем, кому хотел, и брал с них восьмую часть добычи. Обычными уходами пользовались жители Черкасского староства. Каждая патага должна была отдавать старосте двух бобров, одного осетра и 30 других рыб. Но староста, правивший во время переписи 1552 г., стал брать еще каждого седьмого бобра по своему выбору.

В уходах велась успешная охота на копытных, причем часть добытого мяса также предназначалась старосте. Люди, охотившиеся в угодьях Брацлавского староства, должны были отдавать «грудину» от каждого убитого зверя; черкасский староста брал восьмую часть мяса и сала и т. д. Кроме того, черкасским и каневским жителям полагалось после первой порони первые три дня охотиться на старосту и только потом уже на себя. Переписчиками было отмечено, что черкасский и каневский старосты, разрешавшие зимой охотиться и чужегородцам, брали с них каждого третьего убитого зверя.

Уже в то время проявлялась некоторая забота о сохранении запасов охотничье-промысловых зверей, выражавшаяся в том, что местами существовало ограничение в сроках охоты. В Каневском старостве, например, она была запрещена от Дмитриева дня (8 ноября) до пороши.

В исторических источниках XIV—XVI вв. приводится довольно много сведений о том, где и какие звери водились в то время в Украинской лесостепи. Претвич, начальник Барского пограничного староства, прославившийся успешной борьбой с татарами, упоминал в 1550 г. в речи на сейме, что в его старостве так много диких коней, оленей и зубров, что они мешают дозорной службе: стада этих зверей затапывали следы мелких татарских отрядов, проишкших через границу (Pretwicz, 1866). Из переписи 1552 г. известно, что множество зубров, оленей, бобров и лисиц было и в окрестностях Брацлавского замка (Архив ЮЗР, 1890). В Подолии в 70-х годах XVI в. были обычны охоты на зубров, причем на них охотились преимущественно в степях, а не в лесу (Cromeri, 1901). О зубрах, водившихся в Киевском воеводстве, упоминал, как уже указывалось, Литвин (Litwani, 1854).

Во владениях Житомирского, Винницкого, Каневского и Черкасского староств было, по-видимому, много диких и одичавших коней. Поэтому в переписях этих староств особо упоминалось о правилах вознаграждения охотника, отбившего одичавшую лошадь от табуна диких коней. В Жи-

томирщине существовало следующее правило: если одичавшая лошадь была поймана на государственной земле, то охотник получал половину ее стоимости, а другая половина отдавалась замку; если же конь был пойман на частной земле, то половина его стоимости принадлежала ее владельцу. Такое же правило существовало и в Винницком старостве: «так же кто з дыков коня выбьет, то на пол ему з тым, чья земля» (Архив ЮЗР, 1886, стр. 603). В Каневском и Черкасском староствах были другие правила. Там охотник, поймавший одичавшую лошадь, получал от ее прежнего владельца 12 грошей.

Из пушных зверей, водившихся в Украинской лесостепи, наибольшее значение в охотничьем промысле имели речной бобр и лесная куница. В государственных селах местами существовали особые куничники. В с. Терпсееве на р. Роси было, например, три куничника; один из них должен был сдавать три куницы в год, а два — по шести (Литовская метрика, 1910). Особенно много сведений о размещении бобра. В исторических источниках XV—XVI вв. упоминались бобровые гоны на многих реках и речках Украинской лесостепи.

Быстрое заселение лесостепной Украины, начавшееся в конце XVI в., продолжалось почти всю первую половину XVII в. Так, бассейн р. Удаи, где в середине XVI в. были одни лишь уходы остерских и каневских жителей, стал быстро заселяться в 20—40-х годах XVII в., когда польский магнат Иеремия Вишневецкий сделал Прилуки центром своих левобережных владений (Лазаревский, 1902). Ему принадлежало 56 городов и местечек (Лубны, Ромны, Прилуки, Золотоноша, Лохвица, Оржица, Жовнин, Голтва и др.) с населением 288 450 человек (Воссоединение Украины с Россией, т. 1, 1954). В середине XVII в. земли между г. Переяславом и г. Прилуки были известны как «места жилые и хлебные» (там же, т. 3, стр. 430).

Таблица 7

*Распределение населенных мест и число жителей в лесостепной Украине по поватам в 1625 г.**

Поват	Населенные места	Число домов	Численность населения
Житомирский	251	3970	23 820
Киевский	187	3325	37 950
Белоцерковский	130	3040	18 240
Каневский и Корсунский	96	4630	27 780
Черкасский	94	5260	31 560
Переяславский	86	4165	24 990
Миргородский	32	850	5 100
Винницкий	195	25455	152 670
Брацлавский	167	22810	136 860
Звенигородский	40	2635	21 810

* По данным М. Владимировского-Буданова (1905).

На карте Украины, составленной Боцланом в конце первой половины XVII в., показано множество сел, местечек и хуторов. Распределение населения лесостепной Украины (находившейся за исключением Волыни и лесостепного Прикарпатья в пределах Польского государства) в 20-х годах XVII в. показано в табл. 7.

Вопрос о причинах такого быстрого заселения лесостепной Украины возбуждал большие споры у историков. Главных причин было, по-видимому,

три: раздача лесостепных земель польским магнатам, переселявшим на них крестьян и предоставлявшим им льготы на известное число лет; заселение этих земель крестьянами, бежавшими от закрепощения; уменьшение опасности татарских погромов.

Набеги татар хотя и продолжались, но в первой половине XVII в. они уже не были такими опустошительными, как во времена Менгли-Гирея. На пути татар встала Запорожская Сечь, да и польские государственные воюющие силы более успешно, чем раньше, справлялись с ними. Наиболее усиленное заселение черниговской лесостепи происходило во второй четверти XVII в., когда Польша поставила здесь ряд укрепленных городов (Мякотин, 1896).

Восточная окраина Украинской лесостепи, находившаяся во владении Московского государства, в первой половине XVII в. была населена гораздо слабее, чем ее западные земли. Опустошения, произведенные татарами в годы Смуты, отодвинули русские «сторожи» от устья р. Айдара и от Святых Гор к рекам Сейму, Пслу, верховьям Ворсклы, Оскола и Валуя (Новосельский, 1948). С конца 30-х годов XVII в. восточная часть Украинской лесостепи стала заселяться гораздо быстрее, причем заселение шло с севера и с запада. После разгрома восстания казаков и крестьян в правобережной части Украины (Черкасский погром 1638 г.) они стали переходить в Московское государство большими и малыми группами. В 1638 г., например, было решено поселить на Чугуевом городище около 3000 украинцев во главе с гетманом Яцком Острининым. Велено было «на Чугуеве черкас дворовыми и огородными места устроить и на нашу землю отвезть». На следующий год в Москву сообщалось, что пришельцы «дворами почели строитца, и сена накопили, и лес на острожное дело готовят» (Воссоединение России с Украиной, т. I, 1954, стр. 295).

В середине XVII в. после восстания украинцев, возглавлявшегося Богданом Хмельницким, и русско-польских войн 1654—1655 и 1658—1667 гг. вся левобережная лесостепная Украина, а также небольшая правобережная часть Киевского воеводства были присоединены к Московскому государству и многочисленные громады украинцев переселились в лесостепное левобережье, где они основали крупные поселения (Сумы, Ахтырку, Харьков и др.).

Во время как Слободская Украина заселялась, Полтавщина и правобережная лесостепная Украина сильно опустели. На Полтавщине огромные опустошения были произведены во второй половине XVII в., когда Ромодановский разбил Лубны, Пирятин и Варву с их окрестностями, Трубецкой — Канотоп с окрестными селами, а Карамбей — Полтаву и т. д. Правобережное лесостепное Поднепровье особенно обезлюдело после заключения Андрусовского мирного договора, по которому между Польшей и Россией устанавливалась пограничная полоса в несколько миль шириной, где запрещалось селиться кому бы то ни было. Чигиринский, Черкасский, Каневский поветы и многие другие места совсем опустели (Кулиш, 1856).

В первой половине XVII в. во многих местах лесостепной Украины стали усиленно вырубать леса. Это было связано не только с возросшей численностью населения, но и с большим спросом на поташ. Во время переписи Киевского воеводства в 1622 г. поташные буды были указаны в Богуславском, Белоцерковском и Каневском старостах. При переписи Каневского староста особо отмечалось, что лес, в котором находились поташные буды, уже очень сильно изрежен (Воссоединение России с Украиной, т. I, 1954). Известно также, что в 30-х годах XVII в. поташные буды были в Полтавщине и в Подолии. Умань и местечки Мапыровка, Буки, Машуровка и Иваньки, находившиеся в Брацлавском воеводстве, были сданы на 3 года в аренду данцигскому купцу Деменду, и он получил заказ на производство 5400 фунтов поташа (Воссоединение Украины с Росси-

ей, т. I, 1954). Все же в целом леса еще оставалось много. В 1639 г., когда наделяли землей украинцев, перешедших в Московское государство, к г. Чугуеву была присоединена Донецкая волость. В ней сохранилось тогда несколько крупных «невашенных» лесов. Один из них тянулся по р. Бабке (вверх по реке от впадения ее в р. Северский Донец) и по р. Тепле на 20 верст, а в ширину — на 4 версты. Другой лес, расположенный в правобережью р. Северский Донец, вверх от устья р. Бабки, тянулся в длину на 20 верст, а в ширину — на 10 верст, «а инде меньше». Огромный лес располагался по обе стороны Северского Донца (от г. Чугуева на севере до р. Гомольши и р. Балаклеи на юге) и по его притокам — р. Удам, Мже, Отдалаге, Мерефе (до Муравского шляха на западе). С севера на юг этот лес простирался на 50 верст, а с запада на восток — на 40 верст (Воссоединение Украины с Россией, т. I, 1954). Эти леса впоследствии были сильно вырублены, но в середине XIX в. площадь их оставалась еще большой.

Одновременно со сведением и вырубкой лесов все возрастала распашка степей, но все же сохранилось и много целины. В середине XVII в. на Полтавщине в степях по р. Орели еще кочевали ногайцы (Воссоединение Украины с Россией, т. 3, 1954), а в 1660 г. ногайский мурза Кала Бурзя и его товарищи просили московского царя принять их в подданство и позволить им кочевать в степях по Северскому Донцу. Это им было разрешено, но с оговоркой, чтобы ногайцы кочевали зимой на левобережной погайской стороне Северского Донца, а летом — на правобережной крымской и не заходили к окраинным городам, потому что там было много распаханных участков (Собрание узаконений Русского государства, 1876). В 70-х годах XVII в. обширные степи занимали окрестности г. Прилук между р. Рудой и р. Перевидом, и там разрешалось косить любому из прилуцких жителей (Лазаревский, 1902).

Во многих местах Украинской лесостепи, особенно на ее южной окраине, население все еще страдало от татарских набегов, мешавших заниматься сельским хозяйством. Чугуевские охотники доносили, например, в 1666 г., что татары часто угоняли у них скот (Кириков, 1959). Так как лесов и степей оставалось еще много, то до самого конца XVII в. в лесостепной Украине было немало мест, где главными промыслами населения были пчеловодство и ловля зверей. Так, в 1690 г. Мазепа доносил, что в окрестностях г. Корсуня и г. Богуславля «обретаются на тех местах люди, для пасек и для ловли звериной живущие» (Дополнения к актам историческим, 1872, стр. 349).

XVII век небогат письменными источниками о размещении животных в лесостепной Украине. В «Описании Украины», составленном Бопланом, сообщалось, что на границе с Московским государством²⁷ водились «буйволы» и другие крупные звери, а также «белые зайцы» и дикие кошки — «Pour les buffles et grandes bestes ils se trouvent sur les confins de Moscovie, come aussi les lièvres blancs et les chats sauvages» (Beauplan, 1660, стр. 84). Трудно сказать с полной определенностью, кого именно имел в виду Боплан под «буйволами». И. Т. Сокур (1961) полагает, что он назвал так туров. По моему же мнению, под словом buffles следует понимать зубров, потому что в других источниках XVII в. есть сведения о пребывании зубров как на Украине, так и на Дону. О турах же в этом столетии никто не упоминал, если не считать «буйволов» Боплана. Последние из известных нам сведений о пребывании зубра в поднепровской Украине приходится на 1696 г. В этом году Мазепа послал царскому двору 10 кабанов, 6 лосей, 2 оленей и одного зубра (Письмо гетмана Мазепы..., 1848). Точное место, где были добыты эти звери, не указано, но в гетманскую

²⁷ Граница между Польшей и Московским государством проходила в то время немного восточнее Глухова и западнее Путивля, Недригайлова, Ахтырки и Змиева.

В начале XVIII в. во многих местах правобережной лесостепной Украины еще были видны последствия разорения, которое принесли войны, длившиеся на ее территории почти всю вторую половину XVII в. и начало XVIII в. В одной только Полтавщине за время с 1650 г. до начала 20-х годов XVIII в. население уменьшилось больше чем на 200 тыс. человек (Маркевич, 1855). Еще в 1711 г. крымские татары, вторгшиеся на левобережную Украину, дошли до г. Харькова. Тогда же другой отряд крымских татар вторгся на правобережную Украину и проник до г. Белая Церковь. Старообрядец Иван Лукьянов, проехавший в 1710 г. по правобережной Украине от Павлочи до Немирова³², писал, что там все было разорвано и разорено крымцами. Но вскоре правобережная лесостепная Украина стала опять заселяться, сначала около г. Киева и г. Бердичева, затем, и быстрее всего, в Уманщине. В середине XVIII в. вольностей на правобережье было больше, чем на левобережье. Крестьяне и казаки стали переходить на правый берег Днепра, и запустевшие Каневские, Черкасские и Чигиринские земли заполнились выходцами из Гетманщины (Кулиш, 1856). На северной окраине левобережной Украинской лесостепи (в Черниговщине) уже в 80-х годах XVIII в. «пустых, никому не принадлежащих степей» не было нигде (Шафонский, 1851). Но южнее, в Переяславском, Прилуцком, Полтавском, Гадяцком, Лубенском и Миргородском полках, свободных земель было еще так много, что значительная часть их еще не распахивалась, а служила пастбищами (Рубан, 1773).

В конце XVIII в. на левобережной Украине вновь водворилось крепостное право, была уничтожена Запорожская Сечь, присоединены к России Вольны и Подолля. Свободные крестьянские поселения стали собственно русскими и украинских бар.

Происходивший в XVIII в. рост населения и помещичьих хозяйств не замедлил отразиться на состоянии природных угодий. Истребление лесов пошло гораздо быстрее. Поташные и стекольные заводы были почти в каждом местечке Подоллии (Симашкевич, 1875). Составители хозяйственной переписи 1789 г. указывали, что поташные буды и стекольные гуты истребили богатые леса Подольского и Брацлавского воеводств, вследствие чего многие владельцы прекратили производство поташа и стекла (Антонович, 1874). Но кое-где еще в 30—40-х годах XIX в. леса хорошо сохранились. Из одного только Жванчиковского леса, расположенного между р. Смотричем и р. Мурафю, было продано адмиралтейству 50 тыс. дубов (Марчинский, 1836). В это же приблизительно время крупный, почти нетронутый лесной массив находился около г. Бара (Przedziecki, 1845). В Молдавской лесостепи во время перехода Бессарабии во владения России были большие леса в Оргеевском уезде, но уже в 1816 г. строевой и корабельный лес был там вырублен почти весь (Свиньин, 1817).

Кроме поташных и стекольных заводов, много леса истреблялось винокуренными, особенно на левобережной Украине, а на Вольни — железодельными заводами. В 1761 г. гетман Разумовский обнародовал указ, в котором говорилось, что на Украине «вдаются в непомерное винокурение, истребляют леса для винных заводов». «Сия всегубительная лесов язва пожирала в один год бесценный природы плод, плоды целых веков», так отзывался о винокуренях автор «Топографического описания Харьковско-го наместничества» (1788, стр. 67). В одном этом наместничестве было 976 винокурен. В течение многих лет винокурение было основным доходом помещиков и поэтому истребление лесов продолжалось почти всю первую половину XIX в.

³² Город Павлочи находился на р. Растовице — притоке р. Рось; г. Немиров — к северо-западу от г. Брацлава.

В самом конце XVIII в., в лесостепных уездах Малороссийской губернии³³ лесу уже было недостаточно в Полтавском, Лубенском, Зеньковском и Переяславском уездах³⁴.

К 30-м годам XIX в. лесов в Слободско-Украинской и Полтавской губерниях и в лесостепных уездах Черниговщины оставалось очень мало (Леса в Киевской и Черниговской губерниях, 1832). В 50-х годах этого столетия признавалось, что Слободская Украина была несравненно богаче лесом лет 30—40 назад. Истребление лесов объяснялось полным пренебрежением к их восстановлению и, в частности, потравой скотом лесных всходов и поросли на вырубках. Однако к середине XIX в. строевые сосновые леса еще оставались в Богодуховском, Харьковском и Изюмском уездах, а в Маяцкой засеке был цел корабельный лес. Дубовый строевой лес оставался и в Святогорских лесных дачах (Кочетов, 1855).

В 1769—1781 гг. в Слободско-Украинской губернии проходило генеральное межевание, и поэтому можно установить, какая была здесь в то время плотность населения и каково было соотношение земельных угодий. Материалы межевания показывают, что в наиболее заселенных уездах — Белопольском и Харьковском — пашня и приусадебные земли занимали соответственно 62 и 52% территории, а лес — 7 и 32% (табл. 8).

Таблица 8

Плотность населения (число человек на 1 кв. версту) и соотношение земельных угодий (%) в Слободско-Украинской губернии

Уезд	Год генерального межевания	№ лета	Плотность населения	Земельные угодья				
				общая площадь, десятин	пашни и приусадебные земли	сенокосы	лес	осужденные земли
Белопольский	1769—1781	27	32,0	152 007	69,5	18,0	7,3	5,2
Миропольский	1769—1781	97	22,5	183 600	52,7	16,7	26,1	4,5
Сумский	1769—1781	113	20,0	185 262	47,0	23,7	24,3	5,0
Лебедянский	1769—1781	87	15,7	144 120	58,0	9,1	25,9	7,1
Ахтырский	1769—1781	19	16,3	176 262	53,0	12,1	28,0	6,9
Валкский	1769—1781	32	24,5	206 443	55,4	16,7	24,1	3,8
Харьковский	1769—1781	119	26,4	190 333	52,0	10,0	32,0	6,0
Изюмский *	1782	55	15,5	299 432	47,1	28,0	18,3	6,6

* В Изюмском уезде межевание проводилось в 1782 г.; проверка была проведена в 1813 г. (ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Изюмский уезд, д. 16).

Быстрый рост населения в XVIII в. и сопутствовавшие ему распашка степей и вырубка лесов были главной причиной уменьшения в лесостепной Украине численности крупных промысловых животных, особенно копытных.

В 1730 г. императрица Анна Ивановна приказала «в Украине, где возможно, ловить диких зверей, а именно: оленей, лосей, кабанов и коз диких и других тому подобных. И как сколько каких ныне и впредь изловлено

³³ Эта губерния была учреждена в 1797 г. и просуществовала до 1801 г. В ней было 20 уездов. Часть из них находилась в Украинском Полесье — Черниговский, Сосницкий, Новгород-Северский, Глуховский, а остальные (целиком или большей частью) в лесостепи — Козелецкий, Нежинский, Колотопский, Переяславский, Прилуцкий, Ромеский, Пирятинский, Гадяцкий, Золотовошский, Лубенский, Хорольский, Зеньковский, Полтавский, Кременчугский.

³⁴ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 351.

будет... присылать ко двору ея импер. величества немедленно»³⁵. Кроме того, от царского двора на Украину в этом же году были посланы егеря. Но вот что писал по этому поводу князь Шаховской (его письмо было адресовано обергофмейстеру Салтыкову): «По прибытии оных егерьей в Глухов, советовав обще с гетманом господином Апостолом, отправлены они в малороссийские полки, а именно, в Гадяцкой, Прилуцкой, Полтавекей, Переяславской, Лубенской и в Миргородской, где прежде хотя и весьма мало, но однако звери бывали, ... и хотя оные егари в помянутые полки и отправлены, токмо в надежде, чтоб могли сыскать диких зверей — лосей, коз и прочего, понеже, как я слышу от здешних обывателей, что прежде сего, когда в помянутых полках не было многова поселения, то такие звери, хотя и не много, а вживались, а ныне оные полки поселением умножились, и от того и зверя стало мало и для ловли оных зверей из Малой России посылаютца компаниями человек по восемьдесят и больше в Полскую и Турецкую области³⁶ как и ныне посланы»³⁷.

Об уменьшении численности копытных сообщалось и позднее. Например, Лубенская канцелярия доносила в 1753 г., что охотники, посланные в Черниговский полк, убили только двух лосей, «а более добыти было невозможно, хотя всемерно старались: перво затем, что степи весь сгорел (разрядка паша. — С. К.), а другое — по тому ступу везде людей умножилось» (Бакай, 1892, стр. 8). Особенно сильно уменьшилась численность и сократился ареал тарпанов, оленей и лосей. В начале XVIII в. в правобережной лесостепной Украине дикие лошади еще встречались между Рашковом и Ягорлыком, а также в окрестностях Умани, Лисянки, Лебедина и Чигирина. Тарпаны размножились во второй половине XVII в. во время войны Польши с турками и татарами, когда села в правобережной Украине опустели. Но уже в 40-х годах XVIII в. было замечено, что тарпанов осталось мало, и что они ушли в степи на Черноморском побережье (Rzaczynski, 1745).

В степи около г. Рашкова еще в 70-х годах XVIII в. заходили и сайгаки (Andrzejowsky, 1823). Среди убитых зверей, отсылавшихся украинскими гетманами к царскому двору, бывали и сайгаки, но, по всей вероятности, их добывали не в лесостепи, а в степях Запорожья и в «залинейных» — степных местах.

Уменьшилось и стадо оленей. Стрельцы Лубенского полка, обычно охотившиеся не на своих землях, а на территории правобережной Украины, еще привозили оттуда убитых ими оленей, которых отправляли затем к царскому двору. Иногда стрельцам удавалось привозить и живых зверей. В 1760 г. генерал Хорват писал И. Разумовскому, что в Ново-Сербском корпусе олени встречались в лесах Черном, Чуте и Великом (Плохинский, 1891). Черный и Чута когда-то были одним сплошным лесом, составлявшим часть огромного массива, тянувшегося от Чигиринского уезда до истоков Ингула и Ингульда (Эварницкий, 1890). К этим же, по-видимому, местам относится и сообщение, что в 70-х годах XVIII в. олени попадались, хотя и очень редко, на территории Елизаветградской провинции (Güldenstädt, 1787—1791). Но в описании Елизаветградского уезда (Херсонская губерния), относящемся к 1799 г., в списке диких зверей, встречавшихся в Черном лесу, об оленях уже не упоминалось³⁸. Ничего не говорится об оленях и в «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию этого уезда, составленных в 1804—1808 гг.³⁹

³⁵ ЦГАДА. Фонд Дворцовый отдел, д. 35 121, л. 3.

³⁶ Правобережная лесостепная Украина в то время входила в состав Польского государства, а степная Украина (за исключением Запорожья) была турецким владением.

³⁷ ЦГАДА. Фонд Дворцовый отдел, д. 35 124, л. 4.

³⁸ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 336.

³⁹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Елизаветградский уезд, д. 14—20.

Оленей было мало и в левобережной Украинской лесостепи. В «Описании Малороссии», составленном Юнкером в 1737 г., сказано, что оленей там почти не бывает⁴⁰. Но это утверждение, по-видимому, не вполне точно, так как среди убитых зверей, отправленных в 1750—1764 г. из Украины к царскому двору, попадались и олени. Например, из Глуховского полка было послано два оленя, из Миргородского — четыре, из Лубенского — 21 и из Лубенского и Гадяцкого — три (Кириков, 1959), но где именно они были добыты, неизвестно. В 70-х годах XVIII в. олени встречались изредка в лесах по р. Ворскле, около с. Будище, расположенного в 30 км к северу от г. Полтавы (Рубац, 1777). В лесах же по нижнему течению р. Трубежа олени попадались иногда еще в 40-х годах XIX в. (Н. А., 1845; Арандаренко, 1848).

Распространение сохатых также сильно сократилось. В самом конце XVIII в. и в первой половине XIX в. лоси оставались кое-где в воынской лесостепи, граничащей с Полесьем. В 1798 г. они встречались к юго-западу от г. Луцка (в окрестностях сел Зверева, Котова, Романова, д. Верховцы и д. Ключаны). В эти же годы лоси отмечались в окрестностях г. Кременца и его предместий Сычевки и Козодубовщины⁴¹. В 50-х годах XIX в. они встречались в Воынской губернии во Владимирско-Воыльском и Ровенском уездах и реке — в Острогском. В Заславском уезде лоси содержались помещиком Саигушко в особом зверинце (Перлштейн, 1857). В эти же годы сохатые встречались в Заславском уезде в окрестностях с. Цветохи (Сельская летопись..., 1854).

В самом начале XVIII в. лоси еще попадались в лесостепной Киевщине, между г. Фастовом и местечком Паволочью (Лукьянов, 1864). В Киевском воеводстве они бывали и в 40-х годах XVIII в. (Rzaczynski, 1745), но в топографическом описании Киевской губернии, составленном в 1799 г.⁴², о лосях уже не упоминалось. В Черном лесу, находящемся на границе со степной зоной, лоси держались в 30—40-х годах XVIII в. (Мышецкий, 1852), но в известных мне источниках конца этого столетия о них уже не упоминается. Оставались ли в XVIII в. сохатые где-нибудь в Подольи — неизвестно.

В левобережной лесостепи в 50-х годах XVIII в. лосей изредка добывали в лесостепных местах Черниговщины (Плохинский, 1894; Бакай, 1892). Спустя почти столетие (в 1840 г.) один лось был убит в 20 верстах от г. Конотона (Левченко, 1882). На Полтавщине в конце XVIII в. лосей, по-видимому, уже не оставалось. В «Топографическом описании Малороссийской губернии», составленном в самом конце XVIII в., лоси не отмечены ни в одном из лесостепных уездов⁴³. К этому же времени они перевелись и в Слободско-Украинской губернии, откуда столетием ранее сохатых, преимущественно живых, доставляли к царскому двору.

Кабанов как и конце XVIII в., так и в первой половине XIX в. особенно много водилось в тростниковых зарослях по р. Пруту⁴⁴. Но в Украинской лесостепи их в эти годы было гораздо меньше, чем в Украинском Полесье. В лесостепной Воынии кабаны в конце XVIII в. отмечались только в лесах, расположенных к юго-западу от г. Луцка, в окрестностях сел Котов, Зверев, Романово и деревень Верховцы, Ключаны и некоторых других⁴⁵, а также в лесах к югу от г. Новгород-Воыльска, в окрестностях слободы Чарнецкой и с. Гульск и с. Телецкого⁴⁶. В середине XIX в. они встречались в Заславском уезде, в окрестностях с. Цветохи (Сельская

⁴⁰ ОРБЛ. Фонд Об ва истории древностей Российских, д. 264 (3), л. 31.

⁴¹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 653, чл. 2 и 6.

⁴² Там же, д. 18 771.

⁴³ О составе Малороссийской губернии см. список на стр. 82.

⁴⁴ ЦГВИА. Фонд 438, д. 530.

⁴⁵ Там же, Фонд ВУА, д. 18 653, ч. 2.

⁴⁶ Там же, ч. 8.

летопись..., 1854). В лесостепных поветах Киевской губернии кабанов в конце XVIII в., по-видимому, уже не было, так как в топографическом описании Киевской губернии о них упоминалось только при описании Радомысльского повета, находившегося в Полесье. Но в Черном лесу кабаны в конце XVIII в. еще оставались⁴⁷. Источники, в которых содержались сведения о распространении кабанов в Подолии в XVIII в., мне неизвестны. В середине XIX в. они встречались здесь в немногих местах (Кесслер, 1851). В Молдавской лесостепи кабаны водились повсеместно еще в 50-х годах XIX в. (Д — вич, 1879).

В левобережной Украинской лесостепи кабанов в XVIII в. и первой половине XIX в. было мало. Во второй половине XVIII в. они встречались в Козелецком уезде Черниговской губернии⁴⁸. В 30-х годах того же столетия из Полтавского полка в войсковую генеральную канцелярию в г. Глухове вместе с другой звериной был отправлен один кабан⁴⁹. На Полтавщине в 70-х годах XVIII в. пребывание кабанов было известно около местечка Нехворощи (Рубан, 1777). В лесах и болотах по р. Днепру они изредка попадались и в 40-х годах. В «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию Слободско-Украинской губернии о кабанах не упомянуто. В других известных нам источниках XVIII в. и первой половины XIX в., касавшихся Слободской Украины, о них также ничего не говорится.

Из копытных зверей наиболее обычной была косуля. В Украинской правобережной лесостепи в конце XVIII в. косули чаще всего встречались на Волях, где они водились во многих лесных дачах Луцкого, Ровенского, Дубиенского, Новград-Волянского, Кременецкого и Острогского поветов⁵⁰. В лесостепной части Киевского воеводства в 30—40-х годах XVIII в. косули собирались зимой в стада численностью до 100—300 голов и в многоснежные зимы прибегали к стогам сена для кормежки (Rzaczynski, 1745). Но в конце того же столетия косули встречались только в двух лесостепных поветах Киевской губернии — Киевском и Черкасском⁵¹. В многоснежную зиму 1843/44 г. в Киевской губернии было истреблено «неимоверное количество» косуль (Кесслер, 1851, стр. 88). Сведений о распространении косуль в Подолии в XVIII—XIX вв. найти не удалось, но Черный лес служил им убежищем по крайней мере до конца XVIII в.⁵² В Молдавской лесостепи косули были нередки в начале XIX в. (Свиньин, 1817).

В Полтавщине и лесостепной части Черниговщины стадо косуль сильно поредело к концу XVIII в. В 30—50-х годах этого столетия они нередко добывались на территории Полтавщины и посылались отсюда в войсковую канцелярию в г. Глухове, а затем — к царскому двору. 28 декабря 1735 г. из Полтавского полка было отправлено в г. Глухов 15 косуль⁵³. В 70-х же годах XVIII в. косули оставались здесь лишь у местечка Нехворощи (Рубан, 1777). В эти же годы они попадались на территории Лубенского полка (Güldenstädt, 1787—1791) и в Глуховском уезде, а в 40-х годах XIX в. — в лесах по р. Трубежу и в Переяславском уезде (Арандаренко, 1848). В Слободско-Украинской губернии косули в конце XVIII в. встречались во многих местах. В «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию (1769—1781 гг.) они были отмечены в пятнадцати земельных дачах Сумского уезда, в четырех — Лебединского, в одной — Ахтырского, в трех — Богодуховского, в двух — Валкского, в четырех — Харьковского, в двух — Чугуевского и в двух — Изюмского уездов. Во всех этих уездах

⁴⁷ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 336, ч. 1.

⁴⁸ Там же, д. 18 351.

⁴⁹ ОРБЛ. Фонд Маркевича, д. 349.

⁵⁰ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 653, ч. 7, 11, 2, 8, 6, 10.

⁵¹ Там же, д. 18 771.

⁵² Там же, д. 18 336, ч. 1.

⁵³ ОРБЛ. Фонд Маркевича, д. 349.

они встречались в тех районах, в которых в то время еще были большие леса.

Из крупных хищников самым обычным и многочисленным был волк, встречавшийся почти повсеместно. В Слободско-Украинской губернии в самом начале XIX в. волков было так много, что число их превышало численность всех диких крупных зверей (Описание Слободско-Украинской губернии, 1889). Медведи же размещались очень неравномерно. В лесостепной части Воыни они были редки уже в конце XVIII в., и их пребывание отмечалось здесь лишь в Кременецком уезде⁵⁴, а в 50-х годах XIX в. — в Ровенском (Перлштейн, 1857), причем неизвестно, в лесной или лесостепной части этого уезда они жили. Изредка медведи бывали и в Киевском повете, но также неизвестно, в какой его части⁵⁵. В середине XIX в. в киевскую лесостепь медведи уже не заходили (Кесслер, 1851). В Черном лесу они попадались до самого конца XVIII в.

В левобережной части лесостепной Украины медведей было значительно больше, чем на правобережье. В самом конце XVIII в. и в начале XIX в. они встречались в пределах Малороссийской губернии в Козелецком, Коногоском и Гадячском уездах⁵⁶. В 70-х годах XVIII в. медведи попадались и на лесостепной территории Полтавского полка, в окрестностях г. Полтавы и с. Будище (Рубац, 1777). Во второй половине этого столетия они были особенно широко распространены по Слободско-Украинской губернии⁵⁷. В Лебединском уезде медведи встречались в крупном сосново-широколиственном лесу, расположенном к северу и югу от г. Лебедина (в окрестностях слобод Бишкин, Бережки, Межиричъ, Червленое и деревень Курган, Азак, Тимофеевка) и в широколиственном лесу в окрестностях с. Великий Остров. Медведи держались и в широколиственном лесу с яблонями и грушами в Краснокутском уезде. Этот лес был расположен по правому берегу р. Мерли, в окрестностях слобод и сел Парховки, Городной, Калески, Климентовки. В Валкском уезде медведи встречались как в широколиственных лесах с большой примесью яблони, груши, терновника и орешника, так и в смешанных сосново-широколиственных. Один из этих лесов был расположен по р. Коломаку (лесные дачи с. Высокополья и с. Коломака), другой — по рекам Мерчыку, Медвежьей, Сухой и Мокрой, Ракитие, Люботинке (лесные дачи сел Старый и Новый Мерчик, Люботино, Огульцы и ряда окрестных деревень). В таких же лесах медведи встречались и в Харьковском уезде. Эти леса были расположены по р. Уде и р. Мерефе и их притокам (лесные дачи слобод и сел Коротки, Березовое, Буды, Ржавец, Мерефа, Островерховка, Безлюдовка, Васищево, Шубино). В Чугуевском уезде (впоследствии вошедшем в Змиевский) медведи водились как в сосново-широколиственных, так и в чистых широколиственных лесах; яблони и груши в них было значительно меньше, чем в лесах в Валкском и Харьковском уездах. «Медвежьи леса» в этом уезде были расположены по р. Северский Донец и его притокам Гнилице и Гомольше (лесные дачи слобод Мохнач, Змиева, Иваповская Гнилица, Гомольша, Кучуевка, Багалеевка).

В «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию Сумского, Ахтырского и Изюмского уездов медведи не упомянуты, но в «Описании городов и знатных местечек» составленном в 1767—1773 гг., пребывание медведей в этих уездах было отмечено. В Изюмском уезде они оставались и в начале XIX в. Так, в описании уезда, составленном после генерального межевания, сказано, что «звери находятся в сем уезде из-

⁵⁴ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 653, ч. 6.

⁵⁵ Там же, д. 18 771.

⁵⁶ Там же, д. 18 351 и 19 170.

⁵⁷ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Лебединский уезд, д. 79—80; Краснокутский уезд, д. 62; Валковский уезд, д. 33; Харьковский уезд, д. 117; Чугуевский уезд, д. 135.

вестнейшие: волки, лисицы, зайцы, дикие козы, медведи, белки, сурки...»⁵⁸, но в Сумском уезде медведей к этому времени уже не оставалось: «из зверей в сих лесах и по полям обитающих медведей не приметно, лисиц довольно, волков ужасно, а зайцев изобильно»⁵⁹. Вскоре медведи исчезли и из остальных уездов Слободской Украины. В описании этой территории, составленном в 1839 г., сказано, что их было много лет 30—40 назад, и «что еще недавно они были в Маяцкой засеке, но к 1839 г. не осталось ни одного» (Пассек, 1839).

Самым редким из крупных хищников была росомаха. По сообщению Ржончинского (Rzączynski, 1745), в начале XVIII в. одна росомаха была добыта около г. Куманова, а другая — в окрестностях г. Смстрича (Подолля). Рысь в XVIII в. и первой половине XIX в. в Украинской лесостепи водилась также редко. В 50-х годах XIX в. она попадалась в волинской лесостепи, в Острогском и Ровенском уездах Волинской губернии (Перлштейн, 1857). В 30-х годах того же столетия рысь встречалась кое-где в Подолли и северной Бессарабии (Nordmann, 1840). Лисица жила повсюду. Во многих местах Украинской лесостепи водилась лесная куница. Наиболее южными местами, где она встречалась в XVIII и первой половине XIX в., были леса Черный и Чута (Львицкий, 1836), Молдавская лесостепь (Свиньин, 1817), окрестности местечка Старый Санжаров (Рубан, 1777) и г. Харьков (Багалея, 1890).

Среди мелких хищников значительно шире, чем теперь, была распространена перевязка (*Vormela peregusna* G. Goldenst.). В первой половине XVIII в. ее пребывание отмечалось в волинской лесостепи около г. Кременца и г. Суража (Rzączynski, 1745). В середине XIX в. она изредка попадалась в окрестностях г. Киева (Кесслер, 1851). В 70-х годах XVIII в. перевязка была отмечена в окрестностях г. Лубны (G. Goldenst. ad., 1787—1791). При перечислении зверей, водившихся в Черниговской губернии, упоминалось, что в ней встречается и перевязка, но где именно, не сообщалось⁶⁰. В начале XIX в. она была, очевидно, нередка в Сумском уезде (Харьковская губерния), так как при перечислении зверей, попадающихся в этом уезде, было сказано: «а наипаче хомяков, хорей, ласточек, перевязок»⁶¹. О распространении хорьков (темного и светлого), норки, горностая и ласки в источниках XVIII в. и первой половины XIX в. подробностей не приводится, упоминается лишь, что они были обычны.

Мало приводится сведений и о распространении выдры, хотя она была более редкой и ценилась гораздо дороже, чем перечисленные выше зверьки. И. Т. Сокур (1961), ссылаясь на материалы, опубликованные М. Плохинским (1891), упомянул, что бобровникам поручалось ловить и выдру. Известно также, что выдр добывали в 40—50-х годах XIX в. по рекам Днепру, Псла, Ворскле, Орели, Орчыку, Северскому Донцу и Удам (Арандаренко, 1848; Чернай, 1853). Гораздо больше сведений о распространении бобра. За XVIII в. и первую половину XIX в. бобр был сильно истреблен, хотя мест для его обитания оставалось еще много. Байбак же исчезал на лесостепной Украине не только потому, что его истребляли люди, но и потому, что распахивались степи, вне которых он не может жить, а может быть, и в результате мора.

В распространении и населении птиц происходили изменения, в ряде случаев очень сходные с изменениями, отмечавшимися среди зверей. Сильнее всего сократился ареал распространения глухаря. Как и медведь, он исчезал из лесостепных дубрав и боров по мере того, как они вырубались, а охота на него усиливалась.

В конце XVIII и начале XIX в. глухари еще жили во многих местах

⁵⁸ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 137, ч. 2, л. 6.

⁵⁹ Там же, д. 19 137, ч. 3, л. 6.

⁶⁰ ОРБЛ. Фонд Румянцевский музей (256), д. 271.

⁶¹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 137, ч. 3, л. 6.

лесостепной Украины. В «Географическом и экономическом описании Волынской губернии», составленном в 1798 г., места пребывания глухарей в лесостепи были отмечены лишь в Острогском повете, в лесах, расположенных в 10—15 км к югу и юго-западу от г. Ровно (окрестность селений Мятин, Гайкуры, Посягва, Старый Милск)⁶². Однако глухари несомненно водились и в других местах лесостепной Волыни, но в упомянутом источнике сведений о распространении птиц очень мало. Нет также сведений о распространении глухаря и в топографическом описании Киевской губернии (1799 г.), где о «полевых тетеревах» упоминается при описании почти всех поветов. К. Ф. Кесслер (1851, стр. 9) указывал, что глухарей довольно много в северной полосе губерний Киевской и Волынской и во всей почти губернии Черниговской. Из этого сообщения неясно, включал ли К. Ф. Кесслер в «северную полосу» только лесную часть Волыни и Киевщины или и часть лесостепи. Более определенные сведения приводятся в источниках, относящихся к левобережной лесостепной Украине. В самом конце XVIII в. глухари встречались в Полтавской губернии в лесах Роменского уезда⁶³. В списке птиц Полтавщины, составленном Н. Арандаренко (1848), упоминаются два тетерева; один из них назван «тетеревом косачем», второй — просто «тетеревом». Глухари в источниках XVIII и первой половины XIX в. нередко назывались «глухим» или «большим тетеревом»; иногда сообщалось, что в той или иной местности водятся «тетерева обоих родов». Естественно возникает вопрос, не подразумевал ли Н. Арандаренко под «тетеревом» глухаря. Из материалов, сообщенных Д. И. Багалеем (1890), известно, что в 60—70 х годах XVIII в. глухари попадались в окрестностях г. Харькова и г. Хотомли.

Мало сведений и о рябчиках. Местами южная граница его распространения совпадала с южной границей лесостепи; кое-где рябчик встречался даже в небольших лесах, расположенных в степной зоне. В конце XVIII в. он встречался, например, в Черпом лесу⁶⁴, в небольших лесах по северной окраине Ольвиопольского уезда Херсонской губернии (между р. Килтепей и верхом р. Виси)⁶⁵, в лесах Роменского уезда Полтавской губернии⁶⁶, а в 60-х годах того же столетия — в лесах Ольшанского комиссарства (Багалей, 1890).

Из тетеревиных птиц самым распространенным в Украинской лесостепи почти повсеместно был в XVIII в. тетерев. В Киевской губернии он населял в конце этого столетия Киевский, Махновский, Сквирский, Васильковский, Липовецкий, Богуславский, Черкасский и Чигиринский поветы⁶⁷. В топографическом описании Киевской губернии о тетеревах не упоминалось лишь при описании двух лесостепных поветов — Пятигорского (впоследствии вошедшего в Таращанский повет) и Звенигородского. В описании Пятигорского повета сказано, что «птиц диких, кроме гусей, уток, куропаток и других тому подобных, никаких достойно примечания не бывает». По-видимому, тетерева попали в число «тому подобных» птиц. В описании же Звенигородского повета сообщается лишь, что там есть «птицы разного мелкого роду».

Источники, в которых приводились бы сведения о распространении тетерева в Подольской губернии в XVIII в., мне неизвестны, но они там по всей вероятности были. В Ольвиопольском уезде тетерева водились во многих земельных дачах⁶⁸. В Молдавской лесостепи в начале XIX в. они изобиловали в Сорочском и Хотинском уездах (Свиньин, 1867), особенно в

⁶² ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 653, ч. 10.

⁶³ Там же, д. 18 851.

⁶⁴ Там же, д. 18 336, ч. 1.

⁶⁵ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Ольвиопольский уезд, д. 33.

⁶⁶ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 351.

⁶⁷ Там же, д. 18 771.

⁶⁸ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Ольвиопольский уезд, д. 33.

Трыбесауцком, Болбанском, Сегуриянском и Побольчанском лесах Хотинского уезда; нередки были тетерева и в Росоманском, Путешанском, Корукуманском и Тобольском лесах, а также в дубовом мелколесье Сорокского уезда (Шестаков, 1872).

В XVIII в. тетерева водились и в Полтавщине. В 1735 г., например, из Полтавского полка в войсковую канцелярию было отправлено 40 пар тетеревов (Кириков, 1959), а из Миргородского полка в январе 1754 г. в Петербург, к царскому двору, — 49 тетеревов (Плохинский, 1891). В 70-х годах того же века тетерева были распространены в окрестностях Полтавы, Старого и Нового Санжарова, Кобыляка, Соколки (Рубан, 1777). В самом конце XVIII в. они еще встречались в Полтавской губернии в Прилукском, Ромненском, Переяславском, Пирятинском, Гадячском, Золотоношском, Лубенском, Хорольском, Полтавском и Кременчугском уездах, а также в Черниговской губернии в Козелецком, Нежинском и Конотопском уездах⁶⁹. В Слободско-Украинской губернии, во время генерального межевания (1769—1781 гг.) тетерева водились во многих земельных дачах всех уездов, кроме Беловодского. Вырубка лесов и превращение старого крупного леса в мелколесье благоприятно сказались на их распространении.

Хотя обилие степных охотничьих птиц — дрофы и стрепета — уменьшилось, но они были обычны почти во всех частях Молдавской и Украинской лесостепи как в конце XVIII в., так и в первой половине XIX в.

В первой половине XIX в. в степях по р. Пруту дроф было «весьма много»⁷⁰. В киевской лесостепи в самом конце XVIII в. они отмечались как обычные птицы в Киевском, Махновском, Сквирском, Богуславском, Липовецком, Черкасском и Чигиринском поветах⁷¹. В черниговской и полтавской лесостепи пребывание дроф в те же годы было отмечено в Козелецком, Нежинском, Конотопском, Прилукском, Ромненском, Переяславском, Пирятинском, Гадячском, Золотоношском, Хорольском, Зеньковском и Полтавском уездах⁷². Стрепеты в начале XIX в. водились в Бессарабии (Nordmann, 1840). В киевской, черниговской и полтавской лесостепи в самом конце XVIII в. они отмечались не во всех уездах, где встречались дрофы, а лишь в Богуславском, Махновском, Сквирском, Козелецком, Пирятинском, Гадячском, Хорольском и Зеньковском. Более редки были стрепеты и в середине XIX в., они встречались в это время главным образом в Полтавской и Подольской губерниях. В 1851 г. большие стаи стрепетов появились около Киева, где они продержались несколько недель (Кесслер, 1851).

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

В этот отрезок времени природные уголья изменялись в том же направлении, как и в первую половину XIX в. — леса все больше и больше сводились, а площадь напашки возрастала. Особенно много леса изводилось на свеклосахарных заводах. Так, только на пяти заводах, принадлежавших графу Бобринскому, ежегодно сжигалось от 8 до 12 тыс. куб. саженой дров. В одном из помещичьих имений до устройства свеклосахарного завода было 12 тыс. десятин леса, через 15 лет осталось только 4 тыс. В начале 60-х годов большая часть сахарных заводов располагалась в лесостепной Украине. В Киевской губернии был 81 завод, в Черниговской — 70, в Подольской — 37, в Полтавской — 21 и в Харьковской — 31.

С проведением железных дорог сведения лесов еще более возросло. В 60-х годах XIX в., когда производилось межевание Полтавской губернии,

⁶⁹ ЦГИА. Фонд ВУА, д. 98 351.

⁷⁰ Там же. Фонд 438, д. 538.

⁷¹ Там же. Фонд ВУА, д. 18 771.

⁷² Там же, д. 18 351.

лесистость в ней составляла всего 7,8% (Отчет по межеванию Полтавской губернии, 1905), а в начале 70-х годов она понизилась до 5,3% (Семенов, 1873). В Харьковской губернии лесов оставалось больше, но и здесь они занимали в середине 80-х годов лишь 11% территории (Семенов, 1885). Одновременно с сокращением площади лесов и степей происходило дальнейшее обеднение промысловой фауны. В Подолии, где в XVI в. паслись стада тарпанов, оленей и зубров, к концу 50-х годов XIX в. из копытных встречались только косуля и кабан, да и то как большая редкость. В Каменец-Подольской губернии эти животные были отмечены лишь в лесах около местечек Ластовиц и Нагоркан (Belke, 1859). В 70—80-х годах того же столетия в Харьковской губернии из копытных оставалась только косуля, отмеченная как редкость под г. Харьковом (Хорват, 1887) и в Сумском уезде (Е — в, 1877). В те же годы автор описания охоты в Черниговской губернии отметил, что в Конотопском уезде не было ни косуль, ни кабанов, а о лосях уже давно даже не слыхали (Сен-Лоран, 1879).

Не осталось нигде в Украинской лесостепи и медведя. В 80-х годах XIX в. в Каневский уезд зашла россомаха (Протоколы заседания Зоологического отделения., 1880), и это был, по-видимому, последний случай ее захода в Украинскую лесостепь. К началу XX в. на грани исчезновения был и бобр. Поселение бобров в окрестностях г. Кременчуга, описанное в 1915 г., просуществовало до 1927 г. (Фененко, 1915; Сокур, 1961). В 1928 г. четыре бобра жили около устья р. Псел (Шарлемань, 1928)⁷³. Заяц беляк в харьковской лесостепи продержался по крайней мере до конца XIX в., судя по тому, что Н. Н. Сомов (1897) среди зверей, водившихся в Харьковской губернии, отметил как русака, так и беляка. В Полтавщине беляки изредка встречались еще в 20-х годах настоящего столетия в Полтавском и Зеньковском уездах, но это, по-видимому, не местные зайцы, а потомки тех, которые были разведены там помещиками (Гавриленко, 1927).

Глухарей в Украинской лесостепи к началу XX в. не оставалось нигде. За вторую половину XIX в. и первое тридцатилетие XX в. во многих местах исчезли и рябчики. В харьковской лесостепи их не было уже в конце прошлого столетия (Сомов, 1897). В 80-х годах XIX в. на рябчиков еще охотились в Литинском уезде Подольской губернии (Герхнер, 1928), а в северной части Винницкого округа они изредка встречались даже в 20-х годах XX в. (Храневич, 1925).

Малочисленным стал и тетерев. Произошло это, по-видимому, как из-за сокращения наиболее благоприятных для них мест обитания, так и из-за чрезмерной охоты на эту дичь. Обширных степных кустарниковых зарослей в это время уже не было, стало гораздо меньше лесов, а беспокойство, причиняемое людьми в местах гнездования, сильно увеличилось. В Уманщине тетерева не стало еще в 50-х годах XIX в. (Goebel, 1879); в конце XIX в. он исчез и из харьковской лесостепи (Сомов, 1897).

Крупной степной дичи — дроф, стрепетов, степных журавлей — также становилось все меньше. Уже в 70-х годах XIX в. стрепеты были очень редки в Каменецком и Балтском уездах Подольской губернии (Д — вич, 1876). В Проскуровском и Каменецком уездах они изредка гнездились и в 20-х годах XX в. (Храневич, 1925). Под Харьковом стрепетов почти не встречалось уже в 80-х годах, и за 10 лет наблюдений было отмечено всего лишь несколько случаев залета этих птиц (Хорват, 1887). Но в Старобельском уезде, где еще оставались крупные участки целинных степей и залежей, стрепеты были нередки (Е — в, 1877). В конце XIX в. численность стрепетов в харьковской лесостепи оставалась приблизительно такой же, как и в 70-х годах — на запад и северо-запад от р. Северский Донец они

⁷³ В 1940 г. в верховьях р. Горыни еще оставалось несколько канадских бобров, завезенных туда в 30-х годах из Познани, но при обследовании этих мест в 1957 г. бобров здесь уже не было (Сокур, 1961).

были редки, а в восточной части довольно обычны. Излюбленными местами их гнездования служили ковыльные степи; реже стрепеты гнездились на обширных суходольных лугах и на полях (Сомов, 1897). В начале же XX в. отмечалось, что стрепеты гнездятся все реже (Аверин, 1910). Дроф в эти же годы в лесостепной Украине было больше, чем стрепетов, и они водились в тех местах, где в конце XVIII или в начале XIX в. стрепеты стали редкостью. Так, дрофы были обычны в Подолии (Д — вич, 1876; Храчевич, 1925), Харьковской губернии, Уманщине (Е — в, 1877; Хорват, 1887; Сомов, 1897; Аверин, 1910). Там же, где стрепеты исчезли совсем, дрофы еще оставались, хотя и в небольшом числе, например на Волини (Бурчак-Абрамович, 1928) и в Конотопском уезде Черниговской губернии (Сен-Лоран, 1879).

Второе тридцатилетие XX в.

В эти годы в Украинской лесостепи, так же как и в Украинском Полесье, наметилось увеличение численности и расширение ареала распространения некоторых видов охотничье-промысловых животных. Лоси стали постоянно жить в Конотопском районе. Было замечено, что летом они использовали в качестве убежищ не только лес, но и поля с посевами подсолнечника и кукурузы (Гавриленко, 1954). Значительно чаще, чем в первое тридцатилетие, стали встречаться косули (Сокур, 1961).

В связи с увеличением численности тетерева начали расселяться по лесостепи и появились в тех местах, где их давно уже не было. В 50-х годах они стали нередко гнездиться под г. Киевом, появились в Пирятинском районе Полтавской области и в южных районах Подолии (Гавриленко, 1954; Пархоменко, 1954). Однако ареал у многих других видов продолжал сокращаться, а самих птиц становилось все меньше. Не осталось совсем глухаря, рябчика и стрепета. Все меньше становилось водоплавающей дичи. Крайне мало осталось и байбаков, причем они отмечены только на небольшом участке харьковской лесостепи (Сокур, 1961).

СТЕПНАЯ УКРАИНА И СТЕПНАЯ МОЛДАВИЯ

Степи Украины и Молдавии в течение долгого времени были владением кочевников. Содержащиеся в письменных источниках материалы о природе этой территории в X—XIV вв., о водившихся здесь охотничье-промысловых животных, их численности и распространении очень скудны, и мы располагаем лишь отрывочными сведениями как о природной среде, так и о животном мире того времени. Данных о природе этой территории в XV—XVIII вв. значительно больше.

До конца XVIII в. здесь преобладала целинная степь, а в Причерноморье и в Приазовье она господствовала еще в первой половине XIX в. О том, какими были ковыльно-разнотравные украинские и молдавские степи в XVII—XVIII вв. в тех местах, где их не пахали и не косили, и где мало паслось скота, можно судить по сообщениям путешественников и местных жителей-старожилов. «В два фута вышиной трава», — писал о буджакской степи Боплан (Beauplan, 1660). В Бессарабии еще в конце XVIII в. в степи росла настолько высокая трава, что не было видно пасшегося скота (Сумароков, 1880). Старый казак, живший в с. Грушевке (около г. Никополя), рассказывал Д. И. Эварницкому, что раньше «травы велики росли. Ось тут, де теперь у нас церква, так така була тирса, як оцей ципок, що у мене в руци; як глянеш, так наче жито стоить... А що вже пырїй, ковила, мурава, орошок, курай, бурунчуки, то як увїддїш у них, так тилько небо та землю и видко, диты було гублятца в травї» (Эварницкий, 1888, стр. 6). В ковыльно-типчаковых степях такой буйной растительности не было, конечно, и в те времена.

Наряду с ковыльно-разнотравными и типчаково-ковыльными степями в Степной Украине было много степных кустарниковых зарослей. О зарослях стеной вишни, бобовника и терновника, росших в изобилии в степях по р. Самоткани, упоминал Боплан (Beauplan, 1660). В Очаковской земле (территория между нижними течениями Днестра и Буга) заросли таких кустарников изобиловали еще в конце XVIII в. (Мейер, 1794). Кроме степной и стеной кустарников, в степной Украине встречались кое-где и островки леса.

Московское правительство, отправляя в XVII в. послов и разведчиков в Крым, поручало им тщательно обследовать местность, встречающуюся на пути, обращая особое внимание на леса и на места, пригодные для постройки крепостей и заведения хлебопашества, а также на обилие зверя и рыбы и на конские пастбища. В росписи, составленной в XVII в. стряпчим И. Коломниным и сопровождавшими его ратными людьми, сообщалось, что по обеим сторонам р. Самары были «дубровы и леса черные, немалые». В тех лесах росли липа, асень, клен, груша, яблоня. От Луганского урочища до Гришиина Брода простирался лес, длина его достигала примерно 15 верст, а ширина — 5 верст; на русской стороне рос черный (т. е. широколиственный) лес, а на крымской — сосновый и березовый и «редкодуб». По р. Гнездинце были небольшие сосновые леса и «редкодуб». Дубовое редколесье показано и в других местах; по-видимому, оно было тогда в степной Украине обычным типом лесной растительности.

В 1681 г. через р. Самару проходило московское посольство во главе с переяславским полковником Тяпкиным и дьяком Зотовым. В составленном ими отчете сообщалось, что последние большие леса и дубравы (по пути в Крым) кончились у р. Самары. Они же писали, что в районе верховьев рек Орели, Самары и Конской можно поселить служилых конных и пеших людей, потому что там есть «дубровы великие и леса, и терники, и талики, и камыши, и зверь в лесах, и рыбы в водах, и конских кормов всюду множество, и пашни можно завести великие» (Статейный список посланников..., 1850, стр. 575). Самый крупный пойменный лес, находившийся на территории степной Украины и называвшийся Великий Луг, тянулся по Днепру от о-ва Хортицы до устья р. Бузувлук. Этот лес был прорезан протоками, ериками, старицами и перемежался с тростниковыми и камышовыми зарослями.

XIV—XVII вв.

Население южноукраинских и молдавских степей было в эти века многочисленным и почти не занималось земледелием. Известно лишь, что у погайцев в конце XV в. были в украинских степях пашни. В 1491 г. в грамоте к Ивану III князь Ромодановский доносил, что погайцы пришли на пашню «на Орел и на Самару и на Овечью Воду, туто пашню пашут» (Намятники дипломатических сношений Московского государства..., 1884, стр. 113). Кочевья и постоянное жительство погайцев в степях отмечалось и 150 лет спустя. В 1638 г. жители Большого Ногайского улуса кочевали по рекам Кальмиусу, Берде и Молочной. В 1651 г. белгородские воеводы доносили в Москву, что татары этого улуса кочуют по р. Орели и «живут совсем» (Воссоединение Украины с Россией, т. 3, 1954, стр. 17).

У крымских татар в XV—XVII вв. земледелие имело малое значение, и лишь кое-где у них были пашни, засевавшиеся главным образом просом. Основными источниками их существования были скотоводство и набеги на южные окраины Польского и Московского государств. «Все свое взяли с собой и, кочуя с места на место, живут в полях (степях.— С. К.) с женами, детьми и скотом», — писал о татарах М. Меховский (1936, стр. 59), сочинение которого было впервые опубликовано в 1517 г. «Люди царя Перекопского... з быдлом своим кочуют у поли», — сообщалось о крымских

татарах в грамоте польского короля, посланной в 1541 г. киевскому воеводе и черкасскому старосте (АЮЗР, 1863, стр. 109). А в 1559 г. Иван Грозный писал своему союзнику ногайскому князю Измаилу: «То тебе и самому ведомо, что в Перекопи в два времени, среди лета и в осень, людем крымским всем с лошадами и з животиною прокормитися нелзе. Выходят за Перекоп и за Днепр переходят к Черному лесу и тут стоят, прокармливаются» (Продолжение Древней Российской Вивлиофики, 1795, стр. 102). Аналогичные сведения о кочевках крымских татар сообщил и Броневский (Broniowski, 1630), возглавлявший в 1578 г. польское посольство к крымскому хану. В апреле, писал М. Броневский, татары откочевывают с семьями, рабами и кибитками за Перекоп, в самую Таврию, а иногда к Азову.

Украинские степи еще в XVII в. были настолько малолюдными, что Боплан назвал их «*loca deserta*». Эти «*loca deserta*» («*abo Dzike Pole*» — так обозначены они на его карте) занимали почти всю территорию между р. Ингульцом и р. Миусом, степи в верховьях р. Самары и р. Орели, степи между р. Кучурганом и р. Чичиклеей и участок междуречья Прута и Днестра к северу от г. Буджака (Кириков, 1959). В конце XVII в. безлюдных степей стало еще больше. По договору о перемирии, заключенному в 1681 г. между московским царем и турецким султаном, в степи на правом берегу Днепра запрещалось возводить города и поселки (Полное собрание законов..., 1830, № 854). В 1700 г. договор о перемирии был заключен вновь и площадь безлюдных степей еще более увеличилась. В статье 5 договора было сказано, что от Перекопа «до нового города Азовского, который у р. Миуса реченной стоит, среди лежащие земли пустыя и порожния и всяков жильцов лишены да пребудут; также во странах реки Днепра от Сечи города Запорожского, который в рубежах Московского государства на вышереченой реки берегу стоит, даже до Очакова, среди лежащие же земли, кроме нового села, на обоей стороне Днепра, равным образом пустыя и без всякого жилища порожния да пребудут» (там же, стр. 68; разрядка наша.— С. К.). На этих «пустых и порожних землях» жителям обоих договаривавшихся сторон разрешалось рубить лес на дрова, держать ичельники и ловить зверей.

Малолюдье, огромные пространства целинных степей и степных кустарниковых зарослей с вкрапленными среди них лесными участками, более полноводные, чем теперь, реки, окруженные густой урёмой, толями и тростниковыми крениями, — все это создавало благоприятные условия для жизни промысловых животных, особенно для копытных, байбаков, лисиц, дроф, стрелетов, тетеревов, диких гусей и других водонлавающих птиц. Поэтому понятно, что главным занятием степных кочевников в мирное время было не только скотоводство, но и охота.

В жизни татар и ногайцев большое значение имели облавные охоты на копытных. Об этом сообщал В. Рубрук (1911), путешествовавший по степной Украине в 1253 г. Около 250 лет спустя М. Меховский (1936) описал облавную круговую охоту на сайгаков. Заметив большое стадо этих животных, татары окружали его и начинали бить в бубны, испуганные сайгаки метались от одного края облавы к другому и обессиливали. Тогда татары бросались на них и убивали.

Главным занятием запорожцев в мирное время также были охота на зверя, рыболовство, скотоводство, кроме того, они занимались добычей соли. В 1675 г. Богдан Хмельницкий писал московскому царю, что «запорожские казаки, небогатые люди, ходят на промыслы для рыбных и звериных ловли на Низ и тем кормятся» (Собрание узаконений Русского государства, 1874, ст. 118). Боплан (Beauplan, 1660) сообщал почти то же самое; он писал, что запорожцы в мирное время занимаются главным образом охотой и рыбной ловлей.

О том, где и какие промысловые животные водились в степной Украине в XV—XVII вв., сведений в письменных источниках сохранилось немного.

Описывая свое путешествие, В. Рубрук (1911) указывал, что в татарских степях было много сурков. Перечисляя водившихся здесь промысловых зверей, М. Меховский (1936) назвал оленей (*cerui*), косуль (*dorcae*) и сайгаков (*swak*). Кроме того, в его список включены животные, которых он назвал «*damas*», что в буквальном переводе означает «лани» (*Cervus dama L.*), но, вероятно, М. Меховский подразумевал под этим названием какой-то другой вид копытных или же ошибся.

В 1578 г. Стефан Баторий отправил посольство к крымскому хану. Участник этого посольства М. Броневский, направляясь в Крым, проехал через степи по р. Савранке и через очаковские степи. В этих степях, по его сообщению, водились тарнаны, лоси, олени, кабаны и медведи. Кроме того, М. Броневский упоминает о «*bisontes*», «*capros*» и «*arietes qui unicum tantum cornu habent*» (Broniovii, 1630, стр. 245—246). Название «*bisontes*» относилось, по всей вероятности, к зубрам, а не к тура́м, так как зоологи и путешественники XVI в. обычно называли туров «*urii*». Труднее установить, какое животное М. Броневский понимал под названием «*sarga*». В переводе это слово означает козу. Можно было бы предположить, что это косуля, но ее обычно называли «*dorca*». Неясно также, что он понимал под «*arietes qui unicum tantum cornu habent*» (бараны, у которых только один рог).

М. Броневскому сообщили, что зверей в степях еще недавно было значительно больше и что множество их погибло во время суровой многоснежной зимы, которая была примерно за 10 лет до его путешествия или немного раньше, и что в степи после этой зимы находили груды костей животных. Эти сведения подтвердил и Курбский, который писал, что во время Ливонской войны (1558—1560 гг.) в степях Крымского ханства была зима «зело студена и снега великие», и в эту зиму у крымских татар погибло очень много скота (Сказания князя Курбского, 1868). По словам М. Броневского, на перешейке между Черным морем и Днепром находились пески, болота и озера и там водилось много оленей, кабанов, медведей и тех же неопределенных «*коз*» (*sarga*).

В середине XVII в., по сообщению Боупана, долгое время служившего в Польше, в украинских степях, особенно у днепровских порогов, паслись стада диких коней, оленей, косуль⁷⁴, кабанов и сайгаков. Дикие кони бродили табунами по 50—60 голов и часто тревожили польские отряды, так как издали их принимали за татарскую конницу (Beauplan, 1660). В 80-х годах того же столетия в степях по р. Анчахраку генерал П. Горлон наблюдал много диких свиней (Gordon, 1852).

Степные реки изобиливали рыбой. Боупан (там же) отметил, что весной в р. Самару заходили осетры и сельди и что эти рыбы в другие времена года здесь не встречаются.

XVIII в. — первая половина XIX в.

В первой половине XVIII в. Русское государство продолжало расширяться к югу и укрепляло пограничные местности. Около 1733 г. между Днепром и Северским Донцом была построена (по р. Орели) украинская укрепленная линия (Багалей, 1887). В 1751—1753 гг. на северную окраину степной Украины переселилось много сербов, валахов и казаков, образовавших так называемую Новую Сербию и Славяно-Сербию. Вскоре был образован Ново-Слободский полк с центром в крепости св. Елизаветы (Елизаветград — ныне г. Кировоград). После 1764 г. эта крепость стала центром Елизаветградской провинции, в которой после 1774 г. были поселены Далматский, Македонский, Болгарский, Сербский, Молдавский, Вольский и Елизаветградский полки. На северо-восточной окраине украинской степи

⁷⁴ Устрилов, который в 1832 г. впервые перевел сочинение Боупана на русский язык, пошел слово «*chevreux*» (косули) неправильно и перевел его как «сайги».

располагалась Бахмутская провинция, где также находилось несколько полков — Славянский, Иллирический, Лугавский, Донецкий и Самарский⁷⁵. В 1774 г. к России были присоединены земли между нижними течениями Днепра и Буга. На следующий год была уничтожена Запорожская Сечь и упразднено Запорожское казачье войско. В 1783 г. пало Крымское ханство и его земли вошли в состав Русского государства. В 1791 г. к России была присоединена территория, находившаяся между нижними течениями Буга и Днестра.

Эти события обусловили быстрое заселение края и только за последнюю четверть XVIII в. его население увеличилось в несколько раз. Перемены в жизни населения повлекли за собой изменение природных угодий и размещения животных. Особенно показательно в этом отношении Запорожье. В период с 1730 по 1775 г. Запорожская Сечь занимала обширную территорию между нижним течением р. Буга и р. Кальмиусом. В описании земель Запорожской Сечи, составленном в 1766 г., отмечалось, что это преимущественно «пустая и дикая степь», что лесов там мало и самыми крупными из них были те же, что и в XVII в. — Великий Луг и лес по р. Самаре (Чернявский, 1852).

По Волчьим Водам, Кальмиусу и другим рекам левобережной Украины, протекающим южнее р. Самары, росло только мелколесье. В пойме Днепра, вблизи от места впадения в него р. Самары, росли рощи из ветлы и кустарники. В правобережной степной Украине были небольшие байрачные леса, а также пойменные, тянувшиеся по рекам Ингульцу, Ингулу, Грамоклею и по некоторым другим более мелким.

К 60-м годам XVIII в. степные леса поределели — бор на р. Самаре несколько раз горел, а другие леса сильно вырубались на постройку куреней и зимовников. Особенно большой ущерб лесам причинялся татарами, которым в это время разрешалось кочевать к северу до р. Самары и верховья р. Кальмиус. Татары рубили лес не только для топлива, на корм скоту (сучья и ветви) и для постройки загородов и убежищ для скота, они также вывозили его в свои степные аулы, причем с этой целью нередко разоряли и казачьи зимовники (Чернявский, 1852).

Жизнь запорожских казаков, полная тревог, требовавшая постоянной готовности к войне, долго не позволяла им уделять внимание земледелию. Еще в 1755 г. кошевой атаман доносил, что «войско же запорожское низовое из давних лет и ныне хлеба не пашет, да в здешних степях весьма малый ему род бывает» (Материалы для истории Южно-русского края..., 1886, стр. 310). Кошевой жаловался, что хлеб и другие «съестные припасы», ввозимые в Сечь, стали облагать большими пошлинами, и просил их отменить, так как привоз хлеба из-за этого сильно сократился. «Ныне уже в хлебе, — доносил он, — за недородом прошедшего лета, а особливо за сим непривозом, немалая трудность». Просьба запорожского кошевого была удовлетворена. Сенат постановил не брать пошлин с товаров, ввозимых в Сечь, и предложил сообщить, что и в каком количестве ввозится в Сечь и вывозится оттуда. Кошевой ответил, что в Сечь ежегодно ввозится из Малой России 10 тыс. четвертей (около 90 тыс. пудов) ржаной муки, 8 тыс. четвертей пшеничной муки и 5 тыс. четвертей пшена.

До середины XVIII в. в Бугогардовской, Ингульской (Перевезской) и Кальмиусской паланках земледелия не было совсем⁷⁶. В других же оно было развито крайне слабо (Скальковский, 1846а). Главными занятиями запорожцев в XVIII в. были те же, что в XVI—XVII вв., — разведение скота, охота, рыбная ловля и добыча соли. Упоминания о рыбных и звериных ловлях встречаются во многих источниках, относящихся к истории

⁷⁵ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 337.

⁷⁶ В Запорожье было восемь паланок (округов): Бугогардовская (на Буге), Протоиновская, Ингульская, Кодацкая, Самарская, Протовчанская, Орельская и Кальмиуская.

Запорожской Сечи. Запорожцы повсюду «зверей лавливали и капканы ставили» (Эварницкий, 1903). Вспоминая о прошлом Сечи, старый запорожец Н. А. Корж рассказывал, что в степях было множество зайцев, байбаков и волков (Устное повествование..., 1842). Сын этого запорожца, 116-летний старик из с. Чернышевки (в районе г. Никополя), рассказывал Д. И. Эварницкому, что в степях в годы его юности дикие кони ходили целыми табунами (Эварницкий, 1888, стр. 8).

Украинский географ и историк А. А. Скальковский (1846) по поводу повествования Н. А. Коржа заметил, что все его слова подтверждаются историческими письменными документами. Одним из этих источников является «История о казаках запорожских», составленная военным инженером С. И. Мышецким (1852), жившим в Запорожской Сечи с 1736 по 1740 г. В то время запорожцы по обоим берегам Днепра и по островам добывали кабанов, косуль, оленей, лисиц, волков, диких кошек, барсуков, выдр, зайцев; попадались и тарпаны. Из птиц, населявших запорожские земли и воды, С. И. Мышецкий назвал дроф, журавлей, коростелей, тетеревов, лебедей, гусей, уток, пеликанов, колпиц, бакланов, аистов, цапель, орлов и «и прочих простых родов птиц».

Из пушных зверей особенно большое значение здесь имела лисица. В Запорожье была особая группа казаков, называвшихся лисичниками. Они имели своего атамана и куренное устройство. Лисиц добывалось больше всего на западной окраине запорожских земель, в Бугогардовском округе. Лисичники, отправлявшиеся на охоту к р. Бугу, брали с собой продовольствие на зиму, рыли землянки и оставались там в течение всего охотничьего сезона. Лисьи меха были важной статьёй торговли запорожцев с Крымом и Польшей (Скальковский, 1846а). В Польшу запорожцы продавали также меха байбаков.

В 50—60-х годах XVIII в. степи между Бугом и Днепром изобиловали зверем. В этих заднепровских местах охотились не только запорожцы, туда ездили также стрельцы Лубенского и Миргородского полков, отправлявшие добытых кабанов, оленей, косуль и сайгаков к царскому двору в Петербург. Так, 22 декабря 1753 г. были отправлены два оленя, две косули и четыре сайгака, добытые в «заднепровских залинейных» местах; 24 декабря 1755 г.— два оленя, две косули, шесть сайгаков; 10 января 1756 г.— один лось, два оленя, четыре косули, пять сайгаков; 22 января 1757 г.— два оленя⁷⁷; 1 декабря 1761 г.— два оленя и двенадцать сайгаков; 24 декабря 1761 г.— один олень и восемь сайгаков; 24 декабря 1762 г.— один кабан, два оленя и шесть сайгаков. В первой половине XVIII в. на землях запорожского казачества сайгаков было так много, что местами их стада «покрывали» всю степь (Пишчевич, 1884).

О серьезном значении охоты у запорожских казаков можно судить уже по тому, что между запорожцами и их соседями, прибывшими на охоту в запорожские земли, нередко бывали столкновения. Так, стрелецкий атаман Миргородского полка, отправленный в 1761 г. на добычу зверей в заднепровские места, жаловался, что запорожцы под начальством бугогардовского полковника Шустовала отбрали у стрельцов двух сайгаков и восемь лисиц и запретили охотиться на зверей на запорожских землях. В 1764 г. запорожцы выгнали стрельцов Лубенского полка и отбрали у них оленя и шесть охотничьих собак (Плохинский, 1891).

За последние три десятилетия XVIII в. Русское государство отвоевало у Турции земли, расположенные между нижними течениями Днестра и Днепра. Природа и население этих районов были описаны вскоре после их присоединения к России. В этих описаниях содержались довольно подробные сведения о распространении промысловых животных, особенно в

⁷⁷ В зиму 1757/58 г. зверей было добыто мало из-за сильных морозов и много снега.

Очаковской земле, северная граница которой протягивалась по линии от устья р. Юрлык до окрестностей г. Балты и от этого города до впадения р. Кодымы в р. Буг. Южной границей служило побережье Черного моря.

В 90-х годах XVIII в. в степях между Днестром и Бугом уже не было ни зубров, ни туров. В начале же этого столетия «буйволы» иногда заходили в приднестровские степи. Д. Кантемир (1789), сообщивший эти сведения, писал, что «буйволы» заходили сюда из Подолии и из степей между Днестром и Бугом, находившихся тогда под властью турок. О том, каких зверей подразумевал Д. Кантемир — зубров или туров, — существуют разные мнения. И. Т. Сокур (1961) полагал, что сообщение Д. Кантемира относится к турам; я же считаю, что Д. Кантемир имел в виду зубров (Кыриков, 1960, стр. 85). Какое из этих мнений правильно, решить трудно из-за неопределенности названия этого зверя у Кантемира. Не было в Очаковской земле и тарпанов и очень редко попадались сайгаки (Мейер, 1794). По мнению местных жителей, сайгаки ушли в таврические степи. По всему на три-четыре десятилетия раньше сайгаков в очаковских степях было довольно много; они ходили стадами, и на них охотились с ружьем или луком, ставили на них и капканы. Рога сайгаков служили предметом торговли — в г. Перекопе пара рогов продавалась за 3—4 «пара», в г. Бахчисарае — за 20 «пара» (Peysonnelle, 1787, цит. по Кырьякову, 1839).

Косуль и кабанов было много. «Паче других мест недрятся в болотистых камышах по берегам Днестра», — писал о кабанах автор описания Очаковской земли (Мейер, 1794). Многочисленные стада овец (в то время здесь были только курдючные) привлекали степных волков, отличавшихся малым ростом. По Днестру часто попадались выдры, а в степях стрелеты, дрофы, тетерева. В береговых обрывах по р. Бугу нередко гнездилися огарь.

Территория между нижними течениями Буга и Днепра была присоединена к России в 1774 г. и кратко описана в том же году (Топографическое описание доставленным по мирному трактату..., 1868). Леса в этой местности и тогда было мало. Он рос только по балкам и состоял из диких груш, яблонь, терновника, а ближе к воде — из осокора. Только по р. Громкоее и р. Аргмаклы были небольшие участки строевого леса из осокора, ясеня, липы, клена, береста; диких яблонь и груш было много и в этих лесах. Оленей и сайгаков к 1774 г. уже не осталось. «Были, сказывают, олени и сугаки, но ныне совсем не видно» (там же, стр. 187). Косулей было немного. В тростниковых зарослях по берегам рек находили убежище многочисленные кабаны. В степях до левому берегу р. Ингула паслись табуны тарпанов. Кос-где в этих степях встречались и байбаки; дроф же и стрелетов было довольно много; местами попадались тетерева. У морских берегов водились лебеди, у лиманов — дикие гуси (там же).

Правобережная степная Украина стала усиленно заселяться после incorporation Крыма и присоединения к России земель между Днестром и Днепром. По свидетельству Сегюра (1828) на южноукраинских землях, когда их взял в свое распоряжение Потемкин, было около 24 тыс. жителей; при его управлении население увеличилось до 800 тыс. человек. Численность же татар и ногайцев за это время сильно уменьшилась, так как значительная часть их переселилась за пределы России.

В самом конце XVIII в. и в первой трети XIX в. на правобережной степной Украине проходило генеральное межевание, охватившее Херсонский, Ольвиопольский, Елизаветградский, Александрийский, Тираспольский и Одесский уезды Херсонской губернии, а также Екатеринославский и Верхне-Днепровский уезды Екатеринославской губернии. В Измаильском и Аккерманском уездах, входивших в Бессарабию, генерального межевания не было. Данные о плотности населения и соотношении угодий, вычисленные по материалам «Экономических примечаний» к генеральному межеванию, приведены в табл. 9.

Плотность населения (число человек на 1 кв. версту) и соотношение земельных угодий (%) в приднестровской и правобережной Степной Украине

Уезд	Год генерального межевания	№ дела	Плотность населения	Земельные угодья					
				общая площадь, десятин	пашни и приусадебные земли	сенокосы и некошеная степь	леса	неудобные земли	
Херсонская губерния									
Елизаветградский *	1798—1828	21	10,5	782 573	38,2	55,0	2,5	4,3	
Александровский	1798—1828	7	15,8	528 862	51,6	39,1	2,6	6,7	
Тираспольский	1833	33	14,7	995 448	16,4	76,6	2,0	8,0	
Екатеринославская губерния									
Верхне-Днепровский	1798—1807	2	9,0	629 401	31,5	60,5	1,0	7,0	
Екатеринославский	1798—1807	2	6,6	681 476	21,8	65,1	3,5	9,6	

* Северная часть Елизаветградского уезда, где был Черный лес, находилась в лесостепи.

Данные табл. 9 показывают, что в правобережных уездах Екатеринославской губернии целинных степей, залежей и лугов (сенокосы и некошенная степь) было в 2—3 раза больше, чем пашни. В северных же уездах Херсонской губернии пашни занимали значительно большую площадь, чем другие угодья. Поэтому среди охотничье-промысловых животных преобладали или степные виды, или виды, приспособившиеся к обитанию в разнообразных угодьях, или же виды, для существования которых наиболее благоприятно сочетание степей, лугов и полей с лесами или кустарниками.

Из степных охотничье-промысловых птиц самыми обычными были дрофы и стрепеты. В уездах степной Украины, расположенных между Днестром и Днепром, эти птицы отмечались почти во всех земельных дачах. Указания на места, где водились журавли и орлы⁷⁸, встречаются в описаниях земельных дач гораздо реже. В ряде дач Херсонского уезда отмечались «степные кулики» (по всей вероятности, кроншнепы).

Из зверей, свойственных степям, самыми обычными были зайцы и суслики (овражки). Они водились в большей части земельных дач. В списках зверей, населявших земельные дачи, довольно часто упоминались хорьки. Байбаки в годы генерального межевания были крайне редки. Они отмечались только в двух пустошах Херсонского уезда. Одна из них располагалась по правому берегу р. Бузавлук и по левому берегу р. Каменки, а также по балкам Ганковке, Крутенюк, Павловой, Кричиной, Бузиновой, Водяной, Кротовой и некоторым другим. Вторая пустошь лежала на левом берегу р. Громоклен (Кириков, 1959). Даже тарпаны были более обычны, чем байбаки. В примечаниях к генеральному межеванию места перечислены следующие земельные дачи Херсонского уезда, где встречались тарпаны: 1) пустоши, расположенные по левому берегу р. Ингульда и по обе стороны оврага Шокрынки, эта пустошь никем не обрабатывалась; 2) степи, принадлежавшие с. Болацкому, земли этого села находились на левом берегу р. Ингульда и по обе стороны балок Дорошевой, Добрынки, Хреновой, Каменоватой, Скотоватой и многих оврагов; 3) степи около сельца Болацкого (Христофоровки), земельная дача этого сельца также была расположена по р. Ингульцу (по его левому берегу) и по обеим сторонам

⁷⁸ Составители «Экономических примечаний» не указывали, какие именно виды орлов и журавлей (степной или обыкновенный) встречались в тех или иных местах.

балок Петровой, Кабачихи, Желторевой, Добринки и Дорошевой; 4) степи по обеим сторонам балок Веревчинной и Белозерки, эта земельная дача принадлежала с. Зеселью и с. Енахино, степей и сенокосов в этой даче было 51 119 десятин; 5) казенные земли по обе стороны оврагов Водяного и Злодейки; степные угодья занимали здесь 7819 десятин.

Во второй — пятой лесных дачах тарпаны бывали набегом. Примерно через 10 лет после генерального размежевания Херсонской губернии они еще продолжали держаться в степях по р. Ингульцу (Кирьяков, 1837). В тех же приблизительно местах дикие кони были и до размежевания. В безводной степи, называвшейся Ингульским подом, стада тарпанов паслись круглый год (Измайлов, 1802).

Из животных, для которых особенно благоприятно сочетание кустарников и мелколесья со степями и полями, наиболее обычен был тетерев. Поэтому он отмечался почти во всех земельных дачах Ольвиопольского, Елизаветградского, Александрийского, Верхне-Днепровского, Екатеринославского и Тираспольского уездов. В Одесском и Херсонском уездах тетерева встречались реже, но почти повсюду. В Одесском уезде тетерева заселяли окрестности Одессы — по оврагу Куяльник и р. Дольнику. Кроме того, они держались по левой стороне Кучурганского лимана — на землях колоний Зельц, Кандель, Эльзас, Марингольф; по р. Турунчаку (в даче с. Троицкого), по р. Малая Свиная (земли с. Карпова), по р. Большой Куяльник (земли с. Севериновки и д. Барановки), по р. Тилигулу (земли д. Александровки и с. Петровского) и по Малому Аджибейскому лиману (земли с. Дофиновки)⁷⁹. В Херсонском уезде мест, где водились тетерева, было гораздо больше. По Бугу они держались выше г. Николаева (земли деревень Михайловки, Федоровки, Касперова, Себина, Турьевки), а по р. Ингулу — на землях селений Болацкое, Эфенгард, Привольное и Горожаны. Особенно сильно были заселены тетеревом земли по р. Ингульцу, они встречались там на территории от устья этой реки до г. Кривого Рога. По р. Висуня тетерева были распространены от ее устья до с. Владимировки, по р. Каменке — от с. Златоустовского до с. Каменки и по р. Бузавлуку — на землях деревень Николаевки, Шолоховой, Андреевки и Ново-Гридневки. По Днепру места обитания тетеревов были известны у с. Саблуковки, Шведской колонии, г. Бориславля и около впадения Ингульда в Днепр⁸⁰. Таким образом, все места, где водились тетерева в Херсонском уезде, располагались около рек, т. е. там, где находились небольшие участки леса, а степных кустарников было больше, чем в открытой степи.

Сочетание леса со степью благоприятно и для косули, но степные кустарники и мелкие колки не могли служить для нее хорошими убежищами, так как косуля преследовалась человеком гораздо сильнее, чем тетерев, и ей труднее было скрыться в кустарнике. Поэтому на территории между Днестром и Днепром косуля в первой трети XIX в. оставалась только в тех очень немногочисленных местах, где еще сохранились значительные лесные участки: в приднепровских лесах и плавнях Екатеринославского уезда, где косуля встречалась на землях с. Николаевки (выше г. Днепропетровска), сел Вовички, Федоровки, Игнатьевки, Виноградовки, Хортицы и Верхне-Тарасовского⁸¹. Кроме того, места, где держались косули, были известны и в Тираспольском уезде в районе по р. Тилигулу и р. Мокрая Журавка, в окрестностях сел Ананьинское, Николаевка, Исаево и Свято-Троицкое (Кириков, 1959).

Оленей к этому времени, по-видимому, уже не осталось, и в «Экономических примечаниях», относящихся к уездам, расположенным между Днестром и Днепром, о них не упоминается. Нет упоминаний и о сайгаках.

⁷⁹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Одесский уезд, д. 22, Херсонский уезд, д. 35—36.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Екатеринославский уезд, д. 1.

Но кабаны еще оставались, хотя и были очень редки. Они отмечались в приднепровских плавнях в окрестностях с. Тегинки и на Днестре около с. Слободзеи⁸².

Из лесных охотничье-промысловых животных на рассматриваемой территории очень редко встречалась белка. Ареал ограничивался приднепровскими широколиственными лесами в окрестностях сел Мишурина Рога, Калужина, Красного, Днепрово-Камени, Анненских Заборов, Бородаевки и Николаевки⁸³. Как исключительный случай был отмечен заход россомахи далеко в глубь степной Украины, в окрестности с. Давидов Брод на р. Ингульце (Кириков, 1959).

Крайне редким к этому времени стал бобр. В примечаниях к генеральному межреванию он не отмечен ни в одном из степных уездов, расположенных между Днестром и Днепром, но М. И. Калениченко (Kaleniczenko, 1839) указывал, что бобры жили по берегам Днепра недалеко от г. Херсона («habitat ad ripas fluvii Borysthenes prope oppidum Cherson»). Редко встречались и выдры. В примечаниях к генеральному межреванию о них упоминается лишь при описании днепровских плавней.

Такие редкие теперь водоплавающие птицы, как лебеди, дикие гуси, пеликаны, упоминаются в «Экономических примечаниях» к генеральному межреванию довольно часто. В списках птиц, встречавшихся в тех или иных земельных владениях, они упоминаются рядом с дрофами, стрепетами, тетеревами, т. е. рядом с птицами, которые в то время несомненно в степной Украине гнездились. Иногда встречаются отметки, что лебеди или гуси бывали только налетом. Поэтому можно предполагать, что если лебеди, гуси и пеликаны гнездились здесь не во всех тех местах, к которым относится перечень птиц, то во всяком случае в некоторых из них. Дикие гуси были отмечены по Днестру в окрестностях сел Плоского, Терновки, Тираснополя, Карагача, Слободзеи, Глининого и Чобручей, по Аджибейскому и Тилигульскому лиманам, по р. Тилигулу в окрестностях с. Анапийского и по р. Мокрая Журавка у с. Николаевки, по Бугскому лиману и нижнему течению р. Буга, по р. Ингульцу в окрестностях с. Болацкого, Кривого Рога и ряда других селений, по р. Висуни, по Березанскому и Днепровскому лиманам, по р. Днепру во многих местах от устья р. Ворсклы до Днепровского лимана. Почти во всех этих местах отмечены и лебеди (без указания их видов).

Изменение природных угодий степной Украины к востоку от Днепра и изменения в распространении и численности обитавших на этой территории промысловых животных во многом напоминало то, что происходило в этом направлении в XVIII в. и в первой половине XIX в. на степном правобережье Днепра, в Приднепровье и на землях по Бугу. Вместе с тем изменение природы в восточной части степной Украины отличалось значительными местными особенностями. Уже во второй половине XVIII в. леса, расположенные в бассейне р. Северский Донец и верхнего течения р. Миус, были в значительной мере сведены бахмутскими и торскими солеварнями. К 30-м годам XVIII в. солеваренный завод в г. Торе (ныне г. Славянск) из-за недостатка дров уже почти прекратил выварку соли, но из г. Бахмута (ныне г. Артемовск) в эти годы ежегодно вывозилось около 700 тыс. пудов соли. В Бахмут каждый год наезжало до 10 тыс. возчиков. Они возили дрова на солеварни, а из Бахмута увозили соль на продажу. Уже в 30-х годах почти весь лес в окрестностях г. Бахмута был вырублен и за дровами приходилось ездить за 80—100 перст в байрачные леса Леонтьевы и Глухие буераки, располагавшиеся в верховьях р. Миус и по его притоку р. Глухой⁸⁴. В этих лесах росли дуб, липа, ясень, карагач и

⁸² ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Херсонский уезд, д. 37; Тираспольский уезд, д. 29.

⁸³ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Екатеринославский уезд, д. 1.

⁸⁴ ЦГАДА. Фонд 375, д. 62, лл. 8—12.

некоторые другие лиственные породы. Рубке леса здесь решительно воспротивилось донское казачество, которому в то время принадлежала эта местность. В указе, последовавшем в ответ на жалобу донского атамана, приказывалось: запретить рубку леса в Глухих и Леонтьевских буераках «вольноварельщикам», т. е. предпринимателям, снимавшим в аренду у казны сквороды для варки соли. Разрешалось лишь рубить лес для изготовления дубовых корыт, которые ставились при сквородах (Акты... собранные Липиным, 1894, № 453).

Донской атаман просил, чтобы казакам разрешили рубить дубовые леса, «годные к городовому и другому строению», расположенные по р. Северский Донец выше Луганской станции — в Тепленском, Старо-Айдарском, Трехизбенском, Краснянском, Сухаревском и других юртах. Указом 1738 г. разрешение было дано, но генерал Левашев, который обследовал эти леса, доложил, что рубить их нельзя, так как в них устроены засеки от набегов крымских татар. Засеки, доложил Левашев, и впредь будут нужны. Правительство согласилось с соображениями генерала Левашева, и рубка засечных лесов была запрещена.

Леса в восточной части степной Украины всегда занимали незначительную часть ее территории. После же рубок, которым они подверглись в XVIII в., их осталось еще меньше.

Степи восточной Украины, особенно в ее южной части, стали заселяться земледельческим населением главным образом после завоевания Крыма (табл. 10).

Данные, приведенные в табл. 10, показывают, что плотность населения на востоке степной Украины была невелика. Во многих местах раскинулись обширные непаханные степи. Это дало возможность завести на левобережье Северского Донца по Айдару, Деркулу и другим рекам крупные конные заводы. В 1766 г. был учрежден Беловодский государственный конный завод на р. Деркуле. Недалеко от него (на Даниловском хуторе) находился другой казенный конный завод. Было много и частных заводов, например в с. Штурмове, слободе Танюшевке, д. Лозне, на хуторе Каменный Колодезь⁸⁵. На гербе Старобельского уезда был изображен конь на

Таблица 10

Плотность населения (число человек на 1 кв. версту) и соотношение земельных угодий (%) на левобережной и донецкой степной Украине в конце XVIII в. и первой трети XIX в.

Уезд	Год генерального переписания	№ лета	Плотность населения	Земельные угодья					
				Общая площадь, десятины	пашни и пруса, десятины	луга, десятины	сенокосы и некошеная степь	лес	неудобная земля
Харьковская губерния									
Купянский	1769—1781	19137	11,7	682 908	37,0	55,8	3,2	4,0	
Старобельский *	—	19137	8,2	1 101 321	31,2	54,4	2,5	11,9	
Екатеринославская губерния									
Новомосковский	1798—1804	2	11,0	588 254	29,9	55,1	4,5	10,5	
Павлоградский	1798—1806	2	7,0	783 556	30,6	60,8	0,6	8,0	
Бахмутский	1798—1806	2	7,5	820 401	21,9	65,9	1,0	11,2	
Славянскорбский	1798—1807	2	9,6	456 073	28,6	53,8	3,1	14,5	
Александровский	1798—1807	2	4,0	1 676 205	10,3	80,0	0,8	8,9	
Таврическая губерния									
Днепровский	1798—1832	1	3,5	1 726 593	10,5	79,0	0,3	10,2	

* Старобельский уезд был выделен в 1797 г., когда Беловодск стал заштатным городом, и территория Беловодского уезда вошла в Старобельский уезд. Данные по Купянскому и Старобельскому уездам вычислены по материалам ВУА.

⁸⁵ ЦГАДА. Фонд 1357, д. 153 (Топографическое описание Старобельского уезда).

золотом поле в знак того, что в этом уезде процветало коневодство. Существование конных заводов в свою очередь послужило причиной того, что на их территории степи не распахивались и оставались целиной в течение многих десятилетий.

В первой половине XIX в. наиболее малолюдными были степи Таврии. В 20-х годах прошлого столетия в одном только Днепровском уезде Таврической губернии, между Черным и Азовским морями и реками Днепром, Копской, Белозерской и Каиркой, насчитывалось больше 1 млн. десятин «казенных пустопорожных земель, ни в чьем владении не состоящих» (Кириков, 1959). Причерноморские и приазовские степи не распахивались еще и потому, что во многих помещичьих хозяйствах большое значение имело разведение тонкорунных (мериносовых) овец. В 40-х годах XIX в. в одном только Днепровском уезде было известно несколько крупных мериносовых овчарен: Софиевка — с 60 тыс. мериносов, Кладовка — Аскация Нова — с 40 тыс., Натальевка — с 12 тыс., в Каховке было две овчарни с 20 и 10 тыс. мериносов и в Самойловке также две — с 15 и 10 тыс. голов (Герсеванов, 1848).

Северная и южная части восточной степной Украины значительно отличались друг от друга по составу и численности промысловых животных. Сведения об этом найдены главным образом в архивных источниках. Одним из них был посланный в 1763 г. ответ Бахмутской провинциальной канцелярии на запрос сената⁸⁶. В Бахмутскую провинцию в то время входили города Бахмут, Тор, Райгородок, Ямное, Маяки, Царево-Борисов, Старый и Новый Айдар и станицы Сухаревская, Красновская, Воровская, Органецкая, Избелская, Боровая, Слепакова, Капитопова, Петровка. Бахмутская канцелярия сообщила сенату, что в провинции водились такие типично лесные обитатели, как глухарь и лесная куница. По всей вероятности, оба эти вида населяли те строевые леса, тянувшиеся по берегам Северского Донца выше Луганской станицы, которые отстоял от истребления генерал Левашев.

Среди охотничье-промысловых животных, для жизни которых наиболее благоприятно сочетание леса со степями или дугами, в Бахмутской провинции в те годы водились «елени (олени.— С. К.) шерстью половые, з большими рогами», косули — «козы шерстью серые», дикие свиньи и тетерева, встречавшиеся почти повсеместно. Были также отмечены барсуки, хоры, горностаи «шерстью беленькие, а хвосты черные», «ласицы (ласки.— С. К.), в подобие горностаи, белые». По степям встречались «перевезии (перевязки.— С. К.), в подобие хоря, шерстью рябые», дрофы, стрепеты, куропатки. По рекам и речкам жили бобры «шерстью мышастые», выдры, норки, «в подобие куницы черной, только меньше», лебеди, дикие гуси и лысухи. Где именно жили бобры, Бахмутская канцелярия не сообщила, но известно, что в середине XVIII в. бобров ловили на р. Кальмиусе (Кириков, 1959). В 1746 г. при разграничении земель Запорожского и Донского войска между казаками возникла ссора и у одного запорожца, который ловил канканами бобров на р. Кальмиусе, донцы и калмыки отняли десять бобров.

По соседству с Бахмутской провинцией по верхнему течению р. Орели располагались степи, где в 70-х годах того же XVIII в. водилось большинство тех промысловых животных, которые отмечались в Бахмутской провинции. В окрестностях г. Орели и Кутай-города паслись дикие кони, косули и кабаны. О медведях же сообщалось, что они встречались недалеко от г. Орели, около которого «лесов никаких нет» (Рубан, 1777). В орельских степях были обычны дрофы и журавли, а по озерам в окрестностях местечка Пехворони бывали и лебеди.

⁸⁶ ЦГАДА. Фонд 261, кн. 5560.

К началу XIX в. глухарей, бобров, медведей, оленей и тарпанов, по-видимому, уже не оставалось ни на бахмутских, ни на орельских землях, так как ни в примечаниях к генеральному межеванию, ни в других источниках первой трети XIX в. нет упоминаний о пребывании перечисленных животных на этих территориях.

Из диких копытных в северо-восточной части степной Украины остались лишь косули, да и то в немногих местах. В Белопопольском уезде они держались постоянно или бывали набегом на землях, расположенных по рекам Айдару, Евсугу, Деркулу и Камышной⁸⁷. Из Купянского же уезда в 1781 г. сообщали, что дикие козы бывают «в редкости» (Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, 1889). В Ново-Московском уезде эти животные были отмечены около оз. Салганского (в окрестностях г. Ново-Московска) и в крупном поместье Родзянки по р. Самаре и р. Ляпнянке, в котором было около 3500 десятин леса. В Павлоградском уезде косули попадались в плавнях по рекам Днепру, Конской и Кушутуму (в окрестностях сел Петровского, Григорьевского, Катериновки и в пустошах Змейка и Песок)⁸⁸.

Байбак в первой половине XIX в. заселял главным образом северо-восточную окраину степной Украины. Он был изображен на гербе Купянского уезда в знак многочисленности этих зверьков в этой местности. При перечислении наиболее обычных зверей, водившихся в этом уезде, в исторических документах указывается, что байбаки встречались здесь «в немалом количестве»⁸⁹. В Беловодском уезде байбаки заселяли степи по р. Айдару (в окрестностях слободы Белолуцкой и сел Осиповки, Закотной, Булавиновки и некоторых хуторов), степи по р. Евсуху и р. Ковсуху (земли слобод Евсуха, Колядовка, Литвиновка, Богдановка) по р. Деркулу (земли сел Марковка, Курычевка, Городище) и по р. Камышиной (земли слобод Морозовка и Бараниковка)⁹⁰. В Бахмутском же уезде байбаки были редки и отмечены лишь в Чириковской пустоши, расположенной по р. Бахмутке. В Ново-Московском уезде они оставались также только в одной земельной даче, располагавшейся по р. Самаре, в окрестностях с. Одиноква (в 15 км к северо-западу от г. Днепропетровска). В Павлоградском уезде байбаков, по-видимому, уже не было, так как ни в примечаниях к генеральному межеванию, ни в других источниках конца XVIII в. и начала XIX в. о них не упоминается.

Из степных охотничьих птиц особенно широко были распространены дрофы и стрепеты. Они встречались почти повсеместно в Ново-Московском, Павлоградском, Купянском, Беловодском (впоследствии Старобельском) и Бахмутском уездах. Почти всюду, где были дрофы и стрепеты, отмечены и тетерева. Во многих земельных дачах Ново-Московского, Павлоградского, Купянского и Беловодского уездов водились «большие степные кулики»; так назывались тогда кроншнепы. Попутно отметим, что в годы генерального межевания в степях Павлоградского, Купянского, Беловодского и Бахмутского уездов часто встречались орлы, по всей вероятности степные (*Aquila rapax Temminck*).

Из водоплавающих птиц, кроме уток (виды не указаны за исключением огари), во многих местах были отмечены дикие гуси. При этом иногда указывалось, что они бывали лишь налетом. Таковы, например, отметки о диких гусях, появлявшихся на р. Самаре в окрестностях с. Одиноква и с. Анбары и на Днестре в окрестностях д. Вороновой (Павлоградский уезд). Иногда встречаются отметки, что дикие гуси бывали весной и летом (на р. Самаре в окрестностях д. Езесатовской) или что гуси «плодятся при

⁸⁷ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Беловодский уезд, д. 3; Ново-Московский уезд, д. 23; Павлоградский уезд, д. 29.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19137, ч. I.

⁹⁰ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Беловодский уезд, д. 3.

водах» в Купянском уезде (Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, 1889). Но чаще дикие гуси включались в списки птиц, перечислившихся в разделе, называвшемся «при водах» или «на реках и озерах». Под такой рубрикой были отмечены дикие гуси, водившиеся на р. Кичени и р. Бузовке в Ново-Московском уезде, на р. Днепре, р. Кучугуме и Мокрой Московке в Павлоградском уезде и на реках Айдаре, Евсухе, Деркуле, Белой и Камышиной в Беловодском уезде⁹¹. В этих списках отмечено также, что на реках Орели, Кильчене и Бузовке в Ново-Московском уезде, на Попельной и Береке в Павлоградском уезде, на Айдаре и Белой в Беловодском уезде, на Белой и Ольховой в Бахмутском уезде встречаются огари (без указания, бывают ли они на пролете или гнездятся). Сведений о пребывании лебедей нет ни в примечаниях к генеральному межеванию этих уездов, ни в других известных мне источниках конца XVIII в. и начала XIX в.

В более южном степном Причерноморье и Приазовье размещение промысловых животных в этот же отрезок времени значительно отличалось от их размещения в более северной полосе степной Украины.

Большие пространства целинной степи и малолюдье дали возможность тарпанам и сайгакам процветать в степях Таврии дольше, чем в других частях степной Украины. В 60-х годах XVIII в. в степном Крыму и степях Таврии сайгаков добывали еще столько, что их рога, как и в правобережной степной Украине, служили предметом торговли. В этих местах большие стада сайгаков появлялись и в 80-х годах XVIII в., особенно зимой (Габлиц, 1785). Но уже в 30-х годах XIX в. о пребывании их здесь не упоминалось. Дикие кони оставались в причерноморских и приазовских степях на несколько десятилетий дольше. Хотя уменьшение численности тарпанов было отмечено здесь уже в 80-х годах XVIII в. (там же) и подтверждено в самом начале XIX в.⁹², они водились в степях Таврии еще в 30-х годах XIX в. В эти годы тарпаны встречались на обширной территории: северо-восточную окраину ее занимали земли сел Рубановки, Верхних и Нижних Сарагозов, а юго-западную — земли по р. Колончаку и Колошчакескому лиману, центральную же часть этой полосы составляли земли сел Ново-Репьевки, Агаймана, Успенского, колонии Аскания Нова и Чаплинка. Несколько малолюдны и незатронуты земледелием были эти степи, можно судить по тому, что в одной только земельной даче, где располагались села Успенское, Николаевское (Акбита), Самойловка, Ново-Репьевка, Забелино, д. Луговая, хутора Водопойный и Солаевский и два безымянных хутора по оврагу Акалтаю, было 374 203 десятины степей, 25 890 десятины солонцов и других неудобных земель и только 820 десятины пашни и 183 десятины леса⁹³.

Кроме того, дикие кони держались в степях, примыкающих к днепровским плавням и находившихся в пользовании с. Завадовки и с. Западные Каиры. Тарпаны паслись также в степях, где были расположены владения погайцев и каких-то других кочевников, названных в «Экономических примечаниях» киргизскими татарами. Они владели землями (42 370 десятин) по побережью Сивашей и заливов Юргызского и Безымянного и по оврагам Кучуле, Аирчи, Большой и Малый Юргызский, Тюгурекский. Здесь были расположены аулы Аирчи, Кучуле, Койчи, Ногай-Киргиз, Биюк-Юргыз и некоторые другие⁹⁴. К концу 40-х годов поголовье тарпанов, державшихся в степях Таврии, по-видимому, сильно сократилось; в воен-

⁹¹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Ново-Московский уезд, д. 23; Павлоградский уезд, д. 29; Беловодский уезд, д. 3.

⁹² ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 062.

⁹³ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Днепровский уезд, д. 1—2.

⁹⁴ Там же. Перечисленные аулы «киргизских и погайских татар» показаны на плавнях генерального межевания. Впоследствии они были выкнуты, я на 10-верстной карте их уже нет.

по-статистическому оboзpeнии Таврической губернии сообщалось, что в Днепровском уезде тарпаны остались лишь на землях с. Завадовки, где паслись шесть косяков, в каждом из которых было по одному жеребцу и по 12—15 кобылиц (Герсиванов, 1849).

Таким образом, тарпаны держались в степях Таврии и Крыма значительно дольше, чем сайгаки. Одной из главных причин исчезновения сайгаков были, по-видимому, крайне суровые, многоснежные и буранные зимы в 1788/89, 1812/13, 1824/25 и 1847/48 гг. и снежная буря в марте 1805 г., которые привели к гибели множество домашних копытных животных. За одну только такую бурю 20 и 21 марта 1805 г. в Евпаторийском уезде погибли 51 верблюд, 219 лошадей, 572 головы рогатого скота и 18 670 овец, а в Мелитопольском уезде — 445 лошадей, 3852 головы рогатого скота и 26 528 овец⁹⁵. За зиму же 1812/13 г. в трех крымских уездах (Симферопольском, Евпаторийском и Феодосийском) пало 119 верблюдов, 24 399 лошадей, 48 536 голов рогатого скота и 422 097 овец; в трех уездах степной Таврии (Перекопском, Днепровском и Мелитопольском) в эту же зиму погибло 542 верблюда, 42 069 лошадей, 70 052 головы рогатого скота и 199 694 овцы (Скальковский, 1838).

Несомненно, что эти зимы были еще более губительны для сайгаков и диких коней. Но тарпаны более приспособлены добывать траву из-под глубокого и уплотненного снега; они разбивают и разгребают его копытами. Вместе с тем они легче, чем сайгаки, преодолевают глубокий снег (конечно, до известного предела). Известно, что в эти зимы погибло много и диких коней, но часть их все же уцелела. О пребывании же сайгаков после таких зим уже не упоминалось.

Начиная с XIX в. в связи с земледельческим освоением степей условия жизни тарпанов все время ухудшались. Возможность широких перекочевок год от году уменьшалась, и тарпаны были вынуждены держаться зимой у стогов сена, а летом нередко заходили на посевы. Это привело к усиленному преследованию их, и к середине XIX в. тарпанов оставалось всего лишь несколько десятков.

В отличие от северо-восточной части степной Украины в степях Причерноморья и Приазовья крайне редким был байбак. В первой половине XIX в. он отмечался здесь лишь около г. Бердянска (Пидопличко, 1951) и в степях по р. Юпанли — притоку р. Молочной (Сельская летопись..., 1854). Несколько дальше к северу, в степях в районе г. Александровска, пребывание байбака отметил М. Я. Калениченко (Kaleniczenko, 1839). Волки, лисицы, зайцы, хорьки (вид хорьков в примечаниях к генеральному межеванию не назван, но подразумевался, несомненно, степной хорек) водились почти повсеместно. Множество волков отмечалось не только на равнинах Таврии, но и на Керченском полуострове и на Арабатской стрелке. Указывалось также, что степные волки «меньше ростом против тех, кои живут на севере»⁹⁶.

Об оленях в примечаниях к генеральному межеванию материковой части Таврической губернии упоминаний нет. В военно-статистическом оboзpeнии этой губернии о распространении этих животных сказано очень кратко и неопределенно: олени очень редки (Герсиванов, 1849). В Таврическую губернию в то время входил весь Крым, и упоминание об оленях скорее всего следует относить к его горной части. Кабаны же встречались главным образом в улавнях по Днепру и р. Конской и в их окрестностях (земли сел и деревень Большой и Малой Знаменки, Большой и Верхней Белозерки, Лешетихи, Князь-Григорьевки, Большой Маячки). Кроме того, пребывание кабанов было известно на побережье Днепровского лимана у с. Рыбалочья и в глубине степей, на землях с. Агайман.

⁹⁵ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 062.

⁹⁶ Там же, л. 271.

Из степных охотничьих птиц почти повсеместно во множестве встречались дрофы и стрепеты. Во многих земельных дачах были отмечены орлы (по всей вероятности, степные) и «степные кулики» (вероятно, кроншнепы). В распространении же тетеревов заметна та же особенность, что и в южной степной полосе между Днестром и Днепром: места пребывания этих птиц протягивались лентами вдоль рек. В Днепровском уезде места, где водились тетерева, тянулись вдоль днепровских плавней от с. Водяного до Збурьевского залива (земли сел Водяного, Карай-Дубины, Ушколки, Бабина, Завадовки, Западных Канр, Каховки, Фроловой пристани, Голой пристани, Старой Збурьевки). Кроме этого, тетерева попадались по р. Утлюку (на землях деревень Кильчик, Айтагун, Атамган, Чекбара)⁹⁷.

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

За этот промежуток времени большая часть степной Украины стала огромным полем. Площадь степей неуклонно сокращалась, но еще в 60—80-х годах пенахатых степей на юге Украины было все же много и они использовались главным образом для выпаса скота, особенно овец. В Днепровском уезде в 60-х годах XIX в. насчитывалось около 530 тыс. овец, в Мелитопольском — 803 200, в Бердянском — более 428 тыс.; преобладали тонкорунные овцы (Семенов, 1865). Обширные участки степей оставались кое-где даже в конце XIX в. Они были, например, в степном Крыму между Симферополем и Евпаторией (Обезьянинов, 1900). Одновременно с неуклонным сокращением площади степей все меньше оставалось тех охотничье-промысловых зверей и птиц, которые не могли приспособиться к жизни на полях или на местах выпаса домашнего скота.

Сайгаков, как уже указывалось, в степях Украины к середине XIX в. не осталось, а вскоре были полностью истреблены и тарпаны. Последний косяк тарпанов (около 10 кобылиц с одним жеребцом) был отмечен в 80-х годах в Днепровском уезде (Кондараки, 1883). Исчезали и байбаки. К 30-м годам их колонии оставались в степной Украине только в Старобельских степях (Мягулин, 1938).

Все меньше становилось стрепетов, но дроф было значительно больше. В сообщении об охоте в Александровском уезде в конце XIX в. говорилось, например, что стрепетов мало, а дроф еще много (Ситченко, 1900). Уже в 80-х годах стрепет так быстро исчезал из Херсонской губернии, что уже тогда предсказывалось, что недалеко то время, когда эта птица не останется на гнездовье и она будет появляться лишь на пролете (Шершеневич, 1882). Большие кроншнепы, как и стрепет, исчезали по мере того, как степи распахивались или превращались в скотосеби. В 30-х годах XX в. гнездовья большого кроншнепа были известны в присивашских степях (Ворошцов, 1937) и в некоторых других местах. Дрофы лучше, чем стрепеты, приспособились к изменившимся условиям существования и местами еще в 20-х годах настоящего столетия были довольно обычны на юго-восточной окраине степной Украины, где в то время часть полей была залущена и превратилась в залежи. Здесь дрофы местами гнездились и на самих полях (Петровский, 1924). Там же, где степи подвергались чрезмерному выпасу, расплодился суслик. Но обилие сусликов не повлекло за собой увеличения числа степных орлов, для которых суслики — один из главных источников пищи. Для степных орлов пищи здесь было вдоволь, но не доставало защищенных мест, где бы они могли спокойно выводить и воспитывать потомство.

⁹⁷ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Днепровский уезд, д. I.

Второе тридцатилетие XX в.

В эти годы площадь оставшихся степных участков продолжала сокращаться. Почти все они, за исключением заповедных, выбиты скотом. Леса стали охраняться лучше, чем раньше. Увеличилась площадь полезачитных лесных полос. Все же площадь лесов, включая и полезачитные полосы, незначительна. На Днепре в это тридцатилетие были созданы крупные водохранилища и затоплены днепровские плавни. Эти изменения природной среды отразились на размещении и численности охотничье-промысловых животных. На некоторых из них (главным образом крупных) сказалась также вторая мировая война. Волков, например, в 30-х годах не было ни в Крыму, ни в ряде южных степных областей Украины. В годы войны они появились в Крыму, в Одесской, Херсонской, Кировоградской, Запорожской и Донецкой областях (Сокур, 1961).

В Одесской области в начале 50-х годов насчитывалось около 150 волков и ежегодно добывалось в среднем по 120 волков. В 1962 и 1963 гг. в этой области оставалось до 30 волков (Назаренко и Гурский, 1963).

Расселение лосей, происходившее в связи с сильно увеличившейся численностью их в лесной зоне и лесостепи, захватило и степную Украину. В последние годы заходы лосей были отмечены в Днепропетровской и Луганской областях (Сокур, 1961).

Стала увеличиваться в степной Украине и численность косули, заселившей кое-где лесные полезачитные полосы и продвигающейся к югу. Летом косули укрываются в посевах кукурузы. В некоторых небольших лесничествах Одесской области насчитывалось около 100 косуль в среднем и каждом из лесничеств (Назаренко и Гурский, 1963). Кое-где появились и кабань. Например, в 1954 г. они были отмечены в Запорожской области, в то же еще существовавших днепровских плавнях (Лисецкий, 1954).

Что касается степных грызунов, то наибольшему сокращению подвергся ареал байбака, оставшегося только в заповеднике «Стрелецкая степь» и на южной окраине Луганской области (Сокур, 1960). Но сусликов (малого и крапчатого), несмотря на усиленное истребление, все еще много. Скотоубой более благоприятны для их жизни, чем целинные степи.

За 50-е годы сильно уменьшилась численность зайца русака. По всей Украине заготовка зайчат шкурки, достигшая в промысловый сезон 1946/47 г. 2163 тыс. штук, упала в 1957/58 г. до 671,3 тыс. штук (там же).

Среди охотничье-промысловых птиц особенно заметно сократилась численность тех видов, жизнь которых тесно связана со степями. Крайне редки стали стрепеты. В 50-х годах их регулярное гнездование было отмечено лишь в Провальской и Деркульской степях (на северо-восточной окраине Луганской области). В заповедной Стрелецкой степи в 1953 г. наблюдалась лишь одна пара стрепетов, да и та не гнездилась. В те же 50-е годы стрепеты гнездились кое-где в присивашских степях и на Керченском полуострове (Кістяківський, 1957). Дроф в степной Украине сохранилось больше, чем стрепетов, но и эти птицы также редки. Места гнездования дроф отделены одно от другого десятками, а то и сотнями километров. Совсем редким стал и степной журавль (красавка). В 50-х годах достоверные места его гнездования были известны только на северном побережье Каркинитского залива (в окрестностях с. Скадовска и порта Хорлы), в присивашских степях и на Керченском полуострове (там же).

В узкой полосе черноморского побережья (от устья Дуная до Перекопа) кое-где гнездится луговая тиркушка. Степная тиркушка распространена шире. Места ее гнездования, кроме западной части причерноморского побережья, отмечены в Крыму, на Керченском полуострове, а также в Запорожской и Луганской областях (там же).

Непрерывно уменьшается численность гнездящейся водоплавающей дичи. В северо-западном Причерноморье резко сократилось число лебедей, серого гуся и некоторых видов речных уток (Назаренко, Гурский, 1963).

СРЕДНЕРУССКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ

Под названием «Среднерусская лесостепь» объединены территории современных Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской областей и лесостепные полосы Тульской и Рязанской областей.

XIV — XVII вв.

Среднерусская лесостепь в течение долгого времени была ареной борьбы между славянским населением и кочевниками. В XIII в. она подверглась нашествию Батыя. Набеги татар неоднократно происходили и в XIV в. В результате Среднерусская лесостепь совсем опустела и обезлюдела. В письменных источниках немало сведений о городах и крупных поселениях, исчезнувших во время нашествия татар и превратившихся в городища. Таковы, например, городища в верховье и устье р. Усерды, Лебедянского на р. Доне, Доброе и Романово на р. Воронеже (Багалей, 1890; Черменский, 1913). Курск, разоренный Батыем, долгое время не застраивался и не заселялся. Окрестности Курска и других разоренных селений заросли лесом. В них развелось так много зверей, что на охоту приходили из Рыльска и других городов (Карамзин, т. 4, 1816). «Грады красны и нарочито зело видением» стали «пустыней велией», писал автор «Хождения Нимена митрополита» (В лето 6897-е..., 1790).

Лишь в начале XVI в. Московское государство стало продвигаться на юг. В 50-х годах этого столетия на передней линии обороны Московского государства стояли укрепленные города Новгород-Северский, Путивль, Рыльск, Орел, Мценск, Новосильск, Епифань, Михайлов, Пронск, Рязск, Шацк, Кадом, Темников. От укрепленной линии отходили сторожки. На юго-западной окраине Московского государства они тянулись от р. Сейма к рекам Суле, Пселу, верховьям Ворсклы и Северского Донца и доходили до устья Айдара. На восток сторожки шли до верховьев р. Суры (Беляев, 1846).

В годы Смуты не прекращавшие набегов татары угнали в плен из Среднерусской лесостепи и южной окраины лесной зоны множество людей. При расспросе лиц, вернувшихся из плена, выяснилось, что они были угнаны главным образом в 1607—1610 гг. Среди них были жители Тульского, Алексинского, Новосильского, Воротынского, Белевского, Одоевского, Карачевского, Елецкого, Мценского, Переславль-Рязанского, Михайловского, Пронского, Курского, Белгородского уездов (РИБ, 1875). В годы Смуты русские сторожки были отодвинуты от устья р. Айдара и Святых Гор к р. Сейму и верховьям р. Ворсклы (Новосельский, 1948).

В разрядных книгах сохранилась роспись сторож, существовавших в 1629 г., с подробным обозначением их расположения и с указанием числа сторожевых людей. Сторожки располагались главным образом на больших дорогах, около бродов через реки, около больших лесов, на курганах. На-

пример, из пятнадцати белгородских сторожей одиннадцать стояли на дорогах, две — на бродах через Северский Донец и две около лесов. Большая часть (двенадцать из семнадцати) ливенских сторож была расположена на реках, четыре — около лесных массивов и одна — на дороге.

Сторожи несли пограничную разведывательную службу. Сторожевым людям приказывалось, чтобы они «на сторожах стояли в день и в ночь безпрестанно крепко и усторожливо и проезды б у них меж тех сторож были частые и про воинских людей, про татар и про черкас проводывали накрепко, чтоб воинские люди татарове и черкасы безвестно не пришли и уезда не извоевали и над острогом какова дурна не учинили» (Книги разрядные, 1853). В 1570 г., перед нашествием Давлет-Гирея, сторожевые люди доносили из разных мест о скоплении татар в лесостепи. Из Рыльска, например, сообщали, что сторожевой атаман видел 19 августа в верховье р. Тора много огней и слышал «от стада лошадиных прыск и ржанье великое» (Германов, 1857, стр. 207). В начале сентября того же года из г. Данкова пришли вести, что в верховьях р. Ублы и р. Потудани станичный голова видел в степи тринадцать дорог, выбитых дочерна, по которым прошло около 30 тыс. татар.

Кроме разведывательной службы, на сторожи возлагалась обязанность выжигать степь (преимущественно осенью), чтобы воспрепятствовать татарским набегам. «А жечи поле (степь.— С. К.) в осенинах, в октябре или в ноябре по заморозом и как гораздо на поле трава посохнет, а снегов не дожидаясь, а дожлався ветревыи и сухия поры, чтобы ветер был от государевых украинских городов на польскую (степную.— С. К.) сторону, или как будет пригоже» (Беляев, 1846, стр. 24). По росписи, составленной в 1571 г., степь выжигали на огромной территории — от Днепра и Десны на западе до верховьев р. Вороны на востоке. Их продолжали выжигать и в XVII в., что несомненно отражалось на жизни и размещении диких конышых, но сведений об этом почти не сохранилось.

Целинных степей и суходольных лугов в конце XVI в. было так много, что в Орловском уезде, например, распаивалась только шестая часть площади, пригодной под пашню (Смирнов, 1909)¹.

В конце 20-х годов XVII в. пограничным рубежом была р. Быстрая Сосна — левый берег ее назывался московским, а правый — крымским и ногайским (Пясецкий, 1893). В 30-х годах XVII в. стали усиленно строить новые города, устраивать засеки и копать рвы. В эти годы был построен ряд городов — Яблонов, Короча, Вольный, Хотмыжск, Усерд, Костенск, Тамбов. Укрепление пограничных рубежей сопровождалось быстрым заселением лесостепной территории. Господствующим видом землевладения на лесостепной окраине Московского государства были поместья служилых людей. Число этих поместий особенно сильно увеличилось после Смуты. Например, в Лебедянском уезде только в одном 1627 г. получили поместья 152 человека детей боярских (Черменский, 1913). Однако заселение Среднерусской лесостепи шло не только этим путем. Она служила убежищем обездоленному люду, бежавшему от бесчеловечных правителей, насилий и казней Ивана Грозного и его опричнины. Сюда же бежали крестьяне и в последующие годы, спасаясь от московских порядков, согласно которым у них отнимали не только землю, но и свободу.

По мере заселения лесостепи в ней все сильнее развивалось земледелие. В 70-х годах XVII в. земледельческое население сильно возросло не только в орловской, но и в воронежской лесостепи, и отсюда посылались хлеб донским казакам. В росписи 1673 г. указано, например, что г. Верхососенск должен был отгразить на Дон 5240 пудов муки, г. Елец — 10 800 пудов муки, 4500 пудов толокна и 4570 пудов круп, г. Костенск —

¹ Северная граница Орловской губернии проходила в то время по среднему течению р. Нутры и р. Берзула, а южная — в верховье р. Оки.

5100 пудов муки, г. Новый Оскол — 8100 пудов, 2700 пудов толокна и столько же крупы, г. Острогжск — 4500 пудов муки, г. Коротояк — 1350 пудов (Описание Воронежских древних актов..., 1914).

К концу XVII в. значительная часть степей была распахана или превращена в сенокосы и пастбища. Заселяя лесостепь, русские обосновывались около лесов, так как в открытой степи они подвергались большому риску попасть в плен к татарам (Миклашевский, 1894). Поэтому заселение Среднерусской лесостепи сопровождалось не только распахиванием степей, но и вырубанием лесов.

В писцовых книгах, составившихся в XVI и начале XVII в., сохранились сведения о лесах, находившихся во многих местах Среднерусской лесостепи. Например, в писцовых книгах Ливенского уезда (орловская лесостепь) упоминается, как указывает Г. М. Пясецкий (1893), около тридцати лесов (Сторожевой, Новосильский, Ильмовый, Каменный, Платавый, Серболов, Маликов, Богданов, Ястребов, Большой и Малый Туров, Черный, Хмелевый, Большой и Малый Вязовый, Ясенов, Ровнецкий, Мокрецкий, Долгий, Плоский, Средний и др.). Около Верхнеусердского городища в 30-х годах XVII в. был лес, тянувшийся в длину на 10 верст и в ширину на 5 верст. Около него находился еще более крупный Сосенский лес длиной 15 верст и шириной около 8 верст. За р. Усердом был большой Иловский лес (Багалей, 1890). По поймам рек росли густые заросли черной ольхи. Они были непроходимы для татарской конницы и поэтому отмечались в росписях служилых людей. По р. Сосне, например, ниже впадения р. Вязовая Ольшанка и до самого устья еще в 40-х годах XVII в. были «рикавцы и ольхи великия» (Беляев, 1846, стр. 55).

В начале заселения Среднерусской лесостепи русскими лес рубили для строительства и на топливо, а во второй половине XVII в. его стали сводить и для производства поташа. На Белгородской засечной линии многие леса, имевшие оборонное значение, были к середине XVII в. уже вырублены, и людям, поселившимся около них, «жить стало опасно» из-за набегов татар, «и дров стало иметь пегде». Поэтому московское правительство послало в 1659 г. указ, чтобы «будных станов (для производства поташа. — С. К.) впредь никому не давать» (Собрание узаконений Русского государства, 1874, ст. 478). Вскоре (в 1665 г.) был послан другой указ, в котором в белгородских заповедных лесах под страхом смертной казни запрещалось рубить лес, сдирать с деревьев кору, заводить пашни, прокладывать дороги и стежки (ААЭ, 1836).

Особенности распространения промысловых животных в XIII—XVII вв. тесно связаны с историей народонаселения и изменением природных условий. Сведений о том, где и какие животные населяли Среднерусскую лесостепь в XIII—XVI вв., сохранилось очень мало².

В описании путешествия митрополита Пимена, проплывшего по Дону в 1389 г., упоминалось, что в пределах лесостепи встречались лоси, косули, медведи, волки, лисицы, выдры, бобры, гуси, лебеди, журавли. Лебеди не только пролегалли, но и гнездились. В летописи по Воскресенскому списку (1856) рассказывалось, как баскак Ахмет в 1283 г. донес хану, что в Курском княжестве есть лебединые ловища. Это допесение оказалось справедливым, и ханские сокольники «пришед ловиша лебеди».

² Для более ранних отрезков времени некоторые сведения о распространении промысловых животных были добыты при археологических раскопках городищ. При раскопках орловских, курских и воронежских городищ в слоях IV—X вв. чаще всего находили кости лосей и косуль; во многих городищах в тех же слоях были обнаружены кости кабана, нередко попадались кости медведя; в городищах Борцево I и Тицихинском (Воронежская область) в слоях IX—X вв. были найдены кости сайгака, а кроме того, в Тицихинском городище — несколько костей зубра; костей благородного оленя не обнаружено (Цалкин, 1963).

В источниках XV и XVI вв. есть сведения о бобровых гонах по р. Проне и р. Остру в рязанской лесостепи (Воадвижский, 1820; Баранович, 1860).

Значительно больше известий о распространении промысловых животных сохранилось в источниках XVII в. В этом столетии немало степей было распахано, а лесов — вырублено, но все же целинных степей оставалось еще много, немало сохранилось и лесов. Реки же были более полноводными, а вода в них незагрязненной. Зверя, рыбы и птицы в таких угодьях водилось много. Добыча этих животных наряду с бортным пчеловодством имела важное значение в жизни населения, и сведения об этом приводятся во многих письменных источниках.

В переписной книге Ливенского уезда, составленной в 1615 г., сказано, например, что с рек Сосны, Олыма, Трудов и Любовши за рыбные ловли, бобровые гоны, «за полевой (степной.— С. К.) всякой зверь» и за хмелевые угодья ливенские посадские и уездные люди должны были платить оброк 50 руб. в год (Пясецкий, 1893). В том же году при перечислении угодий, пожалованных Путивльскому монастырю, наряду с пахотной землей упоминались бортные угодья, бобровые гоны на р. Псле и р. Выри, вслуды, перевесы, рыбные ловли (Труды Курского губернского статистического комитета, 1863). В Путивльской книге бортных уходов, составленной в 1628 г., описывался уход посадского человека, расположенный по рекам Пслу, Судже, Коноплянке и Смердице. В этом уходе были рыбная и звериная ловли, бобровые гоны, устраивались вслуды и перевесы, велось бортное пчеловодство. За владение этим уходом посадский должен был платить оброк 5,5 пудов меда и одну куницу; кроме того, с него бралась пошлина с меда, добытых куниц и бобровых гонцов (Герман, 1914).

Крестьяне с. Носина Верхоценской волости пожертвовали (в 1640 г.) в Мамонтово пустынь свои уходы «с орловым и ястребовым гнездом, и со пнем и с колодою, и стоячим деревом, и с бортною делью, и со пчелами старыми и с молодыми, и с луги, и с озера, и с истоки, и с малыми текущими речками, и с полями и с липяги, и с дубровами, и с рыбною и с бобровою ловлею, и со всяким становым зверем, и с лосем, и с козкою и свиньею» (Опись документов, относящихся к истории Мамонтовской пустыни, 1891, стр. 70—71). Бортник Иван Васильев уступил в 1650 г. бортный уход «и с лугами сениными, и с реками, и с протоки, с бобровыми гонами, лосиными купалищами и со всякою звериною ловлею» (Дубасов, 1897, стр. 167).

В XVII в. лесостепь была еще так богата зверем, что охотой занимались даже в ближайших окрестностях укрепленных городков. Когда запорожские казаки заблудились в степи и, пройдя несколько дней по безлюдным местам, увидели стога сена и поставушки на зверя, то они сразу же решили, что поблизости должно быть русское селение. Казаки не ошиблись, перед ними вскоре показались Валуйки (Воссоединение Украины с Россией, т. I, 1954). Еще больше зверей (особенно крупных) и рыбы имелось вдали от городов, и, несмотря на риск быть убитыми татарами или попасть к ним в плен, жители окраинных лесостепных поселений нередко уходили далеко от дома в места, еще более богатые зверем и рыбой. Два белгородца, например, ушли на р. Северский Донец варить соль и «для звериною бою и меду». Ушли и не вернулись, попав в плен к татарам (Акты Московского государства, 1890). Угодья со зверем, птицей, рыбой и с бортными пчелами имели такую большую ценность, что промысел чужеземцев на чужих землях нередко кончался жестокими схватками владельцев с незваными пришельцами. В 1651 г. обоянцы жаловались «всем городом» на карповцев, хотмыжцев, болховцев, белгородцев и курчан, что они въезжают в Обоянский уезд на заповедную р. Псел и в леса по Пселу и в Мужецкую волость и «зверь ловят и путивльских бортников и обротчиков пчелы дерут и деревья с бортями... секут, а нас, холопей твоих,

оглошают». В этой челобитной перечислялись некоторые случаи подобного «воровства». «А в прошлом, государь, во 154 году (1646 г.— С. К.), приезжали из Курска воровать путивльския бортины ухозя в Мужецкую волость курчюня Ефимовы дети Зорина с товарищи и бой у них с путивльскими бортинки был и у них убили на бою Елисеева сына Зорина, а Ефимовых детей Зорина переимав отвели в Путивль»³. Нередки также были случаи ограбления людей, возвращавшихся с промыслов. Крестьянин с. Студеного, возвращавшийся с Битюцкого уезда на р. Воронеже, жаловался, что на него напали два казака и отняли у него десять возов рыбы, 25 лисиц и столько же куниц, 40 руб. и один котел (Черменский, 1913).

По письменным источникам XVII в. можно также установить, какие животные имели наибольшее промысловое значение и где они были распространены.

Очень ценился бобр. Поэтому при описании поместий, вотчин и угодий бобровые гоны выделялись особо из других звериных ловель. Особенно дорогими считались черные и темно-карие бобры. Царь Михаил Федорович приказывал белгородским и курским таможенным головам и целовальщикам купить именно таких бобров на его «государев обиход»⁴. В источниках XVII в. бобровые гоны в тамбовской лесостепи были отмечены на р. Цне и ее притоках Челновой, Одыясе, Керше, Ивенье, Питерже и Ваде. Как бобров, так и выдр чаще всего ловили канканами («железками»). Они стоили дорого, и не все охотники могли их приобрести. Поэтому канканы брали иногда напрокат с обязательством отдать их владельцу часть пойманных зверей. В столбцах Приказного стола, касающихся г. Доброго, сохранилась, например, челобитная, в которой говорилось, что охотник не отдал владельцу причитающуюся ему часть пойманных выдр.

Часто упоминается также о промысле лисицы и куницы. Из крупных хищников в лесостепи водились медведи и волки. Медведи жили не только в лесу, но и в степи. В отписке усердского воеводы, посланной в 1643 г., сообщалось, например, о том, как елецкие «дети боярские», идя на службу в г. Усерд, «на степе гоняли медведя» (Кириков, 1959). Отписка была послана потому, что на этой охоте один ельчанин нечаянно застрелил из иницали другого. Иногда в лесостепи ловили живых медвежат и посылали их к царскому двору.

Понадалась, по-видимому, в лесостепи и рысь. В царствование Алексея Михайловича в Белгородский полк неоднократно посылались грамоты, в которых приказывалось во всех уездах этого полка ловить некоторых зверей, в том числе рысей. В росписях, приложенных к этим грамотам, приказывалось ловить и копытных — лосей, зубров, кабанов, оленей и коз. Наиболее обычным и многочисленным среди копытных был лось. Лосиные стойла, лосиные «купалища» и охоты на лосей упоминаются в окладных и доимочных книгах, в отписках и других бумагах XVII в., касающихся Путивльского, Лебедянского и Козловского уездов и лесов по рекам Воронежу, Ловая, Хопру, Суволе, Елань, Вороне, Челновой, Одыясе, Корочану, Цне, Ивенье, Вяжле, а также Телермоньского (Телермановского) леса. Лоси и тогда были ценной добычей, и у участников охоты за ними иногда возникали ссоры. Например, в 1642 г. один поместный атаман г. Козлова жаловался на другого атамана: «ходил я, холоп твой, с ним за зверми, за лосми и с тем, государь, Иваном убили четырех лосей и теми лосми завладел он один, продал лоси ж и взял за них дватцать рублей денег, со мною не разделил»⁵.

Охота на кабанов и свиные станы упоминались при описании угодий по рекам Цне, Челновой, Одыясе, Ивенье, Корочану, Хопру и Вороне,

³ ЦГАДА. Фонд Разрядный приказ. Фонд Белгородский стол, ст. 345, л. 307.

⁴ Там же, ст. 115, л. 237.

⁵ ЦГАДА. Фонд 210. Разрядный приказ. Фонд Приказный стол, ст. 148, л. 72.

путивльских уходов и Телермонтского леса. В тех же местах были и «козиные» станы, а пойманных молодых косуль отправляли к царскому двору из Белгородского полка.

В известных мне письменных источниках XVII в. не нашлось сведений о том, чтобы указы Алексея Михайловича о присылке зубров из Белгородского полка были выполнены. Но в письме воронежского вице-губернатора Колычева, посланном в ответ на приказ Петра Первого о присылке зубров в Петербург, сообщалось, что «зубрей с прошлого 709 году не токмо охотники, но ниже кто в перезор видеть мог». Следовательно, до 1709 г. зубры еще оставались где-то в пределах воронежской лесостепи.

Сведений о том, как были распространены в XVII в. промысловые птицы, довольно мало. Чаще всего встречаются сведения о тетеревах. Чередувавшие колков и зарослей степных кустарников с полями и степями очень благоприятно для этих птиц, и их добывали во множестве. В делах Разрядного приказа сохранились документы о тяжбах и ссорах, которые возникали у промысловых охотников при добыче тетеревов. Один из охотников жаловался, например, что его соучастник тайком побил тетеревов, которых они приваживали совместно, другой — что у него отняли снасти с попавшими в них птицами, третий — что у него украли тетеревиный шатер и т. д. Тяжбы, связанные с добычей тетеревов, велись, например, в Ефремовском, Ливенском, Карповском и Коротоякском уездах (Описание документов и бумаг..., 1910—1912). Дрофы и стрепеты были обычны во многих местах.

Из водоплавающих птиц наиболее редко гнездились лебеди. В росляках птиц, которых приказывалось присылать к царскому двору, перечислены орлы, аисты, «бабы» (пеликаны), цапли, журавли и лебеди. Сохранились сведения, что лебедей ловили в верхнем течении Цны, Мокши и Вороны. Тамбовский служилый человек Иван Архипов доносил, например, в 1663 г., что «привозят де лебедей немногие люди в Тамбов тамбовцы и шачепе земцы из вотчин своих, с рыбных своих промыслов, летом к Петрову дню», т. е. в начале июля (Акты Московского государства..., 1901). Следовательно, ловили гнездовых лебедей.

XVIII в. — первая половина XIX в.

Это столетие, особенно вторая половина его, обильно письменными источниками как о быте населения, так и о соотношении угодий и размещении животных.

В XVIII в. было распахано больше степей, чем за два предыдущих столетия, и земледелие достигло больших успехов, особенно в северной части Среднерусской лесостепи, куда татары уже не могли нагрянуть и где плотность населения была выше, чем на ее южной окраине (табл. 11).

В 80-х годах XVIII в. хлеб «в великом количестве» отправляли из Орла на стругах до Москвы, а часть хлеба шла и в Петербург⁶. Из Мценска в Москву, Петербург, Казань и Рыбинск на стругах и по сухопутью ежегодно отправлялось от 1 до 1,5 млн. пудов зерна. В те же 80-е годы автор сочинения «Топографическое Курской губернии описание» сообщал, что в этой губернии «кряж земли столь хлебородный, что избытками своими довольствуется не токмо Малороссийскую, Харьковскую и Новороссийскую губернии, но продукты ее отвозятся и на Гжатскую пристань, а иногда доставляются сухопутно ж и в Херсон»⁷. Урожай пшеницы и ржи в курской лесостепи колебался от 85 до 115 пудов с десятины⁸. Из Воронежа хлеб везли вниз по Дону.

⁶ ЦГИА. Фонд ВУА, д. 18 903.

⁷ Там же, д. 18 800, ч. 1, л. 4.

⁸ ОРБЛ. Фонд 344 (собрание Шибанова), д. 328.

Плотность населения (число человек на 1 кв. версту) и соотношение земельных угодий (%) в Среднерусской лесостепи

Уезд	Год генерального межевания	№ дела	Плотность населения	Земельные угодья				
				общая площадь, дес.	пашни и приусадебные земли	сенокосы и некошенная степь	лес	неудобные земли
Тульская губерния								
Чернский	1776—1780	121	27,1	259 938	78,6	6,2	13,1	2,1
Богородицкий	1776—1780	31	31,6	268 260	82,5	7,1	7,3	3,1
Енифанский	1776—1780	[ВУА—19125]	40,2	211 262	76,2	10,8	10,4	2,6
Почепский	1776—1780	94	28,6	291 141	77,6	7,6	12,9	1,9
Ефремовский	1776—1780	[ВУА—19125]	28,5	367 121	80,0	7,9	10,0	2,1
Орловская губерния								
Дмитровский	1778—1796	27	32,5	210 637	72,0	3,0	22,0	3,0
Кромынский	1778—1796	47	42,2	195 437	74,5	6,0	14,7	4,8
Болховский	1778—1796	10	39,4	223 628	68,6	7,2	20,0	4,2
Орловский	1778—1796	68a	42,0	262 592	73,6	8,4	13,6	4,4
Мценский	1778—1796	37	37,1	213 481	76,2	6,5	14,3	3,0
Белозерский	1778—1796	35	24,2	430 191	65,4	17,8	13,5	3,3
Рязанская губерния								
Рязанский	1771—1781	25	21,7	238 145	53,2	6,4	37,1	3,3
Раменбургский	1771—1781	42	21,3	247 259	71,7	15,3	9,7	3,3
Курская губерния								
Дмитровский	1782—1797	47	24,6	291 125	67,6	3,6	22,5	6,3
Фатежский	1782—1797	124	32,6	222 793	76,1	8,5	11,6	3,8
Пугачевский	1782—1797	83	26,6	197 246	61,2	11,4	19,8	8,6
Узьский	1782—1797	86	27,2	237 724	65,2	5,9	22,8	6,1
Льговский	1782—1797	38	25,6	185 369	65,0	7,0	22,0	6,0
Курский	1782—1797	39	20,9	266 893	54,4	23,1	18,1	4,4
Тивинский	1782—1797	114	18,0	261 821	77,6	13,0	6,4	3,0
Суджанский	1782—1797	111	31,9	172 635	62,1	15,1	17,6	5,2
Обоянский	1782—1797	70	32,6	231 965	63,8	18,5	13,7	4,0
Богатинский	1782—1797	11	28,6	264 466	56,9	26,3	12,5	4,3
Старо-Оскольский	1782—1797	163	16,6	237 721	60,5	18,7	14,6	6,2
Белгородский	1782—1797	6	24,5	213 869	51,1	17,4	27,1	4,4
Королевский	1782—1797	21	26,6	276 636	62,8	25,7	8,8	2,7
Ново-Оскольский	1782—1797	60	21,4	217 216	39,5	31,5	23,7	5,3

Много зерна отправлялось с Моршанской пристани, где ежегодно строили около 100 судов. В записке об улучшении этой пристани, составленной в 1801 г., отмечалось, что стоимость муки и зерна, отправлявшихся отсюда по р. Цне, достигала 800—900 тыс. руб. По ценам того времени это была стоимость более чем 3 млн. пудов зерна⁹. Суда для отправки хлеба строились и на других реках Тамбовской губернии — на Вышне, Вороне, Ваде, Мокше, Лесном и Польном Воропее (Описание девяти судоходных рек..., 1886).

⁹ Известно, что в 80-х годах в Воронежской губернии один пуд пшеничной муки стоил 25—40 коп., а ржаной — 12—20 коп. В 60-х годах XVIII в. в Рязанской губернии пуд ржи продавался за 9 коп., а пуд пшеницы — за 15—20 коп.

В северной части Среднерусской лесостепи большая часть степей и суходольных лугов была распахана; целинные степи и залежи оставались преимущественно в южной части лесостепи. В письменных источниках конца XVIII в. приводится много сведений о большом значении скотоводства в тех местах, где еще сохранилось много нераспаханных степей. В Воронежской губернии еще в 20-х годах XIX в. скотоводство было главным занятием населения. Здесь было 205 конных заводов, на которых содержалось около 12 тыс. лошадей английской, арабской, мекленбургской и некоторых других знаменитых в то время пород. Лучшие и самые большие конные заводы имелись в Бобровском и Воронежском уездах. Всего же в Воронежской губернии было 571 850 лошадей и 598 400 голов рогатого скота, преимущественно черкасской породы (Исторические черты и современное описание Воронежской губернии, 1828). Скупив большие гурты рогатого скота, купцы брали в аренду у помещиков степи и отгоняли туда скот для нагула, а затем гнали в Москву и Петербург.

Одновременно с распахиванием степей шло дальнейшее сведение лесов. В конце XVIII в. во многих местах Среднерусской лесостепи уже стал ощущаться недостаток в лесе. «Умаление лесов» в Рыльском уезде Курской губернии было заметно уже в 60-х годах XVIII в. В 80-х годах в Старо-Оскольском уезде строевого леса не осталось совсем, а в Ново-Оскольском он сохранился лишь на правой стороне Оскола. Не хватало леса в Судженском, Дмитриевском, Фатежском, Богатенском, Львовском, Тимском, Щигровском уездах. Из трех последних уездов за лесом ездили в Бринский и Карачевский уезды Орловской губернии, а из Богатенского — в Харьковскую губернию.

Почти все леса, еще остававшиеся в Курской губернии к 80—90-м годам XVIII в., состояли из чернолесья; красного же леса почти не было. Наиболее крупный уцелевший до этого времени лес тянулся на 100 верст по р. Осколу между Корочей и г. Старым Осколом. Другим крупным лесом был Разумейский — между г. Корочей и г. Балгородом. В Путивльском уезде леса по р. Сейму и р. Клевени и по р. Обесте и р. Облегле тянулись в длину соответственно примерно 15, 10 и 7 верст, а в ширину на 4, 3 и 1,5 версты. Оставались еще леса по правой стороне р. Корочи в Корочанском уезде, по рекам Пелу, Ворскле, Ворожбе, Белице в Судженском уезде и более мелкие — по р. Свапе и р. Усоже в Фатежском уезде; по р. Свапе лес был и в Дмитриевском уезде¹⁰ и в некоторых других местах.

Все сильнее вырубались леса и в воронежской лесостепи. В 1701 г. по указу Петра Первого в устье р. Вороны только на обжигание кирпича и известно было заготовлено 53 тыс. бревен (Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, 1893). Для постройки судов и на другие нужды адмиралтейства стали рубить Шинов лес и леса около г. Костенок, до этого бывшие непроходимыми (Болховитинов, 1800).

Распахивание степей, вырубание лесов и пожары в них, а также все усиливавшийся промысел зверя, рыбы и птицы стали причиной того, что распространение многих видов промысловых животных сократилось и число их уменьшилось. В орловской лесостепи, раньше всего и плотнее заселенной русским земледельческим населением, охота как промысел сошла на нет к концу XVIII в. Поэтому в «Материалах к составлению статистического и топографического описания Орловской губернии» сообщалось, что в Кромском и Орловском уездах «не было охот, достойных примечания»¹¹. Однако в некоторых районах охота на зверя и птицу еще оставалась прибыльной. В Курском уезде, например, охотились по пороше, загоняя в тенета волков, лисиц и зайцев, а осенью — с ловчими ястребами

¹⁰ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 800; ОРБЛ. Фонд 344, д. 328.

¹¹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 907.

на перепелов. Этих птиц было так много, что их продавали пудами. Перепела ценились довольно дорого — по 3—4 руб. за пуд, и поэтому все однодворцы занимались этой охотой¹².

Особенно сильно сократились за XVIII в. ареал и численность копытных животных. Зубров, как отмечалось, в Среднерусской лесостепи не было уже в самом начале XVIII в. Тарпаны продержались на несколько десятилетий дольше. По расспросным сведениям, собранным Гюльденштедтом (Güldenstädt, 1787), дикие кони еще в 40-х годах XVIII в. часто встречались в степях, прилегавших к Ново-Хоперской крепости, но позже здесь их уже не видели. В Бобровском уезде Воронежской губернии, где было особенно много нераспаханных степей, С. Г. Гмелин (1771) застал тарпанов в 70-х годах того же столетия.

В XVIII в. очень сильно увеличилось поголовье лосей, их не стало во многих местах. В известных мне исторических источниках XVIII в. сведений о пребывании лосей в лесостепных уездах Тульской губернии не нашлось. В лесостепной Орловщине они отмечались только в Луганском уезде¹³. В конце XVIII в. не было лосей и в лесостепных уездах Рязанской губернии — Михайловском, Пронском, Сапожковском, Печерницком¹⁴. В Курской губернии лоси в эти же годы оставались лишь в Рыльском, Лыговском и Дмитриевском уездах¹⁵. В начале XVIII в. они еще заселяли хоперские уходы. В 1704 г. донские казаки вырубили и пожгли монастырские леса по р. Хопру и р. Савале (в Коренной и Савальской вотчинах). В донесении об этом упоминалось, что выгорели и «лосиные стойла», находившиеся в этих лесах (Булавинское восстание, 1935). По р. Битюгу лоси держались по крайней мере до начала 30-х годов XVIII в., например, еще в 1730 г. в Битюжской дворцовой волости был пойман лосенок, отправленный затем в Москву¹⁶. О сохатах в Воронежской губернии в источниках конца XVIII и первой половины XIX в. уже не упоминалось. «Против прежних времен весьма теперь мало», так сказано о лосях в «Атласе Тамбовского наместничества», составленном в 1787 г.¹⁷ В лесостепных уездах этого наместничества лоси были отмечены только в Шацком, Спасском и Моршанском уездах. Во время генерального межевания (1782—1797 гг.) в с. Большое Гагарино (Благовецском) Моршанского уезда был зверинец, в котором содержались лоси, олени и косули¹⁸. В «Экономических примечаниях» Тамбовской губернии, составленных в конце 20-х годов XIX в., о лосях не упоминается¹⁹.

Меньше, чем в XVII в., стало и косуль, и они перестали встречаться во многих из тех мест, где водились раньше. В «Атласе Тамбовского наместничества», составленном в 1787 г., и в примечаниях к генеральному межеванию Тамбовской губернии о косулях не упоминается, если не считать сообщения, что в зверинце в с. Большое Гагарино находились и косули. Не упоминалось о косулях и в примечаниях к генеральному межеванию лесостепных уездов Тульской и Орловской губерний и в «Топографическом описании Орловского наместничества». (В лесных уездах Орловского наместничества косули в то время еще водились.) Но в курской лесостепи косули в XVIII в. встречались во многих местах. Курская, Волновская и Белгородская воеводские канцелярии, отвечая в 60-х годах этого столетия на запрос сената, сообщали, что на землях этих воеводств косули были довольно обычны²⁰. В 80-х годах того же столетия косули

¹² ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 800.

¹³ Там же, д. 18 903.

¹⁴ ОРБЛ. Фонд Муз., д. 132.

¹⁵ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 800.

¹⁶ Там же. Фонд Дворцовый отдел, д. 35 121.

¹⁷ Там же. Фонд ВУА, д. 19 078.

¹⁸ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Моршанский уезд, д. 1503.

¹⁹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 079.

²⁰ ЦГАДА, кн. 5560.

отмечались в Рыльском, Белгородском, Обоянском, Корочанском, Богатенском, Львовском и Дмитриевском уездах Курской губернии²¹. В примечаниях к генеральному межеванию, составленных в 1782—1797 гг., косули были отмечены в четырех лесных дачах Старо-Оскольского уезда, в двух дачах Богатенского, в одной даче Ново-Оскольского, в двух дачах Путивльского, в трех дачах Рыльского и двух дачах Львовского уезда.

В воронежской лесостепи, даже на ее южной окраине (в Павловском уезде) в 30-х годах XVIII в. косуль водилось довольно много. Оттуда в 1739 г. прислали в Москву для царской охоты 19 косуль, а в 1740 г. — 42²². Их ловили и в других местах. В 1730 г. одиннадцать косуль было поймано в усманских лесах. В 60-х годах XVIII в. они еще водились в Павловском уезде и в Усердском воеводстве. Но в ответах на запрос Академии наук, посланных из Воронежской губернии в 80-х годах того же столетия, о косулях упоминалось только в описаниях Бобровского и Острогжского уездов. В Бобровском уезде они оставались «в малом числе», а в Острогжском в прошлое время были «во многом числе, но извелись» (Материалы по истории Воронежской губернии, 1889). Во время генерального межевания Воронежской губернии (1782—1797 гг.) косули нигде не были отмечены. Не упоминал о косулях и Н. А. Северцев (1855).

К концу XVIII в. в Среднерусской лесостепи крайне редки стали и кабаны. В лесостепных уездах Тульской, Рязанской, Орловской и Тамбовской губерний, а также в Курской и Воронежской губерниях кабанов, по-видимому, уже не оставалось, так как в довольно многочисленных источниках XVIII в. об этих зверях нет упоминаний, за исключением сообщения, что в прежние времена кабаны водились в Острогжском уезде.

В XVIII в. крупных хищников — медведя и рыси — также осталось мало. Современники объясняли, что это происходит «за умножением повсюду жителей и за умалением лесов». Медведи все же еще встречались во многих местах Среднерусской лесостепи, включая и ее южную окраину. В начале 60-х годов XVIII в. они водились в Курском, Хотмыжском, Яблоновском, Белгородском, Волновском, Усердском, Борисоглебском и Валуйском воеводствах. В эти же годы они встречались в окрестностях г. Олешни и на землях, приписанных к Павловской крепости. Были медведи и в Рыльском воеводстве, но мало²³. Около 20 лет спустя, в ответах на запросы Академии наук, присланных из Воронежской губернии в 1781 г., сообщалось, что медведи водились в Острогжском, Коротоякском, Бобровском, Ливепском, Павловском, Калитвенском и Валуйском уездах и что в Коротоякском уезде они нередко нападали на скот (Материалы по истории Воронежской губернии, 1889). В примечаниях к генеральному межеванию (1777—1784 гг.) медведи были отмечены в четырех лесных дачах Острогжского уезда, девятнадцати дачах Коротоякского и в одной даче Богучарского. В остальных уездах медведи, если и встречались, то так редко, что в примечаниях к межеванию этих уездов о них не упоминалось.

В тамбовской лесостепи во время генерального межевания медведи водились в лесах по р. Лесной Тамбов, в Ценском казенном лесу (на правом берегу Цны между Тамбовом и Моршанском), на междуречье Керша — Ломовис и на правом берегу р. Вякли²⁴.

Перевязка была распространена в XVIII в. довольно широко. В 60-х годах XVIII в. в ответах на запросы сената отмечалось, что она есть в Хотмыжском, Яблоновском и Курском воеводствах²⁵. По сведениям, сообщаемым в «Топографическом описании Курской губернии», составленном

²¹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 800.

²² ЦГАДА. Фонд Дворцовый отдел, д. 35 474.

²³ ЦГАДА. Фонд 261, кв. 5560.

²⁴ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Тамбовский уезд, д. 81; Моршанский уезд, д. 65.

²⁵ ЦГАДА. Фонд 261, кв. 5560.

в 1784 г.²⁶, перевязки водились в Фатежской, Щигровской, Тимской, Старо-Оскольской и Ново-Оскольской округах. В воронежской лесостепи в 80-х годах XVIII в. пребывание этого зверька отмечено в Коротоляском и Калитвенском уездах (Материалы по истории Воронежской губернии XV и XVI, 1889).

Из степных промысловых зверей одним из самых обычных и многочисленных был байбак. В XVIII в. сурки были очень многочисленны в большей части курской и воронежской лесостепи. К середине XIX в. их число сильно убавилось, но и в эти годы в некоторых местах их водилось больше, чем сусликов. В степях по р. Купаве — притоку р. Кардаила — в 50 верстах от г. Балашова, байбаки, например, были обычны, а суслики попадались лишь изредка (Сельская летопись..., 1854). В лесостепной Тамбовщине сурки отмечались в Козловском, Липецком, Тамбовском, Кирсановском, Усманском и Борпеглебском уездах²⁷. Но где именно они водились и как много, сведений не сохранилось. Нет сведений и о том, были ли где-нибудь байбаки в тульской лесостепи. В рязанской лесостепи они встречались очень редко; в середине XIX в. байбаки отмечены в Михайловском уезде (Сельская летопись..., 1854). В орловской лесостепи в конце XVIII в. они водились в Мало-Архангельском, Ливенском и Елецком уездах²⁸.

К концу XVIII в. сильно уменьшилась численность бобров. Они были истреблены во многих местах Среднерусской лесостепи. В конце XVIII в. бобры жили на р. Сейме (на землях с. Бупели) в Рыльском уезде Курской губернии²⁹. Бобры были также отмечены в Дмитровском уезде, но где именно, не указано (Ларлонов, 1786).

Беляки в Среднерусской лесостепи были распространены значительно шире, чем теперь. В 60-х годах XVIII в. они вместе с русаками водились, например, в Белгородском уезде Курской губернии. В списке зверей, встречавшихся в этом уезде, перечислены «зайцы белые и русаки»³⁰. Обычно же в таких списках зайцы упоминались без разделения их на виды.

Изменения, совершившиеся в природных угодьях, не замедлили отразиться и на размещении птиц. Во второй половине XVIII в. такая крупная охотничья птица, как глухарь, еще населяла многие места в центральной части Среднерусской лесостепи. В 60-х годах этого века глухари отмечались в Яблоновском уезде Курской губернии, где в то время еще были целы большие леса по правобережью р. Корочи³¹. В списке птиц, водившихся в этом уезде, были названы «тетерева глухари» и «тетерева маленькая»³². В курской лесостепи в 80-х годах того же века тетерева «большого рода» (глухари)³³ водились в лесах Фатежской, Щигровской, Тимской, Богатенской, Старо-Оскольской и Ново-Оскольской округах³⁴. В примечаниях к генеральному межеванию Курской губернии (закончившемуся в 1797 г.) глухари встречались лишь в Львовском уезде в Укольном бору (Кириков, 1959). К 70-м годам XVIII в. относится сообщение, что в Воронежскую губернию, «заблудившись», залетали глухари (Гмелин, 1771). Правильнее считать, что глухари жили там постоянно, но были редки. Еще в середине XIX в. Н. А. Северцев (1855) включил глухаря в список птиц, водившихся на северной окраине Воронежской губернии. В орловской и рязанской лесостепи, заселенной в XVIII в. более плотно и земельчески гораздо сильнее освоенной, глухарей в конце XVIII в., по-види-

²⁶ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 806.

²⁷ Там же, д. 19 078.

²⁸ Там же, д. 18 903.

²⁹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Рыльский уезд, д. 89.

³⁰ Там же. Фонд 261, кв. 5560.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Тетерева назывались тогда тетеревами малого рода или просто тетеревами.

³⁴ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 800.

тому, уже не было, поскольку в источниках этого времени о них не упоминается. Рябчик в Среднерусской лесостепи был распространен в конце XVIII в. шире, чем глухарь. В курской лесостепи, например, он отмечался в большей части уездов.

Такие степные птицы, как дрофа и стрепет, были в XVIII в. обычны во многих местах воронежской, курской и тамбовской лесостепи, но в лесостепных уездах Тульской, Орловской и Рязанской губерний они встречались реже. В тульской лесостепи в конце XVIII и начале XIX в. эти птицы отмечались только в Богородицком и Епифанском уездах. В примечаниях к генеральному межеванию Богородицкого уезда отмечено, что дрофы водились в огромных владениях графа Бобринского, занимавших почти всю южную половину уезда³⁵. В «Экономическом примечании», составленном через несколько лет после окончания межевания этого уезда, не только дрофы, но и стрепеты включены в списки птиц, водившихся как во владениях Бобринского, так и в других земельных дачах³⁶. Видимо, почти все степные участки были заселены этими птицами. В те же годы в Ефремовском уезде дрофы встречались в шести земельных дачах, а стрепеты — в двух³⁷. Кронинепов в воронежской лесостепи было очень мало³⁸.

Еще обычной, чем дрофы и стрепеты, были тетерева. В Среднерусской лесостепи, где в XVIII в. лесные участки перемежались с полями и степями, условия жизни для этих птиц продолжали оставаться благоприятными. Даже на южной окраине воронежской лесостепи — в Богучарском, Калитвенском и Павловском уездах, тетерева встречались во многих земельных дачах. На лесостепных реках, особенно по Дону, Северскому Донцу, Тихой Сосне, Большому и Среднему Икорцу, Чиголке, Тишапке, Битюгу, Черной Калитве, Руде были обычны дикие гуси.

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

В середине прошлого столетия в южной полосе Среднерусской лесостепи было много еще нераспаханных степей и старых залежей и местное население занималось главным образом скотоводством. Ежегодно отсюда гнали в Петербург и Москву большие гурты скота. Кроме того, купцы покупали и откармливали скот на сало для отправки его за границу. В 30-х и 40-х годах за границу вывозилось ежегодно около 4 млн. пудов сала, причем из одной Воронежской губернии экспортировалось около 500 тыс. пудов (Михайлов, 1856).

Скот откармливался в ковыльных степях. Еще в начале XIX в. степей в Воронежской губернии было так много, что их отдавали в аренду под нагул скота за 1—2 руб. ассигнациями за десятину (там же). К концу XIX в. степной целины оставалось мало даже в Воронежской губернии, а в других районах Среднерусской лесостепи уцелели лишь мелкие участки целины. К этому же времени на большой площади были сведены и леса, как широколиственные, так и сосновые. Уже в 60-х годах XIX в. было замечено, что большая часть песчаных пустырей возникла на месте сведенных боров (Пайсель, 1861).

Сведение лесов и распашка степной целины сопровождалась высыханием болот. Например, болота Епифанского уезда Тульской губернии, слывшиеся обилием дупелей и другой дичи, стали высыхать с начала 40-х годов, а к 70-м годам они местами настолько высохли, что, по словам современников, по ним можно было скакать «хоть на тройке» (Савельев, 1875).

³⁵ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Богородицкий уезд, д. 31.

³⁶ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 125, ч. 3.

³⁷ Там же, д. 19 125, ч. 6.

³⁸ Там же, д. 18 675.

Плотность народонаселения сильно возросла, а вместе с ней усилились преследование промысловых животных и беспокойство, вносимое людьми в места их жительства. Это ухудшило условия жизни многих видов промысловых животных, повлекло за собой уменьшение их числа и сократило площадь их распространения.

Особенно сильно сократился ареал тех видов животных, для существования которых наиболее благоприятны крупные участки леса, где есть спокойные, мало посещаемые людьми участки, а также видов, которым необходимы степи или старые залежи.

К концу XIX в. в Воронежской губернии и в лесостепных уездах Тульской губернии медведей, по-видимому, не осталось нигде. В курскую же лесостепь они изредка заходили (очевидно, из лесов Брянской области) как в конце XIX в., так и в начале XX в. (Птушенко, 1937). В тамбовской лесостепи медведи держались постоянно в обширном лесу, протянувшемся по р. Цне между г. Тамбовом и г. Моршанском. Почти повсеместно был вытеснен глухарь; к началу XX в. он оставался только в лесах по р. Цне.

Лось и косуля легко уживаются в соседстве с человеком, если он их не преследует слишком ожесточенно. Молодой лиственный лес, возникший на месте крупного старого, не ухудшает условий их жизни. Во второй половине XIX и в начале XX в. лоси не раз появлялись в различных местах Среднерусской лесостепи и местами держались по нескольку лет, но в конце концов истреблялись браконьерами. В курской лесостепи сохатые появлялись, например, в 70–90-х годах XIX в. и в начале XX в. в лесах по р. Свапе и р. Сейму. Они долго держались в Колпинском лесу, но в 1917–1918 гг. были перебиты (там же). В 20-х годах настоящего столетия лоси изредка забегали и на северную окраину Воронежской области (Барабаш-Пикифоров, 1957).

Из степных охотничье-промысловых зверей сильнее и быстрее всего исчезал байбак. К концу XIX в. этих зверьков, по-видимому, в орловской и рязанской лесостепи не оставалось уже нигде. К началу 30-х годов их не было и в курской лесостепи (Птушенко, 1937). В воронежской и тамбовской лесостепи, где степных участков было больше, промысловые охотники добывали байбаков еще в самом конце XIX в., особенно в Павловском и Бобровском уездах Воронежской губернии (Силантьев, 1898) и в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии.

Быстро исчезал и стрепет. О его гнездовании в тульской лесостепи не сохранилось воспоминаний уже в 90-х годах XIX в. (Сушкин, 1892). Но залеты его в эту часть Среднерусской лесостепи наблюдались как во второй половине XIX в., так и в начале XX в. (Мензбир, 1879; Сушкин, 1892; Харузин, 1926). Последнее сообщение о гнездовании стрепета в рязанской лесостепи относится к 60-м годам XIX в. (Щепотьев, 1879). Но в воронежской лесостепи еще в конце 70-х годов стрепетов было довольно много — «по степным местам довольно» (Скиада, 1879, стр. 131). Относительно часто встречались они здесь и в начале 20-х годов XX в. (Огнев и Воробьев, 1923). В тамбовской лесостепи в начале XX в. стрепеты гнездились местами в Борисоглебском и Кирсановском уездах (Предтеченский, 1928).

Высыхание болот повлекло за собой резкое уменьшение дичи, свойственной болотам и сырým лугам. Как быстро исчезала болотная дичь в Епифанском уезде Тульской губернии, можно судить по числу птиц, добытых одним из охотников этого уезда в различные годы. В 1834 г. им было убито 524 дупеля, 262 бекаса и гаршнепа и, кроме того, 24 вальдшнепа и 17 разных куликов и уток, в 1840 г. — 429 дупелей, 447 бекасов, гаршнепов и вальдшнепов (данные приведены без разделения на виды), 268 разной другой дичи. В 1860 г. этот же охотник убил всего 222 штуки разной дичи (Савельев, 1875). Одновременно с высыханием епифанских болот из этого уезда исчез веретенник.

Уменьшилось также и число промысловых животных, жизнь которых неразрывно связана с водоемами. К 20-м годам XX в. сильно снизилась, например, численность выхухоли в Тамбовском и Кирсановском уездах, где ее было много еще в 90-х годах XIX в. (Предтеченский, 1928). В орловской лесостепи выхухоль встречалась очень редко уже в 60-х годах XIX в. (Данилов, 1868).

Второе тридцатилетие XX в.

В эти годы в среде жизни животных Среднерусской лесостепи происходили важные изменения. Предпринимались серьезные меры по сохранению, а отчасти и по восстановлению лесов. Степи же, где только возможно, были распаханы, за исключением неудобных для земледелия мест или выгонов домашнего скота. От степных кустарниковых зарослей остались лишь небольшие участки, да и то в очень немногих местах. В тамбовской лесостепи в 50-х годах заросли бобовника, чилиги и степной вишни оставались лишь в Кирсановском районе (в окрестностях с. Соколово-Пушино и с. Ивановка) и в урочище Татарский вал в Тамбовском районе (Линд, 1955).

Охрана некоторых видов охотничье-промысловых зверей (особенно бобра, лося, косули, отчасти выдры и лесной куницы) стала более действенной. Но в деле охраны рыб и охотничье-промысловых птиц заметного улучшения не произошло.

Эти факторы сказались на числе и распространении животных.

Несмотря на то что на большей части территории Среднерусской лесостепи в течение нескольких лет шла война, лось и косуля успели широко расселиться, а самих животных стало в несколько раз больше, чем в начале 30-х годов. В самом начале 50-х годов они не только водились в лесных районах Орловской области (Болховском, Хотынецком, Знаменском), но и заходили в Мценский, Дмитровский, Задонский и некоторые другие районы (Цееб, 1951). В Курской области в конце 50-х годов насчитывалось около 100 лосей, встречавшихся в Хомутовском, Медведенском и некоторых других районах³⁹. В эти же годы одиночные лоси появлялись во многих районах Воронежской области, а в Куликовском и Усманском лесах их небольшие группы стали держаться постоянно (Барабаш-Никифоров, 1957). В Тамбовской области учет лосей производился начиная с 1956 г. В 1951 г. там насчитывалось 650 лосей, в 1953 г.— 800, в 1955 г.— 1000, в 1956 г.— 1117, в 1958 г.— 1388 и в 1959 г.— 1600 (Петрученко, личное сообщение).

Расселялись также косули и кабаны. Их расселение шло, по-видимому, с запада, так как в Орловской и Курской областях в 50-х годах они встречались чаще, чем в Воронежской, а в Тамбовской области не отмечались совсем.

В противоположность копытным медведей становится все меньше, и они близки к исчезновению. В 50-х годах они держались постоянно только в лесах по р. Цне между г. Тамбовом и г. Моршанском, и было их там около десяти голов. Изредка медведи заходили на северо-западную окраину Орловской области, проникая из Брянской и Калужской областей (Цееб, 1951).

Все меньше остается и глухаря. Как и медведь, он встречается в Цнинских лесах (весной 1958 г. на токах здесь насчитывалось около 70 самцов) и на северо-западной окраине Орловской области, находящейся не в лесостепи, а в лесной зоне. Тетерев распространен шире глухаря и еще встречается там, где в недавнем прошлом была лесостепь, превращенная теперь в лесополье, но стал крайне редкой птицей. В Воронежской области в начале 60-х годов оставалось всего около 15 тетеревов, сохранившихся в Во-

³⁹ Газета «Советская Россия» от 21 апреля 1959 г.

ронезском заповеднике (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963). В Тамбовской области весной 1958 г. было учтено около 450 птиц (В. Петрученко, личное сообщение).

Сходное положение наблюдается и в отношении распространения и численности байбака, стрепета и дрофы. Байбаков осталась, по-видному, лишь одна колония в Каменной степи (около 300 зверьков, по данным Барабаша-Никифорова, 1957). Стрепет лишь изредка залетает в лесостепную Орловщину (Цееб, 1951) и гнездится в немногих местах в воронежской лесостепи, чаще всего встречаясь здесь в посадках сосны на забурьяненных местах (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963). Кое-где гнездится и дрофа.

Из зверей, жизнь и распространение которых неразрывно связаны с водоемами, наиболее успешно восстанавливалось население бобров. Центром расселения их был Воронежский заповедник. В 50-х годах в Воронежской области бобры были сосредоточены в четырех крупных очагах — воронежском, хоперском, битюгском и потуданском. В первом из них в 1952 г. насчитывалось около 1000 бобров, во втором — около 400, в третьем — около 250 и в четвертом — около 60 (Барабаш-Никифоров, 1957). В 40-х годах были обнаружены бобровые поселения в Уваровском и Мучкапском районах Тамбовской области. Осенью 1953 г. в первом из них жили три семьи, а во втором — две (В. Петрученко, личное сообщение).

Численность выхухоли, жизнь и распространение которой неразрывно связаны с водоемами, но в иных отношениях, чем у бобра, в эти же годы уменьшалась. Это было вызвано отчасти ухудшением мест ее обитания (загрязнение рек и пойменных озерков сточными водами, распаиванием пойменных лугов и т. д.), а отчасти гибелью во время зимних паводков и при попадании их в ветери и ставные сети. В Тамбовской области паводки зимой 1954/55 г. сократили население выхухолей в четыре—пять раз. Весной 1958 г. в этой области их насчитывалось около 9 тыс. (В. Петрученко, личное сообщение). В Воронежской области наибольшая плотность населения выхухоли (больше 20 нор на 1 км поймы) отмечалась в поймах р. Битюга и р. Хопра (Барабаш-Никифоров, 1957).

Загрязнение и обмеление рек и чрезмерная (а порой хищническая) ловля вызвала уменьшение запасов рыбы. Особенно это заметно в отношении нязеуба. Теперь его осталось в реках Среднерусской лесостепи очень мало, в то время как в конце XVIII в. он был многочислен в Осколе, Тихой Сосне и в верховьях Дона.

ЛЕСОСТЕПНОЕ И СТЕПНОЕ ПОВОЛЖЬЕ И ДОНСКИЕ СТЕПИ

В лесостепное и степное Поволжье и в степные и лесостепные территории по Дону входят лесостепная часть Татарии, Пензенская, Ульяновская, Куйбышевская, Саратовская, Волгоградская области, крайняя западная часть Оренбургской области и крайняя северная часть Ростовской области (к северу от нижнего течения Дона).

ЛЕСОСТЕПЬ

В Поволжье, как и в других частях нашей страны, лесостепь постепенно переходит в лесо-лугостепь. И. И. Спрыгин (1925) вполне обоснованно заметил, что мы не знаем, как далеко к северу заходили раньше в Поволжье степи, как не знаем и того, какими были самые северные из них. В тех случаях, когда в исторических актах упоминается о «диких полях ковыла», есть основание считать, что речь шла о настоящих степях, располагавшихся в лесостепи. Одно из таких «полей» тянулось «до Мокшанского большого леса и до Инсарского города и до Шишкеева» (Хохряков, 1899, стр. 7).

Наиболее крупными участками степей, сохранившихся в лесостепной полосе Симбирского наместничества к 80-м годам XVIII в., были следующие: 1) степь в Симбирском округе между р. Свягой и границей Тагайской округи, простиравшаяся в длину примерно на 60 верст и в ширину на 40 верст; 2) степь, находившаяся в Сенгилейской округе; этот участок достигал в длину примерно 35 верст и в ширину примерно 25 верст; 3) степь в средней части Ставропольской округи, ее длина была около 100 верст, а ширина — около 40 верст; 4) степь в Самарской округе между реками Кондурчей, Липовкой и Соком, протягивавшаяся в длину примерно на 60 верст и в ширину на 40 верст; 5) степь в Сызранской округе (возле р. Сызранки) длиной около 50 верст и шириной около 40 верст¹.

В лесостепной части Поволжья среди лесов преобладали дубравы и боры. Ель еще в XVIII в. была распространена гораздо шире и дальше к югу и встречалась чаще, чем теперь. Во время генерального размежевания она была одной из главных пород во многих лесных дачах Сенгилеевского уезда Симбирской губернии, а также в лесах по нижнему течению р. Черемшана и его притоку р. Сосновке². Еще южнее ель нередко встречалась

¹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 025.

² ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Сенгилеевский уезд, д. 17; Ставропольский уезд, д. 22.

в лесах, расположенных по р. Сызранке и ее притокам Канасаевке, Сунгуру, Кубре и была обычной в лесах Самарской Луки³.

Земледельческое освоение поволжской лесостепи началось раньше всего на ее северной окраине, где находилась Камская Болгария, славившаяся земледелием уже в начале XI в.

Заселение лесостепной части Поволжья русскими началось после завоевания Казани. Пензенская лесостепь заселялась с запада и севера — от Шацка, Кадома, Темникова и Алатыря, т. е. от укрепленных городов сторожевой черты (Хохряков, 1901). Но южная часть правобережного Поволжья подвергалась набегам кочевников вплоть до начала XVIII в. Так, саратовская лесостепь, за исключением территории по берегам Волги, была незаселенным диким полем еще в середине XVII в. Лишь после постройки укрепленных линий в конце XVII в. эта местность стала быстро заселяться. Последний большой набег произошел в 1717 г.

Заволжская лесостепь стала заселяться русскими позже, чем правобережье Поволжья, и заселение шло более медленно. В середине XVII в. (1652—1656 гг.) была построена Закамская укрепленная линия. Она начиналась около с. Белый Яр на Волге, шла через Ерыклинск, Тынск, Бильярек, Ново-Шеншинск, Кичуевск, Заинск и Мензелинск. Почти в течение всего XVII в. за пределами этой линии русского населения не было. В начале XVIII в. была создана новая укрепленная линия, начинавшаяся у впадения р. Большая Кинель в р. Самару. Отсюда она шла к устью р. Койдурчи, затем по берегу р. Сока — до г. Сергиевска, пересекала р. Черемшан и кончалась у р. Кичуя. Эта линия существовала недолго, так как в 1734 г. началось строительство Оренбургской укрепленной линии, от которой по р. Самаре отходило ответвление к Волге. К 1762 г. земли по рекам Шенша, Кичуя, Большой Черемшан, Сок, Большая Кинель и Самара были уже заселены (Дец, 1902).

XIV — XVII вв.

В связи со все расширявшимся заселением поволжской и заволжской лесостепи усиливалось и уничтожение лесов. В XVII в. леса вырубались не только в целях расчистки земли под пашню; лес использовался на топливо, строительство и на производство потапа, который занимал в то время главное место в торговле Московского государства с заграницей.

Добыча зверя, птицы и рыбы также имела в XIV—XVII вв. большое значение в жизни местного населения. Но подробные сведения о распространении охотничье-промысловых животных стали появляться в письменных источниках только в XVIII в. Для более раннего времени известны лишь очень отрывочные сведения о распространении некоторых видов. Сохранились, например, сведения, что в XVI—XVII вв. ловили бобров на реках Майне, Урпе, Сызранке, Тумашовке. В 60-х годах XVII в. в Нижне- и Верхне-Ломовском и Пензенском уездах добывали лебедей с лебедятами и были особые люди, которые занимались их добычей (Акты Московского государства..., 1901; Хохряков, 1899). В «Строельной книге г. Пензы», составленной в 1666 г., было записано: «деревни Сандерки, а в ней пензенской степной вож Наумко Русинов, да конных казаков лебединыя ловли 5 человек» (Хохряков, 1899, стр. 13).

На Волге кроме осетровых и белорыбицы добывалось немало каспийского лосося. Местами крестьяне, занимавшиеся рыбной ловлей, должны были не только выплачивать оброк за ловлю рыбы, но и отдавать на царский рыбный стол осетровых рыб, лосося и белорыбицу. В заповедной грамоте 1667 г., посланной владельцам рыбных ловель под г. Симбирском, было сказано: «белуги и белушки, осетры и осетрики и шеврига (севрю

³ Там же. Сызранский уезд, д. 24; Самарский уезд, д. 14.

га.—С. К.), и чалбаши (по-видимому, шны.—С. К.), и лососи, и белую рыбицу и мерные стерляди от глаза до увитка в аршии, которая в улове будет, отдавать в государев рыбный двор... и рыбным ловцам заказать нарочно, чтоб они той государевы заповедные красные рыбы не таили, себе не имели и никому не продавали, и даром не отдавали» (Зерцалов, 1896, стр. 135).

XVIII в. — первая половина XIX в.

Материалы генерального межевания, производившегося в лесостепной части Поволжья в период с 80-х годов XVIII в. до 30-х годов XIX в., дают возможность установить, каковы были в то время плотность населения и соотношение земельных угодий. Наиболее высокой была плотность населения в западной части Поволжья (пензенская лесостепь), которая раньше всего стала заселяться русскими, а наименьшей — в заволжской лесостепи (табл. 12).

Таблица 12

Плотность населения (число человек на 1 кв. версту) и соотношение угодий (%) в лесостепной части Поволжья

Уезд	Год генерального межевания	№ дела	Плотность населения	Земельные угодья				
				общая площадь, десятины	пашни и приусадебные земли	сенокосы	лес	неудобные земли
Казанская губерния								
Спасский	1793—1803	31	12,6	539 737	39,0	17,3	35,7	8,0
Чистопольский	1793—1803	58	11,4	826 170	38,3	15,5	41,0	5,2
Пензенская губерния								
Керенский	1782—1792	19	30,2	128 600	58,4	4,0	35,8	1,8
Нижне-Ломовский	1782—1792	35	21,8	242 531	54,7	12,5	28,5	4,3
Верхне-Ломовский	1782—1792	4	23,8	218 237	52,3	10,0	34,8	2,9
Мокшанский	1782—1792	26	23,0	225 761	55,2	19,0	22,6	3,2
Чембарский	1782—1792	60	16,0	363 487	54,7	28,9	11,4	5,0
Пензенский	1782—1792	59	17,0	285 509	44,1	37,7	15,9	2,3
Городищенский	1782—1792	11	9,6	631 717	17,3	1,8	77,2	3,7
Симбирская губерния								
Карсунский	1798—1821	11	15,8	650 210	35,1	3,9	57,0	4,0
Симбирский	1798—1821	20	14,2	595 975	49,5	14,5	29,0	7,0
Сенгилевский	1798—1821	17	14,6	582 926	46,5	6,4	40,9	6,2
Ставропольский	1798—1821	23	7,9	1 031 921	34,0	31,0	26,3	8,7
Сызранский	1798—1821	25	10,3	726 534	38,8	25,0	27,3	8,9
Самарский	1798—1821	15	6,0	1 375 669	21,1	49,9	17,0	12,0
Оренбургская губерния								
Мензелинский	1798—1835	10	8,0	1 138 200	21,9	15,4	58,6	4,1
Бугульминский	1798—1835	4	5,6	1 113 267	23,1	37,8	33,9	5,2
Бугурусланский	1798—1835	6	4,7	1 728 546	22,4	58,2	11,4	8,0
Бузулукский	1798	7	1,9	2 282 767	4,9	79,9	7,8	7,4

Степень распаханности земель изменялась в соответствии с людностью. Пашни преобладали над другими угодьями в западной и северо-западной частях Поволжья; меньше всего было пашни в Заволжье. Уже П. С. Паллас (1773), проезжавший в конце 60-х годов XVIII в. по Пензенской провинции, отметил изобилие там хлебов и многочисленность винокуренных

заводов, на которые главным образом и шло зерно. В Симбирской губернии в 1815 г. было 24 винокурённых завода, выкуривавших по 1 302 237 ведер водки в год⁴. В Саратовской губернии в середине XIX в. действовало 17 винокурённых заводов, на которых ежегодно производилось 3064 тыс. ведер вила (Безносиков, 1852). Кроме винокурённых заводов, много леса истреблялось и поташными заводами; в Мензелинском уезде, самом лесистом в лесостепном Заволжье, их было двенадцать, в Чистопольском — четыре.

О том, как быстро шло истребление лесов, можно судить по тому, что в одной только Саратовской губернии приблизительно за 30 лет было сведено около 500 тыс. десятин леса (Устинов, 1859).

Целинных степей больше всего было в Заволжье — в Ставропольском и Самарском уездах Симбирской губернии, в Бугурусланском и особенно в Бузулукском уездах Оренбургской губернии. В сводных табелях этих уездов степи показаны отдельно от сенокосов (в большей части же других лесостепных уездов степи входили в рубрику «сеенокосы»). В Ставропольском уезде целинные степи занимали 21,2% всей земельной площади (219 906 десятин), в Самарском уезде — 36% (496 784 десятины), в Бугурусланском уезде — 46,6% (806 657 десятин), в Бузулукском уезде — 77,2% (1 762 302 десятины). Обилие степей давало возможность башкарам и калмыкам, жившим в Заволжье, заниматься кочевым скотоводством еще в 30-х годах XIX в. Башкиры, жившие в Бугурусланском уезде по р. Большая Кинель и р. Большая Кисла, ежегодно выезжали весной на кочевки и жили в кибитках. В Бузулукском уезде по р. Кутулуку простиралась целинная степь площадью 107 841 десятины, по которой кочевали башкиры. Калмыки также кочевали по степям Ставропольского уезда, они занимались главным образом скотоводством и гоняли табуны лошадей на Макаревуцкую и Корсунскую ярмарки. Они были не только скотоводами, но и страстными охотниками за сурками и сусликами, которых в то время в Ставропольском уезде водилось очень много⁵. Приблизительно в те же годы байбаков было много и в Бугурусланском уезде. В то время, когда там жил С. Т. Аксаков, поселения сурков располагались рядом с деревнями. «Куды бывало не взглянешь, — писал С. Т. Аксаков, — везде по сурчинкам сидят они на задних лапках, как медвежата, и громким свистом перекликаются между собою» (1953, стр. 145). На северной и западной окраинах поволокской лесостепи сурки были редки уже в конце XVIII в. В пензенской лесостепи во время генерального межевания поселения байбаков отмечались только в степях по р. Аязсу (около д. Неоловки) и по р. Шукше (около с. Никольского, д. Белая Гора и д. Ивановки)⁶.

Пензенским ранее в степях Верхне-Ломовского уезда Пензенской губернии сурки были отмечены Фальком (Falk, 1786). В Татарии, в ее правобережной части, самое северное поселение сурков находилось в Буинском уезде и окрестностях с. Байтерякова (Богданов, 1871), а на левобережье — в Спасском уезде между Большим и Малым Черемшанами⁷. В примечаниях к генеральному межеванию Чистопольского уезда Казанской губернии и Мензелинского уезда Оренбургской губернии о поселениях байбаков уже не упоминается.

Размещение дрофы, стрепета и кроушиена по многим было сходно с размещением байбака, но на северной окраине лесостепи стрепета были распространены шире, чем байбаки. В Казанской губернии они встречались в Спасском уезде там же, где и байбаки — между Большим и Малым Черемшанами, а в Чистопольском уезде — между р. Чистополем и нижним

⁴ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Симбирская губерния, д. 1.

⁵ Там же, Бугурусланский уезд, д. 6; Бузулукский уезд, д. 7; Ставропольский уезд, д. 23. Симбирская губерния, д. 1.

⁶ Там же, Мокшанский уезд, д. 27 и 28.

⁷ Там же, Спасский уезд, д. 31.

течением р. Шешмы и в степях по верхнему течению р. Бахты⁸. В Мензелинском уезде Оренбургской губернии стрепеты водились только в одной земельной даче, расположенной по р. Ику (бассейн р. Камы) и его притоку р. Шуранке⁹. В южной полосе поволжской лесостепи было много не только стрепетов и дроф, но и кроншнепов. «В молодости случилось мне много ездить по степным дорогам Оренбургской и Симбирской губерний, — писал С. Т. Аксаков, — и целые стаи степных куликов, налетавших со всех сторон, бывало преследовали меня десятки верст, сменяясь вновь прилетающими свежими кроншнепами, по мере удаления моего от гнезд одних и приближения к другим» (1953, стр. 163). Поля, чередовавшиеся с залежами и степной непахью, очень благоприятны для жизни перепела. Как много этих птиц было в пензенской лесостепи, видно из того, что один охотник с ловчим ястребом и собакой, начиная с конца августа и до отлета, мог наловить до 1000 перепелов (Великосельцев, 1856).

Из мелких хищников, водившихся в степи, примечательна перевязка. В конце 60-х годов XVIII в. она встречалась в степях между р. Куброй (приток р. Сызранки) и р. Медведицей (Паллас, 1773).

При рассмотрении особенностей распространения лесных промысловых животных во второй половине XVIII в. и в первой трети XIX в. особенно внимание привлекают два факта: крайняя редкость лосей и обычность медведей, распространенных в то время очень широко. Отвечая на запрос сената о редких животных, Керенская воеводская канцелярия сообщила, что таких зверей и птиц в восводстве нет «кроме одного, временем набегавшего лося»¹⁰. В топографических описаниях Леязенского и Симбирского наместничества, составленных в 80-х годах XVIII в., списки промысловых зверей довольно полны. О зверях Пензенского наместничества сообщалось, что там «бывают... медведи, волки, лисицы, зайцы, куницы, порешни (выдры.— С. К.), белки, сурки, горностаи и ласточки (ласки — С. К.)»¹¹, при перечислении зверей, отмеченных в Симбирском наместничестве, указаны «волки, лисицы, куницы, зайцы, белки, горностаи; в полях — сурки, хорьки, суслики, ласточки, хомяки, карбыши (? — С. К.), порешни, изюцы (барсуки.— С. К.), рыси, бобры, выхухоли, земляные белки (суслики.— С. К.) и зайцы, емуранчики, тигро-сурки (? — С. К.)»¹². О лосях в этих описаниях не упоминается. В примечаниях к генеральному межеванию лесостепных уездов Поволжья по каждой из земельных дач перечисляются звери, водившиеся в них, но лоси также нигде не отмечены.

Чем меньше населен был уезд и чем больше в нем было лесов, тем чаще встречались медведи. В правобережной лесостепи наиболее часто они попадались в Карсунском уезде Симбирской губернии, где были отмечены в тринадцати лесных дачах, площадь которых колебалась от 3619 до 15 584 десятины. Но в Петровском уезде медведи водились лишь в одной даче, а в примечаниях к генеральному межеванию Сердобского уезда о медведях не упоминается. В лесостепной части Заволжья наиболее обычны они были в Мензелинском и Бугульминском уездах: в первом из них — в пятнадцати лесных дачах, во втором — в семи. В Бугурусланском же уезде медведи встречались только в лесах, принадлежавших Кинель-Черкасской слободе, и в окрестностях деревень Верхняя и Нижняя Ермаковка, Камышлы и Надырова (в лесах по рекам Камышле, Бузбангу, Телгазе, Усаде). В наименее населенном Бузулукском уезде медведи водились в лесу, принадлежавшем крепости Борской, в трех лесных дачах, на которые тогда разделялся Бузулукский лесной массив, и в лесах, принадлежавших Тоцкой крепости.

⁸ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Чистопольский уезд, д. 58.

⁹ Там же, Мензелинский уезд, д. 9.

¹⁰ ЦГАДА. Фонд 261, кп. 5560, л. 298.

¹¹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 912, л. 3.

¹² Там же, д. 19 025.

В материалах генерального межевания приводятся подробные сведения о распространении других лесных животных. Рябчики, например, были широко распространены не только в северной, но и в южной полосе лесостепи. На южной окраине бассейна р. Суры они гнездились в смешанных сосново-широколиственных лесах по р. Кададе и р. Карлей-Кададе¹³. Так же обычны они были и в лесах Самарской Луки¹⁴. Еще южнее рябчики водились в смешанных лесах (сосна, дуб, липа, береза, осина) по нижнему¹⁵ и верхнему течению р. Узы, а также в лесах по р. Чардыму и его притокам Соколке и Тепловке¹⁶. (Об обитании рябчиков в лесах по р. Карамышу сказано в описании степного Поволжья.) На левобережье Волги наиболее южными местами обитания рябчика были леса по р. Большая Кипель, боры и сосново-лиственные леса по р. Неприку, Боровке, Чертаньку и Елховке, а также колки по р. Току¹⁷. Во многих местах встречалась самая крупная из лесных хищных птиц — беркут.

Из промысловых зверей, жизнь и распространение которых тесно связаны с водоемами, сильнее всего сократились ареал и численность бобра. В XVIII в. он оставался в очень немногих районах поволжской лесостепи. Выхухоль же была еще обычна, в конце 60-х годов она густо заселяла все пойменные озера в окрестностях г. Симбирска (Лепехин, 1771).

Из водоплавающих промысловых птиц во многих местах водились серые гуси. В примечаниях к генеральному межеванию их пребывание в правобережной лесостепи отмечалось на реках Хопре, Еланке, Сердобе, Медведице, Таволожке, Терешихе, Терсе, а в Заволяжье — на реках Майне, Шешме, Степном и Лесном Зае, Соке, Большом и Малом Черемпанах, Ике (бассейн р. Камы), Бугуруслане, Самаре, Боровке, Елшанке, Токе и на некоторых других. В «Экономических примечаниях» не было отмечено, гнездились ли эти птицы или бывали только пролетом. Но в списках птиц, водившихся в тех или иных земельных дачах, гуси помещены рядом с рябчиками, стрелетами, дрофами и некоторыми другими, несомненно гнездившимися птицами. Достоверные наблюдения над гнездованием гусей в бугурусланской лесостепи были сделаны С. Т. Аксаковым, не раз находившим их гнезда; все они были расположены в непроходимых местах. Когда же молодые гуси подрастали и сбивались в стаи, то они делали на полях такую толочку, как будто там наслоло стадо скота (Аксаков, 1953).

В 60-х годах XVIII в. в Казанскую губернию был послан указ, в котором приказывалось поймать и послать в Петербург 100 пар красных уток (огарей). Был ли он выполнен, неизвестно, но в те же годы П. С. Паллас, путешествуя по Волге между Жигулевскими горами и г. Сызранью, отметил гнездование огарей. Они устраивали гнезда как в каменистых расщелинах гор, так и в степи в пустых сурковых норах. Огари продолжали гнездиться на Волге и позже; во время генерального межевания они были обычны в Ставропольском уезде.

На лесостепном участке течения Волги во многих местах от г. Саратова до г. Ставрополя встречались пеликаны и бакланы. Почти всюду они отмечены вместе. Эти птицы водились также на р. Терешихе в Вольском уезде Саратовской губернии, а одни бакланы — на р. Медведице около г. Петровска¹⁸. Выше г. Симбирска пеликаны появлялись редко. В 30-х годах XIX в. у г. Тетюшгей П. Сумароков видел на реке пеликанов и лебедей, белешных как паруса (Сумароков, 1839).

В конце XVIII в. и в первой половине XIX в. на Волге регулярно ло-

¹³ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Кузнецкий уезд, д. 65.

¹⁴ Там же, Самарский уезд, д. 14.

¹⁵ Там же, Петровский уезд, д. 74.

¹⁶ Там же, Саратовский уезд, д. 83.

¹⁷ Там же, Бугурусланский уезд, д. 7.

¹⁸ Там же, Вольский уезд, д. 29; Петровский уезд, д. 74.

вили лососей. Они заходили в реку Шешму, Лесной и Степной Зай, Ик (бассейн р. Камы). На Бугульминской возвышенности во многих речках и ручьях изобиловала форель.

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

За эти годы площадь степей и суходольных лугов еще более уменьшилась. Примером того, как быстро степи превращались в поля, может служить Самарская Лука. В конце XVII в. там было в одной Усольской волости около 40 тыс. десятин целинной степи и пашни, причем целины больше, чем пашни. В 1768 г. Екатерина Вторая подарила одному из Орловых всю Усольскую волость. Орлов обратился с просьбой к П. С. Палласу, путешествовавшему в то время по Поволжью, обратить особое внимание на природу Жигулей. Побывав на Самарской Луке, П. С. Паллас сообщал, что почти все степи уже заселены и распаханы (Садовников, 1872). Сильно сократилась за эти годы и площадь лесов, особенно широколиственных и сосново-широколиственных. Владельцы лесов сначала продавали на сруб строевой лес, а затем начали распродавать и земли; лес сводился окончательно, ни выкорчевывались, на месте леса возникали поля. Наряду с исчезновением широколиственных и сосново-широколиственных лесов происходил и другой процесс — дубравы и сосново-широколиственные леса сменялись смешанным, осиново-липовым чернолесьем. Сухие боры были сведены и изменены меньше, поскольку песчаные почвы малопригодны для земледелия.

С какой быстротой сводились леса, хорошо видно на примере пензенской лесостепи. В конце XVIII в. в Мокшанском уезде было 51 081 десятин леса, а в Пензенском — 45 336 десятин. К 1871 г. в первом из них осталось 29 898 десятин, а во втором — 21 343 десятины (Федорович, 1893).

В связи с сокращением площади степей и суходольных лугов численность промысловых степных зверей и птиц все более уменьшалась. Особенно быстро исчезал байбак. В пензенской лесостепи он совсем перестал водиться; последних сурков видели в Пензенском уезде в 90-х годах прошлого столетия (Спрыгин, 1925б). В 70-х годах большие колонии сурков еще встречались в Буинском, Симбирском, Сенгилеевском, Сызранском уездах Симбирской губернии, много их было в Хвалынском и Вольском уездах, но в Саратовском и Камышинском уездах сурков водилось уже мало (Богданов, 1871). В 90-х годах того же столетия сурки оставались в Буинском уезде; в Сызранском их было довольно много, и одно время земство платило премии за их истребление, как и за истребление сусликов (Житков, 1898). В Вольском уезде значительные поселения сурков встречались еще в 20-х годах XX в. и общая площадь угодий, где они жили, достигала 8300 десятин (Лебедев, 1923). Поселения сурков встречались в этом уезде в Ульяновской волости на площади 2500 десятин и в окрестностях пятнадцати селений: Ключи (на площади в 1000 десятин), Юловская Маза (1200 десятин), Труевская Маза, Новая Маза, Шиханы, Чернавская, Белый Ключ, Барановка (около каждого села на площади 300 десятин), Золотой выселок, Багай, Вязовка (на площади 200 десятин в каждом случае), Паршевка и Грязновец (на площади по 100 десятин), Тепловка и Верхняя Чернавка (по 500 десятин). Поселения байбаков располагались главным образом на крутых мелкощебнистых склонах оврагов и балок и на увалах.

В то время как ареал байбака все время сокращался и численность его уменьшалась, площадь распространения крапчатого суслика расширялась.

Изменения в распространении наиболее крупных и ценных промыслово-охотничьих степных птиц — дрофы и стрепета — были во многом сходны с изменениями в распространении байбака. В пензенской лесостепи к 20-м годам XX в. стрепеты исчезли почти совсем, и только между р. Хоп-

ром и р. Арчадой (в 60 км от г. Пензы) летом было встречено несколько таких птиц (Артоболевский, 1926). В лесостепной части Казанской губернии в 90-х годах XIX в. стрепеты изредка залетали в Чистопольский уезд и нигде не гнездились (Рузский, 1893). В начале XX в. они крайне редко залетали и в Симбирскую губернию (Житков и Бутурлин, 1906). В правобережной части самарского и саратовского Поволжья стрепеты к 20-м годам настоящего столетия также оставались только в немногих местах. В бугурусланской лесостепи, где нераспаханных степей оставалось еще довольно много, стрепеты были очень обычны в 80-х годах XIX в., но к началу XX в. они стали гнездиться там очень редко. На осенних кочевках стрепеты появлялись чаще, в сильно засушливые годы они налетали в Бугурусланский уезд довольно крупными стаями — по 100—200 штук. По предположению А. Карамзина (1901), эти стрепеты гнездились южнее данного уезда.

Второе тридцатилетие XX в.

В Поволжье, как и во многих других местах Европейской части СССР, численность сельского населения уменьшилась вследствие переселения значительной части его в города. Но благодаря использованию для производства полевых работ современных сельскохозяйственных машин площадь пахотных земель не уменьшилась, а даже возросла. На месте обширных «диких полей ковыла» и сведенных лесов теперь в лесостепной части Поволжья нередко такие обширные пашни, что леса не видно даже на горизонте. От прежних степей и суходольных лугов остались лишь небольшие островки, да и те большей частью выбиты скотом. В 1959 г. во время нашей поездки по поволжской лесостепи¹⁹ наиболее крупный (в несколько десятков гектаров) участок типчакowo-ковыльно-разнотравной степи был обнаружен недалеко от г. Пензы, к западу от станции Арбеково, где когда-то ботаник и краевед И. И. Спрыгин намечал устроить лесостепной заповедник. Кроме этого участка узкая полоска степи, выбитой скотом, сохранилась по левому берегу р. Кандарати, у самого ее истока. Других степных участков мы не встретили. В южной полосе правобережной поволжской лесостепи степные участки попадаются чаще; они расположены там главным образом по щебнистым склонам оврагов и балок и в других неудобных для сельскохозяйственного освоения местах. В заволжской лесостепи степных участков осталось больше, чем в правобережном Поволжье.

Площадь, занятая лесами, за последние 30 лет мало уменьшилась, так как стали приниматься меры по восстановлению лесов после их вырубki. Но сами леса изменились очень сильно. На недавно вырубленных участках смешанного дубово-липово-синового леса всходов дуба почти нет; делянки покрыты густой осиново-липовой порослью, среди которой видны огромные дубовые пни. Старых дубрав почти не осталось, а молодые дубяки пошли главным образом от поросли. Земли, занятые сухими борами, мало пригодны для земледелия. Поэтому большая часть пахотных земель, разработанных из-под леса, возникла на месте широколиственных лесов, но там, где преобладали боры, часть их была все же превращена в поля.

В соответствии с огромными изменениями, которым подверглись степи, все меньше остается тех степных зверей и птиц, которые не приспособлены к обитанию на полях и пастбищах. Поселения сурков в северной части правобережного Поволжья оставались в 50-х годах только по р. Буле в приовражных местах в Чувашии и по р. Карле в Буинском районе (Попов,

¹⁹ Наш маршрут начинался от г. Беднодемьяновска, проходил через г. Мокшан к Пензе, отсюда в леса по правому берегу р. Краслей-Кадады, затем через селения Часы, Русский Качим, Вороновка, Пагузы, Базарный Сызган, Карсун — в верховье р. Кандарати и, наконец, к д. Новые Айбеси, к р. Суре и оттуда через с. Карсун к г. Кузнецку.

1960). В южной лесостепи небольшие поселения байбаков были известны в Хвалынском и Вольском районах Саратовской области (Козловский, 1955), а также в Радищевском (Попов, 1960). В заволжской лесостепи их поселений осталось больше, они расположены на Бугульминской возвышенности, и зверьков там было в конце 50-х годов около 1000 (там же).

Стрепеты на лесостепном правобережье, по-видимому, нигде уже не гнездятся, тогда как ареал сусликов, несмотря на старания избавиться от них, расширился. Сообщалось, например, что крапчатый суслик проник в 40-х годах из южной части пензенской лесостепи в Беднодемьяновский, Белинский, Поимский и некоторые другие районы Пензенской области (Казаченко, 1953).

Интересно отметить, каким образом отразилось изменившееся соотношение лесных и безлесных угодий на численном соотношении зайцев русака и беляка. В 1735 г. в книге для записи пошлинных денег, которые взимались за продаваемые и покупаемые товары в Керенском уезде (Пензенская губерния), было записано, что из 2500 шкурок зайцев, на долю беляка приходилось 80%, а на долю русака — 20% (Курбатов, 1893). В 1953 г. это соотношение резко изменилось — шкурки беляка составляли в заготовках всего 6—8%, а все остальное приходилось на долю шкурок русака (Казаченко, 1953).

Все меньше становится и медведей. В Саратовской и Куйбышевской областях их уже не осталось. В Татарской АССР медведи бывают лишь временно, заходя из марийских лесов (Попов и Лукин, 1949). В Пензенской области они еще водятся по р. Выше.

Все дальше к северу отступает южная граница распространения глухаря, причем там, где он еще сохранился, плотность его населения все время снижается. Крайними южными местами обитания глухаря в конце 40-х годов были леса Юловского заказника (в 35 км от г. Вольска) и Базарно-Карабулакского района Саратовской области (Козлов, 1950). По данным, относящимся к 1953 г., глухарей в Саратовской области уже не осталось (Козловский, 1955). В обширных борах, расположенных к северу от р. Каслей-Кадады, они еще сохранились, но плотность их населения очень низка. По сведениям, полученным мной от местных лесников, весной 1959 г. в южной части Чибирлеевского лесничества (Кузнецкий район) на площади 1000 га токовало в среднем два-три глухаря. Главными причинами уменьшения его численности, по-видимому, являлись их хищническое истребление на токах, разорение кладок сборщиками живицы и лесорубами, а также непомерные истребительные рубки в южных борах, превращающие их в мелколесье, а местами в густыри.

Для лесей создавшиеся за последние 30 лет условия оказались благоприятными. Большую роль сыграла охрана этого зверя. Как и во многих других районах Европейской части СССР, они расселились здесь очень широко, и их стада сильно увеличались. На южной окраине правобережного Поволжья в начале 50-х годов лось встречался в Широко-Карамышском, Татищевском, Вольском, Базарно-Карабулакском, Черкасском и Хвалынском районах Саратовской области (там же).

ПОВОЛЖСКИЕ И ДОНСКИЕ СТЕПИ

Степи по Волге и Дону в течение нескольких веков были владением кочевников, сначала Золотой Орды, а затем ногайцев и калмыков. Поэтому они долго оставались целинными и преобладали над другими угодьями. На заволжской (луговой) стороне саратовского Поволжья еще в начале XVIII в. была «дикая порозшая степь» (Перетяткович, 1882). Эта территория оставалась незаселенной до конца XVIII в. Здесь было всего несколько селений и раскольничьих скитов по р. Большой Ирғиз и небольшое число поселений немецких колонистов вдоль Волги (Описание Саратовско-

го наместничества, 1790). К этой степи примыкала обширная степь длиной до 140 верст и шириной до 40 верст, находившаяся на луговой стороне Самарского уезда²⁰. Целинные степи преобладали в Поволжье и в первой половине XIX в., их было очень много и на Дону.

В истории народов, населявших степи по Дону и Волге, было много общего с тем, что происходило в степном Поднепровье.

После покорения Руси татарами степное Поволжье стало центром Золотой Орды, столицей которой сначала был Сарай Бату, а затем Сарай Берке. Оба эти города находились на Волге: первый — недалеко от г. Астрахани, второй — на р. Ахтубе, около того места, где теперь расположен Волгоград (Якубовский, 1953). В городах жили ремесленники, купцы и золотоордынская знать, но основная часть населения Золотой Орды была кочевниками-скотоводами: «народ бродячий и кочующий, обладающий скотом; у них нет заботы о посевах и посадках», — писал о жителях поволжских степей араб ал-Омари (цит. по Якубовскому, 1953, стр. 62). «Они (золотоордынцы) не имеют нигде постоянного местожительства... Всякий начальник знает границы своих пастбищ..., а также, где он должен пастись свои стада зимою, летом, весною и осенью. Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север в более холодные» (Рубрук, 1911, стр. 69).

XIV — XVII вв.

После распада Золотой Орды Степное Поволжье (особенно его заволжская часть) стало в основном районом ногайских кочевий. Места кочевий довольно хорошо известны. В грамоте мурзы Айдара, поданной Ивану Грозному в мае 1552 г., было написано: «Отец и дядя Поволжье нам дали. И мы вверх по Волге летуем, а на Макадове зимуем». В грамоте мурзы Исана было сказано: «А вверх по Волге летовище наше, а Дои — зимовище наше, а за Медведицу не идут» (Продолжение Древней Российской Вивлиофики, 1791, стр. 18—19). В том же году служилые московские люди доносили царю, где будут кочевать ногайцы летом 1552 г.: Белек Булат — между Волгой и Самарой, в шести днях езды от Казани; кочевки этого мурзы и мурзы Араслана — в степях по Большой и Малой Кинели; на Большом Иргизе — мурза Айса. На следующий год мурза Айса писал Ивану Грозному, что он со своими людьми летовал на Волге, осенью кочевал по Илеку, а зимовье его было на Дону. «Мы по хотению мысли своей, по делу смотря, иногда на Волге, иногда на Яике живем», — писал в 1559 г. Ивану Грозному другой ногайский мурза Измаил (Продолжение Древней Российской Вивлиофики, 1795, стр. 67). Междуусобная война между ногайскими мурзами и гибель скота, случившаяся в это время, привели к голоду и гибели множества ногайцев. Кроме того, значительная часть их подалась в Крымское ханство.

В 1630 г. в поволжские степи прикочевали калмыки, и их кочевья еще в начале XVIII в. не уступали по размаху ногайским.

Значительное место в жизни татар, ногайцев и калмыков занимала охота, особенно облавная. В. Рубрук (1911), путешествовавший в 1253 г. по владениям Золотой Орды, сообщал, что кочевники значительную часть пропитания добывали облавной охотой. Значение ее для кочевников было настолько велико, что порядок ведения такой охоты вошел в Великую ясу Чингисхана, а Батый, под страхом смертной казни, велел своим подданным повиноваться постановлениям этой ясы (Вернадский, 1939). Раздел ясы, касающийся облавной охоты, был подробно изложен иранским историком Джувейни. Краткое извлечение из его сочинения приведено мною ранее (Кирпиков, 1959) и вызывало недоверие Н. К. Верещагина.

²⁰ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 025.

«Создается впечатление, — писал Н. К. Верещагин, что он [Кириков] склонен верить Ю. А. Якубовскому и арабу Джувейни²¹, будто монголы сгоняли «иногда два-три месяца» степную дичь в кольцо окружения для массового избиения (стр. 25). Между тем каждому кочевому охотнику и натуралисту должно быть ясно, что «гнать» и держать в облаве даже 2 недели такую дичь, как дрофы, куланы, тарпаны, олени, лоси, сайгаки, туры и зубры, — затея довольно бессмысленная. Другое дело — зная привычки: кочевки, пастбу и переправы зверей через реки, выслеживать их 2—3 месяца, чтобы потом в 2—3 дня окружить и истребить стрелами, копытами и саблями» (Верещагин, 1960, стр. 1116). Слова Н. К. Верещагина о том, что держать в длительной облаве животных — «затея довольно бессмысленная», объясняются его незнанием ясы Чингисхана. Ей посвящено специальное исследование Г. В. Вернадского (1939). Поэтому для устранения дальнейших недоразумений приведем выдержку из сочинения Джувейни, в которой излагается раздел ясы о ловах зверей и облавных охотах.

«Ловитву Чингис хан строго содержал, говорил, что-де лов зверей подобает военачальникам: тем, кто носит оружие и в боях бьется, надлежит ему обучаться и упражняться (дабы знать), когда охотники доспеют дичь, как вести охоту, как стронься, и как окружать дичь, по числу людей глядя. Когда соберутся на охоту, пусть высылают людей на дозор и осведомляются о роде и числе дичи. Когда не заняты военным делом, пусть непременно ревнуют об охоте и войско к тому приучают. Цель не только охота, а больше то, чтобы воины приобыкали и закалялись, и осваивались со стрелометанием и упражнением. А как двинется хан на великий лов, срок ему: едва наступит зима пора, то рассылает приказы, чтобы те войска, что находятся в средоточии ставки и по соседству с ордами, готовились к лову, чтобы, как указано будет, столько то людей из десяти садилось на конь и чтобы сообразно каждому месту, где будет охота, собрали они снасти, оружие и все другое. Тогда определяет (хан) правое и левое крыло и середину, распределяет их между великими эмирами, а (сам) выступает с катунями, паложницами, явствами и пиятиями. Кольцо для лова охватывается за месяц, либо за два-три месяца (разрядка моя. — С. К.) и зверя сгоняют постепенно и полегоньку и брегутся, чтобы он не вышел за кольцо. А ежели каким разом высочит зверь из круга, то станут обсуждать и расследовать причину до последней мелочи, и бьют на том деле палками тысяцких, сотников и десятников; часто случается, что и до смерти убивают... Таким чином два-три месяца денно и пощю гонят они дичь, как будто стадо баранов, и шлют послов к хану и дают ему сведение о звере и о его числе, что-де докуда достиг и откуда спузиут, пока, наконец, не сомкнется кольцо» (Вернадский, 1939, стр. 44—45). Приведенная выдержка показывает, что в Великой ясе Чингисхана описываются не обычные облавные охоты, а облавы, которые играли «в подготовку армии приблизительно ту же роль, что большие маневры в настоящее время» (там же, стр. 22). Этим объясняются те строгие наказания — избиение палками иногда до смерти, — которые налагались на вопиов, нарушивших строй и выпустивших зверя из облавы. Обычные же круговые облавы, не имевшие характера военных маневров, были, конечно, менее продолжительными. Их длительность зависела и от числа охотников, и от числа окружавшегося зверя, и от характера местности. В исключительных случаях облавы занимали всего лишь 2—3 дня.

Татаро-монгольское нашествие и многократные набеги крымских, погайских и калмыцких ханов и мурз препятствовали проникновению русского населения в доисские и поволжские степи. Набеги кочевников продолжались до XVIII в. В 1717 г., например, они разорили предместья

²¹ Следует отметить, что Джувейни был иранец, а не араб, как утверждает Н. К. Верещагин.

г. Саратова и г. Петровска и опустошили русские поселения по берегам р. Хопра и р. Медведицы.

В середине XVI в. на Дону возникло казачество и повело долгую и упорную борьбу против крымского хана, турецкого султана и ногайских правителей. В этой борьбе оно нередко объединялось с запорожским казачеством. Отношение московских правителей к донскому казачеству было двойственным. Они ценили его как оплот против крымского ханства и Малого ногайского улуса. Казакам поручалось преграждать дорогу воинским отрядам крымского хана и его союзников, когда они пойдут войной, и вести разведывательную службу. Но, с другой стороны, Москва была раздражена тем, что на Дон бежали холопы и крестьяне, «опальные и кабальные» люди, а во второй половине XVII в. туда уходили и раскольники. После окончания Смуты и изгнания польских военных отрядов значение донского казачества так усилилось, что царь Михаил Федорович послал грамоту, в которой было сказано, что государство очистилось от польских и литовских людей «прямою многою службой и раденьем и кровью» казаков (там же).

Весь XVII в. донским казакам пришлось вести вооруженную борьбу с кочевниками. Жизнь, которую вели казаки, заставляла их быть в постоянной боевой готовности и мешала заниматься земледелием. Только в конце XVII в., когда в верховьях Медведицы и на Хопре поселилось довольно много людей (главным образом раскольников), бежавших из Москвы и «украинных» городов, там начали появляться пашни. В царском указе 1685 г. сказано: «Да наперед же де сего по реке Хопру и по Медведице отнюдь пашни не пахивали и никакого хлеба не севали, а важивали хлеб из русских городов и кормилися зверем да рыбою; а ныне в тех городках они, казаки, завели пашню» (ДАИ, 1872, ст. 124).

Основным занятием донских казаков в мирное время в XVI—XVII вв. были скотоводство, рыбная ловля, охота и добыча соли.

В 1638 г. донские казаки, взявшие вместе с запорожцами Азовскую крепость, доносили московскому царю, что у них в занятом Азове «хлебных запасов пет пшколько» и что они «кормятца рыбою да зверем и травою» (Воссоединение Украины с Россией, т. 1, 1954, стр. 203). В самом начале XVIII в. казакам было запрещено ловить рыбу в Азовском море и на Дону, от Черкасска до устья Северского Донца. Возмущенные этим запретом казаки писали в Москву, что им «без той рыбной ловли ни которыми меры пробыть не можно», так как вследствие мира России с Турцией «никаких иных здобычей у них нет» (Булавинское восстание..., 1935, стр. 76).

Кроме рыбной ловли серьезное значение в хозяйстве казаков имела охота. В XVII в. донские казаки ездили на охоту, соединяясь в отряды численностью до 100 человек. «Гулебщики» (казаки-охотники) охотились на землях по рекам Хопру, Медведице, Иловле, по задонским степям, бывали насадом на реках Бахмуте, Красной и Жеребце; иногда пробирались на р. Куму (Акты Лишнина, 1891; Историческое описание Земли Войска Донского, 1903). Меха и кожи диких зверей, добывавшихся казаками, не только использовались местным населением, но и вывозились с Дона московскими торговцами людьми (Новосельский, 1948).

В исторических источниках о распространении и численности охотничье-промысловых животных в XIV—XVI вв. имеются лишь отрывочные сведения. Известно, например, что в степях около г. Азова в начале XV в. было много оленей и дроф (Барбаро, 1836). В источниках XVII в. этих сведений уже значительно больше. Жан де-Люк, путешествовавший по донским степям в 20-х годах XVII в., сообщал, что в ногайских кочевьях, расположенных между Доном и Днепром, много диких лошадей и оленей; местами встречаются лоси и медведи (Люк, 1879).

Донские казаки добывали как пушных зверей, так и копытных. Лисиц, по-видимому, было много. В 1687 г. донской атаман Фрол Минаев жаловал.

ся, что царичинский сотник «взял насилством и грабежом» у казаков, охотившихся на р. Иловле и в верховьях р. Медведицы, 53 кашкана и 275 лисиц (ДАИ, 1872). По-видимому, нередко были бобры и выдры. Шкурки этих зверей вывозились с Дона московскими торговыми людьми. В 20-х годах XVII в. были известны бобровые гоны на реках Медведице, Терсе, Князевке, Карамыше, Баланде, Идолге и Колышлее (Минх, 1888).

На реках степного Заволжья бобры были настолько обычны, что бапкиры Бурянской волости ездили на бобровка в степь на р. Большой Иргиз (Кириков, 1959).

В XVII в. водились и такие крупные звери, как зубр и лось. Кроме них добывались и косули. Атаман Фрол Минаев, посетивший в 1668 г. Москву, при расспросе его сказал: «А з Дону те торговые люди вывозят товары: соль, рыбу всякую свежую и соленую и вяленую, кожи лосиные, зубренные, козлиные и иных зверей, бобры, выдры да выгоняют лошади»²².

В лесах по р. Медведице и ее притокам были обычны медведи. Дикие лошади водились не только в южных донских и поволжских степях, но заходили и в степи, расположенные по р. Хопру и его притокам. В 1637 г. два крестьянина, прибежавшие в г. Тамбов, сообщили воеводе, что они видели татарский стан на р. Кардаиле (у впадения ее в р. Бузулук — приток Хопра) и что татары гонялись за тарпанами (там же).

В исторических документах XVII в. часто встречаются сведения об обилии рыбы в Доне и его притоках. Дой изобиловал осетрами, белугами, стерлядью и прочей рыбой. Казакам стоит только бросить сеть, чтобы иметь рыбу, сообщал Крейс (1824; его книга была впервые опубликована в Амстердаме в 1703 г.). На Дон за рыбой приходили и жители Тамбовского и некоторых других воеводств. В 1641 г., например, два крестьянина из Лебедянского уезда, приезжавших в землю донских казаков, вывезли в двух бударах и каюке 300 осетров, 100 белуг и 100 пудов икры (Новосельский, 1948).

XVIII в. — первая половина XIX в.

В XVIII в. донские и поволжские степи были еще мало заселены и калмыки кочевали от Дона до Заволжья.

В статьях договора, заключенного в 1697 г. между ханом Аюкой и князем Голицыным, оговаривалось, что Аюке разрешалось «кочевать подо всеми великого государя городами безопасно»²³. Двенадцать лет спустя в новый договор, заключенный между Аюкой и астраханским губернатором Апраксиным, были введены статьи, согласно которым хан не должен был отходить от Волги и обязан запретить калмыкам ходить на ее нагорную сторону. Но эти статьи или не выполнялись, или изменились впоследствии договор. Во всяком случае, калмыки кочевали очень широко. 30 июня 1724 г. астраханский губернатор А. Волюнский сообщал, что Доржа Назаров кочевал за Волгой по самарской степи, Шахур-лама — в степях по р. Медведице, в 150 верстах от г. Саратова, в тех же степях кочевали ханский сын Черен-Дондук и Аман со своими улусами, ханская жена Дарма-Бала кочевала в степях по восточной стороне Хопра, а Довдук-Омбо и Дондук-Даша — на правом берегу Хопра, около впадения его в Дой; Чатер — на правом берегу Дона, около г. Черкаска.

Спустя примерно 11 месяцев (3 мая 1725 г.) Черен-Дондук, Дондук-Омбо, ханская жена и другая знать из-за недостатка корма на юге переместились в окрестности г. Саратова. Улусы Доржи-Назарова кочевали около Яика (ныне г. Уральск), а Досанг и его брат — в степях по Волге, в 70 верстах от г. Астрахани. В ноябре тайша Досанг, его брат и Четер перешли

²² ЦГАДА. Разрядный приказ. Фонд Белгородский стол, д. 608, л. 91.

²³ ЦГАДА. Фонд 119, д. 2. Сообщаемые далее сведения о калмыцких кочевьях найдены в этом же деле.

на западную сторону Дона. В конце января 1726 г. Досанг и Лекбей кочевали к донским городкам — Верхнему и Нижнему Чиру.

В конце апреля 1726 г. калмыки кочевали на новых местах: Черен-Дондук и Дондук-Омбо — на луговой стороне Волги, против и ниже Саратова; Даша-Бюрен — по р. Торгуну, а Дондук-Даша, ханша Дарма-Бала и Лекбей — на Волге, выше и ниже Царицына. В это же время Досанг, Петр Тайшин и Дондук были далеко от них — на яйцких вершинах. 5 октября Дондук-Омбо был приблизительно в тех же местах, где и весной, т. е. против Саратова; ханша Дарма-Бала кочевала за Ерусланом; Черен-Дондук — в Нижнем Поволжье, против Черного Яра, а Лекбей, Дондук-Доржа и Дондук-Даша — близ Ахтубинского селитренного городка. Такие кочевки, конечно, были возможны только в мало заселенных местах.

Русское население в первой половине XVIII в. росло довольно медленно. Значительная часть Донского казачества была уничтожена при подавлении Булавинского восстания. Петр Первый приказал сжечь и разорить до основания все казачьи городки, расположенные по рекам Северскому Донцу, Медведице, Хопру, Бузулуку и Иловле; людей порубить, вождей восстания посадить на кол и колесовать. Князь Долгорукий, командовавший карательной армией, постарался в точности выполнить этот приказ. Казачьи городки были сожжены и разорены до основания.

Русского земледельческого населения в степном Поволжье было в течение всей первой половины XVIII в. очень мало. В начале этого столетия даже в ближайших окрестностях г. Царицына и г. Саратова население не могло заниматься хлебопашеством из-за набегов кубанцев. Еще в 1717 г. кубапский хан Бахты-Гирей вместе с азовскими татарами и некрасовцами — казаками, ушедшими после Булавинского восстания на Кубань, — вторгся на Дон и в правобережное Поволжье, опустошил земли по р. Хопру и р. Медведице, разорил предместья г. Петровска и г. Саратова. После этого (в 1718—1720 гг.) была построена укрепленная линия от Царицына к Дону со станицами Дубовской, Средней и Волжской и четырьмя крепостями — Балышпейской, Караваевской, Антиповской и Дубовкой (Бакунин, 1939). Люди, поселенные на этой линии, составляли Волжское казачье войско²⁴.

В 30-х годах XVIII в. была построена укрепленная линия по р. Самаре, соединявшаяся с Оренбургской линией. Заселение степного Поволжья русским земледельческим населением пошло успешней²⁵. Набеги кочевников стали редкими.

В первой половине XIX в. возможность нападения кочевников уже полностью отпала, донские степи и правобережье Поволжья стали заселяться быстрее, чем в XVIII в. Одновременно расширялось земледельческое освоение степей и сведение лесов. Но луговая заволжская сторона с неудобными для хлебопашества землями оставалась очень малолюдной.

Данные о плотности населения и соотношении земельных угодий в степном Поволжье, вычисленные по материалам генерального межевания, приведены в табл. 13²⁶.

С увеличением народонаселения увеличивался и промысел охотничьих зверей и птиц, а сокращение площади лесов и степей ухудшило условия жизни для многих из них.

Из копытных, населявших донские степи, первым исчез зубр. Ни в одном из известных мне архивных и опубликованных источников уже не встречается указаний на обитание зубров в донских степях в XVIII в.

²⁴ Около 50 лет после постройки Царицынской линии большая часть волжских казаков была переселена на Терек, отчасти в наказание за то, что они принимали участие в восстании Емельяна Пугачева, отчасти для укрепления новой Моздокско-Азовской сторожевой линии (Минх, 1902).

²⁵ ЦГВИА. Фонд 52, опись 1/194, св. 7, д. 73.

²⁶ На Земле Войска Донского генеральное межевание не проводилось.

Плотность населения (число человек на 1 кв. версту) и соотношение земельный угодий (%) в саратовском Поволжье в конце XVIII в. и первой трети XIX в. по данным генерального межевания 1799—1835 г.

Уезд	№ дела	Плотность населения	Земельные угодья				
			общая площадь, десятины	пашни и приусадебные земли	сенокосы и непахотная степь	лес	неудобные земли*
Нагорная сторона							
Балашовский	22	11,9	952 916	43,9	42,9	5,5	7,7
Аткарский	7	6,3	1 148 301	24,0	55,5	6,1	14,4
Саратовский	83	15,8	727 049	29,9	38,9	14,8	16,4
Камышинский	57	7,5	866 231	22,6	30,2	8,4	38,8
Луговая сторона							
Хвалынский	110	3,2	662 759	12,5	66,9	1,6	19,0
Вольский	43	0,2	1 913 025	7,2	81,6	1,3	9,9
Саратовский	82	0,2	3 335 407	2,0	42,2	0,8	55,0

* На нагорной стороне Камышинского уезда и на луговой стороне Хвалынского, Вольского и Саратовского уездов под неудобными землями показаны главным образом солонцы.

Очень редки стали и благородные олени, отмеченные в конце XVIII в. в окрестностях г. Черкаска (Географическое описание обитаемой земли Войском Донским, 1791). В более позднем описании Земля Войска Донского, составленном в 1822—1832 гг., об оленях сообщалось, что они «удалились вовсе» (Статистическое описание земли донских казаков..., 1891, стр. 71). Не отмечены олени в XVIII и первой половине XIX в. и в степном Поволжье.

Косуля еще оставалась и на Дону, и в Поволжье, хотя стала более редкой, чем в XVII в. О пребывании косули в степях по Дону и охоте на нее упоминалось и в «Географическом описании» (1791) и в описании Войска Донского, составленном де Романо в 1802 г. (Калмыков, 1896). В правобережном степном Поволжье в первой трети XIX в. косуль, по-видимому, не было нигде, так как в «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию Балаповского, Аткарского уездов и нагорной стороны Саратовского, Камышинского и Царицынского уездов о них не упоминается. В степной части Заволжья, между г. Алексеевским и Борской крепостью, в 60-х годах XVIII в. косуль, как указывал П. С. Паллас²⁷ было еще довольно много, и местные охотники загоняли весной по насту немало этих животных. На луговой стороне Хвалынского, Вольского и Саратовского уездов, занимавшей территорию от Большого Иргиза на севере до линии г. Саратов — г. Александров Гай на юге, косули в эти годы нигде не отмечены.

Редок в это время был и лось. В источниках, относящихся ко второй половине XVIII в. и к первой половине XIX в., он не отмечен ни на Дону, ни в правобережной части степного Поволжья, ни в южном степном Заволжье. Во время путешествия П. С. Палласа (1769 г.) лосей было довольно много только между Г. Алексеевским и Борской крепостью и в окрестностях г. Бузулука. Местные охотники продавали лосиные кожи по рублю и дороже, а мясо отдавали почти даром (Паллас, 1773).

²⁷ В русском издании сочинения П. С. Палласа (1773, стр. 298) слова «Rehe Cervus pygargus» были неправильно переведены как «дикие козы, сайги называемые».

Кабаны в конце XVIII в. изредка встречались на Дону в окрестностях г. Черкаска. В 1744 г. на землях Царицынского полка было поймано и отправлено к царскому двору десять кабанов, на нагорной стороне этого уезда они отмечались и в 60-х годах того же столетия²⁸, но в примечаниях к генеральному межеванию этого уезда (1798—1835 гг.), а также Балашовского, Аткарского, Саратовского и Камышинского уездов о кабанах уже не упоминается²⁹. В степной части Заволжья во время путешествия П. С. Палласа кабанов уже не было, но незадолго до этого они еще встречались по р. Бузулуку.

Из копытных самыми многочисленными были сайгаки. Еще в начале XIX в. их водилось так много, что на Дону существовала охота «на плавь», когда сайгаки, уходя от летней засухи, перекочевывали в более северные степи и собирались в стада до 4—5 тыс. голов (Meuendorf, 1826). В донских степях они встречались и в 50-х годах XIX в. (Филонов, 1859). Тысячные стада сайгаков переправлялись и через Волгу против г. Камышина и г. Саратова; это наблюдалось и в начале XIX в. (Яковлев, 1860). Но в 60-х годах XVIII в. в Камышинском уезде они уже не встречались, а в Царицынском — бывали лишь «по малому числу»³⁰.

В 30-х годах XIX в. (при окончании генерального межевания) сайгаков в правобережном степном Поволжье снова стало мало, и они отмечались только в Царицынском уезде. Сайгаки водились в приволжских степях к северу от г. Царицына (между с. Балыклеей и с. Пичужинской), в степях по р. Бердце (правый приток р. Иловли), в степях к югу от г. Царицына (между с. Отрадным и с. Райгородком) и в степях у озер Сарпа и Цаца³¹. Чаще всего они встречались в южном Заволжье, там, где степи граничат с полупустынями Прикаспийской низменности. Здесь во время генерального межевания сайгаки были отмечены в степях по рекам Мечетной, Малому Кушуму и нижнему течению Большого Коромана, по Большому Кушуму и его притоку Миюсу, на междуречье верхнего течения Большого Коромана и Еруслана, по верхнему течению Малого Узеня (от истока до с. Малый Узень), а также по верхнему течению Большого Узеня (от истока до г. Александров Гай) и его притокам Алтате и Чертанле и, наконец, по Дюре и Горькой. Наиболее северными местами пребывания сайгаков показаны земли по Большому Иргизу и р. Деркулу³².

Дикою лошади во время путешествия С. Г. Гмелина бывали зимой в степях в окрестностях хуторов Кривые и Заплава. Местные жители рассказывали ему, что тарпаны прикочевывали сюда из степей, расположенных между г. Азовом и г. Астраханью (Гмелин, 1777). Дикие кони держались на Дону табунами еще в 20—30-х годах XIX в. Чаще всего попадались синие, изредка буланые и рыжеватые тарпаны (Статистическое описание земли донецких казаков..., 1891). В правобережном степном Поволжье они исчезли раньше. На нагорной стороне Камышинского и Царицынского уездов их не было уже в 60-х годах XVIII в.³³ Не упоминалось о тарпанах и в более поздних (1798—1835 гг.) примечаниях к генеральному межеванию Балашовского, Аткарского и нагорной стороны Саратовского, Камышинского и Царицынского уездов. В степной части Заволжья в 60-х годах XVIII в. на диких лошадях охотились в верховьях рек Бузулука, Каралика, Большого Иргиза и Чагана, а в 1773 г. П. С. Паллас (1773, 1778) видел молодого дикого жеребенка, пойманного около Топцкой крепости. Еще в середине

²⁸ ЦГАДА. Фонд 1232, д. 18; Фонд 261, кн. 5560.

²⁹ Там же. Фонд Экономические примечания, Царицынский уезд, д. 134; Балашовский уезд, д. 16; Аткарский уезд, д. 7; Саратовский уезд (нагорная сторона), д. 83; Камышинский уезд (нагорная сторона), д. 51.

³⁰ ЦГАДА. Фонд 261, кн. 5560, л. 316—317.

³¹ Там же. Фонд Экономические примечания, Царицынский уезд, д. 134.

³² ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Саратовский уезд (луговая сторона), д. 86.

³³ ЦГАДА. Фонд 261, кн. 5560.

XIX в. тарпаны, жившие на Волго-Уральском междуречье, нередко заходили на север до широты г. Саратова. В Заволжье преобладали тарпаны серой или песочной масти (Эверсманн, 1850).

Из грызунов раньше всего были истреблены бобры. В 40-х годах XVIII в. их еще добывали на р. Кальмиусе. Известно, например, что в 1746 г. у донского казака, который ловил капканами зверей на р. Кальмиусе, запорожцы и калмыки отняли десять бобров (Акты..., собранные Липшиным, 1894). В Заволжье во время путешествия П. С. Палласа и незадолго до него бобров ловили на р. Самаре и ее притоках. Но уже в то время на Бузулуке и некоторых других реках бобры были истреблены (Паллас, 1773).

В борах и широколиственных лесах, оставшихся кое-где по долинам рек, пескам и оврагам, как в конце XVIII, так и в первой половине XIX в. встречались белки. Поскольку места, где они были отмечены, находились на крайних южных рубежах распространения этого вида, то их интересно перечислить. Сведения о распространении белки в правобережном степном Поволжье в первой трети XIX в. приведены в «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию Саратовской губернии. В Балашовском уезде белка отмечалась в лесах по р. Хопру, в окрестностях сел Отрада, Перевесенки, Засецкое и Хоприк, а в Аткарском уезде — в лесах по р. Медведице у впадения в нее р. Баланды (окрестности с. Чадаевка и д. Пески). Белки встречались также в нескольких лесных дачах Камышинского уезда в лесах по р. Медведице при впадении в нее р. Рудни и в окрестностях с. Бурлук, в лесах по рекам Песковатке, Елпанке и Добринке (окрестности сел Песковатки, Вершинки и Верхней Добринки) и в лесах по нагорному берегу Волги в окрестностях сел Голый Карамыш, Каменка, Щербаковка, Буйдаков Буерак, Куламинка)³⁴.

На границе лесостепной и степной части Заволжья в 60-х годах XVIII в. белки были распространены в лесах по р. Самаре. Они отличались светлой, белесой окраской меха и назывались «самарками» (Паллас, 1773). В примечаниях к генеральному межеванию приводятся сведения о самых южных местах пребывания белок в степном Заволжье в первой трети XIX в., протянувшихся узкой полосой по приречным лесам вдоль Большого Иргиза. Белки были отмечены в земельных угодьях следующих селений (начиная от устья этой реки): Гларус, Красный Яр, Большая Перекопаня Лука, Березовое, Каменка, Средне-Никольский монастырь, Таволжанка, Камелик, Гореловка (Горелый Гай), Сестренки, Яблонька (Яблонный Гай), Канаевка, Мосты³⁵. Южная граница распространения белки совпала с последними суходольными и приречными лесами, находившимися в Степном Поволжье.

Байбак еще в первой половине XIX в. был широко распространен в поволжских и донских степях, и местами его добывали помногу. На Дону он водился главным образом в Хоперском и Усть-Медведицком округах, реже встречался в Долецком. Автор «Статистического описания земли донецких казаков... (1891) утверждал, что в Миусском, Черкасском и двух Донских округах, расположенных в бассейне Дона от устья р. Иловли на севере до устья р. Сала на юге, байбаков в 30-х годах XIX в. уже не было. Это утверждение неточно, так как сурки в этой местности водились еще во второй половине XIX в. На правобережном степном Поволжье их было много в Балашовском и Аткарском уездах. В конце XVIII в. «бесчисленное множество» («une quantité innombrable») сурки и самих байбаков встречались в окрестностях Ново-Хоперской крепости (Potocki, 1829), а в середине XIX в. в Балашовском уезде добывалось до 20—30 тыс. этих зверьков в год. Промышленник снимал в аренду степи, богатые сурками,

³⁴ ЦГАДА. Фонд. Экономические примечания. Балашовский уезд, д. 17, 18; Аткарский уезд, д. 7; Камышинский уезд, д. 51.

³⁵ Там же. Вольский уезд (луговая сторона), д. 28.

и нанимал рабочих, которым платил по 15 коп. за добытого зверька. Хозяин получал большой барыш, так как шкурка байбака продавалась в то время по 20—30 коп., а пуд его жира — по 6—8 руб. (Сурковский промысел, 1864). На нагорной стороне Камышинского уезда сурки были обычны еще в 60-х годах XVIII в.³⁶ Слустя столетие они стали редкими и попадались только в северной части уезда. Было замечено, что численность сурков в правобережном Поволжье все более уменьшалась, потому что степи все более распахивались, а преследование самих зверьков усиливалось (Яковлев, 1860). Материалы генерального межевания завожской стороны Хвалынского, Вольского и Саратовского уездов позволяют установить, что в 20—30-х годах XIX в. южная граница распространения байбака в Заповжье проходила по прииргизским степям. Южнее, где расположена северная полунустыня, байбаки не отмечались.

Среди хищных зверей наибольшие изменения произошли в распространении медведя. В 40-х же годах XVIII в. на медведей охотились на Дону у станицы Старо-Григорьевской (Акты Липина, 1894). В конце XVIII в. медведи еще встречались в лесах по р. Медведице около станиц Арчадинской, Раздорской, Орловской, Малодельной, Заполянкой и Березовской (Географическое описание..., 1791). Но к 30-м годам XIX в. их в Земле Войска Донского уже не оставалось (Статистическое описание земли донских казаков..., 1891). В правобережном степном Поволжье медведи еще в 60-х годах XVIII в. были распространены вплоть до Камышинского уезда и включены в список обычных для этой территории зверей наряду с волками, лисицами и барсуками³⁷. В примечаниях же к генеральному межеванию о медведях в правобережном Поволжье уже не упоминается. Примерно то же произошло и в степной части Заповжья. В конце 60-х годов XVIII в. П. С. Паллас (1773) отметил, что медведи жили в степях по р. Самаре и р. Большой Кинели в зарослях степных кустарников, а в примечаниях к генеральному межеванию луговой стороны Хвалынского, Вольского и Саратовского уездов (1798—1835 гг.) о медведях уже ничего не сказано.

Волков становилось все больше, и они причиняли такой вред местному скотоводству, что донские казаки выезжали на облаты целыми станицами (Краснов, 1863). На Ергенях волки сопровождали стада домашнего скота, когда их перегоняли с одного пастбища на другое (Корнилов, 1859). Еще более многочисленны были лисицы. Во время генерального межевания их включали в список животных, населявших большую часть земельных дач степного Поволжья. Как в донских, так и в поволжских степях (между Самарой и Уралом) бывали и корсаки (Эверсманн, 1850; Статистическое описание земли донских казаков..., 1891).

Среди промысловых птиц, населявших леса степного Поволжья, особенно редко встречался глухарь. Он был распространен по лесным островам Приволжской возвышенности к югу до 51° с. ш. и в 30-х годах XIX в. отмечался в окрестностях колонии Сосновки и на пустоши, принадлежавшей с. Золотому и колонии Севастьяновке. В первом из этих лесов (площадью 688 десятин) росли дуб, береза, осина и ольха, в нем разрешалось брать лишь сухостой и валежник. Второй лес (площадью 379 десятин) был также смешанным (дуб, береза и осина)³⁸.

Тетерев, в противоположность глухарю, был распространен по донским и поволжским степям очень широко. По берегам Дона, Хопра и Медведицы его было особенно много в тех местах, где росли леса. В 20—30-х годах XIX в. хороший охотник за осень и зиму убивал там по тысяче тетеревов (Статистическое описание земли донских казаков..., 1891). Осенью 1793 г. П. С. Паллас видел большие стаи этих птиц около г. Таганрога (Pallas,

³⁶ ЦГАДА. Фонд 261, кп. 5560.

³⁷ Там же.

³⁸ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Камышинский уезд, д. 51.

1799). В правобережном степном Поволжье тетерева в годы генерального межевания (1798—1835 гг.) водились не только почти во всех земельных дачах Балашевского и Аткарского уездов и на нагорной стороне Саратовского и Камышинского уездов, но и в Царицынском уезде, где они были распространены главным образом вдоль Волги от 49°30 до 48°30 с. ш. Кроме этих мест тетерева отмечались только в двух земельных дачах Царицынского уезда, расположенных по р. Бердие³⁹. Известно также, что в XIX в. они гнездились и на Ергенях (Хлебников, 1928). В южной части степного Заволжья тетерева встречались (в 1798—1835 гг.) лишь в тех местах, которые прилежали к Малому и Большому Иргизу (и его притокам Беланке, Давыдовке, Яблоновке), Большому Короману и его притокам и к верхнему течению Малого Узенья (Кириков, 1959). Такая особенность его распространения объясняется тем, что в тех местах леса были сосредоточены почти исключительно около рек и там же было больше степных кустарников.

Дрофы и стрепеты в 20—30 годах XIX в. были в донских степях очень многочисленны (Статистическое описание земли донских казаков..., 1891). Они встречались также в большей части земельных дач степного Поволжья. «Большие степные кулики» (кроншнепы) отмечены во многих земельных дачах Аткарского уезда.

В степной части южного Заволжья во многих местах водились орлы, по всей вероятности степные (*Aquila* гарах Темшинск), но кое-где попадались и беркуты. На луговой стороне Вольского уезда беркуты встречались около с. Маянки (в 25 км к юго-востоку от г. Вольска), на землях д. Алексеевки (на Волге) и на землях по р. Малому Кушуму⁴⁰.

В XVIII в. и первой половине XIX в. водоемы донских и поволжских степей изобиловали и водоплавающей дичью. «Несметное количество», — так определял С. Г. Гмелин (1771) численность серых гусей на Дону у станицы Есауловской. Он же сообщал, что гуси причиняли большой вред полям, особенно посевам гороха и овса. В списке птиц правобережного Поволжья дикие гуси включены вместе с тетеревами, дрофами и стрепетами, встречающимися на землях, расположенных по рекам Хопру, Медведице, Идолге, Карамышу, Волге и некоторым другим рекам⁴¹. В степной части Заволжья множество диких гусей с гусятами видел П. С. Паллас в июне 1769 г. на р. Самаре и р. Большой Кинеле (Паллас, 1773). В примечаниях к генеральному межеванию заволжской стороны Хвалынского, Вольского и Саратовского уездов дикие гуси были помещены в списках птиц, встречающихся во многих местах по Большому и Малому Иргизу и их притокам, по Большому и Малому Кушуму, Короману, Еруслану, Малому Узенью, а также по Волге и Маянке⁴².

Рыбная ловля имела большое значение в хозяйстве донских казаков как в XVIII, так и в первой половине XIX в. В 40-х годах XVIII в. между донскими и запорожскими казаками происходили раздоры за право рыбной ловли на р. Кальмиусе и р. Миусе. Поэтому в 1746 г. был издан указ о разграничении земель Запорожского и Донского войска. Реки Берда, Калчик и Кальмиус были признаны запорожскими владениями, а реки Еланчик, Кринка и Миус — владениями Войска Донского (Акты Лищина, 1894). О том, сколько и какой рыбы добывалось на нижнем Дону в 40-х годах XIX в., сообщил А. А. Скальковский (1846). По его данным, в 1844 г. в Нижне-Донской рыболовной области было поймано: 14 400 осетров (весом 10 200 пудов), 5800 севрюг (4100 пудов), 905 белуг (1100 пу-

³⁹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Царицынский уезд, д. 134.

⁴⁰ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Вольский уезд, д. 28.

⁴¹ Там же. Балашевский уезд, д. 52; Аткарский уезд, д. 7; Саратовский уезд, д. 83; Камышинский уезд, д. 51; Царицынский уезд, д. 134.

⁴² Там же. Хвалынский уезд, д. 112; Вольский уезд, д. 28; Саратовский уезд, д. 86.

дов), 40 000 сазанов (5800 пудов), 80 000 судака (10 000 пудов), 120 000 леща (10 000 пудов), 680 000 тарани (52 800 пудов).

Уже в 30-х годах XIX в. количество рыбы в Донском крае уменьшилось в несколько десятков раз (Статистическое описание земли донских казаков..., 1891).

На Волге рыбный промысел имел также очень большое значение. Кроме рыб, которые добывались на Дону, по Волге еще в 30-х годах XIX в. регулярно ловили и каспийского лосося.

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

В этот отрезок времени процесс превращения степей в поля и залежи стал пошел все интенсивнее, а еще сохранившиеся нераспаханные участки нередко подвергались чрезмерному выпасу и превращались в скотосбой. Растительность на скотосбоях становилась более сухолюбивой, и продуктивность ее снижалась (Высоцкий, 1915). Лесов становилось все меньше. В степной части Заволжья, например к югу от р. Самары, уже в 60-х годах XIX в. леса оставались почти только по Большому Иргизу, где их оберегали старообрядческие монастыри, да и они занимали всего около 800 десятин (Лясковский, 1860). Сильнее всего изменились природные угодья в северной части донских и поволжских степей, где преобладали ковыльные степи. Сухие типчаково-ковыльные степи южного Заволжья, где было много солонцов, изменились менее сильно.

Одновременно с изменением среды усиливалась охота на промысловых животных. К концу XIX в. или к началу XX в. ни на Дону, ни в степном Поволжье диких коней, оленей, косуль, лосей, медведей и бобров не осталось. Из диких копытных к 20-м годам XX в. кое-где появились сайгаки. В 1922 г. небольшое стадо их было замечено в степях по Малому Иргизу, а в 1927 г. они появились в окрестностях с. Жестянка и с. Бобров Гай (Бажанов, 1930). Байбаки, число которых в полосе ковыльных степей определялось в XVIII в. как «бесчисленное множество», во многих местах исчезли. Там, где была внедрена трехпольная система, байбаки не уживались (Силаптьев, 1894). Главным местом обитания сурков на Дону и в правобережном Поволжье стали старые залежи и сохранившиеся местами участки целинных ковыльных степей (Минх, 1881). В южном Заволжье, около границы степей с полупустынями, ареал сурков также сократился и южная граница их распространения отодвинулась к северу. В конце 20-х годов поселения сурков были известны в верховьях р. Бузулука и р. Чагана (Бажанов, 1928, 1930). По всей вероятности, в то время, как и в 50-х годах (Козловский, 1955), сурки водились и в Озинском районе.

Дрофы и стрелеты в конце XIX в. были еще обычны по степям и залежам (Силаптьев, 1894). Южная граница распространения глухаря переместилась в лесостепь; наиболее южными местами его обитания в 70-х годах XIX в. были окрестности с. Падова на р. Хопре и бор около с. Черкасского (Богданов, 1871). Отодвигалась к северу и южная граница распространения тетерева, но более медленно, чем глухаря; еще в 80-х годах XIX в. тетеревов было много в Камышинском уезде (Сахарский, 1887).

Второе тридцатилетие XX в.

Замена единоличных крестьянских хозяйств коллективными, механизация сельскохозяйственных работ и отлив сельского населения в города сказались очень сильно как на изменении природных угодий, так и на промысле животных. Один виды промысловых животных стали охраняться лучше, чем раньше, а другие стали искусственно расселяться. В это тридцатилетие лоси, сильно размножившиеся в лесостепи, проникли и в степное По-

волжье. Заходы лосей отмечались как в Волгоградской области⁴³, так и в степной части Заволжья — в Ершовском и Новоузенском районах (Козловский, 1955). Зашли в Волгоградскую область и бобры, поселившиеся там на р. Казарке.

Из степных охотничье-промысловых животных в степной части Заволжья почти во всех его районах сохранилась на гнездовье дрофа. Местами (в Борском, Больше-Глушицком и Больше-Черниговском районах) гнездится довольно много больших кроушиионов. На перелетах их бывает особенно много по Большому Иргизу, Большому и Малому Узеним, где в 50-х годах за одну охоту убивали по несколько десятков этих птиц (Козловский, 1955). Стрепет в 50-х годах встречался в саратовском Заволжье очень редко и более часто в заволжских степях Куйбышевской области (Ляхов и Рухлядев, 1952; Козловский, 1955). Близок к исчезновению байбак. Его немногочисленные поселения были известны в 50-х годах в Озинском и Клинцовском районах Саратовской области (Козловский, 1955). Суслики, несмотря на все попытки их уничтожить, остаются весьма многочисленными. В одной только Саратовской области в 1951 г. было закуплено 6848,9 тыс. их шкурок, в 1952 г. — 8316,9 тыс. и в 1953 г. — 7217 тыс. (там же).

Постройка плотин на Волге лишила осетровых рыб, белорыбицу и каспийского лосося возможности подниматься вверх по реке. До этого осетры и белорыбица, которые не могли подниматься выше Куйбышевской плотины, заходили в Большой Иргиз, а осетры начали и нереститься в этой реке (Козлов, 1959). Постройка Волгоградской плотины еще больше сократила места нереста осетровых рыб.

⁴³ Газета «Известия» от 10 февраля 1960 г.

ПРЕДКАВКАЗЬЕ

В этот край я включаю Ростовскую область (к югу от нижнего течения Дона), равнинную и предгорную части Краснодарского края, Кабардино-Балкарскую АССР без высокогорья, Ставропольский край, Грозненскую область, приморскую и предгорную части Дагестана.

Степное Предкавказье издавна привлекало тюркских кочевников. Вскоре после того как оно подверглось во второй половине XIII в. нашествию монголо-татар, в степях Предкавказья и Закавказья началась борьба между ханом Золотой Орды Берке и Хулагу-ханом, во владения которого входила часть Закавказья. Во время этой войны войско Хулагу-хана, шедшее с юга и преследовавшее золотоордынские войска, переправилось через р. Терек. Степь к северу от Терека «была сплошь в палатках, больших патаках; земля та полна лошадей, мулов, верблюдов, коров и овец» (Рашид-ад-дин, 1946, стр. 60). После войн Золотой Орды с Хулагидами северокавказские степи в течение долгого времени оставались под властью Золотой Орды, и в них нередко устраивалась главная ханская ставка. Кое-где образовались крупные постоянные поселения. Такими были, например, Татартун на Тереке и Маджар на Куме (Кушева, 1953).

XIV — XVII вв.

В конце XIV в. степи Предкавказья снова стали ареной борьбы. На этот раз шла война между золотоордынским властителем Тохтамышем и Тимуром, в результате которой Тохтамыш был разгромлен.

На землях Предкавказья долгое время (приблизительно до середины XIX в.) преобладали степи и значительная часть населения вела кочевой образ жизни. В конце XVII в. местность между р. Еей и р. Кубанью описывалась как равнинная, безлесная, упылая и безлюдная, где водились только тарпаны и другие дикие звери (Жороленко, 1899).

Проникновение русских и украинцев в степи и предгорья Северного Кавказа было отчасти добровольным, а отчасти происходило в порядке принудительного заселения. Первые русские крепости и вольные казачьи поселения были основаны по рекам Сунже, Тереку и Куме еще в XVI в. В конце XVII в. из казачьих городков по р. Медведице и р. Хопру на р. Куму бежали раскольники, спасавшиеся от казней и притеснений со стороны казачьих старшин, исполнявших приказы московских правителей (Дружинин, 1889). В 1711 г. на низовье Терека были поселены гребенские казаки. В 1736 г. была основана крепость Кизляр, и затем вверх по Тереку потянулась цепь казачьих станиц.

В росписи Сунженского острога, составленной в 1651 г., упоминалось, что за р. Сунжей против острога находился большой дубовый лес с примесью бука, достигавший в длину 10 верст, а в ширину 2—3 верст. На другой стороне р. Сунжи также был большой лес длиной около 7 верст, а

шириной 2—3 версты. Еще один большой лес находился в окрестностях Сунженского острога, он тянулся по Тереку в длину примерно на 5 верст и в ширину на 0,5—1 версту (Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., 1957).

XVIII в. — первая половина XIX в.

К концу XVIII в. степное Предкавказье уже входило во владения Русского государства. Манифест о присоединении Кубани к России был обнародован в 1783 г. Взбунтовавшиеся против царской власти и разбитые карательными отрядами (под командованием А. В. Суворова) местные ногайцы покинули кубанские земли и ушли за р. Кубань (Короленко, 1899). Через девять лет после присоединения Кубани на опустевшие кубанские земли были переселены остатки запорожцев. Незадолго до этого Потемкин объединил их в военные дружины, носившие название черноморских казаков. В 1793 г. черноморцы основали г. Екатеринодар (ныне г. Краснодар) и поставили курени на р. Кубани и р. Ее и на Таманском полуострове. Вскоре на Кубань стали переходить крестьяне и казаки из Екатеринославской и Херсонской губерний. Кроме вольного переселения было и правительственное. К 1841 г. население Кубани увеличилось до 100 тыс. человек (Скальковский, 1846а). Одновременно шло заселение и других частей степного Предкавказья. В совокупности за 1816—1833 гг. в Кавказскую область¹ переселилось около 106 тыс. человек (Бентковский, 1883).

Все же в течение XVIII в. в Предкавказье преобладало кочевое население и между Азовским и Каспийским морями свободно кочевали ногайцы, калмыки и туркмены. Во время жестоких морозов и зимней бескормицы они пригоняли скот в тростники для спасения от бурана и голода. Особенно большие заросли тростника были по р. Куме. В конце XVIII в. в Предкавказье местами встречались значительные леса. Самые крупные из них находились в окрестностях Ставрополя и назывались Черным, Русским и Темным. Довольно много леса было по р. Куме. «Вся сия река покрыта по обоим берегам лесом», — сказано в описании Кавказского наместничества². По данным Равинского (1809), в начале XIX в. в Ставропольском уезде лес занимал 13 187 десятин, в Александровском — 5197 десятин, в Георгиевском — 7112 десятин, в Моздокском — 8748 десятин и в Кизлярском — 10 930 десятин.

Начиная с XVIII в. в русских источниках и в сочинениях иностранных ученых и путешественников появляются достаточно подробные сведения о распространении промысловых животных в степном Предкавказье и в предгорьях Северного Кавказа.

Еще при Петре Первом терским казакам иногда поручалось присылать к царскому двору диковинных кавказских зверей. Так, в 1720 г. терский служилый человек Илья Макаров был отправлен вместе с проводниками в Кабарду «для посылки зверей штейнбоков, которых называют здешним языком туры». Ему удалось купить в Кабарде три «гнезда» туров³ в количестве семи голов. Одно из них было куплено в урочище Карагач, второе — в с. Казанш-Кабак⁴, а за третьим кабардинский князь Рослапбек послал пять человек и одного человека послал от себя И. Макаров. За первое «гнездо» туров было отдано 15 аршин холста, половина телячьей кожи, три куска свинца и 30 ружейных кремней, за второе — 20 аршин холста, половина телячьей кожи и 60 кремней, а за третье — каждому из пяти ка-

¹ Кавказская область в то время состояла из пяти уездов — Ставропольского, Александровского, Георгиевского, Моздокского и Кизлярского. Южная граница области проходила по р. Куме и р. Кубани.

² ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18483.

³ Под «гнездом», вероятно, следует понимать молодых турят из одной семьи.

⁴ Селение Казанш-Кабак находилось на берегу р. Баксан, рядом с пос. Тыжевым (ныне пос. Кшплек).

бардинцев было выдано по 10 аршин холста и по 20 кремней, кроме того, два куска свинца на всех. Сам князь Рославбек «в почесть» получил пять кож, 4 гривны, 30 аршин самого доброго холста, четверть пуда свинца и 150 кремней⁵.

Восточная часть Предкавказья стала раньше, чем западная, владением Русского государства. В связи с этим и сведения о природе восточного Предкавказья, появившиеся в XVIII в. в русских источниках, были более подробными, чем о природе западного Предкавказья.

В 60-х годах XVIII в. Кизлярская канцелярия доносила в сенат, что на кизлярских землях водились «олени, козы, кабаны, волки серые, лисы красные, зайцы серые..., лебеди, гуси, фазаны, утки, колпицы, чепуры, анеты, гагарки красные, куроатки серые, а окроме сих никаких куриозных как зверей, так и птиц не имеетца»⁶.

В 1785 г. промысловые звери и птицы, водившиеся в Кизлярском уезде, были перечислены в «Топографическом описании Астраханской губернии»⁷. В нем назывались все те виды, которые были упомянуты в 60-х годах в донесении Кизлярской канцелярии. Список же птиц менее подробен. Упомянуты лишь лебеди, утки и гуси «разных родов», дрофы, фазаны и куроатки. В этом же описании приводятся сведения о промысловых животных, встречающихся на землях Калюгайской, Наурской, Ипорской, Каллиповской и Мекенской станиц, расположенных по р. Тереку вблизи от г. Моздока. «Обитают там в лесах медведи, волки, кабаны, олени и козы в довольном количестве. А птицы — фазанов и драхв много»⁸. На землях по р. Тереку ниже этих станиц медведи не отмечались.

О том, какие промысловые звери водились на правобережье р. Кубани, сообщил войсковой казачий судья Головатый. В 1795 г. — через три года после переселения черноморских казаков на Кубань — таврический областной инженер Калчгин прислал Головатому письмо со списком зверей, встречающихся на Кубани, и просил дополнить и исправить его. В списке были упомянуты волки, лисы, кабаны, олени, «козы». Головатый добавил зайцев, перевязок, хорей, барсуков, диких котов, норок. Кроме того, особо отмечались «в море тюлени, в р. Кубани — выдныхи (выдры. — С. К.) и бобры». (Сборник материалов по истории Кубанского казачьего войска. 1898).

Шкурка кубанского бобра оценивалась в те годы в 7 руб., столько же стояла и выдра. Заячья шкурка стояла 10 коп., а шкурка перевязки — 15 коп.

Во второй половине XVIII в. в Предкавказье путешествовали С. Г. Гмелин, И. А. Гюльденштедт и П. С. Паллас. В их сочинениях приводится много интересных сведений о распространении промысловых животных.

Земли по р. Куме и Тереку посещались С. Г. Гмелином в 1772 г. В то время на прикумских землях водились не только олени, козули и кабаны, но и лоси⁹ (Gmelin, 1784). Сайгаков С. Г. Гмелин не видел и объяснял это тем, что для их жизни нужны «дикие скудные» степи («wilde magere steppe»). По р. Куме в то время встречались выдры. Незадолго до путешествия С. Г. Гмелина там водились и бобры. В степях по р. Тереку отмечались почти все те же животные, что и в прикумских степях; обычно были суслики, тушканчики и слепыши (*Spalax microphthalmus gildenst.*, по определению С. Г. Гмелина). Кроме того, в степях по р. Куме С. Г. Гмелиным были замечены стада сайгаков. Выдры по р. Тереку встречались редко.

⁵ ЦГАДА. Фонд Кабинет Петра Первого, д. 52, 1720 г.

⁶ Там же. Фонд 264, кн. 5560.

⁷ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 570.

⁸ Там же, л. 97.

⁹ О том, что в прикаспийских степях изредка встречались лоси, упоминал и Фальк (Falk, 1786).

Летом 1773 г. между р. Манычем и р. Кубанью путешествовал И. А. Гюльденштедт. В то время по северо-восточному побережью Азовского моря еще паслись большие стада тарпанов, но, как писал И. А. Гюльденштедт, их сильно истребляли ногайцы. В нескольких местах были обнаружены норы байбаков. Кроме того, И. А. Гюльденштедт видел молодого байбака в степи между верховьями р. Егорлыка и р. Калауса (приток р. Кумы). Там же были замечены слепыши и сайгаки (Culdenstädt, 1791).

Через 20 лет после путешествий С. Г. Гмелина и И. А. Гюльденштедта прикумские земли посетил П. С. Паллас. Его поразило обилие на правом берегу р. Кумы дичи. Из копытных он встречал оленей, косуль, сайгаков. Очень часто попадались зайцы, во множестве — суслики, нередко — слепыши (*Spalax typhlus*, по определению П. С. Палласа). Из хищников были обычны лисицы, волки, дикие кошки, встречались шакалы. По прикумским степям до самой зимы держались большие стада дроф, а по р. Куме и р. Тереку водилось множество фазанов (Pallas, 1799).

В самом начале прошлого века (в 1804 г.) было закончено описание Кавказской губернии; спустя пять лет оно было опубликовано (Равинский, 1809). В этом сочинении часть сведений подтверждает ранее известные факты, относящиеся к 70—90-м годам XVIII в. Кроме того, в нем приводятся интересные дополнения о распространении промысловых животных. Так, Равинский подтвердил сообщение Головатого, что по р. Кубани изредка попадались бобры, и наблюдения С. Г. Гмелина о находении байбаков по холмистым степным местам Кавказской губернии; подтвердились также сведения о стадах тарпанов в кубанских степях и наблюдения П. С. Палласа о большом вреде, приносимом сусликами посевам. В лесах всех уездов Кавказской губернии водились тетерева, а в лес под Ставрополем иногда заходили медведи. В окрестностях самого Ставрополя изредка попадались шакалы; встречались они и в некоторых других районах. По Кавказской укрепленной линии гнездились много фазанов. Сведения Равинского дополняются интересным сообщением английского путешественника Кларка о том, что он видел в низовьях р. Кубани двух молодых лосей (Clarke, 1810)¹⁰.

Обилие зверя и птицы в степном и предгорном Предкавказье отмечалось и в 20—40-х годах XIX в. В 20-х годах сообщалось, например, что в лесах Ставропольского и Александровского уездов водились олени и кабаны и много других зверей и птиц (Ст... Г., 1824). В те же годы сообщалось, что на прикумских землях есть олени и сайгаки, а по р. Тереку — выдры и бобры. При этом, как отмечал С. Б. Броневский (1823), бобры «не водятся в обществах» (по-видимому, автор хотел сказать, что бобры жили отдельными семьями или даже поодиночке).

Одни из современников в следующих словах описывал обилие птиц, встречавшихся осенью в низовье р. Терека около г. Кизляра: «Опшистые фазаны и тяжелые стрепеты летят к вам навстречу; куропатки выбегают на дорогу; дикими голубями и куликами разных видов покрыты прибрежья; журавли и цапли бродят стаями по болотам; лебеди плавают по заливам; простые дикие утки и красные утки или гагары, красные чапуры, дикие гуси, каравайки и колпицы, чайки, жаворонки с черным ошейником и другие птицы и птички, криком наполняя воздух, летают перед вами, над вами» (Шидловский, 1843, стр. 164).

В конце первой половины XIX в. в степях Предкавказья было три зимы, в которые погибло множество диких копытных и домашнего скота. В первую из таких зим в 1844/45 г. уже в ноябре на снегу образовалось две ледяных корки и скот с трудом добывал корм. В декабре опять шел

¹⁰ Кроме низовой Кубани и лесов по р. Куме лоси приблизительно в то же время водились в северной Осетии, где черепа этих зверей были обнаружены в пещерах (Верещагин, 1948).

то снег, то дождь, а в январе морозы достигали — 20, — 25°. Кочевники погнали скот на Черные Земли. 7 и 8 февраля опять шел дождь, а затем морозы доходили до — 12, — 18°. Погибло много домашнего скота (Ребров, 1845). Еще более губительными как для домашнего скота, так и для сайгаков и других копытных, были зимы 1848/49 и 1849/50 гг. В январе 1850 г. в прикумские степи прикочевало такое множество сайгаков, что «можно бы сотни тысяч насчитать» (Ребров, 1850, стр. 262), а погибло их столько, что местные жители предполагали, что эта зима погубила чуть не всех сайгаков.

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

В эти годы происходило усиленное переселение русских и украинцев в Предкавказье. Особенно крупное переселение казаков произошло в 60-х годах XIX в. За три года (1861—1863 гг.) было основано 59 станиц, куда переселились 9711 казачьих семейств и 103 офицерских семьи¹¹. Из этих станиц одиннадцать были основаны в 1861 г. (станицы Верхне-Николаевская и Джегутинская, три станицы на Лабинской укрепленной линии и шесть — за р. Лабой). Зимой 1861/62 г. между р. Лабой и р. Белой было основано шестнадцать станиц и на землях натухайцев (одно из адыгейских племен) — двенадцать. В 1863 г. между р. Белой и р. Пшином было основано пятнадцать станиц и между р. Адагумом и р. Нием — восемь, а в 1864 г. еще 52 станицы, в которые переселилось 4417 семейств.

За этот отрезок времени природа степного Предкавказья очень сильно изменилась. Уже к 80-м годам XIX в. в Ставропольском крае были сведены почти все леса. По р. Куме, где в XVIII в. леса были почти по всей реке, к 50-м годам XIX в. их осталось очень мало, а березовые рощи были истреблены почти полностью (Корнилов, 1859). Почти все черноземные степи или были распаханы, или превратились в скотосбой. «Тут не было ни одного камушка, — вспоминали старожилы с. Северного, — мы и не думали, что здесь камень есть; а потом пустили скотину, выбила она землю, он и обнаружился» (Иванов, 1886, стр. 241).

В XIX в. в степях Предкавказья тарпанов уже не было. К началу 60-х годов они еще встречались в степях между р. Еей и р. Кугосеей. Затем табун диких коней держался в верховьях балок Кавалерки и Грузькой. В этом табуле было около 70 голов; часть из них была помесью между дикими и домашними лошадьми. Другой косяк тарпанов водился в верховьях р. Сасыка, между станицами Ново-Леушковской и Калниболотной (Кухаренко, 1862). Сайгаков ископа было значительно больше, чем тарпанов. И хотя в неблагоприятные зимы много сайгаков погибло¹², часть их выжила, и в самом начале XX в. они в течение круглого года нередко встречались в Кумо-Манычской степи, недалеко от Зимней Трухменской станицы и в окрестностях с. Арзгир и с. Рогули (Сатанин, 1901; Динник, 1914). Оленей в 60—70-х годах XIX в. было еще так много, что гребенские казаки продавали их шкуры по цене от 70 коп. до 1 руб. 50 коп. за шкуру (Федоров, 1954). Но в окрестностях Ставрополя их в те же, приблизительно, годы уже не оставалось (Динник, 1914). В 80-х годах олени исчезли и на равнине в Большой Кабарде, и в степных местах к северу от р. Малки (Россинов, 1887). Но в кизлярских тростниках олени были нередки еще в самом начале XX в. (Сатуниц, 1901). В равнинной Ставропольщине исчезли не только олени, но и медведи и лесные куницы.

¹¹ ЦГВИА. Фонд 38, опись 30/286, связки 873, 877.

¹² Кроме зим 1848/49 и 1849/50 гг., о которых уже упоминалось, губительными годами были 1888, 1889 и 1893, когда у кочевников Ставропольской губернии погибла почти половина домашнего скота.

Во второй половине XIX в. охотничий промысел, как важное занятие населения имел наибольшее значение в плавнях по северо-восточному побережью Азовского моря (особенно в дельте р. Кубани) и в предгорьях Кавказа. В плавнях водились олени, косули, кабаны, волки, лисы, выдры и изредка попадались бобры (Кухаренко, 1862).

Второе тридцатилетие XX в.

Среди изменений, происходивших в эти годы в природной среде края, самыми значительными были появление полежащих лесных полос, дальнейшая распашка степей и залежей и опустышивание Черных Земель. Из-за неправильного использования земельных угодий в одном только Ставропольском крае из 600 тыс. га черноземельских пастбищ 178 тыс. га стали скотосбоем, а 44 тыс. га превратились в разбитые пески (Карамышев, 1959).

Распространение промысловых животных, жизнь которых в той или иной мере связана с лесом, продолжало сокращаться. Медведь, рысь, лесная куница, косуля оттеснены к лесистым предгорьям. Там же главным образом встречаются теперь олень и лесная кошка, но они сохранились и в некоторых других местах, особенно в приречных лесах по р. Тереку.

Лосиное стадо в это тридцатилетие во многих местах нашей страны сильно возросло. Расселяясь к югу, лоси стали заходить и в Предкавказье. Более замечательно то, как расширилось распространение сайгака. В Грозненской области до зимы 1949/50 г. наблюдались лишь временные заходы небольших сайгачьих табунков; весной они откочевывали за р. Куму (Рак, 1956). В Ставропольском крае большие стада сайгаков наблюдались еще в 1946 г. В засушливое лето 1947 г. на 30-километровом маршруте в окрестностях балки Хар-Зауха было учтено за 12 дней (с 15 по 26 июня) около 2700 сайгаков (Бакеев и Формозов, 1955). Зима 1949/50 г. была необычно многоснежной, суровой и бурной. Во многом она напоминала зиму 1848/49 г. Температура снижалась до -30 , -40° ; на северо-востоке Ставропольского края высота снежного покрова на ровных местах достигала 80 см. С 9 по 11 января был ураган. Сайгаки кинулись с мест зимовок на север в Волгоградскую область и на юг в Грозненскую область (там же). Число сайгаков, зашедших в Грозненскую область, определялось приблизительно в 3000 голов (Рак, 1956). Спустя четыре года суровая многоснежная зима повторилась. В Грозненскую область зимой 1953/54 г. опять прикочевало множество сайгаков. Они доходили до р. Терек, а местами даже заходили к югу от него. В это время погибло около 150 тыс. сайгаков (там же).

Фаза, когда-то многочисленный в Предкавказье, в середине 50-х годов оставался лишь по р. Кубани и р. Куме (Федоров, 1955; Слепов, 1956). В кубанских плавнях кое-где гнездится серый гусь. Степные птицы — дрофа, стрепет, журавль-красавка стали редкими.

УРАЛ И ПРИУРАЛЬЕ

В Урал и Приуралье включены территории современных Пермской, Свердловской и Челябинской областей, Башкирии и Оренбургской области (без ее западной окраины¹), северо-восточная окраина Коми АССР и северо-западная окраина Тюменской области.

Урал, вытянутый в меридиональном направлении, пересекает различные природные зоны. В связи с этим, а также благодаря его незначительной высоте, широтная зональность и высотная поясность соединены между собой неразрывно и непрерывно. Тундры, леса и степи Уральских гор, за исключением сравнительно немногих отдельных участков, не образуют резко обособленных высотных поясов, а переходят через предгорья в тундры, леса и степи, расположенные на низких равнинах, примыкающих к Уралу.

Различия в природе и промышленно-хозяйственном освоении горнолесного Северного и Среднего Урала и лесного западного и восточного Приуралья, горнолесного Южного Урала и южного, западного и восточного Приуралья, лесостепного Предуралья и Зауральской лесостепи настолько велики, что изменения в распространении промысловых животных, происходившие на этих территориях, рассматриваются отдельно. Изменения же в распространении и численности промысловых животных, происходившие в тундровом Приуралье и на горнотундровом Урале, были частично рассмотрены в разделе «Север Европейской территории СССР» и здесь не описываются.

ГОРНОЛЕСНОЙ СЕВЕРНЫЙ И СРЕДНИЙ УРАЛ И ЛЕСНОЕ ЗАПАДНОЕ И ВОСТОЧНОЕ ПРИУРАЛЬЕ

В этих частях Урала и Приуралья сосредоточены таежные леса, начиная от северной тайги и кончая южной тайгой, и значительная часть смешанных темнохвойно широколиственных лесов. Кедровые леса, например, сосредоточены только здесь; на Южном Урале их нет. Здесь же находится преобладающая часть еловых и пихтовых лесов. Дуб же теперь встречается редко; его было много и в прошлом. Липы было гораздо больше, и распространена была она значительно шире, чем дуб. В Соликамском уезде Пермской губернии много липы росло, например, в лесах по рекам Полуденному Кондасу, Ушве, Черной и Мостовой (к западу от г. Березники) и около г. Кизела; в лесной даче Архангело-Панийского завода липа была

¹ Изменения, происходившие в распространении промысловых животных на западной окраине Оренбургской области, рассмотрены в разделе «Лесостепное и степное Поволжье и лесостепные и степные территории по Дону».

одной из преобладающих древесных пород². В Верхотурском уезде она отмечалась в лесах по р. Туре, к востоку от г. Верхотурья³. В юго-западной части Пермской губернии (в Осинском и Красноуфимском уездах) липа отличного качества встречалась сплошными насаждениями (Мозель, 1864). В примечаниях к генеральному межеванию Осинского уезда кое-где отмечены клен и дуб⁴.

XIV — XVII вв.

В северное и среднее Предуралье, а также на Северный и Средний Урал русские проникли раньше, чем на Южный Урал. Еще при Дмитрие Донском выходцы из Балахны, Усть-Сысольска и Соль-Вычегодска селились в разных местах «Пермии» и открыли соляные растворы на р. Боровой. Но рассолы там были скудные и в 1430 г. русские устроили варницы на р. Усолке и положили основание г. Соликамску⁵. При Иване III Пермия была присоединена к России под названием Велико-Пермского уезда⁶. После покорения Казани проникновение русских на земли бассейна р. Камы пошло значительно быстрее.

В челобитной Григория Строганова, поданной Ивану Грозному в 1558 г., говорилось, что по обе стороны р. Камы, от устья р. Лысьвы на севере до впадения р. Чусовой на юге, были «места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова и наволоки пустые» и на тех местах «пашни не пахиваны и дворы не ставлены». Иван Грозный велел отдать те места Строганову и разрешил ему не ставить городок, «где бы место было крепко и усторожливое», вооружив его пушками и пищальми. Строганову разрешалось также рубить лес, распахивать пашни, искать рассол и варить соль, ставить дворы и звать к себе людей, но «нетяглых и неписьменных» (Миллер, 1937, стр. 332—334).

Около 20 лет спустя после пожалования этих земель Строганову, в его владениях насчитывалось 39 деревень и починок, один городок и один монастырь, а в 1623/24 г. — три городка, три острожка, две слободки, два монастыря, два сельца, 118 деревень и починок с 933 дворами (Бахрушин, 1955).

В XVII в. особенно быстро заселялись русскими южная часть Прикамского Предуралья и южное лесное Зауралье. Во второй половине этого века отмечался сильный приток русского населения на плодородные и мало заселенные земли Кунгурского уезда. Через 55 лет русское население увеличилось в кунгурском Предуралье в 12 раз. Сюда бежали главным образом поморы. Одновременно с этим кунгурское Предуралье заселялось татарами, марийцами, чувашами и удмуртами, бежавшими из Поволжья (Преображенский, 1956). Заселение южного прикамского Предуралья сопровождалось быстрым развитием земледелия и расширением площади пашни.

О плодородных землях на юге лесной части Зауралья было известно Борису Годунову, и в 1601 г. он писал туринскому голове, чтобы он не брал собольный ясак с местного населения⁷, жившего по р. Нице и по р. Туре вверх до устья р. Тавила, а вводил бы там земледелие. «В тех местах нам в пашне будет прибыльнее (ясака), потому что земли хлебодородны» (Миллер, 1937, стр. 393). В 20-х и 30-х годах XVII в. на юге лесного Зауралья были основаны Чубарова, Верхне- и Нижне-Ництинская, а также Ирбитская слободы. Вслед за тем появились и многие другие русские поселения. Местами новоселы притесняли коренных жителей. В середи-

² ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Соликамский уезд, дд. 34—35.

³ Там же. Верхотурский уезд, д. 1.

⁴ Там же. Осинский уезд, д. 25.

⁵ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Соликамский уезд, д. 34.

⁶ Там же. Чердынский уезд, д. 40.

⁷ В грамоте Бориса Годунова местные жители называются остяками.

не 30-х годов XVII в. ясачные татары Туринского уезда жаловались, например, царю, что пашенные крестьяне Чубаровской, Ирбитской и обеих Ницинских слобод уничтожали охотничьих собак, били бобров, соболей и лосей и ставили в лесах слопцы. Раньше, когда не было слобод, ясачные люди своевременно и без недоплаты вносили ясак, а теперь, писали челобитчики, звери в лесах и бобры по речкам выбиваются беспощадно и ясачные люди не могут уплачивать ясак (Миллер, 1944).

В 80-х годах XVII в. подобные жалобы поступили от вишерских и верхнепечорских ясачных вогулов (манси). Они писали в своей челобитной, что раньше в ясачных угодьях по р. Вишере и р. Печоре было много зверя и рыбы и русские люди в звериной и рыбной ловле их не обижали. Но потом русские стали ходить за зверем на хребты Кваркуш и на Березовый Камень и ловить рыбу в р. Вишере. Вогулы оскудели; у них не осталось ни пашни, ни хлеба, ни скота и ясак они полностью вносить не могли. Часть их ушла «в сибирские неведомые урочища», часть скиталась по русским селениям и кормилась палым скотом. На челобитную последовал указ, чтобы русские не ходили на звериный промысел за хр. Кваркуш и хр. Березовый Камень и не ловили неводами рыбу в р. Вишере (Берх, 1821).

Когда местное население было впервые обложено ясаком, неизвестно. Но о пушнине, бравшейся по ясаку в XVII в., приводятся довольно подробные сведения, особенно по Верхотурскому уезду и Ляпинской волости Березовского уезда. Город Верхотурье основан в 1598 г., а уже в следующем году оттуда в Москву прислали ясак, поминки и десятую пошлину: 1224 соболя, 900 куниц, 34 бобра (из них десять молодых), 11 ведр, 70 красных лисец, 659 белок и два волка (Миллер, 1937). На самой северной окраине лесного Урала и Зауралья находились земли «войкарской самояди». С ясачного населения этих земель в 1710 г. были взяты шкурки 14 соболей, 1985 белок, 23 песцов, 51 горноста, одной росомахи, двух лисиц и одна шкура северного оленя⁸.

Южнее этих земель были расположены Ляпинская и Сосьвинская волости Березовского уезда, первая преимущественно в Зауралье, а вторая — на Западно-Сибирской равнине. В табл. 14 приводятся данные о ясаке, собиравшемся в Ляпинской волости Березовского уезда и в Верхотурском уезде, они дают некоторое представление об обилии здесь того или иного вида промысловых животных. Для сравнения в таблицу включены также данные, относящиеся к началу XVIII в., показывающие, что к этому времени в составе ясака произошли большие изменения.

Сведения о ясаке, собиравшемся в западной части Северного и Среднего Урала менее полны. Известно, что с вогул, живших по Вишере и верхней Печоре в Чердынском уезде, в 30—80-х годах XVII в. собиралось по 167 собольих шкурок в год (Берх, 1821; ААЭ, 1836). С ясачных людей, живших по рекам Шакве, Ирени и Сылье (Кунгурский уезд) ясак ичислялся не в собольих шкурках, а в куницах. До 1624 г. они должны были сдавать по 440 куниц и, кроме того, дополнительно «за пашню, за бобровую гошу, за рыбные и звериные ловли» по кунице с каждого юрта (всего 72 куницы). Судя по писцовым книгам 1623—1624 гг., этот ясак был увеличен до 657 куниц, а в 90-х годах XVII в. — до 711. Столько пушнины ясачные люди добыть не могли, и в конце XVII в. часть ясака они вносили деньгами. В 1698 г. татарские выборные сотники Кунгурского уезда собрали с ясачных татар и черемисов (марийцев) 444 куницы, а за остальные 267 куниц взяли деньгами, по полтине за штуку (Кунгурские акты, 1883).

⁸ ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ. кн. 1560

Ясак, взимаемый в Ляпинской волости и в Верхотурском уезде в 20—80-х годах XVII в. и начале XVIII в.

Уезд, волость	Год	Число ясачных людей	Собор-ли	Купи-цы	Горно-стал	Выд-ры	Росо-махи	Липы	Це-пы	Волкы	Бобры	Белки	Лоси-ны	Шкуры юпе-цов*
Березовский уезд Ляпинская волость	1629/30	146 и 23 подростка**	81	—	70	—	4	32	—	—	10	15854	—	—
	1658/59	249	240	—	—	—	12	49	4	8	—	730 и 15 шуб	—	—
	1670/71	244	198	—	—	—	2	26	20	3	6	4180 и 42 шубы	—	—
	1679/80	244	158	—	6	1	2	30	1	1	5	2518 и 26 шуб	30	—
	1712	276 и 6 подростков	2	—	155	—	6	17	3	140	—	—	—	—
Верхотурский уезд Лозьвинские вогуль-ские юрты***	1625/26	26	134	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1629/30	30	338	—	—	—	—	4	—	—	7	201	—	—
	1650/51	16	86	—	—	—	—	2	—	—	1	388	—	—
	1659/60	15	80	—	—	—	—	—	—	—	1	445	—	5
	1680/81	19	67	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—
Сосьвинские вогуль-ские юрты	1710	15	34	—	2	—	—	3	—	—	3	—	—	—
	1625/26	59 и 10 подростков	277	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1629/30	58	626	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—
	1650/51	48	169	1	—	—	5	21	—	—	12	431	—	—
	1659/60	58	182	—	—	—	3	21	—	—	27	102	—	—
Косьвинские вогуль-ские юрты	1680/81	66	340	—	—	—	—	12	—	—	8	642	—	—
	1710	52	11	1	4	—	—	8	—	—	1	1041	—	—
	1625/26	7	34	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Косьвинская волость****	1629/30	8	58	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1650/51	7	33	—	—	—	2	5	—	—	2	15	—	—

Таблица 14 (продолжение)

Уезд, волость	Год	Число отдельных людей	Соболь	Куньи	Горностай	Выдры	Росомахи	Лисы	Иссы	Волки	Борзые	Белки	Лоси	Шкуры копытных
Верхотурский уезд														
Носовинская волость	1659/60	5	14	—	—	—	—	—	—	—	—	14	—	—
	1680/81	2	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1625/26	31	178	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лялинские вогульские юрты	1629/30	31	274	—	—	—	3	14	—	—	6	69	—	—
Первая и вторая Лялинские водости (вместе)	1650/51	22	101	—	—	—	2	21	—	—	6	39	—	—
	1659/60	25	119	1	—	—	—	—	—	—	3	83	—	—
	1680/81	24	236	—	—	—	—	5	—	—	—	175	75	6
	1710	27	—	—	29	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1625/26	25	115	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Юрт на р. Туре и юрт на р. Салде	1629/30	24	207	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—
Верх-Туринская волость	1650/51	22	179	—	—	—	1	14	—	—	3	25	—	—
	1659/60	22	132	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—
	1680/81	22	190	—	—	—	—	3	—	—	—	287	49	19
	1710	24	15	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—
	1625/26	51	405	—	—	2	—	—	—	—	6	—	—	—
Юрт на устье Тагила, юрт на Тагиле и юрт на Салде	1629/30	48	525	—	—	—	—	4	—	—	8	—	—	—
	1650/51	57	102	—	—	—	—	87	—	—	13	904	—	—
	1659/60	47	234	2	—	—	2	39	—	—	2	382	—	—
Нижне-Туринская волость	1680/81	49	182	—	—	—	—	20	—	—	1	1842	—	—
	1710	45	23	—	66	—	—	19	—	—	—	792	85	24
	1625/26	13	58	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—
Невьянские и Мулдайские юрты (по р. Невье и р. Мулдаю)														

Таблица 14 (окончание)

Уезд, волость	Год	Число ясачных людей	Собо- ли	Куня- цы	Горно- стан	Выд- ры	Росо- махи	Души- цы	Песцы	Волги	Бобры	Белки	Лосы- ны	Шкуры юше- цов*
Мулдайска волость ****	1629/30	14	90	4	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—
	1650/51	13	67	—	—	—	—	9	—	—	—	110	—	—
	1659/60	9	28	1	—	—	—	8	—	—	—	69	—	—
	1680/81	2	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Аятские к рты Алтская волость *****	1625/26	43	100	34	—	1	—	3	—	—	—	—	—	—
	1629/30	53	271	71	—	12	2	36	—	—	2	204	—	—
	1650/51	30	65	13	—	—	—	45	—	—	3	1081	—	—
	1659/60	44	105	2	—	—	—	59	—	—	—	1459	—	—
Верх-Чусовой юрт Чусовские вогулы и верхуфимские татары Первая и вторая Верх- Чусовские волости	1625/26	19	—	87	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—
	1625/26	63	—	117	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1629/30	58	187	96	—	—	—	54	—	—	—	—	—	—
	1650/51	33	201	4	—	—	1	8	—	—	7	10	—	—
Первая и вторая Верх- уфимские волости	1659/60	39	131	—	—	—	2	70	—	—	1	434	—	—
	1680/81	51	269	—	—	—	—	19	—	—	10	924	—	—
	1710	25	10	—	144	1	—	25	—	—	—	385	16	1
	1629/30	42	25	53	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
1650/51	13	6	45	—	—	—	10	—	—	1	308	—	—	
1659/60	21	—	—	—	—	—	34	—	—	1	1091	—	—	

* Юлцы — очевидно, северные олени.

** Подростки сдавали по одному соболю.

*** В 1626 г. Верхотурский уезд подразделялся не на волости, а на юрты. В 1630 г. и в более поздние годы в ясачных книгах перечислены только волости.

**** В ясачной книге 1710 г. эта волость не упоминается.

***** В 1630/81 г. ясачные люди ушли в степь и ясак не платали; в ясачной книге 1710 г. эта волость не упоминается.

Сведения о ясачной пушнине дают возможность установить особенности размещения некоторых промысловых зверей в XVII в. На юго-западной окраине Среднего Урала и Приуралья — на землях по рекам Шакове, Ирени, Сылве и в верховьях р. Уфы (Первая и Вторая Верх-Уфимские волости), где были расположены темнохвойно-широколиственные леса, куницы водилось значительно больше, чем соболя. В угодьях по верхнему течению р. Чусовой (Первая и Вторая Верх-Чусовские волости) и в лесах, прилегающих к оз. Аят (Аятская волость) лесные куницы были довольно обычны, но преобладали соболя. Севернее же куницы добывались очень редко, и соболя почти в течение всего XVII в. составляли большую часть ясака. На самой северной окраине таежного Урала и Приуралья в угодьях по р. Войкару, лесной куницы, видимо, не было совсем, а соболя встречались редко. К началу XVIII в. они были сильно истреблены и большая часть ясака вносилась другими пушными зверями и шкурами лося (паредка и шкурами северного оленя).

Бобровых шкурок ясачные люди сдавали мало. Уже в первой половине XVII в. оцучались результаты чрезмерного истребления этих зверей. В 1635 г. в Пермь Великую (Чердынский уезд) была послана царская грамота, в которой указывалось, что люди всяких чинов стали ловить бобров и выдр капканами и во многих местах истребили их полностью. С целью ограничить истребление бобров приказывалось прекратить их ловлю капканами, а сами капканы сдать воеводе. Если же кто будет ловить бобров и ширеть капканами или кузнецы будут их делать, за это бить кнутом и брать штраф в 2 руб. Если кто нарушит указ во второй раз, то его еще раз бить кнутом и взять штраф в 5 руб., а если в третий раз — то бить кнутом псадно и сажать в тюрьму до указа (ААЭ, 1836).

XVIII в. — первая половина XIX в.

В XVIII в. на Среднем и Северном Урале было основано много металлургических заводов, вокруг которых быстро росло население. Во второй половине XVIII в. и в начале XIX в. на горнолесном Урале (включая Южный Урал) действовало около 100 металлургических заводов (Иофа, 1951). Для выплавки металла из руды требовалось много древесного угля, а поэтому каждый год вырубались обширные участки леса. В середине XIX в. на казенных Екатеринбургских, Гороблагодатских, Богословских и Пермских заводах расходовалось около 3 165 030 м³ леса, а на посессионных Ревдинском, Сукеюнских, Алапаевских, Невьянских, Сысертских, Югоных, Верх-Исетских и Шайтанских заводах — около 5 742 467 м³ (Макишев, 1852). На западной окраине Среднего Урала и Приуралья на изготовление мочала, из которого плели рогожные кули, губилась липа.

Земледелие развивалось наиболее успешно как в юго-западном (Осинский, Оханский, Кунгурский и Красноуфимский уезды), так и в юго-восточном лесном Приуралье (Ирбитский, Камышловский и Шадринский уезды⁹). В конце XVIII в. вокруг г. Кунгура и г. Оханска были почти сплошь поля, и из этого уезда хлеб отиравли в г. Рыбинск. В середине XIX в. шадринские купцы отправляли на горнозаводский Урал и на восток до 2 млн. пудов хлеба (Иофа, 1951). В горной части Среднего и Северного Урала и в северном Приуралье земледелие не находило благоприятных условий для развития, и пашни занимали здесь небольшую площадь.

Данные о соотношении земельных угодий и плотности населения, вычисленные по материалам генерального межевания, приведены в табл. 15.

В связи с изменением природных угодий, сильно возросшей плотностью и отсутствием заботы о дальнейшем состоянии населения промысловых

⁹ Ирбитский, Камышловский и Шадринский уезды находились частью в Зауралье, частью на Западно-Сибирской равнине.

Плотность населения (число человек на 1 кв. версту) и соотношение земельных угодий (%) в Пермской губернии

Уезд	Год генерального межевания	№ дела	Плотность населения	Земельные угодья				
				общая площадь, десятины	лес	пашни и приусадебные земли	сенокосы	неудобные земли
Чердынский . . .	1822—1843	40	0,6	5 811 922	95,8	2,0	0,9	1,3
Верхотурский . . .	1789—1827	1	0,6	4 324 093	96,5	0,6	0,7	2,2
Оханский	1822—1843	28	7,9	1 294 470	71,6	21,2	3,6	3,6
Пермский	То же	32	3,4	2 322 315	84,0	7,3	6,9	1,8
Осинский	» »	25	4,6	1 778 978	78,5	13,6	6,0	1,9
Кунгурский	» »	22	8,4	802 574	58,3	24,1	15,2	2,4
Красноуфимский	» »	17	4,3	1 869 606	62,3	15,7	19,1	2,9
Камышловский	» »	14	8,0	1 201 450	34,1	31,5	27,6	6,8

животных, промысел наиболее ценных из них становился истребительным. Это особенно заметно на соболе и бобре. Уже в 30-х годах XVIII в. в лесах около г. Екатеринбурга и г. Невьянска соболей не было (Геннин, 1937). Последнее сведение о соболях сообщил П. С. Паллас. В мае 1770 г. он переезжал через Уральские горы и отметил, что в верховьях р. Уфы изредка попадаются соболи. Возвращаясь в марте 1773 г. из путешествия по Сибири, П. С. Паллас проехал по р. Уфе от устья р. Кизыл до д. Шокур и опять отметил, что соболей в приуфимских лесах очень мало (Паллас, 1786, 1788). В более северных местах Урала и Приуралья, посещенных П. С. Палласом, соболи были более обычны. О промысле этих зверьков он упоминал при описании окрестностей Кушвинского и Верхне-Туринского заводов, междуречья Ляли и Лобвы и окрестностей Вагранского рудника.

В «Топографическом описании Пермского наместничества», составленном в 1789 г., соболи отмечены в Кунгурском, Красноуфимском, Верхотурском, Ирбитском и Алапаевском уездах¹⁰. В «Историко-географическом описании Пермской губернии», написанном в 1800 г., было отмечено, что соболи наиболее обычны в Верхотурском уезде. У местных вогулов существовала примета, что в годы обилия бурундуков бывал удачным и промысел соболя. В Чердынском уезде соболей стало гораздо меньше, чем раньше, а за 60-ю вишерскими вогулами, которые должны были платить ясак в 167 соболей, к 1800 г. накопились недоимка в 6713 соболей¹¹.

Довольно подробные сведения о распространении соболя приводятся в «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию Пермской губернии (конец XVIII и первая треть XIX в.). Наиболее южное место пребывания соболя отмечалось в двух лесных дачах Красноуфимского уезда. Одна из них входила во владения Тюшевского винокуренного завода, а другая — во владения Верхне- и Нижне-Иргинского заводов и окрестных поселений (с. Преображенское, деревни Шуртан, Майка, Осиновка, Озерки). Обе лесные дачи соединялись в один лесной массив, расположенный в верховьях рек Большая Сарана, Большой Сарс, Тюш, Шуртан и Иргина. Этот лес примыкал с запада к Красноуфимской лесо-дугостени. Основными древесными породами в нем были ель, пихта, осина и береза¹². В 70—80 км севернее этого массива, в Кунгурском уезде, по среднему течению р. Сылвы и ее притокам Березовке, Осиновке, Молев-

¹⁰ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 920.

¹¹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 927.

¹² ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Красноуфимский уезд, д. 17.

ке, Урме находился большой казенный лес (площадью около 116 тыс. десятин), в котором также водились соболи¹³. В этом лесу главными древесными породами были сосна, ель, пихта, осина, береза и рябина.

В примечаниях к генеральному межеванию Екатеринбургского, Осинского и Оханского уездов соболи не упоминаются. В Пермском уезде соболи встречались в нескольких крупных лесных дачах. Одна из них была расположена по р. Чусовой, между с. Верхне-Чусовским и д. Усть-Лысьвенской и занимала площадь 55 413 десятин. К этой даче (к северу и западу от Чусового городка) примыкали леса, росшие в бассейнах рек Бурсуна, Архиовка, Половинная, Шупшанки, нижнего течения Усьвы и Вильвы, где также водились соболи. Еще выше по р. Чусовой они были отмечены в даче, на землях которой находились деревни Чизьма, Кончик, Мысовая и Бабёнки и протекали реки Серебрянка, Шуриш и Бырмы. К северу от р. Чусовой соболи отмечались во владениях Архангело-Папийского и Бисертского заводов, в лесах по рекам Койве, Турьиму, Усьве, Нясьме, Рассольной, Черной, Большой и Малой Саранкам, Лабаске и Бобровке¹⁴. В этих лесах преобладали ель, пихта, береза, осина и липа; сосны и кедра было мало. В Чердынском уезде главным местом, где водились соболи, был огромный казенный лесной массив, простиравшийся от верховьев рек Большой и Малой Печоры на севере до р. Вишеры на юге и от р. Пильвы на западе до верхнего течения р. Вишеры на востоке. Кроме того, соболи водились в лесах по р. Язьве и в окрестностях г. Чердыни¹⁵.

Восточная часть Северного Урала и значительная часть Среднего Урала входили в Верхотурский уезд. Здесь соболи водились в лесах (площадью 4 млн. десятин), приписанных к Богословскому и Петропавловскому заводам и Турьинским рудникам. Эти леса были расположены по р. Сосьве и ее притокам р. Колье и р. Ваграну. Другая крупная лесная дача (около 883 тыс. десятин), где встречались соболи, принадлежала Вагранским рудникам и двум зимовьям — Боронскому и Тылайскому. Она была расположена в верховьях р. Сосьвы и р. Ваграна. Соболи водились также в лесах по р. Лобве и ее притоку р. Кушве. В бассейне р. Ляли они встречались как в верхнем так и в нижнем течении. Леса по р. Туре были заселены соболями, ланиная от р. Шайтан на западе до устья р. Тагил на востоке. На правом берегу р. Туры соболи отмечались в лесах по р. Ине и р. Тагилу (от устья р. Красный Мугай и почти до впадения Тагила в Туру). Они водились также в казенном лесу по рекам Кыртомке, Бобровке, Листвянке, Загорной, Анисимовке и трем другим Бобровкам, впадающим в Тагил, Пейиу и Ницу (Кириков, 1960). Хотя соболи в Верхотурском уезде были распространены во многих местах, но добывали их в 20-х годах XIX в. немного — около 400 штук в удачный год; по-видимому, численность этого зверька к этому времени сильно уменьшилась.

Лесной куницы на восточном склоне Северного Урала к этому времени стало, по-видимому, больше, чем в XVII в., и она была отмечена во многих местах Верхотурского уезда, где ясачные люди в XVII в. ее не сдавали.

Из крупных хищников в XVIII и первой половине XIX в. много водилось медведей. Во время путешествия П. С. Палласа в окрестностях Вагранского рудника их было так много, что вогулы даже не могли держать лошадей (Паллас, 1786). Местами медведи нападали и на людей, не трогавших этих зверей Zetserer, 1851—1853). Россомаха в начале XIX в. была обычна в Чердынском, Соликамском, Верхотурском и Пермском уездах. Она отмечалась также в четырех лесных дачах Оханского уезда и в двух крупных казенных лесных массивах Кунгурского уезда (Кириков, 1960).

¹³ Там же, Пермский уезд, д. 32.

¹⁴ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Пермский уезд, д. 32; Соликамский уезд, д. 35.

¹⁵ Там же, Чердынский уезд, д. 40—41.

Из копытных зверей наиболее обычным был лось. В 70-х годах XVIII в. лосей было на Северном Урале много. По сообщению П. С. Палласа (1786), промысел этих зверей служил одним из главных источников существования вогулов. Для ловли лосей они устраивали в лесах изгороди длиной по 12 верст и более, местами в них делали проходы, в которых выкапывали ловчие ямы, куда попадали лоси и северные олени. Около этих изгородей запрещалось селиться, рубить деревья и косить сено. Путешествуя по р. Тавде, И. И. Лепехин (1780), также заметил, что главным промыслом вогулов было добывание сохатых. Около горы Косьвинский Камень он, как и П. С. Паллас, видел изгороди с ловчими ямами. Во время путешествия И. И. Лепехина и П. С. Палласа вогулы платили подати не только мехами, но и шкурами лосей. Во время генерального межевания (1798—1835 гг.) лоси встречались во многих местах Пермского, Соликамского, Чердынского и Верхотурского уездов, но в Оханском, Осинском, Кунгурском и Красноуфимском уездах они отмечались в меньшем числе лесных дач, чем олени.

На Среднем и Северном Урале в середине прошлого столетия существовал тот же способ добычи лосей, который был описан И. И. Лепехиным и П. С. Палласом. Охотники из с. Ростесского, расположенного в 20 км к западу от истоков р. Косьвы, ловили лосей в ямы, устраивавшиеся в проходах изгороди. Много лосей убивали и весной по насту. Тогда же было замечено, что лоси, жившие на северной окраине Среднего Урала, совершали сезонные перекочевки. В начале зимы они переходили на восток, за Уральский хребет, а в марте и апреле возвращались на западный склон и летом держались главным образом в сограх и болотинах (Волегов, 1860).

В примечаниях к генеральному межеванию не указывалось, какие именно олени — северные или благородные — встречались в том или ином месте. В Чердынском, Соликамском и Верхотурском уездах, по всей вероятности, водились только северные олени. Во время генерального межевания они населяли большую часть территории этих уездов. В 40-х годах XIX в. было замечено, что на Северном Урале, с тех пор как размножились домашние олени, дикие северные олени стали очень редкими (Регули, 1849). Тогда же отмечалось, что дикие олени, жившие летом на западном склоне Урала, в верховьях р. Вишеры, в начале зимы переселялись на восточную сторону Уральского хребта, где снега было гораздо меньше (там же).

В Пермском уезде олени водились в угодьях, приписанных к Архангело-Панийскому, Бисертскому, Кусье-Александровскому и Лысьвенскому заводам. Земли первых трех заводов примыкали друг к другу и располагались по рекам Вижаю, Рассолке, Койве, Усьве, Нясьме и Серебрянке; земли Лысьвенского завода располагались по р. Лысьве и ее притокам. Кроме того, олени водились в лесах по р. Ослянке, р. Серебрянке и по прилегающему участку течения р. Чусовой. Олени были отмечены еще в лесах и обширных болотах по нижнему течению р. Косьвы и ее притока р. Ушвы.

В Осинском уезде олени встречались в нескольких дачах: три были расположены по левобережью р. Камы (одна — по р. Пызе и ее притокам), вторая — по р. Палье и третья — по нижнему течению р. Тулвы и ее притокам. Остальные лесные дачи, где водились олени, лежали по левобережью р. Ирени и по ее притокам Югу, Бырме и Большому Ашапу¹⁶. В этих дачах преобладали хвойно-широколиственные леса из ели, сосны, пихты, осины, березы, липы и клена. В Кунгурском уезде наиболее обширная территория, где водились олени, располагалась к северо-востоку от г. Кунгура в междуречье р. Шаквы и р. Барды, где также преобладали смешанные леса из ели, пихты, сосны, березы, осины, липы и ильма. Кро-

¹⁶ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Осинский уезд, д. 25.

ме того, олени встречались в большом казенном лесу, по рекам Барде, Солянке, Молевке, Березовке, Осиновке, Каменке и Урме¹⁷. В Красноуфимском уезде также было несколько земельных дач, где водились олени. Одна из них была расположена по р. Вогулке, другая — по р. Бисерты и р. Бисертскому Уту, третья — по р. Уфе и ее притоку р. Арте (владения Нижне-Артинского завода и д. Арти-Шигари и д. Уфа-Шигари), четвертая — по р. Тавре (приток р. Ая), пятая — по р. Серге (владения Сергинских заводов) и шестая — в лесах в окрестностях Низе-Петровского завода. В Екатеринбургском уезде олени отмечались в угодьях, приспанных к Билимбаевскому, Невьянскому и Верхне-Шайтанскому заводам¹⁸.

По всей вероятности, в Осинском, Кунгурском, Красноуфимском и Екатеринбургском уездах водились и северные, и благородные олени, но в каком соотношении и где именно, в примечаниях к генеральному межеванию не сказано. Более конкретные сведения о распространении марала на Среднем Урале и в Приуралье приводятся Н. С. Поповым (1801, 1804). Он сообщил, что благородный олень («*Cervus elaphus*») водится во всех уездах Пермской губернии, за исключением Чердынского, Верхотурского, Камышловского и Шадриинского. Маралы оставались кое-где на Среднем Урале и в камском Приуралье еще в середине прошлого столетия (Zetgenet, 1851—1853), и А. Ф. Миддендорф видел рога марала, убитого в окрестностях г. Екатеринбург (Миддендорф, 1869).

К 30-м годам XIX в. совсем редкими стали бобры, и данных об их распространении сохранилось мало. В 80-х годах XVIII в. они еще встречались в Кунгурском уезде¹⁹. В примечаниях к генеральному межеванию Соликамского уезда бобры отмечены только в дачах Бисертского и Архангело-Нашнейского уездов, где протекали Койва, Усьва, Нялма, Юринка, Тырым, Большая и Малая Саранки, Бобровка и некоторые другие реки²⁰. В середине XIX в. бобры водились в Верхотурском уезде на р. Лозьве и р. Сосьве (южной) и некоторых их притоках (Zetgenet, 1851—1853). В те же приблизительно годы бобров добывали на реках Северной Сосьве, Вагране и Кавве (Сабанеев, 1874б). Норки еще в XVIII в. были распространены не только по Среднему и Северному Уралу, но и в Зауралье вплоть до Ирбитского уезда²¹.

Интересны указания на пребывание такой редкой птицы как стерх. В «Топографическом описании Пермского наместничества» (1789 г.) стерхи наряду с серыми журавлями включены в списки птиц, гнездившихся и бывавших на пролете в Красноуфимском и Ирбитском уездах²². Глухарь, рябчик и тетерева были распространены по всему лесному Среднему и Северному Уралу и Приуралью. Сохранились сведения о числе птиц, добывавшихся в некоторых районах. В Иньвенской земельной даче Соликамского уезда общей площадью 390 тыс. десятин, из которых 249 тыс. десятин было под лесом, в середине XIX в. добывалось в год до 4 тыс. рябчиков, столько же тетеревов и до 200 глухарей (Иньвенская дача..., 1855). Следовательно, на 1000 десятинах леса в среднем в год добывалось около 16 рябчиков и примерно 1 глухарь.

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

Одной из характерных особенностей этого периода является изменение численности и распространения копытных животных.

Благородный олень в это время был истреблен полностью. Последние

¹⁷ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Кунгурский уезд, д. 22.

¹⁸ Там же, Красноуфимский уезд, д. 17; Екатеринбургский уезд, д. 7.

¹⁹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18920.

²⁰ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Соликамский уезд, д. 34.

²¹ Там же.

²² ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18920.

сообщения о его пребывании на Среднем Урале и Приуралье относятся к 70-м годам XIX в., когда он встречался в Полевской даче Красноуфимского уезда Пермской губернии (Сабанеев, 1875). Однако в эти же годы в некоторых местах Среднего Урала замечалось увеличение числа северных оленей, особенно в Красноуфимском уезде, где они держались главным образом по рекам Чусовой, Нязи, Бардыму, в лесных дачах Верхне- и Нижне-Сергинского, Полевского и Нязе-Петровского заводов (Сабанеев, 1872, 1875). Но в Верхотурском уезде северных оленей стало меньше, чем лосей, хотя лет за 10 до этого соотношение было обратным (там же). Причина такого явления не выяснена. В целом в Пермской губернии лосей в 70-х годах добывалось все же больше, чем северных оленей: сохатых от 1500 до 3000 в год, а оленей от 1000 до 2000 (Сабанеев, 1872). К началу XX в. на Северном Урале и в Приуралье лосей и северных оленей стало еще меньше, причем численность лосей по-прежнему несколько превышала численность оленей. В 1911 г., например, в Верхотурском уезде было добыто 120 лосей и 100 оленей, а в Чердынском — 150 лосей, оленей же значительно меньше (Белоусов, 1915). Лоси хищнически истреблялись. В начале XX в. в Чусовском районе по насту и подрезами уничтожалось ежегодно до 500 лосей. В 20-х годах в Пермском округе они оставались в глухих лесах по рекам Бырме, Бабке, Шакве, Усьве, Вильве, Вижаю, Койве и Чусовой, но их было там мало (Куклин, 1948).

Из копытных зверей наиболее обычны были косули. В 70-х годах XIX в. их распространение к северу не шло дальше 60° с. ш., да и там они попадались очень редко. К югу от г. Екатеринбурга они были обычны, а местами (особенно в Каслинской лесной даче) многочисленны. Особенно много косуль становилось здесь зимой, когда они прикочевывали на южную окраину лесного Зауралья из расположенных западнее районов, где снежный покров был обычно очень высок (Сабанеев, 1875). В первом десятилетии XX в. косули в Верхотурском уезде заходили на север до горы Благодать (Белоусов, 1915).

Из крупных хищников наиболее редко встречалась россомаха. В 70-х годах XIX в. во всей Пермской губернии добывалось в год от 50 до 150 россомах, рысей — от 200 до 400, медведей — от 300 до 600 и волков — от 2000 до 3000 (Сабанеев, 1872). Но волки, самые многочисленнейшие из крупных хищников в обжитых человеком и не слишком снежных частях Урала, редко встречались в многоснежных таежных лесах Северного и Среднего Урала. В 1911 г., например, в Верхотурском уезде был добыт только один волк, россомах же добыто 30, рысей — 60 и медведей — 100 (Белоусов, 1915).

Численное соотношение соболя и куницы стало обратным по сравнению с тем, что наблюдалось в XVII в. В 70-х годах XIX в. в Пермской губернии добывалось в год от 300 до 1000 соболей, а куниц — от 1000 до 2500. К началу XX в. в западной части Пермской губернии куниц по сравнению с соболями стало в добыче еще больше. Например, в Чердынском уезде добывалось около 500 куниц, 200 кидусов и только 100 соболей в год. Но на востоке этой губернии куница, хотя и преобладала, но не так резко: в Верхотурском уезде, например, в 1911 г. было добыто 450 куниц и 200 соболей (там же). В начале XX в. на Среднем Урале появился колонок, он был замечен под Пермью (Куклин, 1938).

Наибольшее значение из промысловых зверей имела белка. В 70-х годах XIX в. ее добывали в Пермской губернии от 100 до 300 тыс. в год. Тогда уже была подмечена связь между урожаем семян хвойных деревьев и численностью этого зверька (Сабанеев, 1872). Отмечалось также, что численность белки и зайца беляка сильно колеблется по годам (там же). В 1866/67 г. в Уфалейской лесной даче беляков расплодилось так много, что они погрызли весь молодой осинник и березник. Русака в 70-х годах XIX в. на Среднем и Северном Урале не было. В Предуралье он встречал-

ся на юго-западной окраине Пермской губернии — в Оханском и Осипском уездах — но редко. Как исключительная редкость он попадался на юге лесной части Зауралья в Екатеринбургском уезде. Вырубание лесов и расширение площади пахотных земель способствовали расселению русака в новые места. В начале XX в. он появился на юге Коми-Пермяцкого округа (Коми-Пермяцкий национальный округ, 1948). В XIX в. был окончательно истреблен бобр; в 70-х годах во всей Пермской губернии добывалось от пяти до десяти бобров в год (Сабанеев, 1872).

Из промысловых птиц наибольшее значение имел рябчик. В Пермской губернии в 70-х годах XIX в. их добывалось от 50 до 100 тыс. в год, а глухарей — от 10 до 25 тыс., белых куропаток — от 10 до 20 тыс., уток разных видов — от 5 до 15 тыс. и гусей — от 2 до 5 тыс. (там же). К началу XX в. добыча рябчиков возросла и в двух уездах Пермской губернии (правда, в самых больших — Чердынском и Верхотурском) их добывалось около 60 тыс. штук в год (Белоусов, 1915).

В тех местах Урала и Приуралья, где было довольно густое население, а следовательно, больше охотников, замечалось сильное уменьшение численности глухарей (Протопов, 1900; Ушаков, 1927). Стерх, который в конце XVIII в. отмечался как довольно обычная птица в Красноуфимском и Ирбитском уездах, в 50—80-х годах XIX в. лишь изредка появлялся на пролете в камском Приуралье (Теплоухов, 1882).

Во второй половине XVIII и первом тридцатилетии XX в. заметно сократился улов осетровых и лососевых рыб. Все меньше и реже заходили в Каму и ее притоки белуга, осетр, каспийский лосось и белорыбца. Во второй половине XIX в. была предпринята попытка заселить некоторые уральские водоемы ценными видами рыб, ранее в них не водившимися. В камские озера пересадили леща и стерлядь, в камышские — тайменя, форель и сига (Самарин, 1903).

Второе тридцатилетие XX в.

В эти годы на Среднем и Северном Урале, как и в других частях нашей страны, в народном хозяйстве и быте населения произошли существенные изменения. Рост промышленности, смена крестьянского сельского хозяйства коллективным и государственным, отлив населения из сельских местностей в города, усилившаяся вырубка лесов, расширение площади пахотных земель, сброс загрязненных и отравленных сточных вод в водоемы прямо или косвенно отразились на распространении и численности промысловых животных.

В этот период сильно возросла численность лося. К концу 40-х годов в одной только Пермской области насчитывали до 9 тыс. сохатых (Куклин, 1948). По мере роста стада лосей, они широко расселялись и стали заходить даже в приуральскую лесотундру и тундру, прошикая и задерживаясь там на островных лесам и по приречным лесам и зарослям ивняка. О распространении и численности северных оленей сведений мало. В 30-х годах в камском Приуралье они встречались в бассейне р. Весляны, где росли обширные ягельники. Их насчитывалось в этом районе около 1000 голов. Места пребывания северного оленя были известны также в верховьях рек Ийвы, Косьвы, Вильвы и Иса (Куклин, 1938). В Веслянской лесной даче северный олень оставался многочисленным и в начале 50-х годов, там встречались стада до 300 голов (Томилин, 1953). Всего в Гайнском районе к этому времени насчитывалось до 2000 оленей. Это было наиболее многочисленное стадо во всей Пермской области. Кроме того, олени водились в Пырьобском, Косинском, Чердынском и Красно-Вишерском районах (Куклин, 1951).

В распространении крупных хищников особенно больших изменений не произошло. Медведи продолжали отступать из людных местностей и

почти исчезли из южной части Пермской области. Но в ее северо-восточной части и в Коми-Пермяцком округе их было довольно много и они приносили заметный вред животноводству, нападая на домашних животных. Волков же, наоборот, было много в обжитой лесопольной части Пермской области. В многоснежной северо-восточной части ее, где поселения людей редки и много глухих лесов, волки встречались редко (там же).

За второе тридцатилетие XX в. сильно увеличилась численность соболя в Свердловской области и он вновь появился в Пермской области, пропикнув западнее р. Вишеры. Восстановление численности и распространения соболя произошло в результате запрещения охоты на него в течение нескольких десятилетий и переселения на Урал большой партии (свыше 4 тыс.) сибирских соболей.

В одном только Ивдельском районе было выпущено 224 соболя, привезенных из лесов по р. Витиму (Кондратов, 1954). В настоящее время в Свердловской области уже разрешена охота на соболя и добыча его все время увеличивается: в 1956 г. было закуплено 910, в 1957 г. — 1500 и в 1958 г. — 1779 собольных шкурок. В ближайшие годы число соболей, вероятно, еще более возрастет.

В это же 30-летие увеличилась и численность лесной куницы (особенно в Пермской области и в меньшей степени в Свердловской). Одновременно увеличивалась и добыча этих зверьков. В Пермской области в 1956 г. было закуплено 5160 куных шкурок, в 1957 — 4330 и в 1958 — 7219. Годовой выход куных шкурок на 10 тыс. га леса составлял в эти годы в Пермской области четыре — семь штук. В Свердловской области было закуплено в 1956 г. — 1700, в 1957 г. — 1630 и в 1958 г. — 2694 шкурки куницы и выход с 10 тыс. га леса был несколько меньше 2—3 штук.

Добыча белки — основного промыслового зверька — в 50-х годах настоящего столетия значительно снизилась по сравнению с 20—30-ми годами. В Свердловской области в 1956—1958 гг. было закуплено 50,5, 52,5 и 114,6 тыс. белчиных шкурок, а в Пермской области — 74,7, 37 и 92,7 тыс. шкурок. Уменьшение добычи белок произошло главным образом в связи со все возрастающей вырубкой лесов и их плохим возобновлением. В Прикамье площадь с неудовлетворительным возобновлением леса составляла 40%; в Пермской и Свердловской областях 9% всей лесной площади занято необлесившимися вырубками и гарями (Колесников, Гвоздев и др., 1961).

ГОРНОЛЕСНОЙ ЮЖНЫЙ УРАЛ И ЮЖНАЯ ЧАСТЬ ЗАПАДНОГО И ВОСТОЧНОГО ЛЕСНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Коренными жителями Южного Урала и южного лесного Приуралья были башкиры. Сведения об их быте начали появляться главным образом с середины XVI в., после присоединения этих территорий к Московскому государству.

XVI — XVII вв.

В одной из башкирских хроник (шажерэ) рассказывается, что башкиры, прося принять их в подданство московского царя, соглашались платить ясак медом и шкурками куницы, бобра и выдры (Назаров, 1890)²³. Главными источниками существования лесных башкир в XVI в. были полукочевое скотоводство, охота, бортное пчеловодство и рыбная ловля. Об основных особенностях их занятий довольно правильно писалось в «Кни-

²³ В русский перевод этих строк вкралась опечатка и вместо слова «меда» напечатано «меди». Названия же куницы, бобра и выдры даны на татарском языке (соусар, кундуз, кама); см. Назаров, 1890, стр. 167.

ге Большому Чертежу» (1950, стр. 139): «А усть реки Белья Воложки вверх и по реке по Уфе и обеим сторонам и до Оральтовы горы (хр. Урал-Тау.— С. К.) и далее все живут башкирцы, а кормля их — мед, зверь, рыба, а пашни не имеют».

Суровый климат Южного Урала и каменистая почва долгое время препятствовали развитию здесь земледелия. Мешало ему и отсутствие дорог. Не было тележного пути, например, в местах, расположенных по верхнему течению р. Белой, по рекам Инзеру, Зилиму, Нугушу, Зилашру, по верхнему течению Большого и Малого Ика. Проезду на телеге от Уфы к верховьям рек Ай и Юрюзань, к верховью р. Сим и к Гайнинской волости, расположенной по р. Тулве, препятствовали не только горы и леса, но и топи (Материалы по истории Башкирской АССР, 1936).

В пониженной южной лесной части Предуралья с менее суровым климатом и менее каменистыми почвами преобладали земли, удобные для земледелия, и туда во второй половине XVI в. и в XVII в. переселилось довольно много татар, чувашей и черемисов, уходивших из закрепощаемого Поволжья; переселялись туда и русские крестьяне. Новоселы приносили с собой навыки и любовь к земледелию. Кое-где на западной окраине Предуралья, около границы с прежней Булгарией, земледелием занимались и башкиры, например в Ирехтинской волости (Усманов, 1949), которая была расположена в низовье р. Ик (бассейн р. Камы).

Успешнее всего развивалось земледелие у башкир Осинской дороги²⁴, населявших лесную северо-западную окраину Башкирии. Ясацкие башкиры Гайнинской волости²⁵ в 80-х годах XVII в. писали, например, в челобитной, что они ездят в г. Соликамск и другие города и возят продавать «хмель, воск, и хлеб, и всякую животицу» (Материалы по истории Башкирской АССР, 1936, стр. 75; разрядка моя.— С. К.).

Охотничий промысел имел важное значение для горнолесных башкир. Охотясь на диких зверей и птиц, они добывали пушнину, мясо и кожи; пушниной же они вносили и ясак. До присоединения к России башкиры платили ясак ногайцам. В 1601 г. уфимский воевода доносил, например, что ногайцы «имали де ясак в Уфимском уезде от устья Белья Воложки до уфимские и айские вершины и на Катайской волости» (Миллер, 1941, стр. 165).

С горнолесных и лесных башкир взимался ясак бобыльский и окладный. Размер окладного ясака зависел от вотчины, которой владел тот или иной башкир. Ясачный башкир Елдяцкой волости Сибирской дороги²⁶ Бекимбет Туушев в своей челобитной писал, например, в 1693 г., что он должен платить со своей вотчины окладный ясак 22 куницы и полубатман (5 фунтов) меду, что было ему не по силам, поскольку он «человеческая одинакой». Поэтому он пустил в свою вотчину двух горных татар и просил, чтобы ему разрешили платить окладный ясак втроем. Воевода Стрелев, рассмотрев челобитную, велел вписать двух татар в ясак челобитчика, «чтобы ему одному тот ясак платить было не в тягость». Воевода добавил при этом, что «и преж сего такие примеры бывали, безьясачные люди в окладные ясаки для вспоможения писаны»²⁷.

Куница была главным пушным зверем, но, кроме нее, лесные башкиры добывали и других пушных животных. На северной окраине лесной Башкирии в Верх-Уфимской волости в 1630 г. с двенадцати ясачных людей были взяты шкурки 53 куницы, 25 соболей и двух выдр. В 1651 г. с четырнадцати ясачных людей, живших в двух Верх-Уфимских воло-

²⁴ Территория, входившая в Осинскую дорогу, протягивалась узкой полосой к северу от нижнего течения р. Белой (от г. Уфы до устья реки).

²⁵ Эта волость была расположена на левобережье р. Камы, к северу от р. Буй.

²⁶ Эта волость была расположена по р. Уфе, вниз от устья р. Юрюзани; в Сибирскую дорогу входила восточная Башкирия.

²⁷ ЦГАДА. Фонд Уфимская приказная изба, д. 1152, л. 25—26.

стях, — 308 белок, 45 куниц, десять лисиц и шесть соболей и один бобр, а в 1660 г. с двадцати ясачных людей, живших здесь, — 1091 белка, 34 лисицы и один бобр; соболевых шкурков в этом году ясачные люди не принесли ни одной²⁸.

Особенно пенился бобр. Каменные, мелководные, глубоко промерзающие реки Башкирского Урала малоприспособны для жизни бобров, а ловить их здесь очень легко. Поэтому уже в XVII в. бобров на Южном Урале осталось, по-видимому, мало. Известно, например, что в 70-х годах этого века башкиры Бурзянской волости²⁹ ездили на боброванье с гор Южного Урала в степь, на Большой Иртыз и другие заволжские реки, а башкиры Килпчакской волости уходили еще глубже в степь и добывали бобров даже на р. Уиле (Кириков, 1959).

Кроме охоты на зверя и птицу повсюду, где были реки и озера, ловили рыбу. На озерах и крупных реках ее ловили неводами, на реках были езы — летние и зимние, весной устраивали забережники. Была и крючковая снасть — аханы, жерлицы, удочки. Зимой, когда на озерах бывал замор, ловили «духовую» рыбу, т. е. ту, которая шла к прорубям и «живцам».

По мере заселения людьми южного лесного Приуралья и развития там земледелия зверей и птиц в охотничьих угодьях становилось все меньше и добыча их падала. В 80-х годах XVII в. башкир Уранской волости Бектуганов и его товарищи просили сбавить ясак, так как в их вотчине поселились татары, вотяки и черемисы (всего 40 деревень), лес вырублен и выбит скотом, на бобровых речках построены мельницы. Выплачивать ясак в прежнем объеме стало невозможно³⁰.

В конце XVII в. ухудшение охотничьих угодий стало заметным во многих местах Башкирии. В 1694 г. ясачные вотчинники всех четырех дорог — Осинской, Казанской, Сибирской и Ногайской³¹ — писали в своей челобитной, что в недавние годы в их вотчинах поселились пришлые люди — русские, татары, чуваша, черемисы и вотяки. Переселились они из Казанского, Кунгурского, Тобольского уездов и из Солеваренного городка. Новоселы построили ряд деревень, распахали пашни, сильно порубили леса и погубили много бортовых деревьев. Из-за этого, а также из-за усиления охотничьего промысла стало меньше лосей, медведей, куниц, белок и запустели бобровые вежи (Материалы по истории Башкирской АССР, 1936).

XVIII в. — первая половина XIX в.

В XVIII в. захват башкирских земель, притеснения и лихоимство правителей довели башкирский народ до отчаяния. Восстания возникали одно за другим. Даже уфимский вице-губернатор П. Аксаков писал в 1744 г. Елизавете Петровне, что восстания 1735—1736 и 1737—1739 гг., сопровождавшиеся «великим пролитием крови человеческой», были вызваны лихоимством начальства и что башкиры «не имели ниоткуда милосердия и помощи, ибо ехать никуда просить не могли. А которые хотели, из них некоторые казнены, а от других жены и дети отниманы. Прочие же грабительством лихоимственным в совершенную нищету приведены»³².

²⁸ Там же. Фонд Сибирский приказ, ясачная книга Верхотурского уезда, кн. 22 и 260.

²⁹ Эта волость была расположена главным образом на левобережье р. Белой от р. Южный Узян до р. Иртызы и захватывала верховья рек Большого и Малого Ика; восточная часть волости выходила в присакмарскую лесостепь.

³⁰ ЦГАДА. Фонд Уфимская приказная изба, д. 980, л. 2.

³¹ В Ногайскую дорогу входили южная и центральная Башкирия, в Казанскую — юго-западная Башкирия (к югу от нижнего течения р. Белой).

³² ЦГАДА. Фонд 248, кн. 261, л. 21а.

В результате неравной борьбы почти половина башкир Ногайской и Казанской дорог была уничтожена карателями. Хозяйство было разорено. Это затормозило развитие земледелия, но оно все же постепенно и неуклонно развивалось, особенно на северо-западной окраине (к северу от нижнего течения р. Белой, в бассейнах р. Ая и верхнего течения р. Уфы). П. С. Паллас, проезжавший в 1773 г. в верховьях р. Уфы, писал, что местные башкиры «весьма к земледелию привыкли» и что они имеют «великое земледелие». С бассейна р. Таныпа, например, башкиры отвозили много ржи на камские винокурни (Паллас, 1788, стр. 20—21, 26).

Но на горнолесном Урале условия для земледелия были неблагоприятными, и даже русские крепостные крестьяне, переселенные на появившиеся в XVIII в. заводы, долгое время не занимались хлебопашеством. Поверенный Демидова — владельца Каптинского и Узьянского заводов — давая справку советнику по межевым делам, сообщил, например, что на этих заводах «хлебопашества никакого не имеется»³³.

Плотность населения в горах Южного Урала была очень низкой. В 20-х годах XIX в. в Тангаурской и Тамьянской волостях, занимавших 496,5 тыс. десятин земли и расположенных преимущественно на горнолесном Урале и частично в лесостепном Приуралье, плотность населения составляла всего 1,2 человека на 1 кв. версту. Пашня в этих волостях занимала 0,2% территории. В те же годы плотность населения в даче Каноникольского завода достигала всего 0,9% человека на 1 кв. версту. Пашни здесь не было совсем, а леса, судя по материалам генерального межевания, занимали 95,3% общей площади дачи (112 534 десятины).

Несмотря на отсутствие земледелия или крайне незначительные зачатки его, леса Южного Урала были уже в XVIII в. значительно измещены людьми. Во второй половине этого столетия на Южном Урале возникло около двадцати медеплавильных, чугунолитейных и сталелитейных заводов. Они работали на древесном угле, и поэтому лес сводился на опрочных площадях. Лесная дача Вознесенского завода, на котором выплавлялось около 6 тыс. пудов меди (Лепехин, 1772), занимала площадь около 100 тыс. десятин. В ведомости, составленной в Берг-Коллегии в 1768 г., указано, что леса хватит примерно на 30 лет. Каноникольский завод выплавлял в 1766 г. 8425 пудов меди³⁴. Лесная дача этого завода занимала также около 100 тыс. десятин; в 1768 г. считалось, что лесу хватит на 20 лет (Материалы по истории Башкирской АССР, 1956).

Башкиры Ногайской дороги, стремясь сберечь свои леса, писали оренбургскому губернатору: «еще же лес наш разного звания люди, не храня, рубят, а сверх того чинят пожары, а кои и истребляют» (там же). Особенно страдали горные боры, где была расположена большая часть южноуральских заводов. И. И. Лепехин (1772) отметил «жалостное» состояние горных сосново-лиственничных лесов между Вознесенским и Каноникольским заводами. Почти на всех деревьях в этих лесах были заметны следы пожара.

Главным занятием горнолесных башкир в XVIII в. и первой трети XIX в. было, как и в XVII в., полукочевое скотоводство. В «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию Верхнеуральского уезда, большая часть которого находилась в горнолесной части Южного Урала, сказано, что «главный промысел состоит в скотоводстве и каждый имеет малое количество как рогатого, так и лошадей и прочих скотов. В летнее время из деревень выходят со всем семейством и скотом в коши; питаются более крутом (высушенный кислый творог. — С. К.) и кумызом, и по заморозам обращаются в свои дома»³⁵.

³³ ЦГАДА. Фонд Оренбургская губерния, д. 550, связка 6629, л. 14.

³⁴ Вознесенский завод начал действовать в 1755 г., а Каноникольский — в 1751 г.

³⁵ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Верхнеуральский уезд, д. 10, л. 96.

Кроме скотоводства значительное место в быте башкирского населения продолжали занимать охотничий промысел и бортное пчеловодство. Горнолесные башкиры, вынужденные продавать за бесценок или отдавать в долгосрочную аренду свои земли «с лесы, с севными покосы, и с рыбными ловли, и с железными и с другими, какие до сего сысканы и впредь сыщутся рудами», почти всегда делали оговорку, что за ними должно оставаться право «на санар ездить попрежнему»³⁶. Иногда оговорка о санаре выражалась в иных словах, но ее сущность оставалась той же. При продаже земли владельцу Каноникольского завода башкиры внесли, например, следующую оговорку: «только нам, башкирцам, имеющимися в тех местах старыми бортевыми дельными деревьями со пчелами и без пчел владеть и зверей и птиц ловить». В некоторых случаях добавлялось: «А им, заводчикам, бортовых деревьев не рубить и зверей не ловить» (Материалы по истории Башкирской АССР, 1956, стр. 121).

Пушиной зверь добывался всякий. Нередко в записях о сдаче вотчинных угодий в оброчное владение упоминалось, что оброчник имеет право «выдру и норки бить и куницу и белок гонять», или «выдры, норки, лисицы гонять». Среди пушных зверей, добывавшихся на Южном Урале в XVIII в. и первой половине XIX в., первое место в промысле по количеству сдаваемой пушнины занимала лесная куница, которая считалась лучшей в России. Но особенно дорого ценился бобр. Лесные башкиры, сдавая на оброк свои вотчины или принимая туда «припущенщиков», нередко делали оговорку, что они могут владеть пахотной землей и сенокосами, бортными уходами, всякими звериными и птичьими ловлями, кроме бобровых гонов. «И в той моей вотчине в лесу борти делать, зверя всякого и птицу ловить. А бобров им, Сеиту з братьями, в той вотчине не ловить», такое условие ставил, например, один из башкир Едзянкой волости, принимая в свою вотчину «припущенщика» (Материалы по истории Башкирской АССР, 1949, стр. 77).

О размещении бобров на Южном Урале в XVIII в. сведений очень мало. Известно, что их добывали в верхнем течении р. Юрюзани и в ее притоке р. Бердяше. В южном Предуралье бобровых рек было больше. В начале XVIII в. бобров добывали на левобережье нижнего участка течения р. Уфы — в реках Юрмаше, Караганке, Тауше и Киндерле; ловили их также в р. Уфе, около с. Красный Яр, в верховьях р. Шады и р. Бири, в реках Камбарке, Бурне, Асаве, Полуденке и Березовке (там же).

Важное значение имела также охота на копытных зверей. Поэтому в юридических записях об аренде башкирских вотчин иногда обуславливалось, что арендаторы имеют право не только косить сено, делать борти, ловить рыбу, птиц и пушных зверей, но и «лося гонять и олени стаи разбивать». Такие записи известны, например, о вотчинах Уранской волости, которая была расположена на левобережье р. Камы, по рекам Камбарке, Черной, Большому Бизю, Сосновке, Большому и Малому Бурну (Материалы по истории Башкирской АССР, стр. 67 и 72).

Лось был очень ценной добычей, и поэтому в юридических документах XVIII в., заключавшихся между башкирами-вотчинниками и «припущенщиками», нередко записи о том, что последние должны делить убитых лосей пополам с вотчинниками. Лосей, а также косуль, загоняли по насту. Слова «олени стаи разбивать» показывают, что речь шла главным обра-

³⁶ Основные леса по рекам Кане, Куркатау и верховью Большого Ика, занимавшие площадь около 100 тыс. десятин, были проданы владельцу Каноникольского завода за 525 руб.; леса по р. Иргизле, левобережью р. Белой и р. Менеусу (около 100 тыс. десятин) — барону Сиверсу за 235 руб. и т. д. Ездить «на санар» или «хухар» означает ездить на охоту за зверем или птицей. Но иногда под словом «санар» понимали охоту по первозимью. П. Рычков (1767, стр. 6) писал, например, что главный промысел башкир — «санар, т. е. звериная ловля, по первозимью отправляемая». По словам И. И. Лепехина, горнолесные башкиры, в основном молодые, как только выпадала пороша, покидали дома и отправлялись артелями на охоту.

зом о северных оленях, которые зимой всегда собираются в стада. О северных оленях сообщали также И. И. Лепехин и П. С. Паллас. Первый из них отметил, что они водятся по высоким горам Южного Урала; особенно много их было на хр. Аваляке, расположенном к востоку от горы Ирмели (Лепехин, 1772). П. С. Паллас (1788) писал, что северные олени держались по еловым и другим лесам Южного Урала, расположенным между р. Камой и верховьями р. Уфы, и что они собирались в большие стада.

В годы генерального межевания (первое тридцатилетие XIX в.) олени были отмечены в Тамьянской и Тангаурской волостях Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии (к югу от 53° с. ш.) и в Капошниковской лесной даче того же уезда, а также в лесах по рекам Большому и Малому Инзеру, Лемезе, Мелеузу, в лесных дачах Белорецкого, Катав-Ивановского, Юрюзанского, Саткинского, Златоустовского, Миасского, Петропавловского и Кусинского заводов и в лесной даче Чебаркульской крепости³⁷. К сожалению, в примечаниях к генеральному межеванию не указывалось, какие именно олени — северные или благородные — встречались в тех или иных местах Южного Урала. По-видимому, преобладали северные олени, заходящие по горным борам до границы с лесостепью (52° с. ш.). Об этом сообщали Эверсманн (Eversmann, 1840) и Гельмерсен (Helmersen, 1841), причем последний видел пять северных оленей, убитых на охоте около Преображенского завода (ныне с. Зилайр).

Из птиц наибольшее промысловое значение имели тетеревиные (рябчик, тетерев, глухарь), а местами водоплавающие птицы. Известно, например, что переселами ловили уток по Уфе, Гарейке и другим рекам. Кроме того, башкиры добывали молодых беркутов, сапсанов и ястребов-тетеревятников и продавали их затем казакам и степным башкирам.

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

Вскоре после отмены крепостного права население южного лесного Приуралья стало быстро увеличиваться за счет переселенцев. В 60—70-х годах XIX в. последние оседали в основном на правобережье р. Белой, а также по р. Уфе и р. Симу, где можно было с успехом заниматься земледелием. В горной же части Южного Урала переселенцев не было, и автор «Очерков из жизни дикой Башкирии» (Ремезов, 1889) полагал, что их там никогда и не будет из-за суровости климата, каменистой почвы и плохих путей сообщения.

Значительная часть металлургических заводов, расположенных на Южном Урале, перестала существовать. Два из них (Покровский и Вознесенский) были разрушены башкирами и русскими во время восстания 1773—1774 гг. Другие закрылись: одни вскоре после отмены крепостного права, другие в конце XIX или в самом начале XX в. Рубка леса на нужды этих заводов прекратилась, но его стали усиленно сводить лесопромышленники. Особенно сильно вырубались леса в бассейнах рек Самары, Урала и Белой. Уже в 60-х годах XIX в. отмечалось, что в верховьях Большого и Малого Ика сосны осталось мало и вырубки, особенно после пожаров, зарастали травой и превращались в редколесья и пустоши (Власов, 1864). В 90-х годах того же столетия Д. П. Мамин-Сибиряк (1894), когда он подъезжал к горе Ирмели, поразило, что леса на хр. Урал-Тау и хр. Аваляк сведены «до глы, самым хищническим образом» (стр. 49). Даже у самого подножия горы Ирмели лучшей строе-

³⁷ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Стерлитамакский уезд, д. 11; Верхнеуральский уезд, д. 10; Троицкий уезд, д. 15.

вой лес (ель и пихта) был весь вырублен и там остались только искривленные деревья.

Не везде, конечно, лес возобновлялся так плохо, как на южной окраине горных боров. Во многих местах вырубля вновь выросли лесом, но состав древесных пород изменился. На западном склоне Южного Урала в смешанных сосново-широколиственных лесах сосна возобновлялась очень плохо, и эти леса во многих местах превратились в лиственные. На восточном же склоне на месте горных боров нередко после рубки возникали леса, где преобладала береза.

Ухудшение лесных угодий, частые лесные пожары и полное отсутствие заботы об охране и воспроизводстве промысловых животных не замедлили отразиться пагубным образом на распространении и численности некоторых наиболее ценных видов. Еще в 80-х годах XIX в. северный олень был довольно обычен летом, а зимой даже многочислен. Летом большая часть оленей, как писал П. С. Назаров (Nasarow, 1887), откочевывала на высокие горы около р. Инзер (по всей вероятности, на горы Большой Ямантау и Иремель и хребты Зигальга и Нара). В 70-х годах в Каноникольской лесной даче и Вознесенском бору, расположенном между средним участком широтной залучины р. Белой и р. Малым Иком, северных оленей было больше, чем лосей (Клириков, 1952). В Вознесенском бору олени встречались и в самом конце XIX в., когда уже заметно уменьшилась их численность на Южном Урале (Силантьев, 1898). В 1895 г. в тайге на горе Иремели держались северные олени и лоси (Русский, 1895). К 20-м годам XX в. лось, козуля и северный олень оставались лишь в немногих местах Южного Урала. К этому же времени сильно уменьшилась численность лесной куницы, редко где оставалась выдра.

Из боровой дичи больше всего было тетерева и глухаря. В спелых и средневозрастных неразреженных борах и в смешанных сосново-березовых лесах глухарей местные промысловые охотники добывали не только для себя, но и на продажу. Их отправляли в Оренбург, а оттуда в Москву. В декабре 1881 г., например, партия глухарей в 200 штук, была привезена в Москву из большого татарского с. Юлука (Лоренц, 1882). В ближайших окрестностях этого села расположены чистые березники, перемежающиеся со степными и луговыми полянами. Глухари там бывали тогда, как и в настоящее время, лишь летом, да и то редко. В 10 км к югу от с. Юлука начиналась Крепостная Зилайрская лесная дача, где господствовала сосна. По всей вероятности, оттуда и были привезены глухари, отправленные затем в Москву. Ф. Лоренц тогда еще обратил внимание на отличительный признак южноуральских глухарей — белобрюхость.

В 1926 и 1929 г. мне довелось жить в Каноникольске и бывать в с. Юлуке и Крепостной Зилайрской даче (в бассейне среднего течения р. Ялан-Зилаир). Глухарей и тогда еще было много, но местные охотники рассказывали, что их было гораздо больше в начале столетия, когда многие леса еще не подверглись вырубке, и что в хороший день удавалось из помпозной малопульной винтовки набивать полные санарки³⁸ этой птицы. В чистых березниках, господствовавших по восточному склону Южного Урала, и в смешанных молодых сосново-березовых лесах, появившихся на месте вырубленных горных боров, водилось много тетеревов. В декабре 1881 г. в Москву из того же с. Юлука поступила большая партия тетеревов, значительная часть которой было переправлена затем в Петербург (Лоренц, 1882). Осенью 1927 г. на охоте с чучелами между с. Каноникольском и с. Юлуком (в верховье р. Пыпады) шесть охотников за два вечера и одно утро убили 152 тетерева, и такая охота считалась лишь посредственной.

³⁸ Санарками назывались легкие высокие сани, на которых охотились с подъезда.

Присходящая в эти годы усиленная рубка лесов привела к тому, что к 50-м годам XX в. средневозрастные сосново-лиственничные леса в бассейнах р. Сакмары и Большого Ика были почти совсем сведены, мало крупного хвойного леса осталось и в бассейне р. Белой. Сосново-лиственничные леса почти повсюду превратились в мелколесье и редколесье или в них стала преобладать береза. Лиственные леса на западном склоне Южного Урала сохранились лучше, но многие деревья (особенно осины и дуба — главных древесных пород) здесь поражены гнилью и пригодны только на дрова. К тому же дуб в них низкорослый и корявый (четвертого и пятого боинтета). Поэтому в этих лесах вырубается всего 10—15% площади, подлежащей вырубке.

Площадь пашни хотя и увеличилась, но незначительно, так как климатические условия малоблагоприятны для земледелия; даже на южной окраине горнолесной части Урала нередко заморозки в конце мая — начале июня и в августе. Например, в Бурзянском районе пашни занимали в конце 50-х годов всего 3,8% земельной площади, а леса — 84%; в Белорецком районе — соответственно 2,7% и 82,7%, а в Зилаирском — 11,6 и 66,3% (Тахаев, 1959).

Изменения природных угодий, а также некоторые другие факторы отразились на распространении и численности промысловых животных. На Южном Урале, как и в более северных частях Горнолесного Урала, за эти годы стало гораздо больше лосей. На южной оконечности горнолесного Урала, где западный склон покрыт широколиственными, а восточный — сосново-березово-лиственничными лесами, лоси с весны до начала зимы держатся преимущественно на западном склоне, а зимой — на восточном. Уже в начале 40-х годов лоси были настолько обычны, что в 1942 г. в ночь со 2 на 3 декабря через р. Белую на участке протяженностью 35 км с западного берега перешло на восточный 50 лосей (Кириков, 1952). Лосей было бы еще больше, если бы их не истребляли браконьеры. Особенно много сохатых губят в глухих районах, где нет почти никакой охраны животных.

Восстановление численности и распространения косуль было менее успешным. К началу 30-х годов косуль на Южном Урале оставалось немного. Затем численность их стала возрастать, и к 1940 г. они появились во многих местах. В горах Южный Крак (Башкирский заповедник) в конце декабря 1940 г. и в начале января 1941 г. на площади 30 тыс. га насчитывалось 150 косуль. Но в многоснежную зиму 1940/41 г. большая часть их была истреблена браконьерами, волками и бродячими собаками. В 1960 г. косуль было все еще меньше, чем в конце 30-х годов.

В целях восстановления поголовья маралов на Южном Урале зимой 1940/41 г. в Башкирский заповедник с Алтая привезли 40 животных. Сначала они содержались в загоне, а затем их выпустили на волю. В декабре 1944 г. в пределах заповедника было учтено 80 взрослых и молодых маралов. Кроме того, около 20 маралов наблюдалось за границами заповедника — на хр. Большой Прендык, в горах Северный Крак и в широколиственных лесах к западу от р. Белой. Большая часть этих маралов была истреблена браконьерами (Кириков, 1952). Осенью 1951 г. в Башкирском заповеднике насчитывалось уже около 280 маралов (Казиевский, 1956). Во время закрытия заповедника много маралов было истреблено браконьерами, а после его восстановления поголовье стало увеличиваться.

Из зайцев на Южном Урале преобладает беляк. Численность его, как и в других местах, подверглась в эти годы резким изменениям, причиной которых был мор. В Башкирском заповеднике он произошел в 1934—1935 гг. До этого беляков в заповеднике водилось очень много, а после 1935 г. их осталось всего несколько штук. В последующие годы числен-

ность беляков стала возрастать, но очень медленно. Затем в 50-х годах на Южном Урале она снова снизилась (причины этого не выяснены). Изменения в численности отразились на заготовках. В Бурзянском районе — одном из самых малолюдных и глухих районов Южного Урала, в 1934 г. было заготовлено 519 шкурок беляка, в 1935 г. — 228, в 1936 г. — 118, в 1957 г. — 33, в 1958 г. — 22, в 1959 г. — 13 и в 1960 г. — 71. В Зилаирском районе, расположенном на южной окраине Горнолесного Урала, в 1934 г. было заготовлено 4827 шкурок беляка, в 1935 г. — 10 843, в 1936 г. — 3013 и в 1937 г. — 1011. Русак на Южном Урале очень редок и теперь. В Бурзянском районе, например, за 7 лет (1934—1936 и 1957—1960 гг.) сдано всего 20 шкурок русака, а в Зилаирском за 4 года (1934—1937 гг.) — 174 шкурки.

Очень резко сократилась в рассматриваемый отрезок времени и численность белки. В Бурзянском районе в 1934 г. было заготовлено 7372 белчиш шкурки, в 1935 г. — 9102, в 1936 г. — 9847, в 1957 г. — 303, в 1958 г. — 553, в 1959 г. — 488 и в 1960 г. — 419, а в Зилаирском районе в 1934 г. — 2178, в 1935 г. — 5495, в 1936 г. — 6595 и в 1937 г. — 6010. Уменьшению численности белки объясняется несколькими причинами. В горных борах стало меньше главным образом в связи с истребительной рубкой этих лесов, а в широколиственных лесах на западном склоне это обусловлено другими причинами. Здесь численность белки вообще более низкая, чем в горных борах, так как зимой ей трудно укрываться от врагов в голом чернолесье, а в годы с плохим урожаем желудей и орешков липы, что случается довольно часто, они гибнут от голода. Кроме того, в последние годы белки, по-видимому, нередко становились добычей лесных куниц, которых в 50-х годах стало значительно больше, чем в 30-х. В Бурзянском районе, например, в 1934, 1935 и 1936 гг. было закуплено у охотников соответственно 65, 74 и 79 шкурок куниц, а в 1957, 1958, 1959 и 1960 гг. — 200, 403, 289 и 298 шкурок. В эти годы лесная куница широко расселилась и по горным южноуральским борам, где в 30-х годах она встречалась крайне редко. Причины, вызвавшие сильное увеличение численности лесной куницы, не вполне ясны. Отчасти это было, вероятно, связано с почти полным прекращением охоты на нее в годы второй мировой войны.

Из крупных хищников в 50-х годах гораздо чаще, чем в 30-х, стала встречаться рысь. Медведи сосредоточены главным образом в широколиственных лесах. Сколько-нибудь обстоятельного учета их численности не производилось. Приблизительное представление о ней можно составить по числу шкур, сданных охотниками, хотя сдаются они далеко не все. В Бурзянском районе за 1959/60 г. было сдано 107 шкур. В горных борах медведи более редки, чем в широколиственных лесах, и только в тех борах, которые в течение трех-четырех последних десятилетий не подвергались чрезмерным рубкам и не страдали от пожаров, медведи обычны и в настоящее время. Волки же, наоборот, встречаются чаще в горных борах. Это связано с тем, что на западном склоне снежный покров более высок, чем на восточном.

Из лесных промысловых птиц сильнее всего изменилась численность глухаря, хотя границы его распространения на Южном Урале не изменились. Наиболее сильно сократилась численность глухаря в горных борах, так как он избегает мелколесья и редин, которых теперь в этих лесах очень много. Кроме того, много глухарей истребляется браконьерами в недозволённое для охоты время и недопустимыми способами ловли. Немало глухаринных кладок губится сборщиками живицы.

ЛЕСОСТЕПНОЕ ПРЕДУРАЛЬЕ

Предуральская лесостепь вытянута с севера на юг почти на 4,5°. В связи с этим ее северная часть по природным условиям сильно отличается от южной. Первую из них правильнее считать не лесостепью, а лесо-лугостепью, так как в ней, до коренного изменения угодий людьми, леса и сукходольные луга преобладали над степями. Высказывалось мнение (Берг, 1936), что та часть предуральской лесостепи, которая находится на Белебеевской возвышенности, носит «сибирский» характер, так как в ней преобладают березовые, а не широколиственные леса. Ф. Н. Мильков (1950) придерживался такого же мнения и утверждал, что в Белебеевской лесостепи березники были преимущественно исконными, первичными типами леса; они отображали «суровость климатических условий на востоке Волжского сектора». Изучение материалов генерального межевания и других источников не позволяет согласиться с этим мнением. В примечаниях к генеральному межеванию Белебеевского уезда (Уфимская губерния)³⁹ при описании лесов на первом месте в большинстве случаев указан дуб; крайне редко он уступал место березе или осине. В XVIII в. лес был на территории Белебеевского уезда истреблен на большой площади; особенно сильно вырубались широколиственные леса поташными заводами. Преобладавшие березы или большее, чем прежде, участие ее в лесах Белебеевской возвышенности, вызвано рубками, а не климатом. В более северных участках предуральской лесостепи к широколиственным породам примешивается ель и пихта. В начале прошлого столетия эти породы доходили на юге до верховьев р. Маты и р. Базы⁴⁰. Дальше к северу доля ели и пихты в лесах все возрастала, и в красноуфимско-месягутовской лесо-лугостепи в лесах наряду с березой, осиной, липой и сосной они были обычны; дуб же встречался в немногих местах. Доля степей в земельных угодьях постепенно уменьшалась по направлению к северу, и типчаково-ковыльные и ковыльно-разнотравные степи переходили в луговые степи и сукходольные луга.

XVI — XVII вв.

Коренным населением лесостепного Предуралья, как и горшолесной части Южного Урала, были башкиры. После присоединения Башкирии к Московскому государству (в последней четверти XVI в.) в целях закрепления власти правительство приступило к постройке укрепленных городов — Мензелинска, Бирска, Уфы и Самары. Вскоре могущество ногайцев сошло на нет. Но все же они (а еще больше калмыки) продолжали притеснять башкир в их охотничьих угодьях⁴¹. В 1691 г., например, башкиры всех четырех дорог — Ногайской, Казанской, Осипской и Сибирской, а вместе с ними чувашки, черемисы, вотяки и горные татары подали царю Ивану и Петру челобитную. В ней они жаловались, что в 1682 г. тайша Аюка с его калмыками и ногаями «взял войною в полон» около 4000 человек и угнал около 40 тыс. голов скота. В следующем году Аюка опять наслал калмык и ногайцев в Уфимский уезд, взял в плен много людей и убил в бою около 100 человек. Особенно часто нападали калмыки на башкир в степных вотчинах, куда последние ездили па добычу зверей. Башкиры просили защитить их, чтобы не погибнуть вконец от калмыцкого разорения и «ясаку не отбыть»⁴².

Главным занятием предуральских лесостепных башкир в XVI—XVII вв. было волжское скотоводство. Важную роль играли также охо-

³⁹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Белебеевский уезд, д. 5.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ В XV и первой половине XVI в. Башкирия находилась в подчинении Ногайской Орды, Казанского и Сибирского ханств (Усманов, 1949; Устюгов, 1950).

⁴² ЦГАДА. Фонд 119 (Калмыцкие дела), карт. 21, д. 4, л. 2 и 3.

та на зверя и птицу и бортное пчеловодство. Большое значение охотничьего промысла заключалось не только в том, что башкиры добывали мясо, пушнину и кожи диких животных для удовлетворения собственных нужд, но и в том, что пушниной и медом им приходилось платить ясак. В лесостепной Башкирии (так же как и в горнолесной ее части) было два вида ясака — окладный и бобыльский. В одном из старинных документов записано, например: «да и прежде сего такие примеры бывали: бобыли из бобыльского ясака в окладные ясаки переписываны»⁴³. С бобылей, не владевших вотчинами, обычно ясак брали по две куных шкурки с человека. Иногда, вместо двух куниц, брали одну и полтину денег. Например, в ясачной бобыльской книге 1693 г. записано: «Ногайские дороги, что на речке Бурле, бобыль Бекметев Тебенеев, а ясаку на нем купца до 13 алтын, две денги»⁴⁴. Местами ясак брали лисицами. (Кроме ясака бобыли платили и подати.) Окладный ясак платили башкиры, владевшие вотчинами. Размер его установить трудно потому, что, как сказано в делах Уфимской приказной избы, «окладные ясаки писаны на старостах и на лутчих людех, а не на всех по имению». С Минской волости, например, расположенной в бассейне р. Демы, в 1693 г. был установлен ясак в 172 куницы и два бобра. В следующем году с этой же волости было положено взять «на старосте на Алтыкае Чарыбаеве да на Кутле Кунсарине с товарищи на всей волости 167 куниц да 2 бобра»⁴⁵. Оклад отдельного ясачного человека зависел от вотчины, которой он владел. Один из башкир Минской волости платил в том же 1693 г. четыре куницы.

Самым ценным пушиным зверем, которого добывали в предуральской лесостепи в XVI—XVII в., был бобр. Поэтому при описании вотчин и угодий места бобровых гонив отмечались, как и во многих других областях, особо. Но относящихся к XVI и XVII в. документов с описанием вотчин, в которых водились бобры, выявлено немного. В 30-х годах XVII в. один ясачный башкир Минской волости жаловался, что в его вотчину, расположенную на обеих сторонах р. Демы и ее притокам Уязе, Мияке и Менетману, наезжают разные люди и «изнасилства чинят» — рубят лес, выдирают борти, бьют зверей, особенно бобров (Линд, 1937). В другой челобитной (1644 г.) упоминалось о бобровых гонив по Большому и Малому Ику и их притокам, берущим начало на хр. Наказ (Соколов, 1904).

XVIII в. — первая половина XIX в.

В XVIII в. заселение лесостепной части Предуралья происходило разными путями. Сюда бежали коренные жители закрепощаемого Поволжья. Казанский губернатор А. П. Вольнский подал в 1730 г. записку, в которой было сказано, что казашские и темниковские ясачные татары, мордва, чувашки, черемисы и вотяки переходили в Башкирию целыми селами и деревнями. Сюда же от тяжелых подушных податей бежали и русские крестьяне. Башкирам ставилось в вину, что они принимают беглых и «жизнут по своей воле, как сами хотят» (Материалы по истории Башкирской АССР, 1936). В этом же веке в лесостепь Предуралья стали переселять русских крепостных людей помещики и владельцы заводов, а в укрепления Самарской дистанции людей переселяло правительство.

Коренное башкирское население росло гораздо медленнее, чем пришлое, так как многие, как уже отмечалось, были убиты во время восстаний.

В конце XVIII в. земледелие в лесостепи Предуралья сделало значительные успехи, но площадь пашни занимала еще очень небольшую долю земельных угодий. В Белебеевской округе, целиком находившейся в лесо-

⁴³ ЦГАДА. Фонд Уфимская приказная изба, д. 1152, л. 23.

⁴⁴ Там же, д. 1152, л. 25, 46.

⁴⁵ Там же, л. 22; д. 1168, л. 2.

степи, в 1785 г. озимыми и яровыми засевалось 23 368 десятин; в Уфимской и Бирской округах, частью находившихся в лесостепи, а частью в лесной зоне, — соответственно 14 858 и 22 530 десятин. Больше всего пашни было в Стерлитамакской округе Оренбургской губернии — 77 924 десятины ⁴⁶.

Территория округ была приблизительно такой же, как и в одноименных уездах во время генерального межевания, проходившего здесь в самом конце XVIII в. и первых трех десятилетиях XIX в. Исходя из этого, можно вычислить долю пашни от общей площади земельных угодий. В Белебеевской округе она занимала 1,1%, в Уфимской — 0,7%, в Бирской — 1,0% и в Стерлитамакской — 4,1%.

В первой половине XIX в. население предуральской лесостепи значительно увеличилось и земледельческое освоение ее пошло гораздо быстрее, чем в XVIII в.

Материалы генерального межевания, закончившегося здесь в конце 20-х годов XIX в., дают возможность вычислить как плотность населения, так и соотношение земельных угодий. Но поскольку полностью в лесостепи находился только Белебеевский уезд, а другие уезды располагались как в лесостепи, так и в лесной зоне, то приходилось использовать данные о площади угодий не по всем этим уездам, а по отдельным земельным дачам, типичным для лесостепной территории (табл. 16).

За время, прошедшее с 1785 г. до конца генерального межевания, т. е. приблизительно за 35 лет, площадь пашни в Белебеевском уезде увеличилась в 10 раз. Но, как видно из табл. 16, степей и сенокосов, а также лесов было гораздо больше, чем распаханных земель. Степей (выкашиваемых и невыкашиваемых), естественно, значительно больше было в южной лесостепи, чем в северной лесолугостепи (Бирский уезд).

Главным занятием многих лесостепных башкир в XVIII и первой половине XIX в. было полукошечное скотоводство. «Хлеба сеют немного и то только один яровой», — сообщал в 1800 г. губернский землемер Т. Афанасьев — автор «Топографического описания Оренбургской губернии». «А все их богатство и пропитание происходит от скота, который и в самую зиму ходит у них в поле» ⁴⁷. На кочевки башкиры выезжали в начале мая, оставляя деревни пустыми. В 1763 г. старшины Сугун-Кипчакской, Бурзянской, Буинман-Кипчакской и Усерганской волостей доносили оренбургскому губернатору Д. Е. Волкову, что у многих богатых башкир Ногайской дороги было по 200—300 лошадей, по 100 коров и помногу овец. Уход за скотом требовал большого труда, и поэтому они не могли заниматься земледелием (Материалы по истории Башкирской АССР, 1956).

В примечаниях к генеральному межеванию Оренбургского, Белебеевского и Стерлитамакского уездов, составившихся в конце 20-х годов XIX в., обычны указания о том, что башкиры, жившие в степях и в лесостепи, «каждогодно весною со всем своим семейством и скотом выезжают в степь для кочевия целыми селениями...», что они «хлебопашество имеют весьма малое» или не имеют совсем, и что главный их промысел «в содержании скота и в довлении зверей» ⁴⁸. К этому же приблизительно времени относятся и наблюдения С. Т. Асакова: «Как только покажется подножный корм, — писал автор, — башкирцы, все без исключения, со всеми своими семействами, здоровые и больные, со всем своим скарбом, переселяются в степь» (1953, стр. 143).

По сообщению П. Небольсина (1850), девятый башкирский кантон ⁴⁹, находившийся в Уфимском уезде, был весь кочевым. В десятом кантоне,

⁴⁶ ЦГАДА. Фонд XVI, д. 934, ч. 1.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Стерлитамакский уезд, д. 11, л. 50, 69, 81 и др.

⁴⁹ Башкирия подразделялась в то время на тринадцать кантонов.

Плотность населения (число человек на I кв. версту) и соотношение угодий (%) в предуральской лесостепной части Оренбургской губернии

Уезд	Год генерального межевания	№ дела	Плотность населения	Земельные угодья				
				общая площадь, десятины	лес	пашни и пруса-лебные земли	сенокосы и некошеная степь	неудобные земли
Белебеевский	1798—1829	4	3,2	2 027 769	40,0	10,2	46,6	3,2
Стерлитамакский Верховья р. Стерли (владения деревень Муртазина, Калкашева, Мансютова, Стерлибашева, Караклыбашева)	1788—1815	11	2,0	50 141	7,0	1,6	93,7	0,7
Земли по р. Белой (владения с. Мелеуз и деревень Мамбеткулова, Тюлякова, Мукачева, Кугушева) . . .	То же	11	2,7	58 625	11,2	1,0	86,8	1,0
Земли к востоку от г. Стерлитамака (владения деревень Ишеева, Исмаинова, Капканаева, Камышаева)	» »	11	4,5	25 191	39,6	2,5	55,2	2,7
Бирский Земли по р. Базе (владения деревень Балтачева, Мелеус, Чуй-Атаева, Черлакова, Шаркова и др.) .	1797—1828	1	3,8	89 492	61,2	13,6	23,0	2,2
Земли в низовье р. Сюнь (владения деревень Нсямбаева, Татышева, Князь-Елга, Карабаш-Елга, Верхняя Медведева и др.)	То же	1	15,0	26 056	53,2	21,3	24,4	1,1

располагавшемся главным образом в Оренбургском уезде (37 юрт) и частично в Бузулукском (три юрты) и Стерлитамакском (одна юрта), оседлыми были только две юрты, а остальные — кочевыми. Тринадцатый кадетом, находившийся преимущественно в Белебеевском уезде, состоял из 22 оседлых юрт и семи кочевых. Но на северной окраине башкирской лесостепи балкиры в годы генерального межевания уже не вели кочевого образа жизни; основным занятием их было хлебопашество, а затем уже скотоводство, звериные промыслы и бортное пчеловодство. В середине XIX в. все 27 юрт, находившихся в Бирском уезде, вели оседлый образ жизни (там же). Причиной такого различия в занятиях башкирского лесостепного населения являлось различие природных условий. Там,

где малонаселенные степи занимали большие пространства, башкиры дольше оставались кочевниками-скотоводами; в северной лесо-лугостепи, где степей и суходольных лугов было гораздо меньше, они значительно раньше стали земледельцами.

Лесов в предуральской лесостепи в первой половине XIX в. было много, но уже тогда они, особенно липовые, ильмовые, вязовые и кленовые, сильно истреблялись поташными заводами. В 20-х годах в одном Белебеевском уезде действовало четырнадцать поташных заводов. Около 30 лет спустя в этом уезде было одиннадцать поташных заводов, в Стерлитамакском — восемь, в Уфимском — семь и в Бирском — тринадцать (Черемшанский, 1859).

Кроме скотоводства и земледелия лесостепные башкиры занимались охотой и бортным пчеловодством. В степях они часто устраивали облавные охоты. «Бьют они волков, лисиц и зайцев по степям верхами без собак, собравшись многим числом и загоняют зверей до того, что убивают их пистолем и всю свою добычу делят поровну», — сообщил землемер Афанасьев, автор «Топографического описания Оренбургской губернии»⁵⁰. Он же писал, что башкиры охотились за зверями также с собаками и орлами, а на птиц — с соколами и ястребами. Беркутов, соколов и ястребов они возили в Оренбург и другие пограничные крепости и обменивали их у казаков на скот. Охота имела для лесостепных башкир настолько большое значение, что, продавая или отдавая в аренду свои земли, они включали в купчую или в арендную сделку оговорку о разрешении им по-прежнему охотиться и устранивать там борти. Башкиры Киргизской волости, продавая землю, оговорили, например, что за ними остается право «иметь на той земле звероловство и ягоду-вишню брать» (Материалы по истории Башкирской АССР, 1960). Башкиры Мишской волости, отдавая свои земли (по р. Урману и его притоку р. Сухоязу) в оброчное владение, обусловили, что арендаторы должны делить пополам с владельцами земель добываемых лисиц, куниц, выдр, и бобров; горностаи и норки в дележ не шли и оставались арендаторам (там же). Гораздо реже заключались купчие, в которых башкиры отказывались от права охотиться на продаваемых землях. Так, башкиры Иланской волости, продавая земли по рекам Карамасану, Секиязу и Камышле, отметили в купчей, что Квашнин-Самарян (которому продавались земли), его дети и наследники имеют право не только сеять хлеб, рубить лес и косить сено, но и добывать бобров, выдр, медведей, волков, лисиц, куниц, зайцев и всяких других зверей. Такие же условия записаны в купчей на землю по р. Урману и р. Узуну, проданные башкирами Уршак-Мишской волости.

О том, в каких именно местах предуральской лесостепи были распространены те или иные охотничье-промысловые животные, сведений сохранилось мало. Лишь о бобрах, как о наиболее ценных пушных зверях, они достаточно подробно. В XVIII в. бобровые гоны были известны на р. Ике и на реках ее бассейна — Усене, Нугуше, Метене, Гидане, Карамале, Севпильзе, Ря. На лесо-лугостепном правобережье р. Белой бобровые гоны упоминались на реках Быстром Таныпо, Калтасе, Бири, Сухоязе и Шаде. Гораздо больше сведений о бобровых гонах в лесостепи по левому берегу р. Белой. Здесь они сиделись на реках Сюне, Базе, Яубазе, Чермасане, а также на Идяше и Карамале (бассейн Чермасана), на р. Кармасане и его притоке р. Севязе; на р. Деме и принадлежанца к ее бассейну реках Удряке, Мияки, Уязы, на р. Уршаке и его притоках Карамале, Сухоязе и Узяне, а также на р. Юрмаше.

Очень мало сведений о распространении оленей. К тому же в примечаниях к генеральному межкеванию не указано, какие именно олени — северные или благородные — отмечены в том или другом месте. Наиболее

⁵⁰ ЦГВИА. Фонд ВУА.

южным местообитанием оленей и предуральской лесостепи являлась ее южная окраина — владения семи башкирских волостей (Сугун-Кипчакской, Кара-Кипчакской, Бурайн-Кипчакской, Усерганской, Бушман-Кипчакской, Тамьянской и Чашкин-Кипчакской), а также земли с. Спасского и д. Александровки⁵¹. Земельные владения этих волостей занимали, по данным генерального межевания, 1584 725 десятины. По сравнению с ними владения с. Спасского и д. Александровки были незначительны — около 15 тыс. десятин. Западная граница земель этих семи волостей проходила по р. Большой Ик от впадения ее в р. Самару до устья р. Наказа и отсюда протягивалась к р. Белой (в окрестностях д. Псянчиной). Восточная же граница проходила по меридиональному отрезку течения р. Сакмары от устья р. Кураганки на юге до устья р. Ялан-Зилаир на севере. Южная граница территории проходила по широтному отрезку р. Сакмары от устья р. Большой Ик на западе до устья р. Кураганки на востоке. Северная граница сначала шла по р. Белой от д. Псянчиной на западе до д. Биккузиной на востоке, затем к с. Мракову на р. Большой Ик и к верховьям р. Ускалыка, отсюда — к р. Урман-Зилаиру, которую пересекала приблизительно у 52° с. ш., и затем поднималась к устью р. Ялан-Зилаира, выходя на р. Сакмару.

Преобладающая часть этой территории находится в пределах предгорной дубравной лесостепи. По всей вероятности, здесь встречались благородные, а не северные олени. Подтверждением того, что благородные олени водились в этой местности в первой половине XIX в., служит сообщение Э. Эверсмана (1850), которому прислали два свежих маральных рога, найденных у верхнего течения р. Сакмары.

Кабаны в лесостепи встречались крайне редко. Известно лишь сообщение Э. Эверсмана (Evermann, 1855), согласно которому кабаны иногда заходили в лесостепные места по среднему течению р. Сакмары.

В противоположность копытным такой крупный хищник, как медведь, был обычен во многих местах предуральской лесостепи. Во время генерального межевания медведи отмечались в двенадцати лесных дачах Белебеевского уезда, в некоторых лесостепных местах Стерлитамакского, Уфимского и Бирского уездов и во владениях Сугун-Кипчакской и шести других башкирских волостей Оренбургского уезда. Из мелких хищников, тесно связанных с лесом, во многих местах предуральской лесостепи была обычна лесная куница.

Байбак, дрофа и стрепет водились в типичной лесостепи. Байбак, кроме того, встречался кое-где и в лесо-лугостепи. В 20-х годах XIX в. он водился в Бирском уезде между низовьями р. Сюни и р. Куваши, в низовье р. Быстрый Таныш и к северо-востоку от г. Бирска, а в Красноуфимском уезде — в окрестностях г. Красноуфимска (Кириков, 1959).

Чистые, незагрязненные лесостепные реки были обильны рыбой. В речках и ручьях с холодной родниковой водой было много форели. В Ик (бассейн Камы), Усень, Кидань, Белую, Дему, Сюнь, Нугуш и некоторые другие реки заходил каспийский лосось.

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

В 60—70-х годах XIX в. русские переселенцы оседали главным образом на землях, расположенных по рекам Апкадару, Куганаку и Стерле, а также по обе стороны р. Белой в Стерлитамакском уезде, в верховьях р. Ика (бассейн Камы) и на северо-западной окраине Белебеевского уезда (Ремезов, 1889). В конце прошлого и начале настоящего столетия переселение продолжалось. Вместе с тем возрастала и численность местного населения. Степи все больше распаивались, а леса вырубались. Реки стано-

⁵¹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Оренбургский уезд, д. 13.

виделись менее плодородными и более загрязненными. Некоторые территории, где еще в XVIII в. и в первой половине XIX в. (а кое-где и позже) были обширные болота с толяями и зарослями тростника и камыша, к началу XX в. высохли и превратились в сухие луга, а местами в поля. Особенно показательны пример с огромным болотом Берказан-Камыш (берказан — по-башкирски пеликан), находившимся в Белебеевском уезде недалеко от оз. Асли-Куль. В 1888 г. здесь были недоступные места с гнездовьями пеликанов и диких гусей; на болоте гнездились множество журавлей и веретенников (Сушкин, 1897; Карамзин, 1901). К 1910 г. оно во многих местах высохло.

Изменения аграрных угодий, усилившееся преследование самих животных и беспокойство, вносимое людьми в места их обитания, отразились на распространении и числе промысловых видов. В некоторых случаях изменение численности животных обуславливалось и другими причинами — надежом от заразных болезней или гибелью от стихийных бедствий.

При рассмотрении распространения копытных бросается в глаза почти полное отсутствие лосей в первой половине XIX в. В примечаниях к генеральному межеванию Белебеевского, Стерлитамакского, Уфимского, Бирского и Оренбургского уездов лоси не упоминаются. Около 20 лет спустя, по сообщению Э. Эверсмана (1850), сохатых в лесостепи Предуралья также не было. Мест, пригодных для обитания лосей, в то время было много, а охотники не были столь многочисленны, чтобы выбить их полностью. Причина отсутствия лосей (или крайней редкости, кое-где они, вероятно, все же оставались) заключалась в чем-то ином. В одной из моих более ранних работ (Кириков, 1960) высказывалось предположение, что этой причиной мог быть падеж лосей от эпизоотии; лоси могли заразиться чумой или сибирской язвой от рогатого скота, крупные партии которого перегонялись в то время из Оренбургской губернии на запад. Приведу некоторые дополнительные сведения, которые могут, по-видимому, подкрепить это предположение. Один из самых больших скотопрогонных трактов, начинавшихся на востоке, шел из Оренбурга на Симбирск; там он разветвлялся на несколько трактов, отходивших на Москву, Петербург, Макарьев (на ярмарку). По этому тракту гнали главным образом тот скот, который закупался в Казахстане и Оренбургской губернии. В конце XVIII и первой половине XIX в. чума рогатого скота и сибирская язва возникали очень часто. Башкирия, по словам Э. Эверсмана (1850, стр. 277), была «настоящим гнездом скотского падежа, гориллом, где он беспрерывно поддерживается и откуда распространяется во все прочие места» (башкирский скот пастся по степям и лесам без особого присмотра). По данным, приведенным В. М. Черемшанским (1859), за период с 1840 по 1850 г. в Оренбургском уезде от одной чумы пало 166 747 голов рогатого скота. В конце XIX в. в пределах предуральской лесостепи лоси отмечались в Стерлитамакском уезде (Силаутьев, 1898).

Косули встречались чаще, чем лоси, но и они были редки. В примечаниях к генеральному межеванию предуральской лесостепи косули отмечены только в некоторых лесных дачах Красноуфимского уезда. Но примерно через 20 лет после межевания Э. Эверсман (1850) сообщил, что они бывали и на Общем Сырте в тех местах, где рос лес. Несколькоми годами позже Н. А. Северцев (1861) утверждал, что о косулях в Оренбургской губернии⁵² и не слышно. Вместе с тем он добавил: «разве на Челябине есть и внутри башкирских кантонов». Тем самым Н. А. Северцев оставил открытым вопрос, водились ли в те годы косули в лесостепи Предуралья, большую часть которой занимали пять (8—11 и 13) башкирских кантонов. (Эти кантоны находились в Белебеевском, Стерлитамакском, Уфимском,

⁵² В Оренбургскую губернию входила не только южная зауральская лесостепь, но и южная окраина предуральской дубравной лесостепи.

Бирском, Оренбургском и частично в Бугурусланском и Бугульминском уездах; Небольсин, 1850.)

В течение XIX в. и в первое тридцатилетие XX в. резко сократились ареал и численность большинства степных промысловых животных.

Байбак в середине XIX в. был многочислен в лесостепных западных и юго-западных предгорьях Урала (Эверсман, 1850). По словам старожилов, еще в начале XX в. на склонах сырта, прилегающего к оз. Асли-Куль, сурков было больше, чем сусликов. В северной лесо-лугостепи байбак встречался гораздо реже и, как правильно заметил Э. Эверсман, только в холмистых и каменных местах. К 20-м годам XX в. в красноуфимской и бирской лесо-лугостепи байбаков уже не осталось. Сильно уменьшилось население сурков и в типичной лесостепи, но байбаки еще жили здесь во многих местах. Они водились в бассейне р. Ика (бассейн Камы) — в степях по рекам Кидапу, Усею, Иленке, Ря, Севеньэе, в верховьях р. Чермасана; в бассейне р. Демы — в степях по рекам Курсаку, Большому Узяну, Меле и в окрестностях станции Давлеканово и с. Никифарово, в верховьях р. Чермасана, по р. Уршаку, в верховьях р. Апкадара, в бассейне р. Сакмары, в степях по р. Кургае (приток р. Салмыш) и р. Касмарке (Теплов, Тихвинский, 1932).

Очень сильно сократились ареал и численность дрофы. К началу XX в. ее в красноуфимской лесо-лугостепи уже не было. В башкирской предуральской лесостепи, по сведениям П. П. Сушкина (1897), эти птицы встречались изредка и не каждый год в безлесных местах Стерлитамакского и Белебеевского уездов. Стрелетов осталось еще меньше. П. П. Сушкин не встретил их совсем, а местные жители говорили ему, что стрелеты бывают не каждый год.

Из зверей, чья жизнь и распространение неразрывно связаны с водоемами, в XIX в. был полностью истреблен бобр. Значительно меньше, чем в XVIII в., осталось выдр. Во многих местах перестали гнездиться серые гуси, но на оз. Шунгак-Куле и болоте Берказан-Камыш в 90-х годах XIX в. они были еще многочисленны (там же).

Второе тридцатилетие XX в.

В эти годы продолжалось распахивание степей. К концу 50-х годов они остались лишь на участках, неудобных для земледелия, и стали пастбищами для домашнего скота. Около крупных поселений и животноводческих ферм степные выгоны превратились в скотосбой.

Заросли степных кустарников (бобовника, чилиги, степной вишни) также большей частью или распаханы или вытравлены скотом, они остались главным образом на каменных участках. Состояние лесов государственного значения несколько улучшилось; к ним стали относиться более бережно. В безлесных местах начали создавать защитные лесополосы. В результате почвенной эрозии и чрезмерной вырубке лесов реки продолжают мелеть. В ряде мест, в результате загрязнения нефтью и сброса неочищенных промышленных бытовых сточных вод, речные воды стали непригодны для жизни рыб.

Изменения в распространении и численности промысловых животных происходили во многих случаях, в соответствии с указанными изменениями природных угодий. Численность большинства видов степных промысловых животных продолжала уменьшаться.

К концу 50-х годов поселения байбаков оставались в очень немногих местах предуральской лесостепи. На Бугульминской возвышенности небольшая колония этих зверьков сохранилась в урочище Четьртау (Попов, 1960). На Белебеевской возвышенности байбаки в конце 50-х годов оставались кое-где по степным холмам у д. Куликовой (около р. Асли-Удряк).

На южной окраине предуральской лесостепи в Присакмарском мелкосопочнике в эти годы еще было цело несколько сурковых поселений; значительная часть их располагалась по склонам в долинах р. Куруила и р. Кишкильды. Сохранились ли дрова на гнездовье в предуральской лесостепи — неизвестно. Не оставалось, по-видимому, и степной кречетки. Стрелет же в 50-х годах кое-где еще встречался. В начале этих годов несколько пар их гнездились, например, к югу от г. Кувандыка. Превращение целинных степей в выгоны оказалось благоприятным только для большого суслика, и его численность все еще не уменьшается.

По-разному происходило и изменение распространения и численности у животных, в той или иной мере связанных с лесом. За эти годы широко расселился лось, появившийся во многих местах там, где его не было в течение нескольких десятилетий. На южной окраине нагорной лесостепи в лесостепном массиве Шайтаптау, где лоси оставались и в первых десятилетиях XX в., численность их значительно возросла. Более медленно увеличивается численность косули, и ее еще нет в ряде тех мест, где она была обычна в начале 30-х годов, но затем уничтожена браконьерами и волками в многоснежную зиму 1940/41 г. и в годы второй мировой войны.

Все сильнее редет население глухарей. На Белебеевской возвышенности за эти 30 лет он исчез в ряде колков и остался лишь в немногих наиболее крупных лесных дачах. В предгорной дубравной лесостепи Предуралья глухарей сохранилось больше, и они заселяют ее вплоть до южных пределов. Но и здесь, начиная с 50-х годов, глухарей становится все меньше. Весной 1938 г., например, на одном участке лесостепного массива Шайтаптау было обнаружено четыре тока, на которых цело двенадцать глухарей. Весной следующего года был обнаружен еще один ток. Всего токовало одиннадцать глухарей. Весной 1960 г. на этом же участке осталось только два тока. Местные жители на токах не охотятся. Поэтому убыль глухарей произошла по каким-то другим причинам.

За эти же три десятилетия в предуральской лесостепи стало больше лесных куниц, а белок — меньше, чем в начале 30-х годов. Численность же зайца-беляка нарастала быстрее, чем в горнолесной части Южного Урала, и беляки теперь стали почти так же обильны, как в начале 30-х годов.

Из рыб особенно убываю форель. В реках и ручьях на Белебеевской возвышенности, где около 100 лет назад ее было очень много, она стала редка, а в ряде рек и ручьев совсем исчезла.

ЗАУРАЛЬСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ

Большая часть исторических сведений о природе и животном мире лесостепи Зауралья относится к ее северной половине, где в XVIII в. располагалась Исетская провинция, а о ее южной части материалы очень отрывочны.

Летом 1770 г. П. С. Паллас путешествовал по северной окраине лесостепного Зауралья. В то время естественное соотношение природных условий было мало нарушено и, пользуясь его наблюдениями, можно установить северную границу лесо-лугостепного Зауралья. Выхав с горнолесного Урала в Зауралье, П. С. Паллас впервые заметил степную растительность за Каменским заводом, на правой стороне р. Исети. Там почва была суше и часто встречались заросли степной вишни. Немного дальше, проехав д. Чердакову, он заметил, что дорога шла по степным местам. Степи, перемежавшиеся с березовыми колками, тянулись по р. Исети до г. Шадринска (Паллас, 1786). Недалеко от г. Каменска в окрестностях озер Маяк, Айдыкул, Тахтаулы в 30-х годах XIX в. были известны поселения

степных зверьков — сурка и суслика⁵³. Следовательно, северную границу лесо-лугостепи Зауралья с полным основанием можно проводить по р. Исети.

В лесостепи Зауралья так же, как в украинской и среднерусской, еще в конце XVIII в. и в начале прошлого столетия ель распространялась гораздо южнее, чем теперь. Участки ельника в Самарском лесу были отмечены П. С. Палласом (там же). Во время генерального межевания строевая ель росла в лесах у станицы Нижне-Увельской, в Карагайском и Самарском лесах, во владениях Петропавловской крепости и Кидышевского detachmenta (по р. Кидышу), а также во владениях форшостов Степного, Стрелецкого, Подгорного и Ослыновского⁵⁴. Наряду с елью широко была распространена и липа. Во время генерального межевания она росла, например, в лесу, находившемся на выгонной земле г. Челябинска⁵⁵.

XV — XVII вв.

В XV—XVI вв. в лесостепи Зауралья жили башкиры и татары. В конце XVI в. появились русские; они стали строить слободы и укрепленные острожки и городки. В 50—70-х годах XVIII в. были основаны Челябинская крепость, Исетский и Катайский остроги, Арамильская и Чумляцкая слободы. Остроги старались ставить так, чтобы место было удобно для обороны «и в поле видеть далече» (Миллер, 1941, стр. 482).

Основные занятия коренного населения, до прихода русских, были те же, что в лесостепи Предуралья — полукочевое скотоводство и охота, местами рыбная ловля и земледелие. Из отписки тюменского воеводы известно, что в 1601 г. у ясачных татар были пашни по р. Исети (там же). В XVII в. площадь распаханых земель стала значительно больше, и приказчик Арамильской слободы сообщал в 1682 г., что башкиры, жившие по р. Синяре, косили сено и жали хлеб (Материалы по истории Башкирской АССР, 1936).

Охота для коренного населения имела настолько важное значение, что из-за обладания чочевьями и звериными ловами нередко возникали военные столкновения.

XVIII в. — первая половина XIX в.

В XVIII в. происходили довольно большие изменения природных угодий, вызванные развитием земледелия. Однако земледельческое освоение лесостепи Зауралья шло неравномерно. В Исетской провинции, куда входила северная часть лесостепи, земледелие развивалось так успешно, что она стала житницей горнозаводского Урала и Оренбургской пограничной линии. По словам П. С. Палласа, «не только большая часть Оренбургской линии, но и все на Урале лежащие заводы и часть екатеринбургских заводов все из Исетской провинции хлеб получают» (1786, стр. 9). Хлеб сеяли не только русские крестьяне, но и башкиры. Исетская провинция по тому времени была довольно густо населена; в ней жило свыше 60 тыс. русских и, кроме того, было 4118 башкирских и 456 мещерацких и татарских дворов (там же).

Кроме земледелия, важным источником существования населения, особенно башкирского, служило скотоводство, а к югу от Исетской провинции оно было их главным занятием. Богатые башкиры имели по несколько сотен лошадей. Сена на зиму они заготавливали мало, и лошади паслись на тебеневке, доставая траву из-под снега (там же). Скот сильно страдал

⁵³ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Екатеринбургский уезд, д. 5.

⁵⁴ Там же, Верхнеуральский уезд, д. 11; Троицкий уезд, д. 15.

⁵⁵ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Челябинский уезд, д. 16.

от сибирской язвы. В 1785 г. только в одном Челябинском округе от «язвенной болезни» пало 9279 голов крупного рогатого скота и 687 лошадей⁵⁶.

Не только в XVIII в., но и в первой половине XIX в. степей и суходольных лугов в лесостепи Зауралья было гораздо больше, чем пашни; много было и леса. Данные о соотношении угодий и плотности населения в Челябинском уезде, который почти весь находился в лесостепи и лесолугостепи, а также в некоторых лесостепных дачах Верхнеуральского и Троицкого уездов Оренбургской губернии приведены в табл. 17.

Таблица 17

Плотность населения (число человек на 1 кв. версту) и соотношение земельных угодий (%)

Уезд	Год генерального межевания	№ дача	Плотность населения	Земельные угодья				
				общая площадь, десятины	лес	пашня и пруса-ловые земли	сенокосы и непахотные степи	неудобные земли
Челябинский	1793—1835	16	2,5	3 389 778	17,1	5,8	62,0	15,1
Верхнеуральский Владения Карагайской крепости	1787—1807	10	0,9	45 370	27,4	3,9	61,8	6,9
Владения хуторов Слатня, Спасский, Подвижный (земли по рекам Уралу, Малому Кизылу, Кир-Утигасу, Елшанке, Кара-Елке)	То же	10	—	129 930	7,8	0,6	91,1	0,5
Троицкий Владения Самарской крепости и соседних форпостов . . .	1798—1835	15	0,3	261 822	2,0	0,9	95,1	2,0
Владения Уйской крепости и соседних деревень	То же	15	2,4	145 053	4,8	13,6	79,1	2,5

Несмотря на небольшую плотность населения, такие особенно ценные промысловые животные, как соболь и бобр, были к 70-м годам XVIII в. почти совсем истреблены. П. С. Паллас (1773) сообщил как об исключительном случае, что один соболь добыт в окрестностях г. Челябинска. О бобрах к тому времени также сохранились одни воспоминания. Жители Кичигинской крепости рассказывали П. С. Палласу, что до основания крепости по окрестным речкам водилось много бобров. Куницы же были обычны, довольно много их добывалось башкирами и татарами в Исетской провинции. Меха их были значительно хуже, чем уфимских куниц (Паллас, 1786). К 20-м годам XIX в. куниц осталось, по-видимому, мало, так как в примечаниях к генеральному межеванию Троицкого уезда они отмечены только в лесах около станицы Нижне-Увельской. В Илецком бору, распо-

⁵⁶ ЦГАДА. Фонд XVI, д. 934, ч. I.

ложенном по нижнему течению р. Исети, водилась белесая крупная белка, называвшаяся илецкой (там же).

По рекам лесостепного Зауралья водилась в то время и норка. «Зверь водяной, схож на куницу, только длиннее и шерстью хороша, малым чем плоше соболя», так описывался этот зверек в списке «куриозных» животных Исетской провинции, составленном в 1766 г.⁵⁷ Из крупных хищников, кроме волка, встречались медведи. В примечаниях к генеральному межеванию они были отмечены во владениях Самарской крепости и соседних форпостов и редутов (Степного, Зыряновского, Стрелецкого, Подгорного, Осиновского), а также на тех землях, на которых были расположены Уйская крепость и окрестные русские и башкирские деревни (Фомина, Белова, Мустаева и др.). Кроме того, медведи водились в казенном лесу Большой Кабан-Карагай, расположенном по р. Кабанке, притоку р. Увельки⁵⁸. Кое-где встречалась и россомаха. «Зверь лесной, ростом поболее лисицы, шерсть имеет длинную и остистую», так описывалась она с списке «куриозных» животных Исетской провинции⁵⁹.

Обращает на себя внимание то, что ни в списке редких животных Исетской провинции, ни в примечаниях к генеральному межеванию Челябинского уезда и лесостепных мест Верхнеуральского и Троицкого уездов не упоминается о лосе. Это наводит на мысль, что сохатых в XVIII и начале XIX в. было или крайне мало в лесостепном Зауралье или не было совсем. Редки и упоминания о косуле. Эти животные были включены, например, в список зверей, встречавшихся в окрестностях Кыштымского и Каслинского заводов⁶⁰. Отодвинулась к югу граница ареала кабана, распространенного раньше до того места, где потом была построена Челябинская крепость. Пушных и копытных зверей в Исетской провинции уже в 70-х годах XVIII в. оставалось немного, и это дало основание П. С. Палласу заключить, что звероловство здесь «неважно» (там же).

Птиц же, особенно тетеревов, белых куропаток, дроф и водоплавающих водилось очень много. Степи и суходольные луга преобладали над папьями в течение всего XVIII в. и служили местом обитания такой крупной степной птицы, как дрофа. «Драхва пестрая, величиною с лебедем, нос, ноги и перья имеет подобно как и индейская курица», так описывалась эта птица в списке «куриозных» животных, населявших Исетскую провинцию⁶¹. П. С. Паллас (1786), путешествовавший по Исетской провинции в 1770 и 1771 гг., подтвердил сведения о распространении охотничье-промысловых птиц, сообщившие Исетской канцелярией. В июне 1770 г. он видел много дроф недалеко от г. Челябинска (около Киселевой заимки). В списке редких животных, водившихся в Исетской провинции, упоминались также гурпаны, гоголи, лутки и утки, оставленные без названия и описанные в следующих словах: «перья имеют красные, величиною меньше гуся». По всей вероятности, речь шла об огаре. Его пребывание было подтверждено П. С. Палласом, сообщившим, что эти птицы гнездились в районе г. Челябинска у Киселевой заимки.

К числу редких птиц составитель списка относил и черного аиста, коллицу и белого журавля. При описании этих птиц отмечалось, что аист величиной с журавля, и что у него перья и «нос» черные, а ноги красные; у коллицы же перья белые и «посы лопаткой». Серых журавлей в те годы в Исетской провинции было много, но белые (стерхи) гнездились реже.

В XVIII в. и в начале XIX в. в лесостепное Зауралье осенью прикочевывали такие редкие ловчие птицы, как кречеты. Поэтому туда посылали помётчиков для ловли этих птиц. В 1769 г. Казанские помётчики пой-

⁵⁷ ЦГАДА. Фонд 261, кн. 5560.

⁵⁸ Там же. Фонд Экономические примечания, Троицкий уезд, л. 15.

⁵⁹ Там же. Фонд 261, кн. 5560, л. 405.

⁶⁰ Там же. Фонд Экономические примечания, Екатеринбургский уезд, д. 5.

⁶¹ Там же. Фонд 261, кн. 5560.

мали, например, тринадцать кречетов, а в 1771 г. — семь. Осенью 1771 г. кречетов ловили на башкирских землях, подчиненных Челябинской крепости. В эту осень там было много тетеревов; кречеты были сыты и плохо шли на приманку (на голубей). К тому же в тех местах кочевали башкиры, и табуны скота отпугивали кречетов. Поэтому осенью 1771 г. этих птиц поймали меньше, чем в прошлые годы⁶². В 20-х годах XIX в. кречеты появлялись во время кочевок на землях по верховьям р. Уя и в угодьях Нижне-Увельской слободы и окрестных деревень⁶³.

В реках Исетской провинции в XVIII в. ловились таймени и шельмы, в р. Миасс заходили и стерляди, но очень редко. Осетры подымались только по р. Тоболу (Паллас, 1786).

Вторая половина XIX — первое тридцатилетие XX в.

В эти годы в лесостепи Зауралья довольно быстро увеличивалась численность как местного населения, так и переселенцев. Число последних особенно возросло в начале XX в., когда в Троицкий и Орский уезды стали переселяться украинцы.

Вместе с ростом населения возрастала площадь пашни за счет степей и суходольных лугов, сокращалась и лесная площадь. Оставшиеся леса были сильно изменены. Ель в большей части мест, где она росла в начале XIX в., исчезла. Сосны и лиственницы остались гораздо меньше, а березы стало значительно больше. Особенно показательны в этом отношении Джабык-Карагайский лесной массив. В первой четверти XIX в. это был огромный дремучий сосновый лес (площадью свыше 100 тыс. десятин) с болотистыми западинами. Почти все станицы новой укрепленной линии были построены из леса, привезенного из Джабык-Карагай (Семенов, 1863). В 30-х годах в этом бору случился большой пожар; в 1835 г. военный отряд прошел целый переход по горелому строевому лесу (Бларамберг, 1848). Примерно 100 лет спустя сосна в Джабык-Карагае оставалась небольшими участками для куртишам, и в этом лесу стала преобладать береза. Внутри лесного массива возникло много необлесенных пустошей. К 60-м годам XIX в. сильно уменьшился и Илецкий бор (там же). В 90-х годах лиственничные леса южного лесостепного Зауралья так беспощадно вырубались, что тогда уже выказывалось опасение, что вскоре они совсем исчезнут (Русский, 1895). К 20-м годам XX в. сосна и лиственница на хр. Большой Ирдык были вырублены почти полностью.

Вместе с изменением лесов и сокращением их площади, а также площади степей уменьшалась численность и сокращался ареал промысловых животных как лесных, так и степных.

Уже в 60-х годах XIX в. медведь оставался лишь в самых крупных лесах, как, например, в Джабык-Карагае (Казанцев, 1867). В 20-х годах XX в. его уже не было ни в Кабан-Карагае, ни в лесах по рекам Ую, Кыдышу и Самарке, ни в Джабык-Карагае; он встречался лишь кое-где по восточному лесостепному склону хр. Урал-Тау и на хр. Кыркты. Значительно меньше стало белка и лесной куницы. Лось, как и в начале XIX в., если и встречался кое-где, то как большая редкость. Определенных указаний на его пребывание нет, и лишь Н. А. Северцов (1861) высказал смелое предположение, что лоси в то время могли встречаться кое-где в лесостепи Зауралья. Местами водились и олени. Они были отмечены в 60-х годах XIX в. в Джабык-Карагае (Казанцев, 1867). По всей вероятности, это сообщение должно относиться к благородному, а не к северному оленю.

⁶² ЦГАДА. Фонд Ober-егермейстерская контора, д. 48.

⁶³ Там же. Фонд Экономические примечания, Троицкий уезд, д. 15.

На южной окраине лесостепи — от Джабык-Карагай на севере до боров по р. Суундуку и р. Синташте на юге — еще в 80-х годах XIX в. водились глухари и рябчики (Nazagow, 1887).

Второе тридцатилетие XX в

В эти годы по лесостепному Зауралью широко расселился лось: В 1955 и 1957 гг. во время нашего путешествия в этих районах следы его пребывания наблюдались на хр. Кыркты и хр. Ирендык, а также в лесах южного равнинного Зауралья от леса Джабык-Карагай на севере до сосново-березовых лесов по р. Синташте и ее притокам.

К концу 30-х годов на восточном склоне хр. Урал-Тау и на хр. Кыркты и Ирендык косули стали очень обычны. Но в многоснежную зиму 1940/41 г. много косуль уничтожали браконьеры. Кроме того, косуль уничтожали волки и бродячие собаки. Лишь к концу 50-х годов поголовье косуль заметно восстановилось, но все же их было гораздо меньше, чем в конце 30-х годов. В начале 40-х годов на хр. Ирендык из Башкирского заповедника зашли маралы, и они были уничтожены браконьерами (Кириков, 1952). В середине 50-х годов на южной окраине лесостепного Приуралья стали появляться кабаны, заходившие сюда из юго-восточной части Оренбургской области. В 1954 г. три кабана жили некоторое время у оз. Чебаркуль (в 40 км к востоку от г. Магнитогорска), в 1956 г. один кабан зашел на хр. Кыркты, где и был убит на горе Караташ (сообщение егеря Башкирского заповедника М. Ш. Багаутдинова). О распространения лесной куницы и белки известно очень мало. Сообщалось, что лесная куница встречалась в Санарском бору, а белка и в других борах, но где именно, отмечено не было (Шварц, Павлинин, Данилов, 1951). Байбаки, водившиеся еще в 90-х годах прошлого века по восточному склону хр. Ирендык (Рузский, 1895), по-видимому, в лесостепном Зауралье совсем истреблены.

Ни глухаря, ни рябчика в равнинных сосново-березовых лесах южного Зауралья не осталось, но на северной окраине хр. Ирендык и на хр. Кыркты рябчики были обнаружены в нескольких местах (Кириков, 1952). Дрофы и стрепеты встречаются очень редко.

СЕВЕРОКАСПИЙСКАЯ НИЗМЕННОСТЬ

Эта территория охватывает Астраханскую область и Калмыцкую АССР (без Ергеней), почти всю Гурьевскую область и южную часть Уральской. Большая часть Северокаспийской низменности представляет собой полупустыню и сухие степи. Местами (особенно в дельте Волги, на побережье Каспийского моря и по Камыш-Самарским озерам) большие площади заняты тростниковыми и камышовыми зарослями. Леса здесь и раньше встречались только по берегам рек и местами на песках.

XIV — XVII вв.

Северокаспийская низменность в течение долгого времени принадлежала кочевым народам — ногайцам, калмыкам и казахам. В первой половине XVI в. по астраханскому Поволжью и Волго-Уральскому междуречью кочевали ногайцы, которые летом уходили далеко к северу. Основным занятием ногайцев в XVI в. было скотоводство. Особенно славились ногайские лошади. Известно, что в 30—50-х годах XVI в. ногайцы пригоняли табуны лошадей на продажу в Московское государство. Так, в апреле 1552 г. в Москву приехали гонцы и известили, что идут из Ногайской земли послы от трех мурз. В этом посольстве было 100 человек, а гостей (торговых людей) и их людей — 1500 человек; они пригнали 10 тыс. лошадей. Царь разрешил торг и велел поставить ногайцев под с. Паншиным. Той же весной прибыли послы от князя Юсуфа и двух мурз; послов и торговых людей было 300, а приведенных на продажу лошадей — 3 тыс. Осенью 1552 г. появились послы от князя Измаила и нескольких мурз; с ними приехали ногайские купцы и привели на продажу 2,5 тыс. лошадей. В декабре 1555 г. с послами Измаила опять прибыли ногайские купцы и пригнали 20 тыс. лошадей и 20,3 тыс. овец. Иван Грозный велел торговать ими в Рызани.

Ногайцы занимались и земледелием, но в очень небольших размерах. «А пашню Сарайчикову вода взяла», — писал Измаил Ивану Грозному в 1557 г. (Продолжение Древней Российской Вивлиофики, 1793, стр. 284).

В середине XVI в. между ногайскими мурзами (главным образом, между князем Измаилом и его родственниками) началась междоусобная война. В 1557 г. Измаил писал Ивану Грозному, что война и гибель скота («улусы пашни животиною обмерли») привели к голоду, и многие ногайцев погибло. «Ногаи, государь, изводятца», — доносили московские служилые люди. «Да голодны необычны и пещи ногаи, много с голоду людей мрет, а друг другу не верит меж себя и родные братья. Земля, государь, их пропала» (Перетяткович, 1877, стр. 277). Служилый человек Елизар Мальцев доносил Ивану Грозному в 1559 г. о последствиях междоусобной войны и голода: «А ногаи, государь, все пропали; немного их с Смаилем осталось да с детьми. Да и те в розни, дети Исмаила не слушают... А улусы,

государь, у Исмаила мешаютца, грозят ему, хотят в Крым бежать. И как лед станет (на Волге.— С. К.), многие пойдут в Крым» (Продолжение Древней Российской Вивлиофики, 1795, стр. 61). Вскоре это предсказание сбылось, и значительная часть ногайцев переместилась в Крымское ханство.

Князь Измаил просил прислать ему хлеба и судно с зерном на семена. Иван Прозный не замедлил выполнить эту просьбу и отправил ему муку, толокно, крупу, мед и 30 четвертей (270 пудов) пшеницы на семена, которыми можно было засеять всего 20—30 десятин. Пашени у Исмаила имелось, по-видимому, больше, потому что на следующий год он просил прислать ему пять судов зерна и добавлял: «А половина того хлеба семенной бы хлеб был» (там же, стр. 32).

От войны, голода и болезней в те годы погибло около 100 тыс. ногайцев (Дженкинсон, 1937). Ногайские улусы настолько ослабели, что около 1580 г. яицкие казаки напали на их столицу Сарайчик. На р. Яике (Урале) казаки появились незадолго до этого. Один из первых казачьих городков на о-ве Кош-Яике возник около 1585 г. (Кушева, 1955б). В начале XVII в. (в 1619 г.) на правобережье Урала впервые появились калмыки (Богоявленский, 1939). Вскоре калмыцкий тайша Хоурлук покорила ногайцев. Часть из них осталась на севере Прикаспийской низменности, другая — переселилась на Кубань.

Ногайская знать любила охотиться с ловчими птицами. Поэтому в грамотах ногайских мурз к московскому царю часто высказывались просьбы о присылке кречетов, соколов и ястребов. Из охотничьих зверей большое значение имели в то время сайгаки. Калмыцкие тайши также любили охотиться и объявляли запретными большие участки степей и полупустынь, где никто, кроме ших, не мог ни пасти скот, ни охотиться за сайгаками (Моиполо-ойратские законы, 1880). Такие участки в известной мере выполняли роль заказников, так как добыча животных была в них ограничена.

У яицких казаков земледелия в то время еще не было. Главным занятием их были военные походы и рыболовство, причем рыба ловилась не только для удовлетворения собственных нужд, но и на продажу (Кушева, 1955б).

XVIII в. — первая половина XIX в.

В XVIII в. среди населения Прикаспийской низменности продолжали преобладать кочевники. Поселения же оседлого населения даже по Волге были так редки, что астраханский губернатор А. Вольнский доносил в 1719 г., что «от Саратова до Астрахани между городов по двести и по триста верст жила никакого нет» (Астраханская губерния при Петре Великом, 1896). В 1801 г. земли между низовьями Волги и Урала были заняты казаками Внутренней Орды.

В конце XVIII в. весеннее половодье в низовьях Урала бывало настолько сильным, что в обычные годы вода подходила под самые стены г. Гурьева, а в годы большого половодья заливала часть городской площади и покрывала территорию по обе стороны Урала вверх до крепости Бакай, а вширь разливалась на 30 км¹. Тростниковых и камышовых зарослей было значительно больше, чем в настоящее время; г. Гурьев, например, они окружали со всех сторон. Густые заросли тростника и камыша покрывали берега Урала от Гурьева до Сарайчика еще в 20-х годах XIX в.² В начале XIX в. около Камыш-Самарских озер они занимали настолько большую площадь, что зимой в них укрывались мно-

¹ ЦГВИА. Фонд 52, опись I, 194, св. 586, д. 355.

² Там же. Фонд ВМА, д. 19, 238

готысячные стада овец. В засушливые годы тростник и камыш по этим озерам развивались плохо, и пригнанные на зимовку овцы не могли укрыться в них от буранов. В такие годы за зиму иногда погибало по несколько сотен тысяч овец. Кочевое скотоводство сильно страдало также в те зимы, когда снег после гололедицы или оттепелей настолько уплотнялся, что скот не мог разбивать его копытами. Губительными для скота кочевников были и необычайно многоснежные зимы. Так, зимой 1798/99 г. у калмыков погибло более 500 тыс. голов скота. В 30-х годах XIX в. снова погибла почти половина стада (Костенков, 1870).

Леса, которых, как уже отмечалось, было мало, находились в основном в долине р. Ахтубы. Во владениях слободы Рахинки мелколесье занимало 6114 десятины и перемежалось с покосами; во владениях сел Верхне-Погромного, Верхне-Ахтубинского и Средне-Ахтубинского — 15 149 десятин, на землях слободы Капустин-Яр — 766 десятин, во владениях с. Владимировки — 16 107 десятин³.

Оставшиеся в живых участники похода А. Бековича-Черкасского (1717 г.) рассказывали, что на р. Эмбе в то время был «лес карагач и тальник, толщиной в оглоблю и малым чем больше, а вышиною сажени по две и по полторы, и конские кормы» (Материалы военно-учебного архива... 1871, стр. 330—331). По рекам Большому Узенью и Малому Узенью в 60-х годах XVIII в. также росли леса из ивы, тополя, осокоря, вяза и дикой яблони (Паллас, 1788). Около д. Александровской (ныне с. Александров Гай), спустя почти столетие после путешествия П. С. Палласа (Корнилов, 1859), сохранился лес из чернотела и яблони. После того как калмыки ушли из Прикаспийской низменности в обезлюдивших Рын-песках по долинам появились леса, и когда в Рын-пески прикочевали казахи, то нашли там много густых тополевых рощ, особенно густыми были рощи в урочищах Мечеть-Куш и Канды-Агач (Ханыков, 1844). Небольшие леса остались кое-где и в других местах (Динесман, 1960).

Ниже приводятся данные плотности населения и соотношений земельных угодий в северной части низменности (левобережное Нижнее Поволжье и территории по рекам Большому и Малому Узеньям) в конце XVIII в.—первой трети XIX в., вычисленные по материалам генерального межевания (табл. 18).

Таблица 18

Плотность населения (число человек на 1 кв. версту) и соотношение земельных угодий (%) на азовской стороне Саратовской губернии

Уезд	Год генерального межевания	№ десятины	Плотность населения	Земельные угодья				
				общая площадь, десятины	пашни и пророс-левые земли	сено косы и степи	лес	неугодные земли
Саратовский . . .	1798—1835	90	0,2	3 335 407	2,0	42,2	0,8	55,0
Камышинский . . .	Тот же	49	0,4	2 918 199	2,3	45,2	1,1	51,4
Царицынский . . .	» »	142	1,3	1 341 951	9,4	44,6	6,5	39,5

В XVIII в. появились достаточно подробные сведения о размещении промысловых животных в Северокаспийской низменности.

По указам Петра Первого, а затем Анны Иоанновны из Астрахани к царскому двору отправлялись различные виды птиц, которые считались особенно интересными. На этих птиц охотились летом. «Оные ловленные загонявливаются сред лета», — сказано, например, в дописании от 30 ап-

³ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Царицынский уезд, д. 140 и 151.

реля 1737 г.⁴ В 10—20-х годах XVIII в. птиц ловили в окрестностях самой Астрахани, «при косах». В 30-х годах некоторых птиц добывали и на р. Эмбе (табл. 19).

Таблица 19

Дичь, отправленная из Астрахани к царскому двору (число птиц)

Вид *	1718 г.	1721 г.	1723 г.	1724 г.	1737 г.	1738 г.	1739 г.	1740 г.
Баба итица (пеликан), вид не указан	—	—	—	—	—	—	2	4
Аист, вид не указан	—	—	3	—	—	—	—	—
Серая чапура (серая цапля)	24	—	—	—	—	—	4	32
Красная чапура (рыбья цапля)	5	20	—	12	1	1	—	40
Кваква	5	—	—	—	—	—	—	—
Цветная кваква (?)	—	27	—	—	—	2	—	1
Пестрая (пегая) кваква (?)	—	2	—	—	—	—	—	12
Черноспинная кваква (?)	—	—	—	—	—	—	—	1
Серая кваква (?)	—	—	—	70	6	41	—	—
Желтая кваква (?)	—	—	1	—	—	—	—	—
Большая белая чапура (большая белая цапля)	12	30	—	50	17	23	—	37
Малая белая чапура	4	30	9	44	10	4	—	1
Кольч (кольница)	15	38	100	110	50	17	—	40
Каравайка	34	15	—	—	—	—	—	6
Красный гусь (фламизго)	14	7	30	59	45	19	22	150
Лебедь, вид не указан	—	—	30	22	—	—	—	—
Лебедь пипуп	—	—	—	—	6	3	3	12
Красная утка (огарь)	24	—	—	22	32	19	22	20
Пегая утка (пеганка)	—	—	10	6	—	4	9	6
Серая казарка (?)	—	—	—	9	21	10	4	—
Неклек, или меклек (кеклик)	9	7	30	19	2	—	15	—
Косной яетушок, самка — косная курочка (фазан)	1	—	20	26	32	17	78	—
Гилянская курочка (?)	—	—	—	—	—	—	52	—
Морская курочка (султачка)	—	1	—	—	—	—	—	—
Горский журавлик (журавль красавка)	2	4	—	—	3	—	—	—
Чернокрылый стерх (стерх)	—	—	—	—	—	3	—	—
Белая мартишка (?)	—	—	—	—	20	10	—	—
Мартишка, вид не указан	18	—	—	—	—	—	—	—

* В скобках приведены современные названия.

В конце 30-х годов XVIII в. обер-егермейстер А. Волынский, бывший до этого в течение нескольких лет астраханским губернатором, перечислил и тех зверей, которых предписывалось ловить в астраханском Поволжье. Это были благородные олени, сайгаки, косули, кабаны, селteni (? — С. К.) и дикие кошки. В 1766 г., отвечая на запрос сената, астраханская губернская канцелярия сообщала, что красных и пегих уток (огарей и пеганок. — С. К.) ловили около г. Астрахани и с. Красный Яр. Там же, на косах, ловили белых, цветных и серых казарок. Под белыми казарками подразумевались, по всей вероятности, белые гуси, под цветными — краснозобые казарки, а под серыми — белолобый гусь (или пискулька). Около Астрахани ловили фазанов, стерхов и пеликанов⁵, а в окрестностях

⁴ ЦГАДА. Фонд 248, кн. 1068.

⁵ Там же. Фонд 261, кн. 5560.

г. Гурьева — лебедей шипунов. В донесении 1763 г. отмечалось, что они отличаются от кликунов и имеют на носу желтые шишки. Там же ловили колпиц, караваек, огарей и пеганок. Отмечалось, что у селезней пеганок на носу небольшие шишки.

В 1769 г. по Северокаспийской низменности путешествовали П. С. Паллас и И. И. Лепехин. Кроме того, отдельный маршрут был проделан Соколовым — участником отряда П. С. Палласа. Как П. С. Паллас, так и И. И. Лепехин писали, что на правобережье нижнего течения Урала очень много сайгаков (в начале сентября по новому стилю) в окрестностях Индерской крепости (Паллас, 1773) и в низовьях Урала, где они «неисчислимыми табунами прибегали к морским проранам для утоления жажды» (Лепехин, 1771, стр. 498—499). Расспрашивая калмыков, П. С. Паллас узнал, что они нередко добывали тарпанов, сайгаков и кабанов. Последние были обычны в тростниковых зарослях у Камыш-Самарских озер. Соколов видел и куланов. Он встретил их к западу от Урала, за р. Баксаем у ручья Нарын-Хор.

О больших стаях дроф и стрепетов упоминали как И. И. Лепехин, так и П. С. Паллас. Очень богаты дичью (огарями, колпицами, большими и малыми белыми цаплями) были соленые култуки и прораны Урала (Лепехин, 1771). В те годы на правобережье Урала около его устья в непроходимых тростниковых зарослях водились фазаны, выдры и кабаны (Шустов, 1871).

В описании Астраханской губернии от 1785 г. приведен список животных, обитающих в той части астраханского Поволжья, которая составляла Красноярский уезд. Из хищных зверей здесь в то время жили волки, лисы, хорьки, хорьки, горностаи, барсуки и выдры (около моря); из копытных в списке упомянуты только сайгаки, а в числе грызунов названы сурки⁶. Список птиц очень подробный. К сожалению, в нем не указано, какие птицы гнездились, а какие бывали только на пролете. Из веслоногих названы три вида — пеликан, большой и малый бакланы, журавлей также три вида — стерх, серый журавль и журавль красавка. В числе голенастых птиц указаны белый и черный аисты, белая, серая и красная цапли, колпик, кваква, подквачье (? — С. К.) и выпь. Из пластинчатоклювых упомянуты лебеди кликуны и шипун, серый гусь, три вида казарок — серая, серая с лысистой и красноногая (краснозобая). Среди уток отмечены пеганка и огарь. Указано также, что там водится вострокопытка (по всей вероятности, саджа). О зверях и птицах Енотаевского уезда сказано, что «отменных шикаких нет». Из обычных же зверей названы волк, лисица и заяц, а из обычных птиц — лебеди, гуси, журавли, утки, цапли и стерхи⁷.

Интересные дополнения к этим сведениям привел Равнинский (1809). Сайгаки, по его сообщению, бродили табунами по всем степям Астраханской губернии, а косяки тарпанов — около устья Урала и к востоку от него. Около устья Урала изредка попадались бобры. Лебеди шипуны гнездились в тростниках и камышах по побережью Каспия, а также около Камыш-Самарских озер. Кликуны же отлетали дальше к северу. Фламинго изредка попадались около г. Гурьева, а большие стада их встречались на восточном побережье Каспийского моря. Фазаны водились в тростниковых зарослях не только в Астраханском уезде, но и в Красноярском.

Первая половина XIX в. еще богаче источниками, в которых приводятся подробные сведения о распространении промысловых животных. В 1798—1835 гг. проходило генеральное межевание Астраханского уезда и заволжеской стороны Саратовского, Камышинского и Царицынского уездов, занимавшей огромную территорию от верховьев р. Еруслана, Боль-

⁶ ЦГАДА. Фонд 261, кв. 5560.

⁷ ЦГВИА. Фонд ВХА, д. 18 570.

шого и Малого Узеней на севере до излучины р. Ахтубы на юге (с. Верхне-Ахтубинское — слобода Владимировка). Восточная же граница проходила приблизительно через верховья р. Камелика, оз. Эльтон и Владимировку. Кроме того, в 20-х годах XIX в. южную окраину Волго-Уральского междуречья обследовали военно-топографические отряды; в их путевых журналах также приводятся ценные сведения о размещении промысловых животных.

Во время генерального межевания (1798—1835 гг.) на луговой стороне Царицынского уезда сайгаки были обычны на землях, примыкавших к р. Ахтубе с востока (от с. Верхне-Ахтубинского до слободы Владимировки). Особенно много сайгаков держалось на землях, примыкавших к оз. Эльтон. К северу от этой местности сайгаки были обычны на казенных землях по нижнему течению р. Еруслан и его притокам Торгуну и Соляной Кубе, а также по рекам Красная Россошь, Большая и Малая Соляная, Горькая и на правом берегу р. Малый Узень (на среднем участке его течения). Еще дальше к северу сайгаки водились на землях по рекам Большой Короман, Большой и Малый Кушуми и Мечетная, т. е. там, где Северокаспийская низменность граничит со степями Заволжья (Кириков, 1959). В середине или в конце 30-х годов сайгаки стали редки в полупустынях и степях левобережного Нижнего Поволжья и на землях уральских казаков (Корнилов, 1859; Железнов, 1888). В эти же годы отмечалось, что их стало больше на правом берегу, в калмыцких степях, особенно в Черноярском уезде (Корнилов, 1859); зимой они прикочевывали к самой Астрахани (Соломон, 1839).

Тарпаны встречались значительно реже сайгаков. Во время генерального межевания они держались на казенной земле по луговой стороне Камышинского уезда, занимавшей площадь около 2 млн. десятин. Эта земля тянулась с севера на юг от Большого Коромана, Еруслана и Торгуна к оз. Эльтон, а с запада на восток от Волги до Малого Узеня (Кириков, 1959). На этой земле было 22 849 десятин пашни, 2528 десятин сенокоса, 382 648 десятин ковыльной степи, 64 десятины мелколесья по оврагам, 32 десятины мелколесья по заболоченным берегам Малого Узеня, 518 406 десятин солонцеватой степи и 1 121 532 десятины неудобных земель. Эта дача простиралась по правобережью Малого Узеня; по ней протекали реки Солянка, Пресная, Малая и Большая Солонгорькая, Торгун, Пресная и Солонгорькая Куба, Водяная и Крутая. Были здесь и озера — Горькое и Солоное Горькое и тростниковые болота Пришиб, Могуты, Болутты⁸. Около Большого и Малого Узеней и Камыш-Самарских озер табуны диких лошадей паслись и в самом начале 50-х годов XIX в. (Безносиков, 1852). В низовьях р. Урала тарпаны держались в начале XIX в. (Равинский, 1809).

О распространении кабанов сведений сохранилось мало. Они водились на той же казенной земле Камышинского уезда, где и тарпаны. Были они и в Астраханском уезде в дельте Волги и по побережью Каспийского моря⁹. На казенных землях по р. Рыче и ерику Бобру, а также на землях, отведенных Басмачевскому и Джуруковскому постоянным дворам (на большой дороге из г. Астрахани в т. Кизяяр) были отмечены шакалы (Кириков, 1959).

В казенной даче на заволжской стороне Камышинского уезда встречались также выхухолы и норки, но по каким именно рекам — не указано¹⁰. Описывая животный мир Астраханской губернии, Равинский (1809) упомянул о сурках. «Сурки или байбаки, — писал он, — живут на Уральской степи». Уральской степью он называл ту часть Волго-Уральского

⁸ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Камышинский уезд, д. 52.

⁹ Там же, Астраханский уезд, д. 1.

¹⁰ Там же, д. 52.

междуречья, которая располагалась между р. Уралом и восточной границей саратовского Заволжья. В каких именно районах обитали байбаки, Равинский не указал; по всей вероятности, в пределах Астраханской губернии они могли водиться только на северной окраине земли уральского казачества¹¹, в степях по рекам Чагану, Иртеку и Кинделе, т. е. за пределами Северокаспийской низменности. (Все места, где на луговой стороне Саратовского уезда были отмечены байбаки, находились также на южной окраине степей Заволжья, за пределами Северокаспийской низменности.)

Дрофы и стренеты были распространены гораздо южнее, чем байбак. Они водились там, где степи или преобладали над полупустынными угодьями или занимали значительную часть территории. Дрофы были распространены шире, чем стренеты; они отмечались в нескольких крупных земельных дачах по р. Еруслану, р. Малому Узенью, в окрестностях оз. Эльтон. Дрофы также включены в список обычных птиц, водившихся в упомянутой огромной казенной даче Камышинского уезда¹². К юго-западу от этих мест дрофы и стренеты были отмечены в другой казенной даче (площадью 369 018 десятин), располагавшейся по обе стороны р. Царицын, по верхнему течению р. Солянки и на землях к северу от слободы Владимировки¹³.

Далеко на юг заходил и ареал тетерева. В долине р. Ахтубы, на луговой стороне Царицынского уезда, тетерева были отмечены на территории, простиравшейся от с. Водяного на севере до земель, приписанных к слободе Владимировке на юге¹⁴. Они встречались также в низовьях р. Еруслана и в земельной даче, расположенной по Малому Узенью, Соляной Горькой, Соляной Кубе, Торгуну и Красной Росоши, где сенокосные угодья перемежались с участками мелколесья, занимавшего в совокупности 14 142 десятины. Но в земельной даче Камышинского уезда, где жили тарпаны и кабаны и леса было только 96 десятин, тетерева не водились¹⁵.

Стерхи отмечались почти во всех земельных дачах, расположенных в долине р. Ахтубы от с. Рахинок на севере до слободы Владимировки на юге (Кириков, 1959). Они водились в займищах около рек и озер вместе с журавлями, аистами, бакланами, огарями и пеликанами. В том случае, если птицы бывали лишь налетом, как на оз. Голом, это отмечалось особо¹⁶.

Огари, называвшиеся в примечаниях к генеральному межеванию то красными утками, то «рудыми утками, водившимися в земляных норах», были распространены как в долине р. Ахтубы, так и в казенной даче Камышинского уезда. Лебеди, пеликаны, бакланы, каравайки, колпицы, гуси, белые цапли и цапли других видов были обычны по р. Ахтубе, на некоторых участках побережья Каспия и кое-где на Северокаспийской низменности. Примером того, как много бывало этих птиц, может служить о-в Мокрый. Подливая к нему, Э. Эверсманн сначала заметил сплошную белую линию: это сидели на гнездах пеликаны. Рядом виднелась другая, черная полоса — гнезда бакланов. Из тростника вытягивались длинные шеи сотен белых и серых цапель, с любопытством наблюдавших приближение лодки. Белым облаком поднялись в воздух испуганные колпицы (Эверсманн, 1831). Фазаны водились в немногих местах. Они были отмечены в дельте Волги и по побережью Каспия к югу от дельты (в окрестностях с. Сергиевского, с. Зинзилинского, по р. Раче и т. д.)¹⁷. В тро-

¹¹ В то время вся эта земля входила в Астраханскую губернию.

¹² ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Камышинский уезд, д. 52.

¹³ Там же, Царицынский уезд, д. 140.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, Камышинский уезд, д. 52.

¹⁶ Там же, Царицынский уезд, д. 140, лл. 12—13, 28.

¹⁷ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Астраханский уезд, д. 1.

стниках по берегам морских заливов между Телегинской и Коневской станциями видел фазанов и Э. Эверсмани. Фламинго водились только на казенной земле Камышинского уезда, где были обширные заболоченные низины — Пришиб, Могуты и Болугты. По-видимому, они водились и на оз. Шала-Купа, так как на картах и планах XVIII и начала XIX в. на его месте показано озеро, называвшееся Красно-Гусиным (Динесман, 1960).

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

В эти годы воздействие человека на население промысловых животных еще более возросло. Оно проявлялось и в изменении природных угодий и в усилившемся преследовании самих животных. Уже в 60-х годах было замечено, что леса Астраханской губернии сильно поредели, а в некоторых местах полностью сведены (Перкин, 1861). Численность оседлого земледельческого населения увеличивалась, но значительно медленнее, чем в степях Заволжья. В долине р. Ахтубы, например, еще в 60-х годах было всего 20 селений (шесть в Царевском уезде, пять в Черноярском, семь в Енотаевском и два в Красноярском). Местами земледельцев постигали неурядицы. В окрестностях приволжских поселений появились обширные площади, лишенные растительности. Они образовались на распаханных землях после одного-двух посевов и превратились в сыпучий песок или глинистую пыль. К тем же результатам приводил здесь и скотосбой (Житецкий, 1892).

Охотничье-промысловых животных становилось все меньше, а некоторые виды совсем исчезли. Из копытных прежде всего исчезли куланы и тарпаны. В 70-х годах куланы изредка появлялись на левобережье Урала против форпоста Редутского (Карелин, 1875), а в более поздние годы об их заходах уже не сообщалось. Не стало и диких коней. Сайгаки, начиная с конца или с середины 30-х годов XIX в., долгое время отсутствовали или были крайне редкими и не замечались в полупустынном Волго-Уральском междуречье до начала 80-х годов (Железнов, 1888). Кабан сохранился лишь на побережье Каспия. О шакалах в эти годы не сообщалось совсем; видимо на Северокаспийской низменности их уже не осталось. Но выухоль водилась на Камыш-Самарских озерах еще в 80-х годах XIX в. (Зарудный, 1897).

Изменились также распространение и численность охотничье-промысловых птиц. В 70-х годах дроф и стрелетов в Астраханской губернии было еще много (Явленский, 1875). Изредка около г. Гурьева и по Чижинским разливам попадался джек (Яковлев, 1873; Рябинин, 1866). Сообщалось также о гнездовании его на о-вах Тюлепных (Яковлев, 1873). В низовье Урала фазанов не было уже в 70-х годах XIX в., но в дельте Волги и на прилегающих участках побережья их в эти годы было много. В начале сентября 1863 г. (по новому стилю) десять охотников за один час подняли в урочище Царская грива 500 фазанов (Явленский, 1875).

Тетерева к 20-м годам XX в. почти совсем исчезли, они лишь изредка появлялись во время зимних кочевок на северной окраине Астраханской губернии (Хлебников, 1930). В 70-х годах XIX в. в астраханские степи иногда залетали кеклики (Явленский, 1875). В те же годы под Астраханью пролетали многочисленные стаи стерхов; в некоторых из них бывало до 300 птиц (Яковлев, 1873). Их пролет наблюдался под Астраханью и в конце 20-х годов XX в. (Хлебников, 1930). В низовьях р. Урала стерхи не только пролетали (в 60—70-х годах прошлого столетия), но изредка и гнездились «в поемных камышовых ильменах»; один из гнездившихся там стерхов был убит в 1863 г. в первой декаде июня по новому стилю

(Шустов, 1871)¹⁸. Утверждение Г. С. Карелина (1875), что стерхи нередко гнездятся «в камышистых ильменах» между г. Гурьевом и форпосом Редутским, основывалось, вероятно, на наблюдениях А. Шустова и некоторых других местных охотников.

Второе тридцатилетие XX в.

В эти годы произошло расширение ареала и увеличение численности некоторых видов охотничье-промысловых животных, других же стало меньше, и площадь их распространения сократилась. По сравнению с первым тридцатилетием XX в. увеличилось стадо сайгаков. В 1950—1955 гг. они встречались на Волго-Уральском междуречье, главным образом к востоку от железной дороги с. Красный Кут — г. Астрахань, и плотность их (летом) доходила здесь местами (например, в Джаныбекском районе) до 2,3—6,6 голов на 10 км² (Динесман, 1960). Больные стало и кабанов. Они вновь появились на Камыш-Самарских озерах, на оз. Горьком (Булухте), на оз. Сорколь и в верховьях р. Хары (там же). Выхухоль же, наоборот, исчезла. Ее уже нет на тех реках и озерах, где она водилась во время генерального межевания луговой стороны Камышинского уезда и на Камыш-Самарских озерах, где ее добывали и во второй половине XIX в.

Сильно уменьшилось число пеликанов; они исчезли или стали очень редкими во многих из тех мест, где они были многочисленны или обычны в первой половине XIX в. Лишь случайно появляется теперь в полуустынном Волго-Уральском междуречье огарь. Уменьшается численность стрепета, плохо переносящего скотосбой (там же), и некоторых перелетных птиц. Например, краснолобая казарка уже в 30-х годах XX в. лишь случайно появлялась в дельте Волги (Воробьев, 1936; Бородин, 1938). Гораздо меньше пролетает здесь и стерхов.

¹⁸ П. А. Долгушин (1960) без достаточных оснований отнесся с недоверием к сообщению А. Шустова.

КАЗАХСТАН¹

Сведения о природе Казахстана и быте населявших его народов стали появляться в русских письменных источниках только в конце XVI в. В сочинениях историков и путешественников приводятся сведения, относящиеся и к более раннему периоду (XII—XV вв.), но они очень отрывочны. Мало материалов и по XVII в.

Известно, что в XII в. в западных и центральных областях Казахстана жили кыпчаки (половцы), а в его северной части — близкое к ним племя кымаков. И те и другие были кочевниками-скотоводами. В XIII в. большая часть Казахстана входила во владения Батыея (Якубовский, 1953). В конце XIV в. его северо-западная часть была так малолюдна, что двухсоттысячное войско Тимура на своем пути от горы Улутау до верховьев р. Тобола за 25 дней не встретило ни одного человека. «Всеякий, кто шел на разведку, теряясь в этой беспредельной степи, не находил признаков человека», — писал иранский историк XV в. Шериф-Аддин-Иезди (Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, 1941, стр. 163).

В то время в Казахстане водилось много диких копытных, но они были распространены по территории очень неравномерно. Об этом можно судить по описанию похода Тимура против Тохтамыша (Кириков, 1959). Войско Тимура выступило в поход из г. Самарканда в январе 1391 г. и подошло к горе Улутау 28 апреля. На всем пути через Кызылкумы и безлюдные степи оно не встретило сколько-нибудь значительных скопления диких копытных, не могло пополнить свои запасы продовольствия и начало голодать. Люди Тимура копали дикий лук, ловили грызунов, ящериц; ели все, что было съедобным. К западу от горы Улутау начали попадаться стада диких копытных. Около урочища, которое иранские историки называли Ана-Карагай (по-видимому, это был бор Аман-Карагай), копытных было так много, что Тимур приказал устроить круговую охоту. Два дня сжимался круг. Затем началось избивание находившихся в кольце животных — сайгаков, коз, оленей и лосей. Дичи было столько, что воины Тимура, хотя они перед этим и голодали, выбирали только самые лучшие куски мяса, а остальное бросали на месте.

В конце XVI в. к северной границе Казахстана подошли русские и стали возводить крепости и другие селения. Служилые люди, отправлявшиеся на разведку, приносили сведения о природных угодьях охотничьих и рыбных районов и встреченных там промысловых животных. Например, в 1626 г. тобольский воевода отправил служилых людей осмотреть местность около оз. Ямышева и определить, пригодна ли она для постройки острога. Посланные люди привезли составленный ими чертеж и описание

¹ Материалы, относящиеся к Уральской и Гурьевской областям (за исключением Мангышлака), приводятся в разделе — «Северокаспийская низменность».

этого района. Вокруг озера простиралась песчаная степь, на которой преобладал тилчак. Пески господствовали и по обоим берегам р. Иртыша, и только в его пойме встречался лес из тополей и ив. Служилые люди в своем докладе упоминали, что калмыки² иногда приходят к оз. Ямышу и продают пушнину — корсаков, красных степных лисиц и бобров. Другой пушнина они у калмыков не видели (РИБ, 1884). Между кочевыми народами, населявшими Казахстан, нередко возникали ссоры из-за пастбищ и охотничьих угодий. Это было настолько обычным явлением, что С. Ремезов писал в 1701 г., что если «из которого языка орды в которую землю истуяют скотом или на промыслы, какова будя зверя уловить придут, и о сем меж ними чинитца междуусобие и грабление» (Приложение к Чертежной книге Сибири., 1882, стр. 13).

XVIII в. — первая половина XIX в.

В материалах XVIII в. уже можно найти довольно подробные сведения о природе Казахстана. Особенно богаты источники первой половины XIX в., когда производились специальные военно-топографические обследования «Киргиз-Кайсацкой степи».

В путевых журналах топографов описывались рельеф, особенности погодных условий, гидрографическая сеть (реки, озера, колодцы и копаны), почвенный покров, растительность, размещение животных, главным образом промысловых, но также и некоторых других, которые почему-либо обратили на себя внимание. При зимних рекогносцировках велись наблюдения за залегаем снежного покрова и его состоянием (отмечалось, где снег был рыхлым и где покрыт твердой коркой и т. д.). Все эти сведения собирались как для военных целей, так и для выяснения возможностей земледельческого освоения той или иной местности. В ряде случаев выводы топографов о земледельческой пригодности территории остаются правильными даже для нашего времени. В путевом журнале отряда, направлявшегося летом 1815 г. от Усть-Уйской крепости к богатой свинцовыми рудами горе Кургантау, есть, например, такое замечание о местности между урочищем Джидасу и р. Каратургай: «Сие пространство есть самое бесплоднейшее на всей дороге от границы до свинцового прииска... хлебопашества инде завести нельзя»³. Эта территория входит в современный Амангельдинский район, в котором и теперь распаханно всего около 2% площади. Весьма интересны и их наблюдения, касающиеся распространения животных. В некоторых случаях топографы пытались объяснить причины, влияющие на размещение и численность животных как диких, так и домашних. Так, в «Топографическом описании Киргизской степи Оренбургского ведомства» составленном поручиком Яковлевым⁴, была высказана мысль, что вспышки сибирской язвы совпадают с появлением множества слепшей.

Оренбургский губернатор Невлюев и сибирский губернатор Сухарев сочли необходимым создать пограничную линию⁵ из крепостей и редутов, протянувшуюся от Чернолуцкой слободы к Семипалатинской крепости, а оттуда — к Кольванским Вокресенским заводам⁶.

Обитавшие в Казахстане казахи разделялись в XVIII в. на три Орды — Большую, Среднюю и Малую⁷. Средняя орда кочевала по рекам

² В XVII в. казахам принадлежала только центральная часть Казахстана, восточной частью владели калмыки, а землей по р. Ори, верховьям р. Тобола, Уила и Омбы были башкирскими вотчинами.

³ ЦГИА. Фонд ВУА, д. 18 526.

⁴ Там же, д. 19 259.

⁵ Архив внешних сношений. Фонд Зюнгарские дела, д. 3, л. 5--6.

⁶ Там же.

⁷ Архив внешних сношений. Фонд Сношения России с киргиз-кайсаками, опись 122/3, д. 1, л. 4.

Тоболу, Ишиму, верхнему течению Иртыша и в урочище Куктау. Область кочевий Малой Орды граничила с Оренбургской укрепленной линией. Она кочевала в верховьях р. Ори, по рекам Илеку, Эмбе и их притокам, по Большим и Малым Барсукам, а также по рекам, впадающим в Урал ниже Уральского городка. Сведений о быте казахов Большой Орды коллегия иностранных дел не имела. О казахах же Средней и Малой Орды было известно, что «живут они все скотоводством и многие из них и ловлею зверей промышляют... хлебопашества никакого не имеют»⁸. В Записке, поданной в Коллегию иностранных дел, Иван Унковский писал, что примерно за 30 лет до того, как он ездил (в 1723—1724 гг.) в Джунгарию, калмыки «хлеба мало имели, понеже пахать не умели, ныне пашни у них от часу умножаются, и не токмо подданные бухарцы хлеб сеют, но и калмыки многие за пашню приемлются, ибо о том от контайши приказ есть. Хлеб у них родитца: зело изрядная пшеница, просо, ячмень, пшено сорочинское»⁹.

Все же до первой половины XIX в. площадь пашни была в степном Казахстане незначительной. В его западной части — в «Киргизской степи Оренбургского ведомства» — наиболее обширные пашни были по рекам Ори, Илеку, Хобде и Утве. В бассейнах Большого Иргиза и Тургая хлебопашество развивалось слабо (Бларамберг, 1848). В восточной части Казахстана (называвшейся «Киргизской степью Сибирского ведомства» или «Областью сибирских киргизов») в 1852 г. в Акмолинском округе было всего 19,5 десятин пашни, в Аягузском — 1957 десятин, в Каркаралинском — 49 десятин, в Кокпектинском — 1075 десятин, в Баян-Аульском — 35 десятин, в Кокчетавском — 2448 десятин, в Копальском — 8755 десятин, в Кыш-Мурунском округе пашни совсем не было¹⁰. Приведенные данные о площади пашни показывают, что до середины XIX в. почти вся территория степного Казахстана представляла собой естественные угодья. Почти повсюду господствовали целинные степи. Еще меньше пашни было в пустынном Казахстане. Лишь местами, главным образом в низовье р. Сыр-Дарьи, возделывались поливные поля. В 1847 г. по р. Сыр-Дарье в урочище Айгерик засевалось около 2 тыс. десятин. На низменном левобережье протока Казалы было много старых каналов. Когда-то пашни здесь занимали гораздо большую площадь, но к 1847 г. они были заброшены и залежи заросли тростником¹¹.

Леса были сосредоточены в основном в северной части Казахстана и в Центрально-Казахстанском мелкосопочнике. В них преобладали береза и сосна. Ценные сведения о прошлом распространении лесов приводятся в путевых журналах, составленных военно-топографическими отрядами, проводившими в первой половине XIX в. специальные обследования «Киргиз-Кайсацкой степи». Так, по данным топографов, работавших на юго-западной окраине Казахстана и обследовавших земли по рекам Ори, Илеку, Томиру, Уилу и верхнему течению Эмбы¹², по Илеку было много лесов из черной ольхи, тополя и вяза. По р. Большая Хобда местами встречались заросли ольхи и тополя. По р. Яман-Каргала рос небольшой лес из ольхи, березы и тальника, но ближе к ее верховью он становился лучше и гуще. В верховье р. Якши-Каргала ольховое, березовое и вязовое мелколесье сохранилось только по оврагам. Уже в то время топографы отмечали, что леса беспорядочно вырубаются и выжигаются казахами. Обезлесенные земли в верховьях р. Уила, исчезли леса и по р. Утве, где они раньше росли по всему ее течению. Уже были сведены они в долине р. Буздяу, которая в прошлом была довольно богата лесом и кустарни-

⁸ Там же. Архив Киргиз-Кайсацкие дела, Большая Орда, дело без номера, л. 4.

⁹ Архив внешних сношений. Фонд Зюнгорские дела, д. 3, л. 4.

¹⁰ Там же, д. 52.

¹¹ ЦГВИА. Фонд 1444, опись 1, д. 27, л. 29.

¹² Там же. Фонд 414, д. 401, литеры А, В и Д.

ком. В путевых журналах отрядов уже не упоминается о лесах по верхнему течению р. Эмбы, где они росли еще в конце XVIII в. В 1786 г. в документах, относящихся к предполагавшейся постройке военных укреплений по границе с владениями Малой Орды, указывалось, например, что по верхнему течению р. Эмбы, ниже устья р. Темира, «на карте назначены лесные места»¹³. К этому же приблизительно времени относится рапорт геодезиста Васильева, сообщавшего, что около впадения в Эмбу р. Темира «начался лес колками, осиновою, березовою и черноталовою... По сказке провожатого киргисца, продолжается оной до изходу вершин эмбепских»¹⁴.

Значительно больше лесов было в северном Казахстане. Летом 1815 г., во время следования отряда, направлявшегося от Усть-Уйской крепости к горе Кургантау, березовые леса по правому берегу р. Тобола были отмечены, начиная от Усть-Уйской крепости и кончая урочищем, расположенным в 140 верстах южнее ее¹⁵. (Дальше отряд отошел от Тобола и направился к юго-востоку.) Среди притобольских лесов выделялся березник Долгая Дуброва, занимавший около 10 тыс. десятин (Бларамберг, 1848). На карте, приложенной к сочинению Мейендорфа (Mejendorf, 1826), на правобережье р. Тобола, между 53 и 51° с. ш., кроме березников показаны и боры Якши-Карагай и Турсук-Карагай.

На обратном пути от горы Кургантау отряд разделился и часть его направилась к Зверинголовой крепости. Начиная от р. Муил-Мурун, где по лощинам росли березовые рощи, и кончая Зверинголовой крепостью, по пути следования отряда березники отмечались в нескольких местах. Между р. Тоболом на западе, р. Убаганом и верхним течением р. Турган на востоке также были боры и березники.

В 1830 г. военно-топографический отряд обследовал местность между Бишкульским редутом и р. Малая Нура. Березовые леса начинались в 6 верстах от редута и тянулись полосой длиной 34 версты до долины р. Камышлова, а между р. Камышловым и р. Ишимом леса простирались на 50 верст. По правобережью Камышлова также росли большие леса, простиравшиеся в длину на 40 и в ширину на 30 верст. Березовые и сосновые леса отмечались также между р. Чаглинкой и урочищем Биш-Агач. Площадь этих лесов определялась приблизительно в 60 тыс. десятин. Между урочищем Биш-Агач, р. Джанису и горами Кокчетау было несколько небольших березовых и сосновых лесов общей площадью около 8 тыс. десятин. Дальше начинался Кокчетавский бор (площадью около 57 тыс. десятин). Он простирался с севера на юг на 15—22 версты, а с запада на восток — примерно на 30 верст. В журнале топографического отряда описывалось еще несколько лесных массивов, в частности бор Тору-Айгыр площадью около 47 тыс. десятин), две трети которого составлял строевой лес. По сопкам Буланды и Домбралы также росли леса. Кроме того, отряд встретил на своем пути бор Кучеке (около 600 десятин), березово-сосновый лес Муруп-Карагай (около 3000 десятин) и березово-осиновые леса в урочище Джаман-Чубар (около 4500 десятин). Шихмейстеры Поспелов и Буриашев, путешествовавшие в 1800 г., сообщали, что горы Кен-Козлак и Каркаралинские изобиловали сосновыми, березовыми и осиновыми лесами (Поездка Поспелова и Буриашева, 1851). В 1830 г. военно-топографический отряд обследовал местность от Каркаралинского приказа на западе до Усть-Каменогорской крепости на востоке. Здесь было около 160 тыс. десятин леса; из них около 60 тыс. десятин было занято строевым лесом¹⁶.

¹³ ЦГВИА. Фонд 52, л. 367, л. 15—16.

¹⁴ ОРБЛ. Фонд 256 (Румянцевский музей), д. 33, л. 94.

¹⁵ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 526.

¹⁶ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 243, ч. 2 и ч. 3.

В 1831 г. еще один военно-топографический отряд обследовал местность в Каркаралинском округе. В его журнале было отмечено несколько лесных массивов. По Каркаралинским горам — около 5 тыс. десятин березового, соснового и осинового леса; в горах Джусалы — небольшой (около 400 десятин) участок сосново-березового леса. Такой же лес (около 300 десятин) был в урочищах Тонайдык, Кызыл-Агач и Семис-Буга. В горах Кутак-Карагай было два лесных массива — Кутак-Карагай и Биль-Агач (2500 десятин). В них также преобладала береза и сосна. Береза и сосна (около 3000 десятин) росли в горах Якши-Нияз и Аголы¹⁷. Леса Калбинского хребта были описаны в 1852 г. В северной части этого хребта преобладала сосна, и лишь в логах и около речек боры сменялись березниками и тальниками. Местами встречались ель и пихта (Ефимовский, 1855).

Многих лесов, существовавших в XVIII и начале XIX в., теперь уже нет. Другие же, хотя и сохранились, но площадь их сильно уменьшилась, а сами леса стали более разреженными. Например, бор Аман-Карагай простирался раньше в длину на 60 и в ширину на 25 верст¹⁸, а в настоящее время его длина не превышает 45 км, а ширина — 15 км. Еще в 1848 г. по этому бору можно было проехать только верхом по нескольким узким тропинкам. Аман-Карагай особенно ценился из-за больших запасов строевой древесины. Для постройки одного только Кыш-Мурунского укрепления в нем было вырублено до 14 тыс. деревьев (Бларамберг, 1848). К юго-востоку от Аман-Карагай еще в 1815 г. простирался лес Биль-Карагай. Крупный военный отряд, следовавший от Усть-Уйской крепости к горе Кургантау, выжигал в этом лесу уголь и вырубал оси для колес.

Наурузумский бор был описан в 1849 г. поручиком Яковлевым. Длина бора в то время (с запада на восток) равнялась 21 версте, ширина (с севера на юг) — 4—6 верстам, а площадь была около 10,5 тыс. десятин. В нем выделялись три полосы: восточная (площадью около 3000 десятин), средняя (около 3500 десятин) и западная (около 4000 десятин). В восточной преобладало редколесье. Здесь было много солонцеватых луговых полян и обезлесенных песчаных бугров. Деревья были суковатыми; высота их в среднем достигала 13 м. На пробной площадке в 400 м² росло около 30 деревьев толщиной в отрубе от 18 до 54 см. Здесь зимовали казахи Аргынского рода и весь мелкий лесной подрост вытравлялся скотом, а весной выжигался. В средней полосе лес был гуще, на площадке в 400 м² росло в среднем 70 деревьев. Деревья были менее суковатыми, высота их достигала 7—21 м, а толщина в отрубе — 18—72 см. В этой полосе было много гарей. Казахи здесь не кочевали из-за недостатка травы для скота. В западной полосе рос самый крупный и хороший лес. Деревья здесь были менее суковатыми, их толщина в отрубе большей частью достигала 27—40 см, но встречались и деревья толщиной 70—80 см. В нем было много участков, заросших молодым сосняком и березником, и мало гарей. Здесь ежегодно вырубалось довольно много строевого леса. Всего в бору насчитывалось до 17 млн. деревьев, из них 9 млн. относились к лучшему строевому лесу¹⁹.

Наряду со сведениями о прошлом состоянии природных угодий сохранилось немало как опубликованных, так и архивных источников, в которых сказано о размещении и численности промысловых животных в лесостепном и лесном Казахстане. В XVIII в. и в первой половине XIX в. наибольшее значение в охотничьем промысле казахов имели пушные и копытные звери.

¹⁷ Там же, ч. 5.

¹⁸ Там же, д. 18 526.

¹⁹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 259.

Хан Большой Орды Абулхайр, изъявивший желание перейти в русское подданство, обещал платить ежегодно ясак 4000 лисьих шкур, его зять — 1000 лисьих шкур и 1000 шкур корсаков, а сын хана — 1000 лисиц. Обязался сдавать 2000 лисиц и 1000 корсаков и хан Средней Орды²⁰. Хотя эти обещания остались на бумаге, и казахи ни разу не платили ясака пушнинной, все же они показывают, что лисиц и корсаков добывалось много. Шкурки этих зверей преобладали и в той пушнине, которую казахи привозили в г. Троицк и г. Оренбург в середине XVIII в. Так, в 1750 г. на Троицкую ярмарку из «азиатских народов» были привезены шкуры 13 838 корсаков, 10 538 лисиц, 4 117 волков (взрослых и молодых). Другой пушнины продавалось немного: 175 горностаев, 98 хорьков, 80 куниц, 57 рысей, 50 стенок кошек, 6 медвежьих шкур, 2 норки. В том же году в г. Оренбург «с азиатской стороны» были привезены шкуры 16 474 корсаков, 16 276 лисиц, 8 248 волков и, кроме того, шкурки 1 262 горностаев, 560 хорьков, 349 рысей, 224 куницы, 125 зайцев, 73 степных кошки, 37 ирбисов и 26 порок²¹. Преобладающая часть этой пушнины несомненно принадлежала казахам.

Волков и лисиц казахи загоняли на лошадях, пока был неглубокий снег. Много лисиц добывали с помощью ловчих беркутов или в капканы. В XVIII в. казахи покупали беркутов на торгах в Оренбурге и Троицке, куда их привозили башкиры. По пошлинному тарифу 1752 г. крупные беркуты стоили 5 руб., т. е. столько же, сколько стоил крупный бык или корова, или 20 молодых барашков. Беркут «средней руки» стоил 3 руб.²² В первой половине XIX в. добыча лисиц и корсаков составляла наиболее важную часть охотничьего промысла. Большое значение имел сурковый промысел, а в 40-х годах XIX в. сурков добывалось больше, чем лисиц и корсаков²³. Шкурки и сало сурков казахи продавали главным образом на Оренбургской укрепленной линии.

Самыми редкими пушными зверьями, водившимися в Казахстане к западу от р. Иртыша, были соболь, выхухоль и бобр. По словам местных старожилов, соболи когда-то жили на Калбинском хребте (Охота у киргиз, 1895), т. е. там, где в лесах росла и ель. Последние соболи были куплены торговцами пушнинной приблизительно в середине XIX в., но где именно — неизвестно (Словцов, 1884). Выхухоль к востоку от р. Урала водилась в 20-х годах XIX в. только на р. Бурля, притоке р. Илек²⁴. О прошлом распространении бобров известно больше. На рубеже XVII и XVIII вв. башкиры добывали их на р. Уиле (Кириков, 1959). О бобрах упоминает и А. Левшин (1832), но он не указывает, где именно они водились. Наиболее ранние и вполне определенные сведения о распространении бобров по р. Иртышу и его притокам сообщил инженер-поручик Зеленый. Во время своего путешествия (июль 1764 г.) он встречал бобров в устье р. Нарыма и по р. Курчуму. В его путевом журнале записано, что по р. Курчуму бобров было «довольно»²⁵. Через 76 лет на этой реке бобры стали уже редкими, но по р. Кальджиру их было еще много (Karlén, 1840). Значительно ниже по р. Иртышу, у пос. Бобровского, Г. С. Карелин уже не застал бобров и только отметил в дневнике, что они там раньше водились (Липский, 1905).

Кроме пушных зверей, казахи добывали копытных животных. В Средней и Большой Орде еще в начале XIX в. часто устраивались круговые облавы. В описании путешествия через Киргиз-Кайсацкую степь, состав-

²⁰ Архив внешних сношений. Фонд Киргиз-Кайсацкие дела, связка 500, дело без номера, л. 2.

²¹ ЦГАДА. Фонд 397, д. 406, л. 31—35 и 21—27.

²² ЦГАДА. Фонд Дворцовый отдел, д. 45 865.

²³ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 545.

²⁴ Там же. Фонд 414, л. 400, литер В.

²⁵ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 515.

ленном в первом десятилетии XIX в., об этих-облавах сказано следующим образом. «Для сего обыкновенно собираются многие охотники и, разделившись по однопочке, занимают в круг желаемое пространство. Всякий из них ищет зверя и, подняв одного с логовища, гонит в средину занятого пространства. Таким образом, все сближаются, тесня ловитву к возвышениям или равнине, где, облегли ее отовсюду, начинают убивать стрелами, копьями и пулями»²⁶. Мясо и шкуры копытных использовались главным образом самими казаками и редко поступали на продажу. Поэтому сведений, сколько добывалось диких копытных, очень мало, но о том, где водился или добывался тот или иной вид, сообщений гораздо больше.

Из крупных степных животных, чья жизнь тесно связана с полупустынями и сухими степями, самыми многочисленными были сайгаки. В конце 50-х и начале 60-х годов XVIII в. они отмечались в горах Ереметау и Кокчетау в Центрально-Казахстанском мелкосопочнике (Рычков, 1762) и в степном и полупустынном Прииртышье (Gmelin, 1760; Андреев, 1871; см. также отчет Зеленова, 1764, хранящийся в ЦГВИА, в фонде ВУА, д. 18 515). Тогда в северной части Прииртышья сайгаки появлялись летом, а на зиму откочевывали к югу (Gmelin, 1760).

Наиболее подробные сведения о распространении сайгаков в первой половине XIX в. приводятся в отчетах и путевых журналах военно-топографических отрядов. Летом 1815 г. около горы Кургаштау в 70 верстах к югу от Усть-Уйской крепости отряд встретил много сайгаков. В степи, где они паслись, были разбросаны березовые рощи. Дальше сайгаки встречались отряду почти на всем его пути. Особенно много их было около бора Аман-Карагай, в урочище Джидасу (к востоку от оз. Аксуат), на р. Сарытургай, р. Каратургай и в окрестностях горы Кургаштау. На р. Каратургай попадались табуны сайгаков в сотни голов. На обратном пути та часть отряда, которая пошла к Звериноголовой крепости, встречала сайгаков во многих местах. «Великими табунами» и «в великом множестве» они попадались в долинах рек Рай-Карасу, Муин-Мурун и около оз. Кайран-Куль.

Следовательно, летом северная граница области распространения сайгаков в Казахстане проходила в начале прошлого века гораздо дальше к северу, чем теперь, и наиболее северные места летних пастбищ этих животных находились в разнотравно-красноковыльных степях, среди которых было немало березовых рощ.

В 1823 г. несколько топографических отрядов обследовали местность между нижним течением Урала, Эмбой и Илеком. На этой территории сайгаки встречались всюду. Особенно много было их в верховьях р. Уила, по рекам Большая Хобда, Илек и по верхнему течению р. Эмбы²⁷.

В 40-х годах прошлого столетия обилие сайгаков отмечалось в различных местах степного Казахстана. Стадо сайгаков в несколько тысяч голов было замечено, например, на левобережье Урала, к востоку от Сухореченского рудата (Толстой, 1964). Через несколько лет огромные стада сайгаков паслись между горой Мана-Аулиэ и г. Орском (Nöschel, 1856). Во время топографического обследования, проводившегося в Казахстане в 1851—1852 гг., большие стада сайгаков²⁸ паслись летом в песках Тусум (в 40 км к югу от г. Тургая). Около оз. Зайсан и по р. Черный Иртыш «бесчисленные» стада сайгаков были встречены в 1840 г. И. Кирилловым — спутником Г. С. Карелина (Путешествие Карелина..., 1841).

Дикие лошади жили в разных местах. В «Топографии Оренбургской» упоминалось, что на правобережье р. Урала тарпаны бывали редко, но на

²⁶ Там же, д. 19 209, ч. 2.

²⁷ В те же годы стада сайгаков численностью до 8—9 тыс. голов наблюдались в июне в степях около г. Орска и в Губерлинском мелкосопочнике (Meuendorf, 1826; Helmersen, 1841).

²⁸ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 259.

его левом берегу они встречались часто (Рычков, 1762). И. И. Лепехин (1772) писал даже, что башкиры пригоняли из-за Урала целые табуны объезженных тарпанов. Это сообщение крайне сомнительно. Вероятно, И. И. Лепехин принял за объезженных тарпанов казахских лошадей, отогнанных башкирами (Кириков, 1959). Известно, например, что башкиры Бурзянской волости за один год угнали у казахов 11 533 лошади, а башкиры Усерганской волости — 11 584 (Материалы по истории Казахской ССР, 1940). В те же годы тарпаны встречались кое-где и по Центрально-Казахстанскому мелкосопочнику. П. Рычков (1762) упоминал, что они водились в горах Ерементау и Кокчетау.

Наиболее подробны сведения о тарпанах, водившихся в прииртышских степях. Среди диких зверей, доставленных в 1740 г. из верхиртышских крепостей, были три диких лошади²⁹. В том же году одна дикая лошадь была поймана около оз. Ямышева и шесть тарпанов куплены в г. Усть-Каменногорске. В январе и марте 1745 г. несколько партий казахов (по 10 и 25 человек) приезжали ловить диких лошадей в окрестности Черлаковского форпоста и станц Семиярской и Спуск. В феврале того же года на правобережье Иртыша в районе между Железинской, Ямышевской, Семиналатинской и Усть-Каменногорской крепостями почти ежедневно появлялись партии казахов по 3, 5, 10 и 15 человек, которые ловили тарпанов. В ноябре 1746 г. у Семиярского форпоста и Долон-Карагайского станица на промысел диких кошей через Иртыш перешло 30 казахов. Переходить на правобережье Иртыша казахам запрещалось, и их вернули от Северного бора (в 100 верстах от Семиярска). В феврале 1747 г. мимо Осмарыжского форпоста через Иртыш опять перешло 30 казахов. Встретившимся драгунам казахи сказали: «у вас в степи дичиных лошадей много, а у них нет, и кормиться якобы им, киргизам, нечем» (Струве и Потанин, 1867, стр. 425—426). В дополнение к этим сведениям можно добавить, что в июне 1748 г. крестьяне Белоярской слободы поймали пять диких лошадей (Селевин, 1932)³⁰. В прииртышских степях диких кошей было много и в 60-х годах XVIII в. Об этом писал, например, денутат сибирских линий казах Андциферов, приславший свои соображения в Комиссию по выработке проекта пового уложения. Андциферов обратился к Комиссии в связи с тем, что казахам запрещалось перегонять скот на правобережье Иртыша, а на левом берегу разрешалось кочевать не ближе, чем в 10 верстах от реки. Он писал, что «помянутые киргиз-кайсаки всю орду кочуют ныне в каждые зимние времена подле самой реки Иртыш на берегах и островах близ каждой крепости, форпоста и станцев со всеми своими семьями, с скотом, табунами, как и самые настоящие поселяпе...

Как ныне они киргиз-кайсаки весьма многоскотны, и потому состоящей на их стороне за рекою Иртышем степной корм, т. е. растущую траву, в летнее время все без остатка табунами своими вытравливают, а иногда печальным образом все те степные места пущеным огнем выгорают, так что в зимнее время скота своего и лошадей кормить им нечем, в таком случае по крайней своей необходимости принуждены бывают те свои многочисленные табуны перегонять на нашу внутреннюю сторону через Иртыш реку; понеже на нашей внутренней стороне степи весьма открытые, а потому и обширные, а корму впусе лежащего и никем необитаемого довольное число в к тому же диких лошадей, а по названию тарпанов, временно же скотом, которых они застреливают и употребляют в пищу» (разрядка наша. — С. К.)³¹.

²⁹ ЦГАДА. Фонд 214, опись 1, ч. 7, д. 5047.

³⁰ К. Струве, Г. Потанин (1867) и В. Селевин (1932) ошибочно считали, что все эти сведения относятся не к тарпанам, а к куланам.

³¹ Архив внешних сношений. Фонд Сношения России с киргиз-кайсаками, д. 2, лл. 1—2.

Сведений о куланах, относящихся к XVIII и первой половине XIX в., довольно мало. В 60-х годах XVIII в. они встречались по р. Эмбе и р. Сарысу, заходили на горы Ерементау и Кокчетау (Рычков, 1762). В середине XIX в. большие табуны куланов паслись по притокам р. Джиланчик³². В прииртышских степях у Коряковской станицы они были отмечены в 80-х годах XVIII в. (Словцов, 1881). В 1840 г. по северному и восточному берегам оз. Зайсан и по Иртышу, вверх от этого озера, прошел И. Кириллов. На этом пути он встретил бесчисленные стада сайгаков и диких ослов-джигетаев (Путешествие Карелина..., 1841).

Архары встречались главным образом на Центрально-Казахстанском мелкосопочнике. П. Рычков (1762) писал, что они водятся в горах Ерементау и Кокчетау. «Степные бараны, по-киргизски называемые архар», включены в список зверей, встречающихся в 30-х годах XIX в. в Кокчетавском, Акмолинском, Баян-Аульском, Каркаралинском и Аягузском округах³³. В царствование Анны Ивановны в Тобольскую канцелярию был послан указ о присылке ко двору молодых живых лосей, «да диких баранов с витыми рогами и диких лошадей, тако ж быков и коров с лошадиными хвостами живых же». В указе добавлялось, что их следует присылать «с нарочными куриэры немедленно»³⁴. В исполнение этого указа в 1740 г. было послано три барана. Один баран, пойманный солдатами Усть-Каменногогорской крепости, по дороге в г. Тобольск, пал. Голова его с рогами и шкура были унакованы в ящик и отосланы в Сибирский приказ. Кроме того, в 1740 г. семь диких живых баранов и овец были доставлены в Тобольск из Верхиртышских крепостей³⁵. В июле 1764 г. военный инженер Зеленый, проплывший по Иртышу от устья р. Бухтармы до оз. Зайсан, видел архаров около устья р. Таловки и выше устья р. Курчума³⁶.

По Центрально-Казахстанскому мелкосопочнику и Прииртышью был широко распространен и марал. О том, что эти звери водятся в горах Ерементау и Кокчетау, писал П. Рычков (1762). В самом конце XVIII в. маралы были обычны в горах Кен-Козлак и Каркаралинских (Поездка Поспелова и Бурнашева..., 1851). В 30-х годах XIX в. они отмечались в Кокчетавском, Акмолинском, Баян-Аульском, Каркаралинском и Аягузском округах, но где именно, неизвестно. О том, что маралы встречались в Кен-Козлаке, Каркаралинских и других лесистых горах, писал и А. Левшин (1832); особенно часто они попадались в горах Буглы (бугу — по казакски марал). В начале 40-х годов Г. С. Карелин встречал маралов в Каркаралинских и Баян-Аульских горах (Липский, 1905). В середине XIX в. в Акмолинском и Кокчетавском округах маралы были еще многочисленны (Гуляев, 1851).

Из Прииртышья живых маралов стали доставлять в г. Тобольск (для отсылки их к царскому двору) еще в 20-х и 30-х годах XVIII в. Три марала, например, было прислано из Семи-Палатной крепости в 1721 г., столько же — в 1722 г. Известно, что в 1735 г. промышляли живых маралов около Уваровского станца на р. Иртыше (Потанин, 1867). В 1740 г. из Прииртышья в Москву было доставлено восемь маралов и столько же маралух³⁷. В середине XVIII в. маралы в окрестностях г. Семипалатинска уже встречались только в борах (Андреев, 1871). Выше по Иртышу, от устья Нарыма до оз. Зайсан они были очень обычны в 60-х годах XVIII в.³⁸ В верхнем Прииртышье они встречались часто по крайней мере до середины XIX в., а на Тарбагатае их было очень много (Гуляев, 1851).

³² ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 515.

³³ ЦГАДА. Фонд Басянова, д. 26.

³⁴ Там же. Фонд 214, опись 1, ч. 7, д. 5024, л. 5а.

³⁵ Там же, д. 5047.

³⁶ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 515.

³⁷ ЦГАДА. Фонд Дворцовый отдел, д. 35 474.

³⁸ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 515.

Лоси водились главным образом там, где росли леса или поблизости от них. В Центрально-Казахстанском мелкосопочнике и Прииртышье они встречались почти во всех тех местах, где были маралы. Иногда лоси выходили пастись в степи и полупустыни. Во многих районах водились кабаны. Основными местами их обитания были тростниковые заросли и леса, но они часто выходили оттуда в степи и полупустыни. В 1771 г. во время похода военного отряда, в котором участвовал Н. Рычков (1772), на правобережье р. Ори и в урочище Биш-Кона кабанов было столько, что число их определялось, как «великое множество» и «необъятное множество». Примерно через 100 лет в окрестностях Оренбургского укрепления (впоследствии переименованного в г. Тургай) кабанов водилось так много, что местные охотники запасались на весь год соевым кабаньим мясом (Мейер, 1865). Кабаны были многочисленны и на восточной окраине степного Казахстана. В 1764 г. по р. Иртышу между устьем р. Бухтармы и оз. Зайсан паряду с копытными очень много встречалось кабанов, ходивших «великими стадами»³⁹.

Сведения о распространении промысловых птиц менее подробны. К числу наиболее обычных птиц степного Казахстана относились дрофы, стрепеты и серые куропатки. В северной части Казахстана было много тетеревов и белых куропаток. Известно, например, что в 50-х годах XIX в. охотники из Оренбургского укрепления стали уезжать на охоту за тетеревами в леса, расположенные значительно севернее этого укрепления — в Наурзумский и другие бора. В 1857 г. одиннадцать охотников привезли 1533 пары тетеревов, в 1858 г. пятнадцать охотников — 5488 пар и в 1859 г. тридцать семь охотников — 3700 пар. Следовательно один охотник привозил за охотничий сезон в среднем 340 тетеревов. О широком распространении белых куропаток в северном Казахстане можно судить по наблюдениям топографов во время следования отряда в 1815 г. из Усть-Уйской крепости к горе Кургайтау. На этом пути белые куропатки отмечались в 30 и 112 перстах к югу от Усть-Уйской крепости, около бора Аман-Гарагай, в урочище Джидасу, на р. Муштургае и в окрестностях горы Кургайтау. Местами они были так многочисленны, что в путевом журнале отмечалось: «куропаток великое множество». Белые куропатки встречались и непосредственной близости от тех мест, где паслись сайгаки⁴⁰. Во второй половине XVIII в. они были отмечены в окрестностях г. Семипалатинска (Андреев, 1871). В этой же летописи упоминается, что в борах около г. Семипалатинска водятся глухари. Последние, несомненно, водились и в других борах, но сведений об этом в источниках, относящихся к XVIII и первой половине XIX в., не сохранилось.

В восточной части степного Казахстана некоторые казахи занимались ловлей линных лебедей. При удаче несколько охотников за 10 дней добывали до 1000 птиц⁴¹. Лебедей и гусей ловили и в тростниковых зарослях по р. Алабуге (Рычков, 1772). В описании восточной части Казахстана, составленном в 1868 г., указывается, что прежде на озерах северного Казахстана партия в десять охотников добывала до 500 и более лебедей. К 60-м годам XIX в. лебеди были истреблены и охота на них почти прекратилась (Красовский, 1868). Кое-где в XVIII в. водились и стерхи. Н. Рычков (1772) встречал их в конце мая (старого стиля) на заболоченном берегу р. Алабуге, где были обширные заросли тростника. В 1815 г. (21 июня старого стиля) белые журавли пабликовались около оз. Малый Алаколь. А в окрестных степях в то же время водились дрофы и паслись сайгаки⁴². В конце XVIII в. о том, что стерхи встречаются в окрестностях г. Семипалатинска, упоминается в «Домовой летописи Андреева» (Андреев, 1871).

³⁹ ЦГВИА. Фонд ВНА, д. 18545.

⁴⁰ Там же, д. 18526.

⁴¹ ЦГВИА. Фонд ВНА, д. 18546.

⁴² Там же, д. 18526.

В XVIII и начале XIX в. реки Казахетана были, по-видимому, более полноводными и глубокими, чем теперь. «Отменно глубокие плесы» отмечены, например, на р. Большая Хобда. О р. Большой Темир сообщалось, что она после слияния Узун-Темира и Кульдюк-Темира состоит из плёссов, глубоких и рыбных. В Илек, а также в Большую Хобду заходили осетры⁴³.

Значительно меньше сохранилось сведений, где и сколько промысловых животных было в пустынном Казахстане.

В списке промысловых зверей, водившихся в самом начале XIX в. «около Сыр-Дарьи и в других местах», были перечислены дикая лошадь, дикий осел, лось, изюбрь и три вида кошек (манул, пятнистая кошка, камышовый кот) и даны им казахские названия⁴⁴. Все эти звери, за исключением лося, водились около р. Сыр-Дарьи еще в самое недавнее время.

Наиболее подробные сведения о размещении промысловых животных в пустынном Казахстане приводятся в отчетах и путевых журналах военных топографов. Один из этих отрядов прошел зимою 1825/26 г. от Каспийского моря до Аральского моря. Весь декабрь и январь были очень холодными; морозы доходили до -25 , -32° . На Устюрте, как отмечалось в путевом журнале, зимой часто свирепствовали сильные ветры, снежный покров обычно бывал высокий (до поларшина) и плотный. Нередко снег покрывался коркой, которую не могли разбить даже лошади. Поэтому казахи кочевали здесь только летом. Но в январе 1826 г. снег был мягкий, и отряд встречал множество сайгаков, несмотря на жестокие морозы. Составитель журнала, отметил, что только «глубокие и жестокие снега заставляют их (сайгаков.— С. К.) спускаться на низменные места туркменских кочевьев»⁴⁵. Кроме сайгаков, на пути отряда по Устюрту попадались тарланы и куланы. Много куланьих следов было видно в окрестностях колодца Чурук, а в 50 км к востоку от него на снегу было множество сайгачьих троп.

За год до этого, в феврале 1825 г., один из участников каравана, проходившего по Каракумам западнее урочища Сыр-Кудук, видел такие большие стада сайгаков, что сначала они показались ему стадами домашнего скота (Кайдалов, 1827). В той же местности изредка попадались и дикие лошади.

Летом 1847 г. в низовье р. Сыр-Дарьи встречались тигры, кабаны, куланы, выдры, а из птиц — фазаны, колпивицы, фламинго (Nöschel, 1856). В начале осени 1847 г. особенно много тигров было около Раимского укрепления.

В 1848—1849 гг. берега и острова Аральского моря обследовала экспедиция под командованием Гутакова. В то время северная часть Аральского моря, простиравшаяся до южного побережья о-ва Барса-Кельмес, называлась Малым морем и замерзала почти ежегодно. Южная же часть — Большое море — не замерзало. Лишь старики слышали от отцов, что один раз в необычно жестокую зиму замерзло и оно. По-видимому, тогда и повали на о-в Возрождения сайгаки. При посещении этого острова экспедиция Гутакова обнаружила там «бесчисленное множество» сайгаков, которые не боялись людей. Много их было и на восточном побережье Аральского моря. Кроме сайгаков, на побережье и на прибрежных островах участники экспедиции видели много кабаньих, волчьих, лисьих и тигровых следов⁴⁶.

⁴³ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19234, литер А.

⁴⁴ Лось — по-киргизски булан, изюбрь — ставун (вероятно, так был назван тургайный олень), манул — малия, пятнистая кошка — себень и камышовый кот — каракулак. ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19209, ч. 1.

⁴⁵ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19238, ч. 2.

⁴⁶ ЦГВИА. Фонд 1441, опись 1, д. 34.

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

В эти годы в степной Казахстан переселилось много русских и украинцев, основным занятием которых было земледелие. Казахи также стали больше, чем прежде, заниматься земледелием. В связи с этим площадь пашни увеличилась во много раз.

Истребление лесов, происходившее в XVIII и первой половине XIX в., особенно усилилось во второй половине XIX в. и в настоящем столетии. Так, в лесах на сопках Джаксы-Янгистау в конце 70-х годов XIX в. «все, что можно было вырубить — вырублено; все, что можно было выжечь — выжжено» (Словцов, 1881, стр. 90). К тому же времени были сведены и густые леса на горах Имантау и Ерементау. Беспощадно истреблялись они и в других районах. Говоря о состоянии казахстанских лесов, безымянный автор отмечал в 80-х годах XIX в., что «местные руководители власти постепенно оставили мысль о сбережении киргизских лесов» (К вопросу о колонизации..., 1887, стр. 8). Перед первой мировой войной большая часть боров на Калбинском хребте была уничтожена; от Кара-Карагайского бора, например, осталось одно лишь название, сохранившееся на 10-перетной карте (Грибанов, 1960).

Изменения природных угодий, особенно сведение лесов и распашка степей, отражались на распространении и численности животных. Большое влияние оказывали также все более усиливавшийся промысел животных и отсутствие заботы об их охране и воспроизводстве.

Наибольшие изменения произошли среди животных, жизнь которых тесно связана с лесом. Ярким примером могут служить изменения в распространении медведей. В конце XVIII и начале XIX в. они были обычны между верховьем р. Ишима и горами Кокчетау и Муңчактау. К 80-м и 90-м годам распространение медведей в этой местности сильно сократилось и их добывали только в лесах Аиртау, Муңчактау, а также в окрестностях Челдарской, Зерепдинской, Лобановской, Саидыктавской, Боровской и Щученской станиц (И. Р., 1880; Словцов, 1897, прим. Г. Катанаева). О распространении медведей в более южных Каркаралинских горах сведения противоречивы. По одним сообщениям, они были редки уже в 60-х годах XIX в. (Красовский, 1868); по другим — их было здесь много еще в 70-х годах (Филиппов, 1876). Так или иначе, но к 20-м годам XX в. медведей в степном и лесостепном Казахстане не осталось, по видимому, вовсе. Такая же участь постигла и маралов. В Кокчетавском уезде их не осталось нигде уже к концу XIX в. (Словцов, 1897; Лентовский, 1930). В Каркаралинских горах и в горах Чингиз-Тау маралы в эти годы еще встречались. В горах Аиртау и Оркамар (северо-восточные отроги Тарбагатай) они были главным предметом охоты казахов рода Байжигита в самом конце XIX в. (Охота у киргиз, 1895).

Примерно такие же изменения произошли в распространении и численности глухаря. В Ара-Карагае и других кустанайских борах он встречался еще в конце XIX в. (И-ий, 1880; Полферов, 1896), но в начале XX в. его в этих борах уже не было. В борах Кокчетавского уезда глухари оставались дольше и встречались еще в начале XX в.

Из видов, связанных в своем распространении со степями и полустепьями, некоторые были во второй половине XVIII в. весьма многочисленны. Так, в большом количестве добывались сурки. В 1858 г. через Петропавловскую, Пресногорьковскую, Омскую и Коряковскую дистанции из степного Казахстана было вывезено 380 028 шкурок сурка, в 1859 г. — 207 486, в 1860 г. — 681,334 и в 1861 г. — 108 939 (Красовский, 1868). В 1894 г. казахами Акмолинской области на одной только Константиновской ярмарке было продано 120 тыс. сурчиных шкурок (Силапьев, 1898).

В южной части степного Казахстана много водилось и сайгаков. На торги привозились, главным образом, не шкуры, а рога сайгаков, и хотя добытых зверей было, конечно, значительно больше, чем пар рогов, привезенных на торги, по числу последних все же можно судить о количестве добывавшихся животных (табл. 20).

Таблица 20

Число пар рогов сайгаков, привезенных на продажу из Киргизской степи Оренбургского ведомства (I) и из Области сибирских киргизов (II)

Год	I	II	Всего
1857	11 164	7 719	18 883
1858	16 962	41 720	58 682
1859	15 646	13 527	29 173
1860	13 178	14 918	28 096
1861	9 388	8 963	18 351

В западной части степного и полупустынного Казахстана сайгаки в 50-х и 60-х годах XIX в. встречались большими стадами и перекочевывали в конце весны или начале лета с юга на север и в начале зимы — с севера на юг (Мейер, 1865).

В конце 70-х годов были известны перекочевки сайгаков, шедших весной с р. Чу к г. Атбасару большими стадами (по 4000 голов и больше). При переправе их через реки Ишим и Терсакап казахи убивали их во множестве (И. Р., 1880). В восточной части Казахстана было также много сайгаков. В 60-х годах встречались стада до 10 тыс. голов (Завалишин, 1867). В Каркаралинском уезде большие стада их паслись еще в 90-х годах. Как и в других местах здесь замечались сезонные перекочевки этих животных (Охота у киргиз, 1895).

Кулапы заходили в 60-х годах по левобережью Урала до г. Уральска (Бекетов, 1864), но ближе, чем в 100 верстах от р. Урала, косяки куланов обычно не паслись. Им мешали тянувшиеся по р. Уралу казачьи поселения, многие жители которых были охотниками. В более восточных частях Казахстана северным пределом заходов кулана в 70—90-х годах XIX в. были отроги Мусгоджар и гора Улутау, р. Терсакап и р. Куланут-мес и горы Кызылрай (Шешняк, 1896; Словцов, 1897). Казахи охотились на куланов главным образом осенью, когда дикие ослы возвращались на юг (Красовский, 1868). В песках по Сыр-Дарье стада куланов встречались и 70-х годах (Смирнов, 1875). В долине р. Черный Иртыш они отмечались в начале XX в., к северу от оз. Зайсан, в степном и полупустынном Прииртышье куланов в то время уже не было (Седельников, 1910). Дикие лошади совсем исчезли из пределов Казахстана. Самое позднее сообщение о таранах в Казахстане относится к началу XX в., когда они изредка появлялись в долине Черного Иртыша (Седельников, 1910). Тигры были наиболее обычны в тугайных лесах и тростниках по Сыр-Дарье (Смирнов, 1875). В южной половине Казахстана по тростникам и зарослям джиды водилось много фазанов. Одним из наиболее северных мест, где водились фазаны, был о-в Ультарак на оз. Балхаш (Филиппов, 1876).

Второе тридцатилетие XX в.

Наиболее важным изменением природных угодий Казахстана, произошедшим в это время, была, несомненно, распашка целинных степей и залежей. К концу 50-х годов были распашаны все луговые степи северного Казахстана, кроме каменистых участков с солонцеватыми почвами, а также почти все разнотравно-ковыльные степи и большая часть ковыльно-типчаковых степей (Борисова и др., 1964). О том, как быстро увеличивалась площадь пашни и уменьшалась площадь степей, можно судить по следующим цифрам. В 1928 г. посевная площадь занимала в Казахстане 4,5 млн. га; в 1949 г. она увеличилась до 6,8 млн. га, а к 1956 г. — до 27,8 млн. га, причем за три года (1954—1957 гг.) было распашано 18,1 млн. га (Слудский, Страутман, Афанасьев, 1962). В эти же годы площадь лесов продолжала уменьшаться.

Распашка степей повлекла за собой сильное сокращение ареалов и уменьшение численности байбака, светлого хорька, корсака, дрофы, стрепета и степного журавля.

Сокращение численности байбака отчетливо отразилось на его добыче. В 20-х годах настоящего столетия в год добывалось примерно 200 тыс. байбаков, а в 1958 г. их было добыто всего около 60 тыс. В конце 50-х годов наиболее крупные поселения этих зверьков находились около пос. Кента, г. Каркаралинска, в мелкосопочнике Чингиз-Тау и в некоторых других местах (там же). Повсеместно стали редки дрофы, во многих местах их не осталось совсем (Гавриц, 1962). Это обусловлено не только распашкой степей, но и хищническим истреблением их людьми. Изменение в распространении и численности сайгака, жизнь которого тесно связана как со степями, так и с полупустынями, происходило по иному, чем у таких типично степных животных, как байбак. Общая численность сайгаков во втором тридцатилетии сильно возросла по сравнению с предшествовавшими десятилетиями XX в. Но площадь, на которой они паслись летом, значительно уменьшилась по сравнению с той, которую они занимали в это время года в XVIII — XIX вв., так как распашка степей в северном Казахстане лишила сайгаков возможности перекочевывать летом далеко к северу, как это было раньше.

Из животных, жизнь которых тесно связана с лесом, в это тридцатилетие окончательно перевелись в лесах северного Казахстана медведи и глухари. Теперь медведи в пределах Казахстана водятся только в горах южного Алтая, на Джунгарском Алатау и на отрогах Тянь-Шаня, а глухарь — только в лесах южного Алтая. Ареал же лося расширяется и численность его увеличивается. К началу 50-х годов сохатые расселились по северному Казахстану к югу до верхнего течения Ишима и до Иртыша. Расширился также ареал белки-телеутки, вселившейся человеком в боры Центрально-Казахстанского мелкосопочника. Из крупных хищников, приспособившихся к жизни как в лесах, так и в степях и пустынях, во-первых наиболее обычен волк. О его численности можно приблизительно судить по числу убитых зверей. Так, в 50-х годах в Казахстане добывалось в среднем ежегодно по 14,4 тыс. волков, причем в 1955 г. их было убито 21,2 тыс. штук (Смирнов, 1963).

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ

Сведения о природной среде и промысловой фауне на этой территории, появляются в русских письменных источниках главным образом в конце XVI в. В более ранних источниках содержатся немногие отрывочные известия.

ЗОНА ТУНДРЫ, ЛЕСОТУНДРА И СЕВЕРНАЯ ОКРАИНА ТАЙГИ XVI — XVII вв.

Первые сведения о северной окраине Западной Сибири появились в «Сказании о человецех незнаемых в Восточной стране». Наиболее ранние из известных списков этого «Сказания» относятся к XV в., но составлено оно было, по-видимому, еще раньше (Вернадский, 1914). Автор «Сказания» писал, что «самоядь», жившая по морскому побережью и вверх по р. Оби, питалась оленьей и рыбой. «Человецы незнаемые» ездили на оленях и собаках, одевались в оленьи и собольи меха. Приведенные в «Сказании» слова «товар их соболи», указывают, что ненцы добывали этих зверей. Следовательно, их кочевья захватывали, кроме тундры, и северные окраинные леса.

С середины XVI в. началось планомерное наступление русских на Западную Сибирь. Оно велось не только военными силами, но и торговыми и промышленными людьми. Голландец Исаак Масса, хорошо знавший русскую жизнь XVI в., полагал, что богатство Аники Строганова пошло от торговли с западносибирскими ненцами. Строганов раньше других торговых людей сумел пробраться в низовья Оби и палатить обмен дорогой пушнины на русские товары и немецкие безделушки (Платонов, 1924). В бассейне р. Таз русские промышленники бывали в XVI в. В XVII в. обдорские и казымские ненцы уже платили царским властям ясак, но он не был еще окладным. В ясачной книге Березовского уезда 1629/30 г. об этом сказано вполне ясно: «А платят государев ясак казымская и обдорская самоядь не по окладу, а хто что ясаку и какую мяккою рухлядью даст, то у них государеву ясаку и емлют. А приезжает самоядь в Казымскую и Обдорскую волость¹ для торгу в одно время по первому по зимнему пути, покупает у остяков рыбные запасы и быв в Казымской и Обдорской волости, отъезжает назад в тундры и год перед годом самоядь приезжает неровно»².

Юрацкие ненцы, кочевавшие между низовьями Таза и Енисея, еще не были в XVIII в. полностью покорены и объясачены и назывались

¹ Окладный ясак в Березовском уезде платили Обдорская, Казымская, Куноватская, Сосьвинская и Подгорная волости, располагавшиеся в северной заболоченной тайге, а также Ляпинская волость, которая располагалась на Урале и в Зауралье.

² ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, кн. 22, л. 679.

«юрацкой немирной самоядью». Ясак они сдавали не каждый год, а только по какому-нибудь исключительному поводу. Кроме того, кочевые ненцы жили еще и вокруг зимовья Леденкин Шар³. Хотя обдорские и казымские пенцы назывались «тундряной самоядью», но даже обдорские ненцы, хотя их кочевья находились дальше всего к северу, около половины пушнины сдавали по ясаку шкурками лесных зверей (соболь, белка) или зверей, обитавших по рекам и озерам (бобр, выдра). Соболя и белку ненцы могли добывать на северной окраине лесной зоны во время зимних кочевков, а бобров только там, где по берегам рек росли березы или были заросли тальника. Около половины остальных зверей, шкурки которых сдавались по ясаку, были тундровыми — песцы и северные олени. Оленей они могли добывать как в тундрах, так и на северной окраине лесной зоны, куда олени мигрировали зимой. Кочевья казымских пенцев располагались, по-видимому, преимущественно в бассейне р. Казым, где росли северотаскские и лиственничные леса и было много бугристых болот. В ясаке, сдававшемся казымскими пенцами, шкурок песца и шкур северных оленей не было или они попадались очень редко. Юрацкие ненцы добывали песцов и северных оленей. Это подтверждается и в «Чертежной книге Сибири», составленной С. Ремезовым в 1701 г. На чертеже Маггазейского уезда помечено, что в «Юрацкой земле» водились олени, белые и черные песцы. Кроме этих зверей, юрацкие ненцы добывали соболя и белку (табл. 21).

XVIII — XIX вв.

В отношении к концу XVIII в. описании Березовского округа (в него входили не только тундра и лесотундра, но и северная тайга) сообщалось, что соболя, бобры и рыси водились там «малой частью»⁴. В начале 20-х годов XIX в., перечисляя промысловых животных, встречавшихся в этом округе, Г. Спасский (1824а) не упоминал о соболях. По-видимому, они стали к тому времени крайне редки или совсем перевелись. Из промысловых птиц, как указывал Г. Спасский, здесь водились не только краснозобые казарки, гугунышки, большие и малые белолобые гуси (инкулький), но и белые гуси. В 70-х годах того же столетия в районе между г. Обдорском (ныне г. Салехард) и г. Березовым соболя не было; не подходили к тундре ни лось, ни рысь; не приближалась к г. Обдорску и белка (Полянов, 1878). Но в те же годы на Обдорскую ярмарку изредка и по-прежнему еще привозились шкурки местных бобров; ценились они дешево. К этому времени в западносибирской тундре и лесотундре одним из наиболее важных промыслов стал промысел песца, и на ярмарку привозилось от 10 до 20 тыс. песцовых шкурок (Шпрянкин, 1877). Привозились на ярмарку и шкурки лебедей, несмотря на их крайне низкую цену (7—9 коп.). В конце XIX в. было замечено, что в результате сведения лесов тундра подошла к самому г. Обдорску, но там, где лес меньше истреблялся людьми и пожарами, он встречался на 1° севернее г. Обдорска (Дерюгин, 1898). Лиственничные и еловые леса были в начале XX в. и на юге и-ова Ямал и там встречался не только северный олень и песец, но и лисица, заяц беляк и россомаха (Житков, 1909).

XX в.

В 20-х годах настоящего столетия на Гыданском полуострове северный олень заселял главным образом южную лесотундру и северную тундру. Полоса южной тундры и северной лесотундры была занята стадами домашних оленей и чумами пастухов, и дикие олени ее избегали (Наумов,

³ На левобережье Енисея в Маггазейском уезде кочевали еще перхотазовские и туруханские пенцы, но знали они преимущественно в северной тайге.

⁴ ЦГБИА. Фонд ВУА, д. 19 107.

Ясак, собранный с западносибирских кочевых ненец в 30—70-х годах XVII в. и в начале XVIII в.

Кочевые ненты	Год	№ книги или столбца Сибирского приказа	Соболы	Горностай	Выдры	Росомахи	Лисицы	Песцы	Волки	Мелведи	Бобры	Белки	Олени
Обдорские **	1629/30	22	88	2	—	—	4	465	1	1	2	280	44
	1649/50	274	18	—	—	—	—	297	—	—	6	110	21
	1659/60	411	76	33	—	4	—	349	6	—	7	484	370
	1670/71	548	169	—	—	—	1	899	—	—	3	970	273
	1679/80	761	101	—	—	—	2	1176	1	—	5	234	112
	1712	1580	32	92	—	—	3	2205	1	—	1	4060	21
	1629/30	22	125	—	—	—	—	—	—	—	63	—	—
Кызымские	1649/50	274	134	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—
	1659/60	411	62	—	4	—	—	—	—	—	45	800	—
	1670/71	548	79	—	3	7	—	—	—	—	7	1030	—
	1679/80	761	97	—	36	5	1	4	—	2	33	1050	—
	1712	1580	120	93	18	—	3	1	—	—	—	4125	—
Юрацкие	1659/60	594 *	33	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1670/71	548 *	—	—	13	—	—	50	—	—	—	150	12
	1703	1422	—	20	—	—	—	25	—	—	—	—	15
Ненцы, платившие ясак в Леденци Шар	1629/30	22	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1639/40	105 *	59	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

* Столбец отмечен звездочкой.

** Кроме указанного ясака, в 1629/30 г. было сдано шесть моржовых клыков, а в 1670/71 г. четыре; в 1649/50 г. было сдано за заложников дополнительно 80 соболей и 15 оленей.

1931). Лоси в те годы, по-видимому, отсутствовали на Гыданском полуострове, так как С. П. Наумов (1931) о них не упоминал, но в 50-х годах они встречались даже в центральной части Ямала (Копейн и Оленев, 1959). Лисид в западносибирской тундре и лесотундре за последние 30 лет стало значительно больше. В 20-х годах они встречались С. П. Наумову (1931) крайне редко, но в 50-х годах добывались как в лесотундре, так и в кустарниковой тундре Ямало-Ненецкого национального округа. В Ямальском районе в 1948—1957 гг. закупалось от 69 до 323 лисьих шкурок в год (Рахманин, 1959). Главным же пушным зверем в тундре и лесотундре был песец. В Ямальском и Тазовском районах, расположенных преимущественно в тундровой зоне, их добывали в период с 1948 по 1957 г. в Ямальском районе в среднем по 9800, а в Тазовском по 8000 штук в год (там же).

Важное место в охотничьем промысле заняла ондатра. В Ямальском районе она была заготовлена в большом количестве впервые в 1953 г. — 3796 штук. Затем добыча ее стала все более возрастать, и в 1957 г. было закуплено 36 129 шкурок этого зверька (там же).

ЛЕСНАЯ ЗОНА

На Западно-Сибирской равнине, в отличие от Русской равнины, территория, занятая болотами, настолько велика, что лесную зону здесь можно с полным основанием назвать лесо-болотной. Другая важная особенность лесной зоны Западной Сибири заключается в том, что в ней из широколиственных пород растет только липа. Однако теперь ее мало, участки лесов со значительной примесью липы сохранились кое-где в Тюменской, Омской и Кемеровской областях (Садырин, 1955). Около 100 лет назад в Тюменском, Тобольском и Тарском округах липовые леса (с примесью других пород) простирались на десятки верст (Колмогоров, 1856). «Липы множество всюду», — сообщалось в середине прошлого столетия о лесах, примыкавших с юга к Васюганским болотам (Очерк Васюганской тундры, 1859). В те же годы главными занятиями русского населения Тарского округа были не только хлебопашество и рыбная ловля, но и изготовление мочала, лык и луба (Ефимовский, 1855).

XVI — XVII вв.

Эта часть Западной Сибири стала владением Русского государства во второй половине XVII в. Природные условия в большей части западносибирской тайги неблагоприятны для земледелия. Московский посол Спафарий, проехав по тайге в долине р. Кети, писал о ней: «А оприч того река Кеть тоскливая ж для того, что по ней ни елани, ни поля нет, только лес непроходимой, болота и озера» (Спафарий, 1882, стр. 83). Южная окраина лесной зоны, где были распространены хвойные леса с участием липы и березово-осиновые леса и где существовали благоприятные условия для развития земледелия, в XVI—XVII вв. часто подвергалась набегам кочевников. В середине XVII в. ясачные люди Тюменского уезда жаловались, что они не могут добывать ясак, так как их быют и грабят на ловлях, а также не дают заниматься земледелием⁵. Такие же сообщения поступали и из других мест.

Первые письменные упоминания о земледелии в лесной зоне Западной Сибири относятся к середине XVI в. Таборицкие манси (вогулы) в одной из челобитных упоминали, что они начали пахать лет за 40—50 до основания Пелымского острога, построенного в 1593 г. Известно также, что в 80-х годах XVI в. с таборицких манси и с жителей Кошущего го-

⁵ ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, кн. 260, 1651 г. (Тюменский уезд).

родка Ермак взял дань не пушкиной, а хлебной (Карамзин, 1821). Но своего хлеба в Западной Сибири в XVI и XVII вв. было так мало, что его приходилось ввозить из Европейской части Московского государства. В 1599 г. Борис Годунов приказывал верхотурскому воеводе привести в порядок новую дорогу из г. Соликамска в г. Верхотурье, «чтобы наши сибирские хлебные запасы и всякая наша казна было проводить тою дороною мочно» (Миллер, 1937; приложения, стр. 379).

Доставлять хлеб на южную окраину лесной Сибири было трудно и невыгодно, и поэтому московское правительство старалось расширить там хлебопашество. Борис Годунов приказывал (в 1596 г.), например, увеличить площадь пашни под г. Тюменью и в Таборинской волости. В то время тюменские пашенные люди (26 человек) обрабатывали государевой пашни всего по 2 десятины под рожь и по 2 десятины под яровые⁶. Таборинцы (60 пашенных человек) просили, чтобы правительство «полегчило» им пашню и разрешило распахивать до 20 десятин под рожь и столько же под яровые. Не хватало не только пашенных людей, но и рабочего скота. У тюменских пашенных людей и у ямщиков лошади «выпали мало не все», и поэтому Борис Годунов велел закупить в Казани и отослать в сибирские города 300 быков. Он же велел, чтобы поволжские татары и черемисы гнали скот на продажу в Тюмень и другие сибирские города. Работа на государевой пашне была очень тяжелой, и крестьяне нередко пытались сбежать с нее, даже бросая семью. «А крестьяне с Тюмени бегают, а жены и дети мечут на Тюмени, а животов после их не остается ничего», сказано в той же грамоте Бориса Годунова. Нелегко приходилось и коренным жителям Сибири. Сразу после того, как был основан Пелымский острог, пашни таборинских манси были отобраны в казну. Манси обычно жили от пашни в полутора и двух днях езды. На весеннюю пашню их выгоняли приставы, жены и дети оставались в юртах одни и голодали. На уборку хлеба выгоняли также жен и детей. Манси просили избавить их от пашни и заменить ее ясаком (Миллер, 1941; приложения).

Заселение южной окраины Западной Сибири русскими, украинцами и белорусами постепенно усиливалось. Шло оно разными путями. Часть крестьян была сослана туда принудительно и удерживалась там под страхом жестоких наказаний. Украинцы Олешко Бакай и его товарищи за попытку бежать из Сибири были повешены, а крестьяне, сбежавшие вместе с ними, «биты кнутом без пощады» (Русская историческая библиотека.... 1884). Вместе с тем происходило и добровольное переселение. В 1609 г., например, Василий Шуйский велел пелымским воеводам послать в Пермь Великую и в Соль-Камскую (ныне г. Соликамск) служилых людей, чтобы набрать «охочих» людей, которые занялись бы в Таборинской волости хлебопашеством. Бирючи должны были объявлять по торгам и торжкам, что желающим ехать в Таборы в крестьяне будет оказана помощь деньгами для покупки лошадей и постройки дворов (Миллер, 1941, стр. 213). Позднее, особенно когда началось преследование раскольников, немало крестьян бежало в Сибирь с Европейского Севера. Известно, например, что в 1670 г. по тюменским и тобольским грамотам из Тотьмы, Великого Устюга, Мезени, Соли Вычегодской, Яренска и Кай-городка выехало в Сибирь более 2000 человек (ДАИ, 1857). Особенно много раскольников сбежало и переселилось в Сибирь в царствование Петра Первого. Поэтому Петр приказал, чтобы в дальнейшем их ссылали не в Сибирь, а в крепость Рогервик (Соловьев, 1963).

Одновременно с увеличением числа вольных и невольных переселенцев из Московского государства росла и площадь пашни. Местами больше стало заниматься земледелием и коренное сибирское население. В неко-

⁶ В то время десятина имела 80 саженой в длину и 40 саженой в ширину. На десятине высевалось по две чети ржи (около 18 пудов).

торых волостях Тюменского уезда земледелие достигло таких успехов, что ясак начали брать зерном и только поминки вносились пушшиной. В 1622 г., например, 67 ясачных людей Ленского городка (Тюменский уезд) уплатили 224 чети ячменя, 22,5 чети пшеницы и 1,5 чети ржи (с женатого человека по 5 четей ячменя, а с холостого — по 2,5 чети). В середине XVII в. ясачные люди Искинской волости также платили ясак хлебом⁷. Да и у тех людей Тюменского уезда, которые платили ясак пушшиной, земледелие и скотоводство имели большее значение, чем охота.

В делах Сибирского приказа приводятся очень интересные сведения о занятиях тюменских ясачных татар, относящиеся к 1701 г. В этом году тюменский татарский голова и подъячий приказной избы ездили по р. Пышме и переписывали у ясачных татар «дворы и скот и живот и всякий домовый завод..., а хто имяные ясачные татаре и в которых деревнях живут». Перепись охватила 107 татарских дворов, находившихся в Кызырской, Бачкурской и Иленской волостях. У каждого из татар был двор, а на дворе юрта с сениями и клетью; у некоторых клеть стояла отдельно, против юрты. У очень немногих, кроме того, был амбар. Почти у всех имелась косы, сошники, серпы. У каждого третьего хозяина, кроме сошников, было по два-три серпа и по одной-две косы. Только у трех татар кос и серпов было больше (у одного — три косы и четыре серпа, у другого — четыре косы и пять серпов, у третьего — четыре косы и шесть серпов). Хлеб в клетях и амбарах имелся только в семи дворах (от двух до семи осемин), а в одном дворе в овине находилась необмолоченная рожь⁸.

Ясачные люди этих волостей держали довольно много скота. Только у четырех из них «скота и пожитков не явилось». Очень мало было и многоскотных; лишь у есаула оказалось 20 лошадей, 15 коров и 15 овец. Если исключить этих крайних по достатку хозяев, то в среднем на двор приходилось по три лошади и по три коровы. Телят и жеребят на зиму оставляли немного⁹, они были отмечены примерно у каждого пятого хозяина; у остальных телят и жеребят не оказалось. Сравнительно немногие татары (приблизительно каждый четвертый) держали овец, чаще всего от одной до трех на один двор; только в трех дворах их было больше чем по десять (12, 15 и 20). Судя по переписи, скотоводство в этих волостях имело большее значение, чем хлебопашество. Ясачные люди Тарского уезда также занимались земледелием. В деревне Енгачаковых юрт Аялынской волости в конце XVII в. у четырех ясачных домохозяев было 17 десятин пашни и столько же в двух других полях («в дву по тому ж»); в д. Тешеняковой три хозяина имели по 7 десятин, в д. Шиштамацкие юрты у пяти хозяев — по 10 десятин и т. д.¹⁰

Все же пашня в XVII в. занимала в Западной Сибири незначительную часть общей площади земельных угодий. По данным В. И. Щункова (1956), во всей Западной Сибири и лесом Зауралье к концу XVII в. было всего 31 300 десятин пашни¹¹.

Эти данные свидетельствуют, что увеличение площади пахотных земель на юге лесной Сибири не могло оказывать в XVII в. большого влияния на изменение среды жизни промысловых животных. Но развитие сельского хозяйства почти повсеместно сопровождалось лесными пожара-

⁷ ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, ясачная книга Тюменского уезда, № 260, 1651 год.

⁸ ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, кн. 471 и 1267.

⁹ Перепись производилась в феврале.

¹⁰ ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, ясачная книга Тарского уезда, № 1182, 1698 г.

¹¹ В XVII в. в Сибири существовала переложная система земледелия наряду с двухпольной и местами трехпольной (Новосельский, 1955). Расчет площади пашни производился по одному полю с учетом того, что другое имеет такую же площадь.

ми, в результате которых изменялся состав и возраст леса, а также переселялись или гибли животные. Увеличение плодности влекло за собой более сильный, чем прежде, промысел зверя и уменьшение численности. В тобольской ясачной книге 1707 г. отмечено, например, что «в которых местах были у них (ясачных людей.— С. К.) лучшие промыслы и в тех местах построены многих ямских охотников деревни и зверя де стало мало»¹².

В восточной части южной окраины лесной зоны в Томском и Кузнецком уездах земледелие в XVII в. имело меньшее значение, чем в Тюменском уезде и южных волостях Тобольского уезда.

В таежной Сибири земледелие в XVII в. не развивалось почти нигде. Но таежные угодья были довольно богаты зверем, рыбой и птицей. Особенно важное значение имела в то время пушнина. На пушных зверей охотились не только коренные сибиряки; сюда приходили зверовать жители северного Предуралья. Сургутские ханты в конце XVI в. жаловались, например, что коми (зыряне) и вымичи (жители Вымской земли) «по их вотчинам и угодим местам и по лесам, и по речкам зверуют, бьют соболы и бобры и лисицы и зверь выбили» (Очерки из истории Коми АССР, 1955).

Довольно большое значение имела охота и на южной окраине лесной зоны, где, как показано выше, земледелие к концу XVII в. сделало значительные успехи. С каждого ясачного человека, жившего в Кызырской, Бачкурской и Иленской волостях Тюменского уезда, в 1701 г. был установлен оклад в 6 лисиц и 20 белок и платили его не только пушнойной, но и деньгами. Уже в то время при охоте на зверя, по-видимому, применялось и огнестрельное оружие, так как у каждого четвертого ясачного человека при переписи оказалась пищаль.

Относительно того, где и сколько промысловых животных водилось в XVII в., наиболее подробны сведения о пушных зверях. Записи о количестве пушнины, взятой с ясачных людей, приводятся во многих ясачных книгах; сведения о пушнине, предъявляемой в таможенных промышленных и торговыми людьми, встречаются реже.

Данные о ясаке, собранном в XVII в. и в самом начале XVIII в. в таежно-болотной части Сибири и на южной окраине лесной зоны, приведены в табл. 22—27.

Пушных зверей добывалось, конечно, значительно больше, чем сдавалось по ясаку. Кроме ясачных людей, их добывали и русские промысловые охотники. В Томском уезде, например, в 1631/32 г. русскими промышленными людьми были предъявлены в таможенных Томского уезда шкурки 1840 соболей и 60 куниц, а в 1649/50 г.— 4390 соболей. Кроме того, значительная часть пушнины оставалась у ясачных людей после сдачи ясака. Тем не менее данные о собранном ясаке позволяют установить особенности размещения некоторых видов и изменения их численности под влиянием промысла и изменения природных угодий.

В большей части западносибирской тайги главное место в ясаке в течение всего XVII в. занимал соболь. Но в отдельных таежных местностях уже замечалось оскудение этим зверем, вызванное главным образом пожарами. Ясачные люди Темлической волости Сургутского уезда не могли сдать полностью ясак в 1629/30 г., потому что «угодие места, где они прежде сего на соболиные промыслы ходили,— те места все выгорели и соболей и всякого зверя в тех местах нет и им ныне государев ясак — соболей и всякого зверя, добыть негде»¹³. По мере приближения к южной окраине лесной зоны доля соболя в ясачных сборах сильно уменьшалась.

¹² ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, кн. 1473; Тобольский уезд, л. 445.

¹³ ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, кн. 22, л. 596.

Ясак и поминки, собранные в таежных волостях Березовского уезда *

Год	№ книги Сибирского приказа	Ясачные люди, число	Соболи	Горностаи	Выдры	Росомахи	Лисицы	Песцы	Волки	Бобры	Белки	Белчьи шубы	Лосины
1629/30 **	22	901	1221	430	1	32	237	121	11	226	76758	33	1
1650/51	260	1087	922	—	—	24	344	135	2	261	11282	17	—
1659/60	411	1579	532	667	4	32	730	1196	23	78	37305	235	—
1671/72 ***	548	1329	651	10	3	16	282	1468	10	21	28985	286	—
1679/80 ***	188	1448	434	46	19	17	297	359	9	34	7204	113	23
1712 ****	1580	1402	52	908	6	5	310	936	—	13	17613	28	39

* В Казымской, Обдорской, Куноватской, Соввинской, Естырской, Подгородной и Белогорской волостях. Данные о ясаке и поминках, собранных в Ляпинской волости, приведены в табл. 14.

** Кроме пушныни, в счет ясака было внесено 1 руб. 34 коп

*** Жители Белогорской и Естырской волостей сдавали ясак в г. Тюмень, а не в г. Березов.

**** Кроме указанного ясака, была сдана одна шкура рыси.

Таблица 23

Ясак и поминки, собранные в Таё-Енисейском междуручье в Верхо-Таёвском, Туруланском и Худосейском зимовьях

Год	№ книги или столбца Сибирского приказа	Ясачные люди, число	Соболи	Росомахи	Лисицы	Песцы	Бобры
1629/30	22	Нет данных	528	—	—	—	11
1640/41	105 *	То же	446	—	—	—	22
1659/60	594 *	» »	295	—	—	—	45
1670/71	548	21	351	48	—	—	9
1679/80	726 *	Нет данных	203	12	—	—	4
1703	1422	76	4	54	87	2	—

* Столбец отмечен звездочкой.

Ясачные сборщики Тобольского уезда объясняли это тем, что людям нигде стало промысливать. Во второй половине XVII в. уменьшение численности соболей выявилось также в лесных волостях Тарского уезда и в Томском уезде. В Тюменском уезде соболей в ясачных сборах XVII в. не было совсем. Здесь господствовали березовые и осинового леса, кое-где встречались боры. Березников и осинников соболь избегает. К тому же в этом уезде в XVII в. наиболее успешно развивалось земледелие, в связи с чем леса, особенно сосновые, усиленно вырубались. Лишь в Кузнецком уезде, где преобладали горные леса с большим участием хвойных пород и истребить соболя было трудней, шкурки этого зверька составляли главную часть ясака вплоть до начала XVIII в.

Куниц сдавалось по ясаку гораздо меньше, чем соболей, особенно в таежных уездах. Причина этого заключалась не только в том, что их было меньше, но и в том, что они принимались ясачными сборщиками неохотно. Например, в ясачной книге Кузнецкого уезда записано: «да вместо

Ясак и поминки, собранные в Сургутском уезде.

Год	№ книги или столбца Сибирского приказа	Ясачные люди, число	Соболи	Горностая	Выдры	Росомахи	Лисицы
1629/30	22	713	3441 и одна шуба	—	33	—	91
1650/51	260	810	2872	2	40	63	533
1659/60	411	1265	1552	66	118	58	476
1670/71	548	881	962	82	37	86	246
1679/80	726 *	Нет данных	2380	—	—	32	395

Таблица 24 (окончание)

Год	Песцы	Волки	Бобры	Белки	Беличьи шубы	Деньги
1629/30	—	—	277 и одна шуба	—	8	18 руб. 64 коп.
1650/51	1	—	158	3506	4	—
1659/60	2	—	59	6020	28	98 руб. 28 коп.
1670/71	—	3	18	19272	166	—
1679/80	2	—	27	3195	8	—

* Столбец отмечен звездочкой.

Таблица 25

Ясак и поминки, собранные в Нарымском и Кетском уездах

Год	№ книги или столбца Сибирского приказа	Ясачные люди, число	Соболи	Выдры	Росомахи	Лисицы	Бобры	Белки
-----	--	---------------------	--------	-------	----------	--------	-------	-------

Нарымский уезд

1629/30	22	358	3407	—	16	198	219	3250 и 5 шуб
1649/50	390 *	238	2436	—	—	22	—	—
1657/58	360	261	2566	22	—	2	40	—

Кетский уезд

1629/30	22	126	1213	—	—	12	62	—
1650/51	422 *	101	1115	—	—	24	5	—

* Столбец отмечен звездочкой.

соболей, по самой нужде, собрано три куницы с хвостами»¹⁴. Но добывалось куниц, несомненно, значительно больше, чем их попадало в ясак¹⁵. На южной окраине лесной Сибири на них, как и на белок, охотились преимущественно в борах или в смешанных сосново-лиственных лесах (РИБ, 1875).

¹⁴ Там же, кн. 1593, л. 56.¹⁵ По всей вероятности, в Тюменском, Тобольском и Тарском уездах были распространены лесные куницы, а в Томском и Кузнецком — каменные.

Ясак и поминки, собранные в таежных волостях Тобольского уезда *

Год	№ книги или столбца Сибирского приказа	Ясачные люди, число	Соболи	Куницы	Горностаи	Выдры	Росомахи
1629/30	22	356	1286	4	—	3	2
1649/50	276	445	950	32	10	—	5
1690/91 **	937	473	279	2	22	2	4
1699/1700	1242	549	15	—	2)	1	—
1707	1473	570	25	—	135	—	—

Таблица 26 (окончание)

Год	Лисицы	Песцы	Бобры	Белки	Беличьи шубы	Деньги
1629/30	33	—	14	2299	—	1 руб. 8 коп.
1649/50	279	—	48	7478	12	108 руб. 18 коп.
1690/91 **	165	2	17	335	7	25 руб. 69 коп.
1699/1700	93	1	14	363	—	96 руб. 82 коп.
1707	209	1	8	1411	—	53 руб. 28 коп.

* В Палымокой, Цыгнинской, Верх-Демьянской, Колпиковской, Юкондинской, Меньшей Конде и Иабутанской волостях, а также с городков Демьян, Нарым и с д. Колыма.

** Кроме указанной пушнины, была сдана одна волчий шкура.

Кроме соболя, важное место в ясаке занимал бобр. Шкурка бобра стояла в среднем в несколько раз дороже соболя. В 1630 г. шкурки соболей, сданных ясачными людьми в Сургутском уезде в количестве 3441 штуки, оценивались в среднем по 29 коп., а в Нарымском уезде, где было сдано 2809 шкурок, в среднем по 27 коп. В этом же году шкурки карих бобров оценивались сборщиками Сургутского уезда по 1 руб. 22 коп., а рыжих — по 1 руб. 5 коп. (среднее из партий соответственно в 27 и 104 штуки), а в Нарымском уезде — шкурки черных бобров были приняты по 1 руб. 64 коп., карих — по 1 руб. 37 коп. и рыжих — по 1 руб. 10 коп. (среднее из партий соответственно в 10, 10 и 84 штуки). Таким образом, бобры ценились дороже, а добывались они довольно легко. Поэтому не удивительно, что к концу XVIII в. количество бобровых шкурок в ясачных сборах сильно уменьшилось по всей лесной зоне.

Значительную часть ясака составляли и лисицы. Эти звери разнородны по окраске. Самыми редкими были черные и черно-бурые лисицы, и их шкурки ценились особенно дорого. Чернобурки, собранные в 1629/30 г. с ясачных людей Нарымского уезда, были оценены в среднем по 3 руб. 47 коп. Иногда попадались такие черно-бурые лисицы, что цена их доходила до 18 руб.; это стоимость 40—45 средних по качеству собольих шкурок. Обыкновенные же красные лисицы оценивались по 50 коп. В то время у местного населения имелось мало железных капканов и ружей, и поэтому добывать лисец было, по-видимому, нелегко. Число лисец, сданных по ясаку, составляло, вероятно, сравнительно небольшую долю населения лисец в лесной Сибири.

Белок сдавалось по ясаку совсем мало сравнительно с тем, сколько этих зверьков было в западносибирских лесах. Шкурки белок оценивались

Несак, собранный на южной окраине лесной зоны

Уезд	Год	№ книги или сбор- ного приказа	Исчислен лю- ди, число	Соболей	Куньицы	Горно- стаи	Выдры	Росомахи	Метели	Лисцы	Коряки	Волки	Боры	Белки	Лосины	Деньгами и желе- зом **
Тюменский	1626/27	11 *	121	—	2	—	—	—	—	251	—	—	37	1148	—	—
	1629/30	22	198	—	5	—	—	—	—	601	—	16	6620	—	—	95 руб.
	1649/50	274	243	—	1	—	—	—	—	68	—	9	21281	—	—	334 руб. 50 коп.
	1704	471	350	—	—	—	—	—	—	161	—	44	100	—	—	5 руб. 10 коп.
	1629/30	22	340	764	176	—	—	3	—	310	—	113	2400	—	—	107 руб. 74 коп.
Тобольский, южные волости	1649/50	276	409	238	95	10	1	10	—	733	—	31	4996 и 7 шуб	—	—	70 руб. 94 коп.
	1690/91	987	616	296	1	—	—	2	2	145	—	18	233	—	—	100 руб. 26 коп.
	1707 ***	1473	924	48	—	391	—	1	—	243	13	8	2135	—	—	—
	1624/25	11	361	1884	1(2 и шуба	—	—	—	—	7	—	—	52	—	—	—
Тарский, север- ные волости	1649/50	274	350	1393	24 и шуба	—	—	3	—	2 и 2 шубы	—	176	19	—	—	—
	1660/61	548	294	421	43	—	—	1	—	86	—	61	—	—	—	—
	1671/72	561	265	331	19	—	—	1	—	11	16	45	—	—	—	—
	1707	1487	376	518	5	—	—	1	—	23	5	186	—	—	—	—
	1631/32	34	292	2162	122	—	—	8	—	61	—	63	—	—	—	—
	1649/50	390 *	Нет данных	3193	1	—	—	2	—	33	—	93	—	—	—	—
	1689/90	944	184	660	12	—	—	9	53	172	—	200	—	—	—	—
Томский	1710	****	177	300	2	—	—	6	—	521	—	72	—	8375	—	—
	1718	****	214	180	—	7292	7	3	2	128	—	33	—	—	—	—
	1629/30	22	440	3242	21	—	—	—	—	1	—	34	—	—	—	18 таганов
	1649/50	390 *	Нет данных	2747	26	—	—	—	—	22	—	3	—	—	—	104 тагана
	1697/98	1171	771	1779	2	—	—	2	—	41	—	151	—	—	—	2410 криц
Кузнецкий	1705	1425	814	2094	1	—	—	1	2	147	—	4	75	13	—	3200 криц
	1715****	1593	857	2230	3	144	5	22	—	202	1	27	38	825	45	—

* Столбец отмечен звездочкой.

** Железом несак внесли главным образом жители волостей, расположенных в верхнем течении р. Колдамы.

*** Кроме указанной пушнина, была слана одна шкура песца.

**** По данным Кузнецова (1883).

***** Кроме лосня, было слано 36 шкур северных оленей. Среди лосня были и шкуры маралов.

в то время по одной копейке, и сборщики принимали их у ясачных людей неохотно. В 1629/30 г. из Березовского уезда доносили, например, что ясак принимался белками, потому что в этом году промысел был плохой, и соболей, а также лисиц добыли меньше, чем в прошлые годы¹⁶. Значительная часть добытых белок шла, по-видимому, на удовлетворение собственных нужд и на продажу. Известно, например, что тобольские «захребетные» татары продавали шубы, сшитые ими из белок «своего промыслу» (Вилков, 1962). Очень мало сдавалось по ясаку горностаев. Песцы добывались и сдавались главным образом ясачными людьми северотаежных волостей Березовского уезда. Изредка шкурки песцов сдавали ясачные люди, жившие в средней и южной тайге. Песцы добывались там, несомненно, во время зимних заходов. На южную окраину лесной зоны иногда заходили корсаки.

В быте населения лесной Сибири важное значение имела также охота на копытных зверей, но сведений о том, где и сколько их добывалось в XVII в., сохранилось очень мало.

В Тюменских таможенных книгах 1674 г. есть, например, записи, что в январе двумя торговыми людьми было предъявлено 97 лосин, купленных ими у служилых и ясачных людей (Тюмень в XVII столетии, 1903). Известно также, что тобольские татары продавали лосиные камысы (Вилков, 1962).

В конце XVII — начале XVIII в. в тех местах, где ценные пушные звери вывелись и стали редки, значительную часть ясака стали уплачивать деньгами.

XVIII в. — первая половина XIX в.

В этот период земледелие развивалось наиболее успешно в Тюменском уезде и на южной окраине Тобольского уезда. В 70-х годах XVIII в. Тюменский уезд выделялся по обилию и дешевизне хлеба: пуд ржаной муки продавался в Тюмени по 6—7 коп., а пуд пшеничной — по 12 коп. (Лепехин, 1780а). Манси, жившие по нижнему течению р. Тавды, были и хлебопашцами, и промысловыми охотниками.

Путешественник Бель, проехавший по южной части Тобольского уезда в 1719 г., также отметил, что земли к югу от г. Тобольска очень плодородны и там собирается много пшеницы, ячменя и овса. Но на большей части территории лесной Сибири промысел диких зверей имел большее значение, чем земледелие. Сибирская пушнина дорого ценилась за границей. Поэтому Петр Первый объявил шкурки соболей, черно-бурых лисиц, горностаев и соболей «заповедными товарами» и приказал брать их в ясак, а «что сверх того явитца, покупать в казну, а в народ не продавать»¹⁷.

Хищнический промысел наиболее дорогих зверей — бобра и соболя — сильно подрывал их запасы. Автор «Статистического обозрения Сибири» (1891) правильно заметил, что сибирские охотники причинили много вреда государству безрассудным истреблением дорогих пушных зверей. Уменьшение численности бобров, замечавшееся уже в XVII в., стало совершенно явным в середине XVIII в. Современники видели его причину в том, что «в прежние годы не [была] употреблена та осторожность, которой требует бобровая ловля» (Миллер, 1756, стр. 211). Все же еще в первой половине XVIII в. бобров в Западной Сибири добывалось довольно много. За время с 13 февраля 1757 г. по 4 октября 1758 г. с ясачных людей Тобольской губернии было собрано 1887 бобров¹⁸. Сведений о том, где оставались бобры в XIX в., сохранилось очень мало. В первой четверти этого столетия они еще жили по р. Тазу (Hermann, 1815; Спасский, 1820). Тог-

¹⁶ ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, кн. 22, л. 680.

¹⁷ ЦГАДА. Фонд Кабинет Петра Первого, кн. 93, л. 89.

¹⁸ ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, опись 2, д. 122.

да же бобры встречались в р. Конде и ее притоках. В середине XIX в. в Березовском уезде их уже не было, но они еще водились по Пылу, Васюгану и некоторым другим рекам, протекавшим по территории Аганской и Пильской волостей Сургутского уезда (Абрамов, 1857). Одной из этих рек была Узун-Айры, впадающая в р. Агильях — приток Васюгана (Словцов, 1892).

Беднела лесная Сибирь и соболями, особенно в тех местах, где прошли пожары, а также около рек, по которым можно было проплыть на судах и лодках. За время с 13 февраля 1757 г. по 4 октября 1758 г. ясачные люди Тобольской губернии сдали 1540 соболей и кидусов (помесь соболя с лесной куницей). Кроме того, в таможенных этой губернии промысленными и торговыми людьми было предьявлено 770 соболей¹⁹. Куниц в XVIII в. добывалось еще меньше, чем в XVII в. С ясачных людей Тобольской губернии за то же время (с 13 февраля 1757 г. по 4 октября 1758 г.) было собрано всего 45 шкурок куниц.

Добыча же белки, горноста, лисицы, волка и россомахи в XVIII и первой половине XIX в. сильно возросла по сравнению с XVII в. С 13 февраля 1757 г. по 4 октября 1758 г. с ясачных людей Тобольской губернии собрано 149,5 тыс. беличьих шкурок, кроме того, в таможенных было предьявлено 253,4 тыс. белок. Стоимость беличьей шкурки возросла более чем вдвое. Поэтому по стоимости беличьих мехов занимали в ясаке третье место после лисьих и собольих мехов. За это же время тобольские ясачные люди сдали 3184 лисьих шкур. Стоимость черно-бурых, бурых и седых лисиц по-прежнему в несколько раз превышала стоимость обыкновенных красных лисиц: 149 черно-бурых, бурых, седых лисиц и 70 лисиц крестовок были оценены в 1836 руб. 7 коп., а 2255 обыкновенных красных лисиц — в 2116 руб. 10 коп. За это же время ясачные люди Тобольской губернии сдали 227 шкурок выдры, 313 шкурок россомах и 343 волчьих шкуры²⁰.

О размещении и добыче копытных животных сведений еще меньше, чем о пушных зверях. В ясачных сборах шкуры копытных зверей стали попадаться с начала XVIII в. В Томском и Тобольском уездах сдавались шкуры лосей, а в Кузнецком уезде — также шкуры северных оленей и маралов («сынины»). В этом же уезде от ясачных людей стали принимать «струю» кабарги.

Шкуры копытных животных, особенно лосей, в первой половине XVIII в. шли не только на нужды местного населения, но и на армейское обмундирование. По указу 1731 г. для кирасирских и драгунских полков по-прежнему шились лосиные камзолы и штаны. В следующем году вышел новый указ, в котором запрещалось вывозить лосину в чужие края и бить лосей с апреля до августа, потому что кожи лосей, убитых в это время «в дело являются негодны». Запрещалось также бить лосят. В указе упоминалось, что лосей «в Российской империи довольно имеется, а особливо в Сибирской губернии»²¹. В 1737 г. из Тобольской «рентерей» владельцу лосиной фабрики было выдано 6476 лосиных и маральих кож, собранных с ясачных людей и в таможенных. По всей вероятности, в этой партии преобладали лосины. Этой же фабрике в 1741 г. из Тобольской «рентерей» было выдано 6480 шкур лосей (разных возрастов), северных оленей и маралов, собранных с ясачных людей и в таможенных. Преобладали лосины, а всего меньше было шкур маралов.

В источниках XVIII и первой половины XIX в. мало интересных сведений о распространении и численности промысловых птиц. Среди этих сведений есть упоминание, что в Сургутском уезде в конце XVIII в. водились стерхи²².

¹⁹ ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, опись 2, д. 122.

²⁰ Там же, опись 2, д. 122.

²¹ ЦГАДА. Фонд 276, д. 869, л. 2.

²² ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 107.

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

В эти годы пожары в таежной Сибири случались все чаще. Добыча наиболее дорогих зверей несмотря на то, что они стали редкими, не прекращалась. Происходило дальнейшее сокращение численности соболя, куницы и бобра.

В конце 70-х годов XIX в. соболь в Тобольском уезде встречался главным образом в кедровниках в верховьях рек, впадающих в Иртыш. В Березовском уезде он к этому времени стал редок; севернее г. Березова его, по-видимому, уже не было. О бобрах же в северной приобской тайге во многих местах и не упоминалось; они оставались лишь в бассейне р. Конды и кое-где в Сургутском уезде (Поляков, 1877, 1878). В пушном промысле все большее значение приобретала белка, хотя численность ее резко менялась по годам. Лось и северный олень были в тайге обычны. Северный олень доходил к югу до г. Тобольска и до верховьев р. Полуя и р. Надыма (там же).

Сколько промысловых зверей добывалось в эти годы, мы не знаем. Известно лишь, что в Нарымском крае в 80-х годах XIX в. в год добывалось около 100 соболей, 1000 колонков, 500 горностаев, 100 выдр, 100 росомов, 600 лисец, 20 волков, 20 рысей, 70 медведей, от 20 до 500 тыс. белок, 500 лосей и 1000 северных оленей (Шостакович, 1882).

Довольно важное значение в жизни таежного населения имела добыча птиц. Ловля уток и гусей перьевсами просуществовала в Западной Сибири дольше, чем в любом другом месте нашей страны. Еще в 90-х годах XIX в. у с. Самарова, при впадении Иртыша в Обь, нередко в одну ночь хороший охотник ловил в перевес от 50 до 100 уток и гусей (Лопарев, 1896). В других районах таежной Сибири объем добычи был примерно таким же — в Нарымском крае за одну ночь ловили от 20 до 200 птиц (главным образом уток), а в приобской тайге за весну — сотни уток (Поляков, 1877; Шостакович, 1882).

Второе тридцатилетие XX в.

В эти годы в лесной зоне Западной Сибири происходило восстановление прошлого ареала соболя и его численности. Этот процесс ускорен тем, что в различных местах были выпущены соболи, привезенные не только из западносибирских соболиных очагов, но и из Иркутской области и Бурятской АССР. За время с 1933 по 1955 г. было выпущено 1117 соболей (Лаптев, 1958). Стала восстанавливаться и прежняя область распространения лесной куницы (Кириков, 1960). Большое промысловое значение среди зверей из семейства куньих имел, как и раньше, горностаей. В конце 50-х годов в лесоболотной части Западной Сибири добывалось в год около 100—120 тыс. горностаев (Лаптев, 1958).

В 1958 г. был произведен опыт по вселению выхухоли. Ее выпустили в р. Тагап — приток р. Оби. Обследование, произведенное осенью 1962 г., показало, что она прижилась. На некоторых пойменных озерах площадью 1—2 га было обнаружено от 10 до 30 жилых нор (Юдин, 1963).

Значительное внимание уделялось восстановлению ареала и численности бобра. С начала 30-х годов и по 1962 г. было расселено 1500 бобров, привезенных в основном из Европейской части СССР (Жданов, 1963). Восстановление численности и расселение бобров идут очень медленно. В некоторых местах они были выпущены в крайне неудачное время — в начале зимы, и значительная часть их погибла. Не всегда удачно выбирались и места выпуска. Кроме того, в бассейне р. Васюгана произошел мор бобров (там же).

Более успешно прошло вселение ондатры. Во втором тридцатилетии выпустили несколько тысяч этих зверьков. К 1954 г. ондатра широко рас-

селилась и стала одним из наиболее важных промысловых видов. В 1956—1958 гг. в Тюменской области было заготовлено 742, 825 и 651 тыс. шкур ондатры, а в Томской области — 176, 111 и 123 тыс. шкурок. Кроме того, по несколько десятков тысяч ондатр добыто в лесной зоне Омской и Новосибирской областей.

Добыча белки в 50-х годах сильно снизилась по сравнению с 30-ми годами. В 1956—1958 гг. в Томской области было заготовлено 855, 897 и 689 тыс. беличьих шкурок, в Томской области — соответственно 342, 330 и 403 тыс. шкурок, а в Алтайском крае — 282, 286 и 191 тыс. шкурок. (В остальных областях Западной Сибири белок добывалось понемногу.) Снижение добычи белки объясняется уменьшением числа охотников, промысляющих ее, а также ухудшением состояния лесов в результате лесных пожаров и усилившихся рубок (главным образом на юге лесной зоны).

В это тридцатилетие среди копытных зверей больше всего изменилась распространенность и численность лося. Сохатых в Западной Сибири, особенно на юге лесной зоны, стало значительно больше, чем их было в конце XIX и в первом тридцатилетии XX в. В годы наибольшего сокращения ареала лось на южной окраине лесной зоны встречался в рядах по огромным болотам — Гунусскому, Майзасскому и Тарскому и в заболоченных лесах по верховьям рек Тары, Тартаса, Оми и Шегарки. Расселение лосей стало заметно в начале 30-х годов, а к концу 40-х годов сохатые заселили всю южную подзону сосново-березовых лесов (Юрлов, 1963). На севере лесной зоны, где леса редкостойны и менее кормны и где зимой снежный покров более высок, плотность населения лосей гораздо ниже, чем на юге (Лаптев, 1958).

Южная граница распространения северного оленя за 1930—1960 гг. отодвинулась к северу. В Тюменской области в начале 50-х годов она проходила по правым притокам р. Конды, а оттуда шла к окрестностям с. Уват (там же). Дальше к востоку южная граница была прослежена с самолета К. Т. Юрловым в декабре 1956 г. и январе 1957 г. Олени или свежие следы их были обнаружены в верховьях р. Чузика и р. Межовки, на водоразделе р. Тары и р. Тартаса, на левобережье верхнего течения р. Тартаса и в окрестностях оз. Тениз, между верхними участками течения р. Оми и р. Ичи и в истоках р. Калтуры — левого притока р. Шегарки (Юрлов, 1958). Ареал оленя к северу от этой границы не был сплошным, а распадался на несколько крупных островов. Произошло это вследствие чрезмерного истребления оленей в 1930—1940 гг. Браконьерство существует и теперь, несмотря на запрет охоты на северного оленя в лесной зоне Сибири (Лаптев, 1958).

ЛЕСОСТЕПЬ И СТЕПНАЯ ЗОНА

Донесения служилых людей XVII—XVIII вв. и наблюдения путешественников-натуралистов дают возможность установить, где проходила граница западносибирской лесо-лугостепи в то время, когда ее природа была еще очень мало изменена людьми.

Во время путешествия П. С. Палласа степи с зарослями степной вишни, перемежавшиеся с березовыми колками, были расположены к югу от р. Исети и тянулись по направлению к г. Шадринску (Паллас, 1786). Один из жителей г. Ялutorовска, ходивший на звериные ловли, рассказывал, что степи и луговые елани, перемежавшиеся с колками, начинались прямо от города (Потанин, 1867). Дальше к востоку северная граница лесо-лугостепи проходила приблизительно там, где в XVIII в. была построена укрепленная линия. Майор Стрешнев, посланный в 1745 г. для осмотра местности, где располагалось строительство новых укреплений.

отметил в своем донесении, что к северу были большие леса и низины, а к югу — степи (там же).

Западносибирская лесостепь (особенно барабинская) во многом отличалась от лесостепи²³, расположенной к западу от Урала. Во-первых, лесостепь Западной Сибири настолько заболочена, что ее справедливо называли болотной лесостепью. Само слово «Бараба» означает «болотная степь». Здесь так много озер, что эту лесостепь можно называть и озерной. Издавна известно, что западносибирским лесостепным озерам свойственно циклическое колебание уровня воды. Еще в 40-х годах прошлого столетия было замечено, что за время с конца 20-х годов и до начала 40-х годов XIX в. в одном только Ишимском округе высохло 364 озера. Днища многих озер заросли травой, а на некоторых даже стали сеять хлеб и лен (Черняховский, 1843). В барабинской лесостепи с 1862 по 1869 г. стояли суровые малоснежные зимы, а весна и лето были засушливыми. Во многих местах, где раньше плавали на лодках и ловили рыбу, в 1869 г. стали косить сено, а местами даже пахать (Мельников, 18876). Обращалось также внимание и на то, что некоторые реки стали бессточными, например, р. Камышлов (Катанаев, 1893).

В лесах западносибирской лесостепи преобладала береза, осина и сосна. В исторических источниках не упоминается о дубах, кленах и ясенях. Лишь кое-где встречалась липа, а еще реже — ильм²⁴. В степях было много степной вишни. Обилие ее отмечалось П. С. Палласом к югу от р. Исети. В середине XIX в. заросли степной вишни во множестве попадались в Курганском и Ишимском округах (Ефимовский, 1855).

XVI — XVII вв.

До присоединения к Русскому государству южная окраина Западной Сибири была населена преимущественно кочевниками. Еще во второй половине XVI в. лесостепное и степное Притоболье и Прииртышье были главным образом местом кочевков татар. Земледелие только начинало развиваться. Известно, например, что в конце XVI в. недалеко от р. Оби, у Ирменевского бора, были Кучумовы пашни (Катанаев, 1893). Во второй половине XVI в. здесь появились русские и стали строить укрепленные острожки и города.

Весь XVII и начало XVIII в. население западносибирской лесостепи сильно страдало от набегов и погромов кочевников. Так, в 1626 г. ясачные люди Барабинской и Теренинской волостей жаловались, что у них кочевниками была отнята вся добыча и бобровые речки. Кочевники продолжали «чинить теслоту» и в 1627—1630 гг. Они устраивали набеги, отнимали охотничьи угодья по рекам Чаную, Карагату, Чульму, Камышлову, Исусу, верхнему течению Ишима, в Катайских саянах. Нелегка была и ясачная дань, которую платили в казну. Поэтому то тут, то там вспыхивали восстания или возникали побегии за пределы владений Московского государства. То же самое происходило и в других районах и в другие годы. В 1631 г. ясачные татары жаловались, что калмыки отнимают у них охотничьи угодья и не дают зверовать.

В донесениях русских служилых людей XVII в. нередки упоминания о том, что ясачные люди, жившие в лесостепи, охотились на бобров, лисиц, куниц, соболей. Упомянулось о бобровых ловлях по рекам Ишиму, Карагату, Чульму, Камышлову, Оми, Бии, Катуню и их притокам (Восточков, 1842; РИБ, 1884). Более полные сведения о добыче зверей приводятся в ясачных книгах. В пределах барабинской лесостепи в тот период

²³ Напомним, что под лесостепью понимается как типичная лесостепь, так и лесостепь.

²⁴ Ильм отмечен в лесах Шадринской Подгородной волости (ЦГАДА, Фонд Экономические примечания, Шадринский уезд, д. 48).

Ясак, собранный с Верхних Барабинских волостей

Год	№ книги Сибирского приказа	Ясачные люди, число	Соборы	Куницы	Горностаи	Росомахи	Лисы	Корсаки	Бобры	Белки
1624/25	11	470	1624	269	—	—	987	—	113	—
1650/51	26)	281	702	3	1624	6	94	—	87	—
1660/61	548	303	279	4	—	4	511	—	204	—
1671/72 *	561	294	133	—	1263	6	114	—	172	47
1707 **	1487	369	355 (52)	2	313 (20)	3	242 (24)	261 (2)	119 (6)	—

* Данные по волости Любай не приводятся, так как некоторые листы ясачной книги разорваны.

** В скобках указано количество пушнина, собранной с приезжих людей (калмыков, курчаков, остяков, «порухных татар») и с жителей новой Карагайлинской волости.

При рассмотрении ясака, сдававшегося ясачными людьми Верхних Барабинских волостей, прежде всего обращает на себя внимание, что наряду с соборами, куницами и росомахами барабинцы сдавали корсаков, которые живут теперь в сухих степях и пустынях и лишь изредка забегают в лесостепь. Большая часть корсаков была сдана в самых южных волостях — Барабинской и Чойской.

XVIII в. — первая половина XIX в.

В XVIII в. заселение западносибирской лесостепи шло гораздо быстрее. Значительная часть русских поселений, возникших в первой половине этого столетия, представляла собой крепости и форпосты. В 1744 г. из шести тобольских форпостов самым крупным было Царево-Городище (ныне г. Курган) с гарнизоном в 951 человек и 28 пушками. На лето в лесостепь направлялись дополнительно шестнадцать воинских отрядов, стоявших лагерями у озер и рек. На Ишимской укрепленной линии было восемь форпостов, в Тарском ведомстве — шесть. По р. Иртышу стояло двенадцать крепостей и форпостов; самыми крупными из них были Омская, Ямышевская и Семипалатинская. В Кузнецком ведомстве, кроме крепостей и форпостов, в это время уже существовали Кольвано-Воскресенские заводы (Потанин, 1867). Кроме того, строились также зимовья, почтовые станции, селы и деревни.

В 40-х годах этого столетия существовала угроза нападения джунгарцев на Верх-Иртышские крепости и Кольванские заводы. В инструкции, посланной в 1745 г. премьер-майору Кенеману, сказано, что если джунгарские войска придут с намерением отобрать Верх-Иртышские крепости и Кольванские заводы, то надо убедить их «что пристойнее и лучше в договор вступить, нежели мир нарушить» (Потанин, 1867, стр. 44). Сибирский губернатор Соимонов предложил как можно скорее заселить земли

²⁵ На «Чертежной книге Сибири» волость Аялы расположена по правобережью Иртыша, от р. Омь на юге до устья р. Шия на севере. К востоку от этой волости между реками Тарой и Таргасом находилась волость Кулеба. Барабинская волость располагалась между озерами Чаны, Сартулан и Убинское, а к северу от этих озер тянулась до р. Таргас. Теренинская волость располагалась к востоку от оз. Убинского и занимала междуречье Каргата и Оми.

между р. Бухтармой и Телецким озером и построить там крепости (стр. 277—279).

К концу XVIII — началу XIX в. в сельскохозяйственном освоении западносибирской лесостепи были достигнуты значительные успехи, особенно в ее тоболо-ишимской части. В начале XIX в. Ялуторовский, Курганский и Ишимский округа считались житницами Тобольской губернии (Письма из Сибири, 1825; Черняховский, 1843). К концу XVIII в. значительно возросла площадь посевов и в восточной части лесостепной и степной Сибири (табл. 29).

Таблица 29

*Площадь посевов в конце XVIII в.
в восточной части степной и лесостепной
Сибири **

Уезд	Год	Десятины
Колыванский	1789	39 924
	1790	36 805
	1791	35 598
	1792	35 585
Бийский	1789	35 817
	1790	34 350
	1791	35 767
	1792	35 155
Семипалатинский **	1789	14 056
	1790	15 883
	1791	14 432
	1792	13 558

* ЦГАДА. Фонд 24, д. 64, ч. 1 и 2.

** Часть территории Семипалатинского уезда входит теперь в Казахскую ССР.

Несмотря на успешное развитие земледелия, площадь посевов в лесостепной и степной Сибири занимала в конце XVIII — начале XIX в. небольшую долю от общей площади земельных угодий. В Ишимском округе, считавшемся одной из житниц Западной Сибири, посевы в 1841 г. составляли всего 2% общей площади. Незначительной была и плотность населения. В конце XVIII в. в Курганском округе на 1 кв. версту приходилось всего 2 человека²⁶. К 30-м годам XIX в. плотность населения и доля пашни сильно увеличились, особенно на западной окраине западносибирской лесостепи. В Шадринском уезде плотность населения равнялась в то время примерно 9 человек на 1 кв. версту; площадь пашни с приусадебными землями составляла 34,5%, луга и степи занимали 24,4%, неудобные земли — 16,3% общей площади уезда (1 629 559 десятин). Остальную часть (24,8%) занимал лес, но это было почти сплошь мелколесье (на строевой лес приходилось всего 1,1%)²⁷, тогда как в первом тридцатилетии XVIII в. в лесостепной части Шадринского уезда оставались еще целы боры с настолько толстыми деревьями, что из них выделывались колоды, использовавшиеся для корма скоту (Успенский, 1855). В 20-х годах XIX в. был почти полностью сведен знаменитый Илецкий бор (Крылов, 1962).

Наряду с земледельством население занималось разведением домашнего скота, но он очень сильно страдал от сибирской язвы. Поэтому

²⁶ Вычислено по данным «Топографического описания Тобольского наместничества» (ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 107).

²⁷ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Шадринский уезд, д. 48.

А. Н. Радищев (1949, стр. 556) утверждал, что жители барабинской степи «никогда не будут в состоянии развести большое количество скота». В губернаторских донесениях конца XVIII в. не раз сообщалось о том, какие потери причиняла «ветроносная заразительная болезнь, называемая язва» (табл. 30).

Таблица 30

Домашний скот (число голов), погибший от сибирской язвы*

Уезд	Год	Лошад	Крупный рогатый скот	Овцы
Кольванский	1789	383	459	21
	1790	7118	2088	462
	1791	2584	1464	1572
	1792	339	2497	26
Бийский	1790	221	77	—
	1791	3623	645	962
	1792	410	907	125
Семипалатинский	1790	834	250	9
	1791	709	28	10
	1792	5	326	59

* ЦГАДА. Фонд 24, л. 59.

В XVIII и первой половине XIX в. в еще не затронутых земледелием и скотоводством природных угодьях было много зверя и птицы и для коренного населения Барабы охота имела в XVIII в. большее значение, чем земледелие и скотоводство. В записках В. Н. Татищева о народах Сибири (Попов, 1861) отмечено, например, что барабинцы хотя и сеяли ячмень, овес и гречиху и разводили коней, коров, овец и верблюдов, но более важным источником их существования служила охота на пушных зверей и копытных. О большом значении охоты можно судить и по донесениям геодезистов, которых посылали в Барабу разыскивать районы, удобные для поселения. В «Росписи удобных к поселению мест», составленной в 1748 г., геодезист Пимен Старцев сообщал не только о местах, пригодных под пашню, сенокосах, хмелевых угодьях, но и о степени обилия зверя (Потанин, 1867).

Как уже отмечалось, барабинцам приходилось в первой половине XVIII в. платить ясак как русским властям, так и джунгарским калмыкам. В один из 40-х годов этого столетия ясачные люди Верхних Барабинских волостей уплатили джунгарскому тайше ясак 310 лисиц и 29 выдр²⁸. В 1746 г. в Турусскую волость приезжали джунгарские сборщики и брали с каждого человека по лисице или по бобру; если их у ясачных людей не было, то брали по 20 стрел и по пять орлиных крыльев для их оперения. Зависимость от русской власти была сильнее, и барабинцы отвозили в г. Тару ясак большего размера, чем джунгарцам. Он состоял главным образом из пушницы — лисиц, корсаков, горностаев, белок, а отчасти из лосиных шкур (там же).

В исторических документах и сочинениях натуралистов-путешественников приводятся сведения и о том, где именно и какие промысловые животные водились в это время в различных частях лесостепной и степной Сибири.

²⁸ ЦГАДА. Фонд портфели Миллера. опись 199/2, портфель 4, д. 481.

На ее западной окраине, наиболее населенной и наиболее развитой в сельскохозяйственном отношении, уже в 70-х годах численность некоторых видов промысловых животных стала заметно снижаться. В эти годы «за умножением поселян» перестали встречаться лоси в колках у Куртамышской слободы, а по Уйской укрепленной линии лишь изредка появлялись маралы, забгавшие сюда из Казахстана (Паллас, 1786). К середине XVIII в. в Ялуторовском и Ишимском округах перевелись соболи (Миллер, 1756). В конце этого столетия, когда существовало Тобольское наместничество, в описаниях животного мира его лесостепных округов — Курганского, Ялуторовского и Ишимского — не упоминается не только о соболях, но и о куницах. Но в Тарском округе, большая часть территории которого располагалась к северу от лесостепи, отмечались оба эти вида. Наряду с соболями исчезали из лесостепи и бобры. Из тех округов Тобольского наместничества, большая или меньшая часть которых находилась в лесостепи, бобры в конце XVIII в. были отмечены только в Тарском округе.

Некоторые другие виды промысловых зверей, впоследствии исчезнувших или ставших крайне редкими, в конце XVIII и начале XIX в. еще попадались в тобольской и ишимской лесостепи. В 70-х годах XVIII в. кабаны доходили к северу до оз. Мангут, где были непроходимые болота, а россомаха в первой трети XIX в. встречалась в угодьях, принадлежавших слободам Окуневской, Таловской и Куртамышской, с. Кислянскому и окрестным деревням (Кириков, 1959). Дальше к востоку, на южной окраине Барабы, менее обжитой, чем тоболо-ишимская лесостепь, в 70-х годах XVIII в. еще попадались табуны диких лошадей, ежегодно прикочевывали всеюю сайгаки, в изобилии водились лоси, косули и кабаны, добывалось много корсаков, встречались бобры и россомахи (Паллас, 1786 и 1788).

Обилие охотничьих зверей отмечалось в XVIII в. и в приалтайской лесостепи. В 30-х годах этого столетия в описании Кольванских заводов упоминалось, что телеуты добывали в приалтайской лесостепи маралов, лосей, косуль, кабанов, сайгаков, диких коней, корсаков, сурков, горностаев и белок телеуток, «которые против других сибирских особливо велики и слапы» (Гешвин, 1937, стр. 624). О телеутской белке сообщил и Г. Ф. Миллер (1756), добавив, что ее добывают в год не больше 10 тыс. и что ее редко отвозят в Россию. Сведения Г. Ф. Миллера, по-видимому, не вполне точны, так как в 1753 г. из Сибири в Россию через Верхотурскую таможню было привезено 18 803, в 1757/58 г. — 18 820 и в 1758/59 г. — 40 770 телеуток. В начале 60-х годов XVIII в. Кольвано-Воскресенская горная контора донесла сенату, что около Кольванских заводов и рудников водятся «отменные и курнозные звери... маралы они ж и изюбри, на подобие оленей, только более», косули, сайгаки, кабаны и «бараны дикие, величиною против коз же, только на ногах ниже, а рога у них крупные, и бывают шара фунтов по тридцати»²⁹. В 40-х годах XVIII в. геодезист П. Старцев отмечал, что в местах, расположенных по р. Локтевке, р. Инце и около широтной излучины р. Алея, там, где эта река наиболее близко подходит к Иртышу, водятся много лосей, маралов, кабанов и медведей. Около 20 лет спустя местность между реками Алеем и Таловкой посетил П. С. Паллас. Старожилы сообщили ему, что прежде, когда эти места были совсем малоллюдными, на водоразделе Алея и Таловки зимовало много маралов. П. С. Паллас обилие оленей уже не застал, но нашел много маральных рогов. В степи и на безлесных склонах он обнаружил «шестерное множество» сурков (Паллас, 1786). Белки телеутки обратили на себя внимание и П. С. Палласа, заметившего, что охотники получали большую выгоду от добычи этих зверьков. (Телеутка в то время ценилась вдвое дороже, чем темно-серая якутская белка — одна из самых дорогих таскных белок.) Во время путешествия П. С. Палласа телеуток было больше всего в Барнаульском и Касмалинском борах.

²⁹ ЦГАДА. Фонд 261, кн. 5560, л. 357—358.

Обилию лесостепных озер соответствовало обилие водоплавающей птицы. «Водяною дичью весьма изобильна», — писал об ишимской лесостепи П. С. Паллас (1786, стр. 96). Гуси, утки и лебеди упомянуты в числе обыкновенных птиц, встречавшихся в Ялуторовском, Курганском, Ишимском и Тарском округах Тобольского наместничества, но какие именно виды этих птиц здесь водились, не указано³⁰. Лишь Кольванская контора, сообщая о «чистых отменных и курioзных птицах», упомянула об утках, называвшихся варнаками и атайками. «Перье у них разноцветное, живуг более по горким соляным озерам, яйца несут в земляных норах». В этом же донесении упоминалось и о пеликане как «нечистой и отменной» птице. «Бабы, перье белое, величиною с лебеда, живут по горким и другим степным озерам; носы у них весьма длинные черные... на воде плавают весьма лехко»³¹. Пеликаны водились также в Курганском округе.

Во время путешествия по западносибирской лесостепи П. С. Палласа особенно заинтересовали стерхи, и для наблюдения за жизнью этих птиц он остановился на несколько дней в окрестностях д. Крутой. Хотя стерхов было здесь много, добыть их оказалось нелегко, так как они очень осторожны. На пути, пройденном П. С. Палласом, стерхи встречались чаще всего около озер в ишимской и барабинской лесостепи. В конце XVIII в. стерхи отмечались в Ялуторовском, Ишимском и Тарском округах, как обыкновенные птицы, наряду с тетеревами, рябчиками и беркутами. Беркутов продавали казакам для охоты на лисиц, корсаков и зайцев. Среди «отменных» птиц, водившихся в Ишимском округе, были названы «курицы отменные; величиною бывають около 20 и 30 фунтов»³². Это название, несомненно, относится к дрофам, которые, так же как и стрепеты, водились на землях Кольвано-Воскресенских заводов. «Курицы большие и малые; живут по степям; большая, не менее большого гуся, а малая — против простой домашней»; так сообщала о них в сенат Кольванская контора³³.

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

За это время, особенно после постройки Сибирской железной дороги, население лесостепной и степной Западной Сибири увеличилось в несколько раз. В тоболо-ишимской лесостепи главной отраслью сельского хозяйства было земледелие, в барабинской — скотоводство.

В связи с ростом населения природные уголья сильно изменились. Леса во многих местах были сведены. Особенно сильно пострадали боры и леса, расположенные около городов и крупных селений. В окрестностях Омска до 1862 г. были прекрасные березовые рощи, но после этого года их начали вырубать, и к 80-м годам от них осталось лишь березовое изреженное мелколесье (Мельников, 1887а). Леса страдали и от пожаров. В 1869 г. весь Кашинский округ, например, был охвачен пожаром (Мельников, 1887б). В конце 80-х годов в Курганском, Ялуторовском, Тюкалинском, Барнаульском и Бийском округах лесистость составляла в среднем около 24% (Крылов, 1962). В западносибирскую лесостепь и особенно в лесостепные предгорья Алтая шло усиленное переселение крестьян. С 1865 по 1912 г. в Алтайский округ переселилось около 2 млн. человек (там же). Значительная часть степей, пригодных для земледелия, была распахана.

Изменения, произошедшие в лесах и степях, и усилившийся промысел животных не замедлили отразиться на их распространении и численности.

Почти повсюду перевелись в лесостепи соболи. Лишь случайно появлялись в пей медведи, заходившие из лесной зоны или из горных лесов. Не

³⁰ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 107.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ ЦГАДА. Фонд 261, кн. 5560, л. 337.

осталось и маралов. Почти полностью был истреблен лось. Постепенно уменьшалась численность таких степных животных, как байбак, дрофа, стрепет, большой и средний крошкнепы. В 80-х годах XIX в. на степных гривах Барабы еще гнездились много стрепетов. Места для охоты на стрепета начинались в 2—5 км от Омска, но за дрофой уже приходилось ездить километров за 70 от этого города (Мельников, 1887а, б). Заметного снижения численности тетерева и белой куропатки за этот отрезок времени не наблюдалось. В одном только Курганском округе в 1896 г. было добыто около 70 тыс. тетеревов (Силантьев, 1898), а в окрестностях Омска двое охотников за утро и вечер в октябре 1889 г. убили на чучела 39 косачей и тетерок (Мартесон, 1900). Не замечалось еще и снижения численности водоплавающей дичи.

Второе тридцатилетие XX в.

В эти годы в связи с освоением целинных и залежных земель произошло особенно сильное и резкое изменение природных угодий степной и лесостепной Западной Сибири.

Ковыльно-типчаковых и ковыльно-разнотравных степей сохранилось очень мало; почти все они распашаны. Местами распашаны даже участки с легкими песчаными почвами. В результате неправильной обработки сухих степных земель в Кулундинской степи более 600 тыс. га серьезно повреждено эрозией. В одном из самых старых совхозов — «Кулундинском» — почти половина земельной площади превратилась в пески (Черниченко, 1964).

В результате распашки степей и бесконтрольной, нередко хищнической охоты сильнее всего пострадали степные промысловые животные — дрофа, стрепет, степной журавль, байбак (Формозов, 1963). Лишь суслики — малый, большой, краснощекий и длиннохвостый — стали даже многочисленнее и приносят большой вред посевам и пастбищам. Увеличение их численности, по всей вероятности, связано с тем, что многие степные пастбища из-за неумеренного выгона превратились в скотосбой.

В целях обогащения населения промысловых животных, жизнь которых связана со степными и полевыми угодьями, в лесостепную и степную Сибирь вселили зайца русака. В Новосибирской области в марте 1936 г. было выпущено 197 русаков. В 1940 г. они попадались в 50—60 км от места выпуска, а в 1952 г. — уже в 1000 км от него. В некоторых местах русаков стало в семь раз больше, чем беляков (Краснопевцева, 1953). В это же тридцатилетиешло и естественное вселение в лесостепную и отчасти в степную Сибирь некоторых видов промысловых животных, исчезнувших в конце XIX — начале XX в.

Лоси, например, были впервые замечены в Курганской области в 1939 г., а через 20 лет их там насчитывали около 1800 голов. В ленточных прииртышских борах сохатые появились в 1948/49 г. Стала восстанавливаться и численность косуль. В 1959 г. в одной Курганской области их насчитывалось уже около 7 тыс. голов. В середине 50-х годов они встречались и в ленточных борах в Барнаульском, Ребрихинском, Кулундинском, Сростинском, Лебяжненском и Ключевском лесхозах. Расселялся в эти годы и кабан, появившийся как в Курганской области, так и в ленточных борах (Егоров, 1955; Никифоров, 1956). Отмечались заходы в барабинскую лесостепь россомахи (Слудский, 1953). Ондатра, выпущенная в западносибирской лесостепи, стала одним из самых важных промысловых пушных зверей этой местности. В Курганской области в 1959/60 г. на ее долю пришлось около 83% стоимости всей изготовленной здесь пушнины. Происходившее в 30—50-х годах расселение по таежной Сибири соболей е лесостепной части не коснулось. Не было сообщений и о появлении в лесостепных колках куницы.

Западносибирская лесостепь издавна была известна обилием тетеревов и белых куропаток. Уничтожение березовых кошков, зарослей ивы и березового мелколесья вокруг западин, истребление кладок этих птиц пастухами и подростками, стрельба из автомашин — все это сильно снизило их численность. В конце 40-х годов плотность заселения тетеревов колебалась в барабинской и кулундинской лесостепи от 35 до 41 птицы на 1000 га (среднее 39), а плотность белой куропатки — от 24 до 33 птиц (Юрлов, 1960). Глухаря осталось очень мало; он сохранился главным образом в борах. Уменьшается численность водоплавающей дичи, но ее все же еще довольно много; в одной только Курганской области в 50-х годах ежегодно добывалось около 500 тыс. уток и гусей.

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ

Резкое разделение Сибири на две части — западную и восточную — отмечалось путешественниками еще в середине XVIII в. «Почти на самой середине сей земли [Сибири], — писал историк и географ Г. Ф. Миллер, — находится очевидная и весьма важная разность земли, ибо одна половина по большей части плоска и равна, а другая нарочито гориста и камениста»¹.

Для Восточной Сибири горы и возвышенности столь же характерны, как для Западной Сибири низменности. Над всеми другими угодьями здесь преобладает горная тайга или ее сочетания с гольцами, стланиковыми зарослями, горными тундрами и лугами. На южной окраине встречаются значительные лесостепные и степные участки. Кос-где, главным образом в долине р. Яны, среди тайги встречаются небольшие участки лесостепной растительности.

На западную окраину Восточной Сибири — в «Мангазею и Енисею» — русские промышленные и торговые люди проникли еще в XVI в. Добирались туда водным путем; от устья Оби до устья Таза «пробежали парусом» за четверо суток (Спафарий, 1960). В самом начале XVII в. Борис Годунов указывал мангазейским воеводе и голове, что в «Мангазее и Енисее» приходили с Руси многие торговые люди и торговали с мангазейской и енисейской «самоядью», меняли свои товары на дорогую пушнину, главным образом на соболей, бобров и лисиц. Среди торговых людей преобладали жители Приуралья и Европейского Севера — «пермичи и вятчане и вымичи и пустоозерцы и устюжаня и усольцы и важени и каргопольцы и двиняне и вологжане». Кроме них, бывали торговые люди и из московских городов. Накупив соболей и бобров и другую «мягкую рухлядь», торговые люди возвращались по домам, а десятинной пошлины в пользу государства не платили. Поэтому Борис Годунов приказал поставить в Мангазее гостиный двор и велел, чтобы торговля с пенцами производилась на этом дворе и чтобы с торговых людей бралась десятинная пошлина. Воеводе и голове приказывалось дать строгий наказ, чтобы торговые люди «мимо гостина двора» не торговали (Миллер, 1941; приложения, стр. 177). Вскоре и коренные жители «Мангазеи и Енисей» стали платить ясак по зимовьям.

Правобережная приенисейская тасжная Сибирь была очень богата соболями, и туда потянулось множество промышленных и торговых людей. Разведывание «новых неясачных земель» и приведение местного населения в «вечное холодство» пошло очень быстро. Основав и укрепив острог, воевода давал наказ служилым и промышленным людям разыскивать новые земли и разузнавать, «какой бой у людей — лучной или огненный, и пашига у них есть ли, и скотные ли люди, и какой хлеб родится, и зверь у них соболь есть ли» (ДАИ, 1846, стр. 256).

¹ ЦГАДА. Фонд 199, д. 273/506, л. 12а.

Город Мангазея был основан в 1601 г. Черев 32 года А. Палицын, служивший в течение нескольких лет воеводой в этом городе, дал чертеж и роспись, как идти из него на р. Лену, и писал, что «великая река Лена угодна и пространна, и людей по ней разных земляц кочевных и сидячих и соболей и иного всякого зверя много... и будет-де та Лена река — другая Мангазея» (РИБ, 1875, стр. 962).

В одном только 1641 г. по рекам Вилюю, Индигирке, Яне, Витиму, Шилке и др. было разведано и заведено много новых земель. Разведчики сообщали, что «Вилюй река собольна, и соболи-де ленских соболей дутче... А Юкагирская-де, государь, земляца людна... и в Юкагирской-де земляце соболей много... За Камнем есть река, впадает она в Витим... и живут там тунгусы, и соболя у них много... Вверх по Витиму реке живет даурский князец именем Батога, в устье р. Карги, а юрты у него рубленые, и скота всякого и соболя много» (ДАИ, 1846, стр. 242 и 258). В середине XVII в. почти вся Восточная Сибирь была завоевана, и русские подошли к Тихому океану.

В литературе отмечалось (Вернадский, 1915), что в колонизации Восточной Сибири, происходившей в XVII в., можно различить две волны. Сначала за соболем и другой дорогой пушниной шли промышленники, а вскоре за ними последовали земледельцы. Первые шли своей охотой; вторых власти посылали принудительно.

Воздействие человека на распространение и численность промысловых животных, как и на природу Восточной Сибири в целом, сильно отличалось в различных ее частях, поэтому этот вопрос целесообразно рассматривать по крупным природным подразделениям. Мы считаем возможным выделить здесь следующие природные подразделения: северо-восточную Сибирь, заиссейскую восточносибирскую нагорную тайгу с Прибайкальем и Камчаткой, восточносибирскую лесостепь и даурские степи.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ

В эту часть Сибири входят низменные и горные тундры, горное северо-таежное редколесье, перемежающееся с горными тундрами и гольцами, и северная окраина тайги, занятая редкими лиственничными лесами. Здесь расположены Таймырский национальный округ, северная окраина Якутской АССР, Чукотский и Корякский национальные округа и Магаданская область.

XVII в.

В XVII в. северо-восточная Сибирь включала северо-восточную часть Мангазейского уезда, занимавшую междуречье Енисея и Анабара (с Хантайским, Хатагско-Есейским и Пясидским-Хетским зимовьями), северную часть Якутского уезда (с Оленским, Омолоевским, Жиганским, Хромовским, тремя Индигирскими, Алазейским, тремя Колымскими, Анадырским и Чендонским зимовьями), Чукотскую и Корякскую земли. В этом столетии в северо-восточной Сибири земледелия не было. Да и трудно было здесь найти место, пригодное для хлебопашества. Суровость и скудость природы удивляла даже служилых и промышленных людей, большинство которых были уроженцами Европейского Севера. Побывав, например, на р. Оймконе, М. Стадучин и его спутник Гаврилов сообщали: «Емокою река идет с Камени, а по Емокою реке нашенних мест нет, ни дубравных, ни лугов травных нет, все согры, да болота, да камень» (цит. по В. В. Покшишевскому, 1951).

Охота, кочевое оленеводство и рыболовство были главными источниками существования местного населения. В ясачных и таможенных книгах и в описках служилых людей сохранилось много сведений, где и какие звери добывались коренными жителями и промышленниками, прихо-

Ясак, собранный в северо-восточной Сибири

Зимовья	Год	№ выданных столбов Сибирского приказа	Исчисленные люди, число	Соборы	Горностаи	Роскомахи	Лисицы	Песцы	Бобры	Оленьи рога и оленины
Северо-восточная часть Мангазейского уезда Хантайское, Хатанско-Есейское и Писецкое-Хетское зимовья	1629/30	22	Нет данных	249	—	—	—	—	3	—
	1639/40	105 *	То же	416 и одна шуба 687	—	—	—	—	—	—
	1659/60	594 *	»	634 и шуба	—	—	—	—	7	—
	1670/71	548	344	52	—	—	—	90	—	1125
	1698/99	1220	484	27	—	—	—	402	—	1104
	1703	1422	471	2442	20	58	31	4005	—	1048
Северная Якутия Оленское, Омолоевское, Хромовское, Нижне-Индигирское, Верхне-Зашиверское, Алазейское, Нижне-, Средне- и Верхне-Кольмское, Чедонское Оленское, Жиганское, Верхне-Янское, Нижне- и Средне-Индигирское, Верхне-Зашиверское Оленское, Нижне-Индигирское, Нижне-Янское, Верхне-Янское, Нижне-Индигирское, Средне-Индигирское, Верхне-Зашиверское, Алазейское, Нижне-, Средне- и Верхне-Кольмское Оленское, Жиганское, Нижне-Янское, Верхне-Индигирское, Средне-Индигирское, Верхне-Зашиверское, Алазейское, Нижне-Кольмское, Средне-Кольмское	1658/59	581 *	Нет данных	2442	—	—	—	—	—	—
	1669/70	880 *	То же	1561	—	—	220	—	—	—
	1672/73	581	743	2487	—	—	128	—	—	—
	1708	1489	925	543	—	—	445	—	—	—

* Столбцы отмечены звездочкой.

дившими в северо-восточную Сибирь за соболем. Ясачные книги (просмотренные мной выборочно, с разрывом 10—20 лет) дали возможность судить, как изменился промысел зверя в течение XVII в. (табл. 31 и 32).

Таблица 32

Пушнина, предъявленная промышленными и торговыми людьми в таможенные на северо-востоке Сибири

Таможня	Год	№ книги или столбца Сибирского приказа	Соболи	Песцы	Оленьи ровдуги	Зайцы
Северо-восточная окраина Мангазейского уезда						
Пясидское зимовье	1629/30	22	2160	—	—	—
На р. Анабаре	1658/59	553	939	—	—	—
На оз. Есей	1659/60	553	245	—	—	—
На р. Хете	1684/85	623	—	590	170	—
В низовьях Енисея	1690/91	1220	—	9820	40	500
На р. Хете и р. Хатанге	1690/91	1220	—	600	—	—
Северная окраина Якутского уезда						
Жиганское зимовье	1658/59	581 *	1980	—	—	—
Нижне-Индигирское и Зашиверское зимовья	1658/59	581 *	3740	—	—	—
Нижне-, Средне- и Верхне-Колымское зимовья	1658/59	581 *	10250	—	—	—
Жиганское зимовье	1669/70	880 *	530	—	—	—

* Столбец отмечен звездочкой.

Выборочные сведения о добыче промысловых зверей ясачными людьми и промышленниками, несмотря на всю их неполноту и отрывочность, все же позволяют установить некоторые основные особенности в размещении отдельных видов и изменений их численности, произошедшие в течение XVII в. Большую часть этого столетия главным пушным зверем в северо-восточной Сибири был соболь. Наиболее ценные соболи водились в бассейне р. Колымы. «А доброй-де, самой черной соболю по Колыме, — говорил М. Стадужин, когда его спрашивали в съезжей избе Якутского острова в 1647 г. (ДАИ, стр. 100). На добычу за таким соболем устремились промышленные люди, и в одном только 1658/59 г. в трех колымских зимовьях их было предъявлено 10 250 штук.

Московские служилые люди, войдя в сделку с промышленниками и торговцами, грабили колымских юкагир, принуждая их отдавать соболей за железные товары. В челобитной, поданной колымскими юкагирами в 1663/64 г., сказано, что до 1662 г. ясак, который они платили, был им не в тягость. Но с этого года служилые и промышленные люди Нижне-Колымского зимовья стали принудительно «наметывать» на юкагир свои товары в большую цену. За «пальму» (охотничий нож) в поларшина длинной заставляли отдавать десять соболей, столько же за топор или за железный прут в поларшина длинной и т. д. Таким образом, служилые и промышленные люди принуждали юкагир отдавать за железные изделия в четыре-пять раз больше соболей, чем полагалось по государственному ясачному окладу. Особенно лихоимствовали промышленники, которых приказные пускали в ясачные зимовья «из паев». Юкагиры жаловались, что они чинили «обиды и насильства больше и пуще служилых людей» (Колониальная политика Московского государства в Якутии, 1936, стр. 107). Юкагир грабили не только в зимовьях, когда они сдавали ясак, но и там.

где они жили. В челобитной, посланной царю, колымские юкагиры жаловались: «не вели государь впредь служилым и охочим промышленным людям нас, сирот своих, обидить и грабить и сильно свои товары наметывать и за свои наметные товары батоги бить и в казенку садить и по юртам ездить и сильно платышко грабить и юрты одирать и с лабазов постели и ровдуги своими руками иметь и жен и детей наших отнимать» (там же, стр. 111).

Безрассудный промысел колымских соболей сказался очень скоро. Уже в конце 70-х годов XVII в. многие промышленники перестали ходить за соболями на Колыму, Алазею и Индигирку, потому что «на тех реках соболиные промыслы стали худы» (ДАИ, 1859, стр. 365), а в самом конце того же столетия о Колымском зимовье сообщалось, что там «соболиных промыслов и торгов не стало» (Сибирские города, 1886).

К концу XVII в. добыча соболя на северной окраине Восточной Сибири сократилась почти повсюду. До 50-х годов этого века ясачные люди, кочевавшие по рекам Пясида, Хете и Анабару, сдавали соболей, но уже в начале 70-х годов в улаченном ясаке не было ни одного соболя и почти весь он состоял из оленьих ровдуг. В конце XVII в. в Пясида-Хетском и Хатагско-Есейском зимовьях стали по ясаку принимать и песцов. Начиная с 70-х годов, и русские промышленники ходили уже на эти реки не за соболями, а за песцами и северными оленями. Крайними северными местами, где служилые люди собирали ясачных соболей и куда ходили промышленники на соболиный промысел, были бассейны рек Пясины, Хеты, Анабара, нижнего течения Оленека, Омолоя, нижнего течения Яны, Хромы, нижнего течения Индигирки, Алазы, нижнего течения Колымы (правобережье) и Анадыри. В безлесных тундрах соболя никогда не водился. «А у тех-де Чюхче соболя нет», — доносил в 1647 г. о Чукотке М. Стадухин. Там, где было очень мало леса, мало было и соболей. «А река Анадырь не лесна, и соболей по ней мало», — доносил другой служилый человек, С. Дежнев (ДАИ, 1854). В 1672/73 г. с анадырских юкагиров (с 31 человека) было взято 97 ясачных соболей².

В Коряцкой «землице» лесов было больше. Самые крупные из них росли по верхнему течению р. Пепжины, по рекам Гижиге, Аклаку и Парене. Да и сама «землица» еще в самом конце XVII в. считалась «новой», и соболей в ней не успели истребить. В 1698 г. ясачные люди сдали 398 соболей, 32 лиснца, 50 горностаев и 3 пуда моржовых клыков (Сибирские города, 1886).

Северо-восточная окраина Сибири была крайне бедна бобрами. Их здесь было гораздо меньше, чем на северной окраине Западной Сибири. В известных мне исторических документах о бобрах упоминается только в ясачных сборах Хантайского зимовья, где в 1629/30 г. были сданы три шкурки бобров, а в 1659/60 г. — семь шкурок.

Кроме пушных зверей и северного оленя (вероятно, также лося, но о нем в источниках XVII в. почти не упоминается), добывали морского зверя. Этим промыслом занимались главным образом «пешие чукчи», жившие у моря и промышлявшие моржами и китами. «...Их, чухач, в Анадырском Посу многолюдство великое, рассказывали служилые люди в Якутской приказной палате в 1710 г., а бой-де у них лучшой, нитяютна оленные — оленьими, а пешие — морскими китами и моржами и рыбою» (Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в., 1935, стр. 155).

XVIII в. — первая половина XIX в.

Добыча промысловых зверей продолжала оставаться одним из главных источников существования населения и в этот отрезок времени. В источниках первой половины XVIII в. в описаниях звериных промыслов наряду

² ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, кн. 581.

Рис. 2. Оленья плавь — 60-е годы XVIII в. (ЦГАДА. Фонд 24, д. 55).

с пушными зверями перечисляются и копытные. В выписках из материалов, собранных Г. Ф. Миллером и относящихся к 30-м годам XVIII в., отмечалось, например, что в бассейне нижнего течения р. Яны промышляли песца, лисицу, волка, северного оленя, изредка соболя. В списке зверей, добывавшихся в верхнем течении этой реки, перечислены соболя, лисица, белка, горностаи, волк, медведь и лось. На правобережье верхнего течения Индигирки, кроме лисицы, горностая, соболя, медведя, северного оленя и лося, промышляли снежных баранов. По р. Алазее и р. Колыме добывали белок, горностаев, росомох, рысей, волков, соболей, медведей, северных оленей.

О бассейне р. Анадыря было сказано, что там существовали промыслы лисицы, горностая, соболя, росомохи, оленя и лося; других звериных промыслов не было (Бакай, 1895).

Во многих местах северо-восточной Сибири в XVIII и первой половине XIX в. главными промысловыми зверями были северный олень и песец, а не соболя. Так, в 20-х годах XIX в. северный олень считался наиболее полезным животным в бассейне нижнего течения Яны. Тогда же олений промысел был самым важным для жителей нижней Колымы, а также для юкагир, ламутов, тунгусов и якутов, живших по рекам Большому и Малому Аюю (Фигурин, 1823; Кибер, 1824; Врангель, 1948).

Очень много оленей добывали на плавях, во время весенней и осенней перекочевок. Сохранилось несколько описаний происходивших в XVIII в. перекочевок и плавей оленя. Одно из них датировано 1768 г. Как только вскрывался Анадырь (в конце мая или в начале июня), олени уходили из лесов в каменистые и безлесные места, расположенные к северу от этой реки. Назад же они возвращались в августе и в начале сентября; «густая плавь» длилась не больше трех дней и происходила не в одном, а в разных

местах. Оленей кололи на реке копьями и ножами (рис. 2)³. В том же 1768 г. были описаны олени плавь по рекам Большому и Малому Анюям и Омолону. Весной олени шли из лесов к морю, а летом, в начале августа, возвращались обратно. Промысел оленей на омовской и анюйских плавях не всегда был удачным⁴. Очень сходные сведения об оленьих плавях сообщил Ф. И. Врангель, путешествовавший по северо-восточной окраине Сибири в 1820—1824 гг. Наиболее значительный промысел оленей на плавях был на реках Большом и Малом Анюях, Омолоне и Анадыре. Ф. И. Врангель также отмечал, что весенний промысел был не всегда удачным, так как олени часто успевали перейти через реки по льду.

Сезонные переходы и плавь оленей существовали и в середине XIX в. Янское стадо оленей зимовало в верхоянских лесах, а лето проводило в устьянской тундре. Алазейское стадо держалось зимой между р. Березовой и р. Омолону, а на лето уходило в алазейскую тундру. Эти олени переправлялись через реки не стадами, а враспынную. Анюйское стадо зимовало между верховьями Большого Анюя и Омолона, а летовало по побережью Чаунской губы. Анадырские олени зиму проводили в лесах по р. Гижиге и ее притокам, а лето — в приморских тундрах (Аргентов, 1889).

Лоси на северо-восточной окраине Сибири были более редки, чем олени, и добывалось их меньше. В XVIII в. сохатые еще попадались в тундровой зоне, где они держались, вероятно, по приречным зарослям тальника. В 60-х годах этого столетия нижнеколымские жители били лосей весной и осенью⁵. В 40—50-х годах XIX в. в чаунской тундре сохатых уже не было, но раньше они встречались «по всей тундре» (Аргентов, 1857а). В лесотундре и на северной окраине лесной зоны лосей, естественно, водилось гораздо больше. В 60-х годах XVIII в. очень много их было в долине р. Филипповки. Большой лесной пожар вытеснил их оттуда, но когда на горах снова появился лес, лоси вернулись, и в начале XIX в. редкий из местных охотников не убивал пять-шесть зверей в год. После 1812 г. лоси исчезли, и в начале 20-х годов появление лосей было редким явлением во всем Колымском округе. В те же годы лоси попадались по р. Омолону, но их было мало (Врангель, 1948). Чаще они встречались в лесистых местах Зашиверского, Верхоянского и отчасти Устьянского улусов (Фигурин, 1823). В бассейне р. Анадыря в 60-е годы XVIII в. лосей было так же много, как и на правом берегу р. Колымы и в долине р. Филипповки. В эти годы небольшая партия охотников из с. Маркова добывала за два дня до 40 лосей. В начале XIX в. численность лосей сильно уменьшилась, а затем сохатые из бассейна Анадыря надолго исчезли (Сокольников, 1927). Кроме оленей и лосей, жители северо-восточной Сибири добывали снежных баранов и кабаргу.

Истощение запасов соболя, ставшее заметным в северо-восточной Сибири в последней четверти XVII в., продолжалось ощущаться и в XVIII в. На р. Колыме в середине XVIII в. не было «знатного соболиного торгу» (Миллер, 1756, стр. 197). Но кое-где соболь еще водился. В 20-х годах XIX в. его добывали, например, на правом берегу р. Колымы по долинам р. Филипповки, р. Паштелеевой и на некоторых других более мелких реках. Тогда же по Большому и Малому Анюю добывали за промысловый сезон 200—300 соболей (Врангель, 1948). В середине XIX в. по р. Колыме продолжали добывать соболей, но их было мало (Аргентов, 1857б). Песцов и лисиц добывалось значительно больше, чем соболей. В 1703 г. ясачные люди сдали, например, в Хантайском зимовье 723 песца и только 22 соболя. В ясаке, взятом с оленых и пехих коряк в 1784 г. в Гижигинской крепости, оказалось 648 лисиц и только 13 соболей⁶. В 20-х годах XIX в. песец

³ ЦГАДА. Фонд 24, разряд XXIV, д. 36.

⁴ Там же, д. 35.

⁵ ЦГАДА. Фонд 24, разряд XXIV, д. 55.

⁶ ЦГАДА. Фонд 1096, д. 48.

занимал в промысле нижнеколымских охотников второе место после северного оленя (Кябер, 1824).

Кроме охоты на зверей, в жизни населения северо-восточной Сибири довольно большое значение имел промысел птицы. Уток и гусей добывали преимущественно во время их линьки. Ловили их помногу. Например, летом 1822 г. на одном озере около г. Среднеколымска за два дня было поймано около 7 тыс. уток (там же), а на оз. Сень 2,3 тыс. уток (по-видимому, за один день), большинство которых принадлежало трем видам — хохлатой чернети (*Aythya fuligula* L.), моринке (*Clangula hyemalis* L.) и шилохвосту (*Anas acuta* L.). Эта ловля не считалась особенно удачной. Иногда ловили гораздо больше — до 30—40 тыс. на одном озере (Майдель, 1894). Еще большее значение имел, по-видимому, гусиный промысел. В XVIII в. и в первой половине XIX в. на местах линьки добывали множество белых гусей. В 60-х годах XVIII в. много белых гусей собиралось на р. Крестовке и нижнеколымцы ездили туда на охоту⁷. В конце XVIII в. и в самом начале XIX в. белые гуси держались по приморским гундрам между р. Яной и р. Колымой. В то время их убивали тысячами. В алазейской тундре белых гусей было еще много в 30-х и 40-х годах XIX в., но к середине XIX в. их истребили и там (Аргентов, 1857а, 1889). На р. Индигирке белые гуси исчезли позже, так как в середине XIX в. их там промышляли во множестве (Житков и Зензинов, 1915).

Кроме водоплавающей дичи, в северо-восточной Сибири ловили много белых куропаток, когда они перемещались на зиму в лесотундру и в долины рек с зарослями тальника. Глухарь, рябчик и тетерев были редки и в XVIII в. Самые северные места пребывания глухаря и тетерева находились по рекам Большому и Малому Анюю, а рябчика — по р. Омолону⁸. Внимание натуралистов привлекал стерх. Места его летнего пребывания были известны в середине XIX в. в Жиганском улусе и в чаунской тундре (Хитрово, 1856; Аргентов, 1857а).

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

В середине XIX в. в Колымском крае было замечено, что одни звери вывелись из-за неумеренного промысла, а другие ушли отсюда из-за лесных и тундровых пожаров (Аргентов, 1889). Еще заметней это стало во второй половине XIX в. и в начале настоящего столетия. Но это справедливо в отношении только некоторых промысловых животных.

В конце XIX и начале XX в. соболи, например, не попадались совсем ни в Колымском, ни в Верхонском округах, ни в бассейне р. Анадыря (Иохельсон, 1898; Бутурлин, 1913; Сокольников, 1927). В эти же годы в бассейне р. Оленека эти зверьки изредка добывались лишь в двух небольших очагах. (Тавровский, 1958). Песец по-прежнему занимал первое место в пушном промысле. В конце XIX в. в одном только Верхонском округе добывалось в год около 15—20 тыс. песцов. Много их было и в низовье р. Колымы. Довольно много добывалось белки. В конце XIX в. правобережье р. Колымы от Большого Анюя на севере до верхнего течения р. Колымы на юге было богато белками. В средний год охотник добывал до 200 белок, а в урожайный — до 500—600. Бывали и такие годы, когда белка почти не попадалась. То же самое наблюдалось в Верхонском округе (Иохельсон, 1898; Бутурлин, 1913).

Сильно уменьшилось колымское оленье стадо. Об обильных плавнях через р. Колыму остались лишь воспоминания (Бутурлин, 1913). Но анадырские олени продолжали совершать сезонные перекочевки и в начале XX в. Они переплывали Анадырь преимущественно там, где к нему под-

⁷ ЦГАДА. Фонд 24, д. 55.

⁸ Там же. Фонд 24, разряд XXIIV, д. 55.

ходили горные отроги; одиночки и маленькие табуны переплывали его и во многих других местах. Зимовки оленей в эти годы были сосредоточены главным образом на правобережье Анадыря в гористых местах. «Стоялые» олени, не совершавшие длинных сезонных перекочевков, жили весь год в горах между р. Омолоном и р. Пенжиной (Сокольников, 1927).

В численности и размещении лосей наблюдались сильные колебания. Во второй половине XIX в. лосей в бассейне р. Колымы не стало. Очень мало их осталось на реках Омолоне, Большом и Малом Анюе, где песколько сохатых было убито в многоснежную зиму 1894/95 г. (Иохельсон, 1898). В 10-х годах XX в. лоси опять появились в бассейне Колымы, они попадались даже в 70—90 км северней г. Нижнеколымска, на границе безлесной тундры, а по среднему течению р. Колымы и ее притоку, р. Березовке, сохатых водилось много (Бутурлин, 1913). В бассейне р. Анадыря за время с 1897 по 1907 г. был известен лишь один случай захода лосихи, пришедшей туда с правобережья р. Колымы (Сокольников, 1927).

Белые гуси оставались на материке Восточной Сибири к началу XX в. в очень немногих местах. Одним из них было низовье р. Индигирки (Житков и Зензинов, 1915). Промысел белых гусей прекратился. На р. Индигирке и р. Хроме главное место в гусином промысле занял белолобый гусь (*Anser albifrons Scop.*). Летом 1912 г. четыре партии гусятников (от 7 до 17 человек в каждой) поймали в устьях этих рек около 15 тыс. гусей. Из 4500 гусей, осмотренных В. М. Зензиновым, почти все были белолобыми; кроме них, попались лишь четыре черных казарки и один гумешик.

Гнездовая стерха в 10-х годах XX в. были отмечены в низовье р. Индигирки около г. Русского Устья и р. Алланхи.

Второе тридцатилетие XX в.

За этот отрезок времени в населении некоторых видов промысловых животных на северо-восточной окраине Сибири произошли большие изменения. Широко расселился соболь, появившийся во многих местах, где его давно уже не было. Это было следствием как естественного расселения соболя, так и переселения его человеком. На правобережье Енисея его добывали в 1959/60 г. около пос. Потапова и г. Дудинки. У юрильских озер, соболь отмечался еще в 1934 г. (Наумов, 1934), но только в одном месте. К концу 50-х годов в лесах у Хаптайских и юрильско-нижнениских озер соболь был уже почти везде. В 1959/60 г. пребывание соболя было установлено в лесах по р. Хете (выше фактории Камень), а в лесах по р. Аяпу и р. Аякли соболя были обычны. В лесах по притоку Поиная — р. Фомичу и р. Рассохе — они встречались постоянно (Нумеров, 1963). По р. Анабару соболя добывались в верховьях р. Джименды и р. Старой (70°42'—70°45' с. ш.), а по р. Оленеку — до устьев р. Барати и р. Куотки. В бассейне р. Оленека соболь встречался повсюду. Численность его на северо-западной окраине Якутии определялась в 1954 г. в 3500—4000 штук (Таврошский, 1958). В бассейнах Яны, Индигирки и Колымы, где соболя почти совсем истребили, было вынуждено (в 1951—1956 гг.) 1169 зверьков (там же). Таким образом, к настоящему времени между Енисеем и Анабаром соболь расселился к северу до тех же приблизительно мест, где он поднимся в первой половине XVII в.

Очень широко расселился и лось. Еще в начале 30-х годов было отмечено его проникновение в северную лесотундру по рекам Медвежьей, Хете, Романхе до 70°—70°30' с. ш. (Наумов, 1934). В те же приблизительно годы лоси спускались по р. Яне и р. Индигирке до 69° с. ш., а по р. Колыме до самой дельты. Добыча их определялась приблизительно в 1200 голов (Михель, 1937).

Несколько увеличилась, по-видимому, численность северного оленя. В одном таймырском стаде насчитывалось около 100 тыс. голов (Андреев, 1961). В верховьях р. Чандон и р. Нюхчи в марте 1962 г. наблюдалось

стадо оленей в 25 тыс. голов. На лето оно уходило к проливу Лаптева. Такое же приблизительно стадо было обнаружено в бассейне р. Оленека. В марте 1962 г. эти олени паслись на хр. Чекановского, а к концу апреля перешли оттуда в дельту Лены (Макридин, 1963).

Некоторых других видов промысловых животных, очень редких к концу XIX в. (белый гусь, стерх), оставалось мало и во втором тридцатилетии XX в.

ЗАЕНИСЕЙСКАЯ ВОСТОЧНОСИБИРСКАЯ НАГОРНАЯ ТАЙГА, ПРИБАЙКАЛЬЕ И КАМЧАТКА

До прихода русских земледелие в Восточной Сибири существовало только на ее южной окраине. В. Поярков, побывавший в бассейне р. Шилки в 1643 г., доносил, что там хлеба родится много (Акты Московского государства, 1894). Три года спустя он же, побывав на р. Зее около впадения в нее р. Селенджи, рассказывал, что живут там «люди многие сидячие, хлебные и скотные». Сеют они ячмень, овес, просо, коноплю, гречу и горох (ДАИ, 1848, стр. 57). Были пашни и у бурятов. О них упоминали, например, якутские воеводы Головин и Глебов в 1640 г. (ДАИ, т. 2, 1846).

XVII в.

К концу XVII в. почти вся Восточная Сибирь была присоединена к Московскому государству и объясачена. Московское правительство стало принимать меры к тому, чтобы завести пашню в тех местах восточносибирской тайги, где ее не было — в Енисейском, Красноярском, Илимском уездах и в центральной и южной частях Якутского уезда. Как и в Западной Сибири, пашню заводили прежде всего на суходольных лугах — еланих. Поэтому при описании земель о еланиях упоминалось особо. Например, нерчинский воевода Воейков писал в 1682 г. в челобитной, что по рекам Зее, Селендже и по Амуру вверх от устья Зеи, «ялани сильные, большие, неиспедимые», что места там хорошие, хлебородные и можно завести большие пашни (ДАИ, 1859, стр. 369—370). Первыми хлебопашцами в Енисейском уезде были преимущественно крестьяне, принудительно переселенные сюда из Западной Сибири и других мест, и ссылки (Копылов, 1962). Во второй половине XVII в. значительных успехов достигло земледелие в Илимском уезде (Шерстобоев, 1949).

Пашня в лесной полосе Восточной Сибири все же занимала крайне незначительную часть общей площади природных угодий, и земледелие само по себе не могло бы повлиять сколько-нибудь заметно на их изменение. Но оно повлияло косвенным путем: участились лесные пожары и огромные лесные массивы превращались в гари. Уже в 1683 г. в грамоте, посланной якутскому воеводе, указывалось, что «в соболиных угодьях леса секут и жгут под пашни, и от того соболь и всякий зверь бежит в даль» (Колональная политика Московского государства в Якутии, 1936, стр. 194).

Еще сильнее на распространении и численности промысловых животных (особенно соболя и бобра) отразился чрезмерный промысел. Пушных зверей добывало не только коренное ясачное население, но и русские промышленники. В материалах Сибирского приказа сохранились сведения как о числе ясачных людей, так и о том, сколько и откуда приходило на промыслы в Сибирь промышленных и торговых людей. В 1638/39 г., например, возвратились с промыслов и платили в г. Туруханске десятую таможенную пошлину 530 промышленных и торговых людей. Среди них оказалось 122 пинежанина, 70 устюжан и 41 человек с Пинежского волока. Кроме них, было 39 уроженцев Важской земли, 31 мезенец, 27 уроженцев бассейна р. Сысолы, 21 холмогорец, 21 вычегжанин, 19 сольвычегодцев, 17 вымичей,

14 усольцев, 9 вологжан. Кеврольцев, каргопольцев, уфтьюжан, пермогорцев, пустозерцов, устьцелмцев, пичемцев, ижемцев и жителей г. Лальска было понемногу (от одного до четырех человек из каждого места). Так же мало было новгородцев, муромцев, ярославцев, белозерцев, костромичей, жителей г. Вятки (от одного до трех человек из каждого места). Небольшую, но очень важную группу составляли доверенные и прикащики московской гостиниой сотни (одиннадцать человек). Сибиряков же было крайне мало: один служилый мангазеец, один старец из Енисейского монастыря, сын бывшего туруханского таможенного головы и один житель г. Еланчина (ныне г. Туринск). Кроме того, пришли еще 29 промышленников и три торговца, но откуда — не указано⁹.

В 1641 г. среди промышленных и торговых людей, плативших таможенную пошлину в г. Туруханске, пинежан и устюжан вернулось с промыслов еще больше, чем в 1638/39 г. Всего в 1641 г. таможенники взяли в г. Туруханске пошлину с 732 человек. Кроме того, небольшая часть «покрученников»¹⁰ не была точно переписана; в нескольких случаях упоминалось лишь, что отдельные торговые люди имели покрученников, а сколько этих людей было и откуда они родом, не отмечалось. Среди 732 человек были 281 пинежанин, 39 человек с Пинежского волока, 91 устюжанин, 70 мезенцев, 48 уроженцев Важской земли, 32 колмогорца, 27 сольвычегодцев, 22 вацанина, 15 сысоличей. Галичан, вымчичей, вологжан и пичемцев приходило мало (от четырех до девяти человек). Совсем мало (от одного до трех человек) было архангелогородцев, белозерцев, новгородцев, ярославцев, казанцев, костромичей, тюменцев, тобольцев и уроженцев некоторых других городов и земель. Немногочисленную, но важную группу опять-таки составляли прикащики гостиниой и суконой сотни (семь человек)¹¹.

К 60-м годам соболь в Мангазее начал переводиться, поэтому промышленных и торговых людей приходило сюда меньше. В 1660 г. в Туруханском и Иенском зимовьях, в устье р. Подкаменная Тунгуска, на оз. Есее и на р. Анабаре платили таможенные пошлины 251 промышленников и торговцев. Среди них по-прежнему преобладали пинежане (50 человек) и устюжане (32 человека). За ними шли вычегжане (20 человек), мангазейцы (17 человек), сысоличи (16 человек), усольцы (12 человек), туруханцы (7 человек) и колмогорцы (5 человек). Число мезенцев сократилось до четырех человек, столько же было тобольцев¹².

Разбирая вопрос об организации пушного промысла в Сибири, С. В. Бахрушин (1955) правильно заметил, что доля промышленников-одиночек в этом промысле была ничтожной и что мелкие промышленники чаще всего нашивались к крупным предпринимателям или же объединялись в артели. Сколько именно соболей привозил отдельный промышленник или торговый человек, точнее всего выявлялось, когда они возвращались с промыслов, платили «посороковое» — налог за добытых соболей (по полторы копейки за каждого соболя, что составляло 20 алтын за 40 соболей). Среди промышленников, возвратившихся с промыслов в 1630 г. и плативших посороковое в г. Енисейске, были и объединившиеся в артели и нашившиеся к предпринимателям. На каюке Д. Гаврилова с промыслов возвратилось, например, 26 человек. Хозяин каюки уплатил посороковое за 1538 соболей, один из участников — за 80 соболей, один — за 27, восемь человек — за 20 соболей каждые, трое — за восемь соболей каждый и двенадцать человек совсем не платили посорокового; они, как и все остальные, внесли лишь «ноголовное» — по 20 алтын с человека. Богатый иже-

⁹ ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, кн. 127.

¹⁰ Покрученники — малосостоятельные мелкие промышленники, нашивавшиеся к крупным предпринимателям.

¹¹ ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, кн. 143.

¹² ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, кн. 553, Мангазейский уезд.

мец В. Семенов отдал налог за 1200 соболей; а остальные семь участников соболей не везли (платили лишь поголовное). Но такие случаи были очень редки. Большинство возвратившихся промышленников имели соболей, хотя и не одинаковое количество. Из семи промышленников, возвратившихся на каюке В. Леонтьева, один уплатил, например, посороковое за 589 соболей; другой — за 67 соболей, остальные пять — за 22 соболя каждый. Шесть промышленников, возвратившихся на каюке И. Борйсова, добыли по шесть соболей, а четыре остальных гораздо больше — 34, 73, 75 и 103 соболя. Из 23 промышленников, возвратившихся на трех каюках колмогорца Алексея Абрамова Косидына, один уплатил посороковое за 680 соболей, другой — за 160 и третий — за 134, добыча остальных была значительно меньше: один человек уплатил за 45 соболей, четыре предьявили по 27 соболей, девять — по 26 соболей, пять — по 15 соболей и один человек — 16 соболей. Случаи, чтобы все члены артели привезли соболей поровну, бывали, но очень редко. Например, почти одинаковое число соболей шкурок привезли члены артели Новака Федорова — два участника по 19, а три остальных по 18¹³.

Торговые люди и промышленники, отправляясь на соболиный промысел, везли с собой не только продовольствие и орудия промысла, но и товары, на которые они выменивали у коренного населения соболей и другую пушнину. Какой именно «хлебный запас и промышленный завод» везли на промыслы организаторы крупных предприятий, видно, например, в проездной грамоте, выданной в 1640 г. доверенному купца московской гостиной сотни Василия Гусельникова. С этим доверенным ввиз по р. Лене отправлялось 500 пудов ржаной муки, 4 пуда топленого масла, один пуд пороху, 100 сажень неводных сетей, 1,5 пуда ниток (для починки сетей и обметов), 12 соболевых обметов, 100 лосиных камусов, 20 цепей для собак, 70 колокольцев, 3 фунта чилибухи¹⁴, 20 концов холста, 5 концов сукна, 3000 оловянных пуговиц, пуд особого бисера — одекуя — и пуд с четвертью обыкновенного бисера, пуд олова, 1,5 пуда красной меди, 2 пуда зеленой меди, три выделанных кожи, две стопы бумаги и некоторый другой товар; всего по таможенной оценке на 1127 руб. 80 коп. (АЮБ, 1884). Деньги по тому времени очень большие (якутский соболь стоил в среднем 1 руб. 18 коп.).

В книгах и столбцах Сибирского приказа приводятся подробные сведения как о пушнине, собранной с ясачных людей, так и о пушнине, добытой промышленниками и торговцами и предьявленной ими в таможенных. Чтобы определить, как изменялась добыча промысловых животных в течение XVII в., мы выбрали из материалов Сибирского приказа сведения, относящиеся к различным десятилетиям, эти данные приведены в табл. 33—36.

Анализ сведений, приведенных в табл. 33—36 и в опубликованных работах (Буцинский, 1893; Селиверстов, 1952; Бахрушин, 1955; Тавровский, 1959; Нумеров, Павлов, 1963), дает возможность составить довольно ясное представление о значении различных видов зверей в охотничьем промысле XVII в.

До 60—70-х годов исключительно важное значение в пушном промысле имел соболь. Промышленные и торговые люди, возвращавшиеся с промыслов в 30—40-х годах, везли почти одних соболей. Кроме них, промышленники предьявляли в таможенных и бобров, но редко и помалу. Приблизительно с середины XVII в. в результате чрезмерного промысла, а отчасти и вследствие лесных громадных пожаров численность соболя в Восточной Сибири стала повсеместно сильно уменьшаться. К 80-м годам их осталось так мало, что в Енисейский уезд была послана грамота с указом, запрещавшим отпускать промышленников в ясачные угодья для соболиного

¹³ ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, кн. 26, лл. 133—234.

¹⁴ Яд, который, вероятно, употреблялся для отравы зверей.

Ясак, собранный в енисейской тайге

Уезд	Год	№ книги или столба Сибирского приказа	Ясачные люди, число	Соболы	Курьиды	Выдры	Росомахи	Рыси	Волки	Лисы	Бобры	Белки	
Мангазейский, правобережье	1629/30	22	Нет данных	2219 и 2 шубы	—	—	7	—	2	—	5 и одна шуба	—	
	1637/38	73 *	То же	3349	—	—	—	—	—	—	—	—	
	1639/40	105 *	»	3739	—	—	—	—	—	—	—	—	
	1659/60	553	»	2531	—	—	—	—	—	—	—	—	
	1670/71	548	668	2623	—	—	—	—	—	—	—	—	
	1679/80	726 *	Нет данных	2519	—	—	—	1	—	95	—	—	
	1698/99	1220	742	507	—	3	94	3	—	77	—	8050	
	1703	1422	587	278	—	—	154	—	—	—	—	—	
	1622/23	Миллер, 1941	Нет данных	1698 и 12 шуб	—	—	—	4	—	—	4	29	—
	1629/30	22	То же	2601 и 3 шубы	—	2	1	—	—	—	47	—	—
1639/40	150	»	3276	—	—	—	—	—	—	—	—		
1649/50	422 *	»	3603	—	—	—	—	—	45	34 и 4 полулопки	—		
1710	973	339	130	—	23	21	12	19	837	3	8200		
1639/40	150	Нет данных	940	—	—	—	—	—	—	10	—		
1649/50	390 *	То же	3553	—	7	—	—	5	—	41	9		
1650/51	422 *	»	3631	—	13	—	1	2	—	56	13		
1678/79	717	»	4607	—	4	—	—	—	—	122	20		
1679/80	717	615	3132	—	8	—	—	—	—	102	11		
1688/89	958	878	3762	—	—	—	14	—	—	90	70		
Енисейский													
Красноярский	1639/40	150	Нет данных	940	—	—	—	—	—	—	10	—	
	1649/50	390 *	То же	3553	—	7	—	5	—	41	9	—	
	1650/51	422 *	»	3631	—	13	—	2	—	56	13	—	
1678/79	717	»	4607	—	4	—	—	—	122	20	—		
1679/80	717	615	3132	—	8	—	—	—	102	11	—		
1688/89	958	878	3762	—	—	—	14	—	—	90	70		

* Столбец отмечен звездочкой.

Примечание Кроме пушники, указанной в таблице, ясачные люди сдали в Енисейском уезде в 1710 г. три медвежьих шкуры и 1700 заячьих шкур, а в Мангазейском уезде в 1698/98 г. — две шкурки песцов.

Пушнина и другая добыча, представляющая промышленными и торговыми людьми в Мангазейском уезде (без бассейна р. Вилюя)

Тамонна и тамоненная застава	№ книги или столбца Сибирского приказа	Год	Промышленные и торговые люди, число	Соболи	Горностаи	Росомахи	Белые медведи	Лисы	Щенцы	Бобры	Зайцы	Оленьи кости и рога	Лосиные и полорогие
Туруханское зимовье, г. Мангазея, Газовский городок, Енисейский волок, Шеляжское, Чечуйское, Закамское и Пясидское зимовья	22	1630		50775	—	8	—	—	—	91	—	—	—
Туруханское зимовье, г. Мангазея и Газовский городок	73 *	1636	707	67700	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Туруханское зимовье, г. Мангазея, Газовский городок, зимовье Закамское, заставы на реках Пяседе, Хете и оз. Есее	73 *	1637	586	65700	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Туруханское зимовье, Газовский городок	73 *	1638	243	26680	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Туруханское зимовье, Газовский городок	127	1639	530	35797	—	2	—	—	—	56	—	—	—
Туруханское зимовье, устье р. Подкаменной Тунгузи, зимовье Непское, заставы на оз. Есее, р. Анабаре	553	1660	251	9207	—	30	—	30	66	—	—	—	—
г. Туруханск, заставы Сумароковская, Косицкан, заставы на р. Хете и в устье Подкаменной Тунгуски	623	1685**	64 *	136	1300	28	—	—	7082 и 10 штук	5 бобров и 22 бунта бобровой струн	—	526	50
г. Туруханск, заставы в низовьях Енисея, заставы на р. Хете и р. Хаганге	1220	С августа 1689 г. до 30 июля 1700 г.	180	—	1240	60	10	—	17880	—	11200	750	870

* Столбец отмечен звездочкой.

** В 1685 г. были также представлены две выдры, 1200 бобов и восемь белых шуб.

Лисы, собранные в якутско-охотской тайге и в таежном Прибайкалье *

Уезды, волости и зимовья	Год	№ янгины или столбца Сибирского приказа	Ясачные люди, чисто	Соборы	Рыси	Росомахи	Лисицы	Волки	Белки	Бобрин	Лопанды	Крупный розгаый скот
Якутско-Охотская тайга												
Якутский уезд — 35 подгородных волостей, Верхне- и Нижне-вилюйское зимовья, Олекминский острог, Чарыкское, Тантарское, Буталское и Верхне-Майское зимовья, Охотский городок	1669/70 1672/73	880 ** 581	Нет данных То же	12188 11538	— —	— —	2222 3524	— 5	— —	— —	— —	— —
То же												
Патомское и Удское зимовья и те же волости, зимовья и городки	1683/84 1708	976 ** 1489	» 3288	6381 3370	— 4	— —	3054 1485	— —	— —	— —	— —	— —
Таежное Прибайкалье												
Илимский уезд	1649/50 1684/85	390 ** 836	Нет данных То же	2405 1607	— 79	— 47	2 194	— 33	— —	14 1	— —	— —
То же												
Даурская земля — Нерчинский, Теленбинский и Иргенский остроги	1666/67	864	»	1224	—	—	—	—	—	—	—	—
Нерчинский уезд — Нерчинский, Теленбинский и Яровинский остроги	1694/95	Сибирские горола, 1886	843 и два подростка	442	270	—	172	—	—	—	21	73
Аргунский, Танцинский остроги и те же остроги, что и в 1694/95 г.	1697/98	1221	521	1114	274	—	294	—	—	—	17	67
Читинская слобода и те же остроги, что и в 1697/98 г.	1700	1272	Нет данных	1840	191	40	440	—	—	—	1	402
Альминское зимовье, Читинская слобода и те же остроги, что и в 1697/98 г.	1712	1520	1217	247	310	125	1179	—	2579	—	10	62

* Кроме пушницы, указанной в таблице, ясачные люди сдали две кунницы, одну шкуру тигра и 870 руб. в Нерчинском уезде в 1712 г. и пять выдр, одну шакуру медведя и восемь лосей в Илимском уезде в 1384/85 г.

** Столбец отмечен звездочкой.

Пушнина, предъявленная промышленными и торговыми людьми в таможенных в таежной Якутии и в таежном Прибайкалье

Таможня	Год	№ книги или столбца Сибирского приказа	Соболь	Горностай	Выдра	Росомаха	Лисица	Песца	Волка	Бобр
Таежная Якутия										
Якутский острог	1644/45	185	43125	212	2	8	80	50	1	2
То же	1668/69	880*	13450	—	—	—	—	—	40	—
Чечуйский волок	1668/69	880*	4800	—	—	—	—	—	—	—
То же	1669/70	880*	4220	—	—	—	—	—	—	—
То же	1683/84	976	160	—	—	—	—	—	—	—
Усть-Витимск	1683/84	976	180	—	—	—	—	—	—	—
Якутский острог	1708	1489	2470	—	10	40	450	—	—	—
Таежное Прибайкалье										
Илимский острог	1649/50	390*	12100	—	—	—	—	—	—	—
То же	1684/85	836	2410	—	—	—	—	—	—	—
Албазинский острог	1686/87	1112*	3550	—	—	—	—	—	—	—

* Стобец отмечен звездочкой.

промысла¹⁵. К этому времени число людей, отправлявшихся в Восточную Сибирь на охотничий промысел, сократилось в несколько раз по сравнению с 30—40-ми годами. Те же промышленники, которые еще приходили в Мангазейский уезд, отправлялись на охоту не в бассейны Нижней и Подкаменной Тунгуски, как раньше, когда там было много соболей, а на северную окраину этого уезда — в низовье Енисея, на Хатангу, Хету, Пясицу и Анабар. Песец, раньше почти не интересовавший промышленников, занял в конце XVII в. главное место в их промысле. Кроме песца, большую роль в промысле стали играть рыбы — осетр, нельма, муксун. Лишь на южной окраине Приенисейской Сибири — в Красноярском уезде — соболь сохранял главное место в ясаке вплоть до конца XVII в. В якутско-охотской тайге он начал исчезать позже, чем в правобережной Приенисейской Сибири, но к концу XVII в. его и здесь стало мало.

Куницы в Восточной Сибири были очень редки. В просмотренных нами материалах Сибирского приказа о добыче куниц упоминается только в тех источниках, которые касаются южной окраины Восточной Сибири. По Красноярскому уезду были просмотрены ясачные книги за 1640, 1650, 1651, 1658, 1679 и 1680 гг. Куницы меха попадались в ясаке в 1650, 1651 и 1679 гг. (7, 13 и 4 шкурки). В Иркутском уезде три куничьи шкурки были сданы ясачными людьми в 1698 г. и одна в 1706 г. В Нерчинском уезде, по которому были просмотрены книги за четыре года, две куничьи шкурки были взяты только в 1712 г. (Кириков, 1963). Куницы вместо соболей принимались сборщиками неохотно. В ясачной книге Иркутского уезда за 1706 г. записано, например, следующее: «А которые, государь, ясачные иноземцы за немочью и за скудостью и за безпромыслицею соболей не упромышляли и с тех, государь, людей вместо соболей собрано по самой их нужде одна куница в коске с лапы и с хвостом, 496 лисиц красных»¹⁶.

Бобр в Восточной Сибири было мало повсюду, и, чем дальше к востоку, тем меньше их становилось. В приенисейской тайге шкурки бобра сдавались ясачными людьми как в Енисейском, так и Красноярском уез-

¹⁵ ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, ст. 976, л. 2.¹⁶ ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, ясачная книга Иркутского уезда за 1706 г., л. 36.

дах вплоть до конца XVII в. Наиболее ранние письменные сведения о распространении бобров в бассейне р. Лены принадлежат, по-видимому, магазейскому воеводе Андрею Палицыну. Он сообщил, что по большим рекам бассейна Лены — Вилюю, Чае, Чячюю, Поледую, Олекме, Витиму, Киренге, Какоте, Камте и Бранте — «соболей же и лисиц и бобров и горностаев в тех землях много ж». (РИБ, 1875, стр. 964). По всей вероятности, определение «много ж» было справедливо в отношении соболей, лисиц и горностаев, но не бобров. Достоверных сведений о том, где и сколько добывалось бобров в бассейне р. Лены в XVII в., сохранилось очень мало. Так, среди пушнины, предъявленной в 1643 г. таможенному целовальнику на Ленском волоке, у одного из торговых людей оказалось 795 соболей и 4 бобра и у одного промышленного человека — два бобра. Среди пушнины, предъявленной в Якутской таможе в 1645 г., оказались шкурки 43 125 соболей и только двух бобров¹⁷.

В Якутском уезде бобры, если и сдавались, то крайне редко. В 1659/60, 1669/70, 1672/73, 1683/84 и 1708 гг. ясачные люди не сдали ни одного бобра¹⁸. То же наблюдалось и в 1647/48 и 1697/98 гг. (Бахрушин, 1955). В Прибайкалье бобры встречались чаще, чем в Якутии, но и там они были редки.

В 1641 г. служилый человек Якунька Кужа, идя с устья р. Куты на Ленский волок, зашел погреться к сыну тунгусского заложника Звероула и видел в его юрте восемь бобровых шкурок (Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в., 1936). В 1649/50 г. с ясачных людей Илимского уезда было собрано в нижнем течении р. Илима восемь шкурок бобров, выло Чечуйского волока — две, на Усть-Куте — одна. Кроме того, три бобровых шкурки были принесены воеводе. В 1648/49 гг. ясачные люди на Чечуйском волоке сдали три бобра¹⁹, а в 1684/85 г. в Очеульской волости — только одного²⁰. В 1698 и 1699 гг. бобров в ясачном сборе с Илимского уезда совсем не подалось (РИБ, 1884).

XVIII в. — первая половина XIX в.

В эти годы население некоторых коренных народностей Сибири сильно уменьшилось. Причиной этого были болезни, жестокое подавление восставших карательными отрядами и непрекращавшиеся притеснения и грабежи со стороны служилых людей.

В конце XVIII в. «оспенное поветрие» погубило большую часть камчадалов. Восточное побережье Камчатки было опустошено, так как оставшиеся в живых перешли во внутренние острожки. Второе поветрие произошло в 1800 г. Погибло около 2 тыс. человек и осталось около 1,5 тыс.²¹ Оспа и другие заразные болезни часто бывали и на материке. В Туруханском крае с 1763 по 1816 г. вымерло около трех четвертей коренного населения (Ядринцев, 1882). Притеснения же и насилия со стороны служилых людей были столь велики, что в 1733 г. был обнародован правительственный указ, в котором признавалось, что комиссары и другие сборщики не только разоряют ясачных людей, но и отнимают жен и детей и продают их в рабство (Полное собрание законов..., 1830). Тридцатью годами позже в Сибирь был отправлен майор Щербачев с войсковой командой, чтобы прекратить произвол и притеснения, чинимые дворянами и казаками, которые «бессовестно и до конца» разоряли и грабили беззащитных эвенков, якутов, бурят и другие народности Восточной Сибири (Словцов, 1844).

Хотя убыль коренного населения и возмещалась переселенцами и ссыльными, плотность населения все же была очень мала. В конце первой

¹⁷ ЦГАДА. Фонд 214, опись 5, д. 54; Фонд Сибирский приказ, кн. 185.

¹⁸ Там же, кн. 581, ст. 880, 581, 976, кн. 1489.

¹⁹ Там же, ст. 390.

²⁰ Там же, кн. 836.

²¹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 48 522.

четверти XIX в. в Енисейском округе, захватившей территорию около 468 тыс. кв. верст, жило 11 190 человек ясачного населения и 34 958 переселенцев и ссыльных. Плотность населения составляла всего 0,1 человека на 1 кв. версту.

Попытки расширить земледелие в горнотаежной полосе Восточной Сибири оказались во многих местах неудачными. Поэтому в 30-х годах XVIII в. было велено, чтобы «за недородом» в Витимской и Амчинской слободах и в Олекминском остроге больше не пахать. Тогда же отмечалось, что около г. Якутска, Усть-Вилуйского и Майского зимовьев пригодной для пахоты земли не было (Бакай, 1895). В Прибайкалье и в других местах южной лесной и горнолесной окраины Восточной Сибири земледелие развивалось с большим успехом. «Пашни довольно», — отметил, например, А. Радищев, проезжая из г. Нижнеудинска к с. Замзору и с. Алземаю (Радищев, 1949). Заводя пашню в тайге, крестьяне обычно применяли подсечную систему земледелия, как и в Европейской части страны. В сибирских условиях это, как уже отмечалось, нередко приводило к лесным пожарам, захватывавшим большие территории. Поэтому в 1744 г. был издан указ, запрещающий выжигание леса в тех местах, где производился соборный промысел (Андриевич, 1887).

Охотничий промысел продолжал оставаться в XVIII в. и в первой половине XIX в. главным занятием местного населения во многих районах таежной Сибири. Наряду с охотой на пушного зверя важную роль играла добыча копытных животных.

В 70-х годах XVIII в. в Красноярском уезде наибольшее значение имела добыча лосей, маралов, северных оленей, косуль, кабарг и соборлей. Большая часть ясака, вносившегося коренным населением этого уезда, состояла из шкур копытных зверей. Соборлей добывалось больше всего в нагорной тайге между р. Амылом и р. Казыром (Паллас, 1788). Верховье Енисея славилось обилием промысловых зверей и в начале XIX в. Осенью и в первую половину зимы добывали соборлей, белок, лисиц, росомох, волков, медведей, зайцев и копытных зверей. Лосей, маралов, северных оленей, косуль, кроме того, истребляли во множестве в марте, когда устанавливался крепкий наст. В реках добывали выдр и бобров (Народы, кочующие в верьху р. Енисея, 1818).

В северном Прибайкалье, в бассейне р. Топорка, в конце XVIII в. охотились на белок, соборлей, лисиц, росомох, медведей; ловили в ямы сохатых; их же и косуль загоняли на насту. Косуль в то же время было очень много (Радищев, 1949). В 30-х годах XVIII в. в бассейне р. Вилуя водились лисицы, белки, горностаи, соборли, росомохи, медведи, волки, сохатые и олени. По нижнему течению р. Витима и по рекам Олекме, Алдану и Мае, кроме промысла лисиц, белок, горностаев, соборлей, медведей и волков, существовал промысел лосей и северных оленей, а на междуречье Алдана и Маи — и снежных баранов²². В Охотском крае охота на снежных баранов была у местных эвенков одной из самых любимых (Булычев, 1856).

Сведений о том, сколько и каких животных добывалось в различных местах таежной Восточной Сибири в XVIII в. — первой половине XIX в., сохранилось значительно меньше, чем в источниках XVII в. Сами же статистические сведения о добыче животных в XVIII—XIX вв. во многом уступают по полноте и точности тем данным, которые приводятся в ясачных и таможенных книгах XVII в.

В первой половине XVIII в., как и в конце XVII в., соборлей в Восточной Сибири добывали мало по сравнению с 30—60-ми годами XVII в. «Якутский сбор» ясачных соборлей в 1722 г. равнялся всего 1123 соборлям, а в 1724 г. — 1514 соборлям²³.

²² ЦГАДА. Фонд 199, д. 365; Бакай, 1895.

²³ ЦГАДА. Фонд Кабинет Петра Первого, кн. 73.

Лишь на Камчатке, покоренной и объясаченной в самом конце XVII в., убыль соболей еще не обнаруживалась. «Соболи де и лисицы у них в земле есть много, а в запас не промышляют, потому что они никуда ясаку не плачивали, только что промышляли себе на одежду», доносил о жителях Камчатки В. Атласов (Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в., 1935, стр. 27). Сведения о ясаке, собиравшемся на Камчатке в первой четверти XVIII в., приведены в табл. 37.

Таблица 37

Ясак, собранный на Камчатке

Источник	Год	Ясачные люди, число	Соболи	Лисицы	Каланы	Деньги
Сибирский приказ, кн. 1494	1704	Нет данных	1131	197	30	—
Памятники Сибирской истории, 1885	1713	То же	2559	387	100	40 р. 9¼ к.
То же	1714	»	3092	324	58	—
»	1715	»	2669	992	68	—
Сгибнев, 1869	1724	5138	1344	1671	53	—

Сообщение С. П. Крапенинникова (1949, стр. 256), что «на Камчатке соболей не меньше как по Лене белок», конечно, несколько преувеличено, но оно указывает на то, что и в середине XVIII в. соболи на Камчатке были еще обычны.

К началу XIX в. соболей стало значительно больше, чем в первой половине XVIII в. Это было особенно заметно в северной правобережной прииссейской тайге, где их добывали главным образом по Нижней и Подкаменной Тунгузкам. В 1812—1818 гг. соболей на правобережье Туруханского края добывали от 6 до 9 тыс. в год, причем с одной Нижней Тунгузки эвенки и ханты вывозили на продажу около 4 тыс. собожьих шкур. С 1818 г. соболя опять стало меньше, и в 60-х годах XIX в. их добывалось в среднем 180 штук в год (Третьяков, 1869).

Данные о добыче соболей в первой половине XIX в. приведены в табл. 38.

Таблица 38

*Добыча соболей в якутско-охотской тайге, Прибайкалье и на Камчатке**

Название соболей по месту их добычи	1825 г.	1826 г.	1827 г.	1828 г.	1829 г.	1830 г.	30-е годы	40-е годы и начало 50-х годов
Виллюйские	4000	4000	3500	3000	2500	2000	Нет данных	2800—4000
Олекминские	Нет данных							800—2800
Витимские	То же							1200
Баргузинские	» »						1500—2500	1000—4000
Алданские (и тезетенские)	1200	700	500	200	420	100	Нет данных	2400
Учурские и удельные	11000	9000	7000	6000	3500	3000	То же	6300
Камчатские	Нет данных							4000—5200

* ЦГАДА. Фонд Баснина, д. 101; Курбатов, 1814; Гагемейстер, 1854.

Из других пушных хищников, добывавшихся в восточносибирской тайге, наибольшее значение в промысле имели лисица, горностай и колонок. В 20-х годах XIX в. из Виллюйского округа поступило в продажу от 3,5 до 5 тыс. красных лисид и от 550 до 1000 сиводушек²⁴. В Верхнеудинском

²⁴ ЦГАДА. Фонд Баснина, д. 101.

округе в конце 30-х годов лисиц добывалось от 1200 до 2500 (Курбатов, 1841). Довольно много добывалось колонков. В 30-х годах XIX в. в Туруханском округе их поступило в продажу около 4 тыс.; в те же годы в Енисейском округе колонков добывалось около 10 тыс., а в Верхнеудинском от 12 до 20 тыс. (Пестов, 1833; Курбатов, 1841; Тарасенков, 1930).

Из пушных хищников особенно высоко ценились каланы, но их промышлялось и поступало в продажу немного. В 1761 г. в Верхотурской таможне было предъявлено 180 каланов, причем в основном молодых²⁵. На Камчатке каланов ловили около Авачинской бухты и в Петропавловской гавани (Миллер, 1756).

Из пушных грызунов уже в середине XVIII в. большое значение в промысле приобрела белка. В 1752 г., например, через одну Верхотурскую таможню было провезено в Россию: 695 241 шкурка якутских белок, 39 060 — нерчинских и 14 445 — селенгинских. В следующем году через ту же таможню провезли 823 241 шкурку якутских белок. С 6 марта 1758 г. по 9 сентября 1759 г. в Верхотурской таможне было предъявлено 279,9 тыс. шкурок якутских белок, 79 820 — иркутских, 632 090 — баргузинских и 57 230 — нерчинских²⁶. В бассейне р. Алдана в 1825 г. было собрано 250 тыс. беличьих шкурок, в 1826 и 1827 гг. — по 225 тыс., в 1828 г. — 210 тыс. и в 1829 и 1830 гг. — по 200 тыс. В бассейне р. Вилюя сбор беличьих шкурок в эти годы колебался от 150 тыс. в 1826 г. до 110 тыс. в 1830 г.²⁷ В Туруханском уезде в 1832 г. поступило в продажу около 300 тыс. беличьих шкурок (Тарасенков, 1930). Особенно много белок (около 1 млн.) было добыто в 1830 г. в Енисейском округе (Пестов, 1833).

Вторая половина XIX в. — первое тридцатилетие XX в.

В эти годы продолжалось заселение восточносибирской тайги, но плотность населения еще в конце XIX в. была очень невысокой: в Енисейской губернии 0,25 и в Иркутской 0,64 человека на 1 кв. версту (Чиркин, 1922).

Расширялось и земледелие. По среднему течению р. Вилюя уже в 70-х годах XIX в. зерновых снималось по нескольку десятков тысяч пудов (Павловский, 1873). К концу 80-х годов в Енисейском округе под посевами было занято около 30 тыс. десятин. В Красноярском округе засевали около 85 тыс. десятин (Латкин, 1892). Хотя по сравнению с XVIII в. посевная площадь значительно увеличилась, она все же составляла малую долю от общей территории восточносибирской тайги.

Огромные изменения в природных угодьях Восточной Сибири произошли не вследствие земледелия, а в результате опустошительных лесных пожаров, после которых темнохвойные леса сменялись лиственничными и сосновыми. Особенно сильно пострадали кедровники; их осталось гораздо меньше, чем было в недавнем прошлом (Мальшев, 1957). В Якутии в результате многочисленных лесных пожаров происходило быстрое и широкое наступание ерниковых зарослей, захватывавших гари (Голубев, 1930). Это приводило к тому, что соболь, белка и другие животные, тесно связанные с лесом, покидали места обитания. Еще сильнее сказывался на распространении и численности животных истребительный промысел, производившийся без всякой заботы о восстановлении поголовья. В результате ареал и численность соболя, марала, северного оленя и некоторых других видов все больше сокращались.

В 60-х годах XIX в. добыча соболей в Туруханском крае не превышала 180 штук (Третьяков, 1869), т. е. составляла 0,3% того количества, которое добывалось в 30—40-х годах XVII в. в Мангазейском уезде, границы

²⁵ Там же. Фонд Сибирский приказ, опись 2, д. 123.

²⁶ Там же, дд. 41 и 47.

²⁷ ЦГАДА. Фонд Басина, д. 101.

которого приблизительно совпадали с границами Туруханского края. Приблизительно столько же (167 соболей) было заготовлено в Туруханском крае за осень 1921 г. и зиму 1921/22 г. В конце 20-х годов добыча возросла до 943 штук (Тарасенков, 1930). В Якутской области в 1902 г. было добыто около 1800 соболей, а в 1904 и 1905 гг.— только 200 (вероятно, скавалась война с Японией); по переписи же 1917 г. на территории Якутии добывалось около 3 тыс. соболей (Силантьев, 1914; Бахрушин, 1927). В Забайкалье соболей истребили до такой степени, что 9 июня 1912 г. был издан закон, запрещающий соболинный промысел с 1 февраля 1913 г. по 15 октября 1916 г. (Силантьев, 1914). К 20-м годам настоящего столетия распространение соболя в Восточной Сибири из сплошного стало пятнистым и он исчез из многих мест, которые прежде заселял.

У других пушных зверей, водившихся в восточносибирской тайге, такого сильного сокращения ареала и убыли населения не отмечалось.

В первом тридцатилетии XX в. наиболее важное место в пушном промысле занимала белка. В Якутии, по переписи 1917 г., ее добыто около 1,5 млн. штук (Бахрушин, 1927).

Второе тридцатилетие XX в.

Одним из наиболее важных изменений, происшедших за это время в промысловой фауне Восточной Сибири, было сильное увеличение численности соболя и восстановление его ареала. О том, как много стало соболя, видно по числу добытых зверьков. В Красноярском крае в 1941 г. было добыто 1006, в 1949 г.— 4097 и за охотничий сезон 1961/62 г.— 66 386 соболей. По приблизительным расчетам в 1949 г. в Красноярском крае насчитывалось около 72 тыс. соболей, в охотничий сезон 1959/60 г. уже 225 тыс., а в 1960/61 г.— 265 тыс. (Нумеров и Павлов, 1963). Значительно возросла численность соболя и в других частях Восточной Сибири — в Якутии и Прибайкалье.

Восстановление ареала и численности соболя произошли главным образом в результате того, что в течение нескольких лет охота на них была или полностью прекращена или же очень ограничена. На юге Енисейской Сибири с 1935 по 1940 г. был установлен, например, полный запрет охоты на соболя. Значительный недопромысел его в сибирской тайге отмечался в 30-е годы, когда происходила смена индивидуального крестьянского хозяйства на коллективное, и в годы второй мировой войны. Восстановлению численности и площади распространения соболя способствовало также и расселение его людьми.

Численность некоторых других видов пушных зверей, наоборот, уменьшалась. Колопка, например, в Красноярском крае в начале 60-х годов добывалось около 7—9 тыс. в год, в то время как в 1936 г. было заготовлено 33,5, в 1937 г.— 54,5 и в 1938 г.— 49,2 тыс. (Нумеров и Павлов, 1962).

В 50-х годах в Красноярском крае стало гораздо меньше и белки. В 1937 г. было добыто около 3 700 тыс. белок, в 1940 г.— около 2 500 тыс., в 1945 г.— около 1 850 тыс., а в 1953— всего 55,5 тыс.; в 1957 г. добыча белки превысила 1 млн. штук, но в следующие годы она снизилась опять. В 1958 г. было заготовлено 519 тыс., в 1959 г.— 488 тыс. и в 1960 г. только 328 тыс. белок (там же). Уменьшение численности белки в 50-х годах было связано не только с неурожаем кормов, но и с сокращением числа охотников на нее, так как многие из них предпочитали охотиться за соболем. Известную роль сыграло также истребление белки сободем (Бельяк, 1964).

Довольно успешно прошло в эти годы вселение бобров как в Красноярском крае, так и в Иркутской области. Летом 1961 г. в Красноярском крае насчитывалось около 700—800 бобров (там же).

Значительно больше стало в этом тридцатилетии и некоторых копытных животных. В Якутии, например, косуля в 50-х годах стала настолько

обычна, что на нее разрешили охотиться (Белык, 1953). Наиболее многочисленна косуля в западной части Забайкалья, где местами плотность ее населения доходит до 3,5—3,8 особей на 1 км² (Фетисов, 1953). На юге Якутии нередким стал изюбрь. В ряде мест значительно больше стало и лосей. В лесной Якутии сохатые наиболее обычны в озерных низменностях и наиболее редки в высокогорных районах (Белык, 1953).

ВОСТОЧНОСИБИРСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ И ДАУРСКИЕ СТЕПИ

За неимением достаточно подробных материалов об изменениях промысловой фауны в этих районах в XIV—XVII вв. я ограничиваюсь разбором лишь тех изменений, которые произошли здесь в XVIII—XIX вв.

В то время, когда русские проникли в восточносибирскую лесостепь и в даурские степи, коренное население занималось земледелием только местами. У даурских людей хлебопашество существовало еще до похода Е. Хабарова, т. е. до 1649 г. Жители же Канской лесостепи еще в 30-х годах XVIII в. вместо хлеба употребляли в пищу «сарану белую и желтую»²⁸. Жители Аринской «землицы», находившейся недалеко от г. Красноярска, также ели сарану, но они, кроме того, сеяли яровую рожь (ярицу) и ячмень (Андреев, 1936).

К 70-м годам XVIII в. часть населения Канской лесостепи жила уже «по русскому обыкновению» и имела «изрядное хлебопашество». Другая же часть их была кочевниками, занимавшимися скотоводством и охотой. У качинцев, живших по левобережью р. Енисея и р. Абакана, земледелия также не было; они занимались преимущественно скотоводством (Пестерев, 1793). В Красноярской лесостепи земледелие развивалось более успешно, так что П. С. Паллас (1788), посетив Красноярск, поразился дешевизне «земных продуктов». Все же посевная площадь в Красноярском уезде была в конце XVIII в. очень невелика (табл. 39).

Таблица 39

Посевная площадь (десятины) в Красноярском уезде *

Год	Рожь		Пшеница	Ячмень	Овес	Горох	Конопля	Лен	Всего
	озимая	яровая							
1789	5659	5992	3146	1197	2560	21	271	191	18 947
1790	4632	6670	3330	1214	2529	34	201	171	18 781
1791	5593	7007	3712	1363	2660	80	259	249	20 923
1792	4907	7668	3987	1523	3365	132	270	355	22 207

* ЦГАДА. Фонд 24, д. 61.

Слаборазвитое земледелие не могло сколько-нибудь существенно отразиться на изменении природных угодий; лесов и степей было во много раз больше, чем пашни.

Пушные звери и копытные были многочисленны, и промысел их до конца XVIII в. играл в жизни местного населения важную роль. Абаканская лесостепь еще в 70-х годах XVIII в. не распахивалась и славилась множеством дроф, а раньше на ней паслось немало диких лошадей. В реках Кебеше, Шадате, Ое и Шуше еще в 70-х годах водилось довольно много бобров и выдр. Бобры встречались также по рекам Аскусу, Базе, Сыру

²⁸ Тюркоязычные народы называют сараной растения из рода *Lilium* (главным образом *Lilium martagon* L.).

и Мене. Абакан славился изобилием таймостей, ленок, хариусов, крупных сига. В глубоких местах, особенно у подножий гор Унтак и Изык, бывали осетры и стерляди. Станы осетров и стерлядей были известны на Енисее, выше Саянского острога (Песторев, 1793). Жители Канской лесостепи в 30-х годах XVIII в. добывали лосей, изюбрей, косуль, соболей, лисиц, рысей, росомох, волков и белок. Шкурами этих зверей они платили ясак (Андреев, 1936).

В лесостепном Забайкалье нередко устраивались облавные охоты. Одна из таких облав была организована в окрестностях г. Селенгинска 6 июля 1720 г. В ней участвовало 350 охотников, которые убили 12 больших лосей, 4 оленя (вид не указан), 12 косуль, немало волков и лисиц. Кроме того, были убиты молодые олени и зайцы, но число их неизвестно. В том же году путешественник Бель (1776) видел в селенгинских степях «превеликие стада» сайгаков и отметил, что они вели себя, как овцы: если один из сайгаков бросался в сторону охотников, то туда же устремлялись и остальные. В этих степях водилось много дроф.

В Даурских степях в XVIII в. водились дикие ослы (джигетаи), сайгак, дзерепы и бараны (аргали), тарбаганы и корсаки. Одно из наиболее ранних указаний на пребывание джигетаев в даурских степях принадлежит Гепшину (1937), автору «Описания уральских и сибирских заводов», написанного в 1735 г. Перечисляя зверей, водившихся в Нерчинском и Аргунском округах, он назвал и «диких лошадей». Это название следует отнести не к настоящей дикой лошади, а к джигетаю, так как двумя годами позже, в 1737 г., нерчинский воевода сообщал, что «в Нерчинском ведомстве есть лошади степные, называемые чигятай». Воевода добавил, что «по требованию обретающихся в Иркутской провинции Академии наук профессоров пойманы были две живые. И, за несимением в Иркутской провинции искусных зверовщиков, в пути померли»²⁹. Джигетаев застал и П. С. Паллас. Во время его путешествия они водились в степях около оз. Тарей-Нор (к югу от р. Онона). П. С. Паллас (1778) отметил, что даурские джигетаи отличались от казахстанских куланов. Во втором десятилетии XIX в. в степях между р. Ононом и р. Аргуном джигетаев стало заметно меньше. Косыки по 20—30 кобылиц во главе со взрослым жеребцом встречались очень редко. Попадались преимущественно одиночные, отбившиеся от табуна молодые жеребчочки или кобылицы, забегавшие из Монголии (Двигубский, 1817).

Из других коньковых в Даурских степях очень много водилось дзерепо (Генин, 1937), численность же сайгаков была в XVIII в. невелика (Татищев, 1950).

Там, где в степям примыкают леса, водились изюбри, косули, лоси и кабаны. Лосей и изюбрей ловили в ямы, вырытые на тропах, по которым эти звери ходили к солонцам (Герман, 1801). Среди пушных зверей наибольшее промысловое значение имели соболь, белка и рысь. Нерчинская белка считалась среди сибирских одной из лучших. Очень высоко ценились и нерчинские рыси. Изредка заходили в эти леса и тигры (бабры). В конце XVII — начале XVIII в. несколько тигровых шкур было сдано ясачными людьми Нерчинского уезда. Тигров добывали в той части уезда, которая тяготела к Аргунскому острогу (Кириков, 1960).

В XIX в. земледелие в восточносибирской лесостепи развивалось так успешно, что Минусинский уезд стал к концу этого столетия центром хлебного производства в Сибири, и крестьяне в урожайные годы продавали хлеб по 16 коп. за пуд (Боголепов, 1908). Но урожай бывали не каждый год. Те годы, когда после малоснежных зим наступала весенняя засуха, обычно бывали неурожайными. Сильно вредили хлебу и кобылки. В 1839 г. они съели не только хлеба, но и траву (Щукин, 1856).

²⁹ ЦГАДА. Фонд 248 (Правительственный секрет), д. 1071, д. 758.

Несмотря на успешное развитие хлебопашества, целинных непаханных степей в Минусинском уезде оставалось еще много до самого конца XIX в., и там паслись большие табуны дроф (Яблонский, 1891).

Наряду с земледелием русские крестьяне, а еще больше — коренные жители лесостепи занимались звероловством как в самой лесостепи, так и в окружающей ее тайге. В середине XIX в. в Минусинском округе добывалось около 100 тыс. белок и до 2 тыс. соболей (Щукин, 1856). Кроме пушных зверей, охотились и на копытных. В абаканской лесостепи и окружающей ее пагорной тайге множество лосей, маралов и косуль было убито в многоснежную зиму 1840/41 г. В горах выпал такой глубокий снег, что копытные спустились в долины и почти все были истреблены. Амбары наполнились лосятиной и олениной; которыми кормили даже собак (Зверинные промыслы у народов турского языка..., 1847).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ АРЕАЛОВ И ЧИСЛЕННОСТИ ПРОМЫСЛОВЫХ ЖИВОТНЫХ

В первой части книги были освещены изменения в размещении и среде жизни охотничье-промысловых животных, происходившие в различных крупных частях Европейской территории Советского Союза, Сибири и Казахстана. В этой же части нашего исследования характеризуются главные особенности в распространении и численности животных отдельных видов, совершавшиеся в историческое время в пределах всей рассматриваемой территории.

При анализе исторических изменений ареалов и численности я ограничился лишь теми видами, которые привлекают наибольшее внимание или вследствие их большого промыслового значения или вследствие очень сильного сокращения их численности и площади распространения. От анализа исторических изменений, совершившихся в размещении остальных видов, пришлось отказаться, так как это слишком увеличило бы объем книги.

РЫБЫ

Исторические изменения, происходившие в размещении рыб, обуславливались разными причинами, но главными из них были две: изменения подной среды в реках и озерах и промысел.

Изменения речных и озерных вод, связанные с хозяйственной деятельностью человека, начались с тех пор, как стали распахиваться степи и сводиться леса. Особенно сильно сказалась вырубка лесов по берегам рек: пашни, расположенные на склонах, легко поддавались размыву, и теперь во многих реках, особенно степных, не только весной, но и летом после сильных дождей вода несет много мути и долго не светлеет, что затрудняет дыхание рыб. Кроме того, на некоторых видах рыб пагубно отразился молевой сплав леса. Отмечалось, например, что в результате сплава леса сократилось число сужужих топей на р. Кема. В 1911 г. их было на этой реке 103, а к 1928 г. осталось всего 58 (Новиков, 1938). По утверждению шведского ученого Альма, в местах скопления древесной коры игра лососей заражается бактериями и грибами и погибает (там же). Постройка плотин и гидростанций на крупных реках затруднила, а нередко прекратила подъем проходных рыб вверх по реке к нерестилищам. Много вреда наносят и безрассудно хищнические способы ловли рыбы. Но особенно большой вред причиняет сброс в реки загрязненных и отравленных сточных вод заводов и фабрик. Все это уменьшает запасы рыб и сокращает их ареал.

Сознавая это, люди пытаются устранить эти причины. Сточные воды заводов и фабрик теперь очищаются, хотя не везде и не в тех размерах, в каких это необходимо. Для искусственного расселения рыб устраивают особые хозяйства по разведению мальков. С большим размахом ведутся работы по поселению в водоемы видов рыб, ранее в них не живших. Созда-

ются новые водоемы — пруды и большие водохранилища. Усиливается надзор над рыболовством и борьба с хищническим промыслом рыбы.

Ниже я попытаюсь осветить, как отразилась вся совокупность хозяйственной деятельности человека на распространении и запасах наиболее ценных рыб — осетровых и лососевых.

ОСЕТРОВЫЕ

Белуга (*Huso huso* L.)

Ареал белуги начал сокращаться задолго до постройки плотин на Днестре, Доне, Волге и Урале.

В Днестре распространение белуги изменилось меньше, чем в других крупных реках. В середине прошлого века она поднималась до устья р. Ушицы, а в середине настоящего столетия — до г. Сорок (Kessler, 1856; Ярошенко и др., 1951). Меньше, чем в других реках, изменилась в Днестре и ее численность. В конце 40-х годов XX в. 42% всего улова осетровых рыб составляла белуга (Ярошенко и др., 1951).

По Днепру и его крупным притокам она поднималась далеко вверх. На Десне ее ловили по крайней мере до 70-х годов XIX в. (Сабанеев, 1874в). Поднималась ли белуга по Днепру выше устья р. Сожа, неизвестно, но в Соже ее ловили еще в 70-х годах (Гортынский, 1884). На р. Припяти в конце XVIII в. места ловли белуги были известны между устьями р. Птичь и р. Сяиноводы (около сел Махновичи, Балажевичи, Макаричи, Вышелово, Дорошевичи). Она поднималась и выше, так как в те же годы ее добывали в р. Стыри. Высоко вверх поднималась белуга и по Дону; в конце XVIII в. ее ловили около г. Задонска. Столетием позже она заходила только до устья Северского Донца (Сабанеев, 1874в). В начале XX в. белуга на Дону ловилась очень редко, главным образом в гирле Старый Дон (Бородин, 1901).

Как в самом Каспийском море, так и в крупных реках его бассейна, белуги было больше, чем в Черном море и в реках его бассейна. На Каспии и в низовьях рек, впадающих в это море, в 70-х годах прошлого века добывалось около 79,2 тыс. ц белуги, не считая икры (Сабанеев, 1874в); в 1930 г. здесь же ее было выловлено всего около 32 тыс. ц (Берг, 1948б).

По Волге в конце XVIII в. белуга поднималась до г. Твери (ныне г. Калинин). На р. Шексне, в Цылинском езе, в 80-х годах XVII в. ее ловили с весны до заморозков (АЮБ, 1864). В этой реке белугу ловили и в следующие два столетия. По Оке белуга поднималась в XIX в. до г. Муром (Сабанеев, 1874в), а изредка даже до г. Спасска (Щепотьев, 1875). В Каме ее добывали во многих местах Лаишевского, Чистопольского, Елабужского, Мензелинского, Оханского и Чердынского уездов, она заходила из р. Камы в реки Белую, Вятку, Колву и Вишеру. По р. Белой места ловли белуги были известны от ее низовья до г. Уфы. Ловили ее и в притоке Белой — р. Уфе (Восстане Емельяна Пугачева, 1935). Из более мелких притоков Волги белуга заходила в р. Терешиху¹.

Русский осетр (*Acipenser güldenstädti* Brandt)

Осетры отмечались в большем числе рек, чем белуга, и почти во всех реках, за исключением Днестра, их ловили больше, чем белуги. Самыми большими стадами осетров были днепровское, волжское и уральское. Кроме самого Днестра осетры заходили в его правые притоки — Припять и Рось, а также в левые притоки — Сож, Десну, Сейм, Сулу, Псел и Самару. Осетровое рыболовство в Днестре сильно сократилось в 60-х годах прошло-

¹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Вольский уезд, д. 28.

го века (Кесслер, 1870). В то время осетры еще поднимались вверх до г. Дорогобужа. В 20-х же годах XX в. между г. Смоленском и г. Дорогобужем они попадались как большая редкость (Воронцов, 1930). В притоках Днепра количество осетров начало уменьшаться еще раньше. В середине XVII в. они заходили в р. Самару, а в конце XVIII в. их в этой реке уже не было. На р. Припяти (в ее верховье) в XVI в. отмечались особые осетровые езы; в XVIII в. в этой реке осетров ловили во многих местах, и в 40-х годах весной в один невод поймали около 600 осетров. В начале же XX в. известно было о поимке всего трех осетров (в 1908 и 1913 гг.).

По Дону осетры поднимались до г. Задонска и входили в его притоки — Северский Донец, Хопёр и Сосну. Добыча осетров на Дону резко упала уже в начале XX в. На Волге и в ее бассейне уменьшение осетрового стада стало особенно заметным в настоящем столетии, причем значительно раньше, чем были построены плотины. По мере уменьшения осетрового стада, сокращался и ареал этой рыбы. В начале XX в., например, уже не упоминалось о заходах осетров в р. Терешиху (приток Волги) и р. Большой Инзер (приток Белой), куда они заходили в начале прошлого столетия. Сократилась распространенность осетров и в р. Оке, по которой они поднимались раньше до г. Серпухова. Меньше всего изменилось распространение осетров в р. Урале, но и здесь они перестали заходить в р. Большая Хобда, где их ловили в начале прошлого века.

Севрюга (*Acipenser stellatus* Pall.)

Хотя севрюга была распространена в Днестре, Южном Буге, Днепре, Доне, Волге и Урале, но в значительной части притоков этих рек она и раньше не отмечалась. Нет, например, сведений о ее заходах в Припять, Десну, Псел, Самару, Большой и Малый Инзер, в Большую Хобду, где ловили осетров. Но в некоторых реках севрюги было больше, чем осетра как в XVIII в., так и в 40-х годах настоящего столетия. В 40-х годах XVIII в. в р. Южный Буг севрюги добывалось больше, чем других осетровых рыб (Kzaczynski, 1745). Около 200 лет спустя основная масса севрюги заходила в Южный Буг, а в Днепр входили лишь единичные особи (Берг, 1948б).

Стерлядь (*Acipenser rutbenus* L.)

В реках Европейской части Советского Союза этот вид распространен шире других осетровых рыб и встречается (или встречался в недавнем прошлом) в таких реках, куда другие осетровые не заходили. Таковы, например, р. Грамоклея, приток р. Ингула, реки Клязьма, Яхрома, Сестра, Дубна и Угра (бассейн Оки), Айдар и Оскол (бассейн Северского Донца), Буй и Ай (бассейн Камы), Большой Ик (бассейн Урала). Стерляди было гораздо больше и в некоторых реках или на отдельных их участках, где она встречалась вместе с другими осетровыми рыбами. Таковы, например, р. Сура и участок Оки, между г. Муромом и г. Алексинком. С этого участка Оки с сентября 1686 г. по август 1687 г. в Кормовой Дворец поступило 6091 стерлядь, три осетра, один шип и одна севрюга.

ЛОССЕВЫЕ

Прежде чем перейти к изложению материалов об изменении распространения и запасов лососей, встречающихся в реках Европейской части СССР, следует сделать некоторые предварительные замечания.

Большинство ихтиологов считает, что в водах Европейской части СССР водятся два вида лососей — кумжа (*Salmo trutta* L.) и обыкновенный лосось или семга (*Salmo salar* L.). Лосось и кумжа настолько сходны по

общему виду, раскраске и некоторым другим морфологическим признакам, что в некоторых местах эти виды трудно различать, особенно в тех реках, где кумжа достигает размеров лосося и где они встречаются вместе. Опытные рыбаки, в течение многих лет ловящие рыбу в устье р. Вислы, часто не могут отличить лосося от кумжи, когда оба этих вида входят из моря в реку, приняв серебристую окраску (Zarnecki, 1961).

Балтийские лососи (*Salmo salar* L. и *S. trutta* L.)

В исторических источниках, в которых приводятся сведения о распространении лососей в реках, принадлежащих к бассейну Балтийского моря, лосось и кумжа большей частью упоминаются совместно и называются «лох», «лоховина» или «лосось». Поэтому во многих случаях нельзя выделить сведения, которые относятся только к лосою или только к кумже, и мы объединяем эти два вида, условно назвав их «балтийскими лососями».

Исторические сведения о распространении лососей в Прибалтике и в бассейне среднего и верхнего течения Западной Двины относятся преимущественно к последней четверти XVIII в. и к началу XIX в. В эти годы лососи ловились в р. Гауэе и р. Пернове (Пярну), в реках и озерах Ревельского уезда, в р. Нарове и р. Луге (Лепехин, 1780а), а также в устьях Воронки и Систы². О ловле лососей в Неве сообщалось еще в переписной книге Вотьской пятины (1499—1500 гг.), где было сказано: «А угодей в той волости река Нева, да в реке Неве тоня под Рогом, над деревнею, да пруды прудят на порозе, а ловят в их лохы» (Переписная окладная книга... 1851—1852, стр. 131).

Из рек, впадающих в Ладожское озеро, лососи в конце XVIII в. добывались в Волхове, Сязи, Паше³ и Свири⁴. О ловле их в Онежском озере известно издавна. Так, в переписной книге Толвуйского погоста (1674 г.) сказано, что в нем ловят сетями «красную рыбу — лососи» (АЮБ, 1864, стр. 252). В другом старинном документе, относящемся к истории Олопецкого монастыря, говорится, что в Онежском озере «ловят лососи в осеннюю пору редкими сетями и пеходами» (Барсов, 1870, стр. 63).

В Западную Двину лососи в XVIII и начале XIX в. заходили почти до самого верховья, но особенно много их было в ее нижнем течении. В списке рыб, водившихся в Западной Двине и других реках Рижского наместничества, кроме лосося отмечался «серый лох». Этим именем была названа, вероятно, темная форма кумжи, так как А. Сапунов (1893, стр. 231), описывая западнодвинскую кумжу, отмечал, что цвет ее «темноватый с красными крапинками». (В Западной Двине водились две формы кумжи — темная и серебристая.) В верхнем участке Западной Двины лососей ловили в Полоцком и Суражском уездах Витебской губернии⁵, в Торонецком уезде Псковского наместничества и в Бельском уезде Смоленской губернии⁶. Лососи заходили также в некоторые реки, находившиеся в бассейне верхнего течения Западной Двины. Известно, например, что их ловили в р. Торопе в Торонецком уезде и в реках Меже, Лучесе, Обле, Наче, Еловице, Ресечи и Труфановке в Бельском уезде; в этом же уезде они водились в озерах Глубоком и Долгом⁷.

² ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 827, 19 135 и 18 999.

³ Там же, д. 18 875.

⁴ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Лодейнопольский уезд, д. 24.

⁵ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Полоцкий уезд, д. 19; Суражский уезд, д. 27.

⁶ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 960 и д. 19 040, ч. 1.

⁷ Там же, д. 18 960, 19 040.

Форель (*Salmo trutta morpha fario* L.) в бассейне Балтийского моря

О прошлом распространении форели в бассейне Балтийского моря известно немного. В топографических описаниях Рижского и Ревельского наместничеств (конец XVIII в.) сказано лишь, что форель живет в реках и речках, но в каких именно не отмечено. В описании Петербургской губернии сообщалось, что она водилась в реках Стрелинке, Воронке и Систе⁸. В конце того же века форель отмечалась в реках Печорского уезда Псковского наместничества, в р. Мсте, в р. Шеберихе и ее притоке р. Деренке⁹ (Шебериха впадает в Полу, а Пола в Ловать). В бассейне верхнего течения Западной Двины она известна теперь в верховье р. Обши и в ее притоках.

Североморские лососи (семга и кумжа)

В реках восточной части Европейского Севера (от Чёской губы до Уральских гор) живет только семга. Западнее же встречается и кумжа. «Они похожи на лососей», сказано о ней в «Атласе Архангельской губернии», составленном в 1797 г., «но у лососей красноватое мясо и они крупнее кумжи»¹⁰. По словам П. И. Лепехина (1805, стр. 339), кумжа «отличается от семги мелкостью, тончавостью, пестротой и красноватым блеском».

В некоторых историко-географических источниках отмечались как семга, так и кумжа. «В Туломе, Коле и пр. ловится прекрасная семга и кумжа», — сообщал, например, Н. Озерцовский (1804, стр. 31—32). По-видимому, кумжа называлась иногда «лососем» или «лохом». В «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию Кемского уезда Архангельской губернии, составленных в 1807 г., сказано, что в реках Кемского уезда ловятся семга и лососи¹¹, а в описании «Шигежской округы», составленном в 1797 г., отмечалось, что в реках Шиге, Кулое и Волочинке ловятся семга и лох¹². По чаще в исторических источниках упоминалась одна семга.

В царской грамоте, посланной в 1675 г. и касающейся владений Печенегского монастыря, сказано, например, что монастырские люди «ловят красную рыбу семгу» в р. Туломе, р. Пивке и в Кольской губе. Кроме этих мест на Мурманском берегу ее добывали в XVII в. (1683 г.) в реках Еканге (Поканге), Лумбушке (Лумбовке) и Поное. На Кандалакшском и Терском берегах семга в XVI и XVII вв. ловилась в реках Умбе, Варзуге, Пилице, Пулонге, Бабьей (Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольского, Мезенского и Вайского уездов, 1929). В грамотах 1683 г. среди рек, в которые в то время заходила семга, были также названы Снежца, Песчанка, Дроздова и Танров ручей. Главными местами добычи семги на Карельском берегу в XVI—XVII вв. были реки Кереть, Кемь, Онега, а на Летнем и Зимнем берегах — Северная Двила и Пинега. Кроме того, семга входила и в другие более мелкие реки. Например, известно, что в 80-х годах XVI в. вотчины по р. Солзе продавались с «заборами» для ловли семги (Грамоты Двинского уезда, 1922).

По Северной Двине семга поднималась высоко вверх и входила в реки Сухону и Устюг (Юг), где она ловилась во многих местах. На левобережье Северной Двины семгу ловили в р. Ваге (около деревень Туровской, Литвишовской, Гавриловской, Тушевской, Павловской и др.) и в р. Леди (около Афанасьевского погоста, д. Предтеченской, д. Новоледской

⁸ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 827, 19 135, 18 999.

⁹ Там же, д. 18 960, 18 875, 19 088.

¹⁰ Там же, д. 18 558, ч. 1, стр. 15.

¹¹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Кемский уезд, д. 14, л. 11.

¹² ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 558, ч. 2.

и др.)¹³. На правобережье Северной Двины в конце XVIII в. она водилась в р. Вычегде и ее притоке р. Выме. На Вычегде семужьи ловли были известны у впадения в нее р. Ленки и р. Выма, а на р. Выме — около с. Княж-Погоста, д. Вышертской, с. Турьинского, с. Онежского и д. Конской¹⁴. В Кулое и Мезени и их притоках семгу ловили издавна. На р. Удоре (Вашке), притоке Мезени, лов ее прекратился еще в прошлом столетии.

Исторических сведений о распространении семги в р. Печоре и ее бассейне сохранилось мало. Известно, например, что в 1575 г. в одной только Усть-Цылемской волости насчитывалось 14 тонн и шесть речек, в которых ловили эту рыбу (Максимов, 1890). В переписной книге Пустозерского посада, составленной также в 1575 г., было сказано, что пустозерцы «дают с своих угодий, с рек и с тонн морских и с речных царю и великому князю в казну с улова десятую рыбу семгу, чем кто ни уловит, а в откуп десятая рыба семга с пустозерскою тамгою вместе. А дают они тамги и за десятую рыбу семгу откупу по сту и по тридцати рублев в год»¹⁵.

В уловах семги как прежде, так и теперь наблюдается цикличность. В XVIII в. ее много добывали в реках Архангельской губернии до 1740 г. Затем уловы стали уменьшаться и около 1770 г. сошли на нет, а с 1774 г. начали опять увеличиваться (Лепехин, 1805). Эти сведения подтверждаются и дополняются наказами крестьян, поступавшими в Екатерининскую законодательную комиссию в 60-х годах XVIII в. Например, крестьяне Ковской волости Кольского уезда (Архангельская губерния) в 1767 г. писали, что «семужьих промыслов» не было уже пять лет. В том же году крестьяне с. Керецкого (на р. Керети) жаловались, что «рыбные промыслы умалились» и т. д. (Материалы Екатерининской законодательной комиссии, 1907). За время с 1879 по 1928 г. очень плохим промысел семги был в 1879—1882, 1903, 1921 и 1928 гг., а очень хороший — 1898 и 1924 г. (Берг, 1948б).

Черноморский лосось (*S. trutta labrax* Pall.)

Теперь этот лосось заходит, по-видимому, лишь в реки, текущие с гор Кавказа и Карпат, но в прошлом столетии отмечались заходы его в Днепр, Дон и реки Крымского полуострова.

В середине прошлого столетия сообщалось, что лосося ловили в Полтавской губернии (Арандаренко, 1848). Правильность этих сведений была подтверждена К. Ф. Кесслером (Kessler, 1856), сообщившим, что лосось весом в 6 фунтов был пойман в Днепре около г. Кременчуга. В Днепровско-Бугском лимане и в дельте Днепра черноморских лососей изредка ловили в 1923—1930 гг. (Берг, 1948б). В начале прошлого столетия черноморский лосось (его называли в Крыму «ханской рыбой») регулярно заходил в крымские реки; чаще всего его ловили в Большой и Малой Карасу и Салгире. Лосося, входившие в эти реки, были длиной до 53 см¹⁶. В 50-х годах того же столетия местные жители сообщили К. Ф. Кесслеру, что лосося поднимались в р. Таракташ (около пос. Новый Свет) и в р. Салгир. Рыбаки рассказывали также, что лосося изредка попадались около г. Очакова и мыса Тарханкут и помногу — в Севастопольской бухте, но не каждый год (Кесслер, 1860).

О прошлом распространении черноморского лосося в Дону сведений еще меньше. «*Salmo salar* L. Семга. Дон», — такая предельно короткая

¹³ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Велико-Устюжский уезд, д. 5; Шенкурский уезд, д. 1.

¹⁴ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Яренский уезд, д. 106.

¹⁵ Там же. Фонд 196 (Собрание Мазурина, д. 345, л. 10).

¹⁶ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 062.

справка дапа А. Чернаем (Czerpnay, 1850, стр. 633). Перечисляя рыб, которые не заходили в Дон выше г. Павловска, А. Чернай назвал и лосося (там же). На Кривой Косе (побережье Азовского моря) их ловили и в 20-х годах настоящего столетия (Недошинин, 1926). Сводка о заходах черноморского лосося в реки Кавказа составлена Л. С. Бергом (19486); дополнений к ней у меня нет.

Форель в бассейне Черного моря

Д. А. Павловым (1958), а до него Г. П. Барачем, было высказано мнение о единстве стад черноморского лосося и форели. Молодь этих рыб — потомство, получаемое от размножения как лосося, так и форели. Запасы лосося пополняются молодыми форелями, скатывающимися из перестовых рек (Панов, 1958).

Форель в бассейне Черного моря населяет главным образом реки и ручьи, протекающие по Карпатам и Кавказу.

На левобережье Днестра форель была отмечена в речках и ручьях, протекавших в окрестностях с. Куженова, и в ручьях, впадающих в р. Ушицу (Марчицкий, 1836; Kessler, 1856). В бассейне Днестра форель очень редка. Единственное место, где она достоверно найдена — р. Волма (приток Свишлочи)¹⁷. Отсюда А. В. Федюшин переслал Д. Белингу двух форелей. Местные рыбаки сообщили А. В. Федюшину, что раньше попадались форели весом до 8 кг. Может быть, это были зашедшие сюда черноморские лососи (Белинг, 1924). В бассейне Дона форель не обнаружена.

Каспийский лосось (*S. trutta caspius* Kessler)

«Лосось этот, — писал Л. С. Берг (19486, стр. 244), — очень близок, с одной стороны, к *S. salar*, с другой — к *S. trutta*, представляя смешение признаков, свойственных тому и другому».

Поэтому такой крупный исследователь систематики рыб, как Л. С. Берг, не раз менял свое мнение о том, к какому виду отнести каспийского лосося. В 1934 г. он относил его к *S. trutta*, но в 1948 г. стал считать его подвидом *Salmo salar* (Берг, 1948а). В первом томе четвертого издания «Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран», опубликованном в том же году, каспийский лосось был отнесен Л. С. Бергом (19486) опять к виду *Salmo trutta*.

Каспийский лосось сохранился теперь в нашей стране, по всей вероятности, только в реках, текущих с гор Кавказа, но еще в XVII—XVIII вв. и в начале XIX в. он был распространен гораздо шире. Наиболее полные и интересные сведения о волжском стаде каспийского лосося содержатся в архивных источниках. Этот лосось подымался по Волге очень высоко. В середине XVII в. он изредка ловился у с. Рыбного (впоследствии оно было переименовано в г. Рыбинск). А. Н. Державину (1939) удалось отыскать в перенесенных книгах и в записях Кормового Дворца сведения, откуда и сколько каспийских лососей присылали к царскому двору в 80-х годах XVII в. Большая часть присланных лососей добывалась в бассейне Камы. Так, в 1686/87 г. (с 1 сентября 1686 г. по 31 августа 1687 г.) 945 лососей было поймано в Каме и ее притоке Вятке, 100 лососей — в Волге около г. Симбирска и 18 лососей — в Оке и ее притоке Ушне. Большая часть рыб, доставленных из бассейна Камы, была поймана в самой Каме (в «Еланичинековой водоворот», в лашевском, елабужском, в нижне- и перхнесаранульских и в осинских езах и некоторых других местах). Лососи в то время заходили в р. Вятку, откуда (с мамадышского еза) было прислано 30 лососей. По мнению А. Н. Державина (1939), лососи, входив-

¹⁷ Сообщение И. Домрачева (1913), что форели отмечены в реках в окрестностях г. Смоленска, было поставлено под сомнение Е. М. Воронцовым (1930).

пные в Оку, перестылись в р. Ушне и некоторых других родниковых речках, расположенных выше по Оке. В бассейне Камы они перестылись в р. Белой, Уфе, Симе, Чусовой и некоторых других быстрых реках, текущих с Уральских гор (там же). Довольно много лососей ловили в бассейне Камы и в 60—70-х годах XVIII в. Больше всего их добывалось в р. Уфе, меньше — в реках Белой, Каме и Ике (Рычков, 1762; Лепехин, 1772).

Наиболее подробные сведения о распространении лосося в бассейне Волги приводятся в «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию, проходившему в Поволжье, Приуралье и на Урале в последнем десятилетии XVIII в. и в первых трех десятилетиях XIX в.¹⁸ Дополнительные сведения содержатся в составлявшихся в конце XVIII в. топографических описаниях наместничеств и губерний. В конце XVIII и первой трети XIX в. лососи попадались рыбакам в Вольском уезде (около сел Рыбное, Белгородня, Ключи и д. Алексеевки), в Сызранском (около сел Пензино, Софьино, Урусово) и в Самарском (около г. Самары); в Симбирском уезде они ловились в окрестностях многих сел и деревень, расположенных по Волге¹⁹.

О том, где в эти годы встречались лососи в р. Волге выше Симбирского уезда, сведений в архивных источниках не найдено, но о распространении лососей в некоторых из ее притоков и в их бассейнах приводятся довольно подробные данные. Из правых притоков Волги лосось изредка добывался в р. Суре²⁰. В бассейне р. Камы, рек, в которые заходили лососи, было гораздо больше. Они отмечались в р. Шешме и ее притоке Денгизе, в реках Степном и Лесном Зае, в Ике и его притоках — Усене, Кидаше, Дымке (и в двух притоках Дымки — Шайтанке и Бобровке). Все эти реки текут с Бугульминско-Белебеевской возвышенности. По р. Белой лососи поднимались далеко вверх и были отмечены в Тамьян-Катайской и Тайгаурской волостях Верхнеуральского уезда (здесь в настоящее время расположились с. Кага и с. Узия). Из Белой лососи входили в ее притоки. На ее левобережье они попадались в р. Сюне и р. Деме²¹, берущих начало с Бугульминско-Белебеевской возвышенности. В р. Деме лососи были отмечены около деревень Казангуловой, Шарыповой, Давлекановой, Курмекеевой, Дюртелей, Альшеевой, Чураевой, Никифаровой, Мияки-Тамаковой и Урсасовой. На правобережье Белой они входили в реки Большой Нугуш, Уфу и Сим. В Большом Нугуше лососи во время генерального межевания Стерлитамакского уезда (Оренбургская губерния), проходившего в 1788—1815 гг., водились в нижнем течении этой реки около деревень Шарыповой, Абишевой, Верхней Ташевой и Сергеевой²². Наиболее раннее письменное сообщение о лососях в р. Уфе относится, по-видимому, к 1761 г. В ответах на вопросы шляхетского кадетского корпуса, присланных в 1761 г. из Оренбурга, сообщалось, что по р. Белой и р. Уфе ловятся «тако ж лососи или красная» (Восстание Емельяна Пугачева, 1935). По наблюдениям И. И. Лепехина (1772), в р. Уфу лососей входило больше, чем в р. Белую. В пределах Бирского уезда в р. Уфе их ловили и в начале прошлого столетия²³.

¹⁸ Эти источники не были известны ихтиологам, и поэтому В. Д. Лебедев (1960, стр. 367) указывает, что о распространении каспийского лосося (в Европейской части Советского Союза) в XIX в. сведений нет.

¹⁹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Вольский уезд, д. 28, 29; Сызранский уезд, д. 24; Самарский уезд, д. 14; Симбирский уезд, д. 19.

²⁰ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 912.

²¹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Бугульминский уезд, д. 7; Белебеевский уезд, д. 4, 5; Верхнеуральский уезд, д. 10; Белебеевский уезд, д. 5, л. 76, 77, 83.

²² ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Стерлитамакский уезд, д. 11, л. 55, 56.

²³ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 323 (Статистическое топографическое описание Бирского уезда).

В некоторых других архивных источниках упоминается «красная рыба». Под ней подразумевался, по-видимому, не только лосось, как сказано в ответах на вопросы Шляхетского корпуса, но и таймень. Это предположение возникает потому, что в списки рыб, населявших реки Уфу, Сим, Большой и Малый Инзер, включена красная рыба, но не упомянут таймень, водившийся в этих реках теперь. В пределах Бирского уезда, в р. Уфе «красная рыба» ловилась в те годы около деревень Урюш, Чапашева, Круш и некоторых других. Кроме того «красная рыба» отмечена в р. Симе и ее притоке Большом Инзере и в р. Буй²⁴.

Уже к 30-м годам XX в. в распространении и запасах волжского лосося произошли огромные изменения. К этому времени лосось перестал заходить в Оку и ее притоки. Нет сведений и о том, чтобы он заходил в реки, текущие с Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Очень редко попадается лосось и в реках, текущих с Уральских гор. Известно, что в 1930 г. один лосось был пойман в р. Белой (около г. Уфы) и второй — в р. Уфе (в 140 км от устья). Всего же в эти годы в р. Уфе и р. Белой ловили по нескольку десятков лососей (Подлесный, 1941). Каспийскими лососями были, вероятно, и те «пеструшки», о которых нам сообщили М. С. Юрин и Ф. Л. Сальников — местные рыбаки, безусловно заслуживающие полного доверия. По сообщению М. С. Юрина, продолжительное время жившего на р. Белой, незадолго до Первой мировой войны на этой реке, недалеко от места впадения в нее Камы, были пойманы две пеструшки весом 5 и 6 кг. Ф. Л. Сальников рассказывал, что в 1921 г. в устье р. Апшака (приток р. Белой) у мельницы была поймана «пеструшка» весом 6 кг. Мясо ее было красноватым.

Каспийский лосось заходил раньше и в р. Урал, но очень редко. «В Янке весьма редко попадаются», — писал о нем П. Рычков (1762, стр. 308). В верхнем течении р. Урала лосось был отмечен также в конце XVIII в. и первом десятилетии прошлого столетия. Описывая уголья хуторов Слатина, Спасского и Половинного, составитель «Экономических примечаний» к генеральному межеванию Верхнеуральского уезда (Оренбургская губерния) отметил, что в р. Урал ловятся «лох», хариусы, лещи, щука, окуни, язи и налимы²⁵. В 1839 г. один лосось был пойман под г. Уральском (Бородин, 1894). Заходит ли теперь каспийский лосось в р. Урал, неизвестно.

Форель в бассейне Волги и Урала

В недавнем прошлом каспийский лосось и форель, вероятно, образовали одно стадо, аналогично тому, что известно о черноморском лососе и форели. В связи с этим важно выяснить не только то, где форель сохранилась, но и в каких реках она водилась в прошлом.

В бассейне Волги форель встречается во многих местах и в настоящее время; еще больше ее было в XVIII—XIX вв. Но размещена она в бассейне Волги неравномерно. В бассейне Оки форель была редка уже в 70-х годах XVIII в. В эти годы она ловилась в р. Нерехе, притоке р. Клязьмы (Паллас, 1773). В бассейне р. Суры ее было больше, и П. С. Паллас отметил, что ее ловили в правобережных притоках. В 70-х годах XIX в. она отмечалась в Пензенской губернии в р. Айве и р. Виплянге (Кесслер, 1870). Кое-где она сохранилась и теперь. В 1959 г. местные жители сообщили мне, что форель держится в р. Шарлавке, притоке р. Карсунки. В истоках Карсунки — в ручье Высоком — форель была отмечена в 1926 г. Тогда же она водилась в р. Юловке и впадающем в нее ручье Каньша. Эти речки и ручьи питаются родниками; вода в них прозрачная, а ее темпе-

²⁴ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Бирский уезд, д. 1; л. 234—235, 255; Уфимский уезд, д. 14, л. 291; Бирский уезд, д. 1, л. 226.

²⁵ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Верхнеуральский уезд, д. 10, л. 9 (уголья этих хуторов находились выше г. Верхнеуральска).

ратура летом достигает примерно 6,5—7° (Н-ог, 1926). Форель жила и в некоторых реках на Приволжской возвышенности. В начале XX в. она водилась, например, в р. Сенгилейке и в р. Тумше (Баженов, 1909), а в 70-х годах XIX в. — в р. Хмелевке (Кесслер, 1870). Но больше всего форели было в речках и ручьях, текущих по Бугульминско-Белебеевской возвышенности и по Уральским горам и предгорьям.

Наиболее подробные сведения о том, какие реки населяла форель в конце XVIII и первых двух десятилетиях XIX в., приводятся в «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию Бугульминского, Белебеевского и Бугурусланского уездов Оренбургской губернии. В те годы она водилась в р. Большой Сок и его притоках — Сок-Камышле, Сок-Кармале, Соковке, Байтугане, Камышле, Усуде, Боровке, Сургуте (и в притоках Сургута — в Чесноковке и Елховке). В бассейне верхнего течения р. Черемшана форель водилась в реках Зеленом Ключе, в Черпом Ключе, Усакле, Четырке, Туарме, Серезкиной, Чегодайке, Яурке, Большой и Малой Сульче и в Чесноковке. Она заселяла также верховья р. Шешмы и р. Лесная Шешма и их притоки — Урдалу, Боровку, Денгиз, Сугушлу, Шугуровку, Каратайку, Кармалку, Кирлигач, Багряш и верховье Кичуя.

В бассейнах Степного и Лесного Зая, кроме верховьев самих этих рек, были известны следующие форелевые речки: Бугульма, Письмянка, Павловка, Ерыкла, Альметка, Урсала, Ямаш. Много форелевых речек было в бассейне Ика. На левобережье Ика форель водилась в реках Кандызе, Усуле (приток Узлы, впадающий в Кандыз), Тумберле, Бавлы, Дымке и ее притоках (Акбаше, Шайтанке, Бобровке), в Суле и ее притоках (Березовке и Липовке), Ютазе и ее притоке Большом Урусе, в Бай-реке, Стерле, Учалы, Агыре, Большом и Малом Сухояше, Чалпы, Шугане, Милле. На правобережье Ика форель отмечалась в реках Тарказе, Ташле, Азанае, Карамале, в притоках р. Ря (впадающей в Ик) — Купченее и Крым-Нарате, в Большой и Малой Сулле, в верховье р. Кидаш и его притоке р. Улькае, в Усене и его притоках Большой и Малой Суюшке, Чукады, Такаевой, Киндыке, Большом и Малом Нугуше и в Чекане. Несколько форелевых речек было и в бассейне р. Сюни — Юмады, Чалмала, Сарсакан, Зириклы, Ташла, Чукай, Утазы, Камышлы, Сакат, Идяш и его приток (Юлдузка), Маты. В бассейне р. Демы форель встречалась реже, чем в бассейне р. Ик. В примечаниях к генеральному межеванию она отмечена в реках Уязы, Бишбуляке, Бузлуке (притоке Мелеузы), Мелеузе, Киргиз-Мияке и Курсаке. В бассейнах рек Базы, Куваша и Чермасана форель водилась в очень немногих местах. О нахождении форели в р. Базе упоминается в «Статистическом топографическом описании Бирского уезда»²⁶. В бассейне р. Чермасана она отмечена в ее верховье и в притоке Каргале, а в бассейне р. Куваш — в его верховье и в р. Тургазы-Карге. В бассейне р. Большая Кинель форель встречалась в верхнем течении р. Бугуруслана, но в Савруше и ее притоку — Каменному Ключу. В самой Большой Кинели и в р. Мочегае форель была отмечена лишь в угодьях, принадлежавших с. Мордовскому Бугуруслану и деревням Старовой (Клатмапке), Пронькиной, Баину Ключу, Заглядкиной и Белому Озеру²⁷.

На низких равнинах, примыкающих к Бугульминско-Белебеевской возвышенности, форель встречалась гораздо реже. Во время генерального межевания Бирского уезда она отмечалась в реках Амзе, Блеваше, Урыме, Писминкуле и Макаши. В середине прошлого столетия форели в реках на Бугульминско-Белебеевской возвышенности было еще много, но и тогда уже замечали, что его количество уменьшилось (Аксаков, 1886). Теперь

²⁶ Центральный государственный военно-исторический архив. Фонд 414, д. 323, л. 23.

²⁷ Перечислены только те реки, которые найдены на 10-верстной карте.

же форель водится здесь в очень немногих местах. А. И. Букирев (1956), ссылаясь на А. В. Лукина, назвал р. Манишли (приток Зеи) и р. Берсутку (приток р. Шенмы), где форель живет и теперь. Мне довелось в 1955 и 1957 гг. удить форель в р. Иленке и в ручьях Тюрикае и Холодном (бассейн Усеи). Кроме того, форель отмечена в р. Шумбут, приблизительно против г. Чистополя (Попов, 1957).

К востоку от Бугульминско-Белебеевской возвышенности — в горах и предгорьях Южного Урала — форель населяет многие речки и ключи. Но о ее распространении в начале XIX в. сведений немного. Объясняется это тем, что примечания к генеральному межеванию тех уездов, которые располагались на Южном Урале (Оренбургского, Верхнеуральского, Уфимского и Троицкого), менее подробны, чем примечания к генеральному межеванию Бугульминского и Белебеевского уездов. Составители примечаний, относящихся к Верхнеуральскому уезду, отметили, например, что в Тамьянской и Тангаурской волостях площадью 496 517 десятин протекали Белая, Сухой Узян, Кага, Авзян, Кардыш, Южный Узян, Суваняк, Кука, Нугуш и ряд других речек и ручьев, принадлежащих к бассейну Белой, а также Большой и Малый Кызыл, Ниязы, Сақмара (верхний участок течения) и некоторые другие реки бассейна р. Урала. В примечаниях сказано, что здесь ловятся «лохи», хариусы, «пеструшки»²⁸, но в каких именно реках — не отмечено. Точных же мест, где жила и ловилась форель, указано немного. В Верхнеуральском уезде она встречалась в р. Урале (около г. Верхнеуральска), в р. Большой Кызыл (в угодьях, принадлежавших Магнитной и Кызыльской крепостям), в реках Белой, Большом и Малом Низере. В Оренбургском уезде форель ловили в речках Тугустемире, Юшатырке, Турпе, Бараңгуловой²⁹.

О современном распространении форели в реках Южного Урала сведений больше. В бассейне верхнего течения Белой известны следующие реки и ручьи, где ловят форель: Белая, Аппак и впадающие в нее ручьи Асу и Кайица, ручьи Аюды, Майганты, Яувгази, р. Ала-Куян, р. Иргизла и ее притоки (Ассияк, Куркраук и Кайлы), р. Батрап (Суюшевская речка) и ее приток Достярка (Нарамонов, 1963 и наши наблюдения). Кроме того, форель сохранилась в бассейне верхнего течения Сима — по речкам Мудуюлу, Казамашу, Миньяру и его притокам (Нижней и Верхней Минке) и в ручье Гремячем (личное сообщение Н. Д. Григорьева). В бассейне р. Урала форель ловят в р. Большой Кызыл и его притоках Малом Кызыле и р. Ниязы, р. Казмане (и на притоках Казманша — Вагры, Карасу и Кулганке), в р. Кирдасе. Кроме того, форель водится в бассейне р. Большой Ик, где известны следующие форелевые речки и ручьи: Уварка, Юлдыбаева, Арба-Елга, Кисюкия, Сюрень и его приток Емашла, Ускалык и его приток Акберда. Несомненно, что это только часть тех рек, где водится форель.

К северу от Южного Урала форель встречалась редко. В прошлом столетии она водилась в Сыре, Тые и Толве (Попов, 1804). Но в 50-х годах XX в. форели там уже не осталось и она была обнаружена лишь в верховьях р. Ирещ — притоке р. Сылвы (Букирев, 1956).

Изменения, произошедшие в распространении каспийского лосося в бассейнах Волги и Урала, показаны на схематической карте (рис. 3). На эту же карту нанесены речки Бугульминско-Белебеевской возвышенности, в которых водилась форель в начале XIX в., и речки на Южном Урале, где она водится и теперь.

В чем же причина исчезновения волжского стада каспийского лосося и сильного уменьшения запасов форели в бассейнах Волги и Урала?

²⁸ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Верхнеуральский уезд, д. 10, л. 28.

²⁹ Там же. Верхнеуральский уезд, д. 10, л. 6, 13, 95; Оренбургский уезд, д. 13, л. 222.

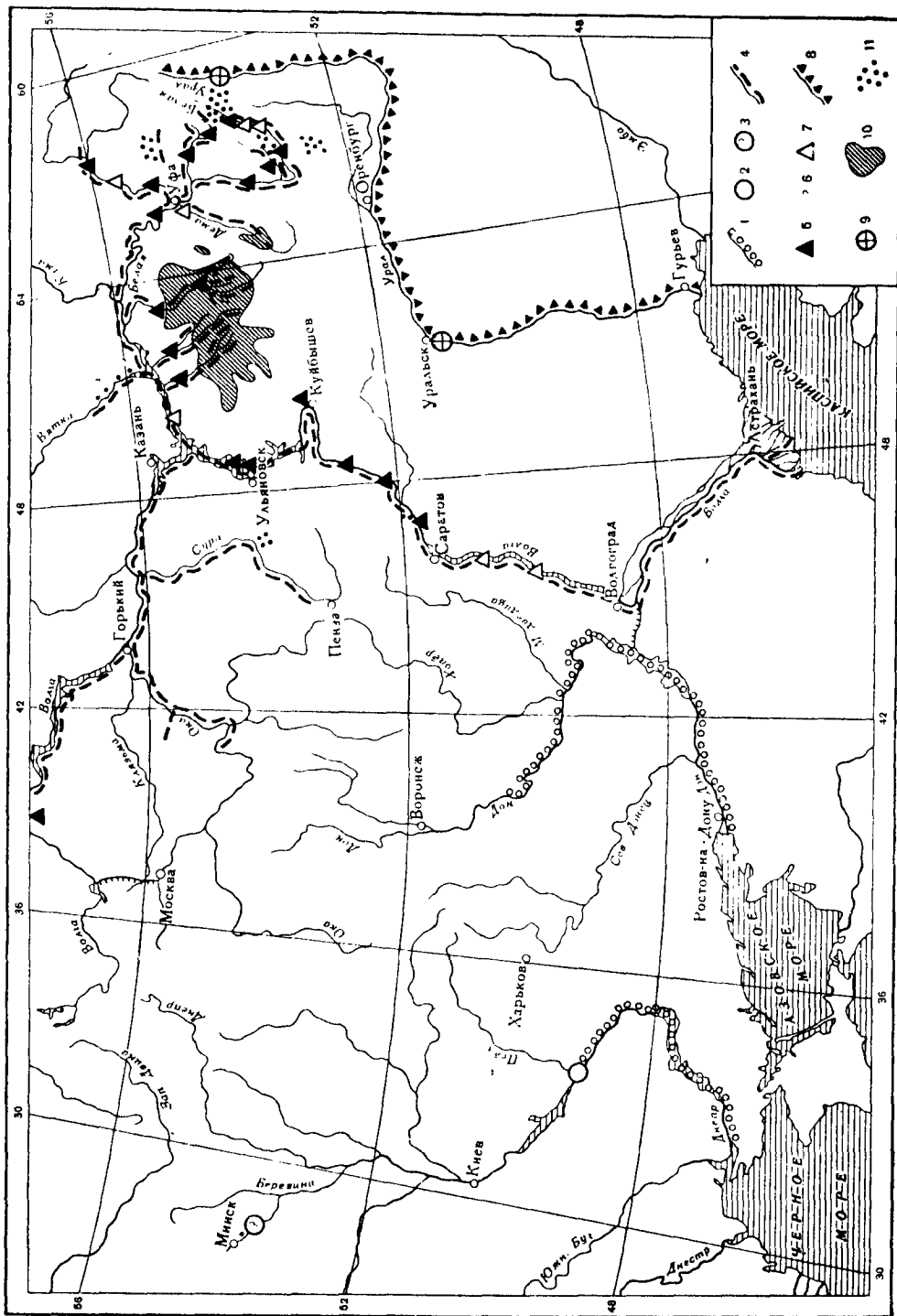
Исчезновение каспийского лосося произошло, по мнению А. Н. Державина (1941), главным образом вследствие того, что его пути в нерестовые речки были преграждены мельничными плотинами, а также в результате вырубки защитных приречных лесов и распашки земель в верховьях родниковых нерестилиц. Эти причины несомненно играли роль в исчезновении волжского стада каспийского лосося, но кроме них были и другие. Мельничных плотин на Белой, Уфе и на некоторых других южноуральских реках, куда входил лосось, не было, а земли, прилегавшие к нерестилицам, на Южном Урале не распахивались, тем не менее он исчез. По всей вероятности, главную роль в резком сокращении, а затем и в полном исчезновении каспийского лосося в бассейне Камы сыграли молевый сплав леса, загрязнение и отравление воды в Волге, Каме, Белой и Уфе и в других более мелких реках, где были его нерестилища. Особенно сильно стали загрязняться и отравляться воды, начиная с 30-х годов настоящего столетия, когда возникло много новых заводов и фабрик и начали действовать нефтяные промыслы. На реках Бугульминско-Белебеевской возвышенности главными причинами сокращения нерестилиц и уменьшения запасов лосося вначале были те, какие указал А. Н. Державин, т. е. перегораживание речек мельничными плотинами, вырубка лесов и распашка земель вокруг родниковых речек. Но потом к этим причинам прибавились загрязнение и отравление вод.

Форель не исчезла совсем, как лосось, но ее осталось гораздо меньше особенно на Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Еще в середине прошлого века она водилась там в изобилии. Речки и ручьи были тогда «студены, как лед, и прозрачны, как горный хрусталь» (Аксаков, 1886, стр. 122). Резкое уменьшение запасов форели и сокращение ее ареала в реках на Бугульминско-Белебеевской возвышенности также были вызваны вырубкой лесов и распашкой земель, находившихся рядом с форелевыми речками и ручьями, что привело к их обмелению и загрязнению. К этому добавлялась хищническая ловля форели во время нереста. Но во много раз сильнее сказалось загрязнение и отравление вод нефтью и неочищенными сточными водами промышленных предприятий. В местах добычи нефти на многих реках и ручьях гибла не только форель и другая рыба, но и водонезависающая птица, а также пропадали пойменные дуга (Капкаев, 1960).

На самом Урале, в бассейнах Белой, Большого Ика и Большого Кызыла распространение и запасы форели сократились меньше, чем в реках на Бугульминско-Белебеевской возвышенности, но и здесь ее стало гораздо меньше, чем в 30-х годах настоящего столетия. Форелевые речки в этих бассейнах не отравляются сточными водами, и главная причина уменьшения запасов форели заключается в хищнической ловле во время нереста, а в некоторых местах — в истреблении ее и другой рыбы взрывчаткой. (Последнее часто практиковалось в 50-х годах на Малом и Большом Кызыле браконьерами, наезжавшими из г. Магнитогорска).

Можно ли что-нибудь сделать для восстановления запасов каспийского лосося и форели в бассейнах Волги и Урала?

В 1941 г., когда на Волге не было еще ни Куйбышевской, ни Волгоградской плотин и не было плотин на Каме, А. Н. Державин (1941) предлагал перебросить на Уфимский рыбоводный завод до 1 млн. икринок кейрапчайского или яламинского лососей и выпустить мальков в южно-среднеуральские форелевые и форелево-хариусовые речки и ручьи. Это предложение основывалось на том, что площадь уральских речек и ручьев достаточна для настища лососевой молодежи. К этому можно добавить, что для этой цели тогда еще были пригодны и многие речки и ключи Бугульминско-Белебеевской возвышенности. С тех пор положение ухудшилось не только из-за постройки плотин на Волге и Каме, но и из-за загрязнения ряда рек нефтью и сточными промышленными водами. И все

же опыт по вселению мальков каспийского лосося следовало бы произвести, выпустив их не только в бассейнах р. Белой и р. Уфы, но и в бассейне р. Большой Ик. С тех пор как молевой сплав по Большому и Малому Ику почти прекращен, условия для существования лососевой молодежи стали здесь более благоприятны. Одновременно следует запретить на несколько лет добычу форели в речках и ручьях, текущих с Уральских гор и с Бугульминско-Белебеевской возвышенности, или, по крайней мере, добиться того, чтобы была прекращена хищническая добыча форели во время нереста и все способы ее ловли, кроме ужения, не говоря уже об истреблении ее взрывчаткой и отравой. Кроме того, необходимо незамедлительно приступить к созданию форелевого прудового хозяйства на Южном Урале. Условия для этого здесь во много раз благоприятнее, чем в знаменитых когда-то гатчинских форелевых хозяйствах. Особенно подходящи для создания первоочередных форелевых прудовых хозяйств р. Казмаш (приток р. Большого Кызыла) и р. Апшак (приток Белой).

Недавно один из чехословацких ихтиологов установил, что с тех пор, как на реке, где жили форели, было создано водохранилище, рыбы стали значительно крупнее (Balon, 1959). Если бы вода в Куйбышевском водохранилище и во впадающих в него реках, стекающих с Бугульминско-Белебеевской возвышенности, была очищена от ядовитых веществ и грязи, в него следовало бы вселить мальков форели. Уходя на нерест в реки и возвращаясь в водохранилище, форели, вероятно, достигали бы там не менее крупных размеров, чем озерные кумжи или форели из чехословацких водохранилищ. Это предположение основывается на следующих наблюдениях. В последние годы стали известны случаи ловли форели в некоторых крупных реках бассейна Волги. В октябре 1953 г. в Волге, против с. Рыбного (Волжский район), где в начале прошлого века ловили лососей, в плавную сеть попалась форель весом 560 г. Было высказано мнение, что она зашла в Волгу из р. Елшанки (Козлов, 1953). В Волгу форель заходит крайне редко, но мне известно, что в 1940—1948 гг. в верхнем участке течения Белой, между д. Миндягуловой и д. Субхангуловой, ее нередко ловили ранней весной палочками. (Была ли это форель, постоянно живущая в Белой, или же она скатывается в эту реку из ее притоков после нереста и живет в ней до весны, а затем снова входит в притоки, еще не выяснено — это должны показать дальнейшие исследования.) Известно также, что вес севанской форели, переселенной в оз. Иссык-Куль, в 5—7 раз больше веса форели, живущей в оз. Севан.

Паряду с охраной и восстановлением форели в тех местах, где она недавно водилась, следует также продолжить опыты, начатые еще в прошлом столетии, по вселению форели в такие водоемы, где ее раньше не было, но где условия жизни для нее благоприятны. В 1875 г. в имении «Отрада» (Сернуховской уезд), привезенные с Валдая мальки форели были выпущены в пруды, наполнявшиеся очень холодной и чистой водой из родников. Этот опыт оказался успешным; спустя некоторое время часть

Рис. 3. Распространение лосося и форели

1 — путь, по которому черноморский лосось (*S. trutta labrax* Pall.) подымался по Днепру и Дону в XIX в.; 2 — места добычи единичных черноморских лососей в Днепре в XIX в.; 3 — то же, но обычно крупных форелей, о которых высказывалось предположение, что это были черноморские лососи; 4 — пути каспийского лосося (*S. trutta caspius* Kessler) и местам нереста в бассейне Волги в XVII—XVIII и в первой трети XIX в.; 5 — места регулярного лова каспийского лосося в бассейне Волги в первой трети XIX в.; 6 — предполагаемое место добычи единичных каспийских лососей в бассейне Вятки в начале XX в.; 7 — места добычи единичных каспийских лососей в бассейне Волги в первой трети XX в.; 8 — путь, по которому каспийские лососи изредка подымались по р. Уралу во второй половине XVIII в. и в первой половине XIX в.; 9 — места добычи единичных каспийских лососей в р. Урале в XIX в.; 10 — местности, где в первой половине XIX в. было отмечено множество форелевых речек и ручьев; 11 — реки и речки в бассейнах Днепра, Волги и Урала, где форель добывалась во второй четверти XX в.

форели скатилась из прудов в р. Лопасню. Там ее ловили бреднями, мордами и на удочку (Петров, 1887). Форель изредка попадалась в Лопасне еще в 50-х годах настоящего столетия. (В августе 1952 г. была поймана на удочку в устье ручья Опоченки одна форель весом 200 г.) Один из местных рыбаков-любителей сообщил нам, что форель каждый год ловилась на удочку в этой реке в двух местах — в устье указанного ручья и в районе с. Хатушь, около урочища Камень; в обоих местах выходит родники. В ручей Опоченку форель шла на нерест. Теперь он отравлен сточными водами, и форель в последние годы в Лопасне не попадалась.

БЕЛОРЫБИЦА (*Stenodus leucichthys* G \ddot{u} ldenst \ddot{a} dt)

В Европейской части СССР очень мало рыб, распространение и запасы которых изменились бы так сильно, как белорыбицы. Эти изменения произошли в течение трех последних столетий. Белорыбица входила из Каспийского моря в Волгу, Урал и Терек. В Терек входили единичные особи (Берг, 19486), так же как и в р. Урал, по которому она поднималась несколько выше г. Оренбурга. В 1948 г. десять белорыбиц, например, было поймано в 8 км выше этого города (Райский, 1951). Сведений о том, перестанет ли она в р. Урале, нет.

В бассейне Волги белорыбицы было много, и распространена здесь она была очень широко. В конце XVIII в. и первой трети прошлого столетия в среднем течении Волги ее ловили в Вольском, Хвалышском, Сызранском, Самарском, Сенгилевском, Симбирском, Тетюшском, Чебоксарском уездах³⁰. По Волге белорыбица поднималась до верховья; в конце XVIII в. ее ловили в реках Тверского и Ржевского уездов³¹. В конце XVIII в. и первой четверти прошлого столетия белорыбица входила из Волги в р. Терешуху³² (Вольский уезд), р. Самарку и ее приток (р. Большую Кинель)³³, в реки Каму, Оку, Суру, Мологу и Шексню. В Мологе белорыбица водилась в Веселогонском уезде (Тверская губерния) и в Новгородском наместничестве³⁴, а в Шексне — в Новгородском наместничестве. По Шексне она поднималась до Белоозера.

В р. Суру белорыбица заходила очень редко. Единичные случаи ее ловли в этой реке отмечались в 1925 и 1926 гг. (Магницкий, 1928). В Оке и ее притоках белорыбицы было много. В 1686/87 г. (с 1 сентября по 31 августа) в московские садки Кормового двorca было доставлено 100 живых белорыбиц из с. Белый Омут, 209 — из с. Дединово, 77 — из с. Ловец, 12 — из с. Любучь, 5 — из г. Каширы и 24 — из г. Алексина³⁵. Большинство этих рыб было длиной примерно по 71 см; лишь 29 белорыбиц (из 427) были длиной по 67 см и две — по 80 см.

По Оке белорыбица поднималась далеко вверх и в конце XVIII в. ее ловили в Лухвицском уезде Калужской губернии³⁶. Из крупных притоков Оки она входила в Мокшу, Москву, Клязьму, Жиздру. В Мокше, Москве и Жиздре белорыбицы было мало. В Мокше ее ловили около с. Азеева³⁷, в р. Москве — в Коломенском уезде, в Жиздре — иногда в Козельском уезде, но редко³⁸. По р. Клязьме еще в конце XVIII в. изоби-

³⁰ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Вольский уезд, д. 27; Хвалынский уезд, д. 114; Сызранский уезд, д. 24; Самарский уезд, д. 14; Сенгилевский уезд, д. 17; Симбирский уезд, д. 19; Тетюшский уезд, д. 36; Чебоксарский уезд, д. 47.

³¹ ЦГВИА. Фонд ВУА, л. 51, 86 (Топографическое, историческое и камеральное описание городов и уездов Тверской губернии).

³² ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Вольский уезд, д. 29.

³³ ЦГВИА. Фонд 414, д. 333, л. Ва.

³⁴ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 088, л. 13 об и д. 18 875, л. 7а.

³⁵ ЦГАДА. Фонд Приказ Большого Дворца. Приходная книга Кормового Дворца 1795 года; л. 191, 193, 202, 210, 219, 225.

³⁶ ОРБЛ. Фонд Муз., д. 132 (Географическое и статистическое описание Москвы, ее уездов, Калуги, Каширы и т. д.), л. 108.

³⁷ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 19 079, ч. 2, л. 76.

³⁸ ОРБЛ. Фонд Муз., д. 132, л. 38 и д. 132, л. 108.

ловала белорыбницей; «нарочитое множество стерлядей и белорыбцы», сказано об этой реке в «Топографическом описании Володимирской губернии». Ее ловили здесь в двух уездах — Суздальском и Гороховецком³⁹.

Самое большое стадо белорыбницы было все же не в бассейне Оки, а в бассейне Камы. В примечаниях к генеральному межеванию ловля белорыбцы в Каме отмечена в Чистопольском, Мензелинском, Бирском, Оханском, Пермском, Соликамском и Чердынском уездах. Несомненно, что ее ловили и в других уездах, по которым протекала эта река. В конце XVIII и первой четверти XIX в. было известно, что белорыбница входила в крупные притоки Камы — Белую, Чусовую, Вишеру и Колву, а затем расходилась по их притокам. По р. Белой она поднималась далеко вверх и ловилась около д. Азнагуловой и д. Сереновой (в 25 и 15 км к югу от г. Белорецка). В среднем течении Белой, в Стерлитамакском уезде, белорыбницу ловили около д. Исмаковой, д. Кунказаевой и с. Левашева (близ г. Стерлитамака), у заводов Воскресенского и Богоявленского⁴⁰.

Вниз от г. Уфы места ловли белорыбницы во время генерального межевания были известны во многих местах, в том числе в районе с. Аксакова и д. Кишки, около г. Уфы, у Благовещенского завода, около г. Бирска, возле устьев Сюня и Базы⁴¹. (Генеральное межевание в Верхнеуральском уезде проходило с 1787 по 1807 г., в Стерлитамакском — с 1788 по 1818 г., в Уфимском — с 1789 по 1820 г., в Бирском — с 1797 по 1828 г.)

В левых лесостепных притоках р. Белой, берущих начало на Бугульминско-Белебеевской возвышенности, белорыбница в начале XIX в. была отмечена только в р. Базе⁴². По сообщению А. В. Подлесного (1947), в 30-х годах XX в. она заходила в р. Ашкадар. В правых притоках Белой, текущих с Уральских гор, белорыбницы в конце XVIII в. и в начале прошлого столетия было гораздо больше, особенно в р. Уфе. Она поднималась по ней по крайней мере до устья р. Ая, а затем заходила в ее приток р. Тавры. По р. Аю белорыбница заходила до д. Абдрашитовой и д. Халиловой⁴³ (в 10 км к северу от с. Месягутова). Другими правыми притоками р. Белой, где в начале прошлого века водилась белорыбница, были Сим и Большой Пугуш. Ловля белорыбницы в Симе была отмечена около с. Новые Лемезы, в Большом Инзере (приток р. Сим) у д. Ново-Хасановой, и на р. Малом Инзере — около д. Субхангуловой и д. Татлиной (недалеко от впадения Малого и Большого Инзера)⁴⁴. По р. Большой Пугуш ее ловили в нижнем течении. Сведения о распространении белорыбницы в других притоках Камы менее подробны. Известно, что в начале прошлого столетия ее добывали в р. Сылве около г. Кунгура⁴⁵. Как далеко заходила белорыбница по Чусовой, Колве и Вишере и где ее ловили, в примечаниях к генеральному межеванию не отмечено.

К 30-м годам XX в. распространение белорыбницы значительно сократилось по сравнению с концом XVIII и началом XIX в. По сведениям, собранным А. В. Подлесным (1947), в 30-х годах настоящего столетия по Волге белорыбница доходила только до г. Углича, по Оке — до с. Константинова; по р. Шексне она поднималась вверх от устья на 150 км. В реки Терешиху, Большую Кинель, Жиздру, Клязьму и Мокшу белорыбница, по-видимому, уже перестала заходить, но в р. Москве близ г. Коломны она изредка еще попадалась (Лебедев, 1960). В бассейне Камы распространение белорыбницы за это время изменилось меньше. По р. Белой она

³⁹ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 628, л. 19, 43.

⁴⁰ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Верхнеуральский уезд, д. 10, л. 95; Стерлитамакский уезд, д. 11, л. 4, 5, 13, 64.

⁴¹ Там же, Уфимский уезд, д. 14; Бирский уезд, д. 1.

⁴² ЦГВИА. Фонд 414, д. 323 (Статистическое описание Бирского уезда).

⁴³ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Красноуфимский уезд, д. 17; Троицкий уезд, д. 15, л. 152.

⁴⁴ Там же, Верхнеуральский уезд, д. 10, л. 85.

⁴⁵ Там же, Кунгурский уезд, д. 22, л. 8.

поднималась до устья Большого Нугуша, по р. Уфе — до г. Красноуфимска, по р. Вятке — до г. Слободского, по р. Чусовой — до Чусовского завода. Важнейшие нерестилища белорыбицы в бассейне р. Белой в конце 40-х годов XX в. отмечались в р. Уфе — от устья до впадения р. Ай (Подлесный, 1947). Кроме того, было обнаружено нерестилище на р. Чермасане (Крапин, 1949). В 50-х годах белорыбица стала помногу заходить в р. Вятку и ее притоки, так как вода в р. Белой к этому времени была уже сильно загрязнена и отравлена сточными водами заводов и фабрик и отходами ишимбайских нефтяных промыслов.

В 50-х годах наблюдался редкий по изобилию ход белорыбицы⁴⁶. Но на р. Белой (на отрезке от г. Уфы до г. Бирска) на ее пути оказалась преграда из воды, сильно загрязненной нефтью. Встретив поток отравленной воды, белорыбица поворачивала обратно, часть ее заходила в мелкие речки и ключи, и вскоре рыба начала гибнуть. Еще живая белорыбица поднималась вверх, выходила на мели, и ее ловили руками. Мор ее продолжался около 10 суток. На берегах р. Белой на каждые 100 м лежало в среднем по одной белорыбнице. (Большинство икрных самок весило по 8 кг). Когда ход и мор рыбы прекратились, берега реки были усеяны ее скелетами. В последующие годы белорыбицы в этой реке не замечали. После постройки плотины на Волге в Жигулях белорыбица не могла уже входить в реки, впадающие в Волгу выше этой плотины. В поисках нерестилищ она стала заходить в р. Большой Иргиз, где раньше не появлялась, и в 1959 г. рыбаки поймали в этой реке несколько таких рыб (Козлов, 1959).

Сейчас трудно предугадать, что станет с белорыбницей, оставшейся выше Куйбышевской плотины, и как поведут себя ее мальки, если они будут выпущены в реки бассейнов Камы и Оки. Все будет в значительной мере зависеть от того, будут ли очищены реки этих бассейнов от ядовитых сточных вод.

⁴⁶ Б. П. Федорако, сотрудник Башкирской комиссии по охране природы, сообщивший нам эти сведения, писал, что он не совсем уверен, было ли это в 1954 или в 1953 г.

ПТИЦЫ

В исторических архивных источниках приводится много сведений о прошлом размещении промысловых птиц. Однако при перечислении птиц, встречавшихся на той или иной территории, очень часто не отмечалось, какие из них гнездились, а какие бывали только на пролете.

Например, в списке птиц, составленном в 60-х годах XVIII в. Яблоновской воеводской канцелярией, перечислены «орлы, балобаны, ястреба большая и малая, журавли, дрофы, тетерева большая глухая и малая, куропатки, стрепеты, целепелки, карастели, вороны, грачи, вароны, галки, сороки, дрозды, саловьи, скворцы, копцы, пистелги, совы, щеглы, чижики, воробьи, синицы, голуби»¹. В те же годы Курская воеводская канцелярия составила следующий список: «Орлы [встречаются] редко, балобаны, ястребы, филины, коршуны, совы, копцы, журавли, чапли, гуси, утки дикая, гагары, тетерева, куропатки серые, чибесы, жаворонки, карастели, ремезы, погоныши, грачи, враны, галки, вороны, сороки, ивалги, сойки, дятлы, дрозды, скворцы, саловьи, реполовы, щеглы, чижи, авсянки, перепелы, синицы, снагири, чечетки, воробьи серые, вороночки черные, ласточки, подкрапивницы, горлинки, голуби, куроупты, драхвы, стрепеты, кукушки, рыбалки, зуйки, скопа, пистелга, малиновки»². Павловская крепость сообщила, что в Павловском уезде (Воронежская губерния) «куриозных родов отличных зверей и птиц никаких не имеетца, а имеются только обыкновенные роды, кои к куриозным причесть невозможно». В списке перечислены следующие птицы: «гуси, утки, журавли, тетерева, куропатки, кулики, целенелки, гагары, голуби, аисты, орлы, ястреба, луни, коршуны, сороки, вороны, галки, грачи, воробьи, синицы, копцы, чижи, щеглы, дятлы, скворцы, пустошки, жаворонки, сыгири, чечетки, чибесы, драфы, стрепеты, соловьи, какушки, карастели, совы, филины, горлицы, ветютши. Сверх оных, хотя и еще малешькие птички имеются, точию всех звания знать не можно»³.

Приведенные примеры показывают, что перечислялись преимущественно гнездившиеся птицы, но в списки включены также пролетные или бывавшие только на кочевках. В таких случаях одной глухой ссылкой на источник ограничиваться нельзя и следует приводить подлинный текст, давая возможность читателю соглашаться или не соглашаться с тем, каких птиц следует признать гнездившимися, а каких — только пролетными (Кириков, 1963).

Наиболее подробны сведения о размещении куриных птиц (особенно относящихся к подсемейству тетеревиных), некоторых видов степной и водоплавающей дичи и некоторых редких птиц (фламинго, стерха и др.). Кроме данных о распространении птиц, в некоторых исторических источниках приводятся и рисунки птиц. Примером может служить рис. 4.

¹ ЦГАДА. Фовд 261, кн. 5560, л. 418.

² Там же, л. 227.

³ ЦГАДА. Фовд 261, кн. 5560, л. 342.

Гуси

Нелки

Белые гуси

Утки

первой родъ.

Селезни

Турканы

Утки

второй родъ.

Сибиряк

Каменные свинки

Утки

Селезень

Сарыкы

Утки

Турканы

Рис. 4. Птицы: черная казарка, белый гусь, горбоносый турпан, сибирская гага(?), каменушка, моринга, плавунчики (ЦГАДА, Фонд 24, л. 55, 1773 г.)

Обыкновенный глухарь (*Tetrao urogallus* L.)

В течение последних 200 лет южная граница распространения глухарей на Русской равнине и в Казахстане все время перемещается все дальше к северу или к горам. Примерно 200—150 лет назад они водились в широколиственных и сосновых лесах украинской и среднерусской лесостепи, а кое-где встречались даже по лесам, расположенным в степной зоне (в Бахмутской провинции, на южной окраине Приволжской возвышенности и в казахстанских борах). Около 100—80 лет назад в курской и харьковской лесостепи глухарей уже не было, но они еще встречались в трех северных уездах Воронежской губернии, во многих местах лесостепного Предуралья и Зауралья вплоть до границы со степной зоной (бор Джабык-Карагай и боры по р. Суундуку) и в казахстанской лесостепи (Ара-Карагай и другие кустанайские боры).

Теперь, как и прежде, местами обитания лесостепного глухаря были широколиственные леса (главным образом дубравы) и боры. В лесостепных дубравах он встречается теперь только на южной окраине Урала и кое-где в Поволжье. Не осталось его и в борах украинской, среднерусской и казахстанской лесостепи, но в борах лесостепного Поволжья и Приуралья они сохранились лучше, чем в дубравах (рис. 5).

Сходное явление наблюдается и в южной полосе лесной зоны. Например, давно уже перевелись глухаря в тульских широколиственных лесах, а в Литве, как сообщил В. Логминас, исследовавший размещение куриных в этой части Прибалтики, в таких лесах неизвестно ни одного тока.

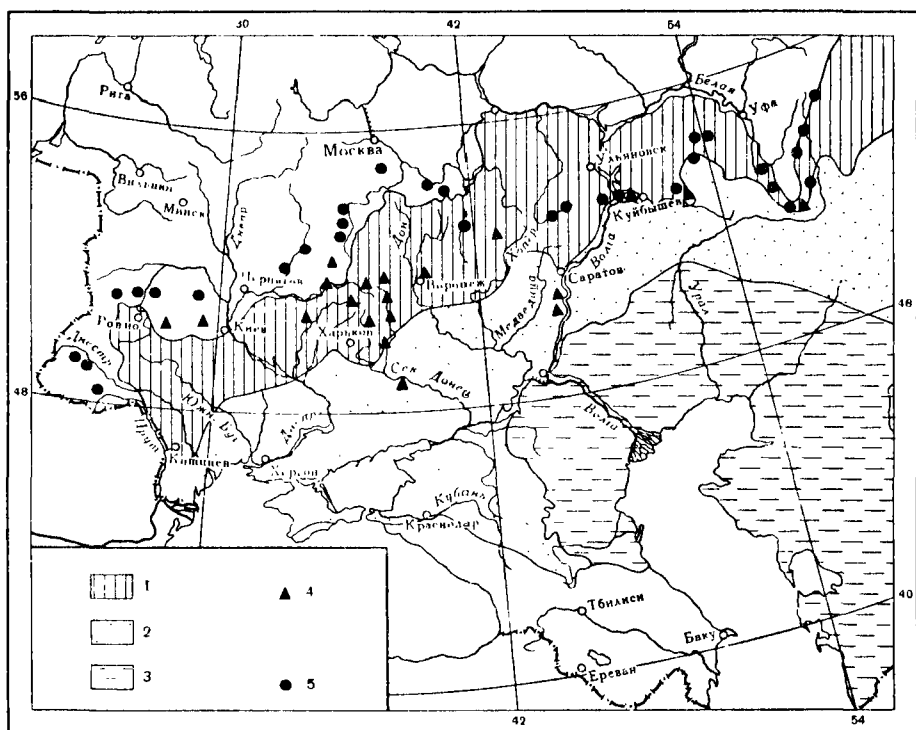

Рис. 5. Исторические изменения в распространении глухаря (*Tetrao urogallus* L.). 1 — лесостепь и лесо-лугостепь; 2 — степная зона; 3 — полупустыня и пустыня; 4 — места гнездования глухаря на южной окраине ареала в 1760—1830 гг.; 5 — то же, в 50-х годах XX в.

Широколиственные леса почти повсюду (кроме Южного Урала) находятся в густо населенных местах, и глухарей почти в течение всего года сильно беспокоят как люди, так и бродячие собаки и выпасаемый в лесах домашний скот. Кроме того, зимой в голом чернолесье глухарям труднее укрываться от хищников, чем в борах. Горные леса сохранились лучше, чем соседние с ними равнинные, кроме того, в горах глухарей истребляли и беспокоили гораздо меньше, чем в равнинных лесах. Поэтому в южной части своего ареала глухарь, как и некоторые другие лесные промысловые животные, сохранился значительно лучше в горах (на Карпатах, Южном Урале, Алтае). Еще резче это заметно в странах Южной и Центральной Европы.

Рябчик (*Tetrastes bonasia* L.)

В Европейской части нашей страны, Западной Сибири и Казахстане распространение рябчика во многом совпадало с распространением обыкновенного глухаря. (В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке наблюдается много общего в ареале рябчика и каменного глухаря).

Рябчик, так же как и глухарь, может жить как в смешанных хвойно-лиственных, так и в чистых лиственных лесах. В хвойных лесах, где нет примесей тех пород (березы, ольхи, черемухи), почки или сережки которых служат зимой рябчику пищей, он, в отличие от глухаря, круглый год жить не может. Но такие леса встречаются редко. В лиственных лесах без примеси хвойных рябчики хотя и живут круглый год, но поскольку зимой в голом чернолесье им труднее укрываться от хищников, плотность насе-

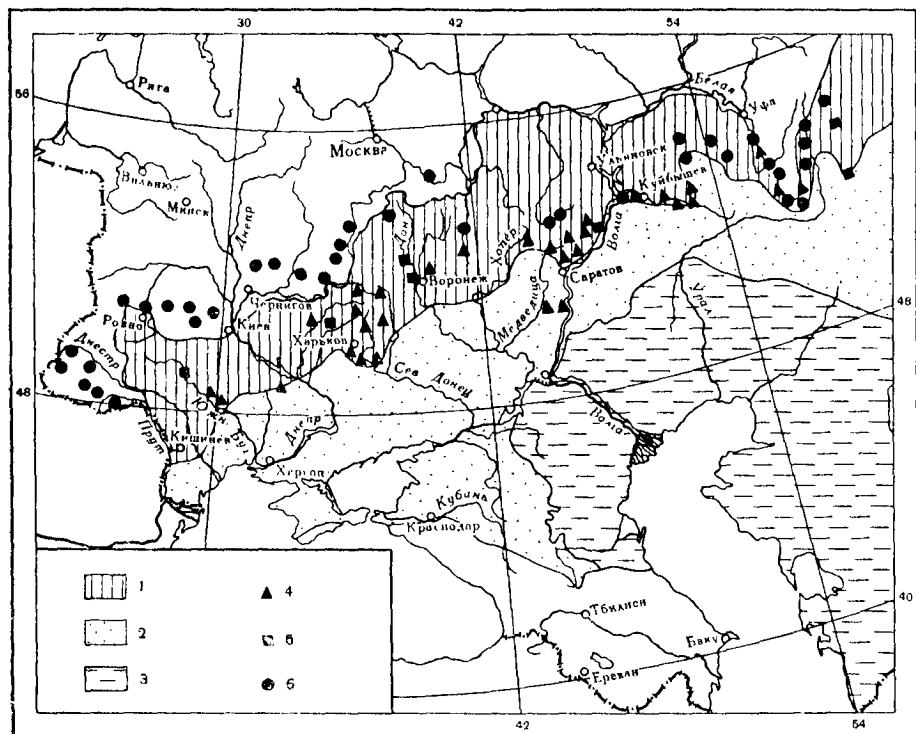

Рис. 6. Исторические изменения в распространении рябчика (*Tetrastes bonasia* L.) 1 — лесостепь и лесолугостепь; 2 — степная зона; 3 — полупустыня и пустыня; 4 — места гнездования рябчика на южной окраине ареала в 1760—1830 гг.; 5 — то же, в 1850—1880 гг.; 6 — то же, в 50-х годах XX в.

ления здесь обычно бывает более низкой, чем в смешанных хвойно-лиственных лесах.

Так как места обитания рябчика и обыкновенного глухаря сходны, то и в исторических изменениях распространения этих видов обнаруживается много общего (рис. 6). Рябчика уже не осталось во многих районах в лесостепи, где он был в XVIII и в первой половине XIX в. Он стал редким и в ряде районов в южной и средней полосе лесной зоны в Европейской части СССР, особенно около городов и крупных поселков.

То же самое наблюдается в странах Центральной Европы. Плотность населения рябчика в лесах Чехословакии за одно лишь 10-летие (с 1951 по 1960 г.) уменьшилась приблизительно в 10 раз и к 1960 г. равнялась 1—1,6 особи на 1000 га (Ladziensky и Sládek, 1961).

Тетерев (*Lygurus tetrax* L.)

Для этого вида наиболее благоприятно сочетание леса или кустарников со степями, полями и лугами. В конце XVIII и начале XIX в., когда в степной зоне было много зарослей степной вишни, бобовника, чилиги, терна и гораздо чаще встречались пойменные и байрачные леса, тетерев был распространен к югу до побережья Черного и Азовского морей и до Предкавказья (рис. 7).

На южной окраине украинских степей и степного Поволжья тетерева водились главным образом в долинах рек (Южного Буга, Ингула, Днепра, Дона, Волги, Большого и Малого Иргиза, Коромана и их притоков). Такая особенность его распространения объясняется тем, что в приречных местах

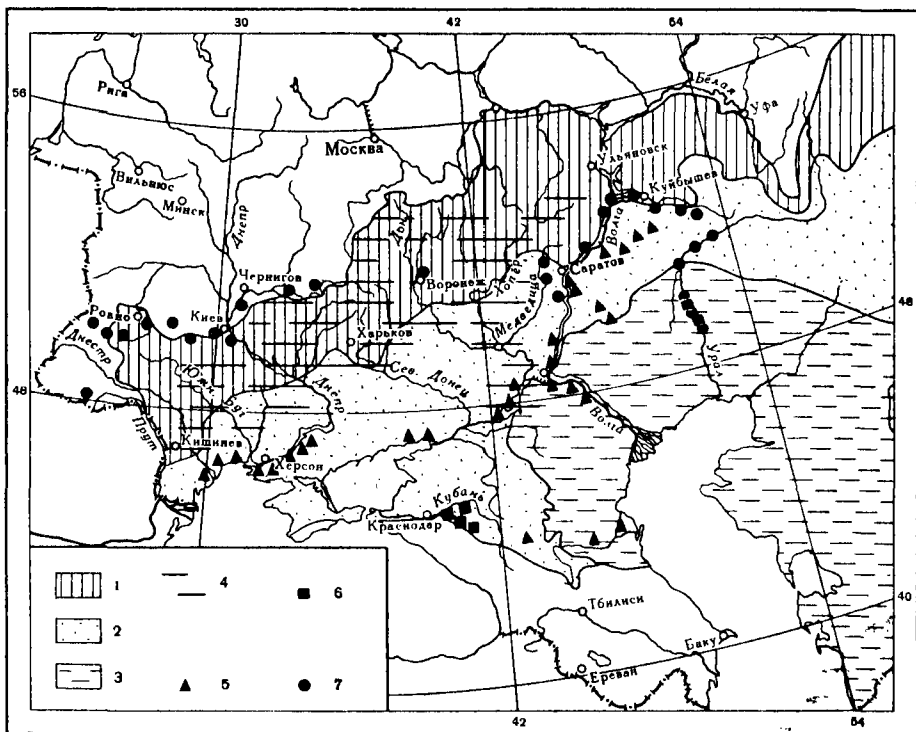

Рис. 7. Исторические изменения в распространении тетерева (*Lygurus tetrax* L.). Условные обозначения 1—3 см. рис. 5; 4 — места, где тетерев был наиболее обычен и многочислен в XVIII в.; 5 — места гнездования тетерева на южной границе ареала в 1760—1830 гг.; 6 — то же, в Предкавказье и в долине р. Урал в 1860—1880 гг.; 7 — то же, на южной границе ареала в 50-х годах XX в.

было больше леса и кустарниковых зарослей. В 20-х годах XIX в. охотники за осень и зиму добывали в лесах по берегам Дона, Хопра и Медведицы в среднем по тысяче тетеревов на человека. Еще удачней бывала охота казаков Тургайского укрепления, уезжавших за тетеревами в Наурузмский бор и соседние с ним леса.

Теперь в степях Украины тетеревов не осталось нигде, а в степном Заволжье и Приуралье они сохранились там, где есть еще колки и заросли кустарников. В 30-х годах XX в. особенно много тетеревов было в Губерлинском мелкосопочнике. В степном Казахстане, особенно в мелкосопочнике, они нередки и теперь.

Земледельческое освоение лесостепи создавало вначале особенно благоприятные условия для жизни тетерева: на месте старого крупного леса появлялось мелколесье, зарослей степной вишни и других кустарников было еще много, лес и кустарники перемежались с полями, степями и лугами. Затем по мере увеличения плотности населения и сведения большей части лесов и кустарниковых зарослей обилие тетеревов в украинской и среднерусской лесостепи сошло на нет. Лишь в уральской предгорной лесостепи их много еще и теперь, хотя и не так, как в 40-х годах прошлого столетия. А. К. Толстой (1964, стр. 115), охотившийся в то время в присакмарском мелкосопочнике, писал, что тетеревов было там «неимоверное множество..., каждый день мы стреляли штук по шестидесяти и даже по сто, по уменьшения их вовсе не было заметно».

Значительные изменения в размещении тетерева произошли и в лесной зоне. Здесь, чтобы завести пашни, приходилось вырубать леса. В XIV—XVII вв. истощенные охотными землями нередко забрасывались и зарастали лесом, в котором обычно преобладала береза. Небольшие деревни и починки нередко переносились на новые места, а покинутые участки превращались в пустоши, зараставшие лесом. Мелколесье и чередование леса с пашней было благоприятно для тетерева, и их развелось так много, что в XIV в. на Смоленской земле существовали крестьяне, называвшиеся «тетеревицами», а в XVI в. в Подмосковном крае были целые «тетеревицья» деревни (Кириков, 1960). В дальнейшем по мере увеличения плотности населения и все усиливавшегося сельскохозяйственного освоения лесной зоны в южной полосе ее, особенно в Европейской части страны, тетеревов стало меньше. В северной тайге, где в последние десятилетия леса усиленно вырубались и превращались в хвойно-лиственный мелколесье, а пашни становилось все больше и она продвигалась во все более северные районы, наблюдалось увеличение численности тетерева и расширение его ареала к северу. Это замечено на Кольском полуострове и на Северном Урале (Семенов-Тяньшанский, 1939; Шварц и др., 1951).

В тех местах, где тетерев обычен, и теперь его численность время от времени резко снижается. Причиной этого, по-видимому, чаще всего бывает мор или холодная ненастная погода в первые дни жизни птенцов. За последнее десятилетие (1951—1960 гг.) резкое сокращение численности тетерева произошло, например, в некоторых местах Центрального края и на Севере Европейской части СССР.

Белая куропатка (*Lagopus lagopus* L.)

Наибольшие изменения в распространении белой куропатки произошли на южной окраине ее ареала. В Зауралье и Казахстане южная граница гнездования этой птицы проходит теперь по южной окраине лесостепи, местами — по степной зоне, а в Европейской части СССР — частью по подзоне широколиственных лесов, частью по южной тайге. В историческом прошлом белая куропатка и здесь гнездилась гораздо южнее.

О ее пребывании в украинской лесостепи писал Ржончинский (Rzaczynski, 1745), называвший ее пардвой или *Perdix silvestris*. Перечис-

для места, где она водилась, Ржончинский указал на окрестности Бердичева, Винницы, Немирова, Старо-Константинова, Трембовли и Бржезан. Впоследствии сообщение Ржончинского было взято под сомнение Тизенгаузом (Tuzenhaus, 1842), утверждавшим, что эти сведения следует отнести к стрепету, а не к белой куропатке. Согласиться с мнением Тизенгауза нельзя. Пардвой в Польше, Белоруссии и местами в Смоленской области называют именно белую куропатку. Да и признаки, приведенные в описании Ржончинского — мохнатые лапы («pedes hirti») и красные брови («supra oculos macula rubra») — характерны для белой куропатки, а не для стрепета. В XX в. белые куропатки залетали на Украину (в Глуховский и Конотопский районы) лишь изредка, и только зимой (Кістяківський, 1957).

В 70-х годах XVIII в. пребывание белых куропаток в Воронежской лесостепи отмечалось С. Г. Гmeliном (1771). Несколькими десятилетиями позже места их гнездования были известны в трех северных уездах Воронежской губернии — Задонском, Землянском и Воронежском (Северцов, 1855), а в 70-х годах XIX в. белые куропатки гнездились в Елифанском уезде Тульской губернии (Белые куропатки..., 1875). В последние десятилетия они появлялись в среднерусской лесостепи только зимой и то очень редко. В недавние годы, например, стайка этих птиц (около 80 особей) залетела в Воронежский заповедник (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963).

Значительные изменения в размещении белой куропатки произошли также в дубравно-боровой подзоне и в южной части подзоны елово-широколиственных лесов. Последние сообщения о ее гнездовании в Одоевском уезде Тульской губернии, в Рязанском и Спасском уездах Рязанской губернии относятся к концу 70-х и к началу 80-х годов XIX в.

Буйвид (1853) указывал, что в середине прошлого столетия белые куропатки встречались в Симбирской губернии, но редко. В те же приблизительно годы они были распространены в северных уездах Тамбовской губернии, преимущественно в Темниковском уезде (Феоктистов, 1860). В начале XX в. этих птиц здесь уже не оставалось (Житков и Бутурлин, 1906; Резцов, 1910). Сильно сократились ареал и численность белой куропатки в Литовской ССР, Смоленской, Владимирской, Ярославской и некоторых других областях (Кириков, 1960).

Как прежде, так и в настоящее время большая часть населения белой куропатки сосредоточивается не в лесостепи и не в лесной зоне, а в зоне тундры и в лесотундре. Заметных изменений границ распространения этого вида здесь в историческое время не происходило, но резкие колебания численности наблюдались неоднократно. Сильно колебались и зимние перекочевки белых куропаток из тундровой зоны в лесотундру и на северную окраину тайги. Были годы, когда они налетали в долину р. Усы во множестве. Например, в 1842 г. пять семей поймали там за зиму около 43 тыс. этих птиц (Латкин, 1853). В 20-х годах XX в. также бывали зимы, когда один человек налавливал до 10 тыс. куропаток (Пантелеев, 1926). Однако зимой 1959/60 г. жители поселков Кочмес и Адак (на р. Уссе) добыли за зиму всего по 40—60 и редко кто — по 100 куропаток.

ДРОФЫ И ЖУРАВЛИ

Стрепет (*Otis tetrix* L.)

Распространение стрепета тесно связано с целинными степями и старыми залежами. Пока таких угодий было много в степной зоне и типичной лесостепи, стрепетов водилось много. Местами они гнездились и в лесо-лугостепи, а кое-где на южной окраине лесной зоны, где они поселялись в сухих безлесных местах. Чаще же стрепеты появлялись в лесо-лугостепи и на южной окраине лесной зоны во время весеннего пролета или осенних кочевок. В середине XIX в. в отдельные годы много стрепетов бывало в

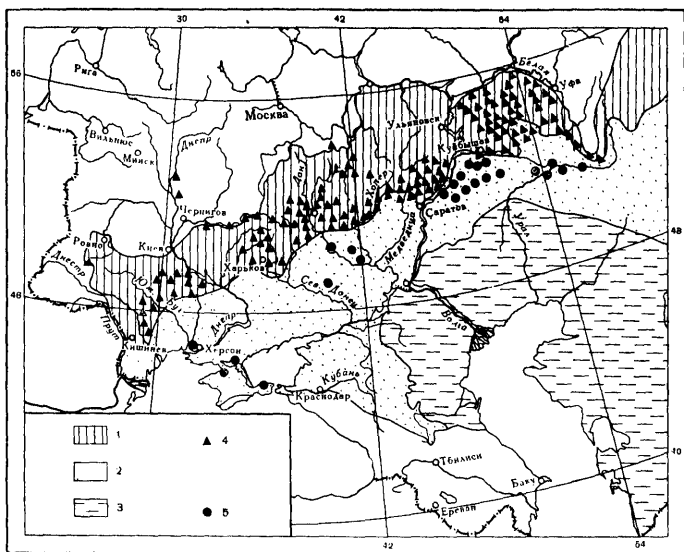

Рис. 8. Исторические изменения в распространении стрепета (*Otis tetrix* L.).

Условные обозначения 1—3 см. рис. 5; 4 — места гнездования стрепета в лесостепи и на южной окраине лесной зоны в 1760—1830 гг.; 5 — то же, на западной и северной границах ареала в 50-х годах XX в.

Ефремовском уезде Тумской губернии (Сушкин, 1892), в 1851 г. большие стаи появлялись осенью под Киевом (Кесслер, 1852), осенью 1877 г. менее крупные стаи этих птиц наблюдались в Новгород-Северском уезде губернии, а осенью 1874 г. отдельные особи встречались под Подольском и Москвой (Сабанеев, 1874б).

Теперь степей на Европейской территории СССР осталось мало, да и там, где они еще сохранились, степи большей частью превращены в выгоны, сильно выбиваемые скотом. Стрепет не приспособился к жизни в полях и на степном скотосбое. Поэтому площадь его распространения за последние 150—100 лет сильно сократилась. В степной зоне и типичной лесостепи численность стрепетов сокращалась тем сильнее, чем меньше оставалось степных участков, на которых производился бы умеренный или слабый выпас скота. В лесостепной части Молдавии и Украины таких участков почти не осталось, и стрепеты здесь больше не гнездятся. Мало таких участков и в степях Украины, и места гнездования стрепета здесь так редки, что известны наперечет. В среднерусской лесостепи стрепеты еще гнездятся кое-где в Воронежской области. В правобережном лесостепном Поволжье они изредка появляются весной, но гнездятся ли они здесь — неизвестно. В степях Заволжья и в оренбургских степях стрепеты местами еще обычны, особенно в тех степных районах Оренбургской области, которые расположены по соседству с Уральской областью Западно-Казахстанского края (рис. 8).

Дрофа (*Otis tarda* L.)

В недавнем прошлом распространение дрофы (на гнездовье) было во многом сходно с распространением стрепета. Еще в XVIII в. дрофы были обычны в степной зоне и в типичной лесостепи. Особенно много водилось их в степях Крыма и Таврии и на Дону. В лесо-лугостепи и на южной окраине лесной зоны они гнездились чаще, чем стрепет, но все же их встречалось там мало и не каждый год. Во второй половине XVIII в. и в первой трети XIX в. места гнездования дрофы отмечались в следующих местах лесной зоны: в Лифляндии, в Гродненском, Волковском и Слонимском уездах Гродненской губернии, в Сосницком уезде Черниговской губернии, в Брянском, Трубчевском, Карачевском, Мценском и Дешкинском уездах Орловской губернии. В лесо-лугостепи места гнездования дрофы в эти же годы были известны в Богородицком, Епифановском и Ефремовском уездах Тульской губернии, в Спасском уезде Тамбовской губернии, в Меззелинском и Красноуфимском уездах Оренбургской губернии. Во второй половине XIX в. и в первом десятилетии настоящего столетия гнездование дроф отмечалось в Пинском уезде Минской губернии, Овручском и Новград-Волыньском уездах (южная окраина лесной зоны), во Владимир-Волыньском, Кременецком, Острожском, Старо-Константиновском и Новград-Волыньском уездах Волынской губернии, в Ефремовском уезде Тульской губернии, на юге Нижегородской губернии, в Цыvilьском, Тетюшском и Спасском уездах Казанской губернии (лесо-лугостепь)⁴. Теперь площадь распространения и численность дрофы сильно сократились по сравнению с XVIII—XIX вв.

Дрофа больше, чем стрепет, приспособилась к жизни на полях. Поэтому там, где много озимых хлебов и полей с многолетними травами и существует охрана дроф, их сохранилось больше, чем стрепетов. Это особенно заметно в степях и лесостепи Украины. В Заволжье, оренбургских степях и Казахстане, где озимых хлебов высевалось гораздо меньше, чем яровых, и где браконьеры беспощадно истребляли дроф, этих птиц осталось меньше, чем стрепетов. Кое-где дрофы продолжали гнездиться и на южной окраине лесной зоны. Отдельные места ее гнездования были обнаружены в Мозырском и Гомельском Полесье и в Новозыбковском районе Брянской области. Попутно отмечу, что дрофы сохранились до настоящего времени даже на такой густо заселенной территории, как Бранденбург (ГДР), где в 1939 г. их было около 3400, а в 1961 г. насчитывалось больше 2000 особей (Gentz, 1961).

Стерх, или белый журавль (*Grus leucogeranus* Pall.)

В СССР мало птиц, ареал которых сократился бы так сильно, как стерха. Значительная часть приводимых сведений о его пребывании найдена в архивных источниках, причем обычно стерх упоминается среди других птиц, встречавшихся в той или иной местности, без прямых указаний, гнездится ли он или бывал только на пролете. В некоторых опубликованных работах, в которых приводятся сведения о распространении стерха, отметки о его гнездовании не подкреплены сведениями о найденных гнездах или птенцах. Поэтому определить, где в прошлом стерх гнезвился и где он бывал только на пролете при кочевках, во многих случаях затруднительно. Места, где стерх встречался в XVIII и XIX в., были сосредоточены в Приуралье, Волго-Уральском междуречье, Зауралье, на Западно-Сибирской равнине, в Казахстане и Восточной Сибири.

В «Топографическом описании Пермского наместничества», составленном в 1789 г., упоминалось, что в Красноуфимском уезде кроме обыкновен-

⁴ Около 100 лет назад дрофы и в Центральной Европе шире были распространены, чем теперь. В Рейнской области, например, они встречались в окрестностях городов Крейцнаха, Бингена, Майнца, Оппенгейма, Вормса и Альцея (Palm, 1957).

ных серых журавлей водились и стерхи⁵. В 50—80-х годах XIX в. они изредка залетали в Прикамье и наблюдались там около устья р. Обвы и по ее берегам около с. Ильинского Пермского уезда (Теплоухов, 1882). Прямых указаний, что стерхи бывали на Среднем Урале, мне не встречалось, но П. С. Паллас (1786) упоминал, что он видел в Нижнем Тагиле молодых стерхов, которые очень мирно жили вместе с обыкновенными журавлями. Были ли это местные стерхи или откуда-нибудь привезенные. П. С. Паллас не разъяснил.

Довольно много сведений о пребывании стерхов в Волго-Уральском междуречье. Среди редких птиц, встречавшихся в Астраханской губернии в 60-х годах XVIII в., был отмечен и стерх (наряду с огарями, пеганками, «цветными» кваквами, степными журавлями, фазанами и пеликанами). Стерхов и пеликанов ловили в то время под г. Астраханью⁶. В конце того же столетия стерхи встречались в Енотаевском и Красноярском уездах и считались обычными птицами. В списке птиц, водившихся в Енотаевском уезде, перечислены «лебеди, гуси, журавли, утки, чапуры, стерхи и кулики», и в конце его добавлено, что «отменных никаких нет»⁷. В списке птиц Красноярского уезда стерхи помещены рядом с цаплями (белыми, серыми и красными). В этом же списке указаны белые и черные аисты. Выше по р. Волге стерхи водились в 60-х годах XVIII в. в Царицынском уезде. Командантская канцелярия сообщала в сенат, что в «округе города Царицына... бывают пролетом, а другие и здесь водятся лебеди, журавли, стерхи, гудаки, серые гуси, чапуры, бакланы, колпики, мартышки, красные и серые утки, аисты, дикие бабы» и т. д.⁸

Значительно подробней места встреч стерхов перечислены в примечаниях к генеральному межеванию воложской стороны Царицынского уезда. В них указано, что стерх водился в следующих местах долины р. Ахтубы: в земельной даче с. Рахинки, в урочищах Каширской Воложке и Булгаковом Зауморье, по ерику Горшкову и около озер Калинового, Кривого и некоторых других, у ериков Петровского, Прямуги, Старого, Подстенного, Тутового и у соседних с ними ериков и озер, в земельных дачах с. Верхне-Погромного, с. Верхне-Ахтубинского и слободы Владимировки. Отмечено также, что стерхи водились в займищах около рек, затонов и озер там же, где и журавли, цапли, аисты, красные утки, бакланы и колпицы, т. е. вместе с птицами, в гнездовании которых нет оснований сомневаться. То же места, где стерхи и другие перечисленные птицы бывали только «палетом», как, например, около оз. Голого⁹, отмечены особо. Поэтому я полагаю (Кириков, 1959) и продолжаю оставаться при этом мнении, что стерхи в те годы гнездились по р. Ахтубе. Во второй половине XIX в. они в Нижнем Поволжье стали появляться значительно реже. В 50-х годах эти птицы изредка показывались около г. Сарпы (ныне г. Красноармейск). В один из годов этого десятилетия много стерхов было замечено около оз. Барманцак, но неизвестно — были ли это гнездовые или кочевавшие птицы (Artzibascheff, 1859). В дельте р. Волги стерхи во время пролета, особенно весеннего, показывались чаще и в отдельных стаях их насчитывалось до 300 штук (Яковлев, 1873).

В низовьях р. Урала в 60—70-х годах того же столетия стерхи бывали не только на пролете, но изредка и гнездились. «Дичи здесь около моря изобилнее», — писал В. Е. Фосс (1868) и, перечисляя ее, назвал гусей, уток, бакланов, пеликанов, аистов и стерхов. Совершенно определенное и достоверное сообщение о гнездовании стерха в низовьях р. Урала принадлежит А. Шустону (1871). «В желудке стерха или большого белого журав-

⁵ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 920.

⁶ ЦГАДА. Фонд 261, кн. 5560.

⁷ ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 570, л. 55.

⁸ ЦГАДА. Фонд 261, кн. 5560, л. 317.

⁹ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Царицынский уезд, д. 140, и л. 28.

ля (*Grus leucogeranus*)¹⁰, — писал он, — гнездившегося (разрядка моя. — С. К.) и убитого в поемных камышовых ильменах в исходе мая 1863 г., найдено 11¹/₄ золотников округленных пластинок и зерен». По всей вероятности, сообщение А. Шустова было использовано Г. С. Карелиным, но без ссылки на источник (что в то время случалось нередко). Г. С. Карелин (1875, стр. 278), описывая места гнездования стерха, употребил те же самые слова, что и А. Шустов: «гнездится в камышистых ильменах». Собственных наблюдений за гнездованием стерха у Г. С. Карелина не было, и он нигде в своей статье об этом не упоминал. Вполне понятно, что И. А. Долгушин (1960), просматривая дневники Г. С. Карелина, не нашел в них записей о гнездовании стерха. Неопределенность сообщения Г. С. Карелина послужила основанием для сомнения о его достоверности (Судиловская, 1951; Долгушин, 1960), но нет оснований сомневаться в достоверности сообщения А. Шустова.

Почему же стерх перестал гнездиться в Волго-Уральском междуречье? Эта крупная, хорошо заметная птица очень осторожна и не переносит беспокойства, вносимого людьми в места ее гнездования. В 30-х годах XVIII в. по Волге на территории между Саратовом и Астраханью стояли только редкие небольшие городки; между ними на протяжении 200—300 верст не было никакого жилья. В 1789 г. в указе саратовскому губернатору предлагалось заселить степи между г. Царицыном и Кавказской укрепленной линией, и в самом конце XVIII и в начале XIX в. там было основано несколько крупных сел и слобод и г. Царев (Бородин, 1923). Заселение долины р. Ахтубы сопровождалось проникновением людей в тростниковые и камышовые крепи, сбором яиц, выжиганием тростника. Уменьшение площади тростниковых и камышовых зарослей происходило как в пойме Волги, так и в пойме р. Урала. Все это, по-видимому, послужило причиной того, что стерх перестал гнездиться в Волго-Уральском междуречье.

Самым ранним сообщением о встречах стерха в Западной Сибири является, по-видимому, упоминание в «Описании новых земель, сиречь Сибирского царства» (Титов, 1890), составленном немного позже 1683 г. Описывая земли по Иртышу (вниз от г. Тобольска) и по Оби (ниже устья Иртыша), автор, перечисляя птиц, встречавшихся в этих местах, назвал и стерха. Во второй половине XVIII в. он был отмечен в следующих местах Зауралья и Западной Сибири: в Исетской провинции и Туринском воеводстве¹¹ (60-е годы), около р. Алабуги (Рычков, 1772), в Ирбитском уезде Пермского наместничества (80-е годы), в Сургутской, Ялуторовской, Ишимской и Тарской округах, Тобольского наместничества¹². В Исетской провинции стерхи были довольно редки («изредка белые журавли, а серых довольно»). В списке птиц Ишимской округи они помещены среди обыкновенных, а не редких птиц. В списках птиц, встречавшихся в Сургутской, Ялуторовской и Тарской округах, стерхи также указаны среди обычных птиц — журавлей, гусей, тетеревов и ряда других.

Бесспорные доказательства гнездования стерхов на юге Западной Сибири приводит П. С. Паллас (1786). На левобережье р. Тобола места их гнездования были отмечены им в окрестностях Каминской слободы, по берегам озер и пойменных стариц. П. С. Паллас добавил при этом, что стерхи здесь обычно гнездились. Особенно много их наблюдалось П. С. Палласом в 20-х числах мая (нового стиля) 1771 г. в ишимской лесостепи около д. Крутой, где было много больших озер и густых тростниковых зарослей. П. С. Паллас остановился здесь на несколько дней, чтобы наблюдать гнездование этих птиц. Последние были очень осторожны; их пугал малейший шум в тростниках. Гнезда устраивались на небольших

¹⁰ Белые журавли назывались и стерхами и стерихами.

¹¹ ЦГАДА. Фонд 261, кн. 5560.

¹² ЦГВИА. Фонд ВУА, дд. 18 920, 19 107.

бугорках среди тростниково-камышовых крешей. Между Уральскими горами и р. Обью стерхи, по словам П. С. Палласа, встречались чаще всего в Ишимской округе и в Барабинской лесостепи. Во второй половине XIX в. и в настоящем столетии в Западной Сибири они стали появляться и гнездиться гораздо реже. Сводки сведений о том, где в эти годы отмечались стерхи, составлены А. М. Судиловой (1951) и Г. Х. Йогансенем (Johansen, 1961). Поэтому мы ограничимся перечислением тех мест, где было установлено их гнездование — это окрестности озер Чаны и Сартлан и Колывань и, может быть, Колыванский район Новосибирской области¹³.

Наиболее достоверные сведения о гнездовании стерхов в Казахстане сообщил П. Назаров (Nazarov, 1887). По словам этого исследователя, они гнездились около истоков р. Тобола и по берегам озер Айке, Джиты-Куль и Челкар-Игизкара. В негнездовой период они встречались у р. Камсакты (правый приток р. Ори). П. Назаров в течение многих лет вел наблюдения на южной оконечности Урала и Зауралья и в соседних районах Казахстана. Сведения о распространении других птиц вполне достоверны, и нет оснований сомневаться в точности его данных о гнездовании стерха. Примерно через 30 лет после опубликования статьи П. Назарова стерхов в указанных им местах уже не было, так как озера пересыхали три года подряд (Сушкин, 1908). Местные жители сообщили П. П. Сушкину, что стерхи гнездились к северу от г. Тургай в урочище Сарыкоша. Насколько точно было это сообщение, П. П. Сушкин не разъяснил.

Наиболее раннее упоминание о стерхах в Восточной Сибири приводится в «Известии о Вилюе и протчих реках», составленном Г. Ф. Миллером¹⁴. В 50—80-х годах сообщалось о пролете и гнездовании стерхов в чаунской и колымской тундрах, в Жиганском улусе и по р. Вилюю (Хитрово, 1856; Аргентов, 1857а; Маак, 1886; Майдель, 1894). По Вилюю стерхи гнездились в необитаемых глухих местах около озер. В начале второго десятилетия XX в. они изредка встречались в окрестностях с. Русское Устье и гнездились около с. Алланхи (Житков и Зензипов, 1915). В 30-х годах гнездования стерхов в бассейнах р. Хромы и р. Индигирки были известны местным жителям (Михель, 1935, 1937). Начиная с 50-х годов, когда стерхи стали еще более редкими птицами, чем раньше, интерес к изучению их жизни и распространению возрос, и натуралисты, работавшие в Восточной Сибири, достаточно точно установили места гнездования этих птиц и описали их гнезда. Одно из них было найдено по среднему течению р. Вилюя в Кобяйском районе (Авдреев, 1953), три гнезда в Аллаиховском районе между р. Хромой и р. Индигиркой (Перфильев, 1963); там же около оз. Берелях было найдено еще одно гнездо (Воробьев, 1963). В яно-индигирской тундре гнездится, по-видимому, 200—250 пар стерхов (там же). Распространение стерха показано на рис. 9.

ВОДОПЛАВАЮЩАЯ ДИЧЬ

При исследовании распространения уток, гусей и лебедей в прошлом приходится сталкиваться с тем затруднением, что в исторических источниках различные виды этих птиц обычно не выделялись и о них говорилось общими словами «утки», «гуси», «лебеди». Лишь о некоторых видах нашлось довольно много неизвестных ранее данных.

Регулярные сообщения о распространении тех или иных видов водоплавающих птиц стали появляться в письменных источниках с XVIII в. В документах же, относящихся к более ранним векам, приводятся лишь редкие и отрывочные сведения о местах пребывания очень немногих видов. Значительно больше сведений о массовой ловле водоплавающей дичи.

¹³ П. М. Залеский и И. М. Залеская (1931) указывали, что стерх гнездился кое-где в Барабе, Кулунде и вкокчетавском мелкосопочнике, но доказательства они не привели.

¹⁴ ЦГАДА. Фонд 199, опись 199/1, д. 365.

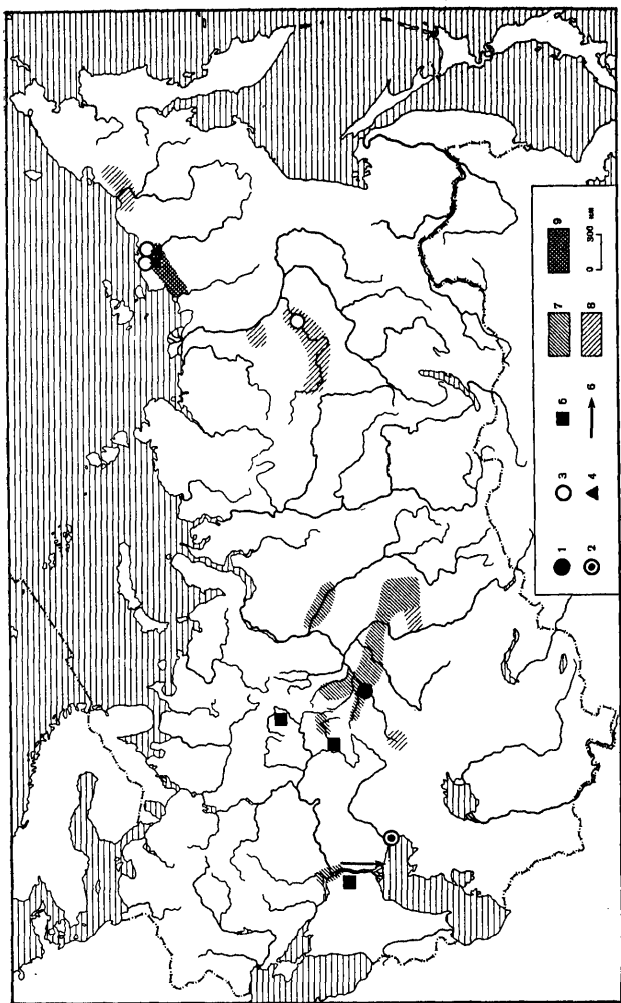

Рис. 9. Исторические изменения в распространении стерха (*Circus leucogaeus* Pall.).

1 — места, где найдены гнезда или встречены молодые непеленые стерхи в 60-х годах XVIII в.; 2 — то же, в 60-х годах XIX в.; 3 — то же, в 50—60-х годах XX в.; 4 — места гнездования стерхов в 10—30-х годах XX в.; (по сведениям местных жителей); 5 — места, где стерхи наблюдались во время кочевок во второй половине XIX в.; 6 — ярко выраженный пролетный путь стерха во второй половине XIX в.; 7 — места, где стерхи были отмечены во второй половине XVIII в. как более или менее обычные птицы вместе с другими, несомненно гнездившимися стерхами; 8 — места гнездования стерха во второй половине XIX в. (по литературным источникам); 9 — то же, в 1960 г.

Наиболее распространенным способом в XIV—XVII вв. была ловля птиц при помощи перевесов.

Как уже отмечалось, затраты труда на устройство перевеса могли оку-питься лишь там, где ловилось много дичи. Поэтому по размещению пере-весов можно, в известной мере, судить об обилии водоплавающей дичи. Сохранились сведения о том, сколько уток и гусей добывалось перевесами в отдельных местах. В Молого-Шекснинской низине, например, еще в сере-дине прошлого столетия перевесом нередко ловили по 200 уток за одну зарю. В те же приблизительно годы жители трех сел Василь-Сурского уезда в осенние ночи ловили по 3 тыс. уток и гусей «в сети» (Вейнберг, 1884). (Под «сетями» автор, по-видимому, подразумевал перевесные сети.) В долине р. Оби множество уток водилось еще в 80—90-х годах прошлого века. В Нарыньском крае за ночь добывали от 20 до 200 уток и несколько гусей, а около Самарова — от 50 до 100 уток и гусей.

Успех ловли птиц в значительной мере зависел от удачного выбора места и от расположения просеки. На прорубание просеки и поддержание ее в порядке нередко затрачивалось больше труда, чем на вязание и уста-новку самой перевесной сети. Поэтому в старинных документах под пере-весом («перевесьями», «перевесищами») обычно подразумевалась не сама сеть, а просека и место, где устанавливалась сеть. В одном из актов, отно-сящихся к истории Вятского края, упоминалось, например, «перевесье еловое... рощисть отца моего» (Древние акты, относящиеся к истории Вятского края, 1881, стр. 33). Перевесные «плохи» (просеки) передава-лись по наследству и могли быть проданы, обменены или переданы, как вклад, монастырю и т. д.

Важное экономическое значение перевесов видно из того, что в ста-ринных правовых кодексах (Правда Русская, Статуты Великого княжест-ва Литовского, Судебник Ивана Грозного) имелись специальные пункты о строгих наказаниях лиц, укравших перевесную сеть или испортивших перевесье. Еще С. Руденко (1929) — автор специальной статьи о пере-весах — обратил внимание на то, что они были в России широко распростра-нены. После опубликования этой статьи вышло в свет несколько обширных собраний древних актов по истории нашей страны, в которых содержатся упоминания о местах, где устраивались перевесы. Это дает возможность рассмотреть географическое размещение перевесов более обстоятельно, чем прежде.

Перевесы устраивались не во всех природных зонах. В зоне тундр, где узкие полоски леса или кустарниковых яв были только по долинам неко-торых рек, водоплавающую дичь при помощи перевесов, по-видимому, не ловили. В северной тайге перевесы устраивались во многих местах. В ис-торических актах приводятся сведения о них по рекам Ластоле, Онеге, Неноксе, Емце, Лодме, Северной Двине, Мезени, Удоре, Выми, Ижме, Печоре, Ляпину, Северной Сосье (Юрьев, 1852; Акты Холмогорской и Устюжской епархии, 1894; Акты правления царя Василия Шуйского, 1914). В Вымской земле в 1608 г. было 76 перевесов, с которых брался оброк.

Более многочисленны сведения о размещении перевесов в южных час-тях лесной зоны. Значительная часть их касается размещения перевесов в Молого-Шекснинской низине и Подмоскowie и относится к XV—XVII вв. Из рек, на которых устраивались перевесы, наиболее часто упоминаются Молога, Шексна и некоторые их притоки, Клязьма с Шерной и Дубной. Много их было и в долине Оки. Наиболее ранние сообщения о их разме-щении относятся к середине XIV в. Сохранились сведения (XVI и XVII вв.) о перевесах по рекам Мокше, Пьяне, Суре и некоторым их притокам. О размещении их в Белоруссии и Смоленской земле данных немного. Объясняется это отчасти тем, что в исторических документах XV—XVII вв., касающихся этих территорий, о птичьих ложах сообщается в

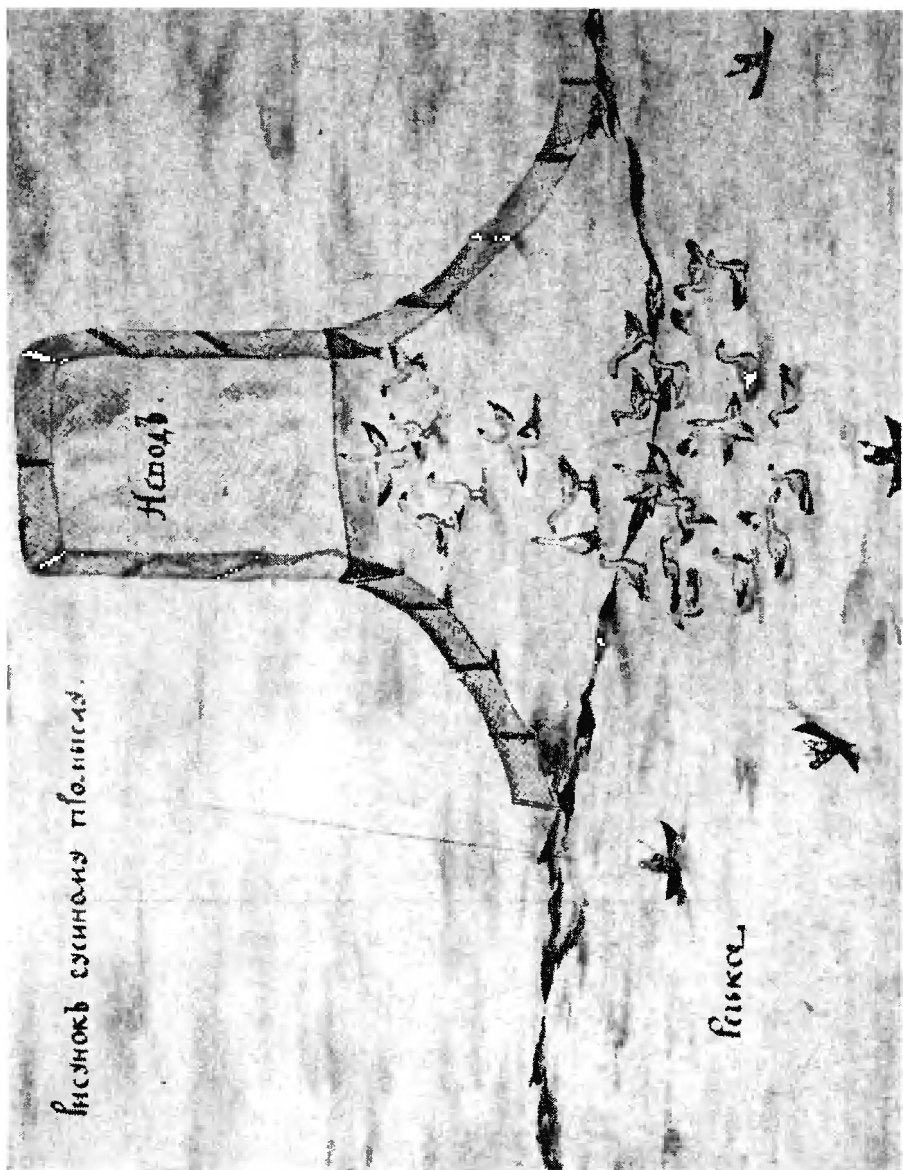

Рис. 10. Ловля белых гусей — 60-е годы XVIII в. (ЦГАДА. Фонд 24, л. 55).

общей форме, без упоминания, где птицы ловились при помощи перевесов, а где другими способами. Прямых же указаний, где именно ставились перевесы, мало. В долине Днепра перевесы отмечены в окрестностях городов Любеча, Могилева и Дорогобужа (XVI—XVII вв.).

В лесостепи перевесы были так же обычны, как и в южной полосе лесной зоны. Хорошо известно и не раз упоминалось в различных изданиях сообщение летописца, что во владениях великой княгини Ольги были перевесища по р. Днепру (около г. Киева) и по р. Десне. В источниках XVI и XVII вв. имеются сведения, что перевесы устраивались на р. Десне у г. Новгород-Северского, а также и на других реках в бассейне р. Десны — по Сейму, Ивоти, Малотечке, Ласке и Выри. Упоминалось также о перевесах по р. Пселю и по Северскому Донцу (в Чугуевском уезде). В бассейне Дона они в XVI—XVII вв. были наиболее обычны по рекам Хопру, Вороне и Корочану. Реже упоминания о перевесах по рекам Быстрой и Тихой Сосне, Калитве и Черной Калитве, Семейне, Полубенке и Мароку.

В те же века ловили птиц перевесами в верхнем течении р. Цны и ее притоков — р. Челновой и р. Отъясы. В лесостепном Приуралье они существовали еще в XVIII в. как по рекам Ику, Деме, Уршаку и Уфе, так и в Зауралье, где ловлю птиц перевесами наблюдал П. С. Паллас.

Водоемы в украинских степях, на Дону (в пределах степной зоны) и в Поволжье изобиловали водоплавающей дичью вплоть до начала XIX в., но ловля уток и гусей при помощи перевесов там, по-видимому, не практиковалась, так как в долинах степных рек было мало таких мест, где можно было бы устраивать перевесы.

Кроме географического размещения перевесов исторические акты позволяют установить, что ловля перевесами в южных и тех же местах производилась в течение десятилетий и столетий. В 20 км к северо-востоку от Москвы находятся небольшие Медвежьи озера. Возле них птиц таким образом ловили, по крайней мере, более 100 лет. Наиболее раннее из известных сообщений о перевесах в этом районе относится к 1380—1382 гг., а наиболее позднее — к 1498—1499 гг. (АСЭИ, 1958). Сведения о перевесах в долине Оки в пределах Рязанского края охватывают время с 1356 по 1628 г. Следовательно, в этих местностях пролетало так много водоплавающих птиц, что было выгодно устраивать и поддерживать перевесы в течение многих лет. Такой же вывод можно сделать относительно Молого-Шекснинской низины, где ловля птиц перевесами отмечена во многих исторических актах, начиная с середины XV в. и кончая серединой XIX в. Сведений о том, какие именно птицы ловились перевесами, сохранилось немного. Известно, например, что кое-где в них попадались главным образом гуси, а не утки. Так, в исторических документах XVI—XVII вв., относящихся к Темниковскому и Кадомскому уездам, упоминались гусиные перевесы.

Белый гусь (*Chen caerulescens* L.)

В XVIII—XIX вв. белый гусь водился не только в Восточной Сибири, где он местами встречается и теперь, но и в Западной Сибири. При Петре Первом в Сибирь были посланы указы, в которых повелевалось ловить «всяких родов курнозых зверей також красных гусей и протчих зверков и птичек» и присылать их к царскому двору. Среди птиц, отправленных из г. Тобольска в 1725 г., было «два гуся белых диких чернокрылых»¹⁵. Столетием позже сообщалось, что в Березовском округе водились белые гуси (Снаский, 1824а). Сохранились сведения и о том, что в середине XVIII в. пролетные белые гуси показывались в Исетской провинции (Рычков, 1762).

¹⁵ ЦГАДА. Фонд Кабинет Петра Первого, кн. 61, л. 430; кн. 73, л. 1015.

Сведений о белых гусях в Восточной Сибири гораздо больше. В путевом журнале геодезистов Лесотьева, Лысова и Пушкарева сохранилось интересное описание промысла линных белых гусей на р. Крестовке в 60-х годах XVIII в. «Онне [белые гуси] окроме той речки по близости Нижне-Ковьмьской крепости нигде не ливают», — писали геодезисты. Промысел гусей проиаводился следующим образом: «изправитши из мереж невод, оной ставили на песку на кольях поперег берега, а крылья неводных у самой воды. Потом потаенно, присмотревши гусей, обходили их одаль, чтоб они не могли видеть и не убежали. Ибо онне гуси, распустивши крылья, бегать весьма резвы, так что не каждой человек настигать может. А когда они обойдены, то, куда надобно, гонят. И как их гонят, то беспрестанно крычат, и к ним летучие, которые еще не обивают, прилетают и с ними плуют. И как их пригоняют к неводу, у крыльев неводных лягут потаенно по человеку, а в ветках, то-есть в лепких лодках, два или три человека гонят с воды на берег в воду, и как оне подойдут, лежащие у крыльев станут, так же и из веток и, загонивши в невод, убивают»¹⁶ (рис. 10).

В начале XIX в. белых гусей было много в приморских районах между реками Яной и Кольмой, и их убивали тысячами (Аргентов, 1861). К 30—40-м годам этого столетия белых гусей стало меньше, но их еще промышляли во множестве в низовье р. Индигирки. Промысел белых линных гусей облегчался тем, что они были «смирными» и их легко было гнать в сети (Житков и Зензинов, 1915). В те же приблизительно годы в алазейской тундре этих гусей было так много, что тундра белела, как снег. Но уже в 1850—1855 гг. их прилетало туда очень мало (Аргентов, 1861). В дельте р. Индигирки и ближайших районах тундры белые гуси в 10—30-х годах XX в. были уже редки (Житков и Зензинов, 1915; Михель, 1935). Но совсем они все же не перевелись; начиная с 40-х годов, белые гуси в низовьях р. Индигирки стали встречаться даже чаще. По словам местных охотников в восточной части дельты этой реки гуси гнездятся (Успенский, Беме и др., 1962). Изредка они гнездятся и в низовьях р. Колымы на морских островах и на мелководье, куда не может пройти лодка (Спангенберг, 1960).

Летом 1958 г. белые гуси наблюдались на пролете на о-ве Айон; по-видимому, они здесь изредка и гнездятся (Лебедев и Филлин, 1959). Встречаются они летом на побережье и к востоку от Чаунской губы. Основным местом, где белые гуси гнездятся и теперь во множестве, является о-в Врагеля. В материковой же Сибири, где в XVIII и в начале XIX в. они были многочисленны, их истребили, и гуси сохранились, как редкость, в немногих местах.

¹⁶ Там же. Фонд 24, разряд XXIV, д. 55, л. 21.

ПРОМЫСЛОВЫЕ ЗВЕРИ

Промысловые звери имели большее экономическое значение, чем птицы. Поэтому подробные сведения о добыче и размещении зверей появились в исторических источниках значительно раньше, чем о птицах. Особенно много данных о пушных зверях. Дать с покоренных народов бралась главным образом пушнина. Она же в течение долгого времени была одним из самых важных предметов экспорта. Некоторые виды пушнины были «заповедными», т. е. шли целиком государственной власти.

НАСЕКОМОЯДНЫЕ

Выхухоль (*Desmana moschata* L.)

В течение двух последних столетий численность этого вида непрерывно уменьшается. Около 200 лет назад шкурки выхухолей привозились на торги в г. Оренбург и Троицкую ярмарку и продавались там по 2 коп. за штуку (Кириков, 1960). В 1836 г. на одну только Нижегородскую ярмарку было привезено около 100 тыс. шкурок. Затем число выхухолей, привозившихся на ярмарку, стало падать. В 1849 г. было привезено 42 тыс. шкурок, в 1857 г. — 23 тыс., в 1861 г. — 3,2 тыс. (Журнал Министерства внутренних дел, 1836, 1850, 1857; Еларов, 1861). В конце XIX в. в целом по стране добывалось около 20—30 тыс. выхухолей в год (Туркин и Сатушкин, 1900). В последнее время добыча этого зверька разрепалась лишь в некоторые годы. В 1958 г., например, было заготовлено 2608 выхухольских шкурок; половину из них дала Владимирская область, 21% — Рязанская область, 15% — Чувашия, 7% — Горьковская область; в остальных местах Европейской части СССР было добыто всего по несколько выхухолей.

Уменьшение ее численности обуславливается разными причинами. Во многих местах ухудшаются условия ее жизни: реки и пойменные озера загрязняются и отравляются сточными водами; там, где пойменные луга распаханы, озера заиляются илом и песком и мелеют. В Подмосковье, например, на р. Переской и р. Гуслице выхухолей стало мало с тех пор, как Егорьевский кожевенный завод и Перский меланжевый комбинат стали сбрасывать в эти реки отравленные сточные воды. Кроме того, выхухолы часто гибнут, попадая в вентиляторы и ставные сети. Еще больше погубает их во время зимних паводков.

В последние годы у выхухолы появился серьезный конкурент — ондатра. По наблюдениям, произведенным в Тамбовской области, ондатра вытесняет выхухоль из ее коренных местообитаний, нападая на нее и выгоняя из нор (Скопцов, 1964).

Волк (*Canis lupus L.*)

Пределы распространения волка изменились за историческое время сравнительно мало. Как в первую, так и во вторую мировые войны, и в первые послевоенные годы площадь его распространения расширялась в тех областях, где шла война. В 1915—1925 гг., например, наблюдалось расселение волков в Белоруссии и Эстонии (Федюшин, 1929; Линг, 1955). После второй мировой войны (в 1948—1952 гг.) волков в Белоруссии снова стало больше по сравнению с предшествовавшими годами (Сержанкин, 1961). Во время второй мировой войны волки появились в Крыму, в Одесской, Херсонской, Кировоградской, Запорожской и Донецкой областях (Соккур, 1961). В связи с этим вспоминается старое народное поверье, существовавшее в Украинском Полесье: «У вовків ё пастір полісун. Він, значить, гоне их як овец; де война, то він туди и турить их на прокорм» (Еп. Филарет, 1873, стр. 5). Главная причина увеличения числа волков в местах, захваченных войной, заключалась, по-видимому, в том, что зимой в голодное для волков время, они находили во время войны больше корма, а борьбу с ними вести было некому.

В прошлом, когда человек преследовал и уничтожал волков менее энергично, чем теперь, они довольно часто нападали на людей, главным образом на детей. (Имеются в виду здоровые волки, а не бешеные.) Большая часть известных мне сообщений о нападении волков на детей, опубликованных в 1836—1850 гг., касается Белоруссии, Смоленской области и Украинского Полесья. В 1836 г. в Духовницком уезде появилось множество волков, которые растерзали нескольких детей. Для борьбы с волками была выслана целая рота, и за каждого убитого зверя выдавалось по 15 руб. В 1884 г. в Рогачевском уезде летом волк унес десятилетнюю девочку с поля, другой волк схватил на поле и унес на глазах у матери четырехлетнего мальчика. В том же году сообщалось, что волки растерзали четырех детей в Городницком уезде Черниговской губернии. В 1846 г. в Быховском, Рогачевском и Черниговском уездах Могилевской губернии волки унесли одиннадцать детей. В 1850 г. сообщалось, что волки свирепствовали в Минской, Могилевской, Гродненской, Виленской и Подольской губерниях. В одном только Слонимском уезде они погубили восемь детей (Журнал министерства внутренних дел, 1836, ч. 21; 1844, ч. 7; 1846, ч. 15 и 16; 1850, ч. 32).

Корсак

Основные места обитания корсаков, как прежде, так и в настоящее время, находятся в пустынях и сухих степях. Но в некоторые годы они появлялись далеко за границами их обычного распространения. В 1707 г., например, корсаки были настолько обычны в барабинской лесостепи, что ясачные люди Барабинской волости сдали 194 шкурки корсаков, Чойской волости — 37 шкурок и Кулебинской волости — 20 шкурок. В том же году корсаки заходили на южную окраину лесной зоны (вероятно, по долинам рек и по сухим еланям). Ясачные люди волости Ашлы Тобольского уезда сдали восемь шкурок корсака, Яскалбинской волости — пять и Ламинской — две; в Коурдацкой волости Тарского уезда было сдано пять шкурок и в Тунусской волости — три шкурки корсаков (Клириков, 1959). Изредка корсаки заходили в западносибирскую лесостепь и в совсем недавнее время. Так, в конце 40-х годов настоящего столетия они добывались южнее г. Тюмени, восточнее и южнее г. Кургана, западнее и южнее г. Омска и г. Барнаула (Янушевич и Благовещенский, 1952). В 1921 г., который считался годом обилия корсаков в Казахстане, они заселили сте-

пи северного Казахстана и следы их встречались тысячами. За несколько лет до этого они были здесь очень редки (Слудский, 1953).

Заходы корсаков в места, где они обычно не живут, бывают не только в годы их обилия, но и в суровые многоснежные зимы, когда условия жизни в обычных местах обитания резко ухудшаются. В многоснежную зиму 1955/56 г. корсаки появились, например, в лесостепном Поволжье (около Вольска и с. Тепловки), перейдя туда из заволжских степей (Козлов, 1956).

Песец (*Alorex lagopus* L.)

Промысловая добыча песца началась на Европейской территории нашей страны гораздо раньше, чем в ее Азиатской части. Ненцы, жившие в Усть-Цылемской и Пустозерской волостях, уже в XVI в. платили дань по два белых песца с человека, владевшего луком (Кириков, 1960).

Наиболее ранние сведения о песцах, вносившихся обдорскими немцами и ясачными людьми Березовского уезда, встречаются в ясачных книгах Сибирского Приказа, относящихся к концу 20-х годов XVII в. К началу XVIII в. число вносившихся песцов увеличилось почти в пять раз по сравнению с 1630 г. (В 1630 г. было сдано 465 песцовых шкурок, а в 1712 г. — 2205.) В Маггазэйском уезде песцы стали добываться в значительном числе лишь с конца XVIII в.

Как в историческом прошлом, так и в настоящее время песцы живут в тундрах и только зимой предпринимают перекочевки к югу, удаляясь от коренного места обитания на большие расстояния. В Западной Сибири в конце XVII и начале XVIII в. они сдавались, например, ясачными людьми в Темличевской волости Сургутского уезда, в Демьянском и Нарымском городках, в Калбинской, Торканской и Нарцовской волостях Тобольского уезда¹. Далекие заходы отдельных песцов известны и теперь.

Бурый медведь (*Ursus arctos* L.)

В наше время медведь стал почти повсеместно лесным зверем. Без леса они теперь могут обитать только в горных малолюдных районах (в Монголии, на сыртах Тянь-Шаня), но в XVI—XVIII вв. медведи жили в безлесных местностях и в степной зоне и в лесостепи. В XVI в. они водились в Очаковских степях, затем в степях по р. Савраия и в степном Поднепровье. Во второй половине XVIII в. их встречали в степях по р. Орели, в степных кустарниковых зарослях в Заволжье (по р. Самаре и р. Большая Кинель) и в Джулгарии.

В лесостепи медведей в историческое время было гораздо больше, чем в степной зоне. Вытеснение их из лесостепи происходило с запада на восток, т. е. в том же направлении, в котором протекало заселение и земледельческое освоение. Из украинской и среднерусской лесостепи медведи были вытеснены раньше, чем из лесостепного Поволжья, а из последнего — раньше, чем из Казахстана (рис. 11). В украинской правобережной и в среднерусской лесостепи ареал медведя сокращался в другом направлении, а именно: с севера на юг. Орловская и курская лесостепь стала заселяться земледельцами значительно раньше, чем более южная харьковская и воронежская, и во второй половине XVIII в. плотность людского населения там была значительно больше. Одновременно с быстрым заселением успешно развивалось земледелие и беспощадно сводились леса. Чем больше людей было в лесостепи, тем сильнее вырубались и сводились леса, тем большему беспокойству и преследованию подвергались медведи. Поэтому вполне понятно, что в орловской и курской лесостепи они исчезли раньше, чем в харьковской и воронежской.

¹ ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, кн. 987, 1242, 1473.

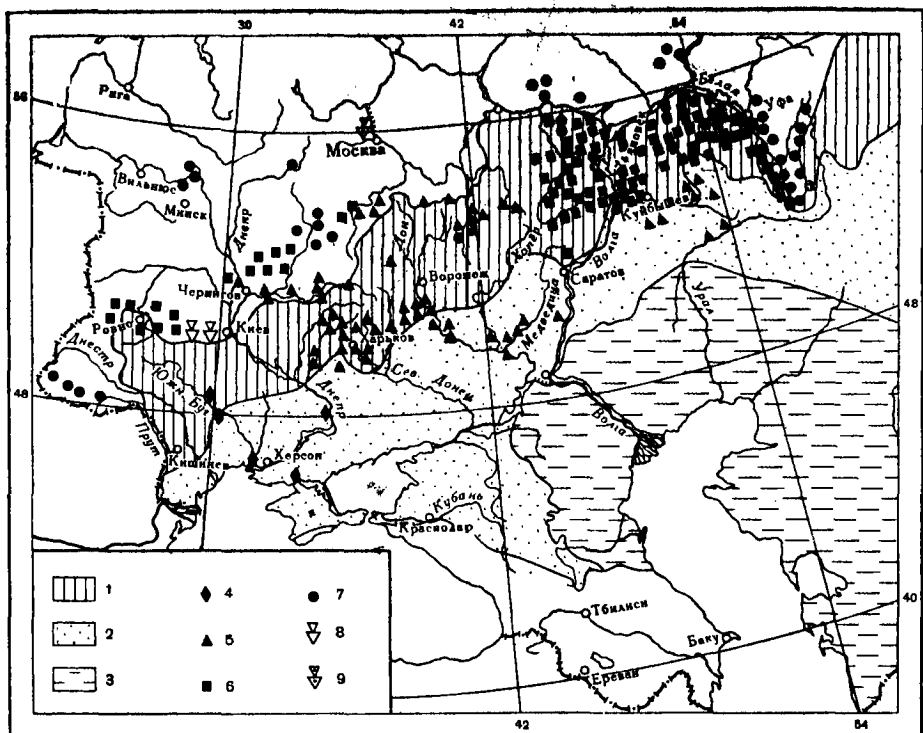

Рис. 11. Исторические изменения в распространении медведя (*Ursus arctos* L.).

Условные обозначения 1 — 3 см. рис. 5; 4 — места пребывания на степной Украине и в южной лесостепи во второй половине XVI в. и в первой половине XVII в.; 5 — наиболее южные места пребывания медведей во второй половине XVIII в.; 6 — то же, в первой половине XIX в.; 7 — наиболее южные места пребывания в 50-х годах XX в.; 8 — заходы медведей, отмеченные в первой половине XIX в.; 9 — то же в 50-х годах XX в.

Большие изменения в размещении медведя произошли и в лесной зоне, главным образом в ее южной полосе. Сокращение его ареала в этой зоне произошло значительно позже, чем в лесостепи. Примером может служить изменение размещения медведя в Белоруссии, в Минской и Могилевской губерниях. В первой из них в 1800 г. были известны 103 лесных дачи, в которых водились медведи². Больше всего водилось медведей в лесах Вилейского (26 дач) и Минского (18 дач) уездов, а меньше — в Дисненском (одна дача) и Речицком (пять дач). Неравномерное размещение медведей было связано с различной людностью, степенью обезлесения территории и превращения глухих старых лесов в мелколесье. В Могилевской губернии в 1783 и 1874 гг. (годы генерального межевания) медведи отмечались в 144 лесных дачах³. Больше всего таких дач было в Белицком (36) и в Рогачевском (22) уездах. Белицкий уезд впоследствии переименован в Гомельский.) В Чаусском уезде было три лесных дачи, в которых жили медведи, а в Мстиславльском, самом малолесном и лишнем глухих лесов уезде — только одна такая дача.

Особенно резкое уменьшение численности медведей в Белоруссии произошло в первую и вторую мировые войны. Очень мало осталось их также в Смоленской области и других западных и центральных областях. Лишь случайно заходят они в Московскую область. В Литве, Тульской области и в Татарии медведей теперь нет совсем. Чем меньше остается глухих и

² ЦГВИА. Фонд ВУА, д. 18 839.

³ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, все уезды Могилевской губернии.

спокойных для жизни медведей лесов, тем сильнее сокращается их ареал и численность. Поэтому на южной окраине ареала они сохранились главным образом в горах.

Многочисленность в лесах медведей мешала заселению и сельскохозяйственному освоению лесных территорий. В хозяйственной переписи, производившейся в Прикарпатье в 1565 г., об одном из сел Сяноцкой волости сказано, что «хоч там и добро місце для осаждения села, але ліс там великий и богато медведів, що нищать добро осадникам. Тому там небогато осіло і мало ще разробили ґрунту» (Жерела до истории України — Руси, 1900, стр.). Главным «добрим», которое уничтожали медведи, был скот, борти и посевы овса. В некоторых лесостепных местах, например, в Коротоякском уезде Воронежской губернии также отмечалось, что медведи причиняли значительный вред, нападая на скот.

Соболь (*Martes zibellina* L.)

При определении ареала соболя в историческое время особенно длительный спор ведется относительно того, где проходила западная граница этого вида. А. Ф. Миддендорф (1869, стр. 79) пришел к заключению, что он «останется перешенным до тех пор, пока может быть в старинных актах отыщутся на это несомненные свидетельства». Затем А. Ф. Миддендорф добавил: «Поэтому я обращаю особенное внимание на этот пробел. Зоологии предстоит еще почерпнуть много пояснений из исторических документов».

В моих предшествовавших публикациях, используя новые данные исторических источников, я попытался доказать, что в историческое время соболь был распространен гораздо дальше к западу, чем теперь, и еще в конце XVIII в. встречался в Белоруссии, а на севере Европейской России его добывали и позже (Кириков, 1958, 1960). Этот вывод встретил возражения со стороны некоторых зоологов. Наиболее пространные возражения были изложены В. Н. Павлиным (1963, стр. 81), который утверждает, что в западной России соболя не было, что современная западная граница ареала этого вида является первичной, а не вторичной, и что «соболь и в давние времена поступал только из Югры, т. е. с территории, занимавшей Северный Урал и нижнее течение р. Оби». Все эти положения В. Н. Павлина неверны. Постараюсь доказать это, основываясь только на таких материалах, которые не допускают двух толкований и в которых говорится несомненно о местных соболях.

Вскоре после того как Великий Новгород потерял самостоятельность и его владения перешли к Москве, Иван III наложил дань на население, жившее в бассейнах рек Удоры (Вашки), Мезени, Выми, Вычегды, Сысолы и в верховья Камы. Как уже указывалось в первой части книги, жители Удорской земли должны были платить государству в 228 соболей («по соболу с лука»); дань с Вымской земли была установлена в 367 соболей, с Вычегодской — в 438 соболей, с Вишерской — в 46 соболей, с Сысольской — в 536 соболей и с Ужовских волостных угодий — в 92 соболя (Документы по истории Коми, 1958).

В грамоте Ивана III подробно описано, какие территории входили в ту или иную «землю». В Удорскую землю входили бассейны р. Удоры (от верховья до устья) и ее притоков («падунов») — рек Чурмы, Олсы, Ертомы, Ночьянора, Ин, Пучкомы, Комши, Олемы (левые притоки), Лаптюги, Косы, Содзимы, Рулы, Чебьюги, Елы, Цыленги (правые притоки) и некоторых других речек, впадавших в Удору, а также бассейны р. Мезени (от истока до впадения Удоры) и ее притоков — Песьи (Песьюги), Севки, Ирвы, Лаптюги, Пысы, Небы (левые притоки), Пузлы, Пурайма, Кривой, Упы, Лебы, Вежи, Пижмы, Комы, Ираса (правые притоки) и некоторых других. Вымская земля занимала бассейны р. Выми и ее притоков; Вишер-

ская — бассейны р. Вишеры и ее притоков, Вычегодская — бассейн нижнего течения р. Вычегды (от устья Вьмы до впадения Вычегды в Северную Двину). В Сысольскую землю входил бассейн среднего и нижнего течения р. Сысолы, часть верхнего течения Вычегды и бассейн р. Лулы и р. Веселой (притоков Камы). Ужговские волостные угодья были расположены по р. Казимию и верховьям Сысолы и Камы.

Следовательно, в конце XV в. соболи были распространены на Европейском Севере далеко к западу от Урала и служили предметом промысла местного населения на обширном пространстве, простиравшемся на запад по крайней мере до междуречья Пинеги и Удоры.

К началу XVII в. (через 100 с лишним лет, после того как была послана грамота Ивана III, определявшая размер государевой дани) население в Удорской, Вымской, Вычегодской, Вишерской и Сысольской землях в значительно увеличилось и здесь уже было три посада, 47 погостов, 477 деревень и 81 починок. Несмотря на это, промысел соболя продолжал существовать. В писцовой книге Яренского уезда, составленной в 1608 г., отмечено, что крестьяне Удорской волости (так стала называться Удорская земля), Вымской, Вычегодской и Сысольской земель должны платить оброк не только за промысел белок и бобров, но и за промысел соболей (Акты времени правления царя Василия Шуйского, 1914) ⁴.

К середине XIX в., когда область распространения северо-европейских соболей сильно сократилась, они все еще оставались в огромных глухих лесах по р. Удоре, и охотники Яренского и Усть-Сысольского уездов отправлялись на охоту за соболями не только на восток — в печорские леса, но и на запад — в удорские леса (Михайлов, 1851).

Несомненные свидетельства того, что соболи водились в Белоруссии, найдены в «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию Климовичского и Рогачевского уездов ⁵.

Таким образом, анализ исторических документов, в которых указаны места (в Европейской России), где добывались соболи, приводит к следующим выводам: 1) в XV—XVIII вв. соболь встречался и на Европейском Севере, и в Белоруссии; 2) современная западная граница распространения соболя является вторичной, а не первичной; 3) в XV—XVI вв. и в начале XVII в. шкурки соболей поступали в Московское государство не только из Югры и с Печоры, но и из Удорской, Вымской, Вычегодской и Сысольской земель.

К концу XVIII в. в западных и северо-западных областях Европейской России соболь оставался лишь в отдельных изолированных очагах. В. Н. Павлинин (1963) недоумевал, чем объяснить такой разорванный, пятнистый ареал, если признать, что соболь водился и в Белоруссии и на северо-западе нашей страны. Однако ничего удивительного в этом нет. То же самое наблюдается и у многих других видов, ареал которых резко сокращался. Всем известно, например, как от обширного ареала бобра к началу настоящего столетия осталось лишь несколько изолированных очагов. То же произошло к концу XVIII в. с зубром. Наряду с местами обитания соболя в XV—XVIII в., относительно которых никаких сомнений не возникает, на рис. 12 показаны также те места, в которых устанавливаемое по историческим документам обитание соболя возможно, но не бесспорно.

Основываясь на данных исторических источников, я высказал мнение (Кириков, 1960), что в недавнем прошлом соболь проникал в Зауралье и Сибирь значительно дальше к югу, чем теперь. Этот вывод также встретил

⁴ Волосной покров соболей, добывавшихся в XVII в. в лесах по р. Сыsole, отличался местными особенностями; они выделялись пушниками в отдельный «кряж» и назывались «сысольскими» соболями (Макаров, 1945).

⁵ ЦГАДА. Фонд Экономические примечания, Климовичский уезд, д. 14; Рогачевский уезд, лд. 27 и 28.

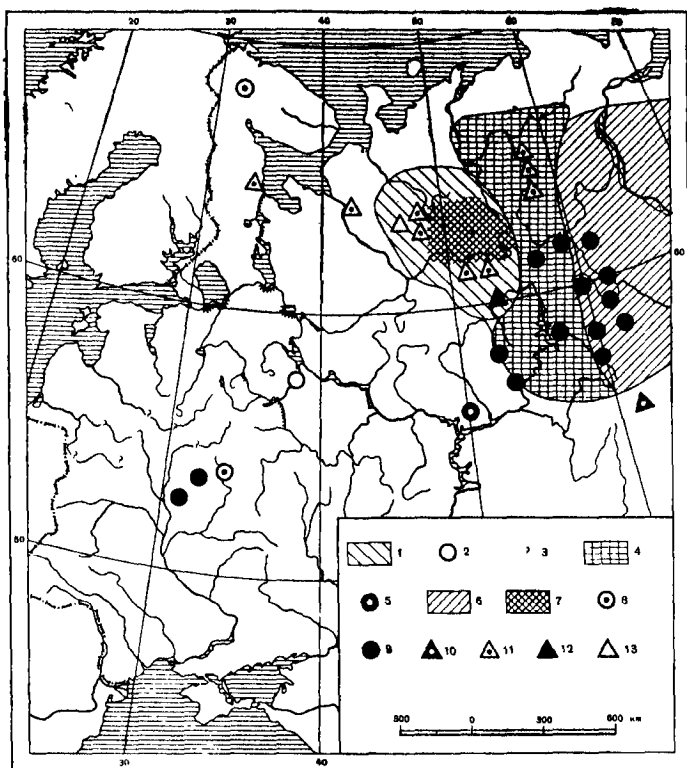

Рис. 12. Исторические изменения в распространении соболя (*Martes zibellina* L.).

1 — земли, жители которых платили ясак соболями в XV в.; 2 — очаг пребывания соболей в Центральной России в XV в.; 3 — воеводства и полести, платившие в XV в. ордынщину шкурками соболей, происхождение которых не выяснено; 4 — земли, жители которых платили ясак соболями в XVI в.; 5 — очаг пребывания соболей в Волго-Камском крае в XVI в.; 6 — земли, жители которых платили ясак соболями в XVII в.; 7 — земли, жители которых платили оброк за промысел соболей в XVII в.; 8 — очаги пребывания соболей в XVII в.; 9 — то же, в конце XVIII в. и начале XIX в.; 10 — места добычи в Зауралье в XVIII в.; 11 — места добычи единичных соболей в 30–50-х годах XIX в. на Русской равнине и в Предуралье; 12 — то же, в начале XX в. на севере Русской равнины; 13 — то же, в 50-х годах XX в.

возражение со стороны В. Н. Павлишина (1963), утверждавшего, что соболя в лесостепи не было. В этом случае мнение В. Н. Павлишина также ошибочно. Он упускает из виду, что лесные угодья в лесостепи претерпели большие изменения — многие леса, особенно хвойные, сведены, и ель под воздействием хозяйственной деятельности человека отступила далеко к северу.

Изменения природных угодий лесостепи и непосредственный промысел животных отразились не только на соболе, но и на других видах, распространение которых по сравнению с прошлым здесь резко сократилось.

При рассмотрении исторических изменений численности соболя в Сибири обращает на себя внимание очень сильное уменьшение ее на большей части этой территории к концу XVII в. К началу XIX в. она кое-где значительно восстанавливалась, но затем из-за чрезмерного промысла стала опять падать, и в первое тридцатилетие XX в. добыча соболя в значительной части Сибири была запрещена.

Во втором десятилетии XX в. в результате длительного полного или частичного прекращения охоты и искусственного расселения соболя, его численность и добыча во многих местах Сибири (особенно в ее правобережной приенисейской части) стали почти такими же, как в 30—40-х годах XVII в.

Более 200 лет назад отмечалось, что соболи иногда подвергаются заболеванию, напоминающему чесотку (Крaшенинников, 1949). Это приносило большой ущерб промыслу, так как шкурки таких соболей были плохого качества и браковались. Соболи страдали от этого заболевания и в следующие столетия; природа его до сих пор еще не выяснена.

Лесная куница (*Martes martes* L.)

В прошлом распространении куницы прежде всего обращают на себя внимание две особенности. Во-первых, в XV—XVII вв. этот вид был очень редким (или даже отсутствовал) в восточно-европейской и уральской северной и средней тайге, где в то время был обычен соболь. Как уже отмечалось, в конце XV в. государева дань с Удорской, Вымской, Вычегодской, Вишерской и Сысольской земель была установлена в соболях. С тех же земель в начале XVII в. власти брали оброк за охоту на соболя, белку и бобра. О кунице же ни в грамоте Ивана III, ни в писцовой книге 1601 г. не упоминается.

Ясачные люди, жившие в северной и средней тайге Урала и Приуралья (Ляпинская, Лозвинская, Сосьвинская, Косьвинская, Первая и Вторая Ляпинская, Верхне- и Нижне-Туринская волости), сдали в 1630 г. 2028 соболей шкурок, в 1651 г. — 670 шкурок и в 1660 г. — 751 шкурку. В эти же годы со всех этих волостей было взято всего четыре шкурки куниц. Но в более южных районах Верхотурского уезда, расположенных в южной тайге и отчасти в полосе елово-широколиственных лесов (в Мулгайской, Аятской, в двух Верх-Чусовских и в двух Верх-Уфимских волостях) в эти же годы было собрано 289 куниц. Но соболи преобладали и здесь (1197 штук). В Кунгурском уезде, расположенном в Предуралье в елово-широколиственной полосе лесной зоны, численное соотношение куниц и соболей было противоположным тому, которое существовало в северо- и среднеуральской тайге. В 1631 г. ясачные люди Кунгурского уезда внесли весь положенный с них ясак куньими шкурками (512 штук), а в 1698 г. они сдали 444 шкурки куниц, а за остальную часть ясака уплатили деньгами (Кунгурские акты, 1883; Акты писцового дела, 1917).

Другая особенность прошлого распространения лесной куницы заключалась в том, что в XVII в. ее ареал заходил значительно дальше на восток, чем в настоящее время. В последние три десятилетия область распространения в Западной Сибири лесной куницы начала восстанавливаться (Кириков, 1960).

Каменная куница (*Martes foina* Erxleben)

Ареал этого вида куниц не заходит в северную тайгу; не заходил он сюда и в историческое время. К югу же он простирается значительно дальше, чем ареалы лесной куницы и соболя.

В Азиатской части СССР каменные куницы встречаются теперь в горных районах от Кавказа до южного Алтая. В конце XVII — начале XVIII в. они изредка добывались в Прибайкалье (в Иркутском и Нерчинском уездах). Какие именно куницы здесь тогда жили, в исторических источниках не отмечено. По всей вероятности, это были каменные, а не лесные куницы.

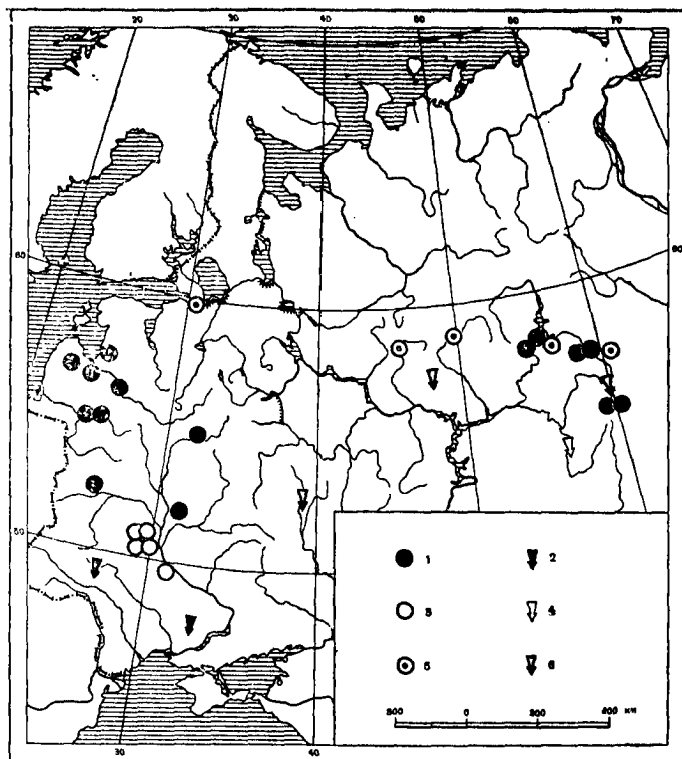

Рис. 13. Исторические изменения в распространении росомахи (*Gulo gulo* L.) на южной окраине ареала.
 1 — места пребывания в 1740—1830 гг.; 2 — наиболее южные заходы росомахи в те же годы; 3 — места пребывания в 1850—1880 гг.; 4 — наиболее южные заходы росомахи в те же годы; 5 — места пребывания в 50-х годах XX в.; 6 — наиболее южные заходы в те же годы

Росомаха (*Gulo gulo* L.) и рысь (*Lynx lynx* L.)

Росомаха — один из крупных хищников, чья область распространения значительно сократилась в историческое время, особенно в Европейской части страны (рис. 13). Значительно изменилось распространение и рыси (рис. 14).

КОПЫТНЫЕ

Лось (*Alces alces* L.)

Наиболее ранние сведения о том, где наши предки охотились на лосей, относятся к XII в. Эти сведения, так же как и известия, относящиеся к XII—XVI вв., редки и касаются лишь отдельных мест. В исторических источниках XVII в. уже довольно много данных о том, где в то время водились лоси. Большая часть их касается распространения сохатых в Европейской части страны.

О размещении лосей в степной зоне в XVII в. известно только, что в начале этого столетия они встречались на территории, расположенной между низовьями Днепра и Дона, а в 60-х годах шкуры сохатых вывозились в Московское государство из казачьих городков, расположенных на Дону. Значительно больше сведений о распространении сохатых в лесостепи. Во второй половине XVII в. их добывали в левобережной подис-

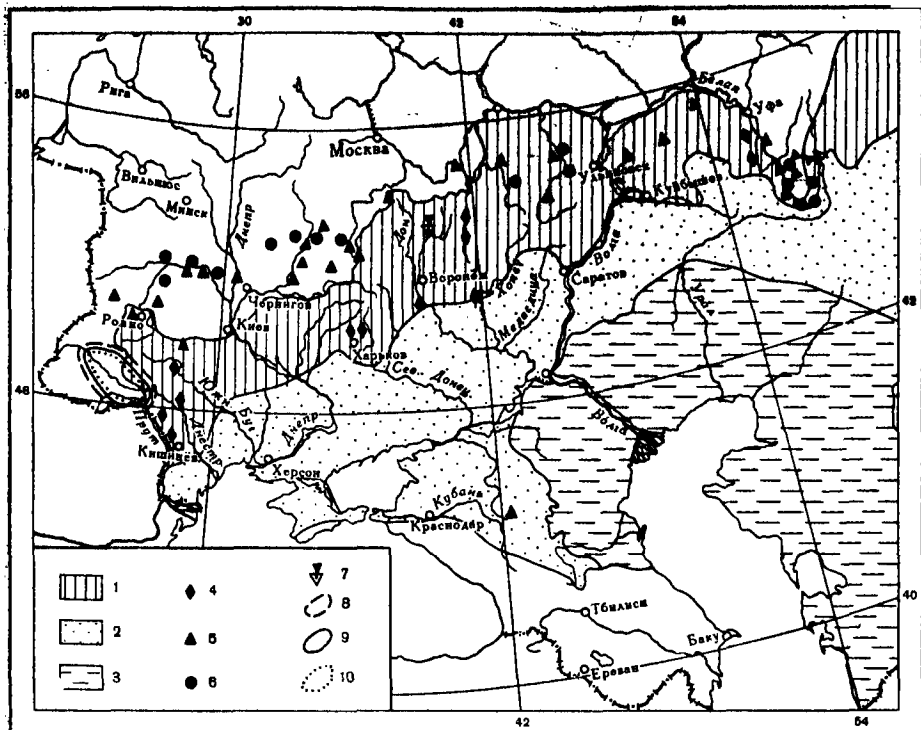

Рис. 14. Исторические изменения в распространении рыси (*Lynx lynx* L.) на южной окраине ареала

Условные обозначения 1—3 см. рис. 5; 4 — места распространения во второй половине XVIII в. и в первой трети XIX в.; 5 — то же, во второй половине XIX в. и в начале XX в.; 6 — места современного распространения; 7 — заходы; 8—10 — ареалы распространения в Карпатах; 8 — во второй половине XVIII в.—первой трети XIX в.; 9 — во второй половине XIX в.— начале XX в.; 10 — современного

провской лесостепи и во многих местах Белгородского полка, занимавшего территорию, которая входит теперь в курскую лесостепь. Тогда же на лосей охотились в лесостепи, в бассейне Северского Донца и в низовье р. Оскола. Чугуевские и царевборисовские охотники добывали здесь и живых лосей, которых отправляли к царскому двору в Москву. Еще больше сведений о лосях, обитавших в лесостепи по рекам Воронежжу (Польному и Лесному), Савале, Вороне, Хопру и их притокам. О том, где и сколько лосей было в этом столетии в лесной зоне, сведений сохранилось меньше, чем по лесостепи. Известно, например, что много лосей добывалось в Смоленской земле в Бельских лесах, а также в Ельнинской и Касплянской дворцовых волостях, и что много лосин ввозили в Московское государство из Сибири.

В XVIII в. наиболее южными местами распространения сохатых были Прикарпатье, Предкавказье и заволжские леса по р. Самаре. В Прикарпатье лоси еще в 20-х годах этого столетия водились в Покутье. (Так называлась тогда местность, расположенная между Трансильванией на западе и верховьями Днестра и Прута на востоке.) Около 40 лет спустя лосей в Украинском Прикарпатье уже не оставалось; последний зверь был убит здесь в 1760 г. (Zawadsky, 1840) ⁶. В Предкавказье лоси отмечались

⁶ В Румынских Карпатах лоси оставались значительно дольше. Еще в 1830 г. они водились в горных местах Путненского, Бокевского, Нямского и Сучавского цыцутов (ЦГВИА. Фонд 438, д. 550, л. 286).

в окрестностях г. Тюрки (Schöber, 1760) и в лесах по р. Куме (Gmelin, 1784).

В Заволжье во время путешествия П. С. Палласа довольно много лосей держалось между городком Алексеевским и Борской крепостью и в окрестностях г. Бузулука.

Размещение лося в первой половине XVIII в. в лесостепи было довольно сходно с их распространением там в XVII в. В начале XVIII в. лоси были обычны в лесах по р. Савале. В 30—40-х годах они еще встречались в киевской лесостепи, водились в Черном лесу, изредка добывались стрельцами Лубенского полка, были нередки на территории Черниговского и Харьковского полков; живых молодых лосят ловили в Битюгской дворцовой волости. К 70—90-м годам распространение лосей в лесостепи сильно сократилось. В исторических источниках, относящихся к этому периоду, отмечено, что они изредка встречались в лесостепной Волыни; а о лосях в киевской, харьковской и воронежской лесостепи не упоминается. Не было лосей и в лесостепных уездах Рязанской губернии. В курской лесостепи они изредка попадались только в Рыльском, Лгвовском и Дмитриевском уездах. В тамбовской лесостепи они были отмечены лишь кое-где в Шацком, Спасском и Моршанском уездах, а в пензенской лесостепи — только в Керенском уезде. В примечаниях к генеральному межеванию лесостепных уездов Поволжья и Приуралья о лосях упоминаний нет. (Напомним, что эти примечания составлялись в самом конце XVIII и в первых трех десятилетиях XIX в.)

Уменьшение численности лосей замечалось и в лесной зоне. В Прибалтике, Петербургской, Новгородской и Псковской губерниях их было очень мало в течение всего XVIII в. В конце этого столетия лосей было мало в северной (Витебская губерния) и в большей части восточной Белоруссии (в Быховском, Копыльском, Могилевском, Чаусском, Оршанском и Мстиславском уездах). В большей части уездов Минской губернии, а также в Беляцком (Гомельском), Рогачевском и Климовичском уездах Могилевской губернии сохатые отмечались во многих лесных дачах. Много их было и в лесах Литвы. В Волинском Полесье лоси в эти годы водились только в Луцком, Ровенском и Новгород-Волинском уездах. В Черниговщине они встречались изредка и в немногих местах.

В Центральном крае, особенно в его восточной части, лосей в эти же годы было меньше, чем в Западном крае. В Тверской, Ярославской и Владимирской губерниях они водились в очень немногих местах и их было мало. В Московской губернии лоси не встречались. В Калужской губернии сохатые попадались только в трех уездах, а в Тульской губернии — только в Малицовой засеке. Значительно шире были распространены лоси в Смоленской губернии, в лесной полосе Орловщины они жили постоянно в Трубчевском и Карачевском уездах, а в Брянский и Болховский заходили лишь временно. В конце XVIII в. лоси были редки и на большей части территории Воляско-Камского края. В эти годы сенат предоставил Павлу Первому рапорт, что ясачные люди Кунгурского уезда не могут платить ясак лосиными и оленьими шкурами, так как этих зверей стало мало.

Причины резкого сокращения ареала лосей и уменьшения их численности не вполне ясны. Вероятно, это объяснялось не только чрезмерным промыслом этих зверей, но и гибелью их от заразных болезней. Как уже отмечалось, лоси могли заражаться от рогатого скота, так как в то время к Москве, Петербургу, Риге и на Макарьевскую ярмарку его переточивали из южных и восточных губерний большими партиями.

В Сибири такого резкого уменьшения численности лосей в XVIII в., по-видимому, не было. Как уже указывалось, в 1737 г. на фабрику, выделявавшую доски, из одной Тобольской рептерии было отправлено 6176 кож. Большую часть их составляли кожи лосей разного возраста («сочины, сохатны, тогушины»), а меньшую — кожи маралов («сыни-

ны»). Из Енисейской провинции в 1765 г. на лагуно же фабрику было доставлено 4254 лосины, а в 1766 г. — 3296 (Вагнер, 1913). В середине того же столетия отмечалось, что в Восточной Сибири плотность лосиного поголовья значительно ниже, чем в Западной Сибири (Миллер, 1756). Г. Ф. Миллер объяснял это тем, что сохатые предпочитают заселять их низинные, а не горные леса. Но главной причиной было, вероятно, то, что светлая лиственничная тайга, господствующая в Восточной Сибири, менее пригодна для жизни лосей, чем смешанная хвойно-лиственничная тайга и болотистые урманы Западной Сибири (Кириков, 1960).

Сокращение ареала лосей и уменьшение их численности продолжалось в Европейской России почти в течение всей первой половины XIX в. Затем их стадо начало нарастать, и они появились во многих местах там, где их в конце XVIII в. и первых трех-четырёх десятилетиях XIX в. совсем не было или же они встречались очень редко.

Расселение лосей и увеличение их численности происходили неравномерно. В лесах Архангельской губернии лосей было много уже в 40-х годах XIX в. и местами (например, около оз. Ковдо) отмечались огромные стада сохатых. В Макарьевском и Семеновском уездах Нижегородской губернии, а также в Макарьевском и Варнавинском уездах Костромской губернии лосей было много в 50-х годах. В эти же годы по-прежнему много водилось их в Минской губернии, и они густо населяли Духовщинский, Дорогобужский, Юхновский и Рославльский уезды Смоленской губернии, а также Трубчевский и Севский уезды Орловской губернии. Но в ряде районов Средней России лоси в 50-х годах еще начали появляться. Так, в бассейне р. Шексны сохатые появились около 1852 г.; в это же, приблизительно, время они были еще редки в Ярославской губернии и стали появляться в Тверской губернии. В Московской губернии число лосей начало заметно увеличиваться с 1857 г. и возрастало до 70-х годов. В Тульской губернии еще в самом конце 40-х годов лосей не было нигде. В Рязанской Мещере сохатые появились в начале 60-х годов, а во Владимирской губернии были редки еще в 1846—1853 гг. В середине XIX в. они отмечались в марийских лесах (Царево-Кокшайский уезд) и на правобережье Среднего Поволжья, но в лесостепном Заволжье (в Бугульминском, Бугурусланском и Бузулукском уездах) их в эти годы не замечали (Эверсман, 1850). В лесах же Литвы число лосей резко уменьшалось. Причиной тому была вырубка лесов карательными отрядами во время подавления восстания польского народа.

В конце XIX в. и в первом тридцатилетии XX в. снова произошло резкое сокращение площади распространения и уменьшение численности лосей. Затем их число снова стало возрастать, причем год от году все быстрее, и они начали расселяться как к югу, так и к северу. Теперь границы распространения сохатых очень близки к тем, которые существовали в XVII и начале XVIII в. Расселяясь к югу, лоси появились в Предкавказье. В 1958—1960 гг. они были отмечены в Миллеровском, Вешенском, Боровском, Цымлянском, Неклиновском и Азовском районах Ростовской области (Фетисов, 1960).

Численность лосей в конце 50-х годов XX в. определялась приблизительно в 300 тыс. голов (Исаев, 1959). Спустя три года (Банников, 1962) была названа цифра в 600 тыс. голов. Трудно сказать, насколько точно отражали эти цифры действительную численность данного вида.

Поразительный рост лосиного стада произошел в 1930—1960 гг. не только в нашей стране, но и в Скандинавии, Финляндии и на Аляске. Изменения численности и ареала лосей в Швеции были, по существу, такими же, как и в западных областях СССР. В середине XVIII в. они оставались преимущественно в центральных провинциях Швеции, а к началу XIX в. почти исчезли и там. В первой половине XIX в. лоси сохранились в Швеции лишь благодаря запрету охоты на них в 1808—1817,

1826—1835 и 1850—1852 гг. В течение XX в. они широко распространились по всей Швеции; наибольшая численность их была в центральных областях. В течение последних 20 лет наблюдалось расселение лосей по новым местам, особенно в Шведскую Лапландию. В 1945 г. в Швеции насчитывалось около 47 тыс. лосей. Осенью того же года было убито 11 тыс. сохатых, в последующие годы их отстреливали до 20 тыс. В 1953 г. число лосей определялось приблизительно в 90 тыс. голов. Осенью того же года было убито 25,4 тыс. лосей (Lindahl, 1961).

Главными причинами роста населения лосей были, по-видимому, следующие: переселение значительной части земледельческого населения в города; более действенная, чем раньше, охрана зверей и регулирование их добычи, вырубка лосей с последующей заменой старых малопродуктивных лесов лесов молодыми, с большим участием в них березы и осины; более успешная, чем раньше, борьба с заразными болезнями рогатого скота, передававшимися и лосям.

Сайгак (*Saiga tatarica* Pall.)

Распространение и численность сайгака изменялись почти так же резко, как и лося, но причины были другими.

Жизнь сайгаков тесно связана со степями и полупустынями. Для этого животного наиболее благоприятны такие местности, где в летнюю засуху он может откочевывать из полупустынь и сухих степей в более северные и влажные степи, а на зиму возвращаться в малоснежные южные степи и полупустыни.

По мере того как степи распахивались и заселялись людьми, ареал сайгака неуклонно сокращался. Еще в XVII в. и в первой половине XVIII в. сайгаков в украинских степях было так много, что стада их заполняли степи запорожского казачества и Таврии. В Очаковской земле еще в середине XVIII в. добывалось столько сайгаков, что рога их служили предметом торговли в Перекопе и Бахчисарае. Распахивание украинских степей и заселение их людьми вытеснили сайгаков из Украины. Несколько позже то же самое произошло и на Дону. Теперь в пределах Европейской части СССР сайгаки сохранились только в Предкавказье, по нижнему течению Волги и на Волго-Уральском междуречье. Численность их в Европейской части СССР в конце 50-х годов определялась приблизительно в 500 тыс. голов (Башитков, 1961). В Азиатской части СССР их ареал сократился в меньшей степени, поскольку здесь много удобней, пригодных для жизни сайгаков, и их численность в Казахстане в 1960 г. определялась приблизительно в 1200—1300 тыс. голов (Слудский и Шубин, 1963). Но все же и здесь площадь земель, где они проводили лето, сильно уменьшилась. Распахивание целинных и залежных степей лишило их возможности перекочевывать во время летней засухи в казахстанскую лесостепь и на северную окраину степной зоны, что было обычным для них в прошлые века (рис. 15).

Косуля (*Capreolus capreolus* L.)

В последнее тридцатилетие замечается расширение ареала косули сравнительно с тем, который был в конце XIX и начале XX в.

После долгого отсутствия она опять появилась на Карельском перешейке (Млекопитающие фауны СССР, т. 2, 1963), хотя и не достигла той границы (61°30'—62° с. ш.), которую занимала в конце XVIII в. Косуля стала заходить и в Вологодскую область (Савинов и Лобанов, 1958). В отдельные годы она проникала довольно далеко к северу по Уральским горам (Гелтнер, Банников, Насимович, 1963), заходя по ним до тех же приблизительно мест, где она отмечалась в начале XIX в. Значительно

возросла численность косули в Оренбургской и Курганской областях. Но в Башкирии, где она была во многих местах почти полностью истреблена в многоснежную зиму 1940/41 г. и весной по насту в 1943/44 г. (Кириков, 1952), ее ареал и численность восстанавливаются очень медленно.

Дикая лошадь (*Equus przewalskii* Paljak)

Распространение диких лошадей в историческое время ограничивалось главным образом степной зоной и южной лесостепью. Лишь на западной окраине нашей страны они водились в Беловежской и некоторых других пущах Белоруссии и северной Украины. Кое-где они встречались и в полупустынях, но сведений о их заходах в настоящие пустыни в исторических источниках я не нашел. Тарпаны — степные животные, мало приспособленные к жизни в лесах и пустынях. Степей же с течением времени становилось все меньше, и тарпаны отступали в том же направлении, в каком шло сельскохозяйственное освоение степных территорий. Последними их прибежищами были южноукраинские, предкавказские и казахстанские степи. Но и там по мере их заселения тарпанам становилось все труднее спастись от преследования охотниками, и их количество все время убывало. Кроме того, сильный урон украинскому и предкавказскому стаду тарпанов нанесли суровые многоснежные зимы 1812/13 и 1841/42 гг. Последние дикие лошади были истреблены во второй половине XIX в.

ГРЫЗУНЫ И ЗАЙЦЕОБРАЗНЫЕ

Байбак (*Marmota bobac* Mill.)

Среди промысловых грызунов наиболее резко сократился ареал и численность байбака. Еще в начале прошлого столетия северная граница его распространения проходила по лесостепи. Поселения байбака были известны в XIX в. в островных участках поволжской, красноуфимско-мясгатовской и зауральской лесостепи (рис. 16). С наибольшей плотностью байбаки заселяли типичную лесостепь и северную окраину степной зоны к востоку от Днепра. На правобережье Днепра они были в XVIII в. уже очень редки. Причины этого неясны, так же как неясно, почему байбаки были в том же столетии редки и в степях Предкавказья. Сухие южные степи заселялись байбаками менее плотно, чем северные, а в полупустыни они не заходили почти нигде. Лесостепь и северная часть степной зоны, которые больше всего пригодны для жизни байбаков, подверглись наиболее быстрому и широкому сельскохозяйственному освоению. Это, а также нерегулируемый истребительный промысел являются причинами почти повсеместного истребления байбака и крайне резкого сокращения его ареала.

Бобр (*Castor fiber* L.)

Ни об одном из промысловых животных не сохранилось так много сведений, как о бобре. Это объясняется высокой стоимостью его меха и еще большей стоимостью его «струн». Как уже упоминалось, в XIV—XVIII вв. при пожаловании, продаже или обмеле земельных поместий и вотчин перечислялись не только леса, луга, озера, реки и другие уголья, но и бобровые гоны. В правовых государственных кодексах (Правда Русская, Статут Великого княжества Литовского, Уложение царя Алексея Михайловича) были особые статьи, которыми запрещалось добывать бобров в чужих владениях и выгощать их оттуда. О бобровых гонах упоминалось даже в договорах между Русским и другими государствами — например, в договоре,

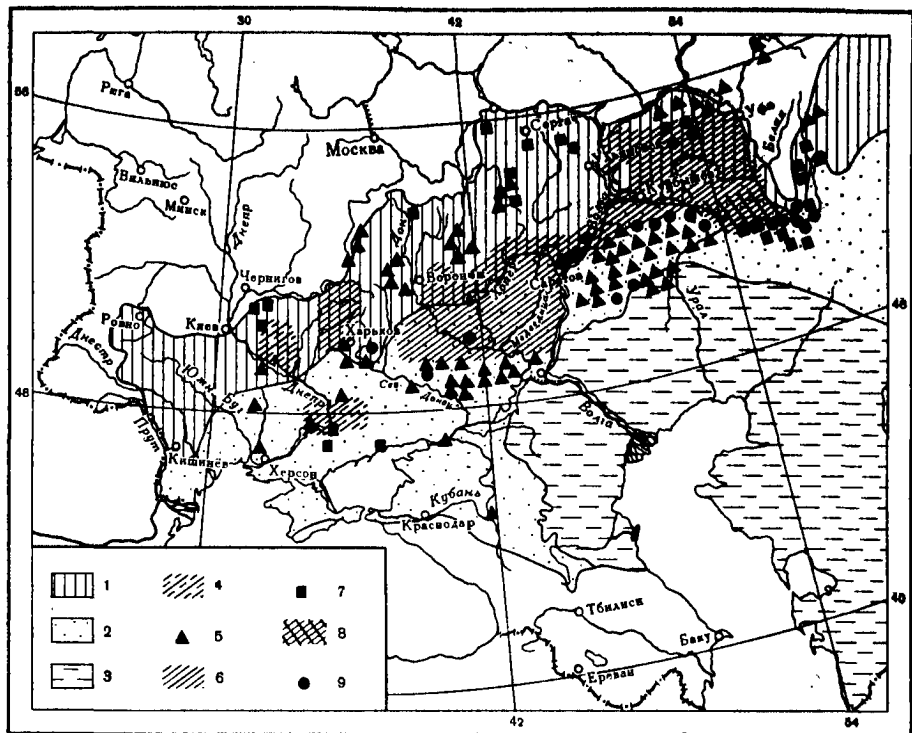

Рис. 16. Исторические изменения в распространении байбака (*Marmota bobac* Mill.). Условные обозначения 1—3 см. рис. 5; 4—места на Украине, где было множество байбаков во второй половине XVII в. и в начале XVIII в.; 5—места распространения во второй половине XVIII в. и в начале XIX в.; 6—места, где было особенно много байбаков в тот же период; 7—места распространения байбака во второй половине XIX в. и в начале XX в.; 8—места, где в тот же период байбаков было особенно много; 9—места современного распространения байбака

заключенном в 1649 г. между шведским и российским дворами (Собрание узаконений..., 1874).

Значительная часть сведений, приведенных в литературных источниках, собрана и опубликована Ф. Кепшеном (1902), Г. Л. Граве (1931), А. В. Федюшиным (1935) и В. Н. Скалоном (1951). Кроме того, много сведений о его прошлом распространении приводится в жалованных грамотах, купчих, ясачных книгах и других древних актах.

Из этих материалов следует, что наиболее богата бобрами была южная полоса лесной зоны Европейской части СССР, располагающаяся между южной тайгой и лесостепью, но размещение их здесь было все же неравномерным. В XV—XVIII вв. наиболее густо они заселяли Белоруссию, Украинское Полесье, Смоленскую и Брянскую земли. Точных сведений о том, сколько именно бобров здесь добывалось в то время, не сохранилось. Известны лишь отдельные, отрывочные данные. Так, с одной сравнительно небольшой Могилевской волости в XVI в. собиралось в виде государственного налога до 180 бобровых шкур в год. В XV в. из Смоленской и Брянской земель (входивших тогда в Великое княжество Литовское) ввозили бобров в Московское государство. Тремя столетиями позже белорусские бобры под названием «немецких» или «польских» ввозились не только в Европейскую Россию, но и в Сибирь и Казахстан (Кириков, 1963).

Довольно много бобровых рек и речек было известно в XVII и XVIII вв. и в Среднем Поволжье, как левобережном, так и правобережном.

В центральной части Московского государства (современные Тверская, Московская, Тульская, Калужская, Владимирская и Ивановская области) бобры стали редки уже к началу XVII в., и сведения о бобровых гонах в этих районах относятся главным образом к XIV—XVI вв. Их малочисленность объясняется тем, что эта часть Московского государства стала уже густо заселенной, а труднодоступных, заболоченных мест было очень мало.

По мере удаления от южной полосы лесной зоны как к северу, так и к югу численность бобров постепенно снижалась. В водоемах южной тайги их было значительно больше, чем в водоемах северной тайги или лесотундры. Судя по историческим материалам, бобры в XVII в. встречались во многих местах в бассейнах Вятки, Выгоды и ее крупных притоков Вымы и Сысолы. В бассейнах верхнего течения Ваги и Сухоны они встречались в некоторых реках еще в конце XVIII в.

Сведений о числе бобров, добывавшихся в тайге, сохранилось очень мало. Известно, например, что в 1752 г. через Верхотурскую таможенно было привезено в Сибирь 1440, а в 1753 г. — 1047 «зырянских» бобров (Кириков, 1963). В лесотундре же они отмечались почти исключительно на ее западной окраине — на Кольском полуострове.

Сходным образом изменялось размещение бобра в Европейской части СССР и по мере удаления к югу от южной полосы лесной зоны.

В лесостепи и в северной части типичной лесостепи бобры водились во многих местах. Наибольшие скопления бобровых поселений в прошлые века были в Подолни, Подцепровье, на междуречье Воронежа и Хофра и в юго-западном Предуралье.

В степной зоне их было гораздо меньше. Небольшие стечные реки и речки, обсыхающие и мелеющие летом и промерзающие зимой, пригодны для жизни бобров в очень немногих местах, а истреблять их здесь очень легко. На крупных же степных реках существование бобров затруднено сильным и длительным весенним половодьем. Этим, по-видимому, объясняется, что места обитания бобров в прошлом были известны преимущественно на средних по величине степных реках. Как уже сообщалось, охота на бобров производилась в прошлом преимущественно на таких степных реках (Кириков, 1959). Во второй половине XVII в. башкиры Буззянской волости отправлялись на бобровую охоту на р. Большой Иргиз, а башкиры Кинчакской волости добывали их на р. Уиле. К началу настоящего столетия бобры в Европейской части страны были истреблены повсюду, за исключением крайне немногих мест в Белоруссии, Украинском Полесье и поросшей лесостепи. Отсюда началось расселение бобров, после того, как была организована их охрана. Расселение происходило как искусственным, так и естественным путем. Успешней всего восстанавливалось население бобров в Белоруссии и соседних с нею территориях, т. е. там, где и в прошлые века оно было наиболее густым.

В 1919 г. в Белоруссии (в границах того времени) насчитывалось 54 места, где обитали бобры, а приблизительная численность их определялась в 1935 г. примерно в 300—350 штук (Федюшин, 1935). К 1948 г. бобры широко расселились по бассейнам рек Березины, Немана и Сожа. В бассейне Березины была обнаружена 241 жилистая бобровая хатка, в бассейне Немана — 98 и в бассейне Сожа — 73. Бобры жили не только в хатках, но и в норах, в последних жило большинство бобров, обитавших по р. Сожу и его притокам (Сергачевы, 1961). Бассейн Припяти к 1948 г. был еще слабо заселен бобрами, здесь насчитывалось только 24 хатки. Еще меньше бобров было в бассейне Западной Двины, где удалось найти только пять жилых хаток (там же). Начиная с 1948 г. в Белоруссии стали ловить бобров и заселять ими белорусские реки, а также реки во многих других областях. Всего с 1948 по 1960 г. поймано 2553 бобра, из них 599 было выпущено в реки и озера Белоруссии. К 1963 г. численность бобров в Белоруссии определялась уже в 16 тыс. голов (Сафонов, 1964; Самусенко, 1964).

Приблизительно столько же их было и во всей Европейской части Российской Федерации (Сафонов, 1964).

Дальнейший рост населения бобров в большей части мест Белоруссии и соседней с нею Литвы невозможен, если не будут приняты меры по увеличению запасов их пищи (Палеовине, 1963; Самусенко, 1964), для чего необходимо расширить участки прибрежных ивняков и осинничков. Предполагалось также начать промысел бобра в Белоруссии (Самусенко, 1964).

Промысел бобров начался осенью 1963 г., причем в Белоруссии за зиму 1963/64 г. их было добыто в три раза меньше, чем предполагалось (план отлова 800 штук, добыто 272 штуки). В других местах отмечались еще большие расхождения: так, вместо 80 штук в Томской области было добыто четыре, а в Горьковской — 17 бобров и т. д. Лишь в Рязанской области, Марийской автономной республике и в Кировской области план был выполнен (Дежкин, 1964). Такой плохой отлов бобров объяснялся тем, что занимались им неопытные охотники и промысел был плохо организован (там же). Вероятно также, что численность бобров во многих местах учтена неточно, т. е. их насчитали гораздо больше того, чем было в действительности.

В большей части Восточной Сибири условия для существования бобров очень неблагоприятны, и они водились там в прошлом только в бассейне Енисея и в очень немногих местах бассейна р. Лены. Малочисленность бобров в Восточной Сибири отразилась очень ясно в ясачных сборах, предъявлявшихся в таможенных промышленных и торговыми людьми. В Мангазейском уезде за семь лет (1629/30, 1639/40, 1659/60, 1670/71, 1679/80, 1698/99 и 1703 гг.)⁷ ясачные люди сдали только пять бобров; в Енисейском уезде за четыре года (1622/23, 1629/30, 1639/40 и 1649/50 гг.) — 110 бобров, в Красноярском уезде за шесть лет (1639/40, 1649/50, 1650/51, 1678/79, 1679/80 и 1688/89 гг.) — 136 бобров, в Илимском уезде за два года (1649/50 и 1684/85 гг.) — 15 бобров. В Якутском уезде за четыре года (1669/70, 1672/73, 1683/84 и 1708 гг.) не было сдано ни одной бобровой шкурки. Не сдавали бобров и в Нерчинском уезде (1694/95, 1697/98, 1700/1701 и 1712 гг.). В таможенных Мангазейского уезда промышленные и торговые люди за восемь лет (1630, 1636—1639, 1660, 1685 и 1699/1700 гг.) предъявили шкурки 152 бобров, а в таможенных Якутского уезда за пять лет (1644/45, 1668/69, 1669/70, 1683/84 и 1708 гг.) — только двух.

О причинах малочисленности бобров в Восточной Сибири я уже писал (Кирков, 1960), и здесь приводится лишь краткое изложение выводов, высказанных ранее. В Восточной Сибири зимы очень суровы и малоснежны. Поэтому реки здесь во многих местах промерзают до дна и покрываются наледями, даже такие большие, как Аной. Наледи обычны и на юге Восточной Сибири, где в таких условиях существование бобра невозможно. Бобр не может жить и там, где водоемы настолько замерзают, что заготовленный на зиму корм, сложенный у входа в хатку или юру, становится недоступным. А именно такие водоемы и преобладают в Восточной Сибири.

На опрочной заболоченной низине Западной Сибири численность бобров была много выше, чем в Восточной Сибири, но значительно ниже, чем в Европейской части страны. Казалось бы, что на заболоченных западно-сибирских речках, еще менее доступных людям, чем полесские, могло жить много бобров, по это не так. В ясаке, вносившемся коренным населением Сибири в XVII в., шкурки бобров составляли лишь незначительную часть сданной пушнины. Ненцы, кочевавшие по западносибирской лесотундре, вносили в XVII в. от 10 до 65 бобровых шкурок в год, ясачные

⁷ Здесь и далее указываются годы, за которые были просмотрены ясачные и таможенные книги.

люди таежных волостей Березовского уезда — от 21 до 261, а на между-
речье Таза и Енисея — от 4 до 45 шкурок в год.

В средней и южной западносибирской тайге бобров было больше. В Туринском уезде ясачные люди сдавали в XVII в. от 5 до 45 бобров в год (1629/30, 1649/50, 1659/60, 1670/71 гг.), в Сургутском уезде — от 27 до 277, а в таежных волостях Тобольского уезда — от 14 до 48. В Нарымском уезде в 1629/30 г. ясачные люди внесли 219 бобровых шкурок, а в 1657/58 г. — 40; в Кетском уезде в 1629/30 г. — 62 шкурки и в 1650/51 г. — 5 шкурок. На южной окраине лесной зоны Западной Сибири бобров было еще больше. В большом Тюменском уезде в XVII в. по ясаку в год сдавалось от 9 до 44 бобров, в южных волостях Тобольского уезда — от 18 до 113, в северных волостях Тарского уезда — от 52 до 176, в Томском уезде — от 63 до 193 и в Кузнецком — от 3 до 151. В Барабанской лесодугостепи русские служилые люди собирали от 87 до 204 бобровых шкурок в год.

Таким образом, с ясачных людей всей Западной Сибири в XVII в. получено от 400 до 2000 бобровых шкурок в год. Сдавали, вероятно, не всех добытых бобров, какую-то часть ясачные люди оставляли себе, а также меняли и продавали. Кроме того, сколько-то бобров добывали и русские промышленники. И все же, если даже удвоить число бобров, сданных по ясаку, то окажется, что добыча их на такой огромной территории, как Западная Сибирь, была незначительной.

Малая плотность населения бобров в большей части водоемов Западной Сибири объясняется не столько промерзанием их зимой, сколько малой кормностью прибрежной растительности. Берега западносибирских рек во многих местах покрыты сограми, сосняками и ельниками (также часто заболоченными). Ивовых приречных зарослей или осинников довольно мало, а именно эти древесные породы составляют главную зимнюю пищу бобров. Ель и сосну они почти не едят; березу же — загоняют на зиму только при недостатке ивы и осины.

К середине XVIII в. бобры были истреблены во многих местах Сибири, и Г. Ф. Миллер (1756) отметил, что их в эти годы не только не вывозили из Сибири в Россию, но наоборот, привозили из России в Сибирь. Это подтверждается данными о провозе пушнины через Верхотурскую таможню в 50-х годах XVIII в.

Несмотря на значительные изменения природных условий в бобровых угодьях, численность этих зверей восстановилась наиболее быстро и они расселились преимущественно там, где наиболее широко и плотно заселяли водоемы и в прошлом (бассейны рек Березины, Немана, Припяти, Сожа, Кокшаги, Вычегды, Воронежя, Хопра). Это справедливо не только по отношению к сохранившимся естественным очагам, но и по отношению к тем, которые были созданы для искусственного вселения бобров. Очевидно, во многих водоемах и на многих прибрежных участках, заселявшихся бобрами на протяжении ряда столетий, условия остались благоприятными. Однако некоторые водоемы все же стали для жизни бобров непригодны. Например, на реках Башкирского лесостепного Предуралья, где бобры были широко распространены еще в XVIII в., густая урема, покрывавшая берега, во многих местах уничтожена, речки обмелели, а плотность людского населения так высока, что спокойных мест для жизни бобра осталось очень мало.

Зайцы русак (*Lepus europaeus* Pall.) и беляк (*Lepus timidus* L.)

В распространении зайцев за три последних столетия произошли большие изменения. Область распространения русака постепенно и неуклонно расширялась. По мере сведения лесов и увеличения площади пашни он про-

никал все дальше в глубь лесной зоны. Еще в первой половине XVIII в. в окрестностях Петербурга русаков водилось так мало, что было приказано привозить их туда и выпускать. Теперь же русаки проникли в европейскую тайгу до южной окраины Архангельской области и Коми АССР. В недавнем прошлом они крайне редко и в очень немногих окраинных районах заходили в уральские леса. К настоящему же времени они расселились вдоль железной дороги г. Уфа — г. Миасс и таким образом пересекли Урал на стыке его южного и среднего отрезка.

Интересно проследить, как в широтном направлении изменяется отношение зайца русака к лесу. В западной Украине русаки во все времена года живут не только на лугах и полях, но и в широколиственных лесах и в карпатских ельниках (Татаринов, 1956). В Белоруссии русаки держатся преимущественно на полях, сухих лугах и в изреженных лесах и молодняках. Местами, например в Беловежской пуще, они нередко живут и в лесу, обычно недалеко от просок (Сержанин, 1961). В Шиповом лесу русаки еще в 80-х годах прошлого столетия встречались только по опушкам (Познанский, 1882). В крупных лесных массивах Воронежской области они и теперь встречаются преимущественно около опушек, но по гарям и вырубкам проникают в глубь леса (Барабаш-Никифоров, 1957). На южной же оконечности Урала, даже в дубравной нагорной лесостепи, где лес все время перемежается с каменистыми степями (лес растет на склонах северной экспозиции, а степные участки занимают склоны, обращенные на юг) русак избегает леса и очень редко заходит в него.

Ареал беляка, напротив, за историческое время сильно сократился. Особенно сильно уменьшилась его численность и площадь распространения на южной окраине ареала в Европейской части СССР. Беляков не осталось совсем ни в белгородской лесостепи, где они водились в 60-х годах XVIII в., ни в Харьковщине, где они встречались еще в середине прошлого столетия. В лесо-лугостепи и в северной части среднерусской и поволжской типичной лесостепи беляки еще сохранились, но численное соотношение беляка и русака резко изменилось по сравнению с тем, что было в XVIII в., а местами и в XIX в. Беляки стали редки, например, в Шиповом лесу, где их было много еще в 80-х годах прошлого столетия. Как уже указывалось, в 1735 г. в Керенском уезде Пензенской губернии соотношение беляков и русаков, судя по числу проданных шкурок, определялось как 4 : 1. В 1953 г. шкурки русаков составляли в заготовках по Пензенской области 92%, а беляков только 8%. В те же годы среди заячьих шкурок, заготовленных в Тамбовской области, беляки составляли 10—12%, а в более южной Саратовской области — всего 3%.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изменения природных угодий, возникшие в результате хозяйственной деятельности человека, были одной из главных причин изменений, происходивших в распространении и численности промысловых животных. Но одновременно большое влияние оказал чрезмерный промысел, а также беспокойство, вносимое людьми и домашними животными в места обитания диких зверей и птиц. Хотя эти причины действовали совместно, в ряде случаев нетрудно определить, какая из них была главной для того или иного вида в данной местности.

Природные угодья тундровой зоны, лесотундры и северной окраины тайги изменились сравнительно мало, и в этих местах главной причиной изменения ареалов и численности промысловых животных было их истребление людьми. Это особенно заметно в отношении лося, северного оленя, бобра, соболя, белого гуся и черной казарки. В сокращении численности северного оленя большую роль сыграло также развитие домашнего оленеводства (стада домашних оленей вытесняли диких с лучших пастбищ в менее доступные места), а уменьшение численности лося и соболя было в некоторых районах вызвано, кроме того, и лесными пожарами.

В последние два-три десятилетия охрана некоторых видов животных от хищнического истребления стала более действенной, и это способствовало некоторому увеличению поголовья дикого северного оленя и вторичному заселению лесотундры лосями. Местами сохатые стали заходить в зону тундр. Многолетний запрет охоты на соболя и искусственное расселение его людьми помогли восстановлению прошлого ареала соболя в сибирской лесотундре.

Изменения, произошедшие в природных угодьях северной тайги, были более значительными, чем в зоне тундры и в лесотундре. Сибирская северная тайга крайне неблагоприятна для земледелия. Поэтому лес здесь почти не сводился под пашню. В северной тайге, расположенной в Европейской части СССР, ноля возникли уже давно, но они занимают незначительную часть территории. Рубки же леса на экспорт и на нужды отечественной промышленности стали вестись в значительных размерах еще в XVIII в. и приняла особенно большой размах, начиная с 30-х годов настоящего столетия. Коренные типы северотаежных лесов после вырубки или пожаров обычно сменялись вторичными типами. Нередко места сплошных рубок и гарей превращались в заболоченные пустоши или зарастали ерником. Для одних видов (белики, соболя) эти изменения ухудшали условия жизни, тогда как для других (особенно для лося и тетерева) листовиное и смешанное хвойно-лиственное мелколесье, возникавшее на месте спелых, преимущественно хвойных лесов, создавало более благоприятные условия существования. Ареал тетерева в северной тайге несколько расширился, но местные климатические условия малоблагоприятны для его жизни, и численность его здесь, несмотря на большие площади елово-березового мелколесья, мала.

Для ряда видов наибольшее значение в изменении их ареалов и численности имело все же не изменение природных угодий, а чрезвычайный промысел. Именно он и был главной причиной того, что бобра в северной тайге к началу XX в. не осталось нигде, а от обширной области распространения соболя к западу от Урала уцелели только небольшие очаги, где изредка добывались соболи или кидусы (помесь соболя с лесной куницей).

По мере удаления от северной тайги к югу условия для развития земледелия в лесной зоне становятся все более благоприятными, и на Европейской территории СССР в центральной и южной частях зоны оно издавна было главным занятием населения, а на южной окраине лесной зоны и в Западной Сибири — начиная с XVIII в.

Хозяйственная деятельность человека была основной причиной того, что южная тайга, подзона елово-широколиственных лесов и дубравно-боровая подзона стали лесопольем. То же произошло и в подзоне березово-сосново-осиновых лесов в Западной Сибири. Сведение лесов на южной окраине лесной зоны и в лесостепи сопровождалось изменением состава древесных пород и изменением границ их распространения. Особенно сильно изменилось размещение ели, южная граница которой отступила из лесостепи и лесолугостепи далеко к северу на всем протяжении от Украины до Западной Сибири. Одновременно с оттеснением ели к северу граница распространения широколиственных пород отступала в тайге к югу. Совпадение во времени этих двух явлений заставляет отнестись с сомнением к высказываниям, что общие изменения климата, происходившие на Русской равнине и в Западной Сибири в историческое время, будто бы были более благоприятны для ели, чем для широколиственных пород. Главная причина отступления ели к северу, а широколиственных пород к югу — воздействие человека (Кыриков, 1963).

Многие леса, расположенные на юге и в центре лесной зоны, особенно на Европейской территории СССР, были сведены и превращены в поля или стали необлесившими пустырями. Вслед за этим расширились и далеко продвинулись в глубь лесной зоны ареалы зайца-русака, серой куропатки, а отчасти хомяка и темного хоря. Чередование леса с полями и мелколесьем, возникшим на местах рубок, и большое участие березы во временных типах леса способствовали увеличению численности тетерева и его расселению. Для ряда других видов (особенно для соболя, белки, медведя, глухаря, рябчика) сведение крупного леса и расширение паппы сокращали места их обитания. Правда, в первое время сельскохозяйственного освоения лесных местностей, где плотность людского населения была невелика, такие виды, как медведь и глухарь, мало страдали от того, что часть леса превращалась в пашни. Глухих спокойных мест оставалось много, а посевы доставляли им дополнительную пищу. Медведи выходили на овсы, а глухари вылетали на овес и пречиху. По мере того как леса все больше вырубались и возрастала людность, условия жизни этих животных непрерывно ухудшались: преследование их людьми становилось все более сильным так же, как и беспокойство, вносимое в места их обитания. Поэтому для многих видов промысловых животных, жизнь которых проходит в основном в лесах или для жизни которых наиболее благоприятно сочетание леса с луговой или степной растительностью, главными убежищами на южной окраине лесной зоны были горные леса и лесоболотные низменности. Такие местности менее благоприятны для земледелия, менее доступны для человека и менее заселены, чем соседние с ними равнинные незаболоченные леса. Благородные олени, например, к началу XX в. дольше всего сохранились на Карпатах, Алтае и в южных горах Восточной Сибири, и они были там наиболее многочисленны. К тому же времени косули в Европейской части нашей страны оставались преимущественно на Карпатах, в Полесье и на Южном Урале.

Сильнее всего изменялась природа степной зоны. В связи с этим резко сократились ареалы тех охотничье-промысловых животных, основными местами обитания которых были степи, и которые не могли приспособиться к жизни в полях и на пастбищах домашнего скота, особенно в местах усиленного выпаса. Таковы, например, дикая лошадь, сайгак, байбак, стрепет, большой и средний кроншнепы, луговая тиркушка, кречетка. Поселения большей части этих видов рассеяны теперь отдельными пятнами. Дикой лошади не осталось совсем, а сайгак был истреблен или вытеснен на большей части степной зоны в пределах Европейской части СССР.

Сокращение ареалов этой группы животных происходило в том же направлении, в каком шло земледельческое освоение степей, т. е. с севера на юг и с запада на восток. В условиях изменения природных условий большое значение в историческом изменении ареалов животных имело также то, насколько животные данного вида смогли приспособиться к существованию в угодьях, созданных человеком и существующих благодаря его хозяйственной деятельности.

У тех животных, первоначальное распространение которых было тесно связано со степными и сухими лугами, но которые приспособились к жизни в полях, ареалы расширились. Так, превращение огромной площади лесов в поля и необлесенные пустыри вызвало расширение ареалов зайца-русака, серой куропатки и некоторых непромысловых животных. В течение двух последних столетий увеличилась численность сусликов, хотя ареал их расширился не столь заметно. Чрезмерный выпас скота превращал степи в скотосбой с растительностью более низкой и сухолоубивой, чем на целине. Это оказалось благоприятным для малого (*Citellus pygmaeus* Pall.), крапчатого (*C. suslica* Gülld.) и большого сусликов (*C. major* Pall.). Если в середине прошлого столетия говорили, что суслики «расплодилось миллионами», то к концу 50-х годов XX в. их стало еще больше. В одной только Волгоградской области в 1956 г. была закуплено 25,3 млн. цукурок сусликов, в 1957 г. — 28,2 млн. и в 1958 г. — 22,3 млн. В эти же годы на Украине охотники продали государству 4,9 млн. (1956 г.) и 5,2 млн. (1957 г.), в Саратовской области — 7,5 млн. (1956 г.), 12,2 млн. (1957 г.) и 13,2 млн. (1958 г.), в Оренбургской области — 3,3 млн. (1956 г.), 3,2 млн. (1957 г.) и 4,1 млн. (1958 г.) и т. д. (Кыриков и Исаков, 1959). Увеличение численности сусликов, наблюдавшееся в последние годы, несомненно, временное явление. Как только на степных пастбищах прекратится скотосбой, благоприятное для сусликов время кончится.

Облик смешанной фауны, т. е. фауны, состоящей из животных, жизнь которых неразрывно связана или со степью, или с лесом, а также из животных, для которых наиболее благоприятно сочетание леса со степью или сухими лугами, присущ теперь главным образом лесостепи. В недавнем прошлом такая фауна существовала и в тех местах степной зоны, где среди степей находились пойменные или байрачные леса. Например, в степной Бахмутской провинции еще в 60-х годах XVIII в. наряду с дикими конями, перьями, стрепетами и дрофами водились тухари, лесные куницы, бобры, благородные олени и косули. В южном Заволжье, в полосе между южной окраиной степной зоны и полупустынями еще в начале прошлого столетия белка встречалась в непосредственной близости от степей, где паслись сайгаки. В башкирских вотчинах, расположенных по верхнему течению р. Уйла, на стыке подзоны типчаково-польной степи с полупустынями, еще в 1700 г. наряду с корсаками и лисцами добывались бобры.

Хотя степные и полупустынные животные встречались в этих местах вместе с животными, для существования которых необходим лес, их места обитания все же были разъединены.

Еще более замечательно, что степные и полупустынные животные иногда паслись вместе с лесными зверями и птицами, а также с теми

видами, для которых наиболее благоприятно сочетание леса и степи или леса и луга. Известно, например, что дикие бараны, сайгаки, козули, маралы, кабаны и лоси паслись в одних и тех же местах по сухим степям и полупустыням в долине р. Иртыша около оз. Зайсан и что царевоборисовские и чугуевские охотники ловили лосей в степях, а не в лесу (Кириков, 1959, 1963).

Смешанная фауна была в степной зоне не реликтовой, а нормальным явлением, которое было нарушено в результате истребления степных лесов и кустарников, распашки степи или превращения ее в скотосбой. В последние годы кое-где в степной зоне стали при содействии человека возникать новые очаги смешанной фауны, но в более обедненном виде. Так, в связи с увеличившейся численностью лосей и созданием лесных позащитных полос они начали заходить далеко в глубь степной зоны и местами пасутся рядом с пастбищами сайгаков.

У наземных животных, распространение которых подвергается сильному сокращению, замечается общая черта в изменении их ареалов. Сначала в пределах ареала появляются отдельные пятна, где животные по тем или иным причинам исчезли. Затем эти пятна расширяются и сливаются, а места, где вид еще сохранился, становятся как бы островами. Если положение неуклонно ухудшается, то островов становится все меньше, и вид может исчезнуть совсем на территории данной страны или даже с лица земли.

Примеров такого изменения ареалов можно привести много. Особенно хорошо это видно на распространении зубра. До XVIII в. он водился в нашей стране от Белоруссии до Кавказа. Затем его ареал распался на два острова — Беловежский и Кавказский, где зубры были уничтожены в конце первой четверти настоящего столетия. Не менее выразительно изменение ареала белого гуся, который в результате истребления его людьми остался только на о-ве Врангеля и кое-где на северо-восточной окраине Сибири. Отдельными мелкими островками рассеяны теперь поселения промысловых животных, жизнь которых тесно связана со степями и которые не смогли приспособиться к жизни в полях и на пастбищах домашнего скота. Такими стали, например, ареалы байбака, стрепета, луговой тиркушки и жречатки.

Хозяйственная деятельность человека сказалась не только на ареалах и численности животных, но и на их поведении, послужив во многих случаях причиной изменения привычного для них образа жизни.

Хорошо известно, что многие виды животных, подвергающихся преследованию, становятся пугливыми и осторожными. Если же преследование прекращается, то они снова становятся доверчивыми по отношению к человеку. Так, в результате многолетнего запрета охоты на калана, поведение этого животного стало почти таким же, каким оно было во время наблюдений Г. Стеллера (Мараков, 1964).

Некоторые звери и птицы быстро приспосабливаются к новой обстановке. Примеров этого много. Например, А. Н. Формозов наблюдал в январе 1948 г. как лисицы регулярно подходили к линии железной дороги у ст. Кандагач, где пассажиры часто выбрасывают из вагонов остатки жареной и копченой рыбы (Формозов и Осмоловская, 1963). Зимой 1950/51 г. было замечено, что два волка регулярно ходили вдоль телефонной линии Нарьян-Мар — Носова, подбирая и съедая белых куропаток, разбивавшихся о провода (Макридин, 1959). В степях южного Приуралья степные сеноставки нередко переселяются на зиму под стога сена, и поэтому местные жители иногда называют их подстожными зайчиками (Кириков, 1952).

Новые черты в образе жизни и поведении животных нередко возникают в результате появления новых угодий. На Южном Урале и в Приуралье бурундуки стали выходить из леса на поля за шпросом, а отдельные

особи хомяка переселяются на зиму в подполья, где хранится картофель, и живут там всю зиму, не впадая в спячку (Кирилов, 1952). Подмосковные белки регулярно появляются в дачных садах, где их не пугают, и кормятся вишней и садовой земляникой. После затопления волжской поймы лоси стали выходить на поля овса и пречижи. Эти же звери, расселяясь по южной лесостепи и степной зоне, укрываются в высоких зарослях подсолнуха и кукурузы. Кроме того, известно, что некоторые птицы стали использовать поля как места гнездования, а звери — как места выгона и воспитания детенышей. Дрофы, например, давно уже стали гнездиться на полях, преимущественно в тех районах, где их охраняют. Недавно появились сообщения, что большой крошкунец стал гнездиться в Эстонии на полях, засеянных клевером, озимыми и яровыми хлебами (Желниц, 1962). Два гнезда белой куропатки были найдены на полях Западной Сибири (Урлов, 1960). Зайцы-русаки нередко мечут детенышей в поле и проводят там большую часть лета — до жатвы. Хомяки же держатся на полях еще дольше, вплоть до вспашки их под зябь.

Изменяя природные уголья и чрезмерно истребляя животных, человек сократил область распространения многих видов. Но наряду с этим уже в давние времена предпринимались попытки расселения некоторых видов в новые для них места в целях расширения площади их распространения и увеличения численности. Так, в 30-х годах XVIII в. в Москве в пруды на Пресне были выпущены осетровые рыбы, которые обычно в прудах не живут¹. В 1733 г. в них выпустили 17,4 тыс. стерлядей, а в 1734 г. — 30,9 тыс.² Кроме того, в эти пруды были выпущены осетры — несколько осетров до 1733 г., затем осетр в 1733 г. и еще несколько рыб в 1744 г. Проведенный в 1733 и 1734 гг. учет пойманной и уснувшей рыбы³ показал, что осетры, как и следовало ожидать, плохо переносили жизнь в прудах. Был пойман только один живой осетр (в 1734 г.), спулых же было девять (три в 1733 г. и шесть в 1734 г.). Стерляди оказались более выносливыми. В 1733 г. было поймано 795 стерлядей, в 1734 г. — 918 и в 1735 г. — 1103 — в 1735 г. В XIX в. в некоторых районах Средней России в прудах с холодной водой разводили форелей. Особенно удачным был выпуск в пруды имения Отрада в Подмосковье (около р. Лопасни, в 3 км от ст. Хатуш), где форели водятся и теперь. Туда же выпускали и сига (*Coregonus* sp.). Наиболее ранние попытки расселения наземных животных были предприняты в отношении зайца-русака и серой куропатки, которых выпускали под Петербургом еще в 30-х годах XVIII в.

В последнее тридцатилетие вселение животных в местности, где они никогда не водились или жили в недавнем историческом прошлом, а затем исчезли, стало проводиться очень широко. Результатам этих работ посвящена обширная литература, и поэтому я ограничусь ссылкой на наиболее яркие примеры.

Особенно большие успехи были достигнуты в восстановлении прошлого ареала бобра. С 1930 по 1962 г. расселили 7098 бобров (Сафронов, 1964), и теперь эти звери прижились во многих местностях в Европейской части СССР. Переселили бобров и в Сибирь. В значительной мере восстановлен прошлый ареал соболя.

Результаты вселения видов в те части страны, где они раньше не жили, а также вселения видов, которых раньше у нас вообще не было, оказались различными. В одних случаях они были очень успешными, а в других — переселение принесло, по-видимому, больше вреда, чем пользы. Так ондатра в ряде районов хорошо акклиматизировалась и стала там одним из

¹ За исключением огромных прудов — водохранилищ, которые созданы в наше время.

² ЦГАДА. Фонд Дворцовый отдел, д. 41 634.

³ Рыбы, растасканные и съеденные собаками и птицами, остались неучтенными.

наиболее важных видов в пушном промысле. Однако некоторые местности, куда она была переселена, выбраны неудачно. Ее выпустили, например, на Украине, где сооружаются оросительные каналы и поливное земледелие скоро займет важное место в народном хозяйстве. В таких местах ондатра может стать в ближайшем будущем таким же опасным вредителем, каким она стала во Франции. Ондатра появилась в северной части Франции в 1927 г. и к 1963 г. заселила районы к северу от линии Нант — Лион. Прорывая норы в берегах каналов, она наносит огромный вред. Летом 1963 г. роющая деятельность ондатры привела к осушению канала Sambre — Oise⁴. Понятно поэтому, что с ней во Франции ведется беспощадная борьба, как с одним из наиболее опасных вредителей.

Недавно появилось сообщение, что ондатра стала опасным конкурентом выхухоля — зверька, гораздо более ценного, нигде кроме нашей страны не распространенного и ставшего здесь редким. Ондатра вытесняет выхухоль из исконных, наиболее благоприятных для ее жизни мест в худшие (Скопцов, 1964).

Таким образом, выпуск ондатры в местности с интенсивным сельским хозяйством и сетью оросительных каналов был большой ошибкой.

Что касается расселения на новых территориях американской норки, то необходимо проверить правильность сообщения о том, что она уничтожила в бассейне р. Сож выхухоль (Самусенко, 1963). Если это подтвердится и то же самое будет обнаружено в других местах, то американскую норку нельзя не только выпускать в те водоемы, в которых живет выхухоль, но и следует выловить из занятых выхухолью рек и озер.

В последние три-четыре десятилетия, переселяя животных в новые для них районы, стали брать для этого особой определенной географической расы или морфы. Эти опыты дали очень интересные результаты, хотя и не такие, на которые рассчитывали при проектировании переселения. Они были произведены в основном с крупными географическими расами (подвидами)⁵. Практическая важность существования географических рас промысловых животных выявилась значительно раньше, чем вопрос о географической изменчивости занял важное место в биологической науке (особенно в систематике).

Стоимость шкурки пушных зверей изменялась в зависимости от густоты и цвета меха. Уже давно было замечено, что эти качества меха зависят от того, в какой природной области эти звери живут. В «Известиях о сибирских торгах» (Миллер, 1756, стр. 204) обращалось, например, внимание на то, что у белок «примечается великая разность, которая состоит отчасти в пышности и цвете шерсти, а отчасти в величине и твердости кожи... А это бывает по местам, в которых (белка) находится». Наиболее крупные и светлые белки водились в то время в Илецком бору и по верхнему течению Оби. Первая из них называлась илецкой, а вторая — телеутской. По словам Г. Ф. Миллера, телеутская белка была «против обыкновенной белки вдвое больше», и ценилась дороже всех других «для серебряного своего цвету». В Восточной Сибири славилась нерчинская очень темная белка. Белки из восточной Белоруссии были красноватыми и низкошерстными (Лешехин, 1780б).

С течением времени географическая изменчивость животных привлекала все большее внимание исследователей. Сопоставляя особенности меха, свойственные пушным зверям в прошлые века и в настоящее время, легко заметить, что во многих случаях они остались, по существу, неизменными. Белка телеутка, например, и теперь характеризуется систематиками теми же отличительными признаками, как и 200 лет назад (см., напри-

⁴ L'Humanité от 23 июля 1963 г.

⁵ Кроме крупных географических рас есть и более мелкие. Одни из натуралистов называли их племенами (natio), другие — узлокальными или микрогеографическими расами. Первое из названий теперь почти не применяется.

мер, описание подвида *Sciurus vulgaris exalbidus* Pall. в книге «Млекопитающие фауны СССР», 1963). Стошные лисицы южной Сибири и северного Казахстана были, по словам Г. Ф. Миллера (1756), «бледны цветом, жестки шерстью и малы ростом». Почти так же характеризуются отличительные признаки и лисицы караганки в настоящее время. «Преобладает весьма бледная окраска..., мех грубее, не столь густой и пушистый, как у северных лисиц» (Млекопитающие фауны СССР, 1963, стр. 761). То же известно и относительно многих других видов зверей и птиц. Следовательно, особенности окраски меха у зверей и оперения у птиц, а также размеры тела сохраняются у животных, населивших определенные части их ареалов, по крайней мере в течение нескольких столетий.

Обычно считается, что географическая изменчивость наследственна. Примером такой наследственности служат расы человека, отличительные признаки которых стойко сохраняются у многих поколений при переселении людей той или иной расы в самые разнообразные местности. Однако оказалось, что наследственна не всякая географическая изменчивость. Это было отмечено А. Н. Державиным. «Ненаследуемость локальных отличий, установленная для атлантического и каспийского лососей, есть факт значительной и теоретической важности. Она колеблет таксономическое значение большого числа биологических и географических рас не только рыб, но и других водных, а может быть и наземных животных, вызывая необходимость экспериментальной проверки наследственности их отличительных признаков» (Державин, 1941, стр. 53). Особенно ярко и отчетливо неустойчивость признаков, считавшихся характерными для некоторых подвидов (географических рас), выявилась при переселении животных из одной природной области в другую. Чем резче отличались природные условия местностей, в которые животные вселялись, от тех, в которых они жили раньше, тем сильнее изменялись сами признаки.

Изменения белки телушки при переселении ее в Крым, американской норки при переселении ее в Татарию, форели гегаркуни при переселении ее из оз. Севан в оз. Иссык-Куль оказались настолько значительными, что некоторые исследователи были склонны признавать, что после переселения этих животных началось образование новой расы (Попов, 1949)⁶ или что новые расы уже возникли (Деметьев, 1954; Турдаков, 1956). Мне уже приходилось оспаривать это мнение и утверждать, что в данных случаях образования новых подвидов не было (Кириков, 1960). Изменения в отличительных признаках, происшедшие у телушки, американской норки и форели гегаркуни, возникли в результате непосредственного влияния среды и служат примером того, что не всякая географическая изменчивость наследственна. Такого рода признаки могут так же легко исчезнуть, как и возникнуть.

Опыты по переселению животных различных географических рас показали, что при исследовании наследственности подвидов необходимо определить степень устойчивости тех черт строения (признаков), которые характерны (или считаются характерными без достаточного на то основания) для той или иной географической расы. Как долго, у скольких поколений сохраняются эти признаки, если животные переселяются в местности с природными условиями, значительно отличающимися от тех, к которым они привыкли? Если эти признаки быстро исчезают и изменяются, важно выяснить, в течение скольких поколений это происходит. Такие признаки, как оттенки в окраске покровов и отличия в размерах тела, в ряде случаев оказались неустойчивыми. Они быстро изменялись, если животные переселялись в местности с иными природными условиями. А ведь именно эти признаки чаще всего используются для определения,

⁶ Предлагалось даже заранее дать название будущему подвиду «*Mustela vison tatarica* subsp. nova» (Попов, 1949, стр. 135).

к какому подвиду следует отнести зверей или птиц, населяющих определенную местность.

Необходимы дальнейшие экспериментальные работы по исследованию того, какие формы географической изменчивости наследственны, и какие ненаследственны. Эти исследования следует сочетать с работами по переселению таких географических рас, у которых отличительные признаки выражены очень отчетливо. Было бы, например, очень интересно переселить уральских белобрюхих глухарей (*Tetrao urogallus uralensis* Sev. et Menzb.) в леса Крыма и Тянь-Шаня, а также в Воронежский и Хоперский заповедники и проследить, будут ли изменяться признаки этой географической расы, а если будут, то как именно. То же следовало бы предпринять и со светлыми уральскими рябчиками, относимыми систематиками к подвиду *Tetrastes bonasia sibiricus*, переселив их в Воронежский и Хоперский заповедники и на Кавказ.

Эти опыты следует проводить в таких местностях, где данный вид отсутствует, чтобы избежать скрещивания испытуемой географической расы с другими. Известно, что вселение баргузинских соболей на Урал, где водились местные соболи, и белки телеутки в те районы, где были свои белки, привело к тому, что новые поколения животных не имели тех особенностей меха, которые свойственны баргузинским соболям или телеуткам. Но чем это было вызвано — воздействием ли среды или скрещиванием с местными животными, с полной уверенностью решить нельзя.

Издавна и преимущественно на промысловых животных замечалось, что, кроме географических рас, среди многих видов животных существуют различные морфы⁷.

Практическая важность вопроса о полиморфизме животных также выявилась на несколько столетий раньше, чем он занял должное место в биологической науке. Разные морфы бобра, лисицы, соболя, песца, кречета и ряда других видов ценились по-разному. В XV—XVIII вв. различались, например, красная, сиводупчатая, бурая, черно-бурая, черная и седая морфы лисицы. Черные лисицы (к ним относились такие, у которых волосы не имели белых кончиков) в XV в. были так редки и дороги, что о присылке нескольких черных лисиц велись специальные переговоры, в которых участвовали московский великий князь, крымский хан и турецкий султан. Осенью 1492 г. Менгли-Гирей писал Ивану III: «Да еще у тебя, у брата своего, запрос мой то стоит: черных бы лисиц горла добывши прислал еси; а не добудешь, и ты бы черных лисиц с двадцати ли, с тридцати ли прислал бы еси». (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами..., 1884, стр. 168). Вновь об этом Менгли-Гирей писал в следующем году и раскрыл причину своей настойчивой просьбы: «Да еще слово наше то. Салтан ныне и трижды, и четырежды присылал: у твоего брата в земле черные лисицы живут, чтобы если те лисиц горла испрошав прислал» (там же, стр. 173). Черные лисицы стоили очень дорого (до 1000 руб.) и в XVIII в. (Миллер, 1756).

Следующей по ценности была черно-бурая морфа лисицы. (У нее совсем черными были хребтовая полоса и затылок; волосы же по обе стороны хребта имели белые кончики.) В XVII в. черно-бурая лисица принималась от исаичных людей Западной Сибири взамен 8—12 соболей. Следовательно, она стояла в четыре — шесть раз дороже, чем красная, приравнивавшаяся по стоимости к двум соболям. Иногда попадались черно-бурые лисицы с таким хорошим мехом, что одна из них была принята вместо 15 соболей, а другая — взамен 22 соболей⁸. В XIX в. черно-бурые

⁷ Речь идет о морфах в понимании современных исследователей (см., например Нухлеу, 1955), а не в понимании А. П. Семёнова-Тяньшанского (1910).

⁸ ЦГАДА. Фонд Сибирский приказ, кн. 944 (1690 г.), л. 683.

лисицы сильно упали в цене и на Обдорской ярмарке в 70-х годах этого столетия они стоили по 20—25 руб. (Ширянкин, 1877).

Очень дорого ценились черные соболи, и просьбы прислать их поступали к Ивану III как из западных, так и из южных государств. Прислать черных соболей просила и польская королева Елена — дочь Ивана III, и Нур-Султан — жена Менгли-Гирея. Черные соболи были в то время в Московском государстве редки, и Иван III в ответ на просьбы своей дочери и крымской ханши посылал им по два-три черных соболя. Зимой 1490/91 г. он отправил, например, ханше Нур-Салтан два черных соболя, но не вполне угодил ей. Ханша писала, что соболи были осисты (с длинной остью), и весной 1491 г. опять просила еще двух черных соболей «ниже тех шерстью». Тогда же Нур-Салтан послала грамоту и казанскому хану — своему сыну, чтобы он прислал ей «портицу добрых черных соболей». Серые и сероватые соболи, наоборот, считались малоценными. Как известно, черные соболи и теперь считаются наиболее дорогими и носят в пушной торговле название «головки». Известно также, что черные и черно-карие бобры ценились значительно дороже рыжих, а голубые песцы — дороже белых.

У одних животных морфы резко отличаются друг от друга, у других же между морфами имеются постепенные переходы. Первые шаги в изучении полиморфизма животных, как справедливо отметил Гексли (Huxley, 1955), должны заключаться в определении численного соотношения различных морф и в установлении их распространения. К этому следует добавить, что важно не только определить, где и сколько особей той или иной морфы имеется теперь, но где и сколько их было в прошлые века, и как изменялось соотношение различных морф с течением времени.

Сведения, обнаруженные в исторических источниках и касающиеся прошлого размещения и численного соотношения морф бобра, песца, лисицы, кречета, были недавно опубликованы (Кириков, 1960) и поэтому повторять их я не буду. Найденные мной в письменных исторических источниках дополнительные данные, подтверждают уже сделанные мной обобщения. Напомню лишь, что эти материалы позволили прийти к заключению, что различные морфы животных устойчиво существовали в различных природных областях в течение всего исторического времени, от которого остались письменные свидетельства об их прошлом размещении. В тех областях, где тот или иной вид не был истреблен, различные морфы, известные в историческое время, сохранились до наших дней.

Вопрос о том, насколько устойчива наследственность различных морф промысловых животных, изучен недостаточно. Поэтому следует провести опыты по расселению животных той или иной морфы в районы с различными природными условиями. При этом необходимо исключить возможность скрещивания данной морфы с другими. Поэтому эти опыты следует проводить в таких местностях, в которых данный вид отсутствует.

Приведенный исторический обзор отношения человека к населению охотничье-промысловых животных показывает, что люди долгое время были недостаточно разумными хозяевами. Известно, как много труда и средств пришлось затратить при восстановлении ареалов, например, бобра и соболя, и как много еще работы предстоит. Сопоставление того, что было, с тем, что есть, поможет правильно решить, что может и должно быть сделано для восстановления и расширения распространения охотничье-промысловых животных и увеличения их численности. Планы вселения новых для нашей страны видов охотничье-промысловых животных и переселения географических рас из одной части страны в другую должны быть более продуманными и обоснованными, чем это было до сих пор. В связи с этим большое внимание необходимо уделять опытам по изучению степени устойчивости признаков, наиболее характерных для той или иной географической расы и морфы, путем переселения животных в местности с иными природными условиями, чем те, в которых они жили издавна.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В КНИГЕ

Архивы

ОРБЛ — Отдел рукописей государственной библиотеки им. В. И. Ленина

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив

Опубликованные источники

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах... Археографической экспедиции Академии наук

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России

Архив ЮЗР — Архив юго-западной России

АСЭИ — Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России

АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России

ДАИ — Дополнения к актам историческим

РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической Комиссией

ЛИТЕРАТУРА

- А. Б.— «Журнал охоты», отд. «Смесь», 1875, № 2.
- Абрамов П. А. Описание Березовского края.— Зап. Русск. геогр. об-ва, кн. 12. СПб., 1857.
- Аверин В. Г. К орнитологии Харьковской губернии.— Труды Об-ва исп. природы при Харьковском ун-те, т. 43, 1910.
- Аксаков С. Т. Записки об ужении рыбы.— Полное собр. соч. С. Т. Аксакова, т. 5. СПб., 1886.
- Аксаков С. Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. М., Географгиз, 1953.
- Аксаков С. Т. Семейная хроника — Собр. соч., т. I. М., 1955.
- Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606—1610). Собрал и редактировал А. М. Гневушев. М., 1914.
- Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Вильно, т. 6, 1872; т. 8, 1878. г. 13, 1886; т. 14, 1887.
- Акты исторические, т. 1 (1334—1598). СПб., 1841.
- Акты Литовской метрики, собранные Ф. И. Леонтоновичем, т. I, вып. 2, Варшава, 1897.
- Акты Литовско-Русского государства, издаваемые В. Довнар-Запольским, вып. 1 (1390—1529 гг.). М., 1899.
- Акты Московского государства. СПб., т. 1, 1571—1634, 1890; т. 2, 1635—1659, 1894; т. 3, 1660—1664, 1901.
- Акты, основанные до юридического быта древней России. СПб., т. 1, 1857; т. 2, 1864; т. 3, 1884.
- Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные А. А. Липитным. Новочеркасск, т. 1, 1891; т. 2, 1894.
- Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., т. 1, 1846; т. 2, 1848; т. 4, 1851; т. 5, 1853.
- Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., т. 1, 1863.
- Акты писцового дела. Собрал и редактировал С. Веселовский. М., т. 1, 1913; т. 2, 1917.
- Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографическою экспедициею Академии наук. СПб., т. 1, 1836; т. 2, 1836; т. 3, 1836; т. 4, 1836.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., т. 1, 1952; т. 2, 1958.
- Акты хозяйства боярина Б. П. Морозова, ч. 1. М.—Л., 1940.
- Акты Холмогорской и Устюжской епархии, ч. 1. СПб., 1894. (Русская историческая библиотека, т. 14.)
- Акты Холмогорской и Устюжской епархии, ч. 2. СПб., 1908. (Русская историческая библиотека, т. 25.)
- Акты юридические. СПб., 1838.
- Александрович М. П. Остерский уезд, вып. 1. Киев, 1881.
- [Андреев И.] Домовая летопись Андреева по роду их писанная капитаном Пв. Андреевым в 1782 году. Печата в Семипалатинске.— Чтения в об-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. 1870 г., кн. 4. М., 1871.
- Андреев А. И. Труды и материалы В. П. Татищева о Сибири.— Сов. этнография, 1936, № 6.
- Андреев Б. П. Птицы среднего Вилюя. Якутск, 1953.
- Андреев В. П. Изучение численности северных оленей и путей их миграции с помощью аэрометодов.— Зоол. журнал, 1961, т. 40, вып. I.
- Антонович В. Б. О промышленности юго-западного края в XVIII столетии.— Зап. юго-зап. отд. Русск. геогр. об-ва, т. 1 за 1873 г. Киев, 1874.
- Арандаренко Н. П. Записки о Полтавской губернии, 1. Полтава, 1848.
- Аргентов А. Описание Николаевского Чаунского прихода.— Зап. Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва, кн. 3. СПб., 1857а.
- Аргентов А. Путевые записки священника-миссионера А. Аргентова в приполярной местности.— Зап. Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва, кн. 4. СПб., 1857б.

- Аргентов А. Северная земля.— Зап. Русск. геогр. об-ва, кн. 2. СПб., 1861.
- Аргентов А. Пятнадцать лет в Нижнеколымском крае (1843—1857).— Всемирный путешественник, 1689, № 5.
- Арсеньев Ф. А. Речная область Шексны.— Труды Ярославск. губ. статистич. ком-та, вып. 2. Ярославль, 1866.
- Арсеньев Ф. А. Зыряне и их охотничьи промыслы. М., 1873.
- Арсеньев Ф. А. Охотничьи и рыбные промыслы в Усть-Сысольском уезде в 1874 и 1875 гг.— Журнал охоты, 1875, № 6.
- Артоболевский В. М. До орнитофаки Чернигівської округи.— Украинский мисливець та рибалка, 1928, № 11—12.
- Артоболевский В. М. К орнитофауне земли чукчей.— Зап. Київськ. тов-ва природознавців, т. 27, вып. 1. Київ, 1926.
- Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильно, т. 1, 1867; т. 3, 1867.
- Архив Юго-Западной России. Киев, ч. 4, т. 1; 1807, ч. 7, т. 1, 1886; ч. 7, т. 2, 1890; ч. 7, т. 3, 1905.
- Асписов Д. И. Лось (*Alces alces L.*) в Татарской республике.— Материалы по изуч. и охране природы Тат. АССР, вып. 1. Казань, 1930.
- Асписов Д. И. Размещение и численность лосей в Татарской АССР.— Уч. зап. Казанск. ун-та, т. 115, № 8, 1956.
- Асписов Д. И. Размещение, условия обитания и перспективы использования выхухоли в Волго-Камском крае.— Вопросы экологии, т. 6. М., 1962.
- Асписов Д. И. и Григорьев Н. Д. Малые реки Волжско-Камского края — ценные угодья для обитания пушных зверей.— Изв. Казанск. филиала АН СССР. Секция энергетики и водного хоз-ва, вып. 3. Казань, 1961.
- Астраханская губерния при Петре Великом.— Астраханский сб., изд. Петровским об-вом исследователей Астраханск. края, вып. 1. Астрахань, 1896.
- Атлас Подольской губернии.— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1843, ч. 2.
- Атлас Украинской ССР и Молдавской ССР. М., 1962.
- Багалец Д. И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887.
- Багалец Д. И. Материалы для колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний, т. 2. Харьков, 1890.
- Бажанов В. С. Из работ по изучению млекопитающих степей юго-востока Самарской губернии. Бузулукский уезд.— Материалы по изуч. Самарск. края, вып. 5. Самара, 1928.
- Бажанов В. С. Из работ по изучению млекопитающих юго-восточных степей б. Самарской губернии. Пугачевский уезд.— Бюлл. Средне-Волжской краевой станции защиты растений, 1926/28 г. Самара, 1930.
- Баженов А. Рыболовство в VII смотрительском районе.— Рыболовство в бассейне Волги выше Саратова, вып. 7. СПб., 1909.
- Базилевский П. Историко-статистическое описание Холмогорского уезда в 1851 г.— Архангельский сб., ч. 1, кн. 1. Архангельск, 1863.
- Бакань Н. К истории колонизации левобережной Украины в XV—XVI веках.— Сб. Харьковск. историко-филол. об-ва, т. 4. Харьков, 1892.
- Бакань Н. Историко-географические материалы, относящиеся до Якутской области по второй четверти XVIII в.— Изв. Вост.-Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва, т. 25, № 4—5. Иркутск, 1895.
- Бакеев П. Н. и Формозов А. Н. Распространение и некоторые черты экологии сайги в западной части Прикаспийской низменности.— Труды Ин-та геогр., вып. 66. М., 1955 (Материалы к биогеографии СССР, вып. 2).
- Бакмейстер Л. И. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи, т. 1, ч. 1. Московской губернии Московская провинция. СПб., 1774.
- Бакунин В. Описание казымкиных народов, а особливо из них Торгоутского, и поступок их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным 1761 г.— Красный архив, 1939, № 3.
- Банников А. Г. Сайгак.— В кн.: Гептнер В. Г., Насимович А. А., Вапшников А. Г. «Млекопитающие Советского Союза», т. 1. М., 1961.
- Банников А. Г. Дикие копытные. Перспективы их хозяйственного использования.— «Охота и охотничье хоз-во», 1962, № 9.
- Барабаш-Никифоров И. И. Звери юго-восточной части Черноземного Центра. Воронеж, 1957.
- Барабаш-Никифоров И. И., Семаго Л. Л. Птицы юго-востока Черноземного Центра. Воронеж, 1963.
- Баранович М. С. Рязанская губерния. СПб., 1860. (Материалы для географии и статистики России, т. 19).
- Барбаро И. Путешествие в Тану Иосафата Барбаро. Перев. с итал.— Библиотека иностр. писателей о России, т. 1. СПб., 1836.
- Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Климецкий с приписными к нему пустынями

- царскими и иерархическими грамотами.— Чтения в Об-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1870, кн. 4.
- Бахрушин С. В. Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI века.— Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909.
- Бахрушин С. В. Исторические судьбы Якутии.— В кн.: «Якутия», Л., 1927.
- Бахрушин С. В. Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. М., 1955. (Научные труды, т. 3).
- Беев Ф. С. География Российской; из Константина Порфирогенита, то есть Багрянородного. СПб., 1767.
- Безносиков. Самарская губерния. СПб., 1852. (Военно-статистич. обозрение Российской империи, т. 5, ч. 3).
- Бекетов А. Две публичные лекции об акклиматизации.— *Натуралист*, 1864.
- Беловская вишляфовка, издаваемая Николаем Елагиным, т. 1. М., 1858.
- Белинг Д. О распределении лососевых (*Salmonidae*) в бассейнах рек Украины.— «Природа и охота на Украине», 1924, № 1—2.
- Белов В. В. Фауна Орловского уезда.— Материалы по статистике Вятской губ., т. 3. Орловский уезд. М., 1887.
- Белюсов В. И. Опыт обледования соболиного промысла и промысловой охоты вообще в Чердынском и Верхотурском уездах Пермской губ.— Материалы к познанию русск. охот. дела, вып. 7. Пг., 1915.
- [Бель.] Бельевы путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно: в Исландию, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Перевел с франц. М. Попов, ч. 1—3. СПб., 1776.
- Белые куропатки в Тульской и Рязанской губ.— *Журнал охоты*, 1875, № 2.
- Бельк В. Н. Состав и распределение охотопромысловой фауны млекопитающих Якутии.— В кн.: «Промысловая фауна и охотничье хозяйство Якутии». Якутск, 1953.
- Бельк В. Н. Опыт изучения динамики популяций и прогнозирования численности белки в Якутии.— В кн.: «Материалы Научной конференции Всесоюзного научно-исслед. ин-та животного сырья и пушнины». М., 1964.
- Беляев И. О сторожевой станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства.— Чтения в Об-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1846, № 4.
- Беляев И. Несколько слов о земледелии в древней Руси.— *Временник Моск. об-ва истории и древностей российских*, кн. 22. М., 1855.
- Беме Л. Б. и Беме Р. Л. Материалы к познанию фауны птиц Брянской области. (Новозыбковский уезд). Уч. зап. Новозыбковского пед. ин-та, т. 1. Систематический список птиц Новозыбковского района. Брянск-Орел, 1952.
- Бентковский И. В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Кавказской области.— Ставропольские губ. ведомости, 1883, № 37.
- Берг Л. С. Физико-географические (ландшафтные) зоны СССР, изд. 2. Л., 1936.
- Берг Л. С. О происхождении форелей и других пресноводных лососевых. В кн.: «Памяти акад. С. А. Зернова». М.—Л., 1948а.
- Берг Л. С. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран, изд. 4, ч. 1. М.—Л., 1948б.
- Берх В. П. Путешествие в города Чердынь и Соликамск. СПб., 1821.
- Бларамберг. Земли Киргиз-Кайсаков Оренбургского ведомства. СПб., 1848. (Военно-статистич. обозрение Российской империи, т. 14, ч. 3).
- Бобровский П. Гродненская губерния, ч. 1. СПб., 1863. (Материалы для географии и статистики России, т. 5).
- Богданов М. П. Птицы и звери черноземной полосы Поволжья и долины средней и нижней Волги. Казань, 1871.
- Богданов М. П. Этюды русской охоты. II. Охотничьи и промысловые птицы Европейской России и Кавказа.— *Журнал охоты и конезаводства*, 1874.
- Боголенов М. Торговля Сибири.— В кн.: «Сибирь, современное состояние и ее будущее». СПб., 1908.
- Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века. *Историч. зап.*, вып. 5. М., 1939.
- Болотов А. О рублении, направлении и заведении лесов.— *Труды Вольного экономич. об-ва к поощрению в России земледелия и домостроительства*, ч. 4. СПб., 1766.
- Болховитиной Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губ. Воронеж, 1800.
- Борисова Л. В., Исаченко Т. И., Калинина А. В., Карамышева З. В. и Рачковская Е. П. Пояснительный текст к карте растительности северного Казахстана.— В кн.: «Карты геоморфологическая, растительности и природного районирования целинного края северного Казахстана с пояснительным текстом». М., Изд-во АН СССР, 1961.
- Бородин А. В. Человек с историческо-колониационной точки зрения.— В кн.: «Россия», т. 12. Астраханский край. Пг., 1923.
- Бородин Л. П. Материалы к познанию пластичточковых Астраханского заповедника.— *Труды Астраханск. гос. заповедника*, вып. 2. М., 1938.

- Бородин Н. Уральское казацье войско. Т. I. Статистическое описание. Уральск, 1891.
- Бородин Н. А. Азовско-Донское рыболовство. Новочеркасск, 1901.
- Бородина М. Н. Млекопитающие Окского заповедника.—Труды Окского гос. заповедника, вып. 3. Вологда, 1960.
- Брем А. и Росмесслер Е. Лесные животные. Звери, птицы и пресмыкающиеся.—Натуралист, 1867.
- Броневский С. Б. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семенов Броневским, ч. I. М., 1823.
- Буйвид. Симбирская губерния. СПб., 1853 (Военно-статистич. обозрение Российской империи, т. 5, ч. 2).
- Букирев А. И. Ручьеван форель в бассейне Камы.—В кн.: «На Западном Урале». Пермь, 1956.
- Булавинское восстание (1707—1708 гг.).—Труды Историко-археографич. ин-та Акад. наук СССР, т. 12. М., 1935.
- Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. Ч. I. Якутская область, Охотский край. СПб., 1856.
- Бурчак-Абрамович М. Про деяких цікавих птахів Волини.—Українська акад. наук. Труды фіз.-мат. відділу, т. 6, вып. 3. Збірник праць зоологічного музею, ч. 5. Київ, 1928.
- Бутурлин С. А. Наблюдения над млекопитающими, сделанные во время Колымской экспедиции 1905 года. Дневник Зоол. отд. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, новая серия, т. I, № 5. М., 1913.
- Будянский П. Н. К истории Сибири. Мангазей и Мангазейский уезд.—Зап. Харьковск. ун-та, кн. 1. Харьков, 1893.
- В лето 6897-е хождение Пимины митрополита в третье во Царьград.—В кн.: «Русский временник сиречь Летописец, содержащий Российскую историю от 6370 лета до 7189 лета». М., 1790.
- Валишевский К. Ф. Смутное время. Перев. с франц. СПб., 1911.
- Ватин В. А. Минусинский край в XVIII в. Эюд по истории Сибири. Минусинск, 1913.
- Вейнберг Я. И. Лес я его значение в природе и меры к его сохранению. М., 1884.
- Великосельце в П. Ловля перепелов ястребом.—Экономич. зап. СПб., 1856, № 44.
- Веннамин, архимандрит. Самоеды мезенские.—Вестник Русск. геогр. об-ва. 1855, ч. 14.
- Верещагин Н. К. Лось как недавно вымершее на Кавказе животное.—Докл. АН Уз. ССР, 1948, т. 4, № 3.
- Верещагин Н. К. Рецензия на книгу С. Кирикова «Изменения животного мира в природных зонах СССР. (XIII—XIX вв.). Степная зона л лесостепь».—Зоол. журнал. 1960, т. 39, вып. 7.
- Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере.—Успехи современной биологии, 1944, т. 18, вып. 2.
- Вернадский Г. В. Против солнца. Распространение русского государства к востоку.—Русская мысль, 1914, № 1.
- Вернадский Г. В. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века.—Журнал Мин-ва народного просвещения, новая серия, 1915, апрель.
- Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис-хана. Брюссель, 1939. (Исследования и материалы по истории России и Востока, вып. 1.)
- Веселовский С. Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., Сопэкгиз, 1936.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., Изд-во АН СССР, 1963.
- Видлинский Д. Три зимы.—Природа и охота, 1887, август.
- Виднов О. И. Промышленность нерусских народов Тобольского уезда в XVII в.—В кн.: «Сибирь периода феодализма, вып. 1. Сибирь. XVII—XVIII вв.». Новосибирск, 1962.
- Вильдермет. Сведения об охоте в Тверской губернии и о водящейся в оной дичи.—Лесной журнал, 1842, ч. 4, № 1.
- Владимирский-Буданов М. Население юго-западной России от половины XIII до половины XV века. Киев, 1886. (Архив юго-западной России, ч. 7, т. 1).
- Владимирский-Буданов М. Акты о заселении юго-западной России от 2-й половины XV века до Юблинской унии 1569 г. Киев, 1890. (Архив юго-западной России, ч. 7, т. 2).
- Владимирский-Буданов М. Акты о заселении южной России XVI—XVIII вв. Киев, 1905. (Архив юго-западной России, ч. 7, т. 3).
- Власов В. Статистическое описание Оренбургской губернии в лесном отношении.—Журнал Мин-ва гос. имуществ, 1861, ч. 77, кн. 3.
- Воздвиженский Т. Я. Историческое обозрение Рязанской иерархии. М., 1820.
- Волгов В. Звериный и рыбный промысел на Ростесском Урале.—Журнал охоты, 1860, № 1.

- Волович Г. Б. Ревизии пущ и переходов звериных в бывшем великом княжестве Лятовском, составленная Г. Б. Воловичем в 1559 году. Вильна, 1867.
- Воробьев К. А. Материалы к орнитологической фауне дельты Волги и прилежащих степей.— Научные труды гос. заповедников. Астраханский гос. заповедник, вып. 1. М., 1936.
- Воробьев К. А. Птицы Якутии. М., Изд-во АН СССР, 1963.
- Воронцов Е. М. Рыбы и рыболовство верховьев р. Днепра.— Труды об-ва изуч. природы Смоленск. края, т. 5. Смоленск, 1930.
- Воронцов М. До лізання орнітофауни Приєвпашія и Сивпашів.— Праці Науководослід. зоолого-біологічного ін-ту, вип. 4. Харків, 1937.
- Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы, т. 1—3. М., Изд-во АН СССР, 1954.
- Востанье Ем. Пугачева. (Сб. документов). Л., Соцэкгиз, 1935.
- Востоков А. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.
- Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820.. 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенантом Ф. П. Врангелем. М., Изд-во Главсевморпути, 1948.
- Высоцкий Г. Н. Ергеня. Культурно-фитологический очерк.— Труды Бюро по прикладной ботанике, год 8-й, № 10—11. Пг., 1915.
- Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евгихиевская) летопись.— Историко-филол. сб., вып. 4. Сыктывкар, 1938.
- Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР, т. 1. Л., Госполитиздат, 1941.
- Габлиц К. Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы. СПб., 1785.
- Гавриленко М. Тварини хребтови.— В кн.: «Полтавщина», аб. 2. Полтава, 1927.
- Гавриленко М. І. Два маловідомих звірі для Полтавщини.— Наукові зап. Полтавського держ. педагогіч. ін-ту ім. В. Г. Короленко, т. 7. Полтава, 1954.
- Гаврин В. Ф. Дрофы.— В кн.: «Птицы Казахстана», т. 2. Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1962.
- Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, ч. 1—3. СПб., 1854.
- Гельм П. П. Рогожничество.— Материалы по статистике Вятской губ., т. 3. Орловский уезд. М., 1887.
- Геннин де В. Описание уральских и сибирских заводов 1735 г. М., «История заводов», 1937.
- Географическое описание обитаемой земли Войском Донским.— Древняя Российская Вивлиофика, ч. 19. М., 1791.
- Гептнер В. Г. Заметки о тарпаках.— Зоол. журнал, 1955, т. 34, вып. 6.
- Гептнер В. Г., Бапликов А. Г., Насимович А. А. Млекопитающие Советского Союза, т. 1. Парнокопытные и пекарнокопытные. М., Изд-во «Высшая школа», 1961.
- Герасимов А. А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII—XVIII веков.— Уч. зап. Саратовск. гос. ун-та, т. 8, вып. 2. Саратов, 1930.
- Герман И. Сочинения о сибирских рудниках и заводах, ч. 3. СПб., 1801.
- Герман П. История русского межевания. М., 1914.
- Германов Г. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии.— Зап. Русск. геогр. об-ва, кн. 12. СПб., 1857.
- Герсианов. Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1849.
- Герхвер В. Ю. Материалы до вивчення птахів Поділля. Труды фіз.-мат. відділу Укр. Акад. наук, т. 6, вып. 3. Київ, 1928.
- Гиршфельд Л. И. О промысловой фауне зверей и птиц Красно-Баковского уезда Нижегородской губернии.— В кн.: «Материалы к изучению флоры и фауны Центрально-промышленной области». М., 1927.
- Глинка Ф. Немто о вятинах новгородских и в особенности о стране, известной издревле под именем Ваги.— Северный Архив, 1827, т. 27, № 9—12.
- Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Перев. с нем. СПб., ч. 1. 1774; ч. 2. 1777; ч. 3. 1785.
- Голубев Г. А. К вопросу о составе и распределении лесов в Центральной Якутии.— Труды Геогр. отд. КЕПС, вып. 2. Л., 1930.
- Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев, 1881.
- Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV века.— Университетские изв. Киев, 1895, январь.
- Гольцмайер Г. К. Некоторые данные по распределению млекопитающих в приурских лесах автономной Чувашской АССР.— Уч. зап. Казанск. ун-та, т. 94, кн. 4. Казань, 1934.
- Горбачев С. Н. Млекопитающие Орловской губернии по новым данным 1910—1914 гг.— Материалы к познанию природы Орловской губ., № 21. Орел-Киев, 1915.
- Гортынский Н. Рыболовство.— В кн.: «Опыт описания Могилевской губ.». Под ред. А. С. Дембовецкого, кн. 2. Могилев, 1884.

- Граве Г. Л. Реальной бобр в пределах СССР и его хозяйственное значение.— Труды по лесному опытному делу, вып. 14. М.—Л., 1931.
- Граве Г. Л. Птицы.— В кн.: «Животный мир Смоленской области». Смоленск, 1951.
- Граков Н. Н. Биологические показатели для прогноза и рационального использования запасов лесной кунницы на Европейском севере СССР.— Вопросы экологии, т. 6. М., 1962.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.
- Грамоты и акты Вятского Трифонова монастыря. Собрал и издал А. В.— в. Труды Вятской ученой архивной комиссии, вып. 1—2. Вятка, 1906.
- Грамоты Двинского уезда. Пб., 1922. (Сб. грамот Коллегии экономии, т. 1).
- Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольского, Мезенского и Важского уездов. Л., 1929. (Сб. грамот Коллегии экономии, т. 2).
- Греков Б. Д. Киевская Русь. М., Учпедгиз, 1949.
- Грибанов Л. Н. Степные бобы Алтайского края и Казахстана. М.—Л., Гослесбумиздат, 1960.
- Грушевский М. Южнорусские господарские замки в половине XVI века.— Университетские известия, Киев, 1890, № 2.
- Грушевский М. Барское староство. Киев, 1894.
- Грушевский М. История Украины — Руси, т. 1. Киев, 1913.
- Гуляев С. Заметки об Иртыше и странах, им орошаемых.— Вестник Русск. геогр. об-ва, 1851, ч. 3, кн. 5—6, отд. 4.
- Гусев Н. Охота как промысел.— Журнал Марш Эд, Йошкар-Ола, 1928, № 3—4.
- Густинская летопись. Прибавление к Ипатьевской летописи.— Полное собрание русских летописей, т. 2. СПб., 1834.
- Данилов П. Н. Описание видов рукокрылых и насекомоядных, водящихся в юго-восточной части Орловской губернии. М., 1868.
- Давидович С. Ф. Очерки ружейной охоты в юго-западном крае.— Журнал охоты, 1876, т. 5, № 6.
- Давидович С. Ф. Очерки ружейной охоты в Бессарабии.— Природа и охота, 1879, № 7—8.
- Двигубский И. А. Изображения и описания животных Российской империи. М., 1817—1818.
- Дежкин В. Первый опыт промысла бобра.— Охота и охотничье хоз-во, 1964, № 10.
- Делёр. Сведения об охоте в Архангельской губернии.— Лесной журнал, 1835, ч. 4, № 2.
- Дементьев Г. П. Замечания о виде и некоторых сторонах видообразования в зоологии.— Зоол. журнал, 1954, т. 33, вып. 3.
- Ден В. Э. Население России по 5-й ревизии, т. 2, ч. 2. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. М., 1902.
- Державин А. Н. Волжский лосось. (По историческим материалам).— В кн.: «Сб. посвященный научной деятельности Н. М. Книповича». М., 1939.
- Державин А. Н. Воспроизводство запасов каспийского лосося. Баку, Азерб. филиал АН СССР, 1941.
- Дерюгин К. М. Путешествие в долину среднего и нижнего течения р. Оби и фауна этой области.— Труды СПб. Об-ва естествоиспыт., отд-ние зоологии и физиологии, т. 29, вып. 2. СПб., 1898.
- Джекинон. Путешествие в Среднюю Азию. 1558—1560 гг.— В кн.: «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке». Л., 1937.
- Дянесман Л. Г. Изменение природы северо-запада Прикаспийской низменности. М., Изд-во АН СССР, 1960.
- Дячик Н. Я. Звери Кавказа, ч. 1 и 2.— Зап. Кавказск. отд. Русск. геогр. об-ва, кн. 27, вып. 1, ч. 2. Тифлис, 1910—1914.
- Дмитриев Н., Зеленова Л., Кунаков М. Растительный и животный мир Калужской области, вып. 1 и 2. Калуга, 1962.
- Доброхотов В. О появления лесей и оленей в дачах, смежных с г. Владимиром.— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1856, ч. 21, № 11.
- Долгушин И. А. Птицы Казахстана, т. 1. Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1960.
- Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, т. 1, 1940; т. 3, 1949.
- Документы по истории Коми.— Историко-филол. сб., вып. 4. Сыктывкар, 1958.
- Домрачев П. Ихтиофауна верховьев р. Днепра. (Рыбы Смоленского уезда).— Вестник рыбопромышленности, 1913, № 4—6.
- Дополнительные статьи к Судебнику царя Иоанна Васильевича, издаваемые в первый раз по списку Эрмитажской библиотеки. Сообщены А. Ф. Быковым.— Архив историко-юридич. сведений, относящихся до России, кн. 2, половина 1-я. М., 1855.
- Дополнения к Актам историческим. СПб., т. 1, 1846; т. 2, 1846; т. 3, 1848; т. 4, 1851; т. 5, 1853; т. 6, 1857; т. 7, 1859; т. 12, 1872.
- Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881.
- Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А. Н. Пискаревым. СПб., 1854.
- Древняя Российская Вивлиофика. Продолжение... 4.10 СПб., 1795.
- Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889.

- Дубасов И. И. Быт тамбовских жилищных людей в XVI и XVII вв.— Изв. Тамбовской ученой архивной комиссии, вып. 29. Тамбов, 1890.
- Дубасов И. И. К бытовой истории Тамбовского края XVII—XVIII столетий.— Историч. вестник, 1897, вып. 7.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI веков. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.
- Дюбюк Е. Из материалов к истории зверовой охоты в Костромском крае.— Труды Костромск. научного об-ва по изуч. лесистого края, вып. 18. Буй, 1920.
- Е.—в. Заметки об охоте в Харьковской губернии.— Журнал охоты, 1877, № 2.
- Егоров Н. П. Парнокопытные в ленточных борах Западной Сиббири.— «Природа», 1955, № 1.
- Еларов А. Обзор торгового оборота Нижегородской ярмарки.— Экономист. СПб., 1861, № 12.
- Ельчанинов Н. Очерк Бельской местности.— Памятная книжка Смоленской губ. на 1860 г. Смоленск, 1860.
- Емельяненко П. Птицы Остерского уезда Черныговской губ.— Птицеведение и птицеводство, 1916, вып. 3.
- Емельянов И. А., Шмидт Е. А. Рыбы.— В кн.: «Животный мир Смоленской обл.» Смоленск, 1951.
- Ефимовский И. Географическое обозрение Западной Сибири и Киргизской степи.— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1855, ч. 12, отд. 3.
- Жданов А. П. Расселение и исследование речного бобра в Западной Сибири.— В кн.: «Акклиматизация животных в СССР». Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1963.
- Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков, т. 2. СПб., 1888.
- Желнин В. А. Большой крошинец в культурном ландшафте южной Эстонии.— Орнитология, вып. 4. М., 1962.
- Жеребцов Л. Н., Лашук Л. П. Старая Вишера.— Историко-филол. сб., вып. 4. Сыктывкар, 1958.
- Жерела до истории України—Руси. Т. 3. Люстрації земель Холмської, Бельзької і Львівської. Львів, 1900.
- Житецкий Ир. А. Астраханские калмыки. Очерк I. Общие условия жизни калмыков в Астраханском крае.— В кн.: «Сборник трудов членов Петровского об-ва исследователей Астраханского края», Астрахань, 1892.
- Житие святого Стефана епископа Пермского, написанное Елифангием Премудрым. СПб., 1897.
- Житков Б. М. Материалы по фауне млекопитающих Симбирской губернии. М., 1898. (Изв. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 86. Труды зоол. отд. и зоол. музея), т. 2, № 8.
- Житков Б. М. По Канинской тундре. Отчеты экспедиции Русского географического общества на Канинский полуостров в 1902 г. СПб., 1904. (Зап. Русск. геогр. об-ва по общей географии, т. 41, № 1).
- Житков Б. М. Сообщение об экспедиции на Ямал.— Изв. Архангельск. об-ва изуч. Русского Севера, 1909, № 2.
- Житков Б. М. и Бутурлин С. А. Материалы для орнитофауны Симбирской губернии. СПб., 1906. (Зап. Русск. геогр. об-ва по общей географии, т. 41, № 2).
- Житков Б. М. и Зедзинов В. М. К орнитофауне крайнего севера Сибири.— Дневник Зоол. отд. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, новая серия, т. 3, № 2. М., 1915.
- Журнал министерства внутренних дел, 1836, ч. 21; 1844, ч. 7; 1846, ч. 16; 1850, ч. 29; 1857, ч. 27.
- Завалишин И. И. Описание Западной Сибири, т. 3. Сибирско-Киргизская степь. М., 1867.
- Залесский Н. М. и Залесский П. М. Птицы юго-западной Сибири. Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы. Отд. биол., 1931, т. 40, вып. 3—4.
- Западно-русские летописи.— Полное собр. русских летописей, т. 17. СПб., 1907.
- Заринский М. Шпелевский уезд в 1854 году.— Архангельский сб., ч. 1, кн. 2. Архангельск, 1865.
- Зарудный Н. А. Заметки по фауне млекопитающих Оренбургского края.— Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отд. зоол., вып. 3. М., 1897.
- Звенигородский уезд.— Стат.-эконом. сб., 1924 г. Звенигород, 1924.
- Зверева О. С., Маслов В. И., Остроумов Н. А., Романов А. И., Турлева В. В. Редактор Остроумов Н. А. «Животный мир». Издание Производительные силы Коми АССР, т. 3, ч. 2, 1953.
- Звериные промыслы у народов турского языка, обитающих в Южной Сибири.— Лесной журнал, 1847, № 43—44.
- Зеленский И. Мянская губерния. Ч. 1—2. СПб., 1864. (Материалы для географии и статистики России, т. 15).
- Зерцалов А. Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда. (Приходно-расходная книга Сибирской приказной избы, 1665—1667 гг.). Симбирск, 1896.

- Зиновьев Д. Н.** Топографическое описание города Казани и его уезда, сочиненное Дмитрием Зиновьевым. М., 1788.
- Зубрицкий Д.** Критико-историческая повесть временных лет Червоной или Галицкой Руси. Перев. с польск. М., 1845.
- Иваненко Н.** Из дневника вологодского охотника.— Природа и охота, 1878, сентябрь.
- Иванов А.** Промыслы охоты на зверей и птиц в Оловецкой губернии.— Журнал охоты, 1876, № 8—9.
- Иванов Д. Л.** Влияние русской колонизации на природу Ставропольского края.— (Изв. Русск. геогр. об-ва, 1886, т. 22, вып. 3).
- Иванова Н. А.** Растительность Сергиевского уезда. М., 1927.
- Из Каргопольского уезда Оловецкой губернии.**— Журнал охоты, 1867, т. 4, № 5, смесь.
- Известия Тамбовской ученой архивной комиссии.** Тамбов, 1887, вып. 13—14, 1893, вып. 37—38.
- Измайлов В. В.** Путешествие в полуденную Россию, ч. 1—2. М., 1802.
- Ильин Н. И.** Растительный и животный мир.— В кн.: «Россия». Полное географическое описание нашего отечества под ред. В. П. Семенова, т. 3. Озерная область. СПб., 1900.
- Ильинская дача и хозяйственный быт населяющих ее пермиков.**— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1855, ч. 10.
- Иофа Л. Е.** Города Урала, ч. 1. Феодалный период. М., Географиз, 1951.
- Иохельсон В. И.** Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Кольском округе.— Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова, т. 10, ч. 3. СПб., 1898.
- И. Р.** Птицы и звери Акмолинской области.— Природа и охота, 1880, октябрь.
- Исаев Е. М.** О состоянии поголовья диких копытных животных на территории РСФСР.— Сообщ. ин-та леса, вып. 13. М., 1959.
- Исаков Ю. А.** Материалы по фауне млекопитающих средней и северной Карелии.— Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы, отд. биол., 1939, т. 48, вып. 2—3.
- Исаков Ю. А.** Краткий очерк фауны млекопитающих и птиц Молого-Шекнинского междуречья до образования водохранилища.— Труды Дарвинского заповедника на Рыбинском водохранилище, вып. 1. М., 1949.
- Исторические черты и современное описание Воронежской губернии.**— Отечественные записки, 1828, ч. 34—35.
- Историческое и топографическое описание городов Московской губернии.** М., 1787.
- История Москвы. Т. 2. Период феодализма. XVIII в. М., Изд-во АН СССР, 1953.**
- История о Казанском царстве (Казанский летоиснец).**— Полное собрание русских летописей, т. 19. СПб., 1903.
- К вопросу о колонизации в киргизских степях.**— Восточное обозрение. Иркутск, 1887, № 50.
- Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. 1—2. М., Изд-во АН СССР, 1957.**
- Казанцев И. М.** Описание киргиз-кайсаков. СПб., 1867.
- Казаченко Б. В.** Охотничья фауна Пензенской области. Пенза, 1953.
- Кайдалов Е.** Караван-записки во время похода в Бухарию российского каравана под воинским прикрытием в 1824 и 1825 гг., ч. 1—3. М., 1827—1828.
- Калмыков М. К.** Черкасск и Войско Донское в 1802 г. по описанию Де-Романо. Донская сторона I. Новочеркасск, I, 1896.
- Кантемир Д.** Димитрий Кантемира, бывшего князя в Молдавии, историческое, географическое и политическое описание Молдавии. С немецкого перевел Василий Левшин. М., 1789.
- Капкаев Э. А.** Санитарное состояние открытых водоемов и атмосферного воздуха Башкирской АССР и меры по борьбе с загрязнением их промышленными выбросами. В кн.: «Состояние и задачи охраны природы в Башкирии». Уфа, 1960.
- Карамзин А.** Птицы Бугурусланского и сопредельных с ним частей Бугульминского, Бузулукского уездов Самарской губ., и Белебеевского уезда Уфимской губ.— Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи, вып. 5. М., 1901.
- Карамзин П. М.** История государства Российского. СПб., 1816; т. 4. 1817; т. 9, 1821.
- Карамшев А. И.** Черныи землях.— «Правда», от 13 ноября 1959 г.
- Карелин Г. С.** Разбор статьи А. Рыбина «Естественные произведения земель Уральского казачьего войска».— Труды СПб. об-ва естествоиспытателей, т. 6. СПб., 1875.
- Кардеев Г.** Беловежская пуца, ее исторический очерк, современное охотничье хозяйство и высочайшие охоты в Пуце. СПб., 1903.
- Катанасв Г. Е.** Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях.— Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва, кн. 14, вып. 1. Омск, 1893.
- Кашкаров В. М.** Калужская губерния. Калуга, 1908.
- Кашкаров Н.** Очерк охоты в Спасском уезде Рязанской губ.— Журнал охоты, 1875, № 1.
- Кенпен Ф.** О прежнем и нынешнем распространении бобра в пределах России.— Журнал Мин-ва народного просвещения, 1902, июнь-август.

- Кесслер К. Ф. Животные млекопитающие. Птицы. Киев, 1851. (Естественная история губерний Киевского учебного округа, вып. 1, 2, 3).
- Кесслер К. Ф. Путешествие с зоологической целью к северному берегу Черного моря и в Крым в 1858 году. Киев, 1860.
- Кесслер К. Ф. Об ихтиологической фауне р. Волги.— Труды СПб., Об-ва естествоиспыт., т. 1, вып. 2. СПб., 1870.
- Бибер. Чукчи.— Сибирский вестник, 1824, ч. 2.
- Гильбургер Ф. Краткое известие о русской торговле, каким образом она производится через всю Россию в 1674 г. Перев. с нем. СПб., 1820.
- Гириков С. В. Птицы и млекопитающие в условиях ландшафтов южной оконечности Урала. М., Изд-во АН СССР, 1952.
- Гириков С. В. Исторические изменения животного мира нашей страны в XIII—XIX вв. Сообщение 4-е.— Изв. АН СССР, серия геогр. 1958, № 1.
- Гириков С. В. Изменения животного мира в природных зонах СССР. 1. Степная зона и лесостепь. М., Изд-во АН СССР, 1959.
- Гириков С. В. Изменения животного мира в природных зонах СССР. 2. Лесная зона и лесотундра. М., Изд-во АН СССР, 1960.
- Гириков С. В. Исторические акты, как основные источники для оценки запасов и определения ареала охотничье-промысловых зверей и птиц в XVI—XVIII — начале XIX в.— В кн.: «Ресурсы фауны промысловых зверей в СССР и их учет». М., Изд-во АН СССР, 1963.
- Гириков С. В., Михеев А. В., Спатенберг Е. П. Учет курных птиц.— В кн.: «Методы учета численности и географического распределения наземных позвоночных». М., Изд-во АН СССР, 1952.
- Гириков С. В., Исakov Ю. А. Запасы наземных промысловых животных, динамика промысла и перспективы их использования. Л., 1959. (Материалы к III съезду Географического об-ва СССР.)
- Гирисов А. Г. Охотничье-промысловые звери и птицы Удмуртии. Ижевск, 1958.
- Гирничиков С. Лоси требуют охраны.— Украинский мисливець та рибалка, 1928, № 2.
- Гирьяков М. Херсонские степи.— Лесной журнал, 1837, № 4, смесь.
- Гирьяков М. Историко-статистическое обозрение Херсонской губернии.— Материалы для статистики Российской империи, т. 1. СПб., 1839.
- Кістяківський О. Б. Ітахі.— В кн.: «Фауна України», т. 4. Київ, 1957.
- Кістяківський О. Б., Корнеев О. П., Пащенко Ю. И. Хребетні тварини Полісся.— В кн.: «Париси про природу і сільське господарство Українського Полісся». Київ, 1955.
- Книга Большому Чертежу. Подготов. к печати и ред. К. Н. Сербинной. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1950.
- Книги разрядные, т. I. СПб., 1853.
- Книпович Н. М. О рыбных и морских звериных промыслах Архангельской губернии. СПб., 1897.
- Козлов П. С. Птицы леса. Саратов, 1950.
- Козлов П. Форель в окрестностях Вольска.— «Цемент». Вольск, 1953, 18 октября.
- Козлов П. В мире животных и птиц.— «Коммунист», 1956, 14 апреля.
- Козлов П. Новые моря и животный мир.— «Цемент». Вольск, 1959, 15 марта.
- Козловский П. П. К фауне охотничье-промысловых зверей и птиц Саратовской области.— Уч. зап. Саратовск. пед. ин-та. Факультет естествознания, вып. 19. Саратов, 1955.
- Колесников Б. П., Гвоздев В. С., Шарц А. К., Тарчевский В. В. Задачи охраны природы и рационального использования природных ресурсов Прикамья.— В кн.: «Охрана природы на Урале», вып. 2. Пермь, 1961.
- Колмогоров Гр. Очерк лесов и лесных промыслов северо-западной Сибири.— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1856, ч. 16, № 2.
- Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сб. архивных материалов под ред. А. П. Алькора и Л. К. Дрезена. Л., Изд. Ин-та народов Севера при ЦИИ СССР, 1935.
- Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Сб. документов под общей ред. А. П. Алькора и Б. Д. Грекова. Л., Изд. Ин-та народов Севера при ЦИИ СССР, 1936.
- Колосов А. М., Лавров П. П., Наумов С. П. Биология промысловых зверей СССР. М., 1961.
- Колосов А. М., Шибанов С. В. Боровая дичь, ее промысел и заготовка. М., 1957.
- Колосовский Р. Олень и охота на него в Макарьевском уезде Нижегородской губернии.— Природа и охота, 1884, июль.
- Комп-Пермяцкий национальный округ [глава «Животный мир»]. М., Изд-во АН СССР, 1948.
- Ковдараки В. X. В память столетия Крыма. Т. 4, Естественный отдел. М., 1883.
- Ковдратов А. В. Аклиматизация баргузинского соболя на Урале. Дисс. на соиск. ученой степени канд. биол. наук. М., 1954.

- Копеев К. И. и Олехев В. Г. О заходах в тундру животных других ландшафтных зон.— В кн.: «Материалы по фауне Приобского Севера». Тюмень, 1950 (Труды Салехардского стационара Уральского филиала АН СССР, т. 1).
- Копылов А. Н. Государевы пашенные крестьяне Енисейского уезда в XVII в.— В кн.: «Сибирь периода феодализма», вып. 1. Сибирь XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962.
- Корнилов И. П. Заметки об Астраханской губ.— Вестник Русского геогр. об-ва, 1859, ч. 27, № 9.
- Короленко П. П. Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли.— Изв. об-ва любителей наук. Кубанской области, вып. 1. Екатеринодар, 1899.
- Корсаков С. Законы народонаселения в России. Отношение населения к пространству великороссийских губерний.— Материалы для статистики Российской империи, т. 2. СПб., 1841.
- Костенков К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках. СПб., 1870.
- Кочетов В. Сельскохозяйственная промышленность Харьковской губ.— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1855, ч. 14.
- Крапин В. М. Классы рыбы и круглоротые.— В кн.: «Животный мир Башкирии». Уфа, 1949.
- Краснов Н. Земля Войска Донского. СПб., 1863. (Материалы для географии и статистики России, т. 7).
- Краснопевцева Н. В. Некоторые итоги акклиматизации зайца русака в Новосибирской области.— Труды Томского ун-та, т. 123. Томск, 1953.
- Красовский. Область сибирских киргизов. Ч. 1—3. СПб., 1868. (Материалы для географии и статистики России, т. 16).
- Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.—Л., Изд-во Главсевморпути, 1949.
- Крейс. О нравах и обычаях Донских казаков в конце XVII века. Перевод из книги Корнелия Крейса Nieuw-Postkarbock behelzende de groote river Don... Amsterdam, 1703.— Северный архив, 1824, ч. 11, № 18.
- Кржижовлоцкий Я. Костромская губерния. СПб., 1861. (Материалы для географии и статистики России, т. 12.)
- Кроники великого княжества Литовского и Жомойтского.— Полное собрание русских летописей, т. 17. СПб., 1907.
- Круликовский Л. К. Заметки о млекопитающих южных уездов Вятской губернии.— Зап. Уральск. об-ва любителей естествознания, т. 23. Екатеринбург, 1902.
- Крылов Г. В. Лесные ресурсы и лесорастительное районирование Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1962.
- Куклин С. А. Звери и птицы Урала и охота на них. Изд. 2. Свердловск, 1938.
- Куклин С. А. Лоси Мозотовской области. Пермь, 1946.
- Куклин С. А. Охота в Молотовской области в прошлом и настоящем.— В кн.: «На Западном Урале». Пермь, 1951.
- Кулиш П. Записки о южной России. Издал П. Кулиш. Т. 1. СПб., 1856.
- Кунгурские акты XVII века (1668—1699). Издал А. Г. Кузнецов. Редактор А. А. Титов. СПб., 1883.
- Курбатов А. Статистические сведения о лесной и рыбной промышленности Верхнеудинского округа.— Материалы для статистики Российской империи, т. 2. СПб., 1841.
- Курбатов А. А.] Опись делам, отобранным для хранения в историческом архиве членом комиссии А. А. Курбатовым.— Изв. Тамбовской ученой архивной комиссии, вып. 37. Тамбов, 1893.
- Кухаренко Я. Г. Пластуны.— Основа, 1862, февраль.
- Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа до конца XV в.— В кн.: «Очерки истории СССР. XIV—XV вв.». М., 1953.
- Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа.— В кн.: «Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII в.». М., 1955а.
- Кушева Е. Н. Яцкое казачество.— В кн.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.». М., Изд-во АН СССР, 1955б.
- Лазаревский А. М. Описание старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. Киев, 1888.
- Лазаревский А. М. Описание старой Малороссии. Т. 3. Полк Прилуцкий. Киев, 1902.
- Ламартьенер П. М. де. Путешествие в северные страны. Перев. с франц. и примеч. В. Н. Семеновича.— Зап. Моск. археол. ин-та, т. 15. М., 1912.
- Лапцовой И. И. Тверской уезд в XVI веке. Его население и виды земельного владения. М., 1894.
- Лапцовой И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория, т. 1. СПб., 1901.
- Лаптев М. Казанская губерния. СПб., 1861. (Материалы для географии и статистики России, т. 8).

- Ларионов С. Описание Курского наместничества из древних и новых разных в нем известий, вкратце сочиненное. М., 1736.
- Латкин В. Н. Дневник В. Н. Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 гг., ч. 1.— Зап. Русск. геогр. об-ва, кн. 7. СПб., 1853.
- Латкин Н. В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб., 1892.
- Лебедев В. Д. Пресноводная четвертичная ихтиофауна Европейской части СССР. М., Изд-во МГУ, 1960.
- Лебедев В. Д. и Филин В. Р. Орнитологические наблюдения в западной Чукотке.— Орнитология, вып. 2. М., 1959.
- Лебедев Ф. Н. Суслики и другие грызуны. Самара, 1923.
- Лебле Б. Б. Пушные звери Архангельской области. Архангельск, 1953.
- Лебле Б. Б. Влияние концентрированных рубок леса на фауну охотничье-промысловых животных Архангельской области.— Материалы к Конф. по вопросам зоогеогр. суши. (Тезисы докладов). Алма-Ата, 1960.
- Левченко М. Исчезнувшие и исчезающие в южной России животные.— Киевская старина, 1882, т. 2, август.
- Левшин А. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832.
- Лесвицкий Н. Записки Херсонской губ.— «Журнал Мин-ва внутр. дел», 1836, ч. 21, № 7.
- Лещой М. Ручьевая фораля в окрестностях Инзы Корсунского уезда. Ульяновской губ.— В кн.: «Сборник Об-ва изучения Ульяновского края», вып. 1. Ульяновск, 1926.
- Лештовский М. П. Ветнисторогие (Cervidae) бывшего Кокчетавского уезда Акмолинской губернии.— Вестник Центрального музея Казахстана, № 1. Алма-Ата, 1930.
- Лепехин П. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768—1769 гг. СПб., ч. 1, 1771; ч. 2, 1772; ч. 3, 1780; ч. 4, 1805.
- Лемехин И. И. Топографические примечания на значительные места путешествия ее императорского величества в Белорусские наместничества. СПб., 1780.
- Леса в Киевской и Черниговской губерниях.— «Журнал Мин-ва внутр. дел», 1832, ч. 6, № 3.
- Летопись по Воскресенскому списку.— Полное собр. русских летописей, т. 7, СПб., 1856.
- Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872.
- Ляпид А. Э. Сосны в равнинной части западной Башкирии.— Земледование, 1935, т. 37, вып. 1.
- Ляпид А. Э. Растительность Тамбовской области.— В кн.: «Природа Тамбовской области». Тамбов, 1955.
- Лянг Х. И. Фауна промысловых млекопитающих Эстонской ССР и пути ее реконструкции. Автореф. дисс. Тарту, 1955.
- Лысковский В. И. Грозовый Силин Карелии. Его жизнь и путешествия. СПб., 1905.
- Лысковский А. С. О формировании фауны грызунов юга левобережной Украины в связи с орошением и лесосажатием.— Труды Научно-исслед. ин-та биологии и зоологии. фак-та Харьк. ун-та, т. 20, 1954.
- Литовская метрика, т. 1. СПб., 1903. (Русская историческая библиотека, т. 20.)
- Литовская метрика. Под ред. И. И. Ляпид. Отд. 1, ч. 1. Книги записей, т. 1, кн. 1. СПб., 1910. (Русская историческая библиотека, т. 27.)
- Ловарев Хр. Самарово село Тобольской губернии и округа. Изд. 2-е. СПб., 1896.
- Лоренц Ф. К. Московские заметки.— Природа и охота, 1882, март.
- Лукин В. С. Млекопитающие Вятского края.— В сб.: «Вятский край». Вятка, 1929.
- Лукьянов И. Путешествие в Святую Землю старообрядца Московского священника Иоанна Лукьянова. М., 1864.
- Львова А. И. Животный мир Чувашской АССР.— В кн.: «Чувашская АССР. Очерки о природе». Чебоксары, 1952.
- Люк де Жан. Описание переконских и ногайских татар, черкесов, мигрелов и грузин (1625).— Зап. Одесск. об-ва истории и древностей, т. 11. Одесса, 1879.
- Лясковский В. Материалы для статистического описания Самарской губернии.— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1860, ч. 43, № 7.
- Ляхов С. М. и Рухляде в Ю. П. Охотничье-промысловые птицы и звери Куйбышевской области. Куйбышев, 1952.
- Маяк Р. К. Вильейский округ Якутской республики, ч. 2. СПб., 1886.
- Магницкий А. П. Краткий очерк распространения рыб в Пензенской губернии.— Труды Пензенск. об-ва любителей естествознания и краеведения, вып. 12. Пенза, 1924.
- Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг. СПб., 1894. (Приложение к 24-му тому Зап. Академии наук, № 3).
- Макаров И. С. Пушной рыбок Солн Вычегодской в XVII в.— Исторические записки, вып. 14. М., 1945.
- Макридин В. П. Расширение ареала лося. Лоси в тундрах европейского Севера.— Природа, 1955, № 1.
- Макридин В. П. К биологии тундрового волка.— Труды Научно-исслед. ин-та сельского хоз-ва Крайнего Севера, т. 9. Вопросы звероводства и промыслового хозяйства. Л., 1959.

- Макридин В. П. О путях и сроках весенней миграции диких северных оленей в Верхоянском и Булуноском районах Якутской АССР.— Зоол. журнал, 1963, т. 42, вып. 5.
- Максимов С. В. Год на Севере. Изд. 4-е. М., 1960.
- Макшеев. Пермская губерния.— Военно-статистич. обозрение Российской империи, т. 14, ч. 1. СПб., 1852.
- Малышев Л. И. Влияние пожаров на леса Северного Байкала.— Труды Вост.-Сиб. филиала АН СССР, вып. 5, серия бюл. Иркутск, 1957.
- Мамадышский Н. Н. Усинский край. Подворно-экономическое исследование поселений р. Усы Печорского уезда в 1909 г. Архангельск, 1910.
- Мамин-Сибиряк Д. Н. Гора Ирмель.— Землеведение, 1894, кн. 1.
- Марков С. В. Экологическое обоснование рационального использования запасов калана и морского котика.— Материалы научной конф. Всесоюз. научно-исслед. ин-та животного сырья и пушнины. М., 1964.
- Марквич Н. О народонаселении Полтавской губернии. Киев, 1855.
- Маркович Н. Реки Полтавской губернии.— Зап. Русск. геогр. об-ва, кн. 11. СПб., 1856.
- Маркович Я. Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича, ч. 1. М., 1859.
- Мартесон И. Э. Былое. VI. Удачна охота.— Природа и охота, 1900, май.
- Марчинский Л. Сведения о Подольской губернии.— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1836, ч. 22.
- Маслов В. И. К вопросу о промыслово-зоогеографическом районировании Коми АССР.— Изв. Коми филиала Всес. геогр. об-ва, 1960, вып. 6.
- Материалы Военно-ученого архива Главного штаба, т. 1. СПб., 1871.
- Материалы для истории и статистики Симбирской губернии, вып. 2. Симбирск, 1866.
- Материалы для истории Южно-Русского края в XVIII столетии (1715—1774). Одесса, 1886.
- Материалы Екатерининской законодательной комиссии. Архангелогородская губерния.— Сб. Русского историч. об-ва, т. 123. СПб., 1907
- Материалы по истории Башкирской АССР. М.—Л., т. 1, 1936; т. 3, 1949; т. 4, ч. 1, 1956; т. 4, ч. 2, 1956; т. 5, 1960.
- Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Собраны и изданы Л. Б. Вейнбергом, вып. 15 и 16. Воронеж, 1889.
- Материалы по истории Казахской ССР. М.—Л., т. 2, ч. 2 (1771—1751 гг.), 1948; т. 4 (1785—1828 гг.), 1940.
- Медведев Н. А. Леса Европейского Севера и их промышленная эксплуатация. М., Гослесбумиздат, 1962.
- Мейер А. Повестное, землемерное и естествословное описание. Очаковские земли. СПб., 1794.
- Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства, СПб., 1865. (Материалы для географии и статистики России, т. 10.)
- Меладер В. А. Материалы для изучения фауны млекопитающих юго-восточной части БССР.— Научные изв. Смоленск. ун-та, т. 6, вып. 1. Смоленск, 1930.
- Меладер В. А. Млекопитающие.— В кн.: «Животный мир Западной области». Смоленск, 1935.
- Мельников И. И. Омск, тамошние охоты и охотники.— Природа и охота, 1887а, январь.
- Мельников И. И. Пожар Барабы.— Природа и охота, 1887б, сентябрь.
- Мельников С. С. Бурый медведь в Белоруссии.— В кн.: «Фауна и экология наземных позвоночных Белоруссии». Минск, 1961.
- Мензир М. А. Орнитологическая фауна Тульской губернии.— Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы, 1879, т. 54, № 2.
- Мехолевский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936.
- Мигулин О. О. Звірі УССР. Київ, 1938.
- Миддендорф А. Ф. Путешествию на север и восток Сибири, ч. 2, отд. 5. Сибирская фауна. СПб., 1869.
- Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М., 1894.
- Миллер Г. Ф. Известие о торгах сибирских.— Ежемесячные сочинения в пользу и увеселению служащие, 1756, февраль-май.
- Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1—2. М., Изд-во АН СССР, 1937, 1941.
- Милков Ф. Н. Лесостепь Русской равнины. М., Изд-во АН СССР, 1950.
- Мих А. И. Коложская волость Аткарского уезда.— Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губ., т. 1. Саратов, 1881.
- Миях А. Н. Замедведицкий край до р. Карамыша.— Труды Саратовской ученой архивной комиссии, т. 1, вып. 3. Саратов, 1888.
- Миях А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губ. Саратов, т. 1, вып. 4, 1902.
- Михайлов А. Торг скотом в Воронежской губернии и городе Воронеже и причины упадка там в настоящее время.— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1850, ч. 20, № 10.

- Михайлов М. Промыслы зырян Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии.— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1851, ч. 34.
- Михеев А. В. Белая куропатка. М., 1948.
- Михель Н. М. Материалы по птицам Индигирского края.— Труды Арктич. ин-та, т. 31. Биология, Л., 1935.
- Михель Н. М. Очерки промысловой охоты в северо-восточной Якутии.— Arctica, № 5. Л., 1937.
- Млекопитающие фауны СССР, ч. 1—2. М.—Л., 1963. (Определители по фауне СССР, изд. Зоол. ин-том АН СССР, вып. 81 и 83).
- Мозель Х. Пермская губерния, ч. 1. СПб., 1864. (Материалы для географии и статистики России, т. 18).
- Монголо-ойротские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-дапи. Перевод и примечания К. Ф. Голстунского. СПб., 1880.
- Москвич М. Московские заметки.— Природа и охота, 1878, февраль.
- Московский летописный свод конца XV века.— Полное собрание русских летописей, т. 25. М.—Л., 1949.
- Мышецкий И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852.
- Мякотин В. А. К истории Нежинского полка в XVII—XVIII вв. СПб., 1896. (Рецензия на книгу А. Н. Лазаревского «Описание старой Малороссии», т. 2. Полк Нежинский.)
- Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII—XVIII вв. Прага. Т. I, вып. 1, 1924; т. I, вып. 2, 1926.
- Н. А. Хозяйственно-статистический взгляд на Полтавскую губернию.— Журнал Мян-ва гос. имуцеств, 1845, ч. 16.
- Назаренко Л. Ф., Гурский И. Г. К изменению границ и структуры ареалов охотничьих зверей и птиц северо-западного Причерноморья.— В кн.: «Зоогеография суши». (Тезисы третьего Всесоюзного совещания по зоогеографии суши.) Ташкент, 1963.
- Назаров П. К этнографии башкир.— Этнографическое обозрение, 1890, кн. 4, № 1.
- Народы, кочующие в верху реки Енисей.— Сибирский вестник, 1818, ч. 1—2.
- Наумов Н. П. Млекопитающие Тунгусского округа.— Труды Полярной комиссии АН СССР, вып. 17. Л., 1934.
- Наумов С. П. Млекопитающие и птицы Гыданского полуострова.— Труды Полярной комиссии АН СССР, вып. 4. Л., 1931.
- Небольсин И. Заметки о башкуртах.— Отечественные записки, 1850, № 11.
- Никифоров Л. П. Млекопитающие Тоболо-Ишимский лесостепи и особенности их географического распределения. Автореф. дисс. М., 1956.
- Николаев В. А. Животный мир Калужской губернии.— В кн.: «Очерки Калужской губ.», сб. 1. Калуга, 1925.
- Новиков П. И. Семга. Петрозаводск, 1938.
- Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948.
- Новосельский А. А. Сельское хозяйство.— В кн.: «Очерки истории СССР. XVII века». М., 1955.
- Нумеров К. Д., Павлов Н. П. Пушные богатства Красноярского края в прошлом и настоящем.— В кн.: «Красноярский край». Изв. Красноярского отд. Всесоюз. геогр. об-ва СССР, т. 30, вып. 2. Красноярск, 1962.
- Нумеров К. Д., Павлов Н. П. Прошлое и настоящее соболя Енисейской Сибири.— Ученые записки Красноярского нед. ин-та, т. 24, вып. 5. Красноярск, 1963.
- Обезьянинов А. Воспоминания об охотах в Крыму.— Природа и охота, 1900, кн. 3.
- Огнев С. И. и Воробьев К. А. Фауна наземных позвоночных Воронежской губернии. М., 1923.
- Огнев С. И. Звери СССР и привлекающих стран. Т. 4. Грызуны. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940.
- Озерецковский П. Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804.
- Описание Воронежских древних актов, собранных Н. И. Второвым.— Труды Воронежской ученой архивной комиссии, вып. 5. Воронеж, 1914.
- Описание девяти судоходных или главных рек, находящихся в Тамбовском наместничестве. Составлено Нестеровым в 1789 году.— Изв. Тамбовской ученой архивной комиссии, вып. 9. Тамбов, 1886.
- Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции, кн. 12—17. М., 1901—1912.
- Описание Слободско-Украинской Харьковской губернии 1802 г. Харьков, 1889. (Приложение к харьковскому календарю за 1889 г.).
- Описание Саратовского наместничества.— Собр. соч., выбранных из месяцесловов на разные годы, ч. 6. СПб., 1790.
- Опись документов, относящихся к истории Мамонтовской пустыни.— Изв. Тамбовской ученой архивной комиссии, вып. 32. Тамбов, 1891.

- Ординация королевских пуш в лесничествах бывшего великого княжества Литовского, составленная по инструкции короля Владислава IV... в 1641 году. Вильна, 1871.
- Орлов А. П. Опыт географическо-статистического описания Казанской губернии. Вып. 2. Казань, 1886. (Прил. к Отчету Казанск. губ. статистич. ком-та за 1885 и 1886 гг.).
- Остроумов Н. А. Животный мир Коми АССР. Позвоночные. Сыктывкар, 1949.
- Отчет Вятского губ. статистического комитета.— Журнал охоты, 1874, № 6 (Протокол).
- Отчет по межгубернскому Полтавской губернии.— Труды Полтавской ученой архивной комиссии, вып. 1. Приложения. Полтава, 1905.
- Охота у киргиз.— Киргизская степная газета, 1895, № 2.
- Очерк Васюганской тундры.— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1859, ч. 37, № 7.
- Очерки по истории Коми АССР. Под ред. К. В. Сивкова и др. Сыктывкар, 1955.
- Павлов И. В. Н. Тобольский соболь.— Труды Ин-та биологии Уральского филиала АН СССР, вып. 34. Свердловск, 1963.
- Павловский А. Заметки о Вилюйском крае.— Изв. Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва, т. 4, № 1. Иркутск, 1873.
- Пайсель Ю. П. Статистическое описание лесов Воронежской губернии.— Журнал Мин-ва гос. имуществ, 1861, вып. 3.
- Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., ч. 1, 1773; ч. 2, кн. 1, 1786; ч. 3, полов. 2, 1788.
- Палеонене А. О бобрах в юго-восточной части Литовской ССР.— «Biologia», 1963, т. 3.
- Памятная книжка Олонецкой губ. на 1866 г. Петрозаводск, 1866.
- Памятники дипломатических отношений Московского государства с Польско-Литовским, т. 1 (с 1487 по 1533 г.). Под ред. Г. Ф. Карпова. СПб., 1882. (об. Русск. историч. об-ва, т. 35).
- Памятники дипломатических отношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией, т. 1—2. Под ред. Г. Ф. Карпова. СПб., 1884—1895. (Сб. Русск. историч. об-ва, т. 41, т. 95).
- Памятники, изданные временной комиссией для разбора древних актов, высочайше утвержденного при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, т. 1, 1845; т. 2, 1846; т. 4, 1859.
- Памятники истории Киевского государства IX—XII вв., Л., 1936.
- Памятники Сибирской истории XVIII века, кн. 2 (1713—1724). СПб., 1885.
- Панов Д. А. О единстве стад черноморского лосося и ручьевой форели.— Научные доклады высшей школы. Биологические науки, вып. 4, 1958.
- Пантелеев Д. Печорский край в отношении рыболовного и охотничьего промысла.— Коми-му, № 3—4. Устьсысольск, 1926.
- Парамонов Г. В. Рыбы водоемов Башкирского заповедника.— Труды Башкирск. гос. заповедника, вып. 2. М., 1963.
- Паромов И. Описание г. Колы.— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1856, ч. 21.
- Пархомеяко В. В. Тегерева на Украине.— Природа, 1954, № 5.
- Пассек В. Историко-статистическое описание Харьковской губернии.— Материалы для статистики Российской империи, т. 1. СПб., 1839.
- Пекарский П. П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара?— Записки Академии наук, т. 24, кн. 2. СПб., 1872.
- Пенский С. В. Переселение некоторых зверей Европейской России в начале XIX столетия.— Природа и охота, 1898, январь.
- Пенязь В. С. Состав ихтиофауны и темп роста промысловых рыб Белорусского Полесья.— В кн.: «Труды Компл. экспед. по изуч. водоемов Полесья». Минск, 1956.
- Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 году.— Временник Моск. об-ва истории и древностей российских, 1851—1852, кн. 11—12.
- Перетяткович Г. И. Новолжье в XV и XVI веках. Очерки из истории края и его колонизации. М., 1877.
- Перетяткович Г. И. Новолжье в XVII и начале XVIII века. Очерки из истории колонизации края. Одесса, 1882.
- Перкин К. А. Статистическое описание лесов Астраханской губернии.— Журнал Мин-ва гос. имуществ, 1861, ч. 76, кн. 1.
- Перлштейн А. Охота на Волыни и в Полесье.— Волыньские губернские ведомости, 1857, № 11.
- Перфильев В. И. Новые данные по экологии стерха.— Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы, отд. биол., 1963, т. 68, вып. 1.
- Пестерев Е. Примечания о прикосновенных около Китайской границы жителях, как российских ясашных татар, так и китайских мунгалах и сойтах, деланные Егором Пестеревым...— Новые ежемесячные сочинения. М., 1793, ч. 79—82.
- Пестов Н. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 г. М., 1833.
- Петров Г. П. О разведении форели в Серлуховском уезде.— Труды Отдела ихтиологии Русск. об-ва акклиматизации животных и растений, т. 1. М., 1887.

- Петровский А. С. Очерк Ярославской флоры.— Труды Ярославск. губ. статистич. ком-та, вып. 4. Ярославль, 1868.
- Петровский М. Стрелет и дрофа.— Украинский охотничий вестник, 1924, № 4—6.
- П-ий И. Заметки о распространении пернатой дичи в окрестностях Звериноголовска.— Природа и охота, 1880, октябрь.
- Пидонличко И. Г. О ледниковом периоде, вып. 2. Киев, 1951.
- Писцовая книга бывшего Пинского староства, составленная по повелению короля Сигизмунда Августа в 1561—1566 годах Пинским и Кобринским старостою Лаврином Войною, ч. 2. Вилья, 1874.
- Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная Пинским старостою Станиславом Хвальчевским в 1552—1555 г. Вилья, 1884.
- Писцовые книги XVI века, изданные Русским географическим обществом под ред. П. В. Калачова. СПб., ч. I, отд. 1, 1872; ч. I, отд. 2, 1877.
- Писцовые книги Оболенской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. (Материалы по истории народов СССР, вып. 1).
- Письма из Сибири.— Азиатский вестник, 1825.
- Письмо гетмана Мазеи к царям Ивану и Петру Алексеевичам.— Чтения в Об-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1848, № 5.
- Пичичевич А. Примечания на Новороссийский край.— Киевская старина, 1884, т. 17, № 1.
- Платонов С. Ф. Прошлое Русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья. Берлин, 1924.
- Платонов С. Ф. и Андреев А. И. Новгородская колонизация Севера.— В кн.: «Очерки по истории колонизации Севера», вып. 1. Пб., Гос. изд-во, 1922.
- Плеске Ф. Д. Критический обзор млекопитающих и птиц Кольского полуострова. СПб., 1887.
- Плохинский М. Материалы для истории внутренней жизни Левобережной Украины. Харьков, 1891. (Сб. Харьковск. историко-филол. об-ва, т. 3).
- Плющев С. А. Млекопитающие.— В кн.: «Животный мир Смоленской области», Смоленск, 1951.
- Повесть временных лет. Т. I. Пг, 1916. (Летопись занятий Археографич. комиссии, вып. 29.)
- Подлесный А. В. Географическое распространение белорыбцы и ее происхождение в бассейне Каспия.— Зоол. журнал, 1941, т. 20, вып. 3.
- Подлесный А. В. Белорыбца. Биологический очерк.— Труды Сибирск. отд. Всесоюз. научно-исслед. ин-та озерного и речного рыбного хоз-ва, т. 7, вып. 1. Красноярск, 1947.
- Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году. С примеч. Я. Хапыкова.— Вестник Русск. геогр. об-ва, 1851 г., ч. I, кн. 1—2, отд. 6.
- Познанский Б. Заметка о ловле волков.— Природа и охота, 1882, февраль.
- Покшишевский В. В. Заселение Сибири. Историко-географический очерк. Иркутск, 1951.
- Полное собрание законов Российской империи, т. 4. СПб., 1830.
- Полоцкая ревизия 1552 г.— Чтения в Об-ве истории и древностей российских, 1905, кн. 2.
- Полферов Я. Я. Охота в Тургайской области. Оренбург, 1896.
- Полков И. С. Этнографические наблюдения во время поездки на юго-восток Олонецкой губ.— Зап. Русск. геогр. об-ва по отделению этнографии, т. 3. СПб., 1873.
- Полков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби.— Природа, 1877, кн. 3.
- Полков И. С. Остатки и рыбопромышленность, в долине р. Оби.— «Природа и охота», 1878, февраль.
- Поплавский И. Охота и охотники в Елабужском уезде.— Природа и охота, 1900, июль.
- Понов В. А. Реконструкция промысловой фауны.— В кн.: «Очерки по географии Татарии». Казань, 1957.
- Понов В. А. Млекопитающие Волжско-Камского края. Казань, 1960.
- Понов В. А. Материалы по экологии норки (*Mustela vison* Br.) и результаты акклиматизации ее в Татарской АССР.— Труды Казанского филиала АН СССР, серия биол. и сельскохоз. наук, вып. 2, Казань, 1949.
- Понов В. А. и Луквич А. В. Животный мир Татарии. Казань, 1949.
- Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. 1—2. Пермь, 1801—1804.
- Попов П. В. Н. Тативцев и его время. М., 1861.
- Попродкий М. Кадужская губерния, ч. 1—2. СПб., 1864. (Материалы для географии и статистики России, т. 9.)
- Портеико Л. А. Вобры на р. Тетерев в Киевской губ.— Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы, отд. биол., 1926, т. 35, вып. 1—2.
- Потанин Г. П. Зимняя поездка на озеро Зайсан (зимой 1863/64 г.).— Записки Русского геогр. об-ва по общей географии, т. I. СПб., 1867а.

- Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири (издание Об-ва истории и древностей Российских при Моск. ун-те). М., 1867б.
- Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1953.
- Почтение Владимира Мономаха.— В кн.: Орлов А. С. Владимир Мономах. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946.
- Пошман А. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философском, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении. Т. I. Архангельск, 1866. (Прилож. к Архангельским губ. ведомостям).
- Предтеченский С. А. О фауне наземных позвоночных Тамбовского края.— Изв. Тамбовск. об-ва изуч. природы и культуры местного края, 1928, № 3.
- Прображенский А. А. Очерки колонизации западного Урала в XVII—начале XVIII в. М., Изд-во АН СССР, 1956.
- Приложение к Чертежной книге Сибири, составленной тобольским боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882.
- Приходо-расходные книги Болдина Дорогобужского монастыря. Пг., 1923. (Русская историческая библиотека, т. 37).
- Продолжение Древней Российской Вивлиофики, ч. 7, 1791; ч. 9, 1793; ч. 10, 1795; ч. 18, 1791.
- Протоколы заседания Зоологического отделения 12 января 1880 г.— Труды СПб. об-ва естествоиспытателей, т. II. СПб., 1890.
- Протопопов И. О необходимых мероприятиях в Красноуфимском уезде Пермской губернии.— Природа и охота, 1900, май.
- Птушенко Е. С. Материалы к познанию териологической фауны Курского края.— В кн.: «Памяти академика М. А. Мензбира». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937.
- Путешествие Карелина по Алтаю и Саянским горам...— Отечественные записки, 1841, т. 16.
- Пушкарев И. Архангельская губ.— Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении, т. I, кн. 2. СПб., 1845.
- Пясецкий Г. Исторические очерки г. Ливен и его уезда.— Труды Орловской ученой архиппий комиссии, вып. 3—5. Орел, 1893.
- Равицкий Х. Хозяйственное описание Астраханской и Казанской губерний по гражданскому и естественному их состоянию. СПб., 1809.
- Рагозин В. Волга, т. 1—3. СПб., 1880 и 1881.
- Радищев А. Н. Дневник путешествия по Сибири.— Избр. соч. М., 1949.
- Разевиг В. Охота и дичь в Корчевском уезде (Тверской губ.).— Журнал охоты. 1877, № 8—9.
- Райский А. П. Животный мир Чкаловской области.— В кн.: «Очерки физической географии Чкаловской области». Чкалов, 1951.
- Рах А. С. Сайгаки в Грозненской области.— Изв. Грозненского обл. краеведческого музея, вып. 7—8. Грозный, 1956.
- Рахманин Г. Е. Пушной промысел Ямало-Ненецкого округа и мероприятия по его рационализации.— В кн.: «Материалы по фауне Приобского Севера и ее использованию». Тюмень, 1959. (Труды Салехардского стадоуара Уральского филиала АН СССР, т. 1.)
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. 3. М.—Л., 1946.
- Ребров А. Ф. Зима 1844—1845 гг. на степях прикумских на Кавказе.— Журнал сельского хозяйства и овцеводства, 1845, № 3.
- Ребров А. Ф. О зиме в степях Ставропольской губернии.— Журнал сельского хозяйства и овцеводства, 1850, № 3.
- Регули. Перевод с письма венгерского путешественника Регули к члену Русского географического общества акад. П. П. Кеппену от 21 января 1847 г.— Зап. Русск. геогр. об-ва, кн. 3, СПб., 1849.
- Резолюция Первого Всероссийского совещания по млекопитающим. М., 1963.
- Резцов С. А. Материалы к изучению орнитологической фауны Тамбовской губернии.— Материалы к познанию фауны и флоры Российской Империи, вып. 10, М., 1910.
- Ремезов П. В. Очерки из жизни дикой Башкирии. М., 1889.
- Россиakov К. П. Обзор млекопитающих животных долины р. Малки. СПб., 1887.
- Росомаха в Киевском и Радомыльском уезде.— Охотничья газета, 1890, № 14.
- Рубин В. Краткие географические, политические и исторические известия о Малой России... СПб., 1773.
- Рубин В. Г. Землеописание Малыя России. СПб., 1777.
- Рубрук В. Путешествие в восточные страны в лето благодсти 1253. Перевел с франц. А. И. Малеин, СПб., 1911.
- Руденко С. Перовес.— В кн.: «Материалы по этнографии», т. 6, вып. 2. Л., 1929.
- Рузский М. Материалы к изучению птиц Казанской губернии.— Труды Об-ва естествоиспыт. при Казанск. ун-те, т. 25, вып. 6, Казань, 1893.
- Рузский М. Д. Фаунистические исследования в восточной России. Казань, 1895. (Труды об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, т. 28, вып. 5.)

- Русов А. А. Описание Черниговской губернии, т. 1. Чернигов, 1898.
 Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою Комиссиею. СПб., т. 2, 1875; т. 8, 1884.
- Рычков Н. Дневные записки путешествия капит. Николая Рычкова в киргис-кайсацкие степи 1771 г. СПб., 1772.
- Рычков П. Топография Оренбургская. М., 1762.
- Рычков П. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии.— Труды Вольного экономического об-ва, 1767, ч. 7.
- Рибинин А. Уральское казачье войско. СПб., 1866. (Материалы для географии и статистика России, т. 22.)
- Рязанские достопримечательности, собранные архимандритом Иеронимом с примечаниями И. Добролюбова. Рязань, 1889.
- Сабанеев Л. П. Материалы для фауны Ярославской губернии.— Труды Ярославск. губ. статистич. ком-та, вып. 4. Ярославль, 1868.
- Сабанеев Л. П. Звериний промысел в Уральских горах.— Беседа, 1872, № 4.
- Сабанеев Л. П. Изменения в фауне позвоночных животных Средней России.— Изв. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 14. Протоколы заседаний. М., 1874а.
- Сабанеев Л. П. Позвоночные Среднего Урала и географическое распространение их в Пермской и Оренбургской губ., М., 1874б.
- Сабанеев Л. П. Белуга.— Журнал охоты, 1874в, № 2.
- Сабанеев Л. П. Отлет птиц в Подмоскowie (в 1874 г.).— Журнал охоты, 1874 г., № 5—6.
- Сабанеев Л. П. Соболь и соболинный промысел. М., 1875.
- Савельев А. М. Трехсотлетие Войска Донского, 1570—1870 гг. СПб., 1870.
- Савельев А. И. Охота в Елифанском уезде.— Журнал охоты, 1875, № 5—6.
- Савельев А. И. Несколько слов об охоте в Одоевском уезде Тульской губернии.— Журнал охоты, 1876, № 4.
- Савинов В. А. и Любанов А. П. Звери Вологодской области. Вологда, 1958.
- Савинов И. Статистический очерк Вятского края.— Вестник Русск. геогр. об-ва, 1860, ч. 29.
- Садовиков Д. Жегули и Усолье на Волге.— Беседа, 1872, № 11—12.
- Садурин М. М. К вопросу о сохранении мелколистной липы в Омской области.— Труды по лесному хозяйству, вып. 2. Новосибирск, 1955.
- Саламьков Д. А. Об охоте в Нижегородской губернии.— Нижегородский сборник, т. 5. Нижний Новгород, 1875.
- С... в Д. К вопросу об охоте.— Природа и охота, 1882, июль.
- Самарин К. А. Рыбы Пермской губернии.— Зап. Уральского об-ва любителей естествознания, т. 24. Екатеринбург, 1903.
- Симоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVII столетий, т. 1. М., 1905.
- Самусенко Э. Г. Аклиматизация пушных зверей в Белоруссии.— В кн.: «Аклиматизация животных в СССР». Материалы конференции по акклиматизации животных в СССР. Алма-Ата, 1963.
- Самусенко Э. Г. Речной бобр и перспективы его промыслового использования в Белоруссии.— В кн.: «Материалы научной конференции Всес. научно-исслед. ин-та животного сырья и пушнины». М., 1964.
- Санаарский В. Из Камыштина.— Природа и охота, 1887, январь.
- Сандунов А. П. Река Западная Двина. Витебск, 1893.
- Сатунов К. А. Позвоночные Московской области. Вып. 1. Млекопитающие. М., 1895. (Известия Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 86. Труды зоол. отд., т. 10.)
- Сатунов К. А. О млекопитающих степей северо-восточного Кавказа.— Изв. Кавказск. музея, т. 1, вып. 4. Тифлис, 1901.
- Сафонов В. Г. Состояние запасов и хозяйственное использование речного бобра в СССР.— В кн.: «Материалы научной конференции Всес. научно-исслед. ин-та животного сырья и пушнины». М., 1964.
- Сборник грамот коллегии экономии. Т. 2. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольско-Мезенского и Важского уездов. Л., 1929.
- Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.—Л., 1941.
- Сборник материалов по истории Кубанского казачьего войска. Собраны и изданы И. И. Дмитренко. т. 4, 1795—1799 гг. СПб., 1898.
- Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
- Свицигин П. П. О естественном состоянии Бессарабской области.— Труды Вольно-экономического об-ва, ч. 68. СПб., 1817.
- Сгибнев А. Материалы для истории Камчатки. (Экспедиция Шестакова.)— Морской сборник, 1869, № 2.
- Северцов Н. А. Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии. М., 1855.
- Северцов Н. А. Звери приуральского края.— Аклиматизация, т. 2, вып. 2. М., 1861.

- Сегюр. Путешествие Екатерины II в Тавриду, описанное французским послом графом Сегюром.— Отчужденные записки. 1828, ч. 35, кн. 100.
- Седашев В. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в. М., 1912.
- Седельников А. Н. Озеро Зайсан.— Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва, кн. 35, Омск, 1910.
- Седевин В. К истории исчезновения кулана из северо-восточного Казахстана.— Охотник и рыбак Сибири, 1932, № 4.
- Селиверстов И. И. Торговля и промыслы русских в Якутии в 40—60 годах XVII в.— Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. историч. наук. Л., 1952.
- Сельская летопись, составленная из наблюдений, могущих служить к определению климата России в 1851 г. СПб., 1854.
- Семевский М. И. Историко-этнографические записки о Великих Луках и Великолукском уезде. СПб., 1857.
- Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Изд. 2-е. Т. I. СПб., 1903.
- Семенов П. А. Географо-статистический словарь Российской империи Т. 1—5. СПб., 1863—1885.
- Семенов Тянь-Шанский А. Таксономические границы вида и его подразделения. СПб., 1910. (Зап. Акад. наук, серия VIII, т. 25, № 1.)
- Семенов Тянь-Шанский О. И. Экология боровой дичи Лапландского заповедника.— Труды Лапландского заповедника, вып. 1. М., 1939.
- Сен-Лоран, де, В. Охота в Черниговской губернии.— Природа и охота, 1879, июль, ноябрь.
- Сержанин И. Н. Млекопитающие Белорусской ССР. Изд. 2-е. Минск, 1961.
- Сибирские города. Материалы для их истории XVII—XVIII столетий. Нерчинск, Якутск, М., 1886.
- Силантьев А. А. Фауна Падов имения В. Л. Нарышкина Балашевского уезда Саратовской губ. СПб., 1894.
- Силантьев А. А. Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898.
- Силантьев А. А. Охота.— В кн.: «Азиатская Россия», т. 2. СПб., 1914.
- Симашкевич М. Историко-географический и этнографический очерк Подолии. Вып. 1. Каменец-Подольск, 1875.
- Ситченко Е. На дроф.— Природа и охота, 1900, кн. 6.
- Спяльский А. Охотничий промысел зарян.— Журнал охоты, 1862, февраль.
- Сказания князя Курбского. Изд. 3-е. СПб., 1868.
- Скалон В. Н. Речные бобры северной Азии. М., 1951. (Материалы к познанию фауны и флоры СССР, изд. Моск. об-вом испыт. природы, новая серия, отд. зоол., вып. 25).
- Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 2. Одесса, 1838.
- Скальковский А. А. История Новой Сечи, или последнего коша Запорожского. Изд. 2-е. Ч. I. Одесса, 1846а.
- Скальковский А. А. Древнее и нынешнее рыболовство в Новороссийском крае.— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1846б, ч. 15.
- Скиада М. М. Общий взгляд на охотничье дело в Воронежской губернии со времени заселения края.— Памятная книжка Воронежской губернии на 1878—79 гг. Воронеж, 1879.
- Скопцов В. Ондатра и выхухоль.— Охота и охотничье хозяйство, 1964, № 8.
- Скрябов В. Д. Выявление с самолета мест концентрации белой куропатки.— Рационализация охотничьего промысла, вып. 5. М., 1956.
- Скрябов В. Д. О некоторых вопросах биологии и экологии песца Большеземельской и Малоземельской тундр. Нарьян-Мар, 1958.
- Скрябов В. Д. О взаимоотношениях песца и лисицы в тундрах Ненецкого национального округа.— Зоол. журнал, 1961, т. 39, вып. 3.
- Словцов И. Путевые заметки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1878 г.— Записки Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва, кн. 3. Омск, 1881.
- Словцов И. Я. Позвоночные Тюменского округа и их распространение в Тобольской губ., М., 1892.
- Словцов И. Список млекопитающих и птиц, найденных между Омском, Петропавловском, Акмолинском и Атбасаром.— Записки Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва, кн. 21. Омск, 1897.
- Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири, кн. 2. СПб., 1844.
- Слудский А. А. Джугты в пустынях Казахстана и влияние их на численность животных.— Труды Ин-та зоологии АН Каз.ССР, т. 2. Алма-Ата, 1953.
- Слудский А. А. и Шубин И. Г. Авиавизуальный учет сайгаков, джейранов и ресурсов этой дичи в пустынях Казахстана.— В кн.: «Ресурсы фауны промысловых зверей в СССР и их учет». М., Изд-во АН СССР, 1963.
- Слудский А. А., Страутман Е. И., Афанасьев Ю. Т. Пушные ресурсы Казахстана и возможности развития охотничьего хозяйства в республике.—

- В кн.: «Материалы по фауне и экологии наземных позвоночных Казахстана». Алма-Ата, 1962 (Труды ин-та зоологии Акад. наук КазССР, т. 17).
- Смирнов В. Охота на тигров.— Журнал охоты, 1875, № 1.
- Смирнов И. И. Восстание Болотникова. Изд. 2-е. М., 1951.
- Смирнов П. Орловский уезд в конце XVI века по писцовым книгам.— Университетские известия. Киев, 1909.
- Смирнов Ю. Размещение волка в Казахстане и задачи по его уничтожению.— В кн.: «Зоогеография суши» (тезисы третьего Всесоюзного совещания по зоогеографии суши). Ташкент, 1963.
- Собрание узаконений Русского государства. Издание Е. П. Карновича. СПб., т. 1, 1874; т. 2, 1876.
- Соколов Д. И. О башкирских тамгах.— Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, т. 13, вып. 13. Оренбург, 1904.
- Соколов И. И. Копытные звери. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959. (Фауна СССР. Млекопитающие, т. 1, вып. 3.)
- Сокольников Н. И. Охотничьи и промысловые звери Анадырского края.— Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы, отд. биол., 1927, т. 36, вып. 1—2.
- Сокур І. Т. Саяцкі фауни України та їх господарське значення. Київ, 1960.
- Сокур І. Т. Историчі зміни та використання фауни саяців України. Київ, 1961.
- Соловьев Д. К. Экономика охоты в Печорском крае. (Из материалов отряда охотоведов Печорской лесозоономической экспедиции, 1926).— Коми-му, № 8 (32). Усть-Сысольск, 1927а.
- Соловьев Д. К. Безая куропатка в Печорском крае.— Уральский охотник, 1927б, №№ 8—9.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., т. 4, 1900; т. 18, 1963.
- Соловьев. Статистические записки об Астраханской губернии.— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1839, ч. 33.
- Сомов Ц. Н. Орнитологическая фауна Харьковской губернии. Харьков, 1897.
- Сорокин П. Еще о промыслах зябрия.— Вологодские губернские ведомости, 1856, № 45, часть неоффиц.
- Спангенберг Е. Н. О птицах низовьев Колымы.— Орнитология, вып. 3. М., 1960.
- Спасский Г. Взгляд на северную Сибирь.— Сибирский вестник, 1820, ч. 9.
- Спасский Г. Замечания о северо-западной Сибири.— Сибирский вестник, 1824а.
- Спасский Г. Извлечение из дневных записок, содержащих в себе сведения и наблюдения, собранные в болотных пустынях с.-в. Сибири.— Сибирский вестник, 1824б.
- Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. СПб., 1882. (Зап. Русск. геогр. об-ва по отд. этнографии, т. 10, вып. 1).
- Спафарий Н. М. Сибирь и Китай. Кипинев, 1960.
- Спрыгин И. И. Из области Пензенской лесостепи. I. Травяные степи Пензенской губернии. М., 1925а. (Отдел охраны природы Главнауки Наркомпроса, вып. 4. Труды по изучению заповедников.)
- Спрыгин И. И. Печеловение двух степных грызунов — сурка и сленца в Пензенской губ. М., 1925б. (Отдел охраны природы Главнауки Наркомпроса, вып. 6. Труды по изучению заповедников.)
- Сталчинский В. В. К познанию орнитофауны Гомельского и Речвцкого Полесья.— Научные зап. Смоленск. ун-та, т. 5, вып. 1. Естественное. Смоленск, 1928.
- Старый Литовский статут 1529 г. Сообщение А. В. Семелова.— Временник Моск. об-ва истории и древностей российских, кн. 18. М., 1854.
- Статейный список Великого государя его царского величества посланников: стольника и волковника и наместника Переладского Василия Михайлова сына Типкина, дьяка Писанты Зюрова. Писан в Цареве-Борисове-городке во 1681 г.— Зап. Одесск. об-ва истории и древностей. Т. 2. Одесса, 1850.
- Статистическое обозрение Сибири, 1891.
- Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822—1832 гг. Новочеркасск, 1891.
- Статистическое описание Шенкурского уезда в 1850 г.— Архангельский сборник, ч. 1, кн. 1. Архангельск, 1863.
- Ст... Г. Журнал путешествия на земле донских казаков к Кавказу и в Астрахань.— Северный Архив, 1824, ч. 12.
- Стенцияк. Охота на кулаков.— Природа и охота, 1896, март.
- Стрейс И. Я. Три путешествия. М., 1935.
- Строганов С. У. Определитель млекопитающих Карелии. Петрозаводск, 1949. (Определители по фауне и флоре Карело-Финской ССР, № 1.)
- Струве К. и Потанин Г. Путешествие на оз. Зайсан и речную область Черного Иртыша до оз. Марга-куль и г. Сар-тау летом 1863 г. Записки Русск. географ. об-ва по общей географии, т. 4. СПб., 1867.
- Судилова А. М. Отряд журавли.— В кн.: «Птицы Советского Союза, т. 2». М., 1951.

- Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М., 1800.
- Сумароков П. Прогулка по 12 губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1836 г. СПб., 1839.
- Сурковский промысел.—Натуралист (прилож. к журналу «Учитель»), СПб., 1864, вып. 5.
- Сухоруков В. Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Изд. 2-е. Новочеркасск, 1903.
- Сушкин П. П. Птицы Тульской губернии.—Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отд. зоол., вып. 1. М., 1892.
- Сушкин П. П. Птицы Уфимской губернии.—Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи, вып. 4. М., 1897.
- Сушкин П. П. Птицы Средней Киргизской степи.—Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи, вып. 8. М., 1908.
- Сысоев Н. Д. Охотничьи богатства нашей области. Владимир, 1955.
- Тавровский В. А. Соболь северо-западной Якутии и пути восстановления его промысла.—Труды Ин-та биол. Якутск. филиала АН СССР, вып. 4. Восстановление промысловых запасов в Якутии. М., 1958.
- Тавровский В. А. О прошлом распространении и численности соболя в Якутии.—Труды Ин-та биол. Якутск. филиала АН СССР, вып. 6. Исследования по промысловой зоологии. М., 1959.
- Тарасенков Г. Н. Туруханский край. Красноярск, 1930.
- Тарачков А. С. [Сообщение].—Аклиматизация, т. 2, вып. 1. М., 1861, протокол 12.XI.1860.
- Тарачков А. С. Путевые заметки. Орел, 1862.
- Татаринов К. А. Звірі західних областей України. Київ, Вид-во АН УРСР, 1956.
- Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.
- Теплов В. П., Тихвинский В. И. Биологические основы для организации сурковых хозяйств в Волжско-Камском крае.—Работы Волжско-Камской зональной охотничье-промысловой биологич. станции, вып. 2. Казань, 1932. (Уч. зап. Казанск. гос. ун-та, т. 92, кн. 7—8).
- Тейлоухов Ф. Белье журавли на Каме.—Природа и охота, 1882, январь.
- Титов А. Сибирь в XVII веке. Сб. старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890.
- Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в середине XVII в.—Историч. зап., вып. 39. М., 1952.
- Толстой А. К. Два дня в Киргизской степи.—Собр. соч., т. 3. М., 1964.
- Толстой Н. С. Заволжская часть Макарьевского уезда Нижегородской губернии. М., 1857.
- Томплин А. Г. Млекопитающие Коми-Пермяцкого округа.—Труды Моск. пушного-мехового ин-та, т. 4. М., 1953.
- Топографическое описание доставляемых по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской империи землям 1774 г.—Зап. Одесск. об-ва истории и древностей, т. 7. Одесса, 1868.
- Топографическое описание Киевской губернии. 1799.
- Топографическое описание Харьковского наместничества. М., 1788.
- Топографические описания городов Чернигова, Нежина и Сосницы с их поветами.—Труды Черниговской ученой архивной комиссии, вып. 4. Чернигов, 1902.
- Третьяков П. Туруханский край. СПб., 1869.
- Труды Вольно-Экономического общества, 1768, ч. 8—10.
- Труды Вятской ученой архивной комиссии, вып. 1—4. Вятка, 1906.
- Труды Курского губернского статистического комитета, вып. 1. Курск, 1863.
- Турдаков Ф. А. Очерк биологии промысловых рыб озера Исык-Куль.—В кн.: «Ихтиологический сборник». Фрунзе, 1956.
- Тхоржевский С. Донское войско в первой половине семнадцатого века.—Русское прошлое. Историч. сб. № 3. Пг.—М., 1923.
- Тюмень в XVII столетии. М., 1903.
- Уваров К. Л. Взгляд на леса, лесопромышленность и охоту в Волинской губ.—Лесной журнал, 1850, № 9—10.
- Уложение царя Алексея Михайловича.—В кн.: «Собрание узаконений Русского государства», т. 1. СПб., 1874.
- Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949.
- Успенский С. М., Беме Р. Л., Прикlopsкий С. Т. и Вехов В. Н. Птицы северо-востока Якутии.—Орнитология, вып. 4. М., 1962.
- Успенский Т. Замечания о юго-западной половине Шадринского уезда Пермской губ. Журнал Мин-ва внутр. дел, 1855, ч. 15, декабрь.
- Устинов М. Обзорение русской географической литературы 1858 г.—Вестник Русск. геогр. об-ва, 1859, ч. 27.
- Устное повествование бывшего запорожца Пикиты Леонтьевича Коржа. Одесса, 1842.
- Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737—39 гг. М.—Л., 1950.

- Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.
- Ушков С. Л. Список птиц Пермского округа Уральской области.— Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы, отд. биол. 1927, т. 36, вып. 1—2.
- Федоров С. М. Млекопитающие Ставропольского края. (Видовой состав, значение и использование.) — Материалы по изуч. Ставропольск. края, вып. 6. Ставрополь, 1954.
- Федоров С. М. Птицы Ставропольского края.— Материалы по изуч. Ставропольск. края, вып. 7. Ставрополь, 1955.
- Федорович Ф. Ф. Краткие статистические сведения о лесах Пензенской губернии за 1891 г.— Сб. Пензенск. губ. статистич. ком-та, вып. 1. Пенза, 1893.
- Федосов А. В. и Никитин К. И. Животный мир Брянской области. Брянск, 1951.
- Фядзюшын А. У. Да біолягіі і распаўсюджанасці бобра (*Castor fiber* L.) у БССР.— Матэрыялы да вывучэння флёры і фаўны Беларусі, т. 2. Менск, 1928.
- Федюшин А. В. Динамика и географическое распространение охотничьей фауны БССР. Минск, 1929.
- Федюшин А. В. Речной бобр, его история, жизнь и опыты по размножению. М., 1935.
- Фененко Н. Бобры в Полтавской губ.— Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи, вып. 14, М., 1915.
- Феоктистов В. Естественные произведения Тамбовской губернии.— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1860, ч. 40, январь.
- Фертиков В. Лоси в Российской области.— Бюлл. окружн. совета Всевармеев. военно-охотничьего об-ва Сев.-Кавказск. военного округа, Ростов-на-Дону, 1960.
- Фетисов А. С. Косуля в Восточной Сибири (ее биология и промысел). Иркутск, 1953.
- Фигурин Г. Замечания медико-хирурга Фигурина о разных предметах естественной истории и физике, учиненные в Усть-Янске и окрестностях оного в 1822 году.— Сибирский вестник, 1823, ч. 4.
- Филимонов Е. С. Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 1. Малмыжский уезд. Ч. 1. Материалы для оценки земельных угодий. М., 1886; т. 3. Орловский уезд, ч. 1. М., 1887.
- Филиппов В. Н. Сведения о куриных птицах в Семипалатинской области.— Природа и охота, 1876, июль.
- Филонов А. Г. Очерки Дона. СПб., 1859.
- Формозов А. Н. Очерк фауны наземных позвоночных Горьковского края.— В кн.: «Природа Горьковского и Кировского краев». Горький, 1935.
- Формозов А. Н., Исаков Ю. А. Животный мир.— В кн. «Западная Сибирь». М., Изд-во «Наука», 1963.
- Формозов А. Н. и Осмоловская В. И. К экологии лисицы степной и пустынной зоны СССР.— В кн.: «Биология, биогеография и систематика млекопитающих СССР». М., 1963. (Труды Моск. об-ва испыт. природы, т. 10.)
- Фосс В. Е. Очерки Гурьевского городка.— В кн.: «Сб. статистич. историч. и археолонич. сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям...» Под ред. И. А. Гурвича. Уфа, 1868.
- Фукс А. А. Записки о чуманах и черемисах Казанской губ. Казань, 1840.
- Ханыков Н. В. О населении киргизских степей, занимаемых Внутреннею и Малою Ордою.— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1844.
- Харузин О. А. Результаты орнитологических сборов и наблюдений в Новосильском уезде Тульской губ.— Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы, отд. биол. 1926, т. 35, № 3—4.
- Хитрово. Описание Жиганского улуса.— Зап. Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва, кн. 1. СПб., 1856.
- Хлебников В. А. Список птиц Астраханского края. Изв. Петровского общества исследователей Астраханск. края. Астрахань, 1928. (Материалы к познанию природы Астраханск. края, т. 1, вып. 3).
- Хлебников В. А. Птицы Астраханского края.— Ежегодник Астраханск. краеведч. музеев. Астрахань, 1930.
- Хозяйственно-статистическое обозрение Тульской губернии.— Журнал Мин-ва гос. имуществ, 1849, ч. 31.
- Холмогоров В. И. и Холмогоров Г. И. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII столетий. Вып. 2. Звенигородская десятина. М., 1882.
- Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963.
- Хорват Л. Краткий обзор охоты под Харьковом.— Природа и охота, 1887, ноябрь.
- Хохряков В. Х. Стрельная книга г. Пензы.— Сб. Пензенск. статистич. ком-та, вып. 4, Пенза, 1899.
- Хохряков В. Х. Открытие, упразднение и восстановление Пензенской губернии.— Юбилейный сборник Пензенск. статистич. ком-та, вып. 5. Пенза, 1901.
- Храневич В. Нарис фауни Поділля. Вінниця, 1925. Вінницька філія всенародньої б-ки України. Кабінет виучування Поділля, вып. 7.

- Цалкин В. И. Об аборигенном оледе Западной Белоруссии.— Докл. АН СССР, 1951, т. 77, № 3.
- Цалкин В. И. Фауна из раскопок в Гродно.— В кн.: «Вороник Н. Н. Древнее Гродно». М., 1954. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 41.)
- Цалкин В. И. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. М., 1962. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 107.)
- Цалкин В. И. К истории млекопитающих восточноевропейской лесостепи.— Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы, отд. биол. 1963, т. 68, № 2.
- Царственная книга, то есть летописец царствования царя Иоанна Васильевича от 7042 году до 7061. СПб., 1769.
- Цееб Я. Я. Животный мир Орловской области. Орел, 1951.
- Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хоз.-статистич. этнографич. и промышленном отношении. Уфа, 1859.
- Черменский П. Н. Город Лебединь и его уезд в XVII в. СПб., 1913.
- Чернай А. В. Фауна Харьковской губернии и прилежащих к ней мест. Вып. 2. Фауна млекопитающих и птиц. Харьков, 1853.
- Черныченко Ю. Целинная дорога.— Новый мир. 1964, № 1.
- Чернышев В. Промышленность в Пинежском уезде Архангельской губ.— Промышленность, кн. 14, СПб., 1862.
- Чернявский В. Описание Запорожской Сечи. Сочинено 1786 год.— В кн.: «История о казаках запорожских». Одесса, 1852.
- Черниковский Н. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губ.— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1843, ч. 2.
- Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882.
- Чижов М. П. Украинский лесостеп. Физ.-геогр. нарис. Київ, 1961.
- Чиркин Г. Ф. Историко-экономические предпосылки колонизации Севера.— В кн.: «Очерки по истории колонизации Севера», вып. 1. Пг., 1922.
- Шайжин Н. Старая Пудоба с XIV по XVIII век.— В кн.: «Памятная книжка Олонечкой губ. на 1906 г.». Петрозаводск, 1906.
- Шайноха К. Ядвига и Ягайло. Перев. со 2-го польского изд. Т. 2. СПб.—Москва, 1882.
- Шарлемань М. В. Мамалогічні замітки.— Труды фізично-математ. в дділу. Укр. акад. наук, т. 6, вып. 3. Київ, 1928.
- Шарлемань М. В. Материалы до фауны звірів та птахів в Чернігівській області. Київ, 1936.
- Шафонский А. Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малья России..., Киев, 1851.
- Шварц С. С., Павлинин В. Н., Данилов Н. Н. Животный мир Урала. Свердловск, 1951.
- Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. I. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949.
- Шестаков А. Заметки южнорусского охотника.— Журнал охоты и коннозаводства, 1872.
- Шершеневич В. Л. Охота в Херсонской губ.— Природа и охота, 1882, август.
- Шидловский Ю. Записки о Кизляре.— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1843, ч. 4.
- Ширянкин Л. Обдорская ярмарка.— Журнал охоты, отд. «Смесь», 1877, июль.
- Шликевич А. И. Материалы для оценки земельных угодий, собранные Черниговским статистическим отд. при губернской земской управе, т. 111. Глуховский уезд. Чернигов, 1884.
- Шлицин В. П. Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря, ч. 2. Великий Устюг, 1913.
- Шостакович Б. Промыслы Нарымского края.— Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва, кн. 4. Омск, 1882.
- Штукенберг И. Ф. Статистические труды. Описание Тверской губернии.— СПб., 1858.
- Шумаков С. Сотницы (1537—1599 гг.). Грамоты (1561—1696 гг.). М., 1902.
- Шумаков С. А. Обзор «грамот коллегии экономии». Вып. 3. Береза, Волоколамск, Дмитров и Звенигород.— Чтения в Об-ве истории и древностей российских, кн. 3. М., 1912.
- Шумаков С. А. Обзор «грамот коллегии экономии». Вып. 4. Кострома «с товарищи» и Переславль-Залесский. М., 1917.
- Шунков В. И. Очерки по истории земледелия в Сибири (XVII в.). М., Изд-во АН СССР, 1956.
- Шустов А. Описание южной части Уральского казачьего войска.— Уральские войсковые ведомости, 1871, № 13 (отд. неофф.).
- Щепотьев В. П. Отд. «Смесь». Журнал охоты. 1875, № 5.
- Щепотьев В. Заметки о птицах Рязанской губернии Спасского уезда.— Природа и охота, 1879, ноябрь.

- Щербина М. Л. Дневник наблюдений над пернатыми (1913—1914—1915 гг.).— Птицеведение и птицеводство. 1916, вып. 3.
- Щербина М. Материалы до вивчення орнітофауни Волин.— Природа и охота. Харьков, 1926.
- Щукин Н. Минусинский округ.— Журнал Мин-ва внутр. дел, 1856, ч. 18, май.
- Юдиш Б. С. Результаты выпуска выхухольи в Томской области и возможности искусственного расширения ее ареала в Западной Сибири.— В кн.: «Акклиматизация животных в СССР». (Материалы конференции.) Алма-Ата, 1963.
- Юргенс. Военно-статистическое описание Смоленской, Тверской и Калужской губерний. Смоленск, 1894.
- Юрьев Д. Топографическое описание Северного Урала, исследованного Уральскою экспедицией в 1847—48 гг. СПб., 1852.
- Юрлов К. Т. Северный олень в Западно-Сибирской низменности.— Природа, 1958, № 12.
- Юрлов К. Т. Материалы по экологии белой куропатки и тетерева в Барабе и Кулуде.— Труды Биол. ин-та Сиб. отделения АН СССР, вып. 6. Новосибирск, 1960.
- Юрлов К. Т. Некоторые закономерности размещения лоса по ландшафтам юга Западно-Сибирской низменности.— В кн.: «Зоогеография суши». (Тезисы третьего Всесоюзного совещания по зоогеографии суши.) Ташкент, 1963.
- Эварницкий Д. И. Запорожье в остатках старины и преданиях народа. СПб., 1888.
- Эварницкий Д. И. Вольности запорожских казаков. СПб., 1890.
- Эварницкий Д. И. Источники для истории запорожских казаков, т. 2. Владимир, 1903.
- Эверсманн Э. Путешествие из Казани по разным местам Оренбургской и Астраханской губ. и по берегам Каспийского моря в 1829 году.— Каванский вестник, 1830—1831, чч. 28—34.
- Эверсманн Э. А. Естественная история Оренбургского края, ч. 2. Естественная история млекопитающих животных. Казань, 1850.
- Яблоцкий П. Очерки охоты в Минусинском округе Енисейской губернии.— Природа и охота, 1891, № 8, № 12.
- Явлевский И. О приморской и степной охоте в Астраханской губернии.— Журнал охоты, 1875, № 2.
- Ядричев Н. М. Сибирь, как колония. СПб., 1882.
- Язан Ю. П. Откуда грозит опасность лосям? — Природа, 1961, № 11.
- Яковлев В. Е. Материалы для естественной истории Саратовского края.— Саратовские губ. ведомости, 1860, № 42 (часть неоффиц.).
- Яковлев В. Е. Список птиц, встречающихся в Астраханской губернии.— Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou, 1873, № 4.
- Якубовский А. Ю. Средняя Азия в IX — первой четверти XIII в.— В кн.: «Очерки истории СССР. IX — XV вв.», ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1953.
- Янтемир М. Н. Описание Марийской области, вып. I. Краснококшайский кантон. Краснококшайск, 1926.
- Янтемир М. Н. Описание Марийской области, вып. 6. Оршанский кантон. Краснококшайск, 1927.
- Янушевич А. И., Благовещенский Н. И. Промысловые звери и птицы Западной Сибири. Новосибирск, 1952.
- Ярошенко М. Ф., Галя И. М., Вальковская О. И., Набережный А. И. К вопросу об экологии и промысловом значении некоторых рыб Днестра.— Изв. Молдавск. филиала АН СССР, 1951, № 1 (4).
- Анджеиовский А. Rys botaniczny krajin zwiedzonych w podrózach pomiędzy Bohemi i Dunajem od Zbruczy aż do morza Czarnego w latach 1814, 1816, 1818, 1822. Wilno, 1823.
- Antonius O. On the geographical distribution, in former times and to-day, of the recent Equidae. — Proc. Zool. Soc. London, Ser. B, 1938, v. 107.
- Artzibascheff N. Excursions et observations ornithologiques sur les bords de la Sarpa en 1858.— Bull. Soc. naturalistes Moscou, 1859, N 3.
- Balov E. K. Príspevok k poznaniu veku a rastu pstruha (Salmo trutta labrax morpha fario) v Hnilskej Udolney nadzi.— Biologia, Bratislava, 1959, Roc. 14, N 11.
- Beauplan G. Description d'Ukraine qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne. Rouen, 1660.
- Belke G. Esquisse de l'histoire naturelle du Kamienietz-Podolski.— Bull. Soc. naturalistes Moscou, 1859, N 1.
- Belke G. Notice sur l'histoire naturelle du district de Radomysl (Gouvernement der Kief).— Bull. Soc. naturalistes Moscou, 1866, t. 39, N 1.
- Broniovi Martinus de Biedzdzedeu, Ad Tartarum Legati. Tartaria.— В кн.: Russia seu Moscovia itemque Tartaria. Ex officina Elzeviriana, 1630.
- Clarke E. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Pt. 1. Russia, Tartary and Turkey. Cambridge, 1810.

- Cromeri M. Polonia. Krakow, 1901.
- Czacki T. O litewskich i polskich prawach. Krakow, 1861.
- Czernay A. Beiträge zur Fauna des Charkowchen und der anliegenden Gouvernements.— Bull. Soc. naturalistes Moscou, 1850, N 2.
- Dyamentowsky W. Dyarusz Wacława Dyamentowskiego.— В кн.: Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII. Wydal A. Hirschberg, Lwow, 1901.
- Eichwald E. Naturhistorische Skizze von Lithauen, Volhynien und Podolien. Wilna, 1830.
- Eversmann E. Mitteilungen über einige neue und einige weniger gekannte Sägetiere Russlands.— Bull. Soc. naturalistes Moscou, 1840, N 1.
- Eversmann E. Kurze Bemerkungen über das Vorkommen und die Verbreitung einiger Säugetiere und Vögel in den Volgo-Uralischen Gegenden und den Steppen der Kirgisen jenseit des Uralflusses.— Nouveaux Mém. Soc. naturalistes Moscou, 1855, t. 10 (16).
- Falk J. Beiträge zur topographischer Kenntniß des Russischen Reichs, Bd. 3. St.-Pb., 1786.
- Fischer J. L. Versuch einer Naturgeschichte von Livland. Leipzig, 1778.
- Gentz K. Geschützte, jagdbare und ungeschützte Vögel.— Falke, 1961, N 12.
- Gmelin J. G. Animalium quorundam quadrupedum descriptio.— Novi commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae, t. 5. Petropoli, 1760.
- Gmelin S. G. Reise durch Rußland, Teil 4. St.-Pb., 1784.
- Goebel H. Vögel des Kreises Uman, Gouvernement Kiew.— Beiträge zur Kenntniß des Russischen Reiches. 2-te Folge, Bd. 2, St.-Pb., 1879.
- [Gordon P.] Tagebuch des Generals Patrick Gordon, Bd. 2. St.-Pb., 1852.
- Güldenstädt J. A. Reisen durch Rußland und im Caucasischen Gebirge. Teil 1—2. St.-Pb., 1787—1791.
- Helmersen G. Reise nach dem Ural und der Kirgisensteppe in den Jahren 1833 und 1835. Erste Abteilung.— Beiträge zur Kenntniß des Russischen Reiches, Bd. 5—6, St.-Pb., 1841.
- Hermann C. Th. Données statistiques sur la chasse en Russie.— Mém. Acad. imp. sci. St.—Peterbourg. Ser. 3, t. 5, St.-Pb., 1815.
- Johansen H. Die Vogelfauna Westsibiriens. Ordnung Otides.— J. Ornithol., 1961, Bd. 102, H. 3.
- Huxley J. Morphism in birds. Acta XI Congr. internat. ornithol., Basel und Stuttgart, 1955.
- Jarocki F. P. Pisma rozmaite. t. 2. Warszawa, 1830.
- Junker G. Fr. W. Von der natürlichen Beschaffenheit der Gegenden zwischen den Flüssen Don und Dniepr.— Sammlung Russischer Geschichte, Bd. 9. St.-Pb., 1764.
- Kaleniczenko M. J. Series animalium a defuncto prof. Joan Krynicky in itinere annis 1836—1838 ad Caucasum et Tauriden etc.— Bull. Soc. imp. naturalistes Moscou. 1839, N 2.
- Karelina G. Lettres sur son voyage scientifique, datées de Semipalatinsk, Boukhtarma et Oust-Kamenogorsk.— Bull. Soc. naturalistes Moscou, 1840, N 4.
- Kessler K. Zur Ichthyologie des südwestlichen Russlands.— Bull. Soc. naturalistes Moscou, 1856, N 2.
- Ladziński A., Sladek J. Prispěvek k poznání ekologického rozšíření a početnosti jariabka na Clovensku.— Lesnický časop., 1961, R. 7, číslo 3.
- Lindahl K. C. A note on the Moose in Sweden.— La terre et la vie. 1961, N 1.
- Litvani M. De moribus Tartarorum, Litvanorum et Moscorum. Fragmenta decem. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Десять отрывков разнообразного исторического содержания из сочинений М. Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян». Кн. 2, половина 2. М., 1854.
- Meyendorff G. Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820. Rédigé par M. le baron George de Meyendorff. Paris, 1826.
- Nazarow P. S. Recherches zoologiques des steppes des Kirguiz.— Bull. Soc. naturalistes Moscou, 1886, t. 62, N 4, 1887.
- Nordmann A. Observations sur la faune pontique.— В кн. «Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée, par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie exécuté en 1837 par A. de Demidoff», t. 3. Paris, 1840.
- Nöschel A. Bemerkungen über die naturhistorischen, insbesondere die geognostisch-hydrographischen Verhältnisse der Steppe zwischen den Flüssen Or und Turgai, Kumak und Syr-Daria. Mit einem Vorwort und Bemerkungen von G. Helmersen.— Beiträge zur Kenntniß des Russischen Reiches. Bd. 18. St.-Pb., 1856.
- Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in den südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, Bd. 1, 1799; Bd. 2, 1801.
- Pallas P. S. Zoographia Rosso-Asiatica. Petropoli, 1831 (На обл. 1811).
- Palm V. Ehemalige Reviere der Großtrappe (Otis tarda) in Deutschland.— Ornithol. Mitt., 1957, N 10.
- Peyssonnel. Observations sur la commerce de la mer Noire et de pays, qui la bordent. Paris, 1787.

- Potocki J. Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase. Ouvrages publiés et accompagnés de notes et de tables par m. Klaproth, t. 2. Paris, 1829.
- [Pretwicz B. J.] Bernard Pretwicz i jego apologia na sejmie 1550.— Biblioteka warszawska, t. 3. Warszawa, 1866.
- Przedziecki A. Podole, Wolyn, Ukraina. Obrazy miejsc i czasow, t. 2. Wilno, 1841.
- Przedziecki A. Bilder aus Podolien, Wolynien und der Ukraine.— Arch. wiss. Kunde vom Rußland, Bd. 4, H. 1, Berlin, 1845.
- Rzeczyński G. Auctuarium historiae naturalis curiosae Regni Poloniae, magni ducatus Lithuaniae, annexarumque provinciarum. Gedani, 1745.
- Schober G. Beschreibung des St. Peters-Bades bei Terki.— Sammlung Russischer Geschichte, Bd. 4, St.-Pb., 1760.
- Stolzmann J. Matériaux pour l'histoire naturelle et pour l'histoire du Bison d'Europe.— Prace zool. Polsk. panstwowego museum przyrodniczego, 1923—1924, t. 2. Warszawa, 1924.
- Tyzenhauz K. Ornithologia powszechna, czyli opisanie ptaków wszystkich części świata, t. 1—3. Wilno, 1842—1846.
- Zarnecki St. Losoś (*Salmo salar*) i troć (*Salmo trutta*) w aspekcie ewolucyjnym.— Kosmos, Ser. A. Biologia, 1961, zes. 5 (52).
- Zawadzki A. Fauna der galizisch-bucowinischen Wirbeltiere. Stuttgrat, 1840.
- Zerrenner C. Erdkunde des Gouvernements Perm. Leipzig, 1851—53.

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ

Рыбы

- Белорыбца 44, 45, 50, 54, 124, 143, 162, 270—272
Белуга 35, 44, 58, 69, 76, 124, 135, 141, 257
Вырезуб 38, 122, 162
Кумжа 35, 258, 259, 260
Лосось (балтийский и семга) 7, 8, 9, 16, 19, 35, 36, 49, 256, 258—261, 316
Лосось каспийский 45, 58, 124, 129, 142, 143, 162, 177, 262—264, 268, 269, 316
Лосось черноморский 261, 262, 267—269
Нельма 184, 247
Осетр балтийский 28, 35, 38
Осетр русский 28, 35, 37, 38, 44, 45, 54, 58, 69, 76, 94, 135, 142, 143, 162, 205, 257, 258, 314
Осетр сибирский 247, 254
Севрюга 124, 141, 258
Стерлядь 35, 44, 45, 50, 54, 125, 135, 162, 184, 254, 258, 314
Таймень 162, 184, 254
Угорь 49, 50
Форель (пеструшка) 36, 38, 129, 162, 177, 180, 260, 262—270, 314, 316
Шип 19, 44

Птицы

- Аист (без указания вида) 96, 113, 146, 189
Аист белый 190
Аист черный 183, 190
Баклан (без указания вида) 96, 128, 192
Баклан большой 190
Баклан малый 190
Беркут 128, 141, 176, 200, 229
Водолавающая дичь (утки и гуси, без указания видов) 8, 44, 52, 58, 80, 141, 162, 168, 183, 222, 229, 231, 284, 286, 287
Глухарь обыкновенный 5, 10, 16, 22, 30, 35, 37, 53, 62, 66, 72, 73, 87, 88, 90, 91, 102, 118, 120, 121, 131, 140—142, 162, 169, 171, 180, 185, 207, 208, 231, 273, 275, 276, 311, 312, 317
Глухарь каменный 239
Гоголь 24, 183
Гуменщик лесной 240
Гуси (без указания вида) 8, 63, 100, 102, 103, 141, 274
Гусь белолобый большой 189, 210, 240

- Гусь белолобый малый (пискулька) 210
Гусь белый 189, 210, 239—241, 286—289, 313
Гусь серый 120, 141, 149, 179
Джек 193
Дрофа 35, 40, 62, 72, 89, 91, 96, 98, 102, 103, 106, 107, 113, 119, 122, 126, 129, 134, 141, 142, 146, 149, 176, 179, 183, 185, 190, 192, 193, 204, 208, 229, 230, 253—255, 273, 280—281, 312, 314
Журавли (без указания вида) 98, 113, 273
Журавль белый (стерх) 160, 162, 183, 189, 190, 193—195, 205, 221, 229, 239—241, 281—285
Журавль серый 44, 183, 190
Журавль степной (красавка) 107, 149, 189, 190, 208, 230
Казарка краснозобая 189, 190, 194, 210
Казарка черная (немок) 240, 274
Каменушка 274
Каравайка 147, 189, 190, 192
Кеклик 189
Коллица 96, 146, 147, 183, 189, 190, 192, 205
Кречет 13, 63, 183, 184, 318
Кречетка 311, 313
Кроншнеп (без указания вида) 98, 103, 126
Кроншнеп большой 106, 143, 311, 313
Кроншнеп средний 31
Куропатка белая 8, 10, 20, 35, 62, 183, 204, 230, 231, 278, 279, 313, 314
Куропатка серая 204, 311, 312, 314
Лебеди (без указания вида) 82, 83, 96, 100, 102, 107, 110, 113, 124, 128, 146, 189, 192, 205, 210
Лебедь кликун 190
Лебедь шугун 189, 190
Морянка 239, 274
Огарь (красная утка, красная гагарка) 128, 146, 147, 183, 189, 190, 192, 194
Орлы (без указания вида) 113
Орел степной 103, 106, 141
Поганка 189, 190, 229
Пеликан (без указания вида) 96, 100, 113, 128, 189, 192, 194, 229
Перешел 116, 127
Рябчик 10, 16, 19, 20, 22, 35, 44, 62, 72, 73, 88, 90, 91, 119, 128, 185, 239, 276, 277, 311, 317
Саджа 190

Сокол (сапсан) 44
Стрепет 31, 35, 49, 62, 89—91, 98, 102, 103, 106, 107, 113, 119, 120, 126, 127, 129—131, 141—143, 149, 162, 176, 185, 190, 192—194, 204, 208, 229, 230, 273, 279, 280, 311—313
Султанка 189
Тетерев 10, 20, 22, 43, 44, 53, 62, 72, 88—90, 96, 99, 103, 106, 113, 119, 121, 146, 143, 147, 169, 183, 184, 192, 193, 204, 230, 231, 239, 273, 277, 278
Тиркушка луговая 107, 311, 313
Тиркушка степная 107
Турпан 183
Турпан горбоносый 274
Фазан 146, 147, 149, 180, 190, 192, 193, 205, 208
Фламинго (красный гусь) 189, 190, 192, 193, 205, 273
Цапля белая большая 189, 190, 192
Цапля белая малая 189, 190
Цапля рыжая 189.

Млекопитающие

Байбак (сурок степной) 63, 64, 66, 80, 87, 91, 94, 96, 98, 103, 105, 107, 118, 120, 122, 126, 129—131, 139, 142, 143, 147, 176, 179, 180, 185, 190—192, 201, 207, 208, 229, 230, 304, 305, 311, 313
Баран горный (архар, аргали) 203, 228, 254
Баран снежный 237, 249
Барсук 24, 28, 96, 102, 127
Белка 12, 13, 16, 19, 20, 22, 24, 25, 28, 31, 43, 58, 60, 65, 72, 73, 100, 139, 152—155, 161, 162, 165, 167, 170, 180, 183—185, 210, 211, 215—223, 228, 229, 237, 239, 244, 246, 249, 251—255, 310, 312, 313, 315—317.
Бобр 12, 13, 15, 16, 18, 24—26, 28, 30, 34, 35, 37, 38, 42, 43, 49, 52, 57, 58, 60, 63, 65, 68, 71, 73—77, 87, 90, 100, 102, 103, 110—112, 118, 122, 124, 128, 135, 139, 142, 143, 146, 147, 149, 152—156, 160, 162, 163, 165, 167, 173, 176, 179, 182, 190, 196, 200, 201, 210, 211, 215—225, 228, 234—236, 241, 244—249, 252, 253, 304—307, 311, 312, 314, 318
Бурундук 60, 157, 313
Волк 8, 15, 20, 21, 24, 28, 32, 36, 51, 60, 65, 86, 87, 96, 97, 105, 107, 112, 127, 140, 146, 149, 152—155, 161, 171, 183, 200, 206, 208, 211, 216, 221, 237, 244, 246, 247, 249, 254, 291, 313
Выдра 20, 24, 28, 30, 43, 60, 63, 87, 96, 102, 112, 127, 135, 146, 149, 153—155, 163, 164, 167, 176, 179, 190, 205, 210, 211, 216—222, 228, 244—247, 253
Выхухоль 54, 63, 66, 121, 122, 128, 191, 193, 194, 200, 201, 222, 290, 315
Горностай 8, 15, 16, 20, 28, 31, 60, 102, 152—155, 200, 211, 216—219, 221, 222, 225, 228, 234, 236, 237, 245, 247—250
Цереп 254
Зайцы (без указания вида) 98, 115, 127, 176
Заяц беляк 8, 16, 20, 53, 65, 73, 90, 118, 131, 161, 170, 171, 180, 210, 235, 245, 309.
Защ. русак 21, 65, 87, 90, 96, 107, 131, 146, 162, 171, 231, 308, 309, 311, 312, 314.

Зубр 6, 24, 27, 69, 70, 76, 79, 80, 94, 97, 110, 112, 113, 116, 135, 137, 313
Ирбис 200
Кабан 24, 29, 30, 31, 32, 34, 37, 43, 48, 52—54, 69, 70, 72, 73, 79, 82, 84, 90, 94, 96, 97, 99, 100, 102, 107, 110—112, 117, 121, 138, 146, 149, 176, 183, 185, 189—191, 194, 204—206, 228, 229, 254
Кабарга 221, 249
Калан (морской бобр) 250, 251, 313
Кидус (номень соболя и лесной куницы) 221
Киты (без указания вида) 7, 8, 236
Колоннок 167, 222, 250, 251
Конь дикий (тарпан и лошадь Пржевальского) 27, 76, 77, 83, 94, 96—99, 102—107, 116, 135, 138, 139, 142, 147, 190, 193, 201, 202, 205, 208, 228, 253, 304, 311, 312
Корсак 140, 190, 196, 200, 208, 219, 220, 225, 228, 229, 254, 291, 292, 312
Косуля 15, 18, 24, 28—31, 33, 36—38, 49, 52—54, 60, 62, 69, 71, 73, 80, 82, 85, 90, 91, 96, 97, 99, 102, 103, 110—112, 116, 120, 121, 135, 137, 138, 142, 146, 161, 170, 178, 180, 183—185, 189, 195, 228, 231, 249, 252—255, 302, 303, 312
Кошки дикие (без указания вида) 146, 147, 189
Кошка лесная 26, 28, 96, 149
Кошка степная 200
Куницы (без указания вида) 200, 215, 217—219, 221, 222, 225, 228, 244, 246, 247
Куница каменная 297, 298
Куница лесная 15, 16, 20, 22, 24—26, 29, 57, 58, 60, 65, 77, 102, 148, 149, 152—156, 158, 161—165, 167, 171, 173, 176, 180—185, 231, 312
Ласка 15, 28
Лисица 8, 9, 15, 16, 20, 24, 28, 31, 60, 87, 96, 112, 115, 127, 146, 148, 153, 155, 173, 176, 196, 200, 211, 212, 215—222, 225, 226, 234, 236, 237, 244—250, 254, 312, 313, 315, 317, 318
Лось (сохатый) 5, 9, 16, 19, 21, 24, 27—31, 33, 36, 37, 42, 43, 48, 51—53, 58, 60, 61, 65—66, 69—73, 79, 80, 82—84, 90, 91, 94, 107, 110—112, 116, 120, 121, 127, 131, 134, 138, 143, 146, 147, 149, 152—155, 158, 161, 162, 165, 167, 169, 170, 178, 180, 183, 184, 195, 200, 203, 204, 211, 212, 216, 219, 221—223, 228—231, 237, 238, 240, 245, 249, 251, 254, 255, 298—302, 310, 313
Медведь белый 8, 245
Медведь бурый 8, 15, 20, 24, 27, 29—32, 36, 38, 47, 48, 51, 53, 60, 61, 65, 70, 71, 73, 86, 90, 94, 102, 110, 112, 117, 120, 121, 127, 131, 135, 140, 142, 147—149, 158, 161, 162, 165, 171, 176, 183, 184, 206, 208, 211, 219, 229, 230, 237, 246, 292—294, 314
Морж 7, 8, 236
Норка американская 316
Норка европейская 6, 20, 28, 60, 102, 146, 167, 182, 191, 200
Олени (без указания вида) 159, 160, 167, 168, 176, 184, 195, 254
Олень благородный (европейский, марал и изюбрь) 5, 24, 27, 31, 33, 52, 70, 76, 82—84, 94, 96, 97, 99, 102, 103, 105, 110, 112, 116, 134, 135, 137, 146—149, 152, 160, 161, 168, 170, 176, 189, 203, 204, 206.

207, 221, 228, 229, 249, 251, 253—255,
311, 312
Олень северный 8, 9, 16, 18, 20, 21, 34, 42,
49, 52, 61, 62, 153—155, 156, 160—162,
169, 210—212, 221—223, 234—237, 239—
241, 245—249, 251
Ондатра 212, 222, 223, 231, 314, 315
Осел диний (кулан и джигетай) 190, 193,
203, 205, 207, 208, 254
Перевяка 87, 102, 117, 118, 127, 146, 312
Песец 7—9, 152—155, 210—212, 216, 218,
220, 234—239, 245, 247, 292, 318
Росомаха 15, 20, 26, 32, 51, 61, 63, 71, 87,
100, 152, 153, 155, 161, 183, 210, 211,
216—219, 221, 222, 225, 228, 234, 237,
244—247, 249, 254, 298
Рысь 15, 29, 30, 31, 36, 65, 72, 73, 87, 112,
117, 161, 171, 200, 219, 244, 246, 254, 298,
299
Сайгак 80, 93, 94, 96, 97, 99, 104—106, 110,
138, 142, 146—149, 162, 189—191, 193—

195, 201, 202, 204—206, 228, 254, 262, 263,
310—312
Семоставка степная 313
Соболь 5, 7, 12, 13, 17, 20, 28, 28, 31, 32, 43,
60, 152—154, 161, 162, 164, 165, 182, 200,
209—211, 215—222, 228, 230, 233—247,
249—252, 254, 255, 294—297, 311, 317,
318
Сусляки (без указания вида) 98, 126,
143, 147
Сусляк большой 180, 312
Сусляк крапчатый 129, 312
Сусляк малый 312
Тигр 205, 206, 246, 254
Тур (первобытный бык) 24, 79
Тур кавказский 145
Хомляк 54, 73, 127, 313, 314
Хорь белый (степной) 54, 65, 200, 208
Хорь темный 15, 20, 28, 60, 311
Шакал 140, 191, 193
Як — 203

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Часть первая. Изменения природной среды и распространения охотничье-промысловых животных в XIV—XX вв.	7
Север Европейской территории СССР	7
Тундровый и лесотундровый Север	7
Таежный Север	10
Запад и северо-запад Европейской территории СССР	23
Центр Европейской территории СССР	39
Волжско-Камский край	55
Украина и Молдавия	67
Украинское Полесье	67
Украинская и Молдавская лесостепь	74
Степная Украина и Степная Молдавия	91
Среднерусская лесостепь	108
Лесостепное и степное Поволжье и дольские степи	123
Лесостепь	123
Поволжские и дольские степи	131
Предкавказье	144
Урал и Приуралье	150
Горнолесной Северный и Средний Урал и лесное западное и восточное Приуралье	150
Горнолесной Южный Урал и южная часть западного и восточного лесного Приуралья	163
Лесостепное Предуралье	172
Зауральская лесостепь	180
Северокаспийская низменность	186
Казахстан	195
Западная Сибирь	209
Зона тундры, лесотундра и северная окраина тайги	209
Лесная зона	212
Лесостепь и степная зона	223
Восточная Сибирь	232
Северо-Восточная Сибирь	233
Засиби́йская восточносибирская нагорная тайга, Прибайкалье и Камчатка	241
Восточносибирская лесостепь и даурские степи	253
Часть вторая. Исторические изменения ареалов и численности промысловых животных	256
Рыбы	256
Птицы	273
Промысловые звери	290
Заключение	310
Сокращения, принятые в книге	319
Литература	320
Указатель названий животных	345

Сергей Васильевич Кириков

Промысловые животные, природная среда и человек

Утверждено к печати Институтом географии Академии наук СССР

Редакторы издательства Мумриченко Т. А., Золотова Н. Б. Художник Шевцов Н. И.
Технический редактор Макоглова И. А.

Сдано в набор 29/IX 1965 г. Подписано к печати 8/1 1965 г. Формат 70×108³/₁₆. Печ. л. 21,75
Усл. печ. л. 29,05 Уч.-изд. л. 30,6 Тираж 1800 экз. Т-01716 Изд. № 312/05. Тип. зак. № 4072.
Цена 2 р. 11 к.

Издательство «Наука» Москва, К-62, Подсосенский пер. 21

2-я тип. издательства «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
304	5 св.	Poljak	Poljak
312	26 св.	ругмаевс	ругмаевс
340	26 св.	Фуне	Функс
341	36 св.	птахи	птахів
345	17 св. (столбец слева)	142	141
347	4 св. (столбец слева)	52, 61, 62	52, 62

С. В. Кириков